Эр 1 / 471

Гинс Г. К.
Сибирь, союзники
и Колчак т. 2. г. 2-3

Г. К. ГИНСЪ
G. Guins

СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ и КОЛЧАКЪ
Siberia, Allies and Koltchak

II

1921 ПЕКИНЪ

ИЗД. ОБЩЕСТВА ВОЗРОЖДЕНІЯ РОССІИ въ г. ХАРБИНѢ

ЭР1/471

Г. К. ГИНСЪ.

323.2 (57), 1918/20"

СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ И КОЛЧАКЪ.

1918-1920 г. г.

(Впечатлѣнія и мысли члена Омскаго Правительства).

ТОМЪ II.

Части II и III.

Библиотека ... 33585/8°
с. ф. № 464.

Верховный Правитель. Союзники. Заговорщики.
Побѣдители. Неизбѣжный конецъ.

1921 г.

Copyright—1 April 1920.

Авторское право

закрѣплено во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Издатель „Общество Возрожденія“ въ г. Харбинѣ.

ПЕКИНЪ.

Типо-литографія Русской Духовной Миссіи.

Глава XI.

Первые дни власти.

Сложны были события и отношенія, наполнявшія краткій періодъ исторіи Сибирскаго Правительства.

Время управленія адмирала Колчака съ внѣшней стороны кажется болѣе простымъ. Здѣсь нѣтъ ни борьбы областныхъ правительствъ, ни интригъ Областной Думы, ни историческихъ совѣщаній по созданію власти.

Но внутренне этотъ періодъ много сложнѣе. До 18 ноября всѣ событія носили мѣстный, сибирскій колоритъ; послѣ переворота они стали общегосударственными. Только въ этотъ періодъ сказывается на всѣхъ событіяхъ рѣшающее значеніе *интервенціи.* Взаимоотношенія Омскаго Правительства съ союзниками, на фонѣ взаимоотношеній самихъ союзниковъ—это одинъ изъ основныхъ факторовъ трагической исторіи адмирала Колчака.

Россійскій характеръ власти съ претензіями на представительство интересовъ всей Россіи, въ связи съ признаніемъ адмирала, какъ Верховнаго Правителя, генералами Деникинымъ, Юденичемъ и Миллеромъ, сдѣлали Омскъ центромъ, опредѣлявшимъ направленіе общей политики національныхъ антибольшевистскихъ силъ.

Характеристика важнѣйшихъ мѣропріятій Омскаго Правительства выявляетъ поэтому политическую физіономію всего антибольшевистскаго движенія этого періода.

Такимъ образомъ, при большей внѣшней простотѣ, внутренняя исторія періода Верховнаго Правителя гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ исторія Сибирскаго Правительства.

Съ 18 ноября я отошелъ отъ ближайшаго участія въ работѣ Правительства. Въ качествѣ товарища сначала министра народнаго просвѣщенія, потомъ—иностранныхъ дѣлъ, а съ апрѣля 1919 г.—въ качествѣ Предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, я, въ соотвѣтствіи съ своимъ желаніемъ отойти отъ активной роли, занималъ второстепенное мѣсто въ

Правительствѣ. Такъ продолжалось до 15 августа, когда, не удовлетворенный политикою министровъ Тельберга, Михайлова и Сукина и пользуясь поддержкой Совѣта министровъ, я рѣшилъ вернуться на прежнее мѣсто управляющаго дѣлами.

Мнѣ ничего не удалось сдѣлать. И, хотя относительно важнѣйшаго періода власти адмирала я могу говорить съ объективностью, по существу, неотвѣтственнаго зрителя, но я отлично сознаю, что моя близость къ событіямъ мѣшаетъ мнѣ претендовать на роль историка, даже для этого періода, и я не буду смотрѣть на свою работу иначе, какъ на связный дневникъ, какъ на запасы впечатлѣній человѣка, который пишетъ не для того, чтобы кого-либо оправдать, или, тѣмъ болѣе, кого-либо очернить, а только для того, чтобы помочь болѣе объективнымъ судьямъ уяснить себѣ ходъ событій, чтобы раскрыть для нихъ нѣкоторыя подробности, извѣстныя только участникамъ,но оказавшія рѣшающее вліяніе на общее положеніе власти. Кто знаетъ, не понадобятся ли Россійскому правительству въ будущемъ нѣкоторыя указанія хотя бы отрицательнаго опыта? Интересенъ и важенъ практически отчетъ не только объ удачливыхъ, но и о несчастныхъ попыткахъ. А, можетъ быть, кое-что окажется заслуживающимъ и подражанія.

Что было необходимо для успѣха начатаго въ Сибири движенія на совѣтскую Россію, я указалъ раньше (конецъ главы II): единеніе всѣхъ противобольшевистски настроенныхъ силъ, помощь союзниковъ, вѣрность своимъ обязательствамъ чеховъ, внутреннее спокойствіе въ тылу, быстрота наступленія.

Почти ни одного изъ этихъ условій не было на лицо. Съ самаго момента избранія адмирала Верховнымъ Правителемъ, уклоняется отъ участія въ борьбѣ съ большевиками вся эсеровская братія. Вмѣсто содѣйствія адмиралу, она противодѣйствуетъ его успѣхамъ: разлагаетъ агитаціей армію, содѣйствуетъ дальнѣйшей деморализаціи чеховъ, возбуждаетъ противъ власти земства и кооперацію, наконецъ, подготовляетъ заговоръ, который губитъ, вмѣстѣ съ Правительствомъ, и эсеровъ.

Помощь союзниковъ становится очень существенною и значительной. Она поддерживаетъ борьбу, но она оказывается настолько безсистемной, проникнута такою нерѣшительностью, что ея отрицательныя стороны парализуютъ положительныя. Вѣрность чеховъ оказалась такою, что, въ память ихъ обезславленнаго теперь похода, Сибирь воздвигнетъ когда-нибудь монументъ, но только надпись на немъ будетъ обратная той, которая начертана подъ Люцернскимъ львомъ.

Въ результатѣ, ни спокойствія въ тылу ни быстроты успѣховъ не оказалось. Затяжка привела къ возрожденію большевистскихъ настроеній въ Сибири.

Они не были изжиты. Борьба началась въ Сибири раньше, чѣмъ населеніе успѣло проникнуться ненавистью къ большевикамъ, и, чѣмъ больше она затягивалась, тѣмъ больше нарастало сомнѣніе: да нужна ли эта война? „Большевизмъ", какъ революціонное настроеніе, укрѣплялся, жажда коренного измѣненія строя оставалась неудовлетворенной. Вынужденный войною суровый административный режимъ, при отсутствіи творчества въ дѣлѣ устройства хозяйственной жизни страны, вооружилъ противъ власти тѣхъ, кто раньше готовъ былъ ее поддерживать. Среди офицерства, какъ и среди солдатъ, проявлялось утомленіе войною, недовольство начальствомъ, генералитетомъ, штабами. Городское мѣщанство и мелкое купечество, наблюдая, вмѣсто расширенія оборотовъ, застой въ дѣлахъ, начинало думать, что будетъ лучше, когда окончится война, и торговля станетъ всероссійской. Даже духовенство и то кое-гдѣ начинало подумывать объ окончаніи гражданской войны: тогда ему не придется произносить политическихъ проповѣдей и служить „политическихъ" молебновъ. Создавалось настроеніе, въ которомъ сочувствіе склонялось на сторону тѣхъ, кто побѣждаетъ. Побѣждающими же въ серединѣ 1919 г. оказались большевики.

Годъ пребыванія адмирала Колчака у власти дѣлится, такимъ образомъ, на *два* существенно отличныхъ періода. Первый—это время успѣховъ, когда адмирала называли русскимъ Вашингтономъ, когда Парижъ и Лондонъ слали ему привѣтствія, и когда имя его, какъ спасителя Россіи, становилось именемъ національнаго героя. Весною начинается переломъ военнаго счастья. Съ іюля положеніе на фронтѣ становится грознымъ, всеобщее утомленіе войною овладѣваетъ населеніемъ, начинается всеобщее недовольство, популярность адмирала сразу падаетъ, и назрѣваетъ общая катастрофа.

Отношеніе Сибири къ перевороту.

Переворотъ 18 ноября прошелъ не вполнѣ гладко, но, въ общемъ, былъ принятъ спокойнѣе, чѣмъ можно было думать. Въ Омскѣ онъ вызвалъ нѣкоторое волненіе умовъ, но оно скоро улеглось.

Помню, въ день избранія Колчака я встрѣтился съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ по коопераціи.

— Неужели *диктатора избрали*? спросилъ онъ, почти блѣдный.

— Не бойтесь, не такъ страшно, успокоилъ я его.

Въ этотъ день ожидались выступленія. Въ городѣ въ это время уже расквартированъ былъ англійскій отрядъ, во главѣ съ тѣмъ самымъ полковникомъ Воордъ, который, проѣзжая по Сибири, стыдилъ русскихъ за упадокъ ихъ національныхъ чувствъ и дисциплины. Присутствіе этихъ войскъ вліяло успокаивающе на возбужденные умы.

Протестующіе голоса раздались лишь на окраинахъ.

Съ запада протестовали „учредиловцы" и чехи, съ юга, изъ Семипалатинска—атаманъ Анненковъ, съ востока очень быстро пришло привѣтствіе ген. Хорвата, но вслѣдъ за нимъ—протестъ Семенова. Нѣкоторыя сомнѣнія, впрочемъ, очень осторожно, выразилъ отъ имени Оренбургскаго и Уральскаго казачествъ атаманъ Дутовъ.

Протестъ эсеровъ.

Первою пришла протестующая телеграмма изъ Уфы на имя Вологодскаго:

„Узнавъ о государственномъ переворотѣ въ Омскѣ, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами заявляетъ: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссійское Правительство и Учредительное Собраніе, никогда имъ не будетъ признана. Противъ реакціонныхъ бандъ красильниковцевъ и анненковцевъ Совѣтъ готовъ выслать свои добровольческія части. Не желая создавать новаго фронта междоусобной войны, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами предлагаетъ вамъ немедленно освободить арестованныхъ членовъ Правительства, объявить врагами родины и заключить подъ стражу виновниковъ переворота, объявить населенію и арміи о возстановленіи правъ Всероссійскаго Временнаго Правительства. Если наше предложеніе не будетъ принято, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами объявитъ васъ врагомъ народа, доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ и предложитъ всѣмъ областнымъ правительствамъ активно выступить противъ реакціонной диктатуры въ защиту Учредительнаго Собранія, выдѣливъ необходимыя силы для подавленія преступнаго мятежа. Подписали: предсѣдатель Совѣта В. Филипповскій, члены: П. Климушкинъ, Нестеровъ, Веденяпинъ."

Въ копіяхъ эта телеграмма была направлена: „Екатеринбургъ—Съѣзду Всеучредительнаго Собранія, Чехосовѣту, Оренбургъ—Вой-

сковому Кругу и Войсковому Правительству, Уральскъ—Войсковому Кругу и Войсковому Правительству, Правительству Башкиріи, Семипалатинскъ—Правительству Алашъ-Орды."

Откликъ чеховъ.

Не замедлили высказать свое авторитетное мнѣніе по поводу переворота и чехи.

Въ екатеринбургскихъ газетахъ отъ 22 ноября опубликовано было заявленіе чехо-словацкаго Національнаго Совѣта, въ которомъ говорится, между прочимъ:

„Такъ продолжаться дальше не можетъ.

Чехо-словацкій Національный Совѣтъ (отдѣленіе въ Россіи) надѣется, что кризисъ власти, созданный арестомъ членовъ Всероссійскаго Временнаго Правительства, будетъ разрѣшенъ законнымъ путемъ, и потому считаетъ кризисъ незаконченнымъ."

Это заявленіе подписано Потейдлемъ и Слободой.

Заявленіе мотивировано тѣмъ, что переворотъ 18 ноября, во-первыхъ, противорѣчитъ идеаламъ свободы и народоправства и, во-вторыхъ, нарушилъ начало законности, которое должно быть положено въ основу всякаго государства.

Тонъ чешскаго заявленія вызвалъ горячую отповѣдь со стороны національной печати. „Отечественныя Вѣдомости" (московскія „Русскія Вѣдомости", перебравшіяся въ Екатеринбургъ) указали чехамъ всю неумѣстность ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. „Сибирскій Стрѣлокъ" въ Челябинскѣ, органъ дѣйствовавшей арміи, писалъ такъ:

„Относительно заявленія г. г. Потейдля и Слобода можемъ сказать, что братья должны оставаться братьями. Мы очень благодарны за помощь на фронтѣ, но просимъ не мѣшать намъ строить жизнь, какъ мы хотимъ, о чемъ уже разъ и просили г. Рихтера въ Омскѣ по случаю разгона Сибирской Областной Думы, гдѣ г. Рихтеръ, благодаря невѣрной оріентировкѣ, могъ сыграть въ судьбѣ Россіи печальную роль".

Протестъ Семенова.

Въ бытность свою на Д. Востокѣ адмиралъ Колчакъ рѣзко повздорилъ съ Семеновымъ, о которомъ онъ сохранилъ самое нелестное мнѣніе. Не особенно хороши были его отношенія и съ японцами.

Семеновъ отказался признать власть адмирала. Въ своей телеграммѣ онъ потребовалъ освобожденія преданныхъ суду ви-

новниковъ переворота, полк. Волкова, войскового старшины Красильникова и войскового старшины Катанаева (это дѣлалось, конечно, для укрѣпленія популярности среди казачества), а затѣмъ заявилъ, что онъ не признаетъ адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ, но согласится признать таковымъ Деникина, Дутова или Хорвата.

Отношеніе Дутова и Анненкова.

Атаманъ Дутовъ, пріѣзжавшій въ Омскъ лѣтомъ 1918 г., произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе лукаваго, неглупаго человѣка, который не гонится за внѣшними успѣхами, но любитъ пожить. Небольшого роста, коренастый, съ монгольскаго типа лицомъ, онъ обладалъ невидною, но оригинальною внѣшностью.

Интересна его политическая гибкость. Онъ состоялъ членомъ „Комуча", пріѣзжалъ въ Омскъ, для обезпеченія нѣкоторыхъ выгодъ, и въ то же время считалъ свое войско никому не подчиненнымъ, такъ какъ оно имѣло свое правительство. Претендовать на званіе Верховнаго Правителя онъ не собирался. Это связало бы его, какъ человѣка, любящаго прежде всего независимость атамана. Онъ сразу призналъ адмирала, но отъ имени войскъ Оренбургскаго и Уральскаго онъ сдѣлалъ запросъ адмиралу по поводу отношенія его къ Учредительному Собранію, такъ какъ войска якобы волновались въ виду конфликта между адмираломъ и Учредительнымъ Собраніемъ.

Что касается атамана Анненкова, то онъ временно воздержался признавать новую власть, заставляя, однако, своимъ поведеніемъ думать, что онъ не считаетъ себя зависимымъ отъ этой власти.

Ликвидація фронды.

Изъ всѣхъ заявленныхъ протестовъ наиболѣе серьезенъ былъ, конечно, чешскій. За нимъ стояла реальная сила. Но чехи зависѣли отъ союзниковъ, а послѣдніе не были очарованы ни Директоріей ни эсерами; они имѣли гораздо больше основаній вѣрить Колчаку. Военные представители Англіи были опредѣленно расположены къ адмиралу, и чехамъ это дано было понять. Они прекратили фронду, но зато послѣднія изъ оставшихся на фронтѣ или, вѣрнѣе, вблизи его небольшихъ чешскихъ частей начали поспѣшно отступать, оставляя фронтъ на произволъ судьбы.

Атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска Дутовъ.

Не желавшимъ воевать чехамъ переворотъ 18 ноября открылъ возможность прикрыть истинныя причины уклоненія отъ военныхъ дѣйствій политическими мотивами. Эсеры много способствовали такому исходу; они, не желая сознавать того, какъ гибельна ихъ политика для всего дѣла борьбы съ большевизмомъ, и продолжая свою чисто партійную игру, создали себѣ изъ чешскихъ эшелоновъ революціонное подполье.

Новой власти былъ брошенъ вызовъ.

„Ко всѣмъ народамъ Россіи“ лидеръ учредиловцевъ Вольскій обратился со слѣдующимъ воззваніемъ:

„17 ноября въ Омскѣ кучка заговорщиковъ арестовала членовъ Всероссійскаго Вр. Правит. Авксентьева, Зензинова и Аргунова. Часть министровъ, во главѣ съ членомъ Правительства Вологодскимъ, нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя Всероссійскимъ Правительствомъ, назначивъ диктаторомъ адмирала Колчака. Съѣздъ членовъ Всерос. Учр. Собр. беретъ на себя борьбу съ преступными захватчиками власти. Съѣздъ постановляетъ: 1) избрать изъ своей среды комитетъ, отвѣтственный передъ Съѣздомъ, уполномочивъ его принимать всѣ необходимыя мѣры для ликвидаціи заговора, наказанія виновныхъ и возстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи, освобожденной отъ большевиковъ. 2) Избрать въ составъ этого комитета предсѣдателя Учредительнаго Собранія Чернова, предсѣдателя Съѣзда членовъ Учр. Собр. Вольскаго, тов. предсѣдателя Съѣзда Алкина, членовъ Учред. Собр. Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова. 3) Поручить комитету, для выполненія возложенныхъ на него задачъ, войти въ соглашеніе съ непричастными къ заговору членами Всер. Времен. Прав., областными и мѣстными властями и органами самоуправленія, чешскимъ Національнымъ Совѣтомъ и другими руководящими органами союзныхъ державъ. Всѣмъ гражданамъ вмѣняется въ обязанность подчиняться распоряженіямъ комитета и его уполномоченныхъ“.

Гайда, стоявшій со штабомъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ засѣдалъ Черновъ съ компаніей, не оказалъ имъ поддержки. Наоборотъ, тамъ былъ произведенъ воинскими чинами самовольный арестъ Чернова, о которомъ повѣствуетъ слѣдующій докладъ офицеровъ и солдатъ 25 екатеринбургскаго горныхъ стрѣлковъ полка на имя командующаго войсками екатеринбургской группы, ген.-майора Гайда:

„19 ноября 1918 г., мы, офицеры и солдаты 25-го екатеринбургскаго горныхъ стрѣлковъ полка, вернувшіеся съ фронта,

узнали о провозглашенiи Верховнымъ Правителемъ земли Русской адмирала Колчака.

Свѣтлой радостью проникнулись сердца наши; засвѣтилась надежда, что съ созданiемъ единой твердой военной власти прекратятся партiйныя распри, предательски разлагающiя тылъ доблестной армiи чехо-словацкаго народа и молодой армiи нашей; твердой вѣрой проникнулись мы, боевые офицеры и солдаты, въ возрожденiе свободной единой великой Россiи.

Но омрачена была радость эта—радость всего фронта, всѣхъ тѣхъ, кто отдаетъ свою жизнь для блага Россiи и народа ея, погибающаго подъ игомъ германско-большевистскаго гнета.

Усталые отъ боевъ и потерь, возвратившись въ Екатеринбургъ, мы увидѣли предательскiя воззванiя, призывавшiя къ сверженiю законной власти Верховнаго Правителя—того, съ именемъ котораго связаны надежды фронта на близкую побѣду надъ врагами Россiи, чешскаго народа и нашихъ великихъ союзниковъ.

Возмущенные этимъ и желая спасти нашихъ братьевъ, оставшихся на фронтѣ, отъ предательства тыла, мы, видя отсутствiе мѣръ по отношенiю къ предателямъ, рѣшились на шагъ, нарушившiй воинскую дисциплину. Каждая минута казалась намъ промедленiемъ—и потому, не спросивъ разрѣшенiя своихъ высшихъ начальниковъ, мы арестовали мятежниковъ, во главѣ съ Черновымъ и другими членами Учредительнаго Собранiя, отняли у нихъ припасенное оружiе, документы и преступныя воззванiя, составлявшiяся ими.

Сознавая всю тяжесть допущеннаго нами нарушенiя воинской дисциплины, мы просимъ о преданiи насъ военному суду. Пусть же русскiй военный судъ вынесетъ свой суровый приговоръ надъ нами, какъ надъ солдатами возрождающейся армiи россiйской; но мы останемся гордыми и счастливыми, сознавая, что и на фронтѣ и внѣ его сумѣли до конца выполнить свой неоплатный долгъ передъ армiей и передъ нашей великой родиной.

(Слѣдуютъ подписи офицеровъ и солдатъ полка).

22 ноября 1918 года."

Рѣшительныя мѣры были приняты и въ отношенiи „учредиловцевъ." Адмиралъ объявилъ, что не признаетъ перваго Учредительнаго Собранiя законнымъ, въ виду неправильныхъ условiй его избранiя (такъ было отвѣчено и Дутову на его запросъ отъ имени казачества). Въ виду приступа учредиловцевъ къ организацiи мятежа и избранiя для руководства имъ особаго комитета, былъ отданъ приказъ арестовать членовъ комитета.

„Бывшіе члены Самарскаго Комитета членовъ Учредительнаго Собранія“, говорится въ приказѣ, „уполномоченные вѣдомствъ бывшаго Самарскаго Правительства, не сложившіе своихъ полномочій до сего времени, несмотря на указъ объ этомъ бывшаго Всероссійскаго Правительства, и примкнувшіе къ нимъ нѣкоторые антигосударственные элементы въ уфимскомъ районѣ, ближайшемъ тылу сражающихся съ большевиками войскъ, пытаются поднять возстаніе противъ государственной власти; ведутъ разрушительную агитацію среди войскъ; задерживаютъ телеграммы Верховнаго командованія, прерываютъ сообщенія Западнаго фронта и Сибири съ оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадныя суммы денегъ, направленныя атаману Дутову для организаціи борьбы казаковъ съ большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территоріи, освобожденной отъ большевиковъ.

Приказываю:

§ 1.

Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣкать преступную работу вышеуказанныхъ лицъ, не стѣсняясь примѣнять оружіе.

§ 2.

Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ, начиная съ командировъ полковъ (включительно), и выше, всѣмъ начальникамъ гарнизоновъ арестовывать такихъ лицъ для преданія ихъ военно-полевому суду, донося объ этомъ по командѣ и непосредственно—начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

§ 3.

Всѣ начальники и офицеры, помогающіе преступной работѣ вышеуказанныхъ лицъ, будутъ преданы мной военно-полевому суду.

Такой же участи подвергнуть начальниковъ, проявляющихъ слабость и бездѣйствіе власти.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій адмиралъ Колчакъ. Гор. Омскъ. 30 ноября 1918 года“.

Послѣ этого приказа значительная часть членовъ бывшаго Самарскаго Правительства, вмѣстѣ съ главою его Вольскимъ, скры-

лась. Какъ это обыкновенно бываетъ, попались и были заключены въ тюрьму менѣе видные дѣятели. Западная фронда была, такимъ образомъ, ликвидирована. Но эта ликвидація положила начало внутреннему фронту. Эсеры начали энергичную работу по разложенію тыла.

Легкая побѣда въ Екатеринбургѣ и Уфѣ не была окончательною побѣдою. Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: съ большевиками и эсерами.

Превращеніе земствъ въ революціонныя гнѣзда.

Изъ Міаса было сообщено въ Омскъ послѣднее постановленіе нелегально существовавшаго въ Уфѣ центральнаго комитета партіи эсеровъ. Оно призывало всѣ партійныя организаціи употребить свои силы на борьбу съ диктатурою Колчака.

„Партійнымъ организаціямъ,“ говорилось въ постановленіи, „вмѣняется въ обязанность немедленно реорганизоваться, примѣнительно къ условіямъ нелегальной работы, не отступая на полумѣрахъ, способныхъ разлагать энергію, не выводя организацію изъ-подъ репрессій. Партійныя организаціи должны вернуться къ методамъ и формамъ работы, практиковавшимся при самодержавномъ режимѣ, объявивъ безпощадную борьбу на жизнь и на смерть режиму единоличной диктатуры, не отступая ни передъ какими способами борьбы.

Отнюдь не вызывая искусственно мѣстныхъ стычекъ, возстаній, партійныя организаціи въ то же время не должны задерживать ихъ возникновенія, разъ они самопроизвольно вытекаютъ изъ настроенія широкихъ слоевъ демократіи, гражданской или военной, и имѣютъ шансы на успѣхъ распространенія. Въ этихъ случаяхъ надо брать въ свои руки руководство движеніемъ, принимая всѣ мѣры къ его расширенію“.

Далѣе говорится: „соотвѣтственные энергичные шаги должны быть предприняты фракціями, группами членовъ партій, мѣстныхъ городскихъ и земскихъ самоуправленій и особенно членовъ наличныхъ, не успѣвшихъ ликвидироваться областныхъ правительствъ“. Предписывается также вести противоправительственную агитацію среди чехо-словаковъ и народной арміи. Такимъ образомъ, *земскія и городскія самоуправленія*, въ которыхъ было значительное число членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, съ этого момента стали органами партійной борьбы, подчиненными директивамъ центральнаго комитета партіи.

Нелады съ Востокомъ.

Нелегко оказалось сговориться и съ Семеновымъ.

Атаманъ Анненковъ сдался очень легко, такъ какъ иначе былъ бы принужденъ къ капитуляціи силой. Мнѣ извѣстно, что отъ атамана пріѣзжали гонцы въ Омскъ для выясненія обстановки. Они получили отъ торгово-промышленнаго класса, который поддерживалъ Анненкова, въ періодъ его подпольной работы и отчасти послѣ сверженія большевиковъ, категорическое заявленіе, что дальнѣйшей *поддержки отдѣльнымъ отрядамъ больше оказываться не будетъ.* Послѣ этого Анненковъ прислалъ телеграмму, что онъ со своими партизанами цѣликомъ отдается въ распоряженіе адмирала.

Не то было съ Семеновымъ. Подобно тому, какъ эсеры были сильны поддержкою чеховъ, которые и укрывали ихъ, и помогали сношеніямъ ихъ тайныхъ организацій (чехами была организована своя почта), и морально поддерживали своими противоправительственными заявленіями, дискредитировавшими власть во внѣшнемъ мірѣ—такъ атаманъ Семеновъ былъ силенъ японскою поддержкою. Ликвидировать его выступленіе можно было только дипломатическою, а не физическою силою. Но какъ разъ дипломатіи въ этомъ инцидентѣ со стороны Омска и не проявилось. Прежде чѣмъ остановиться подробнѣе на этомъ инцидентѣ, необходимо вернуться къ первымъ днямъ власти адмирала Колчака.

Процессъ Волкова, Красильникова и Катанаева.

Судъ надъ виновниками переворота, которые сами заявили о себѣ адмиралу и министру юстиціи, произведенъ былъ съ молніеносной быстротой. Приговоръ суда былъ вынесенъ уже 21 ноября. На судѣ зачтены были всѣ документы, относившіеся къ дѣятельности эсеровъ. Давленіе послѣднихъ на Директорію, выразившееся, въ частности, въ телеграммѣ на имя Зензинова и въ „совершенно довѣрительномъ" посланіи Зензинова Чернову съ объясненіемъ, почему Директорія не можетъ *сразу* свергнуть Сибирское Правительство, черновская грамата,*) данныя объ организаціи эсеровскаго центра въ Екатеринбургѣ, свидѣтельство о намѣренномъ затягиваніи бывшимъ Самарскимъ Правительствомъ сдачи дѣлъ въ Уфѣ, подозрительное поведеніе вѣдавшаго полиціей эсера

*) См. гл. X.

Роговскаго въ Омскѣ и, наконецъ, свѣдѣнія о хищеніяхъ казенныхъ денегъ эсеровскими дѣятелями—все это развернуло передъ судомъ картину, въ которой ясно обозначились намѣренія эсеровъ захватить власть. Полковникъ Волковъ, войсковой старшина Красильниковъ и войсковой старшина Катанаевъ были признаны оправданными по суду.

Можно сожалѣть о томъ, что чрезвычайный военный судъ не происходилъ въ обстановкѣ полной гласности. Едва ли можно было вынести обвиненіе виновникамъ переворота, послѣ того, какъ выяснилось, что одна сторона стремилась предать другую, что эсеры явно подготовляли выступленіе противъ власти, и что они умѣло обрабатывали, для обезпеченія себѣ помощи, политическихъ чешскихъ представителей. Для этого они пользовались и всемогущимъ оружіемъ—деньгами.

Хищенія эсеровъ.

Въ Уфѣ была произведена ревизія казначейства.

При ревизіи бросилось въ глаза прежде всего то, что до созыва въ Уфѣ Государственнаго Совѣщанія, избиравшаго Директорію, открытіе кредитовъ и расходованіе средствъ происходили въ нормальномъ, закономъ установленномъ порядкѣ. Расходы, связанные съ созывомъ указаннаго Совѣщанія, явились первымъ отступленіемъ отъ смѣтнаго порядка, а въ дальнѣйшемъ, какъ открытіе кредитовъ, такъ и расходованіе отпускаемыхъ средствъ происходили совершенно тѣмъ же порядкомъ, который существовалъ и при большевистскихъ совѣтахъ.

Самое крупное ассигнованіе приходится на долю агитаціоннаго культурно-просвѣтительнаго отдѣла Совѣта управляющихъ вѣдомствами, именно, 4.600.000 рублей. Эти кредиты отличались исключительными свойствами: 1) кредиты отпускались безъ указанія предмета расхода; 2) проводились всегда въ спѣшномъ порядкѣ; и 3) ассигнованныя суммы, немедленно по полученіи ихъ по ордеру казначействъ изъ банка, безслѣдно исчезали, ибо въ государственномъ банкѣ текущаго счета агитаціонно-культурнаго отдѣла совершенно не имѣлось.

Управляющему воднымъ транспортомъ г. Рындыку выдано было $2^1/_2$ милліона руб. Здѣсь дѣло не обошлось безъ скандала. Назначенный г. Рындыкомъ на мѣсто завѣдывающаго административнымъ отдѣломъ районнаго комитета воднаго транспорта г. Патрушевъ, получивъ крупныя суммы для разсчета съ конторами и

служащими, что-то около 700.000 руб., скрылся. Въ комитетѣ г. Рындыка, по удостовѣренію „Уфимской Жизни“, творилось что-то неладное. Тѣмъ не менѣе, на пополненіе учиненной растраты г. Рындыку 12 ноября отпущенъ былъ еще 1.000.000 рублей, а 16 ноября еще 2.000.000 руб.

Далѣе, весьма странной, если не сказать большаго, представляется выдача вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, руководимому г. Веденяпинымъ, 2.000.000 руб. на „расходы для зарубежной работы“.

Необходимо отмѣтить также полученіе предсѣдателемъ Съѣзда членовъ Учредит. Собр. г. Вольскимъ 20 октября 400.000 рублей и 23 октября —40.000 рублей, опять на неизвѣстныя цѣли. При этомъ, по заявленію губ. казначейства, г. Вольскимъ было представлено, при полученіи послѣдней суммы, постановленіе Сов. упр. вѣдомствами, что выдача должна послѣдовать кредитными билетами стараго всероссійскаго образца. Казначействомъ это было выполнено.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить выдачу, неизвѣстно, на какіе расходы, бузулукскому уполномоченному Комитета членовъ Учр. Собр. 500.000 рублей и представителю *чехо-словацкаго Нац. Совѣта д. Власаку*—300.000 рублей и 3.000.000 рублей тому же уполномоченному, „для поддержанія и развертыванія русско-чешскихъ частей“. Имѣли мѣсто и такія выдачи: 22 октября, по требованію № 938—70.000 рублей, на „безспорные, непредвидѣнные и текущіе расходы“ различныхъ вѣдомствъ, и 6 октября, по требованію № 1034, на „неопредѣленные расходы“ г. предсѣд. Сов. управл. вѣдомствами—25.000 рублей. Изъ расходовъ, связанныхъ съ созывомъ Гос. Совѣщанія, обращаетъ на себя вниманіе расходъ въ 30.000 рублей—также на *„неотложныя надобности“* Ком. чл. Всеросс. Учр. Собранія при Государственномъ Совѣщаніи. Что это за „неотложныя“ надобности—для казенной палаты осталось неизвѣстнымъ.

При перыхъ же извѣстіяхъ о событіяхъ въ Омскѣ, Сов. упр. вѣдомствами объявилъ, что вся полнота власти принадлежитъ ему, и поспѣшилъ осуществить эту власть производствомъ очередной выемки денегъ изъ отдѣленія гос. банка. 19 ноября г. Веденяпинъ, управляющій вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, предъявилъ чекъ на *1 милліонъ рублей*, но встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны представителей мин. финансовъ, указавшихъ, что они не могутъ допустить расхищенія государственныхъ средствъ въ столь тревожное время, и притомъ на совершенно неизвѣстныя и неопредѣленныя цѣли. Тогда Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами пошелъ

по проторенной большевиками дорожкѣ и арестовалъ лицъ, заграждавшихъ доступъ къ государственному сундуку, а затѣмъ безпрепятственно изъялъ изъ отдѣленія гос. банка *5 милліоновъ рублей.*

Заслуживаютъ также вниманія и расходы Совѣта въ связи съ военными обстоятельствами. Сумма послѣднихъ за время съ 10 октября по 8 ноября составляетъ, въ общемъ, около *15 милліоновъ рублей,* причемъ свыше *9½ милліоновъ* рублей *ассигновано въ одинъ день, 7 ноября.*

Щедрыя ассигнованія на поддержаніе и развертываніе партизанскихъ отрядовъ и баталіоновъ Всерос. Учр. Собранія въ полки послѣдовали вслѣдъ за извѣстной „граматой" В. Чернова о необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи баталіоны совершенно особаго и спеціальнаго назначенія. Мало того, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами считалъ себя вправѣ снимать цѣнности съ эшелоновъ эвакуируемыхъ казначействъ и отдѣленій государственнаго банка. Такимъ путемъ ему удалось захватить *36 милліоновъ рублей,* и всѣ они израсходованы вышеуказаннымъ порядкомъ.

Сотрудники справа.

Если переворотъ 18 ноября окончательно оттолкнулъ отъ Омскаго Правительства эсеровъ, то онъ зато обезпечилъ ему поддержку элементовъ, которые до сихъ поръ держались, *въ лучшемъ случаѣ,* нейтрально. Убійство Новоселова, переворотъ 18 ноября—все это косвенно подтверждавшіеся и другими данными симптомы, что правыя группы вели такую же подпольную работу, какъ и эсеры. У нихъ были свои военныя организаціи, своя контръ-развѣдка, свои люди въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Переворотъ 18 ноября удовлетворилъ эти группы, но онѣ сразу усилили свои позиціи и укрѣпили вліяніе на власть. Вокругъ Верховнаго Правителя въ первые же дни появились новые люди, началось забѣганіе съ задняго крыльца.

Еще 18 ноября, когда составлялось правительственное сообщеніе о переворотѣ, въ канцелярію Совѣта министровъ пріѣхалъ одинъ изъ членовъ военно-промышленнаго комитета и просилъ помочь ему и дипломатическому чиновнику Сукину, только что пріѣхавшему въ Омскъ изъ Америки, но уже успѣвшему связаться съ нѣкоторыми общественными кругами, выработать текстъ обращенія къ населенію съ объясненіемъ причинъ переворота.

Тельбергъ, тогда уже принявшій отъ меня управленіе дѣлами Правительства, совершенно правильно указалъ, что составленіе подобныхъ актовъ не входитъ въ обязанности военно-промышленнаго комитета, и составилъ сообщеніе самъ. Но примѣры подобнаго „участія" въ дѣлахъ стали повторяться.

Омскъ и его общественность.

Для пониманія дальнѣйшаго, совершенно необходимо имѣть хоть общее представленіе о сибирской общественности, въ особенности объ омской.

Въ то время, какъ Иркутскъ еще въ первой половинѣ XIX столѣтія зналъ культурную администрацію доброй славы графа Сперанскаго, дурной—графа Муравьева-Амурскаго, зналъ культурныхъ ссыльныхъ: декабристовъ, поляковъ, обладалъ богатымъ купечествомъ и служилъ центромъ золотопромышленности — Омскъ только лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ сталъ пріобрѣтать крупное значеніе, въ связи съ оживленіемъ Западной Сибири, главнымъ образомъ, благодаря потоку переселенцевъ, направившихся туда послѣ первыхъ волненій 1904—1905 г.г.

По словамъ Г. Н. Потанина (Сборникъ „ Нужды Сибири", стр. 250), „Омскъ былъ всегда бѣднымъ городомъ, лишеннымъ всякаго торговаго значенія. Богатаго купечества въ городѣ совсѣмъ не было, да и мѣщанское общество было, сравнительно съ другими городами, небольшое. Значительный процентъ городского населенія составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. Въ Омскѣ была самая дешевая жизнь на всемъ разстояніи отъ Петербурга до Иркутска, и въ то же время, благодаря генералъ-губернаторской резиденціи, здѣсь было веселѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ губернскомъ городѣ; здѣсь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки. Поэтому омскіе чиновники, вышедши въ отставку, никуда не уѣзжали и оставались здѣсь жить; изъ другихъ городовъ Сибири, даже изъ Иркутска и Оренбурга, отставные чиновники съѣзжались сюда доживать свой вѣкъ на пенсію. Это обиліе чиновниковъ, служащихъ и отставныхъ, превращало Омскъ въ городъ Акакіевъ Акакіевичей.

„Каменныя зданія всѣ были казенныя; это были канцеляріи, казармы, лазареты и дома съ квартирами для офицеровъ. Всѣ остальныя постройки были деревянныя, и въ шестидесятыхъ годахъ былъ всего одинъ каменный купеческій домъ. Въ клубѣ изъ буржуазіи былъ принятъ всего одинъ только членъ—винный откуп-

щикъ. Нигдѣ въ Сибири не было такого отчужденія интеллигентнаго общества отъ массы, какъ въ Омскѣ; интеллигенція здѣсь не служила мѣстному населенію. Въ Омскѣ никогда не было такого общественнаго учрежденія, которое концентрировало бы на себѣ симпатіи населенія цѣлаго округа, вродѣ Томскаго школьнаго Общества или вродѣ Иркутскаго музея Географическаго Общества".

Послѣ того, однако, какъ черезъ Омскъ проведена была желѣзная дорога, и стали ходить пароходы между Омскомъ и Семипалатинскомъ, за Омскомъ начала упрачиваться слава будущаго торговаго центра. Московскіе купцы избрали его складочнымъ мѣстомъ своихъ товаровъ, а иностранныя фирмы устроили здѣсь свои конторы, отчасти для продажи сельско-хозяйственныхъ машинъ, отчасти для покупки масла.

Для характеристики омскаго купечества можно воспользоваться безъ обиняковъ тѣмъ противопоставленіемъ, которое сдѣлалъ тотъ же Потанинъ, характеризуя иркутянина и томича.

„Иркутскій купецъ—поставщикъ на западъ элегантныхъ продуктовъ востока: золота, соболей, чая; томскій купецъ отправляетъ кожи, сало, шерсть, щетину. Иркутянинъ—негоціантъ, томичъ (прибавимъ, и омичъ)—прасолъ; онъ ходитъ въ фартукѣ. Негоціантъ ищетъ удовольствія въ чтеніи книгъ, въ бесѣдѣ съ учеными, въ путешествіи съ просвѣтительной цѣлью; выскочка изъ прасоловъ находитъ ихъ только въ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей. Первый видитъ удовольствіе въ употребленіи своихъ денежныхъ средствъ на просвѣтительное предпріятіе; выскочка изъ прасоловъ—въ сжиганіи сторублевыхъ бумажекъ на свѣчкѣ."

Уже изъ этихъ характеристикъ, принадлежащихъ лучшему знатоку Сибири, видно, что долженъ былъ представлять изъ себя Омскъ въ культурномъ отношеніи. Два-три адвоката, съ кругозоромъ шире дѣловой практики, нѣсколько интеллигентныхъ врачей, занятыхъ съ утра до вечера, но все же удѣляющихъ кое-что наукѣ и политикѣ, одинъ-другой кооператоръ изъ самородковъ, а тамъ—хоть шаромъ покати. Только нажива и попойка. Все, что имѣлъ Омскъ болѣе или менѣе выдающагося въ періодъ адмирала Колчака—это была интеллигенція, понаѣхавшая съ Запада, гонимая большевизмомъ. Здѣсь оказались разорившіеся помѣщики, не оставившіе идеи реванша, представители промышленности, жаждавшей возрожденія за счетъ субсидій, бывшіе петроградскіе чиновники— словомъ, все „навозный" народъ, по терминологіи сибиряковъ.

И, тѣмъ не менѣе, я считаю, что Омскъ больше, чѣмъ какой-либо другой городъ, отражалъ истинное настроеніе Сибири, въ цѣломъ такой же страны неинтеллигентныхъ, чисто практическихъ интересовъ и заботъ, какъ и самъ Омскъ.

Что общаго съ Сибирью имѣетъ культурная общественность Владивостока или Иркутска? Въ этихъ городахъ можно было найти толковую и знающую Сибирь интеллигенцію, но типъ этой интеллигенціи болѣе чуждъ Сибири, чѣмъ прасолы Омска и Томска. Бывшіе ссыльные сосредотачивались именно здѣсь, они заполняли всѣ общественныя учрежденія, приносили сюда дикія для Сибири соціалистическія бредни и культивировали партійную политику. Резиденція Правительства въ Омскѣ была плачевна убогостью политической мысли, отсутствіемъ живого обмѣна идей и знаній—того котла, въ которомъ здоровая критика омываетъ грязные наросты, питаетъ жизнеспособное и убиваетъ больное. Но зато резиденція въ Омскѣ спасала отъ ненужной, безплодной борьбы и праздной политической болтовни. Событія вынудили Правительство укрѣпиться именно въ Омскѣ, и можно жалѣть лишь о томъ, что Правительство не позаботилось своевременно обезпечить себѣ запасный центръ.

Новые люди.

Я уже упомянулъ о томъ, что, съ появленіемъ у власти адмирала, на сцену выступили новые люди. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, полковникъ *Лебедевъ*, выскочили, какъ изъ-подъ земли. Назначеніе этого молодого полковника начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, т. е. фактическимъ Главнокомандующимъ, было для всѣхъ совершенно неожиданнымъ. Боюсь, что адмиралъ избралъ его совершенно случайно, только потому, что онъ пріѣхалъ съ нашивками Добровольческой арміи и какъ бы принесъ съ собой въ Сибирь духъ Корнилова и Деникина. Никто не подумалъ тогда, что это назначеніе могло быть результатомъ неумѣнія адмирала разбираться въ людяхъ.

Другимъ виднымъ политическимъ новичкомъ былъ *Сукинъ*. Этотъ молодой человѣкъ, несмотря на свои 28 лѣтъ, успѣлъ уже побывать во Франціи, Италіи, Греціи, Галиціи и Америкѣ и съ низшихъ дипломатическихъ должностей поднялся до секретаря русской миссіи въ Вашингтонѣ, куда поѣхалъ въ 1917 г. въ качествѣ дипломатическаго чиновника, прикомандированнаго къ Бахметьтеву. Въ Омскѣ Сукина называли „американскимъ мальчикомъ“. Передъ его

пріѣздомъ изъ Владивостока было получено предупрежденіе, что Сукинъ держится опредѣленно американской оріентаціи и своей тенденціозностью, при свойственныхъ ему способностяхъ и умѣніи освѣщать факты въ желательномъ направленіи, можетъ оказаться человѣкомъ вреднымъ.

Какъ я уже упоминалъ, Сукинъ съ первыхъ же дней сумѣлъ попасть въ самую въ этотъ моментъ вліятельную группу омской общественности. Но скоро обнаружилось и другое. Онъ оказался однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ адмиралу Колчаку и полковнику Лебедеву. Ему предоставлено было мѣсто начальника дипломатической канцеляріи при ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

Большое вліяніе на дѣла сталъ оказывать омскій присяжный повѣренный *Жардецкій.* Интересный, способный и умный, но фанатичный человѣкъ, съ искалѣченными нервами, крайней неуравновѣшенностью и несдержанностью—Жардецкій былъ фанатикомъ диктатуры и Великой Россіи. Съ самаго момента появленія въ Омскѣ адмирала онъ сталъ его горячимъ поклонникомъ. Раньше онъ мечталъ о диктатурѣ генерала Хорвата. Жардецкій пользовался довѣріемъ адмирала и сталъ бывать у него. Его главнымъ недостаткомъ была отвлеченность мышленія, мѣшавшая ему быть реальнымъ политикомъ.

Изъ группы торгово-промышленниковъ большое довѣріе адмирала завоевалъ на первыхъ порахъ бывшій государственный контролеръ кабинета Штюрмера, С. Г. *Феодосьевъ,* еще молодой человѣкъ, считавшійся въ Петроградѣ знающимъ финансистомъ. Онъ проживалъ въ Омскѣ, въ качествѣ директора одного иностраннаго предпріятія. Отъ участія въ Правительствѣ онъ упорно отказывался, предпочитая оказывать вліяніе со стороны.

Такимъ образомъ, Совѣтъ министровъ въ первые же дни столкнулся съ вліяніемъ случайныхъ лицъ и безотвѣтственныхъ сферъ въ области внѣшней и внутренней политики. Это не замедлило сказаться на практикѣ.

Чрезвычайное Государственное Экономическое Совѣщаніе.

Чуть ли не на третій день по своемъ избраніи, Верховный Правитель поручилъ Тельбергу оформить учрежденіе Чрезвычайнаго Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, причемъ далъ ему уже готовый проектъ указа. Этотъ проектъ былъ разработанъ Феодосьевымъ и былъ построенъ такъ, что преобладало въ

Совѣщаніи представительство отъ торгово-промышленнаго класса. Совѣтъ министровъ внесъ коррективы, въ пользу представительства кооперации, и 22 ноября указъ былъ утвержденъ.

Совѣщаніе учреждалось на слѣдующихъ основаніяхъ.

1. Предметомъ занятій указаннаго Совѣщанія должно быть выясненіе:

а) финансовыхъ мѣропріятій, которыя дали бы возможность въ кратчайшій срокъ устранить тяжелое финансовое положеніе, переживаемое страной;

б) мѣропріятій, необходимыхъ въ дѣлѣ правильнаго снабженія арміи;

в) мѣропріятій, необходимыхъ для возстановленія производительныхъ силъ и товарообмѣна въ странѣ.

2. Совѣщаніе образуется подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Верховнымъ Правителемъ, въ слѣдующемъ составѣ:

а) министры: военный, финансовъ, снабженія, продовольствія, торговли и промышленности, путей сообщенія и государственный контролеръ;

б) представители правленій частныхъ и кооперативныхъ банковъ—3;

в) представители Всероссійскаго Совѣта Съѣздовъ торговли и промышленности—5;

г) представители Совѣта Кооперативныхъ Съѣздовъ—3.

3. По усмотрѣнію Предсѣдателя Совѣщанія приглашаются свѣдующія лица по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію Совѣщанія.

4. Постановленія Совѣщанія по указаннымъ во 2-мъ пунктѣ сего Положенія вопросамъ представляются Верховному Правителю.

Въ учрежденіи Совѣщанія, по существу, ничего отрицательнаго, конечно, не было, но представленіе первоначальнаго проекта Верховному Правителю, безъ вѣдома Предсѣдателя Совѣта министровъ, и докладъ этого проекта въ отсутствіе Предсѣдателя и безъ одновременнаго представленія мнѣнія заинтересованныхъ министровъ свидѣтельствовали о нарождавшемся закулисномъ вліяніи. Диктаторъ долженъ открыть къ себѣ доступъ различныхъ мнѣній, но только при условіи явности ихъ и свободной открытой критики.

Совѣтъ министровъ. *)

Совѣтъ министровъ остался въ томъ же составѣ, какой опредѣлился при Директоріи. Большинство составляли прежніе дѣ-

*) Положеніе о временномъ устройствѣ власти послѣ переворота 18 ноября напечатано въ примѣчаніи къ гл. XXI—см. подзаголовокъ: „Въ пользу диктатуры."

ятели Сибирскаго Правительства: Вологодскій, Михайловъ, Серебренниковъ, Петровъ, Старынкевичъ, Шумиловскій, Зефировъ, Сапожниковъ (фактически его замѣстителемъ былъ я, такъ какъ Сапожниковъ переѣхалъ съ министерствомъ въ Томскъ). Новыми были Ключниковъ, Тельбергъ, Красновъ, Гаттенбергеръ и военные: генералъ Степановъ и контръ-адмиралъ Смирновъ, представленный въ морскіе министры самимъ адмираломъ, несмотря на то, что раньше вопросъ о необходимости морского министерства подвергался сомнѣнію.

Настроеніе Совѣта министровъ, казалось, должно было быть довольно единодушнымъ. Новые люди составляли меньшинство. Случайность министерскихъ назначеній, правда, сказывалась. Наличность трехъ наслоеній: сибирскаго, директорскаго, колчаковскаго, время отъ времени проявлялась. Но не въ этомъ была слабая сторона Совѣта министровъ, а въ его безпрограммности. Общія руководящія идеи правительственной политики, изображенныя въ интервью Вологодскаго, данномъ имъ послѣ сформированія правительства Директоріи, требовали болѣе подробной разработки, какъ въ политической, такъ и въ экономической части программы.

Вотъ почему въ Совѣтѣ министровъ вскорѣ поднялся вопросъ о раздѣленіи министровъ на двѣ группы. Одна изъ нихъ должна была заняться разработкой экономическихъ вопросовъ, другая—вопросовъ политическихъ. Предполагалось, что каждая изъ этихъ группъ будетъ заниматься не одними текущими вопросами, но, главнымъ образомъ, тѣми основными принципами, которые, по одобреніи ихъ Совѣтомъ министровъ, могли бы послужить руководящими началами политики Правительства.

Но воспринята была сразу только одна часть этого плана. Для обсужденія политическихъ вопросовъ Совѣтъ министровъ постановилъ образовать особый Совѣтъ при адмиралѣ.

Совѣтъ Верховнаго Правителя.

Предсѣдатель Совѣта министровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ финансовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и управляющій дѣлами, т. е. поименно: Вологодскій, Гаттенбергеръ, Михайловъ, Ключниковъ и Тельбергъ составили такъ называемый „Совѣтъ Верховнаго Правителя“, которому суждено было обратиться въ своего рода „звѣздную“ палату. Основная цѣль его учрежденія—установить общія линіи политики—съ самаго начала стушевалась передъ злободневной: устранить закулисныя вліянія.

Совѣтъ Верховнаго Правителя пріучился разрѣшать лишь текущіе вопросы, собираясь по приглашенію адмирала. Члены Совѣта Верховнаго Правителя, постоянно занятые работою въ министерствахъ, никогда не собирались для общей оцѣнки международнаго и политическаго положенія. Отправляясь къ адмиралу, они обыкновенно не знали, какіе вопросы будутъ поставлены на обсужденіе. На засѣданіяхъ они часто встрѣчали случайныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ, приглашенныхъ по тому или другому поводу адмираломъ. Такъ, напримѣръ, съ первыхъ же засѣданій постояннымъ участникомъ Совѣта сталъ Сукинъ.

Самостоятельная работа Совѣта Верховнаго Правителя имѣла послѣдствіемъ то, что Совѣтъ министровъ отошелъ отъ политики. Нерѣдко онъ узнавалъ о важныхъ рѣшеніяхъ и актахъ одновременно и даже позже частныхъ лицъ. Совѣтъ министровъ сталъ заниматься почти исключительно законодательствомъ, утративъ въ значительной степени функціи органа управленія.

Составъ Совѣта Верховнаго Правителя образовался по соображеніямъ близости къ политикѣ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, но играло роль и личное довѣріе Совѣта министровъ къ избраннымъ членамъ. Несомнѣнно, однако, они не оправдали довѣрія въ томъ отношеніи, что не смогли овладѣть задачею, передъ ними поставленною. Могли ли другіе сдѣлать это лучше—судить не намъ.

Нужна ли была политика?

Многіе думали раньше, а нѣкоторые утверждаютъ это теперь, что Россійское Правительство не должно было заниматься политикой, что роль министровъ при диктаторѣ должна была сводиться къ разрѣшенію текущихъ практическихъ вопросовъ: снабженія, финансовъ, суда и пр. Таковы были предположенія торгово-промышленнаго класса, принятыя на съѣздѣ въ Уфѣ (см. гл. X). Нечего и говорить, что устраненіе политики значительно упростило бы и облегчило положеніе Правительства. Но было ли это возможно?

Исторія Сибирскаго Правительства сплошь состоитъ изъ фактовъ политической борьбы. Соперничество партій, отсутствіе у соціалистовъ-революціонеровъ сознанія гибельности ихъ интригъ, наличность неликвидированнаго въ законномъ порядкѣ представительнаго органа, Сибирской Думы, взаимоотношенія съ другими областными правительствами—какъ можно было вырвать эти

вопросы изъ жизни? Политика такъ глубоко проникла во всѣ взаимоотношенія, что избавиться отъ нея было невозможно.

Россійскому Правительству адмирала Колчака было тѣмъ труднѣе достигнуть этого. Поставивъ себѣ задачей объединить всю Россію и добиться признанія союзниковъ, оно не могло отрѣшиться ни отъ международной ни отъ внутренней политики. Однимъ отрицательнымъ лозунгомъ—„долой большевиковъ"—объединить всю Россію было невозможно. Получить признаніе демократическихъ государствъ можно было тоже только по выявленіи политическаго направленія, конечныхъ цѣлей и мотивовъ ихъ осуществленія.

Развѣ не политикою были вопросы о назначеніи ген. Хорвата, смѣщеніи Семенова, переизбраніи самоуправленій и т. д.? Вопросъ о городскихъ и земскихъ организаціяхъ, напримѣръ—это вопросъ о поддержкѣ или оппозиціи правительству. Оставить прежній составъ земствъ—это означало сохранить очаги противоправительственной пропаганды. Почти всѣ земства занимались исключительно политикою, будучи органами все той же злосчастной партіи эсеровъ, сумѣвшей въ революціонной обстановкѣ 1917 года, благодаря нелѣпостямъ избирательнаго закона, засѣсть въ губернскихъ земскихъ управахъ.

Такимъ образомъ, и историческая роль, выпавшая на долю Омскаго Правительства, и мѣстная сибирская обстановка сдѣлали политику неустранимою изъ обихода власти. Совѣту Верховнаго Правителя было чѣмъ заняться.

Г. Г. Тельбергъ.

Центральное мѣсто среди политиковъ Омскаго Правительства занялъ, по должности управляющаго дѣлами, проф. Тельбергъ. При Сибирскомъ Правительствѣ онъ былъ приглашенъ мною на должность старшаго юрисконсульта. Я, впрочемъ, разсчитывалъ на него, какъ на редактора „Правительственнаго Вѣстника", считая его для этого дѣла болѣе подходящимъ. Прибылъ Тельбергъ въ Омскъ уже въ то время, когда я выѣхалъ на Д. Востокъ съ Вологодскимъ, и Административный Совѣтъ откомандировалъ его для сотрудничества въ делегацію во Владивостокѣ. Тамъ мы съ нимъ впервые познакомились.

Тельбергъ—уроженецъ Царицына. Родился въ 1881 г. Онъ окончилъ Казанскій Университетъ, и съ 1905 по 1906 г.г. занимался адвокатурой преимущественно въ районахъ Урала. Степень

Атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Ивановъ-Риновъ.

магистра получилъ за изслѣдованіе по исторіи политическаго суда въ Россіи. Съ 1908 года онъ состоялъ приватъ-доцентомъ Московскаго, а затѣмъ профессоромъ Томскаго и Саратовскаго Университетовъ.

Томская профессорская семья жила очень недружно, и отрицательные отзывы многихъ профессоровъ о Тельбергѣ не могли внушить мнѣ недовѣрія къ нему. Рѣчь шла объ использованіи его, какъ технической силы. Притомъ же онъ являлся дѣятельнымъ работникомъ партіи народной свободы, гласнымъ Томской думы и, слѣдовательно, обладалъ репутаціею общественнаго дѣятеля.

Во время нашего совмѣстнаго пребыванія во Владивостокѣ, Тельбергъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка очень послѣдовательнаго въ разсужденіяхъ, очень упорнаго, умѣющаго держать себя съ достоинствомъ. Не видя среди окружающихъ никого болѣе подходящаго, я рѣшилъ рекомендовать его на постъ управляющаго дѣлами. Мое твердое рѣшеніе отойти отъ активной политической роли было мною выполнено. Я занялъ мѣсто товарища министра народнаго просвѣщенія, Тельбергъ — управляющаго дѣлами.

Какъ раньше мнѣ, такъ теперь ему приходилось быть въ курсѣ всей политики и подготовлять многія рѣшенія. Задача эта была нелегкой. Я отмѣчу пока одну особенность Тельберга. Онъ былъ типичнымъ профессоромъ, который привыкъ разсуждать *теоретически* и *индивидуализировать* свою работу, т. е. ставить подъ нею свое имя. Этимъ вторымъ свойствомъ, характернымъ для ученыхъ, отличаются, по моему, также и общественные дѣятели. Попадая на службу, они работаютъ отъ себя, а не отъ учрежденія, они не умѣютъ быть подчиненными и не понимаютъ того, что государство и правительство покрываютъ ихъ съ головой.

Мнѣ очень понятна психологія такихъ неопытныхъ индивидуалистовъ, потому что такимъ свойствомъ обладалъ и я, когда впервые началъ службу въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Работать „на начальство" мнѣ казалось дикимъ, но потомъ я увидѣлъ, что эта система, иногда извращаемая ловкими начальниками, эксплоатирующими подчиненныхъ, по существу, однако, вытекаетъ изъ духа государственной службы. Внѣшній міръ не долженъ знать, кѣмъ держится учрежденіе, на комъ стоитъ Совѣтъ министровъ—это можетъ быть только предметомъ догадокъ. Тельбергъ не могъ избѣгнуть положенія подчиненнаго по отноше-

нію къ Верховному Правителю, но онъ не хотѣлъ, а, впрочемъ, можетъ быть, и физически не могъ работать еще и на Предсѣдателя Совѣта министровъ.

Въ обязанности управляющаго дѣлами входило, между прочимъ, составленіе политическихъ интервью и отвѣтственныхъ рѣчей. Первая бесѣда Верховнаго Правителя съ представителями печати была тщательно подготовлена и проредактирована Тельбергомъ по схемѣ, указанной адмираломъ. Она оставила очень хорошее впечатлѣніе. Впослѣдствіи это не всегда дѣлалось, или не всегда удавалось. Верховный Правитель обладалъ самъ очень яркою индивидуальностью, онъ любилъ экспромты, любилъ *свое*.

Бесѣда съ представителями печати.

Первая бесѣда происходила 28 ноября.

Адмиралъ высказалъ мотивы, побудившіе его принять верховную власть, а также и свой взглядъ на задачи власти.

„Когда распалось Всероссійское Временное Правительство"— такъ началъ свою бесѣду Верховный Правитель,—„и мнѣ пришлось принять на себя всю полноту власти, я понималъ, какое трудное и отвѣтственное бремя беру на себя.

Я не искалъ власти и не стремился къ ней, но, любя родину, я не смѣлъ отказаться, когда интересы Россіи потребовали, чтобы я всталъ во главѣ правленія.

Моментъ, какой мы сейчасъ переживаемъ—исключительной важности. Россія разрознена на части, хозяйство ея разрушено. Нѣтъ арміи. Идетъ не только партійная распря, ослабляющая собираніе страны, но и длится гражданская война, гдѣ гибнутъ въ братоубійственной бойнѣ тысячи полезныхъ силъ, которыя могли бы принести родинѣ громадныя и неоцѣнимыя услуги.

Я не буду входить въ разсмотрѣніе причинъ, которыя повели къ распаду власти Временнаго Правительства, но, для того, чтобы не было и тѣни сомнѣнія, что я не являлся какимъ-то самозванцемъ или даже захватчикомъ власти, мнѣ придется напомнить ту обстановку, въ какой произошла передача власти мнѣ.

Бывшее Временное Правительство раздѣляло власть вмѣстѣ съ Совѣтомъ министровъ.

Чрезвычайныя событія, прервавшія дѣятельность Временнаго Правительства, побудили Совѣтъ министровъ, съ согласія наличныхъ членовъ Временнаго Правительства, принять на себя всю полноту власти, которая затѣмъ спеціальнымъ актомъ того же Совѣта министровъ была вручена мнѣ.

Передача эта мотивирована тяжкимъ положеніемъ государства и необходимостью сосредоточить всю власть, и военную и гражданскую, въ рукахъ одного лица.

Это нужно намъ для успѣховъ военныхъ; это нужно намъ для успѣховъ международныхъ; это, наконецъ, жизненно необходимо намъ для твердой и рѣшительной внутренней политики, ибо, что сгубило коалиціонную Директорію, какъ не борьба теченій внутри ея самой, приводившая къ слабости ея дѣйствій, къ половинчатости ея рѣшеній.

Изъ ряда законодательныхъ актовъ видно, такимъ образомъ, какимъ порядкомъ я получилъ власть, и что, въ сущности, являлось руководящимъ началомъ для сосредоточенія этой власти въ рукахъ одного лица.

Меня называютъ диктаторомъ.

Пусть такъ—я не боюсь этого слова и помню, что диктатура съ древнѣйшихъ временъ была учрежденіемъ республиканскимъ. Какъ Сенатъ древняго Рима въ тяжкія минуты государства назначалъ диктатора, такъ Совѣтъ министровъ Россійскаго государства въ тягчайшую изъ тяжкихъ минутъ нашей государственной жизни, идя навстрѣчу общественнымъ настроеніямъ, назначилъ меня Верховнымъ Правителемъ.

Принявъ власть, я немедленно разъяснилъ населенію, чѣмъ я буду руководствоваться въ своей государственной работѣ.

Я сказалъ: „я не пойду ни по пути реакціи ни по гибельному пути партійности“. И это свое обѣщаніе я оправдаю не словами, а дѣломъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ гибельно сказался старый режимъ на Россіи, не сумѣвъ въ тяжкіе дни испытаній дать ей возможность устоять отъ разгрома. И, конечно, я не буду стремиться къ тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлаго, чтобы реставрировать все то, что признано самимъ народомъ ненужнымъ.

Съ глубокой искренностью скажу вамъ, господа, что теперь, переживъ впечатлѣнія тяжкой міровой войны, я твердо укрѣпился на той мысли, что *государства нашихъ дней могутъ жить и развиваться только на прочномъ демократическомъ основаніи.*

Я всегда являлся сторонникомъ порядка и государственной дисциплины, а теперь въ особенности буду требовать отъ всѣхъ не только уваженія права, но и—что главнѣе всего въ процессѣ возстановленія государственности—поддержанія порядка.

Порядокъ и законъ въ моихъ глазахъ являются неизмѣнными спутниками, неразрывно другъ съ другомъ связанными. Я буду принимать всѣ мѣры, которыми располагаю въ силу своихъ чрезвычайныхъ полномочій, для борьбы съ насиліемъ и произволомъ. Я буду стремиться къ возстановленію правильнаго отправленія всѣхъ функцій государственной жизни, служащихъ не только дѣлу государственнаго строительства, но и возрожденію родины, такъ грубо, такъ дерзко нарушенному предательской рукой большевиковъ.

Мнѣ нѣтъ нужды говорить о томъ, какой вредъ принесли эти люди Россіи. Вотъ почему и дѣло возстановленія родины не можетъ не быть связаннымъ съ безпощадной, неумолимой борьбой съ большевиками. Только уничтоженіе большевизма можетъ создать условія спокойной жизни, о чемъ такъ изстрадалась русская земля; только послѣ выполненія этой тяжелой задачи, мы всѣ можемъ снова подумать о правильномъ устройствѣ всей нашей державной государственности. Слѣдуетъ всегда помнить, что мы здѣсь не одни, что такая же борьба съ большевиками ведется на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ Россіи, гдѣ также проснулась тяга къ возрожденію и возстановленію русской державы.

Обстановка, въ какой мы сейчасъ пребываемъ, заставляетъ меня и моихъ ближайшихъ помощниковъ сосредоточить все вниманіе, прежде всего, на созданіи сильной боеспособной арміи. Это наша первостепенная задача.

Безъ арміи нѣтъ государства; безъ арміи нѣтъ возможности охранять достоинство и честь родины. Печальный развалъ арміи на фронтѣ въ прошломъ году лучше всего подтверждаетъ мою мысль. Если интеллигенція является мозгомъ страны, то армія является источникомъ ея силы и крѣпости.

Другая ближайшая задача, которая неразрывно связана съ возстановленіемъ арміи—это соглашеніе съ остальными государственными образованіями, которыя стремятся въ разныхъ областяхъ освобожденной отъ большевиковъ Россіи охранить русскую государственность. Къ этому соглашенію должны быть приложены всѣ усилія, дабы державные интересы Россіи не пострадали и не умалились, и мнѣ думается, что и здѣсь единоличная форма власти въ такой переходный періодъ облегчитъ соглашеніе между людьми, стоящими во главѣ отдѣльныхъ правительствъ.

Въ результатѣ этого процесса возсоединенія Россіи могутъ быть поставлены на очередь и тѣ вопросы, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, вполнѣ законно волнуютъ разные общественные кру-

ги—именно, вопросы о томъ, какой же образъ правленія будетъ въ концѣ концовъ установленъ въ Россіи.

Разъ будутъ созданы нормальныя условія жизни, разъ въ странѣ будутъ царить законность и порядокъ, тогда возможно будетъ приступить и къ созыву Національнаго Собранія.

Я избѣгаю называть Національное Собраніе Учредительнымъ Собраніемъ, такъ какъ послѣднее слово слишкомъ скомпрометировано. Опытъ созыва Учредительнаго Собранія, собраннаго въ дни развала страны, далъ слишкомъ односторонній партійный составъ. Вмѣсто Учредительнаго Собранія, собралось партійное, которое запѣло интернаціоналъ и было разогнано матросомъ. Повтореніе такого опыта недопустимо.

Вотъ почему я и говорю о созывѣ Національнаго Собранія, гдѣ народъ, въ лицѣ своихъ полномочныхъ представителей, *установитъ формы государственнаго правленія, соотвѣтствующія національнымъ интересамъ Россіи.*

Я не знаю иного пути къ рѣшенію этого основного вопроса, кромѣ того пути, который лежитъ черезъ Національное Собраніе.

Работы на пути возрожденія Россіи предстоитъ много. Она непосильна одному человѣку.

Я былъ бы безумцемъ, если бы возмечталъ выполнить ее единолично. Нѣтъ, вся эта многотрудная работа будетъ выполнена мною въ полномъ единеніи съ Совѣтомъ министровъ, и я глубоко убѣжденъ, что наши намѣренія будутъ встрѣчены довѣріемъ и поддержкой населенія страны. Въ этомъ меня убѣждаютъ сотни привѣтственныхъ телеграммъ, искреннихъ и горячихъ, которыя я получаю сейчасъ со всѣхъ концовъ Сибири".

Омскій блокъ.

Бесѣда съ адмираломъ оставила самое лучшее впечатлѣніе. Искренность, съ которою всегда говорилъ Колчакъ, не умѣвшій быть фальшивымъ, сквозила и въ его тонѣ и въ выраженіи лица и обычно очаровывала собесѣдниковъ.

Бесѣда много способствовала тому, что омскій блокъ, сыгравшій такую положительную роль въ дѣлѣ поддержки Сибирскаго Правительства противъ Думы и Директоріи, вновь ожилъ, чтобы оказать моральную поддержку диктатору.

Хотя отвѣтъ блока на выступленіе Верховнаго Правителя послѣдовалъ значительно позже, 19 декабря, но онъ являлся прямымъ отвѣтомъ на декларативныя заявленія адмирала, а потому я приведу его сейчасъ.

Тотъ фактъ, что блокъ не распался послѣ переворота, что всѣ соціалистическія группы, раньше въ него вошедшія, остались по-прежнему на сторонѣ омской власти и выразили свое довѣріе Верховному Правителю, не можетъ не быть отмѣченнымъ. Это не было исключительно омскимъ явленіемъ. Въ то время, какъ представитель національнаго центра въ Сибири Бѣлоруссовъ-Бѣлецкій дѣлалъ въ Екатеринбургѣ докладъ о благотворности происшедшаго переворота и о полномъ довѣріи къ адмиралу Колчаку, какъ лицу, соединяющему въ себѣ разносторонніе таланты съ рѣдкимъ мужествомъ—передовой органъ иностранной прессы въ Китаѣ „Пекинъ и Тяньцзинъ Таймсъ" писалъ, что только диктатура соотвѣтствуетъ переживаемому Россіей моменту.

Такъ сходились въ то время различныя мнѣнія, и только теперь, послѣ неудачъ адмирала, многіе готовы раскаиваться въ прежнихъ своихъ воззрѣніяхъ.

Заявленіе блока.

„Въ четвергъ 19 декабря, въ 6 часовъ вечера, Верховнымъ Правителемъ адмираломъ А. В. Колчакомъ была принята делегація отъ блока политическихъ и общественныхъ объединеній въ составѣ 14 человѣкъ, по одному отъ каждаго.

Старѣйшимъ изъ делегаціи было сдѣлано заявленіе слѣдующаго содержанія:

„Его Высокопревосходительству Верховному Правителю адмиралу Александру Васильевичу Колчаку.

Нижепоименованныя политическія и общественныя объединенія, въ годину исключительныхъ бѣдъ для русскаго государства и народа, взаимно согласились выше всѣхъ обычно ихъ раздѣляющихъ стремленій и воззрѣній поставить спасеніе и благо государства Россійскаго и заботу о достояніи народа русскаго.

Обсудивъ на совмѣстныхъ совѣщаніяхъ своихъ ту совокупность руководящихъ началъ для предстоящей дѣятельности государственной власти въ Россіи, которая выражена въ обращеніи Верховнаго Правителя къ представителямъ печати отъ 28 ноября 1918 года новаго стиля, нижепоименованныя общественныя объединенія сознали въ заявленіяхъ Верховнаго Правителя жизненную вѣрность и необходимость имъ указаннаго пути для русскаго народа и для русской власти.

Нижепоименованныя объединенія россійскихъ общественныхъ силъ, которымъ дороги начала здороваго демократическаго устрой-

ства жизни русскаго народа, просятъ Верховнаго Правителя принять отъ нихъ внушенныя любовью къ Россіи, глубоко искреннія выраженія безповоротной рѣшимости всемѣрно поддерживать власть Россійскаго Правительства, возглавляемаго единолично Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Александромъ Васильевичемъ Колчакомъ.

Да благословитъ Богъ труды Россійской власти по возстановленію государства Россійскаго въ быломъ достоинствѣ и мощи въ мірѣ и порядкѣ въ правѣ, свободѣ и благосостояніи всего народа русскаго.

Представители:

Совѣта Всесибирскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ—Анатолій Сазоновъ.

Омскаго Отдѣла Союза Возрожденія Россіи—Владимиръ Куликовъ.

Всероссійскаго Совѣта Съѣздовъ торговли и промышленности —Данила Каргаловъ.

Омскаго комитета трудовой народно-соціалистической партіи — Антонинъ Новиковъ (Николай Филашевъ).

Казачьихъ войскъ:

Сибирскаго: Ефимъ Березовскій.

Забайкальскаго: Яковъ Лапшаковъ.

Семирѣченскаго: Степанъ Шендриковъ.

Иркутскаго: Семенъ Мелентьевъ.

Омской группы партіи соціалистовъ-революціонеровъ („Воля Народа“)—Илья Строгановъ.

Восточнаго отдѣла центр. комитета партіи „Народной свободы“ (к.-д.)—Валентинъ Жардецкій.

Центральнаго военно-промышленнаго комитета—Никита Двинаренко.

Акмолинскаго Областного отдѣла Всероссійскаго Національнаго Союза—Григорій Ряжскій.

Атамановской *) группы Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи „Единство“—Иванъ Рубанковъ.

Предсѣдатель блока политическихъ и общественныхъ объединеній А. Балакшинъ“.

Одновременно и такого же содержанія была заявлена блокомъ декларація Предсѣдателю Совѣта министровъ Россійскаго Правительства Петру Васильевичу Вологодскому.

---

*) Атамановскій хуторъ—пригородъ Омска.

Еще раньше было сдѣлано заявленіе о полной готовности поддержать адмирала со стороны несоціалистическихъ организацій. Но, конечно, это заявленіе было гораздо менѣе выигрышно для диктатора, чѣмъ обращеніе блока, включавшаго въ себя и соціалистическіе элементы.

Семеновскій инцидентъ.

Въ то время, какъ адмиралъ давалъ свои объясненія печати и завоевывалъ всеобщія симпатіи, Чита продолжала бунтовать.

Оправданный по суду полк. Волковъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Это была, несомнѣнно, тактическая ошибка. Даже при невозможности вмѣненія ему политическаго проступка, онъ долженъ былъ быть не награжденъ, а, наоборотъ, наказанъ хотя бы дисциплинарно. Волковъ получилъ затѣмъ миссію—ѣхать въ Читу и убѣдить Семенова въ государственномъ вредѣ его выступленія.

Въ концѣ ноября министрамъ предложено было дѣлать еженедѣльные доклады адмиралу. Я замѣнялъ въ Омскѣ Сапожникова и, когда пришла очередь министра народнаго просвѣщенія, поѣхалъ въ ставку Верховнаго Правителя съ докладомъ.

Ставка помѣстилась въ обширномъ зданіи Управленія Омской желѣзной дороги. Внѣшнее впечатлѣніе посѣтителя должно было быть таково, что цѣлый этажъ этого огромнаго зданія превратился въ военный муравейникъ.

Былъ вечеръ, но жизнь кипѣла. Министрами никто не заинтересовался. Стояли въ коридорѣ Вологодскій, Михайловъ, Старынкевичъ, Гаттенбергеръ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Жуковскій. Тутъ же былъ Сукинъ. Такимъ образомъ, весь Совѣтъ Верховнаго былъ въ сборѣ. Какъ и Старынкевичъ, я былъ лишнимъ, случайнымъ гостемъ, въ виду совпавшаго съ засѣданіемъ очередного доклада. Изъ членовъ совѣта Верховнаго отсутствовалъ Ключниковъ. Онъ, какъ я узналъ послѣ, не пріѣхалъ демонстративно, въ видѣ протеста противъ приглашенія, безъ его согласія, Сукина.

Послѣ непродолжительнаго ожиданія въ коридорѣ, мы были приглашены въ кабинетъ адмирала. Верховный предложилъ Сукину сдѣлать докладъ, который онъ долженъ былъ приготовить. Сукинъ вытащилъ американскіе очки, громадныя стекла въ черепашьей оправѣ, и сталъ читать свою записку, въ которой перечислялъ всѣ случаи чешскаго вмѣшательства въ политику и предлагалъ сообщить

о нихъ чешскому министру Стефанеку, пріѣздъ котораго ожидался въ Омскѣ, въ такой формѣ, чтобы это не было жалобой, а было выраженіемъ надежды, что подобныя ненормальности больше не повторятся. Въ другой запискѣ Сукинъ высказывалъ общій взглядъ на международную политику, отмѣчая преобладающее значеніе Америки. Никто не возражалъ; всѣ, видимо, совершенно не были подготовлены. Замѣнявшій Ключникова Жуковскій сказалъ нѣсколько словъ объ американизмѣ Сукина, но ничего убѣдительнаго и существеннаго противъ докладовъ не привелъ. Они были одобрены и получили, такимъ образомъ, значеніе руководящихъ указаній для министерства иностранныхъ дѣлъ.

Не помню, успѣлъ ли уже окончить свой докладъ Сукинъ, когда въ кабинетъ вошелъ изящный и статный полковникъ съ симпатичной наружностью. Это былъ Лебедевъ. Сообщилъ, что имѣетъ новости. Онъ только что говорилъ по прямому проводу съ Семеновымъ и поставилъ ему опредѣленно вопросъ: „Признаете вы адмирала или нѣтъ"? Семеновъ отвѣтилъ: „не признаю".

Адмиралъ молча посмотрѣлъ на присутствовавшихъ, какъ бы ища совѣта. Тогда Тельбергъ, страдавшій всегда доктринерствомъ, сталъ излагать безапелляціоннымъ тономъ, что лучшій способъ борьбы въ такихъ случаяхъ — отрѣшеніе отъ должности. Всѣ окружающія атамана лица будутъ опасаться поддерживать его, какъ мятежника, онъ не будетъ имѣть казенныхъ средствъ и т. д. Повидимому, этотъ совѣтъ имѣлъ рѣшающее значеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные промолчали. У меня осталось впечатлѣніе, что мнѣніе это соотвѣтствовало и взглядамъ Лебедева: недаромъ онъ поторопился со своимъ вызывающимъ вопросомъ атаману, не выждавъ пріѣзда въ Читу Волкова, который на пути туда успѣлъ къ этому времени прибыть только въ Иркутскъ. Рѣшеніе семеновскаго дѣла, въ которомъ не была учтена та реальная сила, которою обладалъ атаманъ, была гвоздемъ засѣданія. Оно скоро окончилось.

Старынкевичъ такъ же, какъ и я, прибылъ для доклада текущихъ дѣлъ. Когда засѣданіе Совѣта Верховнаго Правителя окончилось, Вологодскій и Гаттенбергеръ уѣхали, а Михайловъ и Тельбергъ почему-то остались присутствовать при докладахъ Старынкевича и моемъ. Порядка еще не установилось.

Во время докладовъ адмиралъ тяжело молчалъ. Онъ, видимо, былъ уже сильно утомленъ дневной и вечерней работой. Выслушавъ доложенный Старынкевичемъ планъ работъ м-ва юстиціи, онъ просилъ ускорить разработку законопроектовъ о наказуемости

спекуляціи и о порядкѣ реквизицій. Мнѣ же не далъ никакихъ указаній.

Приказъ № 61.

Результатомъ описаннаго засѣданія явился слѣдующій приказъ: „Г. Омскъ. 1 декабря 1918 г.

§ 1.

Командующій 5-мъ отдѣльнымъ пріамурскимъ армейскимъ корпусомъ полковникъ Семеновъ за неповиновеніе, нарушеніе телеграфной связи и сообщеній въ тылу арміи, что является актомъ государственной измѣны, отрѣшается отъ командованія 5-мъ корпусомъ и смѣщается со всѣхъ должностей, имъ занимаемыхъ.

§ 2.

Генералъ-майору Волкову, Сибирскаго казачьяго войска, подчиняю 4-ый и 5-ый корпусные районы во всѣхъ отношеніяхъ на правахъ командующаго отдѣльной арміей, съ присвоеніемъ правъ генералъ-губернатора, съ непосредственнымъ мнѣ подчиненіемъ.

§ 3.

Приказываю генералъ-майору Волкову привести въ повиновеніе всѣхъ не повинующихся Верховной власти, дѣйствуя по законамъ военнаго времени.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій адмиралъ Колчакъ“.

Семеновъ не испугался приказа. Какъ бы въ отвѣтъ на отрѣшеніе отъ должности, прервались телеграфныя сообщенія Омска съ Востокомъ, стали задерживаться поѣзда, была произведена въ Читѣ выемка изъ казначейства.

Скандалъ принялъ непріятныя и серьезныя формы. Семеновскій органъ „Русскій Востокъ“, обсуждая инцидентъ, рекомендовалъ Семенова въ Верховные Правители, понося адмирала. Волкову не съ чѣмъ было двинуться на Читу, да къ тому же японцы заняли Забайкальскую дорогу, грозя не допустить военныхъ дѣйствій.

Тогда казачество послало къ Семенову делегацію, чтобы убѣдить его прекратить оппозицію.

Атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска Семеновъ.

Ивановъ-Риновъ, возвращавшійся въ это время изъ Владивостока въ Омскъ, „спѣшилъ“ въ Читу для той же цѣли. Спутники Иванова разсказывали потомъ, что во время этой „спѣшной“ поѣздки онъ останавливался на пути для охоты.

Информировавшись о происходящемъ, атаманъ Дутовъ телеграфировалъ Семенову:

„Телеграмма ваша о непризнаніи Колчака Верховнымъ Правителемъ мною получена. Въ той же телеграммѣ вами признается этотъ образъ правленія и его составъ, кромѣ адмирала Колчака, и указываются лишь персональныя несогласія. Вы признаете на этотъ постъ достойными Деникина, Хорвата и меня. Хорватъ призналъ власть Колчака, о чемъ я извѣщенъ такъ же, какъ и вы. Полковникъ Лебедевъ, отъ имени Деникина, призналъ власть Колчака. Такимъ образомъ, Деникинъ и Хорватъ отказались отъ этой высокой, но тяжелой обязанности. Я и войско признали власть адмирала Колчака тотчасъ же по полученіи объ этомъ извѣстія, и тѣмъ самымъ исключается возможность моей кандидатуры. Слѣдовательно, адмиралъ Колчакъ долженъ быть признанъ и вами, ибо другого выхода нѣтъ. Я, старый боецъ за родину и казачество, прошу васъ учесть всю пагубность вашей позиціи, грозящей гибелью родинѣ и всему казачеству. Сейчасъ вы задерживаете грузы военные и телеграммы, посланныя въ адресъ Колчака. Вы совершаете преступленіе передъ всей родиной и, въ частности, передъ казачествомъ. За время борьбы я много разъ получалъ обидные отказы въ своихъ законныхъ просьбахъ, и вотъ уже второй годъ войско дерется за родину и казачество, не получая ни отъ кого ни копейки денегъ, и обмундировывалось своими средствами, помня лишь одну цѣль — спасеніе родины, и всегда признавало единую всероссійскую власть безъ всякихъ ультиматумовъ, хотя бы въ ущербъ благосостоянію войска. Мы, разоренные и имѣющіе много сожженныхъ до тла станицъ, продолжаемъ борьбу, и въ рядахъ нашихъ сыны, отцы и дѣти служатъ вмѣстѣ. Мы, изнемогая въ борьбѣ, съ единственной надеждой взирали на Сибирь и Владивостокъ, откуда ожидали патроны и другіе матеріалы, и вдругъ узнаемъ, что вы, нашъ братъ, казакъ, задержали ихъ, несмотря на то, что они адресованы намъ же, казакамъ, борцамъ за родину. Теперь я долженъ добывать патроны только съ боемъ, цѣною жизни своихъ станичниковъ, и кровь ихъ будетъ на васъ, братъ атаманъ. Неужели вы допустите, чтобы славное имя атамана Семенова въ нашихъ степяхъ произносилось съ проклятіемъ? Не можетъ этого быть! Я вѣрю въ вашу казачью душу и надѣюсь, что моя те-

леграмма разсѣетъ ваши сомнѣнія, и вы признаете адмирала Колчака верховнымъ Правителемъ великой Россіи. Атаманъ Дутовъ".

Однако, дѣло Семенова затянулось. Въ декабрѣ на него было произведено покушеніе, и онъ былъ легко раненъ въ ногу осколкомъ брошенной въ театръ бомбы. Къ этому времени компромиссъ уже намѣтился. Выполненіе грознаго приказа было пріостановлено, и скоропалительное рѣшеніе, предложенное въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя, не послужило укрѣпленію авторитета адмирала.

Печальный симптомъ.

Въ эти первые еще сумбурные дни „диктатуры" уже вырисовался одинъ непріятный штрихъ. Адмиралъ—Верховный Главнокомандующій поглотилъ адмирала —Верховнаго Правителя, вмѣстѣ съ его Совѣтомъ министровъ. Ставка недаромъ производила впечатлѣніе муравейника. Въ ней были свои министерства. Сукинъ изъ ставки диктовалъ указанія министерству иностранныхъ дѣлъ. Лебедевъ рѣшалъ вопросы внутренней политики. Особая канцелярія Верховнаго, такъ называемый „Осканверхъ", законодательствовала.

Въ первые же дни власти (30 ноября. См. „Правит. Вѣстн." № 17) появился приказъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры и о представленіи военно-цензурному отдѣленію ставки Верховнаго Главнокомандующаго права закрывать газеты по цѣлому ряду поводовъ, далеко выходившихъ за предѣлы компетенціи военнаго вѣдомства.

Ни Предсѣдатель Совѣта министровъ, ни управляющій дѣлами, ни министръ внутреннихъ дѣлъ не протестовали. Совѣтъ министровъ, который несъ политическую отвѣтственность, ничего не замѣчалъ, а язва безпорядочности и произвола, такъ рано появившаяся, росла и давала себя знать, заражая политическую атмосферу.

Глава XII.

Интервенція.

Со времени Директоріи, нѣкогда захолустный Омскъ становится виднымъ центромъ. Его имя не сходитъ со столбцовъ иностранной прессы, а въ самомъ Омскѣ блещутъ мундиры всѣхъ націй, мелькаютъ автомобили, замѣчается необычайное оживленіе, шумно проходятъ парады, проводы, встрѣчи.

Это все союзники. Каждый знаетъ о союзникахъ, каждый говоритъ о нихъ, о ихъ помощи. Но что скрывается за этимъ? Были ли дѣйствительно союзники у адмирала Колчака, и въ чемъ заключался этотъ союзъ? На этотъ вопросъ едва ли многіе имѣли и даже теперь имѣютъ готовый отвѣтъ.

Съ союзниками мы встрѣтились впервые во время поѣздки съ Вологодскимъ на Востокъ. Тамъ только мы могли узнать о направленіи японской политики на Дальнемъ Востокѣ, объ ея близости къ атаманамъ, объ ея доминирующемъ положеніи во Владивостокѣ, гдѣ русскія власти зависѣли всецѣло отъ японскаго генерала, какъ главнокомандующаго всѣми союзными силами, и, наконецъ, о тяжкой обидѣ, нанесенной національному чувству русскихъ разоруженіемъ офицеровъ во Владивостокѣ.

Грустные эпизоды начала.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ начальному періоду интервенціи, далеко не безынтересны.

Началась она военною поддержкою со стороны Японіи атамановъ Семенова и Калмыкова. Первый дѣйствовалъ въ Забайкальѣ. Снабжали его оружіемъ и французы. Онъ сформировалъ свой „Особый Маньчжурскій отрядъ“ въ полосѣ отчужденія и дошелъ, при поддержкѣ отряда Враштеля, высланнаго изъ Харбина, до р. Онона. Второй расположился на ст. Пограничная, т. е. на восточной границѣ полосы отчужденія, въ сторону Никольскъ-Уссурійска.

Обоихъ атамановъ поддерживали японцы. Но какъ? Была ли это случайная помощь отдѣльнымъ отрядамъ или систематическая поддержка русскихъ военныхъ формированій? Японія была союзницею Россіи въ войнѣ съ Германіей, и послѣднее было бы вполнѣ естественно, особенно въ то время, когда большевизмъ считался несомнѣннымъ дѣтищемъ Германіи. Однако, дѣло было не такъ.

Лѣтомъ 1918 г. въ Харбинѣ уже появился адмиралъ Колчакъ, въ качествѣ организатора военныхъ силъ. Онъ стремился достигнуть объединенія всѣхъ разрозненныхъ отрядовъ, прекращенія ихъ своеволій, централизаціи управленія и возстановленія дисциплины. Но военные представители Японіи предпочитали поддерживать Семенова и Калмыкова непосредственно.

На этой почвѣ произошло столкновеніе адмирала Колчака съ начальникомъ японской военной миссіи, генераломъ Накашимой. Мнѣ неизвѣстны подробности этого столкновенія. Но разсказывали, что вспыльчивый адмиралъ, лишенный всякой дипломатической выдержки, наговорилъ Накашимѣ непріятностей, обвиняя послѣдняго въ томъ, что онъ мѣшаетъ русскимъ создать здоровую военную силу. Вслѣдъ за тѣмъ, адмиралъ уѣхалъ въ Японію и прекратилъ работу. Вѣроятно, неправы были обѣ стороны. Но главной причиной этого инцидента были, какъ мнѣ казалось, не вспыльчивость адмирала и не коварство Накашимы, а отсутствіе ясности въ тѣхъ взаимныхъ интересахъ и тѣхъ взаимныхъ уступкахъ, которыя могли бы послужить основою добросовѣстнаго сотрудничества обѣихъ націй.

Съ момента вступленія иностранныхъ войскъ на русскую территорію, количество недоразумѣній стало расти. Не было той признанной русской власти, которая могла бы сразу опредѣлить взаимоотношенія съ интервентами, и въ самомъ началѣ произошелъ прискорбный эпизодъ, какъ бы предвѣстникъ послѣдующаго.

Правительство Дербера сообщило союзному командованію, что генералъ Хорватъ и его Дѣловой Кабинетъ подготовляютъ во Владивостокѣ переворотъ при помощи офицерства. Такъ ли это было или не такъ, но результатомъ явилось разоруженіе русскаго офицерства.

Не выдержавъ позора разоруженія, одинъ офицеръ застрѣлился. Когда его хоронили, англійскій крейсеръ салютовалъ. Общественное мнѣніе было такъ возмущено, что, подъ вліяніемъ его, вскорѣ произошелъ возвратъ оружія.

Союзные дипломаты.

Еще въ Харбинѣ Вологодскаго посѣтили Высокій Комиссаръ Англіи, сэръ Чарльзъ Элліотъ, и начальникъ японской дипломатической миссіи на Д. Востокѣ, графъ Мацудайра.

Сэръ Чарльзъ Элліотъ, впослѣдствіи англійскій посолъ въ Токіо, уже не разъ бывавшій въ Россіи, свободно говоритъ по-русски, хорошо знаетъ Восточную Сибирь и Востокъ вообще. Онъ проявилъ большой интересъ къ положенію дѣлъ въ Сибири и намѣреніямъ Вологодскаго и на другой день отправился на Западъ, въ Омскъ, для личнаго ознакомленія съ обстановкой.

Графъ Мацудайра—типичный японскій дипломатъ. Онъ никогда не отвѣчаетъ на вопросы безъ оговорокъ и предпочитаетъ спрашивать.

Оба посла отнеслись къ главѣ Омскаго Правительства съ большимъ вниманіемъ и интересомъ.

Во Владивостокѣ кругъ дипломатическихъ сношеній расширился. Тамъ были еще представители Франціи и Америки, послы Реньо и Моррисъ.

Почтенный Реньо долго служилъ на Ближнемъ Востокѣ. Передъ пріѣздомъ во Владивостокъ онъ былъ французскимъ посломъ въ Токіо. Болѣе сердечнаго отношенія къ Правительству, чѣмъ проявилъ онъ, я не представляю себѣ. Это былъ дѣйствительно благожелательный другъ. Онъ отлично понималъ, какъ трудно положеніе Вологодскаго во Владивостокѣ, гдѣ въ его распоряженіи не было никакой реальной силы, и гдѣ все, и русское и иностранное, было одинаково расчленено, запутано, сложно и непонятно. И онъ охотно давалъ совѣты и указанія, помогая или ускоряя рѣшеніе.

Совершенно иначе встрѣтилъ Вологодскаго Моррисъ. Онъ не только не сдѣлалъ визита главѣ Сибирскаго Правительства, даже послѣ признанія его всѣми группировками Д. Востока, но и не отдалъ визита, къ чему, казалось, обязывала обычная вѣжливость. По впечатлѣніямъ лицъ, сопровождавшихъ Вологодскаго при поѣздкахъ къ американскому послу, Моррисъ встрѣчалъ его надменно и иронически.

Каково было людямъ, сохранившимъ въ себѣ національное чувство, видѣть себя въ русскомъ городѣ на положеніи худшемъ, чѣмъ положеніе иностранцевъ! Въ то время, какъ чехи, обладавшіе военною силою, были на положеніи равномъ со всѣми союзниками, мы, „хозяева“ страны, должны были *просить разрѣше-*

нія на проѣздъ по нѣкоторымъ загороднымъ шоссе. Такъ, однажды, когда я съ кѣмъ-то изъ членовъ делегаціи выѣхалъ кататься за городъ, нашъ автомобиль остановилъ американскій часовой, потребовавшій пропуска.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда уѣзжалъ на Западъ Гайда. Провожать его собрался весь дипломатическій корпусъ. Въ блестящемъ обществѣ дипломатовъ сѣренькія фигуры скромныхъ омскихъ представителей совершенно терялись. На вагонѣ Гайды, быть можетъ, намѣренно, была оставлена надпись „Иркутскъ—Москва". Публика проводила Гайду оваціями.

Американская иниціатива и цѣли интервенціи.

„*Военное вмѣшательство скорѣе принесетъ Россіи вредъ, нежели помощь,* въ ея тяжеломъ положеніи". Такъ говорится въ заявленіи правительства Соединенныхъ Штатовъ Америки, 5 августа 1918 года.

Съ пророческою правдою предсказываетъ дальше заявленіе Америки, что „вмѣшательство въ дѣла Россіи, для нанесенія удара Германіи, можетъ скорѣе всего явиться способомъ *использованія Россіи,* нежели оказаніемъ ей помощи. Состояніе русскаго народа будетъ употреблено на содержаніе иностранныхъ армій, а не на реконструкцію ея арміи и прокормленіе населенія."

Твердо рѣшивъ направить всю энергію на западный фронтъ и выиграть войну тамъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ поставило себѣ въ отношеніи Россіи лишь слѣдующія цѣли:

1) оказать покровительство и помощь чехо-словакамъ противъ нападенія на нихъ бывшихъ австрійскихъ и германскихъ военноплѣнныхъ;

2) охрану въ Россіи военныхъ складовъ, необходимыхъ для ея будущей арміи, и

3) оказаніе русскимъ той помощи, которая можетъ быть принята русскими въ организаціи ихъ собственной самозащиты (подразумѣвается, противъ нѣмцевъ, но не противъ большевиковъ).

Исходя изъ этихъ соображеній, правительство Соединенныхъ Штатовъ „*предложило правительству Японіи* отправить во Владивостокъ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ цѣляхъ совмѣстной дѣятельности съ американскими войсками."

Дальше въ американскомъ заявленіи дается обѣщаніе, которое мы должны твердо помнить въ будущихъ нашихъ международныхъ отношеніяхъ: „совершая такой актъ, правительство Со-

единенныхъ Штатовъ желаетъ широко и торжественно освѣдомить русскій народъ, что оно... не предполагаетъ произвести никакого ухудшенія территоріальной независимости теперь или потомъ.“

Такимъ образомъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ опредѣленно заявило, что инициатива посылки японскихъ войскъ принадлежитъ ему, и по дальнѣйшимъ торжественнымъ словамъ заявленія можно заключить, что оно гарантируетъ территоріальную неприкосновенность россійскихъ владѣній.

Американское заявленіе подписано 5 августа, а на слѣдующій день, 6 августа, была опубликована декларація Японіи. Въ этой деклараціи не говорится ни о какихъ спеціальныхъ интересахъ японскаго народа. Она построена на томъ, что безучастное отношеніе къ судьбѣ доблестныхъ чехо-словацкихъ войскъ не можетъ имѣть мѣста.

„Въ ряды силъ, теперь противодѣйствующихъ этимъ доблестнымъ войскамъ, свободно вербуются германскіе и австро-венгерскіе плѣнные, и фактически они занимаютъ положеніе командное.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ равнымъ образомъ, чувствуя важность положенія въ настоящій моментъ, выступило передъ японскимъ правительствомъ съ предложеніемъ о возможно скорой посылкѣ войскъ, для облегченія чехо-словацкихъ войскъ, выносящихъ давленіе превосходныхъ силъ непріятеля.

Японское правительство рѣшило немедленно послать соотвѣтствующія силы для выполненія этой миссіи.

Дѣйствуя такимъ образомъ, японское правительство остается при своемъ постоянномъ желаніи сохранять отношенія продолжительной дружбы съ Россіей и русскимъ народомъ и подтверждаетъ свою открыто признаваемую политику уваженія территоріальной неприкосновенности Россіи и нежеланія какого бы то ни было вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Японское правительство также заявляетъ, что, послѣ выполненія упомянутой выше цѣли, оно немедленно выведетъ всѣ японскія войска съ русской территоріи и оставитъ совершенно неприкосновеннымъ суверенитетъ Россіи во всѣхъ его видахъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ“.

Деклараціи Великобританіи и Франціи.

Нѣсколько позже появились обращенія къ русскому народу великобританскаго правительства и Высокаго Комиссара Франціи. Въ нихъ заключаются нѣсколько иные мотивы.

Какъ первое, подписанное министромъ иностранныхъ дѣлъ Бальфуромъ 22 августа, такъ и второе, подписанное М. Реньо 19 сентября того же года, въ сердечныхъ выраженіяхъ говорятъ о дружбѣ, благодарности и желаніи помочь Россіи. Особенно ярко это выявлено Бальфуромъ.

„Ваши союзники", говорится въ обращеніи великобританскаго правительства, „не забыли о васъ. Мы прекрасно помнимъ всю помощь, оказанную намъ вашими геройскими арміями въ первые годы войны. *Теперь наша очередь придти на помощь вамъ.* Мы приходимъ, какъ друзья, помочь вамъ спастись отъ раздѣла и гибели, грозящихъ вамъ отъ руки Германіи, которая стремится поработить вашъ народъ и использовать для себя неисчислимыя богатства вашей страны.

Народы Россіи! Мы стремимся не только отразить германское вторженіе, но и оказать *экономическую помощь* вашей разоренной, страждущей родинѣ. Партіи нѣкоторыхъ припасовъ уже нами посланы, за ними послѣдуютъ другія. Нашей задачей является содѣйствіе развитію вашей промышленности и использованію вами самими природныхъ богатствъ вашей родины, но ни въ коемъ случаѣ не эксплоатація ихъ въ нашихъ узкихъ интересахъ.

Наше единственное желаніе *видѣть Россію сильной и свободной*".

Какъ ни тепло это обращеніе, все же въ немъ нельзя не замѣтить, наряду съ дружескими чувствами, и „интереса". Въ обращеніи нѣсколько разъ говорится о германской опасности, о германскомъ вторженіи, и заключительная фраза „наше желаніе— видѣть Россію сильною и свободною" пріобрѣтаетъ поэтому *условное* значеніе.

Но тутъ будетъ кстати процитировать еще обращеніе „Британскаго народа—русскимъ патріотамъ", принятое на всенародномъ національномъ митингѣ въ Трафальгарскомъ скверѣ въ Лондонѣ, въ присутствіи 50 тысячъ человѣкъ. Этотъ митингъ закончился дружественною Россіи демонстраціей съ русскими флагами.

Вотъ что говорится въ этомъ неоффиціальномъ обращеніи къ Россіи:

„Мы, народъ Великой Британіи, граждане старѣйшей въ мірѣ демократіи, шлемъ это посланіе нашему Великому союзнику—Россіи, отдавъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что она была предана и продана врагу группою *измѣнниковъ, преслѣдующей только личныя цѣли.*

Намъ вѣдомо также, что мы, союзники, упустили случай своевременно и рѣшительно поддержать русскихъ патріотовъ, которыхъ морили голодомъ и постыдно *убивали за вѣрность намъ.*

Поэтому мы обязуемся передъ всѣми русскими патріотами, пострадавшими за общее союзное дѣло и нынѣ сражающимися за возрожденіе своей родины, что мы станемъ съ ними плечомъ къ плечу въ ихъ борьбѣ, что ихъ борьба будетъ нашей борьбой, какъ ихъ свобода будетъ нашей".

Подписано заявленіе Хавелокомъ Вильсономъ, предсѣдателемъ союза моряковъ, лидеромъ англійскихъ тредъ-юніоновъ, объединяющихъ до 8 милліоновъ рабочихъ.

Я остановлюсь еще на декларацiи Реньо.

Помимо общихъ съ другими декларацiями мѣстъ, напримѣръ, о помощи чехо-словакамъ, здѣсь имѣется единственно только въ этой французской декларацiи выраженный мотивъ о помощи *здоровымъ элементамъ русскаго народа,* стремящимся положить конецъ большевистской дезорганизацiи.

Важно и то, что Реньо, говоря объ экономической помощи Россiи, обѣщалъ ее *совершенно безкорыстно.*

Въ виду этого, я приведу нѣсколько цитатъ изъ его декларацiи.

„Тѣсная дружба, столь давно соединяющая Францiю и Россiю, живетъ еще въ сердцахъ обѣихъ нацiй. Францiи извѣстенъ героизмъ русскихъ солдатъ, обильно оросившихъ кровью своей поля битвъ, и она, помня ихъ боевыя заслуги въ первые годы войны, глубоко вѣритъ въ возрожденiе и боевое будущее русской армiи.

Францiя, какъ и союзники ея, не могла не отвѣтить на призывъ здоровыхъ элементовъ русскаго народа, оставшихся вѣрными союзнымъ обязательствамъ и стремящихся положить конецъ большевистской дезорганизацiи, вызвавшей расчлененiе и разоренiе преданной нѣмцамъ Россiи.

Непосредственной причиной нашего выступленiя явилась необходимость оказать помощь нашимъ союзникамъ, *чехо-словакамъ.*

Второй цѣлью союзниковъ является столь необходимая Россiи экономическая помощь—помощь, особенная срочность которой вызывается мученiями и лишенiями населенiя, и которая будетъ оказана совершенно безкорыстно.

Наше выступленiе будетъ направлено всегда исключительно въ интересахъ Россiи.

Мы гарантируемъ самымъ категорическимъ и совершеннымъ образомъ уваженіе къ независимости, свободѣ и суверенитету русскаго народа и территоріальной неприкосновенности его.“

Инициатива Соединенныхъ Штатовъ въ японскомъ выступленіи и вытекающія отсюда обязательства Америки, заявленія союзниковъ о безкорыстной помощи и гарантіяхъ территоріальной неприкосновенности—какъ все это важно для будущихъ разсчетовъ національной Россіи съ державами согласія!

Переговоры во Владивостокѣ.

Обстановка, въ которой оказались союзники во Владивостокѣ, многое объясняетъ въ ихъ поведеніи и отношеніи къ попыткамъ какихъ-либо практическихъ соглашеній. Многочисленность „правительствъ“, изъ которыхъ ни одно не признавалось въ своемъ безсиліи, взаимная травля и стремленіе опозорить другъ друга, безъ всякаго вниманія ко всей неприличности подобныхъ самопосрамленій на глазахъ постороннихъ—все это только роняло престижъ русскихъ вообще, и появленіе во Владивостокѣ представителей примиряющаго и выдержаннаго въ своихъ внѣшнихъ и, въ частности, междуобластныхъ отношеніяхъ Омскаго Правительства не могло сразу измѣнить создавшееся во Владивостокѣ настроеніе. Для Морриса Вологодскій былъ, вѣроятно, не больше, чѣмъ представитель новой забавной комбинаціи власти. Задавшись, прежде всего, цѣлью помощи чехо-словакамъ и объяснивъ такъ свое появленіе на Д. Востокѣ, союзники не проявляли желанія ознакомиться съ самостоятельными нуждами какихъ-то областныхъ правительствъ. Они могли бы вести переговоры о помощи только съ правительствомъ общероссійскаго масштаба.

Вотъ отчего, до окончанія работъ Уфимскаго Совѣщанія и объединенія власти, никакихъ серьезныхъ шаговъ для соглашенія о помощи Сибири не могло быть сдѣлано.

Было, однако, два выхода.

Одинъ заключался въ использованіи чехо-словацкаго вопроса, въ качествѣ основы соглашенія. Можно было просить о различнаго рода помощи, мотивируя невозможностью, въ противномъ случаѣ, обезпечить безопасность чехо-словаковъ. Мы учли это, и, когда Гайда сталъ домогаться назначенія его командующимъ сибирскою арміей, вмѣсто Иванова, мы, члены дальневосточной делегаціи, рѣшили согласиться на такую комбинацію, разсчитывая, что назначеніе Гайды обезпечитъ помощь Америки. Въ этомъ

смыслѣ я велъ переговоры съ Омскомъ. Мотивы къ назначенію Гайды были еще и другого рода. Ко мнѣ постоянно приходилъ во Владивостокѣ поручикъ Калашниковъ, сыгравшій впослѣдствіи роковую роль въ организаціи иркутскаго переворота. Онъ говорилъ о тѣхъ интригахъ, которыя наблюдались въ русскомъ командномъ составѣ, о жаждѣ получить безпристрастнаго начальника, который бы давалъ движеніе и назначеніе только по заслугамъ, о личной популярности Гайды. Я отнесся къ словамъ Калашникова съ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что Омскъ уже страдалъ отъ соперничества генераловъ и военнаго кумовства. Назначеніе Гайды, однако, не состоялось, вслѣдствіе энергичнаго сопротивленія Омска: „назначеніе Гайды сдѣлаетъ его несмѣняемымъ", телеграфировали оттуда.

Другой выходъ былъ въ соглашеніи съ японцами. Объ этомъ Вологодскій началъ бесѣды съ графомъ Мацудайрой. Онъ не отвѣтилъ опредѣленно, но не отрицалъ возможности военной помощи, если Сибирское Правительство будетъ объ этомъ ходатайствовать письменно. Это указаніе на необходимость спеціальнаго письменнаго ходатайства было сдѣлано очень ясно. Какъ нужно было поступить? Мы не могли рѣшить такого вопроса сразу. Японія могла быть заинтересована въ поощреніи сибирскаго сепаратизма, въ цѣляхъ обезпеченія своего вліянія въ Сибири. Мнѣ называли даже фамилію депутата Усуи, который усиленно ратовалъ за признаніе сибирской автономіи. Это намъ не казалось страшнымъ, такъ какъ движенія, подобнаго украинскому, въ Сибири никогда не могло возникнуть. Привлеченіе японскаго капитала въ Сибирь намъ представлялось желательнымъ, а конкуренція японской промышленности и японской торговли не представлялась опасной русскимъ торгово-промышленникамъ.

Соображенія другого порядка останавливали насъ. Ясно, что Японія не могла бы оказывать военную помощь безкорыстно, рано или поздно за нее пришлось бы заплатить и, по всей вѣроятности, не золотомъ. Чувство отвѣтственности передъ Россіей заставляло насъ быть сугубо осторожными во всемъ, что могло связать Россію, и Вологодскій воздержался отъ обращенія къ Японіи за помощью, отложивъ этотъ вопросъ для разрѣшенія въ Омскѣ.

Мнѣніе Иванова-Ринова.

Возвращаясь въ Омскъ, мы встрѣтились въ Иркутскѣ съ Ивановымъ-Риновымъ, который ѣхалъ на Востокъ. Однимъ изъ

главныхъ вопросовъ, которые мы обсуждали тогда совмѣстно, былъ вопросъ о военной помощи японцевъ. Ивановъ-Риновъ категорически заявилъ, что *нужды въ такой помощи нѣтъ,* мы справимся съ большевиками сами, намъ нужна только помощь снабженіемъ. Послѣ такого категорическаго заявленія командующаго сибирской арміей и управляющаго военнымъ министерствомъ, вопросъ, конечно, отпалъ. Будущее показало, какъ неосновательна была самоувѣренность генерала, и потомъ онъ же, но уже поздно, обвинялъ Правительство въ неумѣніи обезпечить помощь Японіи.

Не буду скрывать, что мы были рады заявленію Иванова. На фронтѣ въ то время положеніе было неважно; пали Казань и Самара, грозила опасность Уфѣ. Однако, Ивановъ представилъ положеніе дѣлъ въ самомъ успокоительномъ видѣ, объяснилъ отступленіе стратегическими соображеніями, необходимостью сократить линію фронта, указалъ на безсмысленность первоначальнаго занятія Казани и совершенно не коснулся ни вліянія отступленій на психологію солдатъ ни риска затяжной борьбы. Подобное неумѣніе широко подходить къ оцѣнкѣ военныхъ шансовъ, съ учетомъ общественныхъ настроеній и экономическихъ рессурсовъ, проявляли, однако, и болѣе подготовленные и образованные въ военномъ дѣлѣ генералы, чѣмъ Ивановъ-Риновъ, который, какъ уже указывалось, большую часть своей службы провелъ на административныхъ постахъ въ Туркестанѣ.

В. Э. Гревсъ.

За все время пребыванія на Д. Востокѣ Вологодскій, при переговорахъ съ союзниками, пользовался услугами бывшаго петроградскаго нотаріуса, одного изъ лучшихъ юристовъ-практиковъ, В. Э. Гревса, котораго мы застигли на дорогѣ. Онъ направлялся съ семьей въ Америку.

Гревсъ не имѣлъ ничего общаго съ дипломатіей, но онъ обладалъ зато качествомъ гораздо болѣе цѣннымъ; онъ умѣлъ анализировать экономическія отношенія и разбираться въ международныхъ отношеніяхъ.

Оставшись на Д. Востокѣ въ качествѣ совѣтника министерства иностранныхъ дѣлъ, съ правами товарища министра, онъ продолжалъ дѣло, начатое Вологодскимъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Омскъ, незадолго до вступленія во власть Директоріи, я былъ вызванъ Гревсомъ къ аппарату; онъ просилъ одобрить его политику, заключающуюся въ выясненіи,

совмѣстно съ японцами, ряда тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя могли бы быть имъ предоставлены за поддержку Правительства. Я на свой рискъ отвѣтилъ, что считаю такую политику вполнѣ отвѣчающею видамъ Правительства. Вологодскій, которому я сообщилъ свой отвѣтъ, одобрилъ его. Однако, позднѣйшія событія измѣнили все. Гревсъ ушелъ, а омское министерство иностранныхъ дѣлъ было занято болѣе важными, но зато и менѣе практичными вопросами.

Факторы союзнической политики.

Война съ Германіей, стремленіе помѣшать ей воспользоваться военноплѣнными нѣмцами, мадьярами и турками для усиленія еще дѣйствовавшей на Западѣ арміи и пополнить свои рессурсы сибирскими запасами — вотъ первое, что побуждало союзниковъ ввести въ Сибирь вооруженную силу. Представитель Великобританіи обращалъ особое вниманіе на положеніе военноплѣнныхъ нѣмцевъ и австрійцевъ. Въ Красноярскѣ онъ замѣтилъ, что военноплѣнные довольно свободно разгуливаютъ по городу, и это дало ему поводъ нелестно охарактеризовать сибирскіе порядки. Послѣ этого былъ отданъ приказъ водить военноплѣнныхъ съ конвоирами.

Забота о чехо-словацкомъ войскѣ—вотъ второй факторъ поведенія союзниковъ. Надо вспомнить, что война приближалась къ концу. Человѣческіе рессурсы съ обѣихъ сторонъ истощились. Пятьдесятъ тысячъ свѣжихъ обученныхъ войскъ было очень существенной величиной. Поэтому стремленіе освободить чехамъ путь было вполнѣ серьезно, и первые союзные отряды проявляли даже военную активность. Такъ, напримѣръ, въ Приморской области, въ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ, кромѣ японцевъ, принимали участіе и англичане. Отрядъ полковника Воорда дрался подъ Хабаровскомъ.

Позднѣе союзники заинтересовались, кромѣ чеховъ, еще румынами, поляками и сербами. Все, что можно было собрать въ качествѣ живой силы, для укрѣпленія ближайшихъ къ Германіи *государствъ союзнической оріентаціи*—все это стало предметомъ попеченій французскаго генерала Жанена.

Наконецъ, надо отмѣтить *экономическій* факторъ. Сибирь, какъ рынокъ и какъ поставщикъ сырья, интересовала всѣхъ союзниковъ, но преимущественно американцевъ и японцевъ. Отсюда происходило соревнованіе изъ-за русскаго транспорта. Но, такъ

какъ ихъ соперничество не проникало далеко въ глубь страны, то и „помощь“ сосредотачивалась по преимуществу на Д. Востокѣ, въ предѣлахъ почти одной только Китайской Восточной желѣзной дороги. Я ставлю слово „помощь“ въ кавычки, потому что она, хотя и широко какъ будто задуманная, на практикѣ свелась къ нулю.

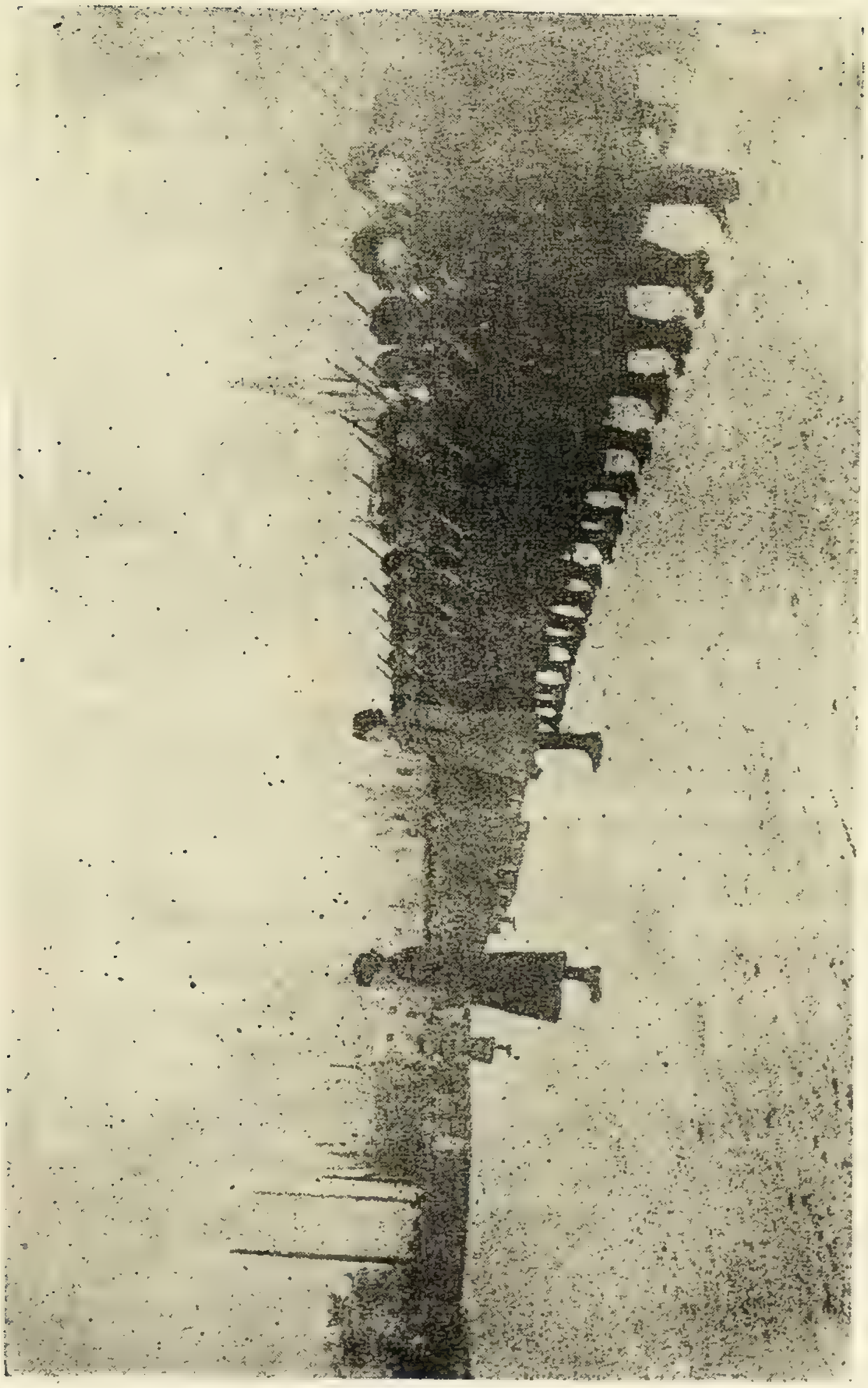
Америка и Японія.

Въ 1917 году въ Соединенные Штаты была командирована особая миссія, во главѣ съ Исіи. Ея задачу составляло сговориться по вопросу о разграниченіи интересовъ въ Китаѣ. Японія стремилась добиться признанія ея преимущественныхъ интересовъ. Миссія эта не увѣнчалась успѣхомъ. Америка, исходя изъ идеи покровительства равноправію націй, отвѣтила, что она не можетъ признать привилегированнаго положенія Японіи въ Китаѣ.

Америка сама заинтересована въ китайскомъ рынкѣ, и, такимъ образомъ, между двумя державами проявляется опредѣленное соперничество.

Противодѣйствіе Соединенныхъ Штатовъ иммиграціи японцевъ, недружелюбное отношеніе къ нимъ служитъ второю причиною раздраженія противъ американцевъ.

Америка является наиболѣе искреннимъ врагомъ имперіализма, который ей самой не нуженъ, а, проявляясь со стороны другихъ, нарушаетъ ея интересы. Между тѣмъ, Японія переживаетъ весну имперіализма, ей жизненно необходимы преимущества въ Китаѣ и новыя колоніи, такъ какъ иначе ея развившаяся промышленность начнетъ увядать, а быстро увеличивающееся населеніе задохнется въ скученности ея небольшихъ и небогатыхъ острововъ. Американцы негодуютъ на Японію за аннексію Кореи, Сенатъ отказалъ въ ратификаціи Версальскаго договора, между прочимъ, изъ-за передачи Японіи Шаньдуня, а японцы возмущаются тѣмъ, что въ Санъ-Франциско расцвѣтаетъ клубъ корейскихъ индепендентовъ. Японцы мечтаютъ укрѣпить свои преимущества въ Китаѣ, а китайцы приглашаютъ американцевъ занять позиціи, освобожденныя Германіей. Заключивъ подъ громъ войны въ 1915 г. договоръ съ Китаемъ, а въ 1916 г. съ Россіей, обезпечивъ себѣ очень цѣнныя пріобрѣтенія, Японія уже не рѣшалась, безъ одобренія Соединенныхъ Штатовъ, проявить новую активность на Д. Востокѣ. Дѣйствительно, указанные договоры дали Японіи такъ много, что, казалось, новымъ притязаніямъ съ ея стороны не должно было быть мѣста.



Канадцы въ Омскѣ.

По договору съ Китаемъ, Японія вновь закрѣпила за собою аренды и концессіи Южно-Маньчжурской желѣзной дороги на 99 лѣтъ, получила въ свое управленіе Гиринъ-Чаньчунскую дорогу, построенную на общія средства японскаго и китайскаго капитала, впервые выговорила себѣ право пріобрѣтать земли въ южной Маньчжуріи и, наконецъ, минуя нѣкоторыя второстепенныя части договора, получила привилегіи въ устройствѣ предпріятій и эксплоатаціи Ханетинскихъ рудниковъ, отъ которыхъ зависитъ тѣснѣйшимъ образомъ величайшій въ Китаѣ Ханьянскій арсеналъ.*)

Что же касается договора съ Россіей, то Японія выговорила себѣ право судоходства на р. Сунгари и передачу части Китайской Восточной ж. д. между р. Сунгари (ст. Лаошаогоу) и Куаньченцзы, что давало бы возможность Японіи, при умѣломъ сочетаніи тарифовъ водныхъ и желѣзнодорожныхъ перевозокъ, оттянуть на свою Южно-Маньчжурскую дорогу значительную часть грузовъ.

Получивъ такія существенныя пріобрѣтенія и желая заручиться поддержкою на мирномъ конгрессѣ, Японія, конечно, не могла рѣшиться въ то время на какія-либо самостоятельныя агрессивныя дѣйствія въ Россіи. Приглашеніе Соединенныхъ Штатовъ послать войска на Д. Востокъ — это результатъ дипломатическаго искусства японцевъ. Оно развязало имъ руки, но, правда, оно и связывало ихъ на все время пребыванія въ Россіи союзныхъ войскъ. Японія не могла открыто высказывать и проявлять свои стремленія, и ея политика должна была стать азіатской не только въ силу психологическихъ особенностей народа, но и въ силу особыхъ внѣшнихъ условій.

Вотъ почему Омскому Правительству приходилось проявлять особую осторожность.

Приходилось наблюдать явное соперничество японцевъ и американцевъ даже въ мелочахъ, напримѣръ, при сооруженіи радіотелеграфной станціи на русскомъ островѣ во Владивостокѣ, чего добивались и тѣ и другіе, стремясь опередить другъ друга. Получая свѣдѣнія о захватѣ японскими войсками казеннаго имущества въ Хабаровскѣ и Благовѣщенскѣ, въ качествѣ военнаго приза, и о топографическихъ съемкахъ безъ разрѣшенія русскихъ властей, не зная, каковы дѣйствительныя намѣренія Японіи, Правительство невольно заражалось подозрительностью по адресу сильнаго сосѣда и надеждою на благопріятное вліяніе Америки.

Коллизія интересовъ Японіи и Америки на Д. Востокѣ не такъ, однако, велика, чтобы эти двѣ страны не могли ихъ прими-

*) П. Шкуркинъ. „Японо-китайскій конфликтъ".

рить. Кабинетъ Хара, ставшій у власти осенью 1918 г., избралъ какъ разъ путь осторожности и миролюбивой политики, которая довольно хорошо охарактеризована въ одной изъ статей Осака. Послѣдняя ратовала за объединеніе Америки и Японіи въ Китаѣ, указывая, что послѣ войны Китай станетъ ареной экономической конкуренціи державъ, что изъ всѣхъ державъ наиболѣе крупную роль будетъ играть, вѣроятно, Америка, которая въ глазахъ китайцевъ уже теперь вызываетъ наибольшее довѣріе. Газета говоритъ, что географическое положеніе Америки и Японіи по отношенію къ Китаю ясно показываетъ, что взаимная вражда этихъ двухъ странъ можетъ въ результатѣ повредить интересамъ обѣихъ сторонъ. Являясь страной неимовѣрныхъ богатствъ, Америка, безусловно, будетъ искать приложенія своихъ капиталовъ въ желѣзнодорожномъ строительствѣ, горнопромышленныхъ и другихъ предпріятіяхъ въ Китаѣ, но не нужно забывать, что Китай является страной съ неусовершенствованнымъ правопорядкомъ. Въ прошломъ онъ являлся страной постоянныхъ волненій и въ будущемъ грозитъ тоже частыми вспышками безпорядковъ. Необходимо создать гарантію неприкосновенности жизни и собственности иностранцевъ, необходимо признать, что наиболѣе реальной помощи, въ смыслѣ охраненія мира и порядка въ Китаѣ, можно ожидать лишь отъ Японіи. Можно поэтому ожидать, что Америка найдетъ необходимымъ объединиться съ Японіей для общей дѣятельности въ Китаѣ. Съ своей стороны, Японія должна предоставить Америкѣ всѣ возможности для крупныхъ экономическихъ предпріятій, ибо таковыя принесутъ пользу и Японіи. Исходя изъ этого, газета полагаетъ, что всѣ толки о неминуемомъ столкновеніи этихъ двухъ странъ въ Китаѣ чужды пониманію истиннаго значенія и роли Японіи въ Китаѣ.

Приблизительно въ то же время одна изъ вліятельнѣйшихъ газетъ Америки „New York Herald" пишетъ слѣдующее. „Мирная политическая партія, которая теперь руководитъ политикою Японіи, смѣнившая сильно воинственную нѣкоторое время тому назадъ, выказала всю готовность работать рука объ руку съ Соединенными Штатами въ рѣшеніи дальневосточнаго вопроса. Но представители военной партіи не оставляютъ своей дѣятельности, и теперь создаются опасныя условія въ отношеніяхъ двухъ державъ".

Неопредѣленность взаимоотношеній двухъ *союзныхъ* державъ, интервентовъ, поиски миролюбиваго согласованія интересовъ, при наличности нескрываемаго антагонизма—вотъ обстановка, въ ко-

торой Омское Правительство должно было опредѣлить свою внѣшнюю политику.

Трудность положенія усугублялась неясностью позиціи Америки въ отношеніи большевиковъ. Вѣдь не кто иной, какъ президентъ Вильсонъ, обращался съ привѣтствіемъ къ московскимъ комиссарамъ. Онъ первый началъ съ ними заигрывать. Кто могъ быть увѣренъ, что онъ не вернется къ этой тактикѣ?

Бесѣда съ виднымъ дипломатомъ.

Во время пребыванія на Д. Востокѣ мнѣ пришлось какъ-то встрѣтиться неоффиціально съ посланникомъ одного изъ нейтральныхъ государствъ, не имѣющихъ спеціальныхъ интересовъ на Д. Востокѣ. Этотъ почтенный и видный дѣятель, очень благожелательный къ Россіи, охотно высказалъ свое мнѣніе по ряду вопросовъ, особенно въ то время волновавшихъ Омское Правительство.

Онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ Пекина и былъ хорошо знакомъ съ настроеніемъ тамъ дипломатическаго корпуса. По его мнѣнію, созданіе Всероссійскаго Правительства въ Уфѣ было авантюрою. Сибирское Правительство имѣло гораздо больше шансовъ на поддержку и признаніе,въ качествѣ временнаго государственнаго образованія. Заинтересованныя государства хорошо учитывали, что Сибирь легче могла бы создать платежную единицу, обезпечить порядокъ, дать приложеніе капиталу, чѣмъ Россія въ цѣломъ.

Далѣе, мой собесѣдникъ усиленно рекомендовалъ заручиться помощью Японіи, прибѣгнувъ для этого къ посредничеству Соединенныхъ Штатовъ.

Союзники и Директорія.

Уже изъ этой бесѣды видно (пусть даже мой собесѣдникъ преувеличивалъ шансы сибирской власти), что возникновеніе Директоріи, во всякомъ случаѣ, не было предметомъ особыхъ вожделѣній союзниковъ. Въ этомъ смыслѣ была написана статья въ омской газетѣ „Заря" однимъ изъ пріѣхавшихъ туда иностранныхъ корреспондентовъ.

Многіе изъ союзныхъ представителей, находившихся во Владивостокѣ во время пребыванія тамъ Вологодскаго, успѣли уже ко времени фактическаго вступленія Директоріи во власть (начало

ноября 1918 г.) прибыть въ Омскъ. Здѣсь были Реньо, Элліотъ, Ноксъ и начальникъ американской военной миссіи Скайлоръ. Нельзя сказать, чтобы съ ихъ стороны проявлялась особая симпатія къ Директоріи. Я лично замѣтилъ проявленіе такой симпатіи только со стороны американскаго корреспондента Бернштейна, который не принадлежалъ къ числу дипломатовъ, но былъ рекламированъ, какъ вліятельный въ Америкѣ журналистъ, „другъ“ Вильсона.

Дружба такого „дипломата“ не была лишена значенія. Корреспонденціи гастролирующихъ журналистовъ, если они обладаютъ бойкимъ перомъ, несомнѣнно, приносятъ иной разъ вредъ, иной разъ и пользу.

Я полагаю, что Директорія легче, чѣмъ адмиралъ Колчакъ, могла заслужить симпатіи американскихъ журналистовъ. Въ этомъ случаѣ ея положеніе было благопріятнѣе. Но дало ли бы это что-нибудь реальное, или нѣтъ, сказать трудно.

Военные и гражданскіе послы.

Будетъ кстати отмѣтить, что важнѣйшіе наши союзники имѣли въ Сибири двойное, если не тройное представительство.

Въ Омскѣ были прежде всего представители гражданскіе: Высокіе Комиссары Реньо, Элліотъ и генеральные консулы Мацушима, Гаррисъ, а затѣмъ военные представители: Жаненъ, Ноксъ, Скайлоръ.

У нихъ далеко не всегда наблюдалось единство настроеній.

Особенно замѣтно это было въ отношеніи французскихъ и англійскихъ представителей.

Въ то время, какъ Реньо, а потомъ графъ де-Мартель были благожелательны къ Омскому Правительству, генералъ Жаненъ попалъ подъ сильное вліяніе своего начальника штаба Бюксеншутца и чеховъ, главнокомандующимъ которыхъ онъ только считался, но фактически не былъ. Онъ относился къ Правительству сначала съ недовѣріемъ, а потомъ и просто недружелюбно.

Какъ разъ наоборотъ было со стороны англійскихъ представителей. Генералъ Ноксъ нерѣдко поругивалъ омскую власть, но всегда по-дружески. Онъ искренно ненавидѣлъ большевиковъ, понималъ тяжесть борьбы съ ними и оказывалъ полную поддержку Омскому Правительству. Такъ же былъ настроенъ и полковникъ Воордъ. Высокій же Комиссаръ сэръ Чарльзъ Элліотъ относился къ омской власти съ скептическимъ недовѣріемъ, и, хотя недру-

желюбія съ его стороны никогда не проявлялось, но холодкомъ во времена управленія адмирала отъ него постоянно вѣяло.

Уже такое „двойное“ представительство осложняло положеніе, но въ дѣйствительности оно было еще запутаннѣе. Были еще и третьи представители, а именно, дальневосточные. Такъ, напримѣръ, со стороны японцевъ тамъ пребывали постоянно маршалъ Отани и графъ Мацудайра, фактически осуществлявшіе японскую политику въ Сибири, со стороны англичанъ—Ольстонъ, со стороны Соединенныхъ Штатовъ—генералъ Гревсъ, отъ чеховъ—д-ръ Гирса. Всѣ эти дипломаты относились къ Омскому Правительству, по меньшей мѣрѣ, сухо, а такъ какъ Д. Востокъ жилъ вообще сепаратно, своею обособленною жизнью и своими своеобразными и далеко не привлекательными отношеніями, смѣсью спекуляціи съ атаманщиной, то измѣнить настроеніе этихъ дальневосточныхъ дипломатовъ было нелегко. Между тѣмъ, Европу и Америку питали свѣдѣніями обычно корреспонденты Д. Востока.

Нетрудно понять, насколько произвольно утвержденіе, что переворотъ 18 ноября отдалилъ признаніе. Ни французы ни англичане не проявляли никакого сожалѣнія о паденіи Директоріи. Генералъ Ноксъ былъ возмущенъ поведеніемъ черновцевъ и искренне вѣрилъ въ способность адмирала создать армію. Генералъ Жаненъ, только что пріѣхавшій, тоже понималъ, какъ человѣкъ военный, преимущество единоличной военной власти въ обстановкѣ борьбы съ большевизмомъ, при отсутствіи дисциплинированнаго и обученнаго войска.

Не было никакихъ основаній разсчитывать на признаніе „Россійскимъ“ правительства, фактически управлявшаго только Сибирью; рѣчь могла идти только *о поддержкѣ*. Со стороны Англіи и Франціи въ этомъ отношеніи было получено и при Колчакѣ все, что онѣ могли дать, по своему внутреннему состоянію послѣ войны. Неясно только то, что дали бы Директоріи Соединенные Штаты. Возможно, но только возможно, что они оказали бы ей поддержку, въ то время, какъ адмиралу ея оказано не было.

Окончаніе міровой войны.

Пораженіе Германіи оказалось роковымъ для дѣла борьбы съ большевизмомъ. Съ этого момента помощь приходила нерѣшительная, какъ будто исподтишка.

Отношеніе союзниковъ къ антибольшевистскому правительству измѣнилось сразу къ худшему, и, конечно, не переворотъ

18 ноября былъ главною причиною этого, а перемиріе съ Германіей.

Главный факторъ союзнической интервенціи—*война съ Германіей*—сразу отпалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и задачи союзниковъ. Если раньше они должны были бы поддерживать чехо-словаковъ въ борьбѣ съ германизированными большевиками, то теперь оставалось только охранять *отдыхъ* чешской арміи. Интервенція пріобрѣла какъ разъ тотъ характеръ, о которомъ такъ вѣще говорило заявленіе Соединенныхъ Штатовъ: „военное вмѣшательство можетъ оказаться средствомъ *использованія Россіи,* а не оказанія ей помощи".

Права Россіи — обязательства союзниковъ.

По случаю окончанія войны народовъ, „Союзъ Возрожденія Россіи" устроилъ торжественное засѣданіе. Въ этомъ засѣданіи я произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Война окончилась. Всѣ помыслы обращаются теперь къ будущему. Но будущее связано съ предыдущимъ. Конецъ заставляетъ вспомнить о началѣ. Мы забыли о немъ. Четыре года войны притупили наши нервы, и тяжкія страданія ослабили нашу память. Скорбный образъ измученной, тяжело больной родины заслонилъ въ нашемъ представленіи мощную и страшную врагамъ Россію.

„Война окончилась побѣдой союзниковъ. Эта побѣда—общая. Честь ея принадлежитъ и Россіи. Мы имѣемъ право, мы должны, мы не можемъ не вспомнить сейчасъ о томъ, что сдѣлала Россія въ этой ужасной и вмѣстѣ великой борьбѣ.

„Четыре года тому назадъ взоры всего міра, взоры друзей и враговъ внимательно слѣдили за русскими ратями, въ суровомъ напряженіи продвигающимися на пространствѣ отъ Балтики до Карпатъ. Одни слѣдили за ними съ надеждой и благодарностью, другіе—съ ненавистью и страхомъ.

„Успѣшная русская мобилизація, побѣдоносное шествіе въ Галиціи, разгромъ австрійцевъ, безумный набѣгъ на Пруссію Ренненкампфа, подступавшаго къ фортамъ Кенигсберга—эти шаги Россіи въ первые мѣсяцы измѣнили весь ходъ борьбы. Разсчеты Германіи не оправдались. Быстрота и натискъ перешли въ длительную борьбу. Россія заставила оттянуть нѣмецкія войска на востокъ и тяжелыми жертвами въ Пруссіи спасла положеніе на западѣ.

„Геній союзнаго командованія, проявившійся въ историческомъ бою на Марнѣ, и блестящія побѣды русскаго оружія въ Галиціи отняли у Германіи ея главную надежду —побѣдить своей подготовленностью.

„Война затянулась. Англія формировала и стягивала войска. Позиціи превращались въ крѣпость, западный фронтъ становился несокрушимою твердынею. Германія, сжатая въ тиски, металась съ запада на востокъ. Утративъ первоначальную ясность плана, она, въ поискахъ побѣды, для укрѣпленія духа въ странѣ, мѣняла рѣшенія, бросала войска по всѣмъ направленіямъ.

„И все это время Россія несла неисчислимыя и безконечно тяжелыя жертвы. Лишенная тѣхъ техническихъ средствъ, которыми обладали ея враги и союзники, *Россія боролась людьми.* Обильной кровью ея сыновъ напоена земля Галиціи, Польши и Литвы. Безумной отвагой и выносливостью солдатъ искупались техническія несовершенства. Нѣмецкіе „чемоданы" не могли сломить русскаго упорства и смѣлости.

„Въ ноябрѣ 1914 года происходили кровопролитныя сраженія подъ Лодзью. Въ октябрѣ нѣмцы разсчитывали нанести русскимъ войскамъ сокрушительный ударъ и, сосредоточивъ большія силы въ направленіи на Варшаву и Ивангородъ, повели быстрое наступленіе, но были отброшены, разбиты, а въ ноябрѣ часть нѣмецкихъ силъ еле вырвалась изъ окружившаго ихъ кольца у Стрыкова. Русскія войска держались въ это время у Мазурскихъ озёръ въ Пруссіи, двигались къ Кракову въ польской Галиціи, занимали высоты Карпатъ, а кавалерійскія части уже появились въ Венгріи.

„Скоро Германія принуждена была влить свои части въ деморализованную австрійскую армію. Натискъ германскихъ войскъ на западѣ ослабился на длительный періодъ.

„Неудачи турокъ у Саракамыша и разгромъ турецкой арміи потребовали помощи германскихъ войскъ и на турецкомъ фронтѣ.

„*Россія дала возможность сдѣлать западный фронтъ непреодолимымъ.*

„Но этимъ ея роль не кончилась. Лишенная не только средствъ наступленія, но и обороны, русская армія, послѣ года борьбы, принуждена была отступать. Но побѣда германцевъ была побѣдой Пирровой. Фронтъ растянулся, и Россія продолжала помогать союзникамъ, оттягивая силы Германіи, не позволяя ей перебрасывать войска на западъ. А когда перебрасываніе силъ начиналось, тогда неизмѣнно наносились короткіе и сильные удары съ востока. Россія продолжала борьбу.

„Италія не забудетъ 1916 года, когда блестящая побѣда Брусилова спасла отъ грубаго насилія прекрасную Венецію и Ломбардію.

„*Россія ни разу не позволила германцамъ сосредоточить всѣ силы свои на западѣ.*

„Россія выбыла изъ строя только за годъ до капитуляціи Германіи. Русскій фронтъ распался, вслѣдствіе истощенія страны, принесшей непосильныя жертвы. Ядъ революціонной демагогіи, такъ искусно использованный германской рукой, разложилъ стойкость и выносливость русскихъ солдатъ. Но мира съ Германіей никогда не было. Позорный не для Россіи, а только для большевизма, Брестъ не избавилъ Германію отъ необходимости оккупировать страну, и одна Украйна поглощала до 300.000 нѣмецкихъ войскъ.

„Мы, русскіе, съ Германіей никогда не мирились. Мы продолжали бороться, какъ могли, и, если не активнымъ, то пассивнымъ сопротивленіемъ помогали побѣдѣ до конца.

Выступленіе Америки.

„Силы германскаго милитаризма были исключительны, и борьба съ ними еще не скоро привела бы къ счастливому концу, если бы въ рѣшительный моментъ въ ряды борцовъ не встали сыны свободной Америки.

„Нельзя оцѣнить заслуги отдѣльныхъ участниковъ войны. Героическимъ Бельгіи и Сербіи слѣдуетъ, быть можетъ, воздать не меньше, чѣмъ могущественнымъ Англіи и Франціи.

„Вступленіе Италіи и Румыніи въ число борющихся, въ моментъ тяжелаго напряженія, оказало неоцѣнимыя услуги. Но, исходя изъ основныхъ мотивовъ четырехлѣтней войны, можно будетъ сказать, что *Россія дала благопріятный оборотъ началу войны, а счастливый конецъ ея ускорила и съ несомнѣнностью опредѣлила Америка.*

„Случайно ли то, что Америка объявила войну какъ разъ тогда, когда въ Россіи произошелъ февральскій переворотъ? Мнѣ думается, что нѣтъ.

Россія будущаго.

„Еще въ 1915 году, черезъ годъ послѣ начала Великой войны, я читалъ въ одномъ изъ французскихъ Revue статью о грядущей опасности со стороны Россіи. Что, если она побѣдитъ, если въ Берлинъ войдутъ войска монархической Россіи, блестяще

вооруженныя, опьяненныя побѣдами, превосходящія численностью войска всѣхъ прочихъ союзниковъ вмѣстѣ? Не будетъ ли это новой угрозой демократическому міру?

„Опасенія французскаго публициста оказались напрасными. Россія не вошла въ Берлинъ, не пріобрѣла прекраснаго вооруженія, а силы Англіи и Франціи въ послѣдній годъ войны почти не уступали русскимъ и численностью. Но психологія французскаго писателя заслуживаетъ вниманія. Она типична и показательна. Она пропитана была боязнью передъ старой монархической Россіей, недовѣріемъ къ реакціонному союзнику.

„Это недовѣріе понятно. Русскій монархическій строй принципіально почти не отличался отъ германскаго. Онъ не страдалъ особымъ отвращеніемъ къ праву силы и не отдавался культу защиты національныхъ началъ.

„Не таковъ, однако, русскій народъ. Въ его душѣ всегда находили сердечный отзвукъ порывы сочувствія угнетеннымъ, и его исторія полна самоотверженной защиты слабыхъ. Грѣхи правящихъ круговъ не были грѣхами народа.

„Вотъ отчего Америка съ легкимъ сердцемъ вступила въ борьбу послѣ сверженія монархіи. Гимнъ Америки проникнутъ восторженною любовью къ родинѣ и свободѣ. Въ немъ содержится призывъ къ вѣтру, чтобы онъ разнесъ пѣснь свободы и звучалъ отъ каждаго дерева, въ немъ призывъ ко всему движущемуся и неподвижному принять участіе въ пѣснѣ, призывъ къ молчащимъ горамъ, чтобы онѣ нарушили свое молчаніе протяжнымъ эхомъ пѣсни свободы.

„Зная русскій народъ, Америка не могла сомнѣваться, что намѣренія его не расходятся съ руководящими идеями президента Вильсона.

„Америка ускорила побѣду союзниковъ и побѣду демократіи. Побѣжденнымъ оказался воинствующій захватническій имперіализмъ, раздавлена политика силы.

„Возврата къ прошлому нѣтъ. Нѣтъ прежней Германіи, и нѣтъ прежней Россіи.

„Передъ нами—новое будущее!

Наше право.

„Вспоминаются слова манифестовъ и воззваній начала войны. Они выражали искреннія стремленія русскаго народа, когда говорили о братскомъ его привѣтѣ славянамъ, о растерзанномъ на куски живомъ тѣлѣ Польши, о братски протягиваемой рукѣ освобождаемымъ народамъ.

„Никто не можетъ сомнѣваться, что въ этихъ словахъ заключается священное обязательство русскаго народа, что новая Россія никогда отъ этого обязательства не откажется.

„Побѣда союзниковъ—это побѣда тѣхъ идей, которымъ поклоняется возрождающаяся Россія.

„Мы празднуемъ побѣду демократіи. Она выражается не только въ устраненіи началъ хищничества и насилія въ международной политикѣ, но и въ укрѣпленіи началъ свободы внутри страны. Возврата къ прошлому нѣтъ, ни во внѣшней ни во внутренней политикѣ. Побѣда надъ Германіей и русская революція окончательно сломили послѣдніе устои реакціи.

„Мы, участники побѣды, не можемъ сомнѣваться, что наши союзники и друзья помогутъ возстановить разслабленную войной русскую мощь, и никто изъ нашихъ друзей не можетъ сомнѣваться, что они помогутъ *свободному* русскому народу.

„Мы не можемъ увлекаться несбыточными мечтами, мы знаемъ, что разоренной странѣ, гдѣ такъ долго царила тьма, гдѣ въ удѣлъ немногимъ доставалось участіе въ общественномъ управленіи, гдѣ лучшія силы интеллигенціи были вынуждены жить отвлеченными, лишенными реальности, идеями—не подъ силу достигнуть сразу уровня старыхъ демократическихъ странъ.

„Но вѣра творитъ чудеса.

„Силенъ русскій народъ. Велика мощь Россіи.

„Обратившись къ мирному труду въ условіяхъ свободнаго развитія всѣхъ дѣятельныхъ и любящихъ родину силъ, возродится Великая преобразованная Россія. Такъ тяжело доставшаяся побѣда вознаградитъ русскій народъ за его неисчислимыя жертвы, за его *борьбу людьми.*

„Въ началѣ войны отъ одного мобилизованнаго бородача я слышалъ пророческія слова: „послѣ этой войны ужъ непремѣнно полегчаетъ нашему брату мужику“.

„Да, сердечный, должно полегчать. Въ сердцахъ всѣхъ гражданъ свободныхъ демократическихъ государствъ ты найдешь отзвукъ своимъ справедливымъ, заслуженнымъ притязаніямъ.

„Демократическая Америка недаромъ вступила въ ряды борцовъ. Вмѣстѣ съ Франціей и Англіей, она обезпечитъ торжество свободы и права“.

Такъ говорилъ я съ искреннимъ энтузіазмомъ и вѣрою въ декабрѣ 1918 г.

Глава XIII.

Интервенція (продолженіе).

По мѣрѣ возстановленія нормальной жизни въ Европѣ, народы ея, несомнѣнно, будутъ вспоминать о заслугахъ Россіи и сознаютъ, что они—ея должники. Національныя силы Россіи всегда оставались вѣрны своимъ обязательствамъ и ни на день не прекращали борьбы. Въ условія перемирія съ Германіей включено, между прочимъ, расторженіе Брестскаго мира, но это нельзя отнести на счетъ заботъ о Россіи—это было ударомъ интересамъ Германіи, которая пріобрѣла по Брестскому трактату такъ много, что одни эти пріобрѣтенія могли вознаградить ее за пораженіе на Западѣ.

Россійское Правительство хорошо понимало, какъ трудно въ моментъ опьяненія побѣдою и въ разгарѣ шовинистическихъ настроеній думать о вышедшихъ изъ строя. Поэтому, обращаясь 7 декабря къ державамъ-побѣдительницамъ съ привѣтствіемъ по случаю мира, оно апеллировало не только къ чувству гуманности, но и ссылаясь на интересъ самой Европы.

„Россійское Правительство, въ сознаніи того, что союзныя державы руководятся великими идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности, съ признательностью приметъ ихъ содѣйствіе въ трудахъ своихъ по возсозданію Россіи, ибо Россія не должна оставаться въ современномъ ея состояніи, угрожающемъ цивилизованному міру новыми великими потрясеніями и длительнымъ лишеніемъ утомленныхъ народовъ благъ мирной жизни, а побѣдителей—плодовъ ихъ подвиговъ".

Реальная политика.

Съ окончаніемъ войны, каждое изъ государствъ, входившихъ въ противогерманскую коалицію, стало думать прежде всего о своихъ интересахъ. И раньше солидарность державъ согласія (Антанты) проявлялась слабо. Теперь она стала еще меньшей.

Россійскому Правительству приходилось туго. Нечего и говорить, что никакой рѣчи не было относительно перемѣны отношеній къ Франціи и Англіи. Дипломатическое искусство должно было проявиться въ отношеніяхъ къ Америкѣ и къ Японіи. Надо было, какъ я уже указывалъ, добиться японской помощи, заставивъ Америку санкціонировать ее. Нужно было расположить къ Омскому Правительству и Японію и Америку, но первой нужно было внушить увѣренность, что она, оказывая помощь адмиралу Колчаку, укрѣпляетъ за собой опредѣленныя права.

Можно смѣло сказать, что такой увѣренности у японцевъ не было. Впервые это проявилось въ семеновскомъ инцидентѣ.

Адмиралъ обыкновенно не присутствовалъ на засѣданіяхъ Совѣта министровъ. Но какъ-то въ началѣ декабря насъ всѣхъ собрали на экстренное засѣданіе, совмѣстно съ адмираломъ.

Выяснилось, что японцы поддерживаютъ Семенова, не пропуская въ Забайкалье войскъ генерала Волкова. Адмиралъ хотѣлъ по этому поводу обмѣняться соображеніями о нашихъ будущихъ отношеніяхъ съ Японіей.

Адмиралъ высказалъ мнѣніе, что Японія явно стремится помѣшать возрожденію русскихъ военныхъ силъ. Поддерживать Семенова и Калмыкова можно только для разрушительныхъ цѣлей. Адмиралъ разсказалъ, что приходилось ему наблюдать на Д. Востокѣ лѣтомъ 1918 г. Отряды Семенова и Калмыкова, составившіеся изъ самыхъ случайныхъ элементовъ, не признавали ни права собственности, ни закона, ни власти. Семеновъ производилъ выемки изъ любыхъ желѣзнодорожныхъ складовъ, задерживалъ и конфисковывалъ грузы, обыскивалъ поѣзда, ограбляя пассажировъ. Отрядъ Калмыкова спеціализировался, главнымъ образомъ, на грабежахъ. Подъ видомъ большевистскихъ шпіоновъ, задерживали торговцевъ опіумомъ; ихъ убивали, а опіумъ отбирали для продажи, на нужды отряда. Однажды калмыковцами былъ задержанъ, ограбленъ и убитъ шведскій или датскій представитель Краснаго Креста, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ большевистскимъ агентомъ. Убійства и аресты производились не только на дорогѣ, но и въ самомъ Харбинѣ, гдѣ дѣйствовала семеновская и калмыковская контръ-развѣдка. Арестовывались, какъ люди противнаго политическаго лагеря, такъ и офицеры изъ неповиновавшихся или слишкомъ много знавшихъ. Несмотря на это, японская военная миссія все время оказывала денежную и матеріальную помощь атаманамъ.

—Какъ же смотрѣть послѣ этого на теперешнюю поддержку Семенова японцами? сказалъ адмиралъ, обращаясь къ министрамъ.

—Я прошу васъ, господа, высказаться по вопросу о томъ, какъ намъ относиться къ Японіи.

Для засѣданія Совѣта министровъ какъ тема, такъ и матеріалъ оказались очень неожиданными. Высказываться по вопросу внѣшней политики, безъ основательнаго знакомства съ интересами странъ, внутреннимъ ихъ положеніемъ и взаимоотношеніями съ другими—значитъ заниматься обывательскими разговорами.

Такъ и было въ этомъ засѣданіи, на которое всѣ явились, совершенно не зная темы предстоявшихъ преній.

Но было интересно то указаніе, которое сдѣлалъ тогда же управлявшій иностранными дѣлами Ключниковъ. Онъ отмѣтилъ, что адмиралъ Колчакъ является лицомъ, противъ котораго у японцевъ сложилось предубѣжденіе, и что теперь, когда мы должны добиваться больше чѣмъ добрососѣдскихъ отношеній съ Японіей, намъ нужно разсѣять недовѣріе сосѣдей.

Представительство на конференціи.

Такъ было въ Омскѣ, въ то время, когда въ Парижъ стекались представители всѣхъ націй на мирную конференцію. Вставалъ вопросъ и о Россіи.

Въ Парижъ выѣхалъ отъ Деникина Сазоновъ, которому, кромѣ Деникина, дали полномочія на представительство Донское и Кубанское казачества и правительство Крыма. Омскъ поспѣшилъ присоединить и свое полномочіе. Такъ, одинъ человѣкъ сталъ выразителемъ интересовъ почти всѣхъ антибольшевистскихъ правительствъ.

Но этого было мало. Для большаго авторитета необходимо было создать въ Парижѣ объединенный голосъ русской общественности. Ключниковъ намѣтилъ путь къ такому объединенному представительству, предложивъ русскимъ посланникамъ и посламъ въ европейскихъ государствахъ съѣхаться въ Парижѣ для совмѣстныхъ выступленій. Послы оставались единственной реликвіей прежней единой Россіи.

Главной цѣнностью предложенія Ключникова было то, что онъ отрицалъ возможность отдѣльныхъ делегацій отъ различныхъ правительствъ, устраняя демонстрацію раздробленности Россіи и взаимной непріязненности отдѣльныхъ ея частей. Нужно было, однако, сдѣлать также невозможной и демонстрацію внутренней партійной междоусобицы.

Послы, представители оффиціальной Россіи, не могли сами по себѣ разсчитывать на признаніе ихъ выразителями настроеній и надеждъ Россіи революціонной. Парижъ легко восполнилъ этотъ недостатокъ. Въ этой міровой столицѣ сосредоточились въ то время люди различныхъ партій и классовъ. Тутъ были и типичные представители русской буржуазіи: Путиловъ, Каминка, Коноваловъ, и бюрократы, вродѣ Сазонова и Извольскаго, и русскіе интеллигентные общественники различныхъ оттѣнковъ—изъ земско-дворянскихъ круговъ: кн. Львовъ, Родзянко, и изъ народниковъ: Чайковскій, Титовъ и др. Русскій посолъ во Франціи Маклаковъ особенно ратовалъ за объединеніе представителей правыхъ и лѣвыхъ теченій въ цѣляхъ совмѣстной борьбы за національные интересы; онъ указывалъ одновременно, что натискъ соціалистическихъ элементовъ въ Парижѣ становится очень чувствительнымъ. Грозила новая опасность. Расколъ русской общественности могъ оказаться роковымъ въ дѣлѣ защиты національныхъ интересовъ. Въ Парижъ ожидались Авксентьевъ, Зензиновъ, Роговскій. Что скажутъ они?

Интервью Авксентьева.

Близость Авксентьева, Зензинова и Роговскаго къ дѣятелямъ Самары и Уфы, ихъ партійная зависимость отъ Чернова, извинительныя письма, оправдывающія временное перемиріе съ омскими „реакціонерами“, полная бездѣятельность въ моментъ выступленія Чернова съ его граматою—все это было достаточнымъ матеріаломъ для суда надъ свергнутыми членами Директоріи. И, будь на мѣстѣ адмирала Колчака власть того же Чернова, она не замедлила бы заключить подобныхъ своихъ противниковъ въ тюрьму.

Чрезвычайный военный судъ по дѣлу полковника Волкова и др. виновниковъ переворота постановилъ довести до свѣдѣнія министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора, что изъ показаній допрошенныхъ на судѣ свидѣтелей и представленныхъ къ дѣлу документовъ видно, что въ дѣятельности членовъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ усматриваются признаки уголовно наказуемыхъ дѣяній.

Однако, адмиралъ Колчакъ не только не позволилъ возбудить уголовное дѣло противъ бывшихъ членовъ Директоріи и товарища министра внутреннихъ дѣлъ Роговскаго, но охотно принялъ всѣ мѣры къ безопасному проѣзду ихъ заграницу и снабдилъ кажда-

го достаточною суммою (50 тысячъ рублей, т. е., по тогдашнему курсу, около 7 тысячъ іенъ), на покрытіе расходовъ до прісканія заработковъ. Аргунову, какъ семейному человѣку, было выдано даже больше—75 тысячъ рублей.

Казалось, отъ всѣхъ этихъ лицъ можно было ожидать, что они, каково бы ни было ихъ отношеніе къ новой формѣ власти, не будутъ подрывать ея авторитета заграницею, препятствуя успѣху борьбы съ большевиками. Однако, ожиданія эти не оправдались.

Прибывъ въ Китай, Авксентьевъ сталъ давать интервью, въ которыхъ характеризовалъ адмирала Колчака, какъ диктатора „стараго типа", который вернетъ страну къ строгому абсолютизму прежнихъ временъ, Вологодскаго назвалъ пѣшкой въ рукахъ оппортунистовъ (объ этомъ онъ почему-то не говорилъ на Уфимскомъ Совѣщаніи, когда Вологодскаго избирали въ Директорію), а омскихъ министровъ, которыхъ онъ самъ приглашалъ въ составъ Правительства, Авксентьевъ расписалъ en canaille, какъ самыхъ низкопробныхъ авантюристовъ. Такъ поддерживался престижъ власти, боровшейся противъ большевизма въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

На инсинуаціи Авксентьева Правительство отвѣтило сообщеніемъ, объяснявшимъ причины переворота 18 ноября, и резюмировало ихъ такъ: „Директорія пала не отъ реакціонныхъ замысловъ. Ее погубила антигосударственная политика партіи соціалистовъ-революціонеровъ". Но плохая молва пошла, и разсѣять ее было нелегко. Это составляло одну изъ труднѣйшихъ обязанностей министерства иностранныхъ дѣлъ.

Уходъ Ключникова.

Молодой дипломатъ Сукинъ очень скоро почувствовалъ себя въ Омскѣ, какъ рыба въ водѣ. Онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ставкѣ, постоянно бывалъ у адмирала и фактически велъ всѣ переговоры съ союзными представителями, вытѣсняя вліяніе управлявшаго министерствомъ Ключникова. Послѣдній вынужденъ былъ свести свою работу, главнымъ образомъ, къ подготовкѣ матеріаловъ для Версальской конференціи. Надежда на участіе въ ней Россіи не покидала омскую власть, и Ключниковъ, какъ по личнымъ настроеніямъ, такъ и подъ вліяніемъ ложности своего положенія, сталъ стремиться въ Парижъ.

Вопросъ о своей командировкѣ онъ поставилъ ультимативно. Совѣтъ министровъ почти единодушно рѣшилъ отказать въ ко-

мандировкѣ его, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ рѣшеніи этомъ играла роль предшествовавшая ему агитація въ пользу замѣны Ключникова Сукинымъ, но главнымъ мотивомъ было сознаніе чрезвычайной отвѣтственности подобной командировки въ моментъ заключенія мира и неавторитетности Ключникова для представительства, въ качествѣ Россійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, хотя бы по названію.

Онъ подалъ въ отставку.

Министерство иностранныхъ дѣлъ принялъ во временное управленіе П. В. Вологодскій, который сдѣлалъ это подъ условіемъ, что я буду его товарищемъ. Я, со своей стороны, высказался въ пользу привлеченія Сукина. Вологодскій, всегда чуткій къ людямъ, былъ противъ этого, но я считалъ невозможнымъ справиться съ задачами министерства, при отсутствіи опытнаго технически лица, и убѣдилъ Вологодскаго провести и Сукина въ товарищи министра.

Каковы были въ этотъ моментъ задачи вѣдомства? Одна опредѣлялась текущими потребностями. Пріѣзжали иностранцы, говорили о помощи, но никакого плана, никакой опредѣленности въ ихъ дѣйствіяхъ не было. Нужно было переговорить съ ними о работѣ по возстановленію транспорта, объ охранѣ желѣзныхъ дорогъ, нужно было выяснить роль Жанена, урегулировать вопросъ о положеніи поляковъ, сербовъ и др. Эти вопросы были поручены Сукину.

Другой задачею было установленіе общаго направленія внѣшней политики, какъ въ связи съ мирной конференціей, такъ и для внесенія ясности въ дальневосточныя отношенія. Эту задачу я попробовалъ взять на себя. Но, заранѣе зная, что Омскъ самъ по себѣ съ ней справиться не можетъ, я предложилъ Совѣту министровъ просить Сазонова принять на себя общее руководство вѣдомствомъ, оставаясь въ Парижѣ.

Заданіе демократичности.

Представительство вѣдомства иностранныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ министровъ было возложено на меня, и, какъ фактическій управляющій министерствомъ, отдавая дань традиціи, связанной со вступленіемъ въ новую должность, я далъ интервью „о современной дипломатіи“.

Главныя мысли этого интервью таковы: наши дипломатическіе успѣхи зависятъ сейчасъ меньше всего отъ искусства ди-

Встрѣча французскаго посла Реньо (министры Ключниковъ, Жуковскій, Вологодскій, Уструговъ).

пломатическихъ переговоровъ. „*Первый* нашъ дипломатъ—*армія.*

„Благожелательное отношеніе союзниковъ къ Россіи не подлежитъ сомнѣнію, но имъ нужны доказательства прочности создавшагося порядка, внѣ которой ихъ помощь была бы напрасной.

Второй по значенію дипломатъ—это общественная солидарность. Партійные раздоры, внутренняя рознь обезсиливаютъ власть. Правительство, не объединяющее вокругъ себя широкихъ круговъ населенія, не можетъ имѣть и международнаго успѣха.

Иностранныя державы ищутъ устойчивой власти, опирающейся на общественную поддержку, и они эту власть находятъ. Мы стоимъ на пути къ гражданскому миру, у насъ нарождается и второй дипломатъ—общественная солидарность.

Третій дипломатъ—это могущественная *печать.* Она выражаетъ настроенія и чаянія народа. Въ ней не можетъ и не должно быть одного мнѣнія по вопросамъ внутренней политики, но въ дѣлѣ охраненія достоинства и интересовъ родины она должна быть и будетъ единодушна.

Помощь Россіи диктуется ея заслугами во время войны и симпатіей культурнаго міра къ общему облику славянской души, съ ея свѣтлыми порывами и склонностью къ идеализму; но несомнѣнно одно, что разсчитывать на помощь можетъ только Россія обновленная, и здѣсь работа дипломатіи входитъ въ тѣсную связь съ внутренней политикой. Тѣ крайнія теченія, которыя строятъ свое благополучіе на гибельной демагогіи, и тѣ, которыя колеблютъ авторитетъ власти своимъ грубымъ и непрошеннымъ вмѣшательствомъ, отталкиваютъ союзную помощь, губятъ государство и самихъ себя".

Въ соотвѣтствіи съ этими взглядами, стремясь укрѣпить единство настроеній и пользуясь тѣмъ, что новое мое положеніе дало мнѣ право заняться общеполитическими вопросами, я въ первомъ же докладѣ Совѣту министровъ потребовалъ строгаго и быстраго разслѣдованія незакономѣрныхъ расправъ, а также изданія декларацiи о гражданскомъ мирѣ внутри страны, съ амнистіей всѣмъ эсерамъ, членамъ Учредительнаго Собранія.

Одновременно, считаясь съ господствующими настроеніями Европы, я началъ организовывать заграничную информацію. Мною было обращено особое вниманіе на пріѣзжавшихъ въ Омскъ корреспондентовъ, которымъ, во избѣжаніе одностороннихъ вліяній на нихъ, я лично давалъ разъясненія различныхъ событій и обстановки. Въ Лондонъ и Парижъ стали посылаться также сообще-

нія самого министерства, въ томъ видѣ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли быть передаваемы и въ печать.

Относясь къ этому серьезно, я не могъ не замѣтить, что заграницей не было правильнаго представленія о сибирской обстановкѣ. Какое, напримѣръ, значеніе придавалось въ Европѣ, что въ составѣ правительства, считая товарищей министровъ, находилось много соціалистовъ. Телеграмма о составѣ правительства получила широкое распространеніе посредствомъ радіо, а, между тѣмъ, послѣ испытаній большевизма и въ некультурной обстановкѣ Сибири нужно было разсматривать министровъ, главнымъ образомъ, съ дѣловой стороны и подсчитывать не соціалистовъ, а экономическіе рессурсы и потребности войны, оцѣнивая министровъ по способности справиться съ необычайными трудностями. Но этого не понимали и внутри страны.

Я рѣшилъ положить начало освѣдомленію объ *истинномъ* положеніи дѣлъ въ Сибири, и для этого самъ составилъ телеграмму Сазонову. Въ ней въ правдивыхъ мрачныхъ краскахъ говорилось о политической обстановкѣ: проискахъ лѣвыхъ и объ атаманщинѣ, о финансовыхъ затрудненіяхъ и о неопредѣленности отношеній къ намъ союзниковъ. Телеграмма эта, однако, не была отправлена. Сукинъ возражалъ противъ моей информаціи, указывая и на техническія ея недостатки—объединеніе разныхъ темъ—и на несвоевременность столь мрачныхъ сообщеній въ моментъ, когда только что зарождается вѣра въ силу и прочность омской власти. Поддавшись этимъ аргументамъ, я рѣшилъ нѣсколько выждать.

Я ожидалъ, главнымъ образомъ, руководящихъ телеграммъ изъ Парижа.

Японская оріентація.

Отъ Сазонова ожидались прежде всего общія указанія относительно политики и отношеній отдѣльныхъ державъ къ Россіи. Освѣщеніе международныхъ вопросовъ въ Омскѣ было почти непосильно, за отсутствіемъ какихъ-либо архивовъ и статистическихъ данныхъ о торговыхъ и промышленныхъ интересахъ отдѣльныхъ государствъ въ Россіи. Но одинъ вопросъ казалось необходимымъ разработать въ Сибири. Это вопросъ о взаимоотношеніяхъ съ Японіей.

Для дѣятелей коренной Россіи вопросъ этотъ представлялся непонятнымъ. Что можетъ дать Россіи союзъ съ государствомъ,

соприкасающимся съ нею на небольшомъ сравнительно пространствѣ, въ глубокомъ тылу, и притомъ какъ разъ тамъ, гдѣ, какъ кажется на первый взглядъ, Японіи выгоднѣе всего слабость Россіи, и гдѣ интересомъ ея является территоріальный захватъ.

Съ точки зрѣнія тѣхъ неисчерпаемыхъ потребностей въ снабженіи и кредитѣ, которыя откроются въ Россіи послѣ ея освобожденія отъ большевизма, Японія представляется также источникомъ слишкомъ небольшой силы, и взоры надежды обращаются къ Америкѣ, какъ странѣ, наименѣе пострадавшей отъ войны. Но и этотъ не лишенный основательности взглядъ не вполнѣ правиленъ. Россія сейчасъ не въ такомъ положеніи, чтобы выбирать альянсы. Ей нужно сохранить миръ и согласіе со всѣми государствами. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что Америка захочетъ оказывать спеціальную поддержку Россіи, когда въ ея поддержкѣ нуждаются почти всѣ націи. Для Россіи выгоднѣе всего сотрудничество не съ однимъ, а съ рядомъ государствъ, потому что это дѣйствительно могло бы ускорить возрожденіе страны, и сотрудничество Японіи ей не менѣе необходимо, чѣмъ сотрудничество другихъ державъ.

Но, если въ глубинѣ Россіи и въ эмигрантскихъ кругахъ Запада японскій вопросъ представляется маленькимъ и неинтереснымъ, то, наоборотъ, въ Сибири и особенно на Д. Востокѣ онъ представляется слишкомъ важнымъ и слишкомъ большимъ. Сколько ненависти вкладываютъ въ этотъ вопросъ одни и сколько надеждъ другіе!

Въ демократическихъ кругахъ Японія непопулярна. Непопулярность приписывается и пріемамъ японской дипломатіи и общему направленію ея дѣятельности.

Осужденіе японской политики произносится на основаніи данныхъ о работѣ ея въ Китаѣ. Дѣйствительно, въ ней много непривлекательнаго. Но интересно знать, какая нація не примѣняетъ подобныхъ же мѣръ, когда она имѣетъ дѣло съ эксплоатируемой страной, гдѣ сталкиваются противоположные интересы, и нѣтъ организаторскихъ способностей у самого населенія. Подкупы должностныхъ лицъ—явленіе, нерѣдко омрачающее страницы исторической хроники самыхъ передовыхъ государствъ. Поддержка одной изъ политическихъ партій—исторія еще болѣе обычная. Каждое государство заинтересовано въ томъ, чтобы въ другомъ стояла у власти та группа, которая является болѣе дружественной къ нему. Конечно, такія мѣры, если онѣ примѣняются въ широкомъ масштабѣ, деморализуютъ страну, но устраненіе

ихъ зависитъ отъ культурности и сознательности націи, которая отъ нихъ страдаетъ. Насильно нельзя никого подкупить и никого поддержать.

Японію упрекаютъ, между прочимъ, и въ томъ, что она стремится японизировать сосѣднія съ нею націи. Такъ, напримѣръ, она наводняетъ Китай учебниками и книгами, прививающими японофильство. Но какая сильная нація не стремится распространить свое державное вліяніе на другія? Что дѣлаетъ, напримѣръ, американскій союзъ христіанскихъ молодыхъ людей? Чѣмъ держится связь англійскихъ колоній съ Великобританіей, какъ не вліяніемъ англійской культуры?

Японская политика въ Китаѣ заставляетъ опасаться, что Японія, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, будетъ примѣнять и въ Россіи систему мѣръ, направленныхъ къ деморализаціи власти и разложенію національныхъ силъ. Указываются и признаки этого—поддержка атаманщины.

Несомнѣнно, такія опасенія имѣютъ подъ собой нѣкоторую почву. Но можно ли сравнивать Россію, съ ея передовой интеллигенціей и европейской культурой, и Китай, замкнувшійся въ давно отжившія формы государственнаго и соціальнаго быта? Неужели въ Россіи не хватитъ національныхъ силъ для того, чтобы преодолѣть деморализованные элементы окраины? Неужели ея политическія партіи окажутся продажными, и русская культура не будетъ въ состояніи преодолѣть вліянія Востока?

Изучить отрицательныя стороны дипломатіи японцевъ, конечно, не безполезно, *но опасаться ихъ—значитъ обнаружить недовѣріе къ собственнымъ силамъ.*

Быть можетъ, со стороны Японіи и продолжаются непріязненныя чувства къ Россіи, желаніе ослабить ее, противодѣйствовать возстановленію силъ и ея вліянію въ Китаѣ. Но развѣ такія же чувства не проявлялись со стороны другихъ націй, отъ дружбы съ которыми мы не собираемся отказываться?

Развѣ со стороны Англіи мы не видимъ постояннаго конкурента и на Ближнемъ Востокѣ, и въ Персіи, и на Д. Востокѣ? Когда въ 1885 г. Россія стремилась захватить въ Кореѣ портъ Лазарева, Англія немедленно заняла портъ Гамильтонъ; когда Россія заняла Портъ-Артуръ, Англія создала противовѣсъ ей въ Вей-хай-веѣ. Въ 1902 г. Англія и Японія заключили союзъ, и многія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не былъ безполезенъ для Японіи во время русско-японской войны. Но исторія знаетъ и то время, когда аггрессивной была Россія, захваты-

вавшая одну позицію за другой и въ Маньчжуріи и у Японскаго моря. Роли мѣняются, но политика остается тою же, она всегда преслѣдуетъ интересъ.

Трезвая политика требуетъ спокойной оцѣнки положенія, какъ оно сложилось въ данный моментъ.

Въ Японіи такъ же, какъ въ любомъ государствѣ, существуютъ различныя партіи, исповѣдывающія различныя убѣжденія. Крайняя правая военная партія и лѣвая оппозиція соперничаютъ въ рѣшеніи сибирскаго вопроса. Японскій народъ въ массѣ проникнутъ глубокимъ національнымъ чувствомъ, но изъ этого чувства не вытекаетъ неизбѣжно желаніе захватить русскія области, увеличить территорію—эти имперіалистическія стремленія свойственны только крайнимъ военнымъ группамъ, такъ называемой военной партіи. Это теченіе сильно, но оно не преобладаетъ. Оно даетъ себя сильно чувствовать на Д. Востокѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что мы, русскіе, не умѣемъ со своей стороны помочь *умѣреннымъ группамъ* Японіи пріобрѣсти вліяніе доказательствомъ дипломатическихъ успѣховъ, выгодности мирныхъ отношеній и возможности укрѣпить ихъ путемъ сотрудничества съ національными силами Россіи.

Присоединеніе Сахалина, съ его богатѣйшими запасами угля и нефти, и района Николаевска на Амурѣ, какъ ключа къ рыбнымъ богатствамъ—это, несомнѣнно, реальный интересъ Японіи. Но не меньшимъ интересомъ для нея является устраненіе большевистской заразы изъ Сибири, возстановленіе въ ней порядка и *возобновленіе торговыхъ сношеній*. Японія откажется отъ захватовъ, если обезпечитъ себѣ участіе въ использованіи естественныхъ богатствъ этихъ районовъ и получитъ возможность возстановить вывозъ товаровъ въ Россію.

Японія переполняется не только людьми, но и продуктами слишкомъ быстро развившейся промышленности. Она не можетъ выселять своихъ людей ни въ Сахалинскую область, гдѣ слишкомъ суровъ климатъ, ни въ районы Приморья и Забайкалья, пока они враждебно противъ нея настроены. Не можетъ она и сбывать всѣ продукты своей промышленности въ одномъ только Китаѣ.

Вотъ почему разсчитывать на пріемлемое и благопріятное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе дальневосточнаго вопроса вполнѣ возможно. Въ этомъ заинтересованы оба государства. Въ этомъ и заключается задача русской политики въ отношеніи Японіи. Опредѣленная помощь съ одной стороны, опредѣленная компенса-

ція съ другой—это единственное средство устранить взаимныя недоразумѣнія и постоянную все болѣе разгорающуюся національную вражду.

Японская оріентація—это не союзъ аггрессивнаго характера: это *признаніе безусловной необходимости въ согласованныхъ дѣйствіяхъ двухъ націй.* Таковъ выводъ трезвой реальной политики. Японская оріентація въ указанномъ смыслѣ есть лучшій способъ оградить русскіе интересы на Дальнемъ Востокѣ.

Таковъ, приблизительно, былъ кругъ тѣхъ мыслей, изъ которыхъ исходило въ началѣ 1919 г. министерство иностранныхъ дѣлъ. Многіе изъ членовъ Совѣта министровъ раздѣляли эти точки зрѣнія. Оставалось списаться съ Парижемъ и выработать планъ дѣйствій.

Генералъ Жаненъ.

Между тѣмъ, въ Омскъ прибылъ эффектный французскій генералъ Жаненъ. Его сопровождалъ цѣлый штабъ. Можно было ожидать, что онъ готовъ взять на себя руководство военными дѣйствіями.

Однако, Жаненъ не настаивалъ на предоставленіи ему активной роли, а русскіе генералы были, конечно, противъ этого. Мнѣ кажется, что, въ связи съ пораженіемъ Германіи, французамъ уже нежелательно было связывать себя какими-либо отвѣтственными ролями въ военныхъ операціяхъ, но посолъ въ Парижѣ, Маклаковъ, приписалъ согласіе французовъ примириться съ болѣе скромнымъ положеніемъ Жанена въ Сибири дипломатическому успѣху и скромности самого генерала („долженъ отмѣтить", телеграфировалъ Маклаковъ, „что и самъ Жаненъ присоединился къ вашей точкѣ зрѣнія").

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій русскихъ и иностранныхъ генераловъ, вопросъ разрѣшился. Было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Прибывшій, по порученію союзныхъ правительствъ, генералъ Жаненъ, представитель высшаго междусоюзнаго командованія, вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей въ качествѣ Главнокомандующаго войсками союзныхъ съ Россіей государствъ, дѣйствующими на Востокѣ Россіи и въ Западной Сибири. Для достиженія единства дѣйствій на фронтѣ, высшее русское командованіе, осуществляемое Верховнымъ Главнокомандующимъ адмираломъ Колчакомъ, будетъ согласовать съ генераломъ Жаненомъ общія

Генералъ Муто и генералъ Розановъ.

оперативныя директивы, о чемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ даны соотвѣтствующія указанія начальнику штаба.

Одновременно вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей генералъ Ноксъ, сотрудникъ генерала Жанена по вопросамъ тыла и снабженія, предоставляемаго союзными правительствами для нуждъ русскаго фронта, вслѣдствіе чего Верховнымъ Правителемъ предписано военному министру согласовать свою работу съ задачами, возложенными на генерала Нокса".

Кто же этотъ генералъ Жаненъ, которому довелось сыграть такую видную роль въ Сибири?

Сынъ военнаго врача французской арміи, онъ сдѣлалъ карьеру, благодаря своимъ способностямъ. Въ началѣ войны онъ командовалъ полкомъ, но скоро достигъ высокой и почетной должности въ штабѣ Жоффра. Въ маѣ 1916 г. онъ былъ назначенъ состоять при ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго и пробылъ въ Россіи до переворота. Когда Жаненъ прибылъ въ Россію, графъ де-Мартель, замѣститель Высокаго Комиссара Реньо, объяснилъ задачу генерала Жанена въ самыхъ широкихъ масштабахъ. „Ему поручено", сказалъ графъ, „организовать русскую армію. Франція, какъ и всѣ союзники, рѣшила открыть генералу Жанену для созданія арміи въ Россіи большой кредитъ".

Послѣ такихъ заявленій было, мнѣ казалось, дипломатической ошибкой, а не побѣдой, отстраненіе генерала Жанена на второй планъ. Но таково было желаніе Верховнаго Правителя, а онъ, казалось, лучше зналъ, насколько нужна и полезна можетъ быть помощь французскаго генерала.

„Вспотѣвшіе".

Не успѣлъ пріѣхать генералъ Жаненъ, какъ представители всѣхъ славянскихъ народностей и націй, претендовавшихъ на покровительство союзниковъ, проживавшіе въ Сибири, въ качествѣ или рядовыхъ ея гражданъ или военноплѣнныхъ, стали заявлять претензію на организацію особыхъ военныхъ частей. Поляки, сербы, украинцы, румыны—всѣ захотѣли образовать свои національныя военныя части.

Генералъ Жаненъ охотно принялъ ихъ подъ свое покровительство.

Графъ де-Мартель указалъ, что и это входитъ въ задачи генерала. „Онъ объединитъ въ одно всѣ военныя части отдѣльныхъ національностей, какъ-то: сербовъ, румынъ, украинцевъ, поляковъ и др."

Чешское войско стало расти не по днямъ, а по часамъ. Какъ только оно ушло въ тылъ, и почувствовалась безопасность службы въ его рядахъ, тотчасъ всѣ находившіеся въ Сибири военноплѣнные и мирные жители чехи потянулись записываться въ чехо-войско. Этихъ новичковъ называли „вспотѣвшими“, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, какъ они спѣшили въ безопасное мѣсто, избѣгая призыва въ сибирскія войска. „Вспотѣвшими“ въ этомъ смыслѣ можно было назвать и многихъ другихъ, которые захотѣли перейти въ новое подданство послѣ того, какъ выяснилась возможность уклониться, такимъ образомъ, отъ повинности въ русскихъ войскахъ.

По поводу всѣхъ этихъ новыхъ военныхъ образованій былъ поднятъ вопросъ въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя. Я указалъ адмиралу на возникшія у меня сомнѣнія относительно цѣлесообразности такихъ привилегированныхъ организацій, которыя, пользуясь положеніемъ иностранцевъ, занимаютъ лучшія зданія, безнаказанно безобразничаютъ, перехватываютъ обмундированіе и, какъ бѣльмо на глазу нашихъ солдатъ и офицеровъ, вносятъ только раздраженіе и зависть въ военную среду.

Эти соображенія поддержалъ и начальникъ штаба Лебедевъ. Сукинъ же сталъ говорить о реакціоности тѣхъ, кто не признаетъ новообразованныхъ государствъ, о томъ, что Польшу уже всѣ признали, и т. д. Принципіально безспорныя положенія заслоняли практическія сомнѣнія. Адмиралъ былъ какъ будто подготовленъ уже въ опредѣленномъ направленіи и довольно рѣзко замѣтилъ, что этотъ вопросъ у него не вызываетъ сомнѣній. Онъ не можетъ не разрѣшить формированія національныхъ войскъ, а обмундированіе и снабженіе ихъ будетъ производиться за счетъ союзниковъ, безъ ущерба для нашихъ войскъ.

Охрана желѣзныхъ дорогъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и срочныхъ мѣропріятій, входившихъ въ программу союзной помощи, былъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Но время проходило, а ничего въ этомъ направленіи не дѣлалось.

Сукинъ началъ прежде всего съ охраны дороги. Онъ предложилъ союзнымъ представителямъ встать на такую точку зрѣнія: „охрана дороги производится, не какъ вмѣшательство въ внутреннія дѣла, а какъ обезпеченіе доставки снаряженія на фронтъ и коммуникаціи чехо-словаковъ“. Эта точка зрѣнія была принята сэромъ Чарльзомъ Элліотомъ и посломъ Реньо.

Расположеніе союзныхъ войскъ вдоль линіи Сибирской магистрали было признано возможнымъ. Но какъ, въ какомъ порядкѣ?

Была выдвинута прежде всего такая схема: Англія охраняетъ Китайскую Восточную желѣзную дорогу, Японія—Забайкальскую, Франція—Томскую и Америка—Омскую. Но схема эта была слишкомъ теоретической. Жизненнымъ въ ней было только то, что попеченію Японіи поручалась дорога, которая ею уже была занята, и которая входила въ сферу ея экономическаго вліянія. Америка не могла забираться такъ далеко, и притомъ ея роль въ Сибири, сводившаяся къ контролю за дѣйствіями Японіи, требовала оставленія войскъ на Д. Востокѣ. Что же касается Англіи и Франціи, то онѣ не обладали достаточнымъ количествомъ войскъ, ихъ войска должны были быть замѣнены чехо-словацкими, польскими и румынскими частями.

Такъ, въ концѣ концовъ, и вышло. Америка и Японія расположились въ шахматномъ порядкѣ на территоріи дальневосточныхъ линій, а все протяженіе дороги отъ Омска до Байкала заняли чехи.

Возстановленіе транспорта.

Разсчитывая добиться не только охраны дороги, но и матеріальной помощи желѣзнодорожному хозяйству, Сукинъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно.

Объ участіи союзниковъ въ дѣлѣ возстановленія транспорта говорилось много еще на Д. Востокѣ, гдѣ предварительные переговоры объ этомъ велись генераломъ Хорватомъ и инженеромъ Устругомымъ. Я не буду касаться подробностей этихъ переговоровъ и различныхъ выдвинутыхъ тогда варіантовъ управленія желѣзными дорогами; скажу только, что со стороны союзниковъ выдвигалась преимущественно формула „контроля“ надъ дорогами, съ нашей стороны—формула „помощи“. Союзники говорили о передачѣ *имъ* управленія, мы говорили о помощи *нашему* управленію.

Компромиссный проектъ былъ построенъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Во главѣ каждой желѣзной дороги остается русскій управляющій, который дѣйствуетъ на основаніи правъ, предоставленныхъ ему русскими законами, но общее техническое, административное и хозяйственное управленіе *всѣми* желѣзными дорогами поручается американскому инженеру, Джону Ф. Стивенсу, которому предоставляется званіе генералъ-директора.

Этимъ не ограничивалась роль иностранцевъ. Проектъ предоставлялъ имъ еще рядъ правъ:

1) Общее наблюденіе надъ желѣзными дорогами будетъ *регулироваться* и контролироваться спеціальнымъ междусоюзнымъ комитетомъ, который будетъ состоять изъ представителей союзныхъ державъ, имѣющихъ войска въ Сибири, по одному отъ каждой, и предсѣдателемъ котораго будетъ русскій.

2) Согласованіе перевозокъ, которыя будутъ производиться по указаніямъ союзныхъ военныхъ властей, предоставляется военному союзному бюро.

3) Охрана желѣзныхъ дорогъ должна быть ввѣрена союзнымъ военнымъ силамъ.

Такова была та декларація *правъ* иностранцевъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, которая была положена въ основу переговоровъ. Меньше всего здѣсь говорилось объ обязанностяхъ союзниковъ, но нельзя сказать, чтобы достаточно точно были опредѣлены и права ихъ. Неопредѣленность была выгодна только союзникамъ: въ отношеніи пользованія дорогами они могли толковать ихъ распространительно, а въ отношеніи техническомъ и организаціонномъ, гдѣ права переходили въ обязанности—ограничительно.

Но Реньо совѣтовалъ торопиться съ началомъ переговоровъ, для того, чтобы ускорить разрѣшеніе вопроса. „Лучше внести хоть что-нибудь, для того, чтобы продемонстрировать готовность идти на всѣ уступки и переложить отвѣтственность за дальнѣйшее промедленіе на союзниковъ, чѣмъ медлить самимъ". Такъ разсуждали мы, приглашая всѣхъ гражданскихъ и военныхъ представителей союзныхъ державъ прибыть въ зданіе Совѣта министровъ, для обсужденія желѣзнодорожнаго вопроса.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ П. В. Вологодскаго. По правую руку отъ него занялъ кресло Реньо, по лѣвую—сэръ Чарльзъ Эллiотъ. Присутствовали также генералъ Жаненъ, генералъ Ноксъ, майоръ Скайлоръ, консулъ Гаррисъ, представители чеховъ и члены японской миссіи: полковникъ Фукуда и майоръ Мике.

Вологодскій сказалъ нѣсколько словъ о важности для насъ той помощи, которую союзники могли бы оказать россійскому транспорту.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ прочитанъ журналъ Совѣта министровъ, которымъ поручалось ускорить переговоры о желѣзныхъ дорогахъ.

„1) Согласно доклада министра путей сообщенія, Совѣтъ министровъ признаетъ состояніе желѣзнодорожнаго хозяйства угрожающимъ и требующимъ неотложнаго принятія исключительныхъ мѣръ.

2) Возстановленіе желѣзнодорожнаго хозяйства не можетъ быть произведено средствами Россійскаго Правительства, въ виду непосильности для его бюджета расходовъ, которые для этого потребовались бы, отсутствія въ распоряженіи Правительства необходимыхъ техническихъ оборудованій и, наконецъ, затруднительности, безъ содѣйствія иностранныхъ спеціалистовъ, провести въ жизнь въ короткое время новые методы работы дорогъ.

3) Оставленіе желѣзныхъ дорогъ въ ихъ теперешнемъ положеніи являлось бы угрожающимъ для фронта и, такимъ образомъ, воспрепятствовало бы возстановленію Россіи и укрѣпило бы большевизмъ.

4) При создавшихся условіяхъ Россійское Правительство вправѣ разсчитывать, что союзныя державы, выразившія готовность содѣйствовать возстановленію Россіи и искорененію гибельнаго для всего культурнаго міра большевизма, окажутъ Россіи, въ воздаяніе ея военныхъ заслугъ, дѣятельную и скорую помощь въ области улучшенія желѣзнодорожнаго транспорта.

5) Хотя содѣйствіе союзныхъ державъ Россіи въ дѣлѣ улучшенія ея желѣзнодорожнаго транспорта и явится временнымъ, связаннымъ съ военными дѣйствіями противъ совѣтскихъ войскъ, но Совѣтъ министровъ ожидаетъ помощи союзныхъ державъ не въ видѣ частичныхъ мѣръ, примѣнительно къ потребностямъ періода военныхъ перевозокъ, а въ видѣ широкихъ и планомѣрныхъ мѣропріятій, коренными образомъ улучшающихъ состояніе желѣзныхъ дорогъ.

6) Совѣтъ министровъ признаетъ, что дѣятельная и широкая помощь союзныхъ державъ будетъ наиболѣе обезпечена въ случаѣ предоставленія имъ активнаго участія въ управленіи и надзорѣ за работой желѣзныхъ дорогъ.

7) Наиболѣе пріемлемыми для Россіи условіями совмѣстной работы союзниковъ въ дѣлѣ улучшенія желѣзнодорожнаго транспорта представляются начала, положенныя въ основаніе проекта управленія сибирскими дорогами при участіи иностранныхъ спеціалистовъ, одобреннаго въ общихъ чертахъ большинствомъ союзниковъ.

8) Въ соотвѣтствіи съ изложенными соображеніями, Совѣтъ министровъ поручаетъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ и путей

сообщенія принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ скорѣйшему завершенію переговоровъ съ представителями союзныхъ державъ объ оказаніи ими помощи нашему желѣзнодорожному хозяйству, на основаніяхъ названнаго выше проекта".

Послѣ объясненій Устругова и Сукина относительно сущности намѣченнаго проекта совмѣстнаго съ союзниками управленія дорогами, присутствовавшіе Высокіе Комиссары заявили, что они, не входя въ детали проекта, охотно протелеграфируютъ своимъ правительствамъ о выслушанныхъ ими пожеланіяхъ.

Засѣданіе закрылось. Вопросъ, казалось, сдвинулся съ мертвой точки. Разрѣшеніе его пришло, однако, только въ мартѣ.

Признаніе.

Какой бы вопросъ изъ области отношеній съ союзниками ни приходилось затрагивать—всегда возникалъ вопросъ о признаніи. Организуется, напримѣръ, союзная помощь желѣзнодорожному транспорту—кто же назначитъ генералъ-директора? Омское Правительство не можетъ, потому что оно не признано, союзныя правительства не могутъ, потому что они не распоряжаются въ Россіи.

Когда же разрѣшался вопросъ о командованіи, то опять-таки было неизвѣстно, какъ произойдетъ назначеніе генераловъ Жанена и Нокса, и какое мѣсто будетъ отведено маршалу Отани, потому что Омское Правительство было пассивной стороной, а активныхъ было слишкомъ много, и ни одна не знала, которая старше.

Мелькала мысль, не лучше ли будетъ перенести рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ въ Парижъ, гдѣ уполномоченные представители державъ, съѣхавшіеся на мирную конференцію, могли бы, казалось, легче сговориться между собою, чѣмъ представители въ Сибири, сами участвовавшіе въ ея политической жизни и нерѣдко конкурировавшіе между собою.

Но въ это время Парижъ рѣшилъ уже русскій вопросъ...

Принцевы острова.

— Господа, вѣдь это—предложеніе мира съ большевиками! сказалъ адмиралъ, читая только что принятое радіо.

— Быть не можетъ! Это, вѣроятно, недоразумѣніе. Я думаю, что предлагается собраться только представителямъ антибольшевистскихъ силъ.

— Нѣтъ, предложеніе безусловно относится и къ большевикамъ.

Такая бесѣда происходила у адмирала 25-января во время очередного доклада по министерству иностранныхъ дѣлъ, какъ разъ послѣ полученія знаменитаго радіо о Принцевыхъ островахъ.

Толкованіе адмирала оказалось правильнымъ. Представители союзниковъ въ Омскѣ сами были поражены и неожиданностью и безтактностью предложенія. Собраться вмѣстѣ съ большевиками, какъ равные съ равными, въ то время, какъ большевики всѣмъ намъ представлялись уголовными преступниками, убійцами и измѣнниками—такое предложеніе было до боли обидно и непонятно.

Въ воскресенье 26 января адмиралъ принялъ у себя Высокихъ Комиссаровъ Франціи и Великобританіи. Присутствовали на пріемѣ Сукинъ и я.

Реньо, со свойственной ему выдержкой, выразилъ адмиралу предположеніе, что конференція на Принцевыхъ островахъ задумана для того, чтобы испытать большевиковъ и послѣ демонстраціи ихъ непримиримости создать основаніе для широкой помощи въ борьбѣ съ ними. Онъ просилъ адмирала до полученія подробныхъ разъясненій изъ Парижа не отказываться рѣшительно отъ сдѣланнаго предложенія. Къ этому присоединился и сэръ Чарльзъ Эллiотъ, который просилъ адмирала сообщить ему, какъ онъ предполагаетъ откликнуться на сдѣланное предложеніе.

Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ не считаетъ полученное радіо предложеніемъ, и, такъ какъ оно неясно по содержанію, въ виду нѣкоторыхъ искаженій, то онъ вовсе не будетъ на него отвѣчать. Онъ сдѣлаетъ только одно: отдастъ приказъ по войскамъ, что разговоры о перемиріи съ большевиками распространяются врагами Россіи, и что онъ готовится къ наступленію. Это будетъ не отвѣтъ Правительства, а приказъ Главнокомандующаго.

На этомъ и разошлись. Помнится, провожая Реньо, я указалъ ему еще на то, что, если бы переговоры осуществились, то неизбѣжный крахъ ихъ повлекъ бы въ Европейской Россіи еще большій терроръ со стороны большевиковъ по отношенію къ „контръ-революціонерамъ."

— Что вы скажете объ этихъ союзникахъ? мрачно замѣтилъ адмиралъ послѣ отъѣзда Реньо и Эллiота.

Вечеромъ я лежалъ въ постели съ высокою температурой, какъ оказалось, въ сыпномъ тифу, но и въ постели я продолжалъ думать о Принцевыхъ островахъ и диктовалъ одному омскому общественному дѣятелю свои мысли относительно *желательности* конференціи, въ цѣляхъ объединенія всѣхъ противобольшевист-

скихъ силъ. Такая конференція превратилась бы въ судъ надъ большевиками и создала бы солидарность всѣхъ создавшихся правительствъ, которыя могли бы помочь въ дальнѣйшей борьбѣ. Въ этомъ я видѣлъ полезную сторону конференціи. Но черезъ день я уже потерялъ сознаніе и свыше двухъ недѣль находился въ бреду.

Когда въ концѣ февраля я всталъ на ноги, вопросъ о конференціи былъ исчерпанъ.

Она была сорвана единодушнымъ протестомъ всѣхъ національныхъ центровъ, единодушно же поддержаннымъ печатью всѣхъ направленій. Въ Совѣтѣ министровъ не былъ поднятъ вопросъ о конференціи антибольшевистскихъ правительствъ для солидаризаціи ихъ въ борьбѣ; въ немъ раздался, однако, одинокій голосъ одного скептика, который не вѣрилъ въ успѣхъ борьбы, и который и позднѣе предлагалъ помириться съ Москвой и разграничиться. „Пусть каждая сторона живетъ и творитъ по своему", часто говаривалъ онъ.

Смыслъ союзнаго рѣшенія.

Мы боролись за великую и единую Россію.

Намъ предложили сойтись на Принцевыхъ островахъ и договориться о сожительствѣ разрозненныхъ частей, не исключая и большевистской Москвы.

Идея Великой Россіи могла еще допустить сомнительное существованіе нѣкоторыхъ отдѣлившихся отъ нея окраинъ, но расчлененіе самой Россіи и идея ея единства находились въ глубокомъ противорѣчіи, а, между тѣмъ, предложеніе союзниковъ какъ будто признавало это возможнымъ.

Грозное предостереженіе видѣлъ я въ этомъ парижскомъ рѣшеніи. Не отрицательный ли это отвѣтъ на нашу декларацію по поводу окончанія войны, на нашу надежду, что союзники не покинутъ Россіи въ состояніи анархіи, потому что это опасно для всего міра?

На кого же оставалось тогда надѣяться?

Въ Россіи еще было чехо-словацкое войско, родственное по крови, близкое по интересамъ. Оно уже ушло на отдыхъ. Пусть, думали мы, наберется силъ. Въ нужный моментъ оно подымется. Союзники обезпечиваютъ ему отдыхъ и возвращеніе на родину— оно обезпечитъ намъ побѣду.

„По дорогѣ чести."

Ничего не достигнувшій генералъ Стефанекъ въ это время уже выѣхалъ изъ Сибири. Онъ оставилъ политическимъ представителемъ Богдана Павлу, раскассировалъ Національный Совѣтъ

Адмиралъ Колчакъ, генералъ Жаненъ, графъ де-Мартель, Б. И. Павлу на парадѣ въ Омскѣ.

(русское отдѣленіе), который занимался политическими интригами, но не добился главнаго, чего хотѣлъ —не поднялъ упавшаго настроенія войска.

Изъ Шанхая онъ прислалъ Павлу слѣдующую телеграмму: „Я ѣду туда, гдѣ требуется мое присутствіе. Я буду стараться, чтобы ни одна капля нашей крови, пота и нашихъ слезъ не была пролита даромъ, и свое обѣщаніе выполню. Я видѣлъ нашихъ соколовъ на фронтѣ и, видя ихъ усталость, прочувствовалъ ихъ страданія, но я вынесъ увѣренность, что они выдержатъ, какъ выдержалъ чехо-словацкій народъ въ цѣломъ. Передайте имъ, чтобы они были вѣрны себѣ, своему хорошему прошлому, и чтобы они не забывали, что *только по дорогѣ чести* они вернутся въ свободную, счастливую и дорогую нашу родину“.

Глава XIV.

Успѣхи.

Тяжело пришлось Верховному Правителю въ первый мѣсяцъ его власти. Онъ былъ солдатъ душой и цѣликомъ отдавалъ себя солдатскому дѣлу. Каждый день объѣзжалъ онъ казармы, гдѣ встрѣчали его необутыя, полураздѣтыя части осенняго призыва. Надежда и опора власти, эти солдаты были въ плачевномъ состояніи. Плохи были и казармы. Во многихъ изъ нихъ не было печей, почти всѣ были грязны, необорудованы.

А между тѣмъ фронтъ еще подавался, красные тѣснили. На мѣстахъ далеко не все было благополучно. Финансы были крайне примитивны. Печатались отвратительныя деньги, да и тѣхъ не хватало. Предметовъ первой необходимости прибывало мало. Спокойствія не было. Большевики затаились по всей Сибири, не истребленные, а только разсѣянные. Они унесли съ собою золото и держались повсюду, время отъ времени подымая возстанія. Соціалисты-революціонеры, пользуясь земскими и кооперативными средствами, вторили большевикамъ въ ихъ противоправительственной работѣ.

Адмиралъ сосредоточилъ все свое вниманіе на военныхъ дѣлахъ. Онъ подготовлялъ пермскую операцію. Успѣхомъ на фронтѣ онъ хотѣлъ поднять престижъ власти и внутри и внѣ страны. Возстаніе въ Омскѣ и взятіе Перми произошли почти одновременно. Второе затмило первое. Адмиралъ оказался правъ, и послѣдующія почти непрерывныя возстанія въ разныхъ городахъ остались незамѣченными подъ громъ побѣдъ на протяженіи отъ Чердыни до Оренбурга.

Возстаніе въ Омскѣ.

Въ то время, какъ представитель лѣвой оппозиціи Авксентьевъ создавалъ опредѣленное настроеніе заграницею, внутри страны работали другія силы, стремившіяся дискредитировать омскую власть и создать ей непредвидѣнныя и тяжкія затрудненія.

Еще не былъ исчерпанъ семеновскій инцидентъ, какъ наступилъ омскій.

Въ ночь на 22 декабря группы вооруженныхъ рабочихъ-большевиковъ и другихъ темныхъ элементовъ освободили изъ тюрьмы часть арестованныхъ, сдѣлали попытки произвести безпорядокъ въ войсковыхъ частяхъ въ городѣ и временно захватили желѣзнодорожную станцію Куломзино, обезоруживъ желѣзнодорожную милицію. Вызванныя по тревогѣ части омскаго гарнизона уничтожили банды преступниковъ, и въ городѣ и его окрестностяхъ установилось полное спокойствіе.

Наканунѣ этого выступленія въ Омскѣ была раскрыта большевистская организація, въ числѣ 33 человѣкъ, повидимому, представлявшая собою мѣстный большевистскій штабъ. Планъ возстанія была задуманъ довольно широко. Предположено было, между прочимъ, выпустить красноармейцевъ изъ концентраціоннаго лагеря и заключенныхъ изъ тюрьмы. Въ найденныхъ при арестѣ штаба бумагахъ были указанія на предположенія объ организаціи новой центральной власти. Были намѣчены члены центральнаго для Сибири комиссаріата.

Несмотря на задержаніе штаба, планъ возстанія осуществился съ абсолютною точностью.

Началось возстаніе на лѣвомъ берегу Иртыша, въ пригородномъ поселкѣ Куломзино. Почти одновременно къ омской областной тюрьмѣ подошелъ одѣтый въ сѣрыя шинели, вооруженный винтовками отрядъ, численностью около 50 человѣкъ.

Отрядомъ командовалъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ черный полушубокъ съ офицерскими погонами.

Командовавшій отрядомъ, подойдя къ воротамъ тюрьмы, постучалъ и заявилъ дежурному караульному, что пришла команда солдатъ, вызванная экстреннымъ распоряженіемъ для усиленія караула. Когда привратникъ отворилъ дверь, пришедшіе набросились на него, свалили съ ногъ, а затѣмъ ворвались въ караульное помѣщеніе тюрьмы и разоружили караулъ.

Часть отряда затѣмъ отправилась на квартиру начальника тюрьмы, въ сопровожденіи одного изъ разоруженныхъ тюремныхъ надзирателей, и попросила его выйти въ контору, а когда последній вышелъ къ пришедшимъ, тѣ обыскали его и, задержавъ, отвели въ помѣщеніе тюремной канцеляріи, гдѣ и заперли.

Въ то же время другая, болѣе многочисленная часть отряда бросилась въ помѣщеніе тюрьмы, разоружила тюремныхъ надзирателей и, отобравъ у нихъ ключи, выпустила 205 арестантовъ.

Большинство выпущенныхъ принадлежало къ политическимъ заключеннымъ; были, однако, и уголовные.

Около ста человѣкъ изъ бѣжавшихъ были задержаны въ теченіе слѣдующаго же дня.

Опасная попытка побѣга заключенныхъ въ концентраціонномъ лагерѣ была пресѣчена въ самомъ началѣ.

Возстаніе было энергично подавлено. Подавленіе его произведено было съ исключительною жестокостью.

Безпощадный разстрѣлъ возставшихъ рабочихъ объясняется прежде всего обычнымъ раздраженіемъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мятежа. Суровый холодъ сибирской декабрьской ночи способствовалъ немало ожесточенію плохо одѣтыхъ солдатъ (обмундированіе было въ то время очень неважное), и они расправлялись съ мятежниками, какъ со своими личными врагами.

Вмѣшиваться въ распоряженія военныхъ властей, при усмиреніи возстанія, невозможно.

Но вотъ возстаніе подавлено. Происходитъ вылавливаніе скрывшихся изъ тюрьмы. Казалось бы, здѣсь все должно было войти въ нормальное русло суда и законности. Быть можетъ, такъ и было бы, но страсти разгорѣлись, ненависть къ соціалистамъ обострена, большевики и эсеры расцѣниваются одинаково —и происходитъ позорная расправа съ случайными жертвами этой больной психологіи.

Только что вернувшійся съ Востока Ивановъ-Риновъ отдаетъ приказъ о преданіи полевому суду „провокаторовъ" (приказъ 22 декабря 1918 г. № 160). На какомъ основаніи онъ издаетъ такой приказъ? Кто далъ ему такое право? Не знаю. Но министръ юстиціи Старынкевичъ протеста не заявилъ.

Въ то же время начальникъ омскаго гарнизона генералъ Бржезовскій издаетъ другой приказъ: „всѣмъ назаконно освобожденнымъ изъ тюрьмы" вернуться. „Всѣхъ неявившихся и задержанныхъ послѣ этого—разстрѣливать на мѣстѣ".

Оба приказа поощряли къ расправѣ.

Часть бѣжавшихъ своевременно явилась. Однако, ночью къ тюрьмѣ подошелъ отрядъ и предъявилъ требованіе о выдачѣ нѣкоторыхъ изъ узниковъ по списку. Въ числѣ ихъ былъ членъ Учредительнаго Собранія Фоминъ, начальникъ челябинскаго района Киріенко, колебавшійся, признать, или не признать Верховнаго Правителя, редакторъ челябинской газеты Маевскій, членъ Учредительнаго Собранія Девятовъ и нѣкоторые другіе. Они больше не вернулись. Ихъ отвели въ загородную рощу и тамъ звѣр-

ски убили. Трупъ Фомина носилъ слѣды не только огнестрѣльныхъ ранъ, но и побоевъ.

Погибли люди, которыхъ адмиралъ только что хотѣлъ освободить изъ тюрьмы, не считая виною то, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они не могли признать переворота. Онъ говорилъ объ этомъ Старынкевичу, но министръ юстиціи замедлилъ съ освобожденіемъ и не сумѣлъ принять мѣръ къ ихъ охранѣ послѣ возвращенія въ тюрьму. Демократія Сибири отнесла гибель этихъ политическихъ дѣятелей, главнымъ образомъ, на счетъ министра юстиціи, а такъ какъ Старынкевичъ оставался членомъ Правительства, то отвѣтственность за эти печальныя событія пала и на сочленовъ его по кабинету.

Нечего и говорить, что декабрьскіе разстрѣлы произвели тяжелое впечатлѣніе какъ внутри страны, такъ и заграницей. Они послужили какъ бы иллюстраціей къ обвиненіямъ Авксентьева. Изъ Парижа немедленно пришелъ тревожный запросъ Маклакова: правда ли? что произошло? А, между тѣмъ, только что пошли заграницу извѣстія о бесѣдѣ адмирала съ представителями блока, только что создавалось впечатлѣніе о поддержкѣ адмирала и тѣми умѣренными демократическими партіями, представителей которыхъ разстрѣляли затѣмъ въ загородной рощѣ.

Держиморда Патріотовъ.

Нечего грѣха таить: крайняя правая, гдѣ много общаго въ пріемахъ и методахъ съ большевизмомъ, стала проявлять свою негосударственную психологію и разрушать работу возрожденія и умиротворенія страны.

У меня сохранилось произведеніе писавшаго подъ псевдонимомъ „Конекъ-Горбунокъ" извѣстнаго сибирскаго фельетониста, которое военная цензура въ Омскѣ не разрѣшила напечатать. Очевидно, авторъ слишкомъ больно попалъ въ слабое мѣсто.

Держиморда Патріотовъ.

> „Спокойный и мягкій тонъ обращенія Верховнаго Правителя къ населенію не встрѣтилъ сочувствія среди крайнихъ правыхъ".
>
> *(Изъ газетъ).*

Идіотъ изъ идіотовъ,
Держиморда Патріотовъ,

Одержимъ гражданскимъ рвеньемъ,
Всѣмъ готовый мять бока,
Недоволенъ обращеньемъ
Адмирала Колчака.

И ворчитъ онъ зло и хмуро:
„Развѣ это диктатура?
Надо было просто цыкнуть
И въ бараній рогъ согнуть,
Чтобъ никто не смѣлъ ни пикнуть,
Ни вздохнуть и ни чихнуть.

„Изъ одиннадцати—десять
Надо было бы повѣсить,
Остальныхъ же — въ морду, въ зубы,
Чтобы помнили всегда.
А газеты, книги, клубы
Изничтожить навсегда“.

Идіотъ изъ идіотовъ—
Держиморда Патріотовъ!
Слава Богу, что Россія
Не тебѣ поручена,
Что въ годины роковыя
Патріоты есть иные—
Люди дѣла и ума.

Адмиралъ боленъ.

Еще въ началѣ декабря адмиралъ серьезно заболѣлъ. Онъ ѣздилъ по казармамъ, посѣщалъ парады въ легкомъ солдатскаго сукна пальто. Здоровье его внушало серьезныя опасенія. Онъ не могъ принимать докладовъ. У него бывали почти исключительно Лебедевъ, Тельбергъ, Сукинъ. Случайность общенія съ нимъ Совѣта министровъ за это время оказалась роковой во многихъ отношеніяхъ.

Адмиралъ и раньше былъ чужимъ человѣкомъ для сибиряковъ вообще и для членовъ Совѣта министровъ, въ частности. Теперь же не только укрѣпилась отчужденность министровъ отъ Верховнаго Правителя, но еще и создалась у него привычка видѣть однихъ и тѣхъ же людей, и какъ разъ такихъ, которые не имѣли ничего общаго съ тенденціями Сибирскаго Правительства,

И роковое заключалось не только въ томъ, что погибли невинныя лица, что проявилась жестокость въ подавленіи возстанія (все это, въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлали большевики—капля въ морѣ), а въ томъ, что уже въ этотъ первый мѣсяцъ власти адмирала безотвѣтственные военные круги почувствовали возможность произвола и распоясались. Гражданская власть не проявила ни рѣшительности и смѣлости въ борьбѣ съ беззаконіями ни бдительнаго наблюденія за дѣйствіями военныхъ организацій и ихъ вдохновителей.

Взятіе Перми.

Какъ разъ въ тѣ же дни молодыя сибирскія части совершили свой замѣчательный походъ на Пермь.

Въ теченіе 23 декабря колонны нашихъ войскъ сдѣлали громадный, суворовскій, переходъ въ 50 верстъ, съ боемъ, при 25-градусномъ морозѣ, по глубокимъ снѣгамъ.

Утромъ колонны войскъ генерала Пепеляева, гоня передъ собой бѣгущихъ въ паникѣ красноармейцевъ, завязали бой непосредственно у восточныхъ предмѣстій Перми и въ районѣ Мотовилихинскаго завода, а около 4 часовъ дня онѣ уже ворвались въ самый городъ, на улицахъ котораго закипѣлъ отчаянный штыковой бой.

Сопротивленіе большевиковъ было сломлено. Въ самомъ городѣ захвачено до 8.000 плѣнныхъ, масса вооруженія и военныхъ запасовъ.

„Взятіе Перми," писалъ военный обозрѣватель, генералъ Андогскій, „представляетъ давно невиданныя картины высокой боевой доблести войскъ, крайней интенсивности въ развитіи операціи, несмотря на чрезвычайно тяжелыя условія времени года, и отличнаго руководства дѣйствіями войскъ въ екатеринбургскомъ районѣ.

Воскресаютъ образы суворовскихъ чудо богатырей".

Стремительный ударъ на Пермь былъ произведенъ войсками генерала Пепеляева южнѣе линіи горнозаводской жел. дороги. Въ это время войска южнаго направленія находились еще западнѣе Кунгура, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Перми. Маневромъ генерала Пепеляева всѣ красноармейскія части, отступавшія отъ Кунгура, оказались отрѣзанными отъ Перми. Часть ихъ, продолжая бѣгство, прибывала въ районъ Перми и сдавалась въ плѣнъ, а часть бросилась къ юго-западу отъ путей Кунгуръ-

Пермь, въ лѣса Камы, въ Оханскій и Осинскій районы, внося сумятицу, безпорядокъ и разложеніе въ большевистскія части.

Генералъ Пепеляевъ.

Взятіе Перми покрыло славой имя молодого сибирскаго генерала Анатолія Николаевича Пепеляева.

Ему было въ то время только 27 лѣтъ.

На войну съ Германіей, гдѣ отецъ его командовалъ одною изъ сибирскихъ бригадъ, Анатолій Пепеляевъ ушелъ поручикомъ, окончивъ Павловское Военное Училище.

Назначенный сначала въ команду развѣдчиковъ, онъ сразу начинаетъ отличаться удачными развѣдками при Прасnышѣ, Сольдау и др. пунктахъ. Лихое дѣло команды развѣдчиковъ, подъ начальствомъ поручика Пепеляева, было отмѣчено телеграммой покойнаго государя.

Во время отступленія изъ Польши лѣтомъ 1915 года, находясь во главѣ всѣхъ развѣдчиковъ 11-ой дивизіи и сотни казаковъ, Пепеляевъ разбилъ два баталіона германцевъ и вернулъ потерянные окопы. За это дѣло онъ получилъ георгіевскій крестъ.

Въ 1915 году, когда русская армія отступила и бездѣйствовала, за неимѣніемъ снарядовъ, молодой штабсъ-капитанъ Пепеляевъ не унывалъ и возвращался со своихъ безстрашныхъ развѣдокъ всегда съ трофеями и плѣнными.

Въ 1916 году онъ командуетъ баталіономъ подъ Барановичами и, когда русская армія окончательно развалилась подъ вліяніемъ большевизма, полковникомъ возвращается въ родную Сибирь. Здѣсь онъ организуетъ офицерскую антибольшевистскую организацію, которая весной 1918 года присоединяется въ Томскѣ къ чешскому движенію. Пепеляевъ присоединяется къ чешскимъ войскамъ Гайды и вмѣстѣ съ ними идетъ освобождать Сибирь.

Многіе изъ солдатъ, которые взяли Пермь подъ командой Анатолія Николаевича Пепеляева, знали его еще по его прежней боевой дѣятельности. Онъ сжился съ ними, понималъ ихъ душу и велъ тотъ же образъ жизни, какъ и они.

Каждый день генералъ объѣзжалъ всѣ свои полки, разговаривалъ, пѣлъ пѣсни съ солдатами, и они его обожали.

Имя Пепеляева стало такъ популярно, что бардъ единоличной власти Жардецкій, опасаясь за жизнь адмирала, болѣзнь котораго была очень серьезна, уже поговаривалъ о Пепеляевѣ, какъ возможномъ замѣстителѣ адмирала.

Генералъ А. Н. Пепеляевъ.

Политическіе успѣхи.

Но адмиралъ сталъ поправляться, и судьба послала ему рядъ ободряющихъ успѣховъ.

Ликвидировался инцидентъ съ Семеновымъ. Дѣйствіе приказа было пріостановлено. Семеновъ объявилъ, что готовъ дать показанія слѣдственной комиссіи.

С. Д. Сазоновъ выразилъ согласіе принять постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Правительствѣ адмирала.

Наконецъ, генералъ Деникинъ увѣдомилъ, что онъ признаетъ Верховную власть адмирала.

Деникинъ писалъ: „Признаемъ Верховную власть, принятую Вашимъ Превосходительствомъ, въ увѣренности, что Вы солидарны съ основными началами политической и военной программъ Добровольческой арміи. Начала эти слѣдующія: возстановленіе единой недѣлимой Россіи, не предрѣшая будущей окончательной формы правленія; борьба противъ революціонной организаціи большевиковъ до полнаго уничтоженія; военныя дѣйствія сибирскихъ армій согласуются съ общими планами кампаніи и главнаго командованія Добровольческой арміи“.

Верховный Правитель отвѣтилъ на это такъ:

„Признаніе Вами Верховной власти, выросшей на Востокѣ Россіи, знаменуетъ собой великій шагъ къ національному объединенію, для достиженія котораго мы положимъ всѣ наши силы. Основныя начала политической и военной программъ Добровольческой арміи, изложенныя въ Вашей телеграммѣ, совершенно раздѣляются мной и Правительствомъ. Общность цѣли и глубокое внутреннее единеніе между нами обезпечатъ успѣхъ взаимодѣйствія. Ваше сообщеніе укрѣпляетъ во мнѣ вѣру въ скорое возрожденіе единой Россіи. Адмиралъ Колчакъ“.

Друзья.

Всѣ эти успѣхи не замедлили сказаться на отношеніи союзниковъ.

19 января Высокій Комиссаръ Великобританіи сдѣлалъ адмиралу слѣдующее сообщеніе:

„Въ виду того, что Ваше Высокопревосходительство приняли на себя Верховную власть въ Омскѣ, Великобританское Правительство желаетъ выразить свое горячее сочувствіе всѣмъ усиліямъ къ установленію свободнаго русскаго государства на твер-

дыхъ основахъ общественнаго довѣрія. Только при такихъ условіяхъ Россія можетъ вернуться къ истинному ея положенію среди другихъ націй и получить возможность въ полной мѣрѣ принять участіе въ работѣ цивилизаціи".

Вслѣдъ за этимъ, 21 января Высокимъ Комиссаромъ Франціи г. Реньо было передано Верховному Правителю сообщеніе отъ французскаго правительства, въ которомъ послѣднее высказываетъ живое сочувствіе состоявшемуся соединенію екатеринодарскаго національнаго центра съ Правительствомъ адмирала Колчака.

Одновременно французское правительство указало, что назначеніе г. Сазонова въ качествѣ *общаго* министра иностранныхъ дѣлъ послужило къ укрѣпленію Омскаго Правительства, которое, такимъ образомъ, подвигается по пути, ведущему къ признанію Верховной власти адмирала.

Новогодняя декларація.

Удачи подымали энергію. Нужно было напрягать силы для укрѣпленія успѣховъ на фронтѣ и обезпеченія порядка въ тылу. Главнымъ препятствіемъ послѣднему были партійныя несогласія и постоянные взрывы, то слѣва, то справа.

Въ засѣданіи Совѣта министровъ вопросъ о деклараціи вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній по вопросамъ общей политики.

Министерство иностранныхъ дѣлъ настаивало на амнистіи всѣмъ членамъ Учредительнаго Собранія и на немедленномъ учрежденіи комиссіи по подготовкѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе.

Второе предложеніе не вызвало возраженій, но первое подверглось критикѣ, и, въ результатѣ, декларація оказалась длинной и невыразительной. Вмѣсто амнистіи, было дано торжественное обѣщаніе не преслѣдовать оппозиціонныхъ партій, если онѣ не ведутъ борьбы съ властью.

Безцвѣтность деклараціи усиливало то обстоятельство, что она не давала никакого представленія о программныхъ предположеніяхъ Правительства; оно отклоняло отъ себя всѣ основные вопросы, относя ихъ на будущее, на то время, когда страна будетъ освобождена отъ большевистскаго гнета. Въ то время это казалось правильнымъ, теперь видно, какъ это было ошибочно.

Я приведу нѣкоторыя мѣста изъ деклараціи, потому что она оказалась очень характерной для Омскаго Правительства, отражающею его добрыя намѣренія и его слабую волю.

„Міръ встрѣтилъ новый годъ съ душевнымъ облегченіемъ и радостными надеждами.

Радость просвѣщеннаго міра отзывается и въ русскихъ сердцахъ, но радость эта тонетъ въ глубокой скорби. Насильники, окончательно разорившіе несчастную страну, хозяйничаютъ въ сердцѣ Россіи. Они въ корнѣ подрываютъ благополучіе народа.

Тамъ, гдѣ господствуютъ большевики, царитъ голодъ и непрерывная гражданская война. Народное достояніе расточается, и государству Россійскому угрожаютъ полное разореніе, вѣковая кабала и нищета.

Все просвѣщенное въ Россіи безжалостно и звѣрски истребляется. Въ темноту и безпомощную слѣпоту повергается русскій народъ, и именно тогда, когда ему особенно нужны люди знанія и науки. Медлить нельзя. Каждый день большевистскаго господства приноситъ новые кровавые ужасы и приводитъ Россію въ состояніе безнадежнаго разрушенія.

Всѣхъ, кто въ это отвѣтственное время разлагаетъ здоровый духъ войскъ, кто возбуждаетъ населеніе противъ власти, кто препятствуетъ правильной работѣ желѣзныхъ дорогъ и важнѣйшихъ предпріятій—Правительство будетъ преслѣдовать съ безпощадной суровостью.

Но Правительство, стоящее внѣ всякихъ партійныхъ теченій, Правительство возрожденія страны, не видитъ основаній для борьбы съ тѣми партіями, которыя, не оказывая поддержки власти, не вступаютъ и въ борьбу съ нею. Не время теперь для внутренней розни.

Государственный разумъ и національная совѣсть подскажутъ всѣмъ дѣятелямъ крайнихъ теченій, что ихъ будущее и будущее демократіи вообще зависятъ отъ умѣнія ограничить себя въ настоящемъ, когда напрягаются послѣднія усилія, чтобы спасти страну и свободу. Правительство ожидаетъ также полнаго подчиненія власти и со стороны тѣхъ, кто, якобы защищая государственность, колеблетъ въ дѣйствительности силу и достоинство власти, прибѣгая къ самоуправству.

Цѣль, которую ставитъ себѣ Правительство, должна стать общей цѣлью честныхъ гражданъ Россіи: освободить страну отъ большевистскаго гнета, спасти послѣдніе остатки народнаго достоянія и приступить затѣмъ въ полномъ порядкѣ и разумно къ переустройству народной жизни, на началахъ свободнаго участія самого народа въ органахъ общегосударственнаго и мѣстнаго управленія.

Только тогда будетъ прочно и на справедливыхъ основаніяхъ обезпеченъ землей россійскій земледѣлецъ, возродится русская промышленность, и обезпечены будутъ за русскимъ рабочимъ лучшія условія труда и существованія.

Достиженіе этихъ цѣлей составляетъ основную задачу Россійскаго Правительства. Лишенное возможности проводить законы черезъ народное представительство, оно стремится, однако, подготовить страну къ выборамъ во Всероссійское Національное Собраніе и въ ближайшее время созоветъ комиссію для разработки соотвѣтствующаго положенія.

Година возрожденія, когда рѣшается судьба родины, должна начаться взаимнымъ прощеніемъ обидъ и ознаменоваться подъемомъ національнаго чувства и утвержденіемъ столь необходимаго въ странѣ гражданскаго мира."

Теперь, когда я перечитываю эту декларацію, мнѣ бросается въ глаза ея проповѣднический тонъ. Не такъ должна говорить власть. Я не могу придраться къ мыслямъ деклараціи. Много мѣсяцевъ спустя я повторялъ ихъ въ Иркутскѣ, при возобновленіи работъ Экономическаго Совѣщанія; я началъ тогда и кончилъ тѣми же мотивами—„благоразуміе всѣхъ партій", „гражданскій миръ". Но какъ мы были тогда далеки отъ благоразумія, и какъ было бы полезнѣе, если бы въ своей деклараціи Совѣтъ министровъ объявилъ, что онъ отмѣняетъ нелѣпыя распоряженія о военной цензурѣ, назначаетъ предсѣдателя комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе, объявляетъ крестьянству, что не будетъ отбирать у него земель.

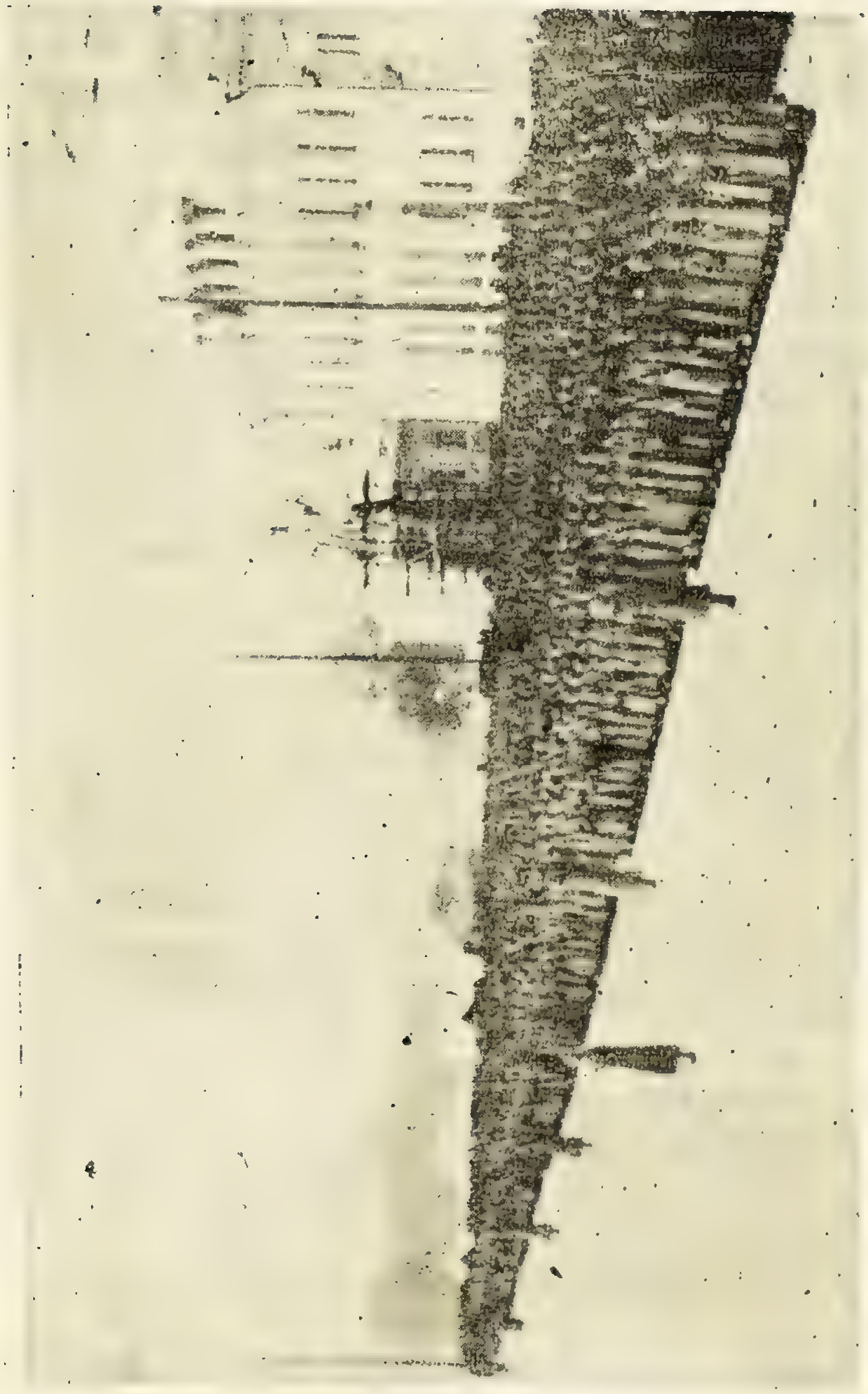
Надо, однако, сохранять историческую перспективу. Въ январѣ 1919 года мы не думали, что борьба съ большевизмомъ такъ затянется. Мы, и не только мы, считали себя скромными слугами переходнаго времени, мы *не смѣли* брать на себя слишкомъ много. Мы не знали тогда и недостатковъ нашего Правительства, они сказались позднѣе.

Но почему мы не дали амнистіи?

Это было бы, несомнѣнно, красивымъ и политически выигрышнымъ жестомъ. Я былъ иниціаторомъ этого предложенія, но я вынужденъ былъ отъ него отказаться, когда министръ внутреннихъ дѣлъ доложилъ, что главные дѣятели Самарскаго Комитета членовъ Учредительнаго Собранія ведутъ переговоры съ большевиками.

Исходъ эсеровъ.

Мы получили въ это время совѣтское радіо. Текстъ его у меня сохранился:



Смотръ войскамъ въ Екатеринбургѣ во время пріѣзда адмирала Колчака.

„Москва $^{12}/_{I}$. Въ началѣ января уфимскій военный комитетъ получилъ предложеніе отъ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія открыть переговоры о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Съ разрѣшенія Совнаркома уфимскій военный комитетъ началъ переговоры. На переговоры представителями учредиловцевъ явились Вольскій, Свѣнтицкій и Шмелевъ. Они поставили вопросы о прекращеніи войны, созданіи общероссійскаго правительства изъ всѣхъ соціалистическихъ партій и созывѣ новаго Учредительнаго Собранія. Въ отвѣтъ имъ было категорически заявлено, что никакихъ разговоровъ о созывѣ Учредительнаго Собранія быть не можетъ, никакія измѣненія конституціи Россійской Совѣтской Республики не будутъ допущены. Совѣтская власть можетъ согласиться только на легализацію партіи правыхъ эсеровъ въ Совѣтской Россіи, въ случаѣ, если совѣтскія власти убѣдятся въ полной серьезности намѣренія учредиловцевъ отдать свои силы па борьбу противъ Колчака и Антанты. Въ отвѣтъ на это заявленіе делегація учредиловцевъ предъявила текстъ воззванія всѣмъ сторонникамъ Комитета Учредительнаго Собранія прекратить борьбу съ большевизмомъ и объ активномъ выступленіи противъ Колчака и стоящихъ съ нимъ союзныхъ имперіалистовъ. Переговоры продолжаются."

Кончились они капитуляціей учредиловцевъ. Какъ милость, они приняли разрѣшеніе большевиковъ пресмыкаться въ Совѣтской Россіи.

Всѣ умѣренные и государственные элементы партіи соціалистовъ-революціонеровъ (а такіе были въ ней) горячо возмущались поведеніемъ Вольскаго и его друзей. Находившіеся заграницей члены партіи не хотѣли вѣрить извѣстіямъ о соглашеніи эсеровъ съ большевиками, считая ихъ клеветой. Съ искренною болью извѣстія эти подтвердилъ глубоко государственный членъ партіи, почтенный Панкратовъ.

При свѣтѣ зарева.

Революціонныя вспышки въ странѣ не прекращались. Въ началѣ 1919 года это не были возстанія населенія, какъ происходило потомъ. Это были исключительно заговоры партійныхъ работниковъ.

Въ ночь на 1 февраля произошло ужасное звѣрство въ Омскѣ. Въ казармы одной части проникли коммунисты и, подговоривъ солдатъ напасть на офицеровъ, перерѣзали значительную часть послѣднихъ.

Спустя нѣсколько недѣль, обнаруженъ былъ заговоръ въ Енисейскѣ. У заговорщиковъ нашли проскрипціонный списокъ. Было намѣчено для разстрѣла 800 человѣкъ. Большевики во всемъ проявляютъ крупные масштабы, и, благодаря этому, когда они помилуютъ одного изъ сотни, то весь міръ начинаетъ кричать: „большевики перемѣнились“.

Въ мартѣ произошло нападеніе на казармы въ Томскѣ. Были произведены обыски. Обнаружена была организація коммунистовъ, найдена печать партіи, складъ гранатъ.

Въ Челябинскѣ удалось прослѣдить конспиративную квартиру на окраинѣ, съ подземнымъ ходомъ въ типографію, гдѣ печатались въ большомъ количествѣ прокламаціи для распространенія на фронтѣ и въ тылу.

Кровавое возстаніе произошло въ Бодайбо.

Словомъ, пожаръ потушенъ не былъ...

Реакція.

Не черныя идеи мракобѣсовъ заставляли Омское Правительство издавать одинъ за другимъ законы объ усиленіи наказаній, до смертной казни включительно, за рядъ государственныхъ преступленій, вводить военное положеніе, назначать генералъ-губернаторовъ. Это была реакція не въ смыслѣ политическомъ, а въ смыслѣ естественнаго явленія, реагированія на совершавшееся кругомъ. Нельзя было отвѣчать на активность большевиковъ непротивленіемъ.

Дѣйствовали не только большевики, но и эсеры. Они выполняли директиву, данную имъ изъ Уфы. Что же удивляться ожесточенію военныхъ круговъ, которые больше всего страдали отъ всѣхъ мятежей и заговоровъ? Эта была борьба не на жизнь, а на смерть.

Но реакція противъ лѣвыхъ впала тоже въ крайности.

Я не могу забыть, какъ въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя еще въ январѣ, незадолго передъ моей болѣзнью, когда я присутствовалъ въ качествѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, два наиболѣе близкіе къ адмиралу представителя военнаго вѣдомства развивали теорію массоваго террора. Одинъ указывалъ на особенности массовой психологіи и книгу какого-то француза объ устрашеніи (онъ могъ бы вспомнить библію, когда наказанія за грѣхи носили тоже массовый характеръ), другой шелъ худшимъ путемъ: онъ ссылался на примѣръ большевиковъ, которые показываютъ, какъ можно принуждать массы къ повиновенію.

Въ разсужденіяхъ послѣдняго ярко сказалось происхожденіе террора справа: дѣйствіе вызывало противодѣйствіе.

Внутренняя политика.

Еще въ серединѣ декабря министерство внутреннихъ дѣлъ раззослало свою вѣдомственную декларацію, въ которой указывало, прежде всего, на всѣ отрицательныя явленія сложившейся обстановки.

„Преступная дѣятельность уголовныхъ элементовъ за послѣднее время значительно усилилась: отовсюду поступаютъ свѣдѣнія о возстаніяхъ, убійствахъ, гребежахъ и всякаго рода иныхъ насиліяхъ, что также указываетъ на необходимость созданія на мѣстахъ прочной власти.

Милиція, принятая отъ мѣстныхъ самоуправленій въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, нуждается въ коренной реорганизаціи, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Органы мѣстныхъ самоуправленій, представленные, главнымъ образомъ, узкопартійными группами, недостаточно опытными въ веденіи общественнаго хозяйства, переживая тяжелый финансовый кризисъ, за отсутствіемъ налоговыхъ платежей, не въ состояніи безъ правительственной помощи осуществить возложенныя на нихъ правовыя и культурныя задачи.

Министръ Гаттенбергеръ правильно намѣтилъ свои задачи; улучшеніе администраціи, измѣненіе избирательныхъ законовъ въ городскія и земскія самоуправленія, въ смыслѣ предоставленія персональнаго, а не только группового выбора, расширеніе бюджетныхъ правъ земствъ и городовъ въ дѣлѣ осуществленія задачъ общегосударственнаго значенія.

Пересмотръ закона о городскихъ выборахъ былъ произведенъ довольно быстро и далъ почти вездѣ хорошіе результаты.

Замѣна пропорціональной системы мажоритарной облегчила, правда, возможность побѣды болѣе активной партіи. Поэтому въ Благовѣщенскѣ и Иркутскѣ дума оказалась соціалистической. Но зато цензъ осѣдлости и возраста (21 годъ) устранилъ отъ активной роли наименѣе дѣловые элементы. Правые круги требовали еще большаго ограниченія активнаго избирательнаго права, а именно, еще большаго увеличенія возрастного ценза и предоставленія избирательныхъ правъ только лицамъ съ самостоятельнымъ доходомъ или съ платежомъ налоговъ, но, такъ какъ это повело

бы, въ концѣ концовъ, къ исключенію только женщинъ, то Совѣтъ министровъ отклонилъ это нововведеніе. Любопытно отмѣтить, что Верховный Правитель задержалъ утвержденіе закона. Доводы правыхъ группъ показались ему основательными, но въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя адмиралъ былъ убѣжденъ возраженіями членовъ Совѣта министровъ и утвердилъ законъ.

Выполненіе другихъ частей программы министерства оказалось дѣломъ нелегкимъ. Служебный персоналъ министерства не могъ быстро справиться со сложными законодательными работами. Законъ о расширеніи бюджетныхъ правъ городовъ прошелъ только въ мартѣ, а разработку самыхъ важныхъ законовъ объ измѣненіи земскаго избирательнаго права и о расширеніи финансовыхъ правъ земствъ такъ и не удалось довести до конца.

Новый избирательный законъ предположено было разработать на слѣдующихъ основаніяхъ: повышеніе возрастного ценза, введеніе ценза осѣдлости, увеличеніе изъятій изъ активныхъ избирательныхъ правъ (устраненіе военнослужащихъ, мажоритарная система, голосованіе шарами, уменьшеніе избирательныхъ единицъ, двухстепенная система выборовъ для уѣздныхъ земствъ, введеніе національныхъ курій).

Задержка въ разработкѣ этого закона произошла, вѣрнѣе всего, изъ-за перемѣнъ въ составѣ руководителей министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ меньшей степени зависѣло отъ личнаго состава вѣдомства улучшеніе администраціи. Откуда ее взять? Здѣсь дѣло шло уже не о способностяхъ и волѣ людей, а о фактической возможности.

Подготовленныхъ мѣстныхъ людей или вовсе не было, или они уклонялись, предпочитая болѣе спокойныя и выгодныя занятія. Старая администрація царскаго времени, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, разъѣхалась—остался почти исключительно низшій, невысокаго качества, персоналъ.

Назначенный директоромъ департамента милиціи покойный Викторъ Николаевичъ Пепеляевъ началъ привлекать въ милицію преимущественно царскихъ жандармовъ и полицейскихъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ милиція настолько укрѣпилась, что представляла изъ себя достаточно стойкую силу. Но духъ милиціи остался старый, полицейскій, и самъ Пепеляевъ впослѣдствіи называлъ нѣкоторыхъ дѣятелей милиціи бандитами.

Что касается губернской администраціи, то она вездѣ набрана была изъ мѣстныхъ, пользовавшихся общественнымъ до-

вѣріемъ лицъ. Но было что-то ненормальное въ ихъ положеніи. Почти нигдѣ они не пріобрѣли того вліянія, котораго Правительство отъ нихъ ожидало.

Сенатъ и юстиція.

Верховная власть, учрежденная актомъ 18 ноября, не была властью деспотическою. Она оставалась ограниченной во всѣхъ своихъ функціяхъ рамками дѣйствовавшихъ законовъ и соблюденіемъ обязательныхъ формальностей, установленныхъ для изданія новыхъ законовъ.

Но подзаконность власти была бы пустымъ звукомъ, при отсутствіи высшаго судебнаго органа, осуществляющаго надзоръ за всѣми органами управленія, не исключая Совѣта министровъ.

Поэтому Правительство признало необходимымъ учредить въ Омскѣ присутствіе Правительствующаго Сената.

Торжественное открытіе Сената состоялось 29 января. Верховный Правитель принесъ Сенату присягу—служить государству Россійскому, *не щадя жизни* и памятуя единственно о возрожденіи и преуспѣяніи его, а верховную власть осуществлять согласно съ законами государства, до установленія образа правленія свободно выраженной волей *народа*.

Адмиралъ честно исполнилъ свое клятвенное обѣщаніе.

Душою сената долженъ былъ стать первый департаментъ. Въ немъ сосредотачивались всѣ дѣла по нарушенію законности органами власти и наблюденіе за правомѣрностью указовъ Верховнаго Правителя.

Когда Сибирское Правительство принимало законъ объ учрежденіи сибирскаго Высшаго Суда, который по функціямъ своимъ долженъ былъ избрать мѣстный Сенатъ, оно согласилось съ нововведеніемъ, предложеннымъ Патушинскимъ, и въ число членовъ перваго департамента включило представителей земскихъ и городскихъ самоуправленій.

Этотъ свѣжій элементъ могъ вдохнуть жизнь въ сухую юридическую мысль сенаторовъ, и это новшество надо было сохранить.

Но омскія канцеляріи еще во времена Директоріи были околдованы губительнымъ рабскимъ подражаніемъ петроградскимъ образцамъ.

Директорія первая открыла старый Сводъ законовъ, возстановила старыя учрежденія министерствъ, ввела уничтоженное при

Сибирскомъ Правительствѣ титулованіе по чинамъ (Авксентьевъ не иначе назывался, какъ Ваше Высокопревосходительство), объявила себя преемникомъ петроградскихъ правительствъ и дала ложное направленіе законодательной мысли, которая сочла для себя обязательнымъ не отступать отъ началъ свода законовъ.

Отразилось это и на Сенатѣ.

„Имѣя въ виду", говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту, внесенному въ Совѣтъ министровъ, „что возстанавливается дѣятельность 1-го департамента, какъ она обрисована въ Учрежденіи Правительствующаго Сената, что учрежденіе Сената не допускаетъ пополненія присутствій Сената представителями самоуправленій, и что во временномъ законѣ нецѣлесообразно (!) производить коренныя реформы учрежденій, комиссія, не входя въ разсмотрѣніе по существу настоящаго вопроса, отклонила предлагаемое измѣненіе".

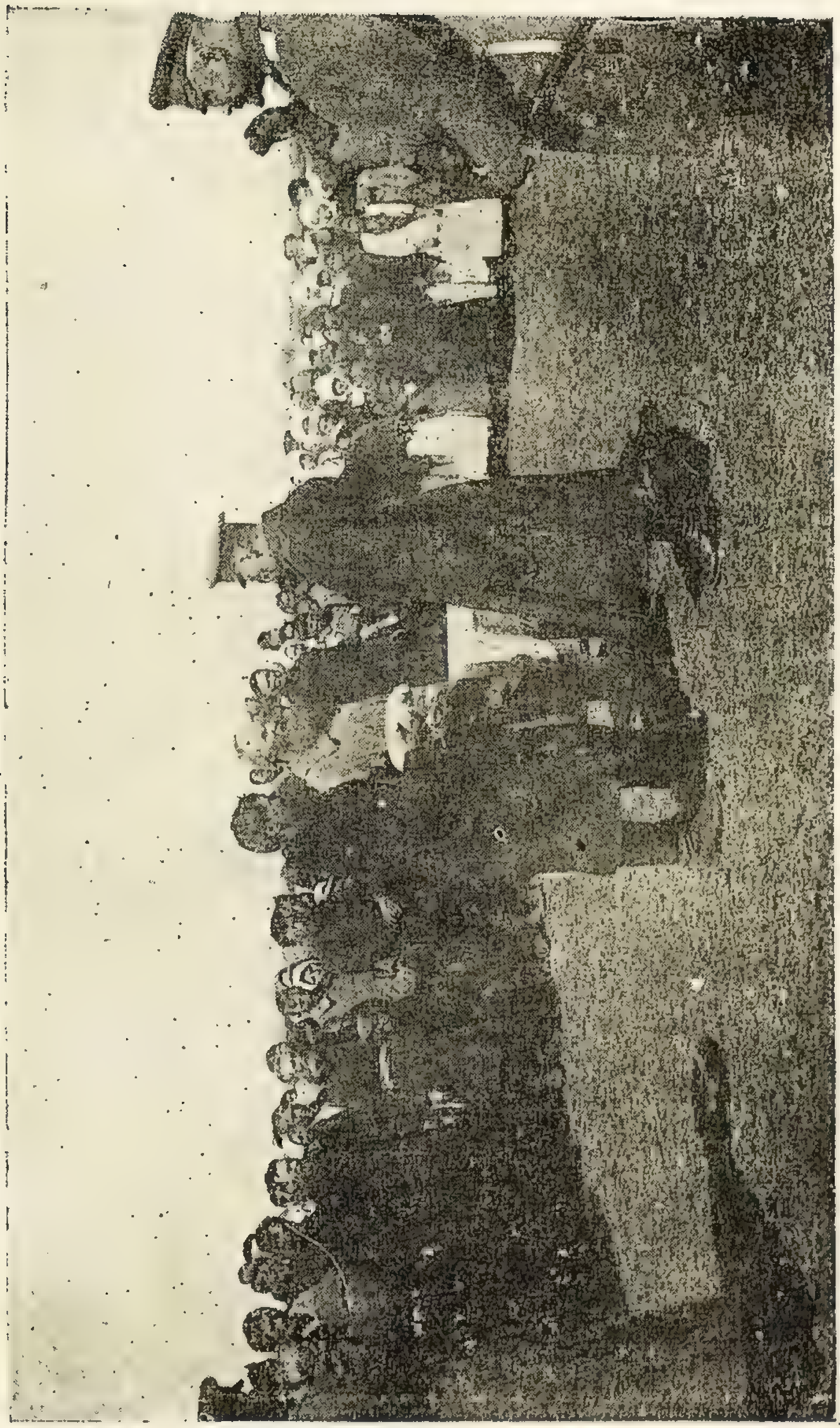
При разсмотрѣніи проекта Положенія о Сенатѣ въ Совѣтѣ министровъ вниманіе сосредоточилось на основномъ вопросѣ: „Сенатъ или Высшій Судъ?" И рѣшеніе, въ смыслѣ учрежденія Сената, предопредѣлило принятіе закона цѣликомъ, безъ поправокъ.

Ошибка не замедлила сказаться. Правда, въ 1-ый департаментъ были назначены выборные члены бывшаго Государственнаго Совѣта: Шелашниковъ и Трубниковъ (предводители дворянства) и одинъ присяжный повѣренный Петровъ, но первые два не были ни сибиряками ни людьми новой Россіи, и они не могли ни оказать благотворнаго вліянія на практику Сената ни внушить довѣрія въ земскихъ кругахъ Сибири. Эту ошибку назначеній мы тогда проглядѣли.

Однимъ учрежденіемъ Сената не исчерпывалась сложная работа министерства юстиціи. Имъ разрабатывался законъ о бунтѣ, направленный противъ большевизма во всѣхъ его проявленіяхъ, въ томъ числѣ и противъ лицъ, хотя и не совершившихъ преступленій, но проявлявшихъ дѣятельность ярко антигосударственнаго характера, угрожающую общественному порядку и спокойствію. Въ этомъ законѣ конструкція основныхъ его положеній представлялась дѣломъ чрезвычайной трудности.

Для упорядоченія Суда былъ проведенъ законъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ волостномъ судѣ, съ возложеніемъ руководства волостными судами на мировыхъ судей.

Въ округѣ Иркутской судебной палаты введенъ судъ присяжныхъ. Эвакуированные судьи и члены административныхъ отдѣленій приспособлены для общей судебной работы.



Крестьяне подносятъ хлѣбъ-соль Правителю.

Министерство юстиціи приняло на себя также разработку закона о спекуляціи и объ упорядоченіи реквизицій.

Экономическая политика.

Законность—атмосфера, въ которой живетъ организмъ, экономика—это кровообращеніе въ организмѣ.

Съ самаго возникновенія Сибирскаго Правительства опредѣленно проводилась тенденція предоставить свободу торговлѣ, но, какъ въ свое время уже указано, государство не выпускало рынка изъ своихъ рукъ, опасаясь, что кровообращеніе послѣ длительной болѣзни не будетъ происходить нормально.

Экономическое Совѣщаніе, учрежденное Верховнымъ Правителемъ на третій день власти, потребовало снятія всякихъ ограниченій.

Министръ продовольствія Зефировъ не былъ согласенъ съ этимъ. Онъ пытался найти компромиссъ и внесъ законопроектъ, оставлявшій за министерствомъ нѣкоторыя права вмѣшательства въ свободу опредѣленія цѣнъ и передвиженія грузовъ. Ему оказывали поддержку въ этомъ только два члена Совѣта министровъ: Шумиловскій и я.

Но только что законопроектъ Зефирова получилъ одобреніе (дѣло было въ концѣ декабря), какъ онъ взялъ его обратно и замѣнилъ декларацiей *полной свободы торговли*, предупредивъ, впрочемъ, что онъ самъ въ нее не вѣритъ.

Въ чемъ же секретъ такой непослѣдовательности?

Экономическое Совѣщаніе, предсѣдателемъ котораго состоялъ самъ адмиралъ, весьма внимательно слѣдившій за его работами и довѣрявшій Феодосьеву, какъ своему замѣстителю въ Совѣщаніи, убѣдило адмирала, что свобода торговли—единственное средство обезпечить снабженіе арміи и населенія.

У Зефирова не хватило настойчивости для защиты своей точки зрѣнія. У него не хватило и мужества сдѣлать надлежащіе выводы изъ неудачи своего плана.

Онъ остался на министерскомъ посту, принявъ въ свое вѣдѣніе всѣ учрежденія министерства снабженія, которое было къ этому времени упразднено, какъ самостоятельное вѣдомство.

Свобода торговли, какъ предполагалось тогда, дѣлала излишнимъ существованіе министерства продовольствія и его агентовъ, но въ дѣйствительности этого не произошло. Упраздненіе министерства снабженія отнюдь не привело къ сокращенію его учрежде-

ній. Исчезъ одинъ министръ, но всѣ его чиновники и департаменты остались и лишь перешли въ другое подчиненіе.

Свобода торговли означала только отказъ отъ регламентаціи цѣнъ.

Финансы.

Большевики, покидая города Сибири лѣтомъ 1918 года, унесли съ собой денежные запасы. Ими похищено было свыше 917 милліоновъ рублей, 167 пуд. золота, около 500 пудовъ серебра.

Между тѣмъ расходы Правительства были очень велики. Одна армія требовала отъ 6 до 7 милліоновъ въ день. Всѣ земства, города, важнѣйшія предпріятія—каменноугольныя, золотопромышленныя, металлургическія и др. — требовали милліонныхъ ссудъ, иначе они не могли стать на ноги.

Рѣшено было развить продажу казеннаго вина, ввести сахарную монополію.

Съ большою неохотою соглашался адмиралъ на разрѣшеніе казенной продажи водки. Противодѣйствіе этой мѣрѣ было оказано и съ другой стороны.

Въ ноябрѣ 1918 года состоялся съѣздъ винокуренныхъ заводчиковъ Урала и Сибири. Они рѣшили основать синдикатъ и взять винную торговлю въ свои руки. Провести это было поручено предсѣдателю Экономическаго Совѣщанія С. Г. Феодосьеву.

Но министръ финансовъ Михайловъ не соглашался, предпочитая сохранить это дѣло въ рукахъ казны.

Тогда заинтересованная сторона прибѣгла къ послѣднему средству: помимо Феодосьева, на адмирала былъ выпущенъ самъ высокопреосвященный архіепископъ омскій, Сильвестръ. Въ обстоятельномъ письмѣ онъ доказывалъ, что продажа водки казною вредитъ престижу власти, придавая спаиванію государственный характеръ. Но архіерей не ограничился этимъ: онъ предлагалъ *передать* продажу *въ частныя руки*, доказывая, что частному капиталу будетъ легче организовать продажу и производство.

Закулисное вліяніе сквозило очень ясно, и адмиралъ, всегда чуткій къ фальши и дорожившій авторитетомъ своего Правительства, всталъ на сторону послѣдняго.

Доходы увеличивались, но расходы ихъ перерастали. Въ распоряженіи Правительства находилось 43 тысячи пудовъ золота и 30 тыс. пуд. серебра—запасы, вывезенные изъ Казани. Этими запасами можно было обезпечить новую эмиссію, унифицировавъ денежное обращеніе.

Но Правительство не считало себя вправѣ это дѣлать, въ виду временности своихъ полномочій. Оно принуждено было выпускать деньги безъ обезпеченія, такъ называемыя — „сибирскія обязательства".

При взглядѣ на эти простенькія бумажки, невольно возникалъ вопросъ: неужели нельзя было выпускать лучшихъ?

Качество сибирскихъ денегъ отражало низкій уровень сибирской техники: ни бумаги, ни красокъ, ни художниковъ, ни хорошихъ типографій—ничего не могло здѣсь получить Правительство, для того, чтобы обезпечить выпускъ не поддающихся поддѣлкѣ, технически совершенныхъ знаковъ, а, между тѣмъ, требовалось ускоренное печатаніе. Во всѣхъ городахъ ощущался денежный голодъ.

У Правительства оставалась, однако, надежда на „американскіе банкноты".

Еще при Керенскомъ въ Америкѣ было заказано денежныхъ знаковъ на сумму около 4 милліардовъ рублей. Деньги эти не были доставлены въ Россію, въ виду большевистскаго переворота. Сибирское Правительство запросило о нихъ Вашингтонъ, и въ ноябрѣ, когда Директорія уже вступила во власть, получено было извѣстіе, что деньги грузятся и отправляются въ Россію.

„Сибирскія обязательства" печатались въ разсчетѣ на скорую ихъ замѣну новыми красивыми деньгами американскаго производства. Но деньги шли и не доходили. То получалось извѣстіе, что пароходъ съ деньгами потерпѣлъ аварію близъ береговъ Японіи, то о томъ, что другой пароходъ съ деньгами, не доходя до Владивостока, перемѣнилъ рейсъ и отправился въ Манилу. Новыя деньги не получались, а сибирскихъ не хватало.

Во второй половинѣ января у Верховнаго Правителя собралось Государственное Совѣщаніе по вопросу о положеніи финансовъ. Съ нетерпѣніемъ ждало Правительство, что скажетъ Феодосьевъ, считавшійся хорошимъ финансистомъ еще въ Петроградѣ, что скажутъ представители торгово-промышленнаго класса относительно возможныхъ способовъ сокращенія инфляціи и оздоровленія денежнаго оборота.

И вотъ Феодосьевъ выступилъ. Его рѣчь была направлена не противъ финансовой политики Правительства, а противъ министра финансовъ. Были упреки въ неумѣніи вести дѣло, былъ намекъ на то, что у министра руки въ крови, но по существу вопроса было только одно обвиненіе—„печатаніе денегъ поставлено неумѣло". Выпускаются деньги крупныхъ купюръ, когда нужны мелкія, выпускается мало денегъ, когда требуется много.

Въ этомъ же духѣ говорили и другіе.

Министръ финансовъ молчалъ. Адмиралъ сидѣлъ съ потухшимъ взоромъ. Казалось, онъ углубился въ какія-то безнадежныя размышленія.

Наконецъ, министръ финансовъ Михайловъ попросилъ слова. Сначала онъ предложилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ дать справку о послѣднихъ выпускахъ денегъ. Выяснилось, что печатаніе успѣшно развивается, и что выпускъ мелкихъ купюръ уже превышаетъ выпускъ крупныхъ. Дальше, другой сотрудникъ министра выяснилъ, что утоленіе денежнаго голода немыслимо такъ же, какъ немыслимо утоленіе жажды соленою водою. Наконецъ, самъ Михайловъ въ ироническомъ тонѣ сталъ разсказывать, какъ онъ съ утра ѣдетъ въ экспедицію, лично осматриваетъ машины, поощряетъ къ работѣ, прикладываетъ свою руку къ машинамъ и, если чѣмъ-либо пачкаетъ руки, то только... типографскою краскою.

Адмиралъ не далъ больше никому говорить. Онъ довольно рѣзко оборвалъ засѣданіе и сказалъ, что, *можетъ быть*, еще созоветъ совѣщаніе по этому вопросу.

Сраженіе съ министромъ финансовъ оказалось проиграннымъ.

На другой день по городу говорили (а въ Омскѣ все быстро разносилось), какъ адмиралъ дѣлился своими впечатлѣніями и возмущался, что ему ничего больше не могли сказать, кромѣ того, что надо пустить въ ходъ станокъ, какъ будто онъ самъ этого не зналъ. И адмиралъ, говорятъ, присоединилъ къ этому крѣпкое слово по адресу торговопромышленниковъ и биржевыхъ комитетовъ, отъ которыхъ пользы—какъ отъ козла молока.

Обиженные.

Предсѣдатель Совѣта Съѣздовъ торговли и промышленности, инженеръ А. А. Гавриловъ, послѣ этого написалъ, или, вѣрнѣе, подписалъ Верховному Правителю письмо, въ которомъ обращался къ адмиралу довольно фамильярно, по имени-отчеству, сообщалъ, какіе слухи до него дошли, и какъ адмиралъ неправъ въ своихъ обвиненіяхъ. Въ доказательство государственности настроеній торговопромышленнаго класса онъ приводилъ ариѳметическіе подсчеты пожертвованій.

Письмо произвело на адмирала тяжелое впечатлѣніе. Холодомъ повѣяло съ обѣихъ сторонъ.

Члены Совѣта Съѣздовъ: С. Ф. Злоказовъ, К. Н. Неклютинъ, С. П. Абрамовъ и другіе выразили недовѣріе Гаврилову, дѣйствовавшему безъ ихъ вѣдома, но Гавриловъ остался предсѣдателемъ.

Заботы о трудящихся.

Правительство не забывало о рабочихъ. Въ числѣ первыхъ законодательныхъ его актовъ были большія и сложныя постановленія о больничныхъ кассахъ и о биржахъ труда. Оба эти закона были составлены въ благопріятномъ для рабочихъ духѣ. Такъ, напримѣръ, по сравненію съ законами Петроградскаго Временнаго Правительства, былъ расширенъ кругъ рабочихъ, на которыхъ распространилось дѣйствіе правилъ о больничныхъ кассахъ, обезпечены были достаточныя средства на больничную помощь—6% заработной платы, установленъ рядъ случаевъ, когда пособіе доходило до размѣра дневного заработка.

Въ рабочей средѣ возбудило недовольство то, что въ управленіе дѣлами кассы привлечены были предприниматели, и что для пополненія средствъ кассы были установлены обязательные взносы самихъ рабочихъ, но это недовольство возбуждалось искусственно, такъ какъ предпринимателямъ предоставлена была только третья часть мѣстъ въ совѣтѣ кассы, а на рабочихъ возложена была только четверть того, что уплачивали предприниматели.

Гораздо больше повредилъ успѣху закона циркуляръ министра отъ 31 декабря 1918 г., въ которомъ предлагалось закончить разсчеты больничныхъ кассъ съ предпринимателями за все истекшее до изданія закона время, исходя изъ 6-ти процентной нормы отчисленій изъ заработной платы. Во многихъ предпріятіяхъ отчисленія доходили раньше до 10% и выше, и циркуляръ министра разорялъ кассы.

Второй законъ о биржахъ труда сопровождался принятіемъ на счетъ казны содержанія этихъ биржъ, что не могло не быть выгодно для рабочихъ.

Министерство труда принимало дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса о сдѣльныхъ платахъ и о методахъ опредѣленія прожиточнаго минимума для обезпеченія рабочимъ достаточнаго заработка.

Инспекторамъ труда было поручено наблюдать за правильнымъ и свободнымъ развитіемъ профессіональнаго рабочаго движенія.

Культурная работа.

Современные рабочіе, какъ и все населеніе, нуждаются не въ одномъ только хлѣбѣ; имъ нужна духовная пища, они требуютъ отъ власти и высшихъ классовъ вниманія къ себѣ, и Правительство

понимало это. Объ этомъ говорили и министръ труда и я, когда былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

„Большевики", говорилъ я въ интервью, напечатанномъ въ омской „Зарѣ" (13 декабря 1918 г. № 44), „покровительствовали народнымъ университетамъ, но въ эти университеты трудно было привлекать преподавателей, въ виду тенденціозности программъ и руководителей. Въ настоящее время всѣ живыя силы должны откликнуться на призывъ Правительства, нести свои знанія народу, читать въ вечернихъ классахъ, народныхъ университетахъ. Содѣйствіе со стороны министерства организаторамъ этихъ классовъ и курсовъ можетъ выражаться въ предоставленіи помѣщеній и оплатѣ нѣкоторыхъ, особо рекомендуемыхъ министерствомъ курсовъ".

Надо, однако, замѣтить, что все дѣло внѣшкольнаго образованія было передано земствамъ. Министерство субсидировало послѣднія, и толку выходило гораздо меньше, чѣмъ, если бы дѣло было централизовано, такъ какъ, при скудномъ запасѣ преподавательскихъ силъ, централизація позволила бы передвигать лекторовъ вмѣстѣ съ пособіями и производить обмѣнъ силъ между отдѣльными районами.

Вообще, дѣло просвѣщенія въ Сибири находилось въ крайне тяжеломъ положеніи.

Въ томъ же интервью я охарактеризовалъ его такъ.

„Не хватаетъ учебниковъ. Общественная и, тѣмъ болѣе, частная инициатива изсякаютъ за недостаткомъ средствъ. Много учащихся оторвано отъ занятій. Многія учебныя заведенія реквизированы для размѣщенія войскъ и лазаретовъ. Вечернія занятія невозможны за отсутствіемъ освѣщенія. При создавшихся условіяхъ ближайшая задача министерства—поддержать существующія учебныя заведенія и использовать ихъ съ наибольшей производительностью".

Мною предлагались коренныя измѣненія въ народномъ образованіи, въ смыслѣ приближенія его къ родинѣ и къ жизни, установленія связи съ англосаксонскою культурою (обязательность англійскаго языка), сокращенія срока обученія путемъ болѣе интенсивнаго преподаванія; но посреди года проводить реформу не было возможности, а, кромѣ того, предварительно требовалось измѣнить систему управленія школой, такъ какъ министръ Сапожниковъ узаконилъ во времена Сибирскаго Правительства анархію школы, упразднивъ всѣ мѣстные органы министерства и предоставивъ школу на произволъ педагогическихъ совѣтовъ и мѣстныхъ самоуправленій.

Уже въ декабрѣ министръ В. В. Сапожниковъ говорилъ мнѣ, что онъ разочаровался въ этой системѣ, и мы стали возстанавливать органы надзора за учебными заведеніями и централизовать управленіе школою въ рукахъ министерства.

Общественная поддержка.

Такъ проходила работа Правительства зимой 1918-1919 года, въ то время, когда союзники изъ Парижа звали насъ на соглашеніе съ большевиками. Не такъ велика была сила на фронтѣ, не вполнѣ благополучно въ тылу, тысячи затрудненій въ дѣловой работѣ, но бодрое и единодушное настроеніе, сознаніе правоты, горячее желаніе и твердая вѣра, что побѣда придетъ.

Власть не была одинока. Противъ нея выступали крайнія теченія, съ открытою враждебностью слѣва, съ глухою—справа, но все умѣренное шло за нею *противъ большевиковъ*. Въ этомъ всѣ сходились.

Что сказалъ омскій блокъ по поводу Принцевыхъ острововъ? Его резолюція гласитъ:

„Большевики не являются политическою партіей въ Россіи, а, какъ продуктъ государственной болѣзни страны, представляютъ, въ національномъ и международномъ смыслѣ, преступную группу, стремящуюся овладѣть аппаратомъ государственной власти исключительно для планомѣрнаго и всесторонняго разрушенія государственнаго и хозяйственнаго бытія русскаго народа.

Одинаково ненавистные и губительные для всѣхъ классовъ русскаго народа и прежде всего для пролетаріата и крестьянства, именемъ которыхъ они спекулируютъ, и которые они ввергаютъ въ нищету, голодъ и смерть въ условіяхъ ими создаваемой анархіи народнаго хозяйства—большевики въ совѣтской Россіи, исчерпавъ до конца всѣ средства демагогическаго обмана, нынѣ держатся исключительно средствами внѣшняго принужденія и не знающаго предѣловъ террора.“

Эта справедливая оцѣнка большевизма, искренность осужденія, которая звучитъ въ каждомъ словѣ—вотъ что было общимъ, сближающимъ власть съ честной, несвоекорыстной общественностью.

Но дерется на фронтѣ не „общественность“, подъ которой разумѣютъ обычно интеллигенцію, а народъ. Власти нужно спокойствіе и благожелательность первой и поддержка второго. Поэтому всѣ благословляли адмирала на поѣздку въ дѣйствующую армію.

Тріумфъ адмирала.

Верховный Правитель отбылъ на фронтъ 8 февраля.

Генералъ Ноксъ направилъ вслѣдъ ему слѣдующую телеграмму: „Выражаю Вамъ, адмиралъ, полную надежду въ счастливой успѣшной поѣздкѣ на фронтъ. Глубоко увѣренъ, что Ваше пребываніе тамъ ободритъ и вольетъ новую энергію въ сердца лучшихъ людей Сибири, которые дерутся не только за Россію, но и за весь цивилизованный міръ противъ ужаснаго большевистскаго кошмара. Желаю еще разъ передать Вамъ и Вашему Правительству все мое и каждаго знающаго Россію англичанина сочувствіе въ славной борьбѣ спасенія горячо любимой родины и мою твердую вѣру, что Вашими усиліями въ честномъ и прямолинейномъ управленіи, пренебрегая *атаманствомъ справа и большевизмомъ слѣва*, Вы доведете эту трудную задачу до успѣшнаго конца и спасете Россію отъ анархіи. Генералъ Ноксъ."

Эта телеграмма очень обидѣла атамановъ, и Семеновъ не преминулъ протестовать. А между тѣмъ телеграмма отличалась рѣдкой теплотой и искренностью чувствъ въ отношеніи къ непризнанному Верховному Правителю, что было особенно дорого въ то время, когда еще не ликвидировался вопросъ о Принцевыхъ островахъ.

Тѣмъ временемъ, адмиралъ стремился на передовыя позиціи, туда, гдѣ сѣрый солдатъ творилъ великое національное дѣло. Онъ стремился увидѣть этого солдата, влить въ него бодрость, обласкать. Сухо и холодно относилось сибирское общество къ героямъ фронта, и тамъ, гдѣ лилась кровь, повѣяло духомъ сомнѣнія: для кого боремся?

И вотъ прибылъ адмиралъ.

Вотъ онъ въ Троицкѣ, у оренбургскихъ казаковъ. Четкими и твердыми словами онъ характеризуетъ задачи борьбы и уѣзжаетъ, бурно привѣтствуемый кругомъ, обѣщая удовлетворить всѣ справедливыя пожеланія войскъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ въ бронированномъ поѣздѣ отъѣзжаетъ отъ Златоуста до самыхъ передовыхъ позицій. Въ одной верстѣ отъ сторожевыхъ охраненій онъ обходитъ по снѣжнымъ тропинкамъ боевыя части, заходитъ въ перевязочную летучку, раздаетъ въ землянкѣ награды.

Солдаты видятъ Верховнаго Правителя рядомъ съ ними, на разстояніи выстрѣла, и они остаются очарованными, согрѣтыми и

преданными. Воодушевленные прiѣздомъ своего вождя, они идутъ въ аттаку, берутъ нѣсколько деревень, отбиваютъ орудія, пулеметы.

Адмиралъ ѣдетъ дальше, на сѣверный фронтъ.

Въ Перми онъ идетъ на пушечный заводъ. Бесѣдуетъ съ рабочими, обнаруживаетъ не поверхностное, а основательное знакомство съ жизнью завода, съ его техникою. Рабочіе видятъ въ Верховномъ Правителѣ не барина, а человѣка труда, и они проникаются глубокою вѣрой, что Верховный Правитель желаетъ имъ добра, ведетъ ихъ къ честной жизни. Пермскіе рабочіе не измѣнили Правительству до конца.

Опять адмиралъ ѣдетъ на передовыя позиціи. Ѣдетъ такъ далеко, что о немъ начинаютъ безпокоиться, просятъ остановиться, наконецъ, говорятъ, что путь испорченъ, и поѣздъ не можетъ идти. Тогда онъ требуетъ лошадей и проѣзжаетъ все-таки дальше, осматривая позиціи.

Нѣсколько разъ деревня, гдѣ находился Верховный Правитель, обстрѣливалась красными. Мужество Главнокомандующаго окрыляло солдатъ.

Повсюду, гдѣ проѣзжалъ Верховный Правитель, ему подносили хлѣбъ-соль и адреса, засыпанные подписями. Подносили рабочіе, крестьяне, купцы, духовенство. Всѣ выражали восторгъ по поводу избавленія отъ страшнаго ига и въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ благодарили за спасеніе.

Делегація крестьянъ прифронтовой полосы, за чашкою чая въ вагонѣ-столовой адмирала, разсказывала объ отвратительныхъ насиліяхъ, которыя чинили надъ ними коммунисты.

Произносилъ большія рѣчи и самъ Верховный Правитель. Встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ дѣятелями общественности, съ земскими и городскими представителями, онъ разъяснялъ имъ программу и цѣли Правительства. Три мысли ярко выражены въ этихъ рѣчахъ: непримиримая борьба съ большевиками, единеніе съ обществомъ, земля—крестьянамъ.

„Не первый разъ за мою поѣздку," сказалъ Верховный Правитель на торжественномъ засѣданіи екатеринбургской думы, „мнѣ приходится встрѣчаться съ представителями земствъ, городовъ и общественности, и я съ глубокимъ удовлетвореніемъ долженъ установить отсутствіе разногласія взглядовъ моихъ и Правительства, которое я возглавляю, съ пожеланіями, что я слышалъ до сихъ поръ отъ мѣстныхъ людей. Я долженъ отмѣтить глубокое значеніе этого факта, ибо безвозвратно прошло то время, когда власть могла себя противопоставить общественности, какъ силѣ ей чу-

ждой и даже враждебной. Новая свободная Россія должна строиться на фундаментѣ единенія власти и общественности.

Населеніе ждетъ отъ власти отвѣта по вопросамъ о задачахъ власти, и ему открыто объ этомъ слѣдуетъ сказать. Борьба, не допускающая никакихъ колебаній, никакихъ соглашеній—вотъ первая задача и цѣль Правительства, которое я возглавляю. Вторая задача—установленіе законности и порядка въ странѣ. Большевизмъ слѣва, какъ отрицаніе морали и долга передъ родиной и общественной дисциплины, большевизмъ справа, базирующійся на монархическихъ принципахъ, но, въ сущности, имѣющій съ монархизмомъ столько же общаго, сколько большевизмъ слѣва имѣетъ общаго съ демократизмомъ, и подрывающій государственныя основы страны —еще много времени послѣ этого потребуютъ упорной борьбы съ собой. Я не мыслю себѣ будущаго ея строя иначе, какъ демократическимъ. И не можетъ онъ быть инымъ, и теперь, быть можетъ, только суровыя военныя задачи заставляютъ иногда поступаться, и условія борьбы вынуждаютъ къ временнымъ мѣропріятіямъ власти, отступающимъ отъ тѣхъ началъ демократизма, которыя послѣдовательно проводитъ въ своей дѣятельности Правительство.

Въ области аграрнаго законодательства Правительство стоитъ на точкѣ зрѣнія укрѣпленія и развитія мелкой земельной собственности за счетъ крупнаго землевладѣнія.

Вотъ тѣ ближайшія задачи, которыя поставило себѣ Правительство, мною возглавляемое. Оно считаетъ, что народъ русскій является единственнымъ хозяиномъ своей судьбы, и, когда онъ черезъ своихъ свободно избранныхъ представителей въ Національномъ Учредительномъ Собраніи выразитъ свою свободную волю объ основныхъ началахъ политическаго, національнаго и соціальнаго бытія, то я и Правительство, мною возглавляемое, почтемъ своимъ долгомъ передать ему всю полноту власти, намъ нынѣ принадлежащей".

Печальный инцидентъ.

Удачная поѣздка адмирала омрачилась прискорбнымъ случаемъ въ Екатеринбургѣ.

Поѣздъ стоялъ на станціи. Часовымъ приказано было никого близко не подпускать. Несмотря на оклики часового, чешскій офицеръ, съ явнымъ пренебреженіемъ къ его требованіямъ, шелъ къ поѣзду. Часовой выстрѣлилъ и убилъ чеха.

Было что-то зловѣщее въ этомъ печальномъ инцидентѣ, омрачившемъ всю поѣздку, которая проходила съ такимъ подъемомъ и удачею.

Спустя короткое время, чехи, по соглашенію съ союзниками, ушли въ тылъ на охрану Томской желѣзной дороги.

Стараясь ничѣмъ не омрачать добрыхъ отношеній съ чехами, Правительство и на этотъ разъ обратилось къ нимъ съ особою граматою отъ 6 марта, гдѣ, исполняя долгъ чести и братской дружбы, выразило чехо-словацкому войску благодарность за оказанныя услуги и увѣренность, что „взаимное уваженіе, лойяльное союзническое отношеніе и узы національнаго родства помогутъ достойнымъ образомъ завершить столь славно начатое дѣло".

Крупныя побѣды.

Вскорѣ послѣ возвращенія адмирала въ Омскъ, по всему фронту началось рѣшительное наступленіе.

8 марта военная сводка сообщаетъ о взятіи Оханска и глубокомъ обходѣ Осы.

Черезъ нѣсколько дней на-голову разбитые красные въ паникѣ оставляютъ почти всю Каму и бѣгутъ къ Вяткѣ.

Проходитъ нѣсколько дней, и получается новая телеграмма 14 марта: „послѣ стремительнаго удара нашихъ войскъ, красные въ паникѣ оставили Уфу". Успѣхи развивались дальше.

На сѣверѣ лыжники сибирской арміи вошли въ соприкосновеніе съ войсками Архангельскаго Правительства.

Рѣшеніе союзниковъ.

Видя единодушное настроеніе всѣхъ противобольшевистскихъ силъ не входить въ какія бы то ни было соглашенія съ комиссарами, союзники не настаивали на Принцевыхъ островахъ и продолжали оказывать содѣйствіе въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Кошмарныя подробности убійства царской семьи на Уралѣ, удостовѣренныя судебнымъ разслѣдованіемъ, ужасы пермскаго застѣнка, похороны живыхъ людей въ прорубяхъ и мерзлой землѣ — все это воздѣйствовало на общественное мнѣніе Европы и Америки.

Ллойдъ-Джорджъ въ парламентѣ назвалъ большевиковъ убійцами и террористами. Сенаторъ Кингъ внесъ въ Сенатъ предложеніе о признаніи республиканскаго правительства въ Омскѣ Соединенными Штатами Америки. Японія, разсчитывая установить

дружескія отношенія, прислала въ Омскъ адмирала Танака, который былъ знакомъ съ адмираломъ Колчакомъ по Одессѣ.

Но *признанія все-таки не было, и помощь союзниковъ оставалась случайной и безсистемной.*

Внѣшнюю политику дѣлала армія. Отъ нея зависѣли и размѣры и послѣдовательность помощи союзниковъ.

Междусоюзный комитетъ.

Начатые въ январѣ переговоры о союзной помощи транспорту завершились только черезъ два съ половиною мѣсяца.

14 марта во Владивостокѣ была подписана представителемъ Россіи, инженеромъ Уструговымъ, и представителями союзныхъ державъ декларація, которая, для большей явности того, что союзники принимаютъ на себя заботу о транспортѣ не произвольно, а по соглашенію, была опубликована одновременно отъ Россійскаго Правительства на русскомъ языкѣ и отъ представителей союзныхъ державъ на англійскомъ.

„Союзныя державы", говорится въ деклараціи, „воодушевленныя искреннимъ желаніемъ помочь русскому народу и въ соотвѣтствіи съ соглашеніемъ, достигнутымъ между ними и представителями Россіи, рѣшили возсоздать и возстановить успѣшную дѣятельность транспорта на Китайской Восточной и сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ, путемъ осуществленія слѣдующаго плана наблюденія за указанными желѣзными дорогами въ районахъ, въ которыхъ союзныя военныя силы нынѣ дѣйствуютъ: 1) Общее наблюденіе за желѣзными дорогами въ указанныхъ районахъ будетъ осуществлено особымъ междусоюзнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ представителей каждой союзной, въ томъ числѣ и Россіи, державы, имѣющей военныя силы въ Сибири. Предсѣдателемъ этого комитета является инженеръ Л. А. Уструговъ. Нижеслѣдующія учрежденія созданы и поставлены подъ контроль междусоюзнаго комитета: а) Техническій Совѣтъ, состоящій изъ спеціалистовъ по желѣзнодорожному дѣлу націй, имѣющихъ военныя силы въ Сибири, для руководства техническимъ и хозяйственнымъ управленіемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ означенныхъ районахъ; б) Союзный Совѣтъ по воинскимъ перевозкамъ, для согласованія воинскихъ перевозокъ по указаніямъ подлежащихъ военныхъ властей. 2) Охрана желѣзныхъ дорогъ ввѣрена союзнымъ военнымъ силамъ. 3) Во главѣ каждой изъ желѣзныхъ дорогъ останется русскій начальникъ или управляющій, съ пол-

Банкетъ съ участіемъ генерала Нокса, адмирала Танака и графа де-Мартеля.

номочіями, предоставленными ему русскими законами. 4) Техническая эксплоатація желѣзныхъ дорогъ ввѣрена предсѣдателю Техническаго Совѣта. Предсѣдателемъ этого Совѣта является г. Джонъ Стивенсъ. Въ дѣлахъ, касающихся таковой эксплоатаціи, предсѣдатель можетъ преподавать указанія русскимъ должностнымъ лицамъ, упомянутымъ въ предыдущемъ пунктѣ. Онъ можетъ назначать помощниковъ и инспекторовъ на службу Техническаго Совѣта, выбирая ихъ изъ гражданъ державъ, имѣющихъ вооруженныя силы въ Сибири, причислять ихъ къ центральному управленію Совѣта и опредѣлять ихъ обязанности. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ командировать группы желѣзнодорожныхъ спеціалистовъ на наиболѣе важныя станціи. При командированіи желѣзнодорожныхъ спеціалистовъ на какую-либо станцію будутъ приняты во вниманіе удобства соотвѣтствующихъ державъ, подъ охраной которыхъ будутъ находиться данныя станціи. 5) Дѣйствіе настоящаго соглашенія прекратится съ отозваніемъ иностранныхъ военныхъ силъ изъ Сибири, и всѣ иностранные спеціалисты по желѣзнодорожному дѣлу будутъ тогда же немедленно отозваны.

Мы желаемъ подчеркнуть принципъ, что проводимый выше планъ долженъ быть выполненъ безъ нарушенія какихъ бы то ни было суверенныхъ правъ русскаго народа и въ сотрудничествѣ съ русскимъ желѣзнодорожнымъ персоналомъ. Союзники искренно желаютъ сдѣлать все, что въ ихъ силахъ, дабы старанія вышеуказанныхъ комитета и совѣтовъ были бы плодотворны и благодѣтельны для Россіи. Послѣ обслѣдованія желѣзныхъ дорогъ и выясненія нуждъ таковыхъ будутъ сдѣланы представленія о той помощи денежными средствами, подвижнымъ составомъ, матеріалами и т. п., которую будетъ необходимо оказать русскимъ желѣзнымъ дорогамъ для улучшенія ихъ состоянія и провозоспособности.

Мы убѣждены, что русскій народъ, сознавая насущную необходимость немедленнаго возстановленія движенія, приметъ съ полнымъ довѣріемъ дружественную помощь, предлагаемую союзниками, и будетъ сотрудничать съ вновь созданными организаціями въ ихъ стремленіи улучшить настоящее положеніе вещей на Китайской Восточной и сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Подписано: представители въ междусоюзномъ комитетѣ — отъ Китая Муцинъ-Дженъ, отъ Франціи—Гастонъ Буржуа, отъ Великобританіи—сэръ Чарльзъ Элліотъ, отъ Италіи—Гаско, отъ Японіи—Цунео Мацудайра, отъ Россіи—Леонидъ Уструговъ, отъ Соединен-

ныхъ Штатовъ Сѣверной Америки—Чарльзъ Смитъ. 14 марта 1919 года."

Нетрудно видѣть, что декларація эта представляла собою только улучшенную редакцію того проекта, который въ январѣ оглашался въ торжественномъ засѣданіи съ союзниками въ „бѣломъ домѣ" Омскаго Правительства.

Наконецъ-то! вздохнули всѣ.

Но, какъ мы увидимъ дальше, на этомъ бумажномъ успѣхѣ и закончилось все дѣло союзной помощи транспорту.

Делегація омскаго блока.

22 марта Верховнымъ Правителемъ было принято Бюро блока общественныхъ организацій, въ составѣ А. А. Балакшина. Н. А. Филашева, В. В. Куликова и А. К. Клафтона.

Отъ имени блока А. А. Балакшинъ принесъ Верховному Правителю поздравленіе съ блестящими побѣдами молодой доблестной арміи нашей на пермскомъ и уфимскомъ фронтахъ, а въ дальнѣйшей своей рѣчи коснулся политическихъ результатовъ послѣдней поѣздки Верховнаго Правителя на фронтъ, указавъ, что личное обращеніе Верховнаго Правителя къ населенію прифронтовой полосы вызвало взрывъ горячихъ симпатій въ самыхъ широкихъ общественныхъ кругахъ.

Въ настоящее время, сказалъ далѣе Балакшинъ, стало яснымъ, что всѣ успѣхи арміи и возрожденія государства обуславливаются состояніемъ транспорта, снабженія, продовольствія и внутренняго порядка въ государствѣ; между тѣмъ, эти отрасли государственнаго хозяйства, какъ и другія, заставляютъ желать очень многаго. Задачи же эти, при продвиженіи впередъ, выростаютъ неизмѣримо и становятся чрезвычайно отвѣтственными. Въ заключительной части своего обращенія А. А. Балакшинъ, замѣтивъ опять, что непосредственное общеніе Верховной власти на фронтѣ съ населеніемъ и общественными организаціями привело къ столь глубокимъ политическимъ результатамъ, поставилъ вопросъ, не открывается ли тѣмъ самымъ необходимость въ постоянномъ общеніи, а также во временной государственной формѣ сотрудничества власти и общества въ настоящее время, въ цѣляхъ всемѣрнаго утвержденія Верховной власти, улучшенія правительственной работы и привлеченія общественной мысли и энергіи къ государственному строительству и возрожденію.

Верховный Правитель отвѣтилъ, что онъ сочувственно относится къ этой мысли и подумаетъ о формахъ возможнаго сотрудничества.

Подчиненіе Семенова.

На фонѣ побѣдъ на западномъ фронтѣ прошла незамѣченною окончательная ликвидація семеновскаго вопроса. Слѣдственная комиссія, посланная въ Читу, не достигла большихъ результатовъ, что неудивительно, при условіи, что подслѣдственный атаманъ оставался въ Забайкальѣ всемогущею властью. Но комиссія донесла, что Семеновъ не прерывалъ сообщенія Омска съ Востокомъ, что это произошло не по его винѣ, и что въ дѣятельности его ничего противогосударственнаго не обнаружено. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало назначеніе Семенова командиромъ корпуса. Такъ представлялось дѣло для постороннихъ, но намъ, членамъ Совѣта министровъ, были извѣстны нѣкоторыя подробности.

Находившійся во Владивостокѣ Ивановъ-Риновъ, занимавшій тогда должность помощника генерала Хорвата по военной части, прислалъ Верховному Правителю слѣдующую секретную телеграмму.

„Атаманъ Семеновъ всецѣло подчинился генералу Хорвату. Мнѣ, какъ ближайшей по командѣ власти, онъ высказалъ, что преданъ возглавляемому Вашимъ Высокопревосходительствомъ Правительству. Не рѣшается изложить это публично, надѣясь на реабилитацію слѣдственной комиссіи, послѣ чего сочтетъ себя въ правѣ и обязаннымъ изложить свою преданность Вамъ.

Ближайшій результатъ: по моему приказанію направляются въ Приморскую область третій забайкальскій казачій полкъ, конно-горный взводъ, 32 сибирскій стрѣлковый полкъ, полевой взводъ.

Атаманъ Калмыковъ со вторымъ уссурійскимъ полкомъ (четыре сотни), коннымъ дивизіономъ (двѣ сотни съ двумя батареями, восемью орудіями) и первымъ забайкальскимъ полкомъ (четыре сотни) отправляются на фронтъ.

Изъ войскъ атамана Семенова, лойяльность котораго беру впредь на свою отвѣтственность, необходимо и единственно возможно сформировать отдѣльный сводный дальневосточный корпусъ. Пришелъ къ опредѣленному убѣжденію назначить полковника Семенова командиромъ отдѣльнаго своднаго дальневосточнаго корпуса, подчинивъ Верховному Уполномоченному. При Семеновѣ образовать войсковой штабъ, при Верховномъ Уполномоченномъ казачій отдѣлъ, предоставивъ ему административно-хозяйствен-

ныя права и обязанности наказнаго атамана, объединяющія крайне разбросанныя войска.

Впредь до утвержденія Вашимъ Высокопревосходительствомъ этого проекта, я установилъ съ атаманомъ Семеновымъ взаимоотношенія на началахъ подчиненности мнѣ, а также фактической наличности въ его распоряженіи, какъ ближайшаго ихъ начальника, указанныхъ войскъ. Въ такомъ рѣшеніи заключается единственная возможность получить реальныя силы японцевъ для борьбы съ возстаніями, влить въ государственное русло громадную энергію Семенова и использовать его для ликвидаціи большевизма на Востокѣ. Японское командованіе полагаетъ всѣ вышеприведенныя условія неизбѣжными для благополучія и окончательной ликвидаціи семеновскаго вопроса. Питаю сильную надежду на утвержденіе этихъ условій Вашимъ Высокопревосходительствомъ. Это явится основаніемъ для успѣшности переговоровъ Центральнаго Правительства.....Японіи о полученіи на фронты японскихъ войскъ, и, наоборотъ, непринятіе этихъ условій создастъ совершенно безвыходное положеніе. Съ указанными основаніями ликвидаціи семеновскаго вопроса познакомилъ французское командованіе и встрѣтилъ полное сочувствіе. Надѣюсь на сочувствіе и англійскаго командованія, но познакомить его съ подробностями еще не успѣлъ.

Въ качествѣ деталей предполагаю:

1. Назначеніе на командныя должности и увольненіе изъ нихъ въ частяхъ своднаго дальневосточнаго корпуса производится съ вѣдома и согласія атамана Семенова, на основаніи соотвѣтствующихъ военныхъ законовъ.

2. Денежное, матеріальное и продовольственное снабженіе частей корпуса за счетъ русской казны производится черезъ атамана Семенова, какъ командира корпуса, на основаніи существующихъ военныхъ законовъ.

3. Все производство за боевыя отличія, отличія по службѣ и выслугу лѣтъ властью атамана Семенова, условно, впредь до утвержденія Правительствомъ, должно быть предоставлено законнымъ порядкомъ черезъ меня въ Главный Штабъ на утвержденіе.

4. Вслѣдствіе того, что атаманомъ Семеновымъ предавались суду и подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ чины его войскъ за различныя преступленія, всякое новое преданіе суду чиновъ своднаго корпуса, за бывшія раньше преступленія, производится съ вѣдома и согласія атамана Семенова, дабы избѣжать двойныхъ привлеченій.

5. По принятіи Россійскимъ Правительствомъ вышеуказанныхъ пунктовъ соглашенія, атаманъ Семеновъ, какъ командиръ отдѣльнаго своднаго дальневосточнаго корпуса, подчиняется Верховному Уполномоченному на Дальнемъ Востокѣ и его помощнику по военной части на основаніи существующихъ законовъ. Послѣ принятія соглашенія, японское командованіе всѣ спѣшныя сношенія по военнымъ вопросамъ, касающимся Дальняго Востока въ предѣлахъ Пріамурскаго военнаго округа, ведетъ непосредственно черезъ командующаго войсками округа и всю матеріальную и денежную помощь россійскимъ войскамъ, формируемымъ на Дальнемъ Востокѣ, направляетъ исключительно черезъ него. При этомъ само собой разумѣется, что атаманъ Семеновъ, безусловно, какъ вѣрноподданный, состоящій на военной службѣ, подчиняется Верховному Правителю адмиралу Колчаку и возглавляемому имъ Правительству.

6. Японское командованіе искренне заинтересовано въ скорѣйшемъ возсозданіи Великой Россіи, вполнѣ сочувствуетъ намѣренію русскаго командованія получить наибольшее количество русскихъ войскъ съ Дальняго Востока на уральскій фронтъ, но въ то же время, въ виду вспыхнувшаго на Дальнемъ Востокѣ возстанія большевиковъ, озабочено скорѣйшимъ его подавленіемъ, почему находитъ необходимымъ выразить пожеланіе русскому командованію согласовать высылку войскъ съ Дальняго Востока на внѣшній фронтъ съ мѣстными потребностями и съ мнѣніемъ японскаго командованія, основаннымъ на условіяхъ боевой обстановки, въ которую поставлены японскія войска.

7. Атаманъ Семеновъ приступилъ къ фактической ликвидаціи послѣдствій реквизиціи и выполненію требованій главныхъ управленій по поводу высылки предметовъ снабженія и прочее. Генмаіоръ Ивановъ-Риновъ.“

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ замѣчу, что пребывавшій въ Омскѣ японскій представитель адмиралъ Танака велъ бесѣды въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ исключительно объ атаманѣ Семеновѣ, интересуясь тѣми матеріалами, которые были собраны въ министерствѣ о дѣятельности семеновскаго отряда, убѣждая ликвидировать дѣло; онъ спрашивалъ также, можетъ ли Семеновъ разсчитывать на повышеніе въ чинѣ и т. д.

Я не принималъ еще участія въ дѣлахъ, когда была получена телеграмма Иванова-Ринова. Она обсуждалась въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя, и почти всѣ предложенія Иванова были приняты. Вѣроятно, немалую роль сыграла въ этомъ дѣлѣ дипло-

матическая подготовка со стороны Танака. Въ это же время уже не разъ обсуждался вопросъ о привлеченіи японскихъ войскъ на фронтъ, и указаніе Иванова-Ринова на необходимую предпосылку успѣшности переговоровъ не могло не сыграть роли. Какъ бы то ни было, непокорные склонили голову—адмиралъ побѣждалъ.

Глава XV.

За кулисами.

Уфимская операція оказалась неудачною. Противникъ вышелъ изъ петли и сохранилъ главныя силы, но красная армія продолжала отступать. Занятъ былъ Белебей, приближались къ Бузулуку, на Камѣ дошли до Чистополя, который захватили внезапнымъ ударомъ. Эвакуированныя изъ Самары учрежденія стали готовиться къ возвращенію.

Настроеніе было бодрое, полное надеждъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалось величайшее напряженіе. Начиная съ конца марта, призывы слѣдовали за призывами. Въ армію требовали не только солдатъ, но и офицеровъ. Призывы начали поглощать всю скудную интеллигенцію.

Съ Россіей боролась Сибирь.

Чувствовалась вопіющая нужда въ людяхъ, бросалась въ глаза разительная бѣднота въ интеллигенціи. Ея не хватало всюду: въ администраціи, въ прессѣ, войскахъ...

Милитаризація.

Еще при Директоріи главное командованіе приняло въ свое вѣдѣніе всю территорію западнѣе рѣки Иртыша. Стоило переправиться изъ Омска на лѣвый берегъ, чтобы попасть подъ дѣйствіе Положенія о полевомъ управленіи войскъ. Командующіе арміями имѣли здѣсь своихъ агентовъ, которымъ было подчинено все. Нормальный судъ уступалъ здѣсь мѣсто военно-полевому, гражданскія власти были подчинены военнымъ. Свобода экономической жизни стала условной: въ полосѣ военнаго управленія были возможны и безграничныя реквизиціи и всевозможныя повинности.

На Востокѣ, за Байкаломъ, было тоже военное положеніе, царствовали атаманы.

Вліяніе Семенова, черезъ котораго проходила вся военная помощь Японіи, было фактически сильнѣе, чѣмъ вліяніе генерала Хорвата, хотя онъ и былъ Верховнымъ Уполномоченнымъ.

Что же оставалось подъ управленіемъ Совѣта министровъ? Только территорія между Иртышомъ и Байкаломъ—центральная, коренная Сибирь.

Но и здѣсь надо оговориться. Въ районахъ Томской, Енисейской и Иркутской губерній остались очаги большевизма. Здѣсь работали и скрывшіеся въ тайгѣ коммунисты и пользовавшіеся личною безопасностью мятежные эсеры. Поэтому еще въ февралѣ рѣшено было вводить, по мѣрѣ надобности, въ районахъ желѣзныхъ дорогъ военное положеніе.

Безъ вѣдома Совѣта министровъ, неожиданно для него, военное положеніе было введено сразу по всей линіи желѣзной дороги отъ Омска до Иркутска.

14 марта 1919 года былъ изданъ приказъ Верховнаго Правителя, „милитаризировавшій", въ смыслѣ военнаго управленія, всю Сибирь.

„Для возстановленія правильнаго движенія", говоритъ этотъ приказъ, „а также для обезпеченія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія на территоріи желѣзныхъ дорогъ, не входящихъ въ прифронтовую полосу, повелѣваю:

Ввести, впредь до отмѣны, военное положеніе на линіи желѣзныхъ дорогъ: Омской—отъ станціи Куломзино включительно до ст. Новониколаевскъ; Томской—отъ ст. Новониколаевскъ до ст. Иннокентьевской; Забайкальской—отъ ст. Иннокентьевской до ст. Байкалъ включительно; Кулундинской—отъ ст. Татарской до ст. Славгородъ включительно; Алтайской—отъ ст. Новониколаевскъ до ст. Шипуново включительно; Кольчугинской—отъ ст. Юрга до ст. Кольчугино включительно; Ачинскъ-Минусинской—отъ ст. Ачинскъ до ст. Минусинскъ включительно; и въ городахъ, прилегающихъ къ названнымъ дорогамъ: Омскѣ, Татарскѣ, Славгородѣ, Каинскѣ, Новониколаевскѣ, Барнаулѣ, Маріинскѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ, Красноярскѣ, Канскѣ, Нижнеудинскѣ и Иркутскѣ, на вѣткахъ: Томской, Бійской, Кэммеровской, съ городами Томскомъ и Бійскомъ.

На основаніи правилъ, утвержденныхъ мною 1-го марта 1919 г., военное положеніе осуществляется на перечисленныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ главнымъ начальникомъ военныхъ сообщеній, или его замѣстителемъ по должности, и въ вышепоименованныхъ городахъ внѣ полосы отчужденія командующими округовъ черезъ начальниковъ гарнизоновъ. Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ."

На основаніи этого указа, даже Омскъ, временная столица, резиденція Правительства и всѣхъ миссій, оказался въ рукахъ командующаго войсками округа.

Теперь уже всѣ гражданскія и экономическія свободы стали условными. Военный, такъ называемый „прифронтовый" судъ обнажилъ свой жестокій, безпощадный мечъ въ самомъ центрѣ страны, гдѣ населеніе привыкло къ свободѣ, и гдѣ оно не понимало сущности борьбы и старалось выяснить лишь: кто лучше?

Послѣдствія.

Населеніе городовъ, встрѣтившее спокойно переворотъ 18 ноября, теперь, въ апрѣлѣ 1919 г., стало заражаться враждебнымъ настроеніемъ. Гнетъ цензуры, царство военщины, аресты, разстрѣлы—все это разочаровывало даже ту умѣренную демократію, которая раньше поддерживала адмирала Колчака, и возбуждало населеніе, которое ранѣе относилось безразлично къ формамъ власти.

Призывы городского населенія и всевозможныя военныя повинности усиливали недовольство. Страна хотѣла мирной жизни. *Жертвы приносятся* легко только тогда, *когда есть воодушевленіе,* а такъ какъ самодѣятельность населенія была въ значительной степени подавлена, то и воодушевленіе изсякло.

Въ кооперацiи, въ земствахъ, профессіональныхъ союзахъ было много революціонныхъ противоправительственныхъ элементовъ, но изъ этого не слѣдовало, что всѣ эти организаціи безъ разбора должны были преслѣдоваться и браться подъ подозрѣніе. Но военныя власти не были достаточно тактичны, подъ ихъ суровую руку попадали даже правительственные агенты, напримѣръ, инспекторы труда. Съ гражданскими чинами вообще не церемонились, и инспекторы труда считались „товарищами".

Пассивный премьеръ.

Кто же былъ виновенъ въ такомъ стремительномъ крушеніи авторитета гражданской власти и непомѣрномъ ростѣ „военщины", какъ системы управленія? Конечно, прежде всего—общія условія; постоянныя возстанія въ тылу, ненадежность земствъ, находившихся, главнымъ образомъ, въ рукахъ той партіи, которая бросила призывъ къ войнѣ съ диктатурой и помощи большевикамъ, чрезвычайное напряженіе силъ, вызванное войною. Но, кромѣ этихъ общихъ условій, была и еще одна—пассивность премьера.

П. В. Вологодскій, который до 18 ноября былъ лицомъ окончательно рѣшавшимъ политическіе вопросы, теперь превратился въ лицо, которое должно было настаивать на рѣшеніяхъ.

Человѣкъ съ ослабѣвшей волей, уступчивый, мягкій, не яркой индивидуальности, всталъ лицомъ къ лицу съ адмираломъ, человѣкомъ горячаго темперамента, легко и быстро впадающимъ въ гнѣвъ и такъ же быстро потухающимъ, человѣкомъ съ военными предразсудками и твердо опредѣлившимися предрасположеніями.

Адмиралъ относился къ П. В. Вологодскому съ постояннымъ вниманіемъ, предупредительностью и довѣріемъ. Предсѣдатель Совѣта министровъ могъ использовать это отношеніе для обезпеченія преобладающаго вліянія Совѣта министровъ на дѣла. Но Вологодскій не былъ способенъ къ борьбѣ. Онъ былъ только „предсѣдательствующимъ", добросовѣстно выслушивавшимъ всѣ мнѣнія, докладывавшимъ ихъ, ставившимъ на голосованіе—и только. Главою Правительства, руководителемъ политики онъ не былъ.

Каждый отдѣльный министръ былъ поглощенъ своими текущими дѣлами. Омскъ—не Петроградъ, гдѣ канцеляріи работали, какъ заведенная машина, выпуская въ двадцать четыре часа не только справки и рѣчи, но и даже книжки, написанныя по указанію министровъ; послѣднимъ оставалось лишь задавать тонъ и находить руководящую политическую линію. Въ Омскѣ почти всѣ министры сами писали рѣчи, сами составляли письма, справки, доклады и нерѣдко даже сами корректировали бумаги. О политикѣ должны были думать Предсѣдатель Совѣта министровъ и управляющій дѣлами Совѣта министровъ.

Прилично обставлено было только нѣсколько министерствъ: земледѣлія, продовольствія, путей сообщенія, морское. Лучшіе юристы и чиновники сосредоточились въ Управленіи дѣлами Правительства. Но творчества не чувствовалось и въ лучшихъ министерствахъ. Наибольшая отвѣтственность ложится на премьера.

Вологодскій времени Колчака губилъ славу Вологодскаго, главы сибирской власти, а управляющій дѣлами Тельбергъ не сумѣлъ выполнить своей обязанности помочь Предсѣдателю въ его политической работѣ.

Послѣ болѣзни.

Я еще не могъ заниматься дѣлами послѣ своей болѣзни, какъ меня стали одолѣвать жалобами на Вологодскаго, разсказами объ удручающихъ засѣданіяхъ Совѣта министровъ, о внутреннемъ разладѣ.

Приходили ко мнѣ и члены омскаго блока: Балакшинъ, Куликовъ, Панкратовъ и др. Они тоже жаловались на Совѣтъ министровъ, на Предсѣдателя, выражали желаніе видѣть меня на болѣе отвѣтственномъ посту, чѣмъ раньше.

За время моей болѣзни министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, на запросъ изъ Омска, кому изъ трехъ товарищей министра: Гинсу, Жуковскому или Сукину онъ считаетъ болѣе правильнымъ управлять министерствомъ, отвѣтилъ, что въ управленіе долженъ вступить Жуковскій, а если это невозможно, то Сукинъ.

По желанію Совѣта министровъ, въ управленіе министерствомъ вступилъ Сукинъ. Когда я выздоравливалъ, онъ уже вполнѣ акклиматизировался въ Совѣтѣ. Роль неотвѣтственнаго участника правительственной работы была мнѣ наиболѣе по душѣ, и я предвкушалъ удовольствіе спокойной и интересной работы. Но судьба не сулила мнѣ тихой пристани. Въ то время, какъ я мечталъ о неотвѣтственной кабинетной работѣ, меня прочили въ товарищи предсѣдателя Совѣта министровъ. Блокъ обсуждалъ различныя кандидатуры, и большинство остановилось на мнѣ.

Группа Михайлова.

Въ Омскѣ было извѣстно, что въ составѣ Совѣта министровъ образовались двѣ партіи. Михайловъ считался вдохновителемъ болѣе сильной группы, въ которую входили, кромѣ него, Сукинъ, Смирновъ, Тельбергъ, Гаттенбергеръ, Петровъ, Зефировъ и я.

Ходившія въ Омскѣ сплетни значительно преувеличивали и значеніе группы и характеръ ея. Собранія нѣсколькихъ болѣе близкихъ по прежней работѣ министровъ начались еще въ декабрѣ. Они происходили преимущественно въ кабинетѣ министра финансовъ и имѣли цѣлью предварительное обсужденіе нѣкоторыхъ текущихъ вопросовъ и взаимную информацію. Никакихъ связывающихъ кого-либо рѣшеній не принималось, и нерѣдко въ засѣданіяхъ Совѣта министровъ, когда обнаруживались непредусмотрѣнныя раньше детали или новыя точки зрѣнія, голосованіе происходило иначе, чѣмъ предполагалось.

Я помню нѣсколько бесѣдъ, гдѣ вообще не принималось какихъ-либо рѣшеній, а обсуждались вопросы общей политики. Такъ, напримѣръ, однажды у министра земледѣлія Петрова мы подробно обсуждали вопросъ о способахъ укрѣпленія гражданской власти на мѣстахъ. На этомъ засѣданіи присутствовалъ, между прочимъ,

одинъ сибирскій кооператоръ: такъ мало было въ работѣ „группы" заговорщической конспираціи.

Часто мы знакомили другъ друга со своими программными предположеніями.

Какъ-то въ серединѣ марта меня вызвали на засѣданіе группы, сославшись на особую его важность. Происходило оно у Сукина. Рѣчь шла о Зефировѣ.

Кабинетскій кризисъ.

Въ омской демократической газетѣ „Заря" появились статьи, обвинявшія министерство продовольствія въ явно невыгодной покупкѣ чая у подозрительной фирмы „Слонъ". Намекалось на заинтересованность въ этомъ дѣлѣ министра Зефирова, который утвердилъ сдѣлку.

Въ группѣ обсуждался вопросъ, можетъ ли Зефировъ оставаться послѣ такихъ разоблаченій членомъ Правительства. Безъ всякихъ колебаній я высказался отрицательно, выражая готовность, если это понадобится, уговорить Зефирова немедленно подать въ отставку.

Потомъ рѣчь зашла объ атмосферѣ взаимнаго недовѣрія и даже враждебности. Старынкевичъ воюетъ съ Михайловымъ, стараясь его всячески ущемить; военный министръ Степановъ пикируется съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Гаттенбергеромъ, а Предсѣдатель Совѣта министровъ чувствуетъ себя безпомощнымъ и не знаетъ, какъ ему быть. Обмѣнявшись мнѣніями по этому вопросу, мы пришли къ мысли, что самымъ цѣлесообразнымъ было бы подать всѣмъ коллективно въ отставку, предоставивъ Вологодскому или другому лицу, по назначенію адмирала, составить новый кабинетъ.

Послѣ этого я уже не въ силахъ былъ оставаться на засѣданіи. Я былъ переутомленъ. Это былъ первый мой вечерній выходъ послѣ болѣзни, и, когда я ѣхалъ обратно, мнѣ казалось, что я испыталъ страшную качку—до такой степени я былъ разбитъ.

Но отдыхать уже не пришлось.

Въ тотъ вечеръ, когда я уѣхалъ отъ Сукина, „группа" продолжала обсуждать положеніе и рѣшила рекомендовать меня Вологодскому, въ качествѣ товарища Предсѣдателя Совѣта министровъ. Сукинъ и Тельбергъ, какъ мнѣ передавали, отнеслись къ этому очень сдержанно.

Какъ бы то ни было, я сталъ фигурой въ фокусѣ. Общественные дѣятели и члены Правительства не оставляли меня

своими посѣщеніями, и мнѣ, еще не оправившемуся послѣ болѣзни, приходилось уже давать совѣты, примирять и помогать.

„Слонъ" изъ мухи.

Зефировъ пріѣхалъ ко мнѣ совѣтоваться. Онъ привезъ всѣ документы, обстоятельно разсказалъ, какъ все произошло.

Я высказалъ ему свое мнѣніе. „Нѣтъ никакихъ основаній обвинять его въ лихоимствѣ. Я убѣжденъ, что онъ въ этомъ отношеніи чистъ. Но сдѣлка для казны невыгодна и заключена неосмотрительно. Кто-то изъ чиновъ министерства былъ, повидимому, заинтересованъ въ сдѣлкѣ. Министръ виноватъ тѣмъ, что онъ поступилъ опрометчиво, слишкомъ довѣрившись докладу. Ему надо поэтому уйти въ отставку, предоставивъ судебной власти выяснить непричастность его самого къ какому-либо злоупотребленію".

Зефировъ согласился со мной и подалъ въ отставку. Но онъ сказалъ мнѣ, что считаетъ себя жертвой интриги.

Впослѣдствіи выяснилось, что никакихъ уликъ противъ Зефирова нѣтъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ содѣйствовалъ обогащенію частнаго лица, *безъ корыстной цѣли*. Юмористическое обвиненіе. Я не знаю ни одного министра, который не содѣйствовалъ бы обогащенію или обѣднѣнію кого-либо безъ личнаго интереса. Рѣшеніе города о проведеніи трамвая по опредѣленной улицѣ—и то можетъ обогатить. Что же говорить о министерскихъ распоряженіяхъ!

Но если Зефировъ остался внѣ подозрѣній, то этого нельзя сказать о многихъ его сотрудникахъ. Дѣло о Зефировѣ въ *политическихъ интересахъ* должно было бы быть поэтому закончено возможно скорѣе.

Преемникъ Зефирова Неклютинъ подтвердилъ впослѣдствіи въ своихъ показаніяхъ, что всѣ резолюціи Зефирова носили характеръ полной незаинтересованности, и что докладъ, представленный Зефирову по дѣлу о покупкѣ чая, могъ ввести его въ заблужденіе.

Я останавливаюсь довольно подробно на этомъ мелкомъ сравнительно инцидентѣ, потому что, за неимѣніемъ другихъ, этотъ фактъ былъ широко использованъ для обвиненія Правительства въ матеріальной нечистоплотности.

Однако, если въ данномъ фактѣ „Слонъ" былъ сдѣланъ изъ мухи, то остальныя обвиненія въ корыстолюбіи даже авто-

рами ихъ произносились со смущеніемъ. Съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ, высшіе чины Правительства были безупречны.

Характерные конфликты.

То, что я увидѣлъ, послѣ своей болѣзни, въ политической обстановкѣ, было очень непривлекательно. Не говоря уже о личныхъ отношеніяхъ министровъ, дѣловыя ихъ отношенія свидѣтельствовали объ отсутствіи твердой хозяйской руки.

Военный министръ, по доносу контръ-развѣдки, посылаетъ своихъ чиновъ арестовать должностное лицо министерства внутреннихъ дѣлъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ приказываетъ оказать сопротивленіе силою. Происходитъ скандалъ. По городу носятся слухи о столкновеніи частей войскъ.

Другой случай. Комендантъ города, вѣдающій распредѣленіемъ помѣщеній, приказываетъ очистить зданіе, занятое чинами министерства финансовъ. Министръ финансовъ приказываетъ чинамъ охраны золотого запаса силою противодѣйствовать самоувѣренному капитану, явившемуся очищать зданіе.

Это происходило на глазахъ Правительства. А сколько было случаевъ мелкихъ нарушеній приказовъ городскихъ властей. Я помню, какъ министръ финансовъ Михайловъ ѣздилъ съ прошеніемъ объ отставкѣ къ Верховному Правителю изъ-за спирта. Онъ ограничилъ нормы отпуска спирта для автомобилей, а ставка не подчинялась этимъ нормамъ.

Адмиралъ выходилъ изъ себя, ломая телефонные аппараты, и поносилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, своихъ военныхъ сотрудниковъ.

Вотъ какова была атмосфера въ дни моего возвращенія къ власти.

Разговоръ съ представителями блока.

— Мы желаемъ видѣть васъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта министровъ, сказалъ мнѣ представитель блока.

— Это единодушное желаніе?

— Да, никто не возражалъ, но были воздержавшіеся — казаки, которые сказали, что не знаютъ васъ.

— А Вологодскаго вы спрашивали? Онъ согласенъ?

— Да, мы говорили съ нимъ. Ваше удачное сотрудничество при Сибирскомъ Правительствѣ заставляетъ думать, что вы самый подходящій человѣкъ на мѣсто помощника Вологодскаго.

Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Гаттенбергеръ.

Я указалъ тогда всѣ свои недостатки, но сказалъ, что, если Вологодскій мнѣ предложитъ, то я попытаюсь помочь ему.

Предложеніе Вологодскаго.

Какъ всегда, Предсѣдатель Совѣта министровъ подробно и откровенно разсказываетъ о всѣхъ трудностяхъ своего положенія.

— Петръ Васильевичъ! Нужна программа, и нуженъ помощникъ, который бы слѣдилъ за ея осуществленіемъ. Тогда все устроится.

— Да, я съ этимъ согласенъ. Я хотѣлъ бы видѣть васъ своимъ помощникомъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю, при условіи, если мы сговоримся на программѣ.

Программа была набросана. Мы сговорились.

1-го апрѣля состоялось мое назначеніе членомъ Совѣта министровъ, т. е. министромъ безъ портфеля.

— Почему же министромъ безъ портфеля, а не товарищемъ председателя?

— Видите ли, нужно составить положеніе о товарищѣ предсѣдателя, и мы проведемъ его въ первомъ же засѣданіи.

Военно-промышленный комитетъ.

Въ началѣ апрѣля я присутствовалъ первый разъ, послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго перерыва, на засѣданіи Совѣта министровъ.

Былъ боевой день.

Первымъ стоялъ докладъ министра торговли Щукина, котораго мы называли „барышней" за его застѣнчивость. Онъ сообщилъ о результатахъ обслѣдованія дѣятельности омскаго военно-промышленнаго комитета. Онъ получилъ значеніе центральнаго, а, между тѣмъ, какъ указывалъ Щукинъ, былъ съ самаго начала составленъ незаконно, захватнымъ порядкомъ, и уже почти десять мѣсяцевъ безконтрольно распоряжался крупнымъ казеннымъ имуществомъ. Щукинъ указывалъ на рядъ неправильностей въ исполненіи заказовъ и веденіи дѣлъ, особенно въ смыслѣ скрещиванія дѣятельности членовъ бюро, какъ администраторовъ, и одновременно, какъ предпринимателей, какъ заказчиковъ, и одновременно, какъ исполнителей.

Послѣднее было наиболѣе непріятнымъ, но и наименѣе обоснованнымъ обвиненіемъ.

При голосованіи голоса раздѣлились. Восемь было подано за продолженіе разслѣдованія, семь за немедленную ревизію.

Такъ какъ въ бюро военно-промышленнаго комитета входили видные члены омскаго блока, то всѣ были въ большомъ волненіи: какъ разрѣшится скандальное дѣло? Газеты подняли шумъ. Однѣ поносили Щукина, называя его клеветникомъ, другія обрушивались на военно-промышленныхъ дѣльцовъ. Голосованіе Совѣта министровъ было извѣстно въ городѣ со всѣми подробностями.

Щукинъ приписывалъ свою неудачу политической дружбѣ большинства Совѣта съ дѣятелями блока. Можетъ быть, это и играло нѣкоторую роль—кто станетъ рубить подъ собою сукъ? Однако, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Совѣту министровъ былъ представленъ болѣе обстоятельный докладъ преемникомъ Щукина, обнаружившимъ болѣе доказательно много странностей въ распоряженіи деньгами и имуществомъ вопрома, то Совѣтъ министровъ единодушно постановилъ назначить сенаторскую ревизію.

Товарищъ предсѣдателя.

Въ томъ же засѣданіи Совѣта былъ поставленъ вопросъ объ учрежденіи должности товарища предсѣдателя.

Вопросъ шелъ формально не о кандидатѣ на этотъ постъ, а о власти предсѣдателя. Со времени Директоріи мы руководствовались Положеніемъ о Совѣтѣ министровъ еще царскихъ временъ. Власть предсѣдателя въ этомъ Положеніи была опредѣлена въ очень неясныхъ формахъ. Столыпинъ, пользуясь этимъ Положеніемъ, былъ силенъ, Коковцевъ—слабъ. Все зависѣло отъ личности. Вологодскій не былъ Столыпинымъ, онъ не могъ присвоить себѣ большаго, чѣмъ по закону ему было отведено, и мнѣ казалось поэтому необходимымъ опредѣленно очертить кругъ контролирующей и руководящей власти премьера, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ полностью и по частямъ передавать ее своему товарищу.

Было ясно, что, съ принятіемъ предложеннаго проекта, министры пріобрѣтаютъ „начальство". Это пришлось не по вкусу.

— Нельзя ли отложить этотъ проектъ до слѣдующаго засѣданія? раздался одинъ голосъ.

— Да, да, отложимъ!

Проектъ больше не появлялся на повѣсткѣ, и, когда я черезъ нѣсколько дней спросилъ Вологодскаго о причинахъ этого, онъ сказалъ: „многіе возражаютъ противъ васъ",

Разумѣется, послѣ того, какъ вопросъ изъ принципіальнаго сталъ личнымъ, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ отойти въ сторону. Горькая чаша власти меня миновала.

Блокъ.

А что же блокъ?

Его истинная природа въ это время вполнѣ выяснилась. Это была организація для обмѣна мнѣній, а не союзъ для достиженія политическихъ задачъ.

Члены блока ходили по министрамъ и спрашивали, какъ поступить. Они прислушивались къ разнымъ сплетнямъ и сами ихъ разносили. Они выставляли кандидатовъ, но сейчасъ же отъ нихъ отказывались, если встрѣчали препятствія.

Былъ такой случай. Пріѣхалъ въ Омскъ изъ Лондона I. К. Окуличъ. Онъ занималъ постъ товарища министра торговли въ Правительствѣ кн. Львова, былъ вице-директоромъ въ министерствѣ земледѣлія предреволюціоннаго періода. Образованный и бывалый человѣкъ, онъ могъ принести большую пользу въ Омскѣ. Но онъ не понравился кое-кому изъ министровъ.

Вологодскій предложилъ Окуличу должность министра торговли. Блокъ поддерживалъ Окулича. Тотъ отказался и предложилъ свои услуги заграницей. Вологодскій, усмотрѣвъ недоброжелательное отношеніе нѣкоторыхъ членовъ Совѣта къ Окуличу, отказалъ ему въ командировкѣ и мотивировалъ это:

— Мы васъ плохо знаемъ.

— Помилуйте, вѣдь вы приглашали меня министромъ.

Спустя нѣкоторое время, Окуличъ уѣхалъ. Едва ли онъ унесъ съ собой хорошія впечатлѣнія. Совѣтъ министровъ его оттолкнулъ, а блокъ, выдвигавшій его кандидатуру, по обыкновенію, не поддержалъ его.

Тяжело было положеніе адмирала. Слѣва враги, справа недоброжелатели, а въ центрѣ вялый, безвольный блокъ и такой же безвольный Совѣтъ министровъ.

Нѣсколько энергичныхъ людей въ блокѣ вели за собой всѣ „четырнадцать“ его группъ, нѣсколько талантливыхъ и честолюбивыхъ молодыхъ людей въ Совѣтѣ министровъ незамѣтно опутали его сѣтью интригъ и личныхъ вліяній.

Положеніе было не изъ легкихъ.

Послѣ провала моей кандидатуры въ товарищи Предсѣдателя Совѣта министровъ, я долго чуждался Вологодскаго и избѣгалъ оказывать на него какое-либо вліяніе, стараясь не вести съ нимъ

никакихъ политическихъ разговоровъ внѣ оффиціальныхъ встрѣчъ. Вскорѣ я узналъ, что группа Михайлова, въ мое отсутствіе, рѣшила проводить въ товарищи предсѣдателя Г. Г. Тельберга.

Въ это время я принялъ назначеніе на должность предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, вмѣсто отказавшагося въ февралѣ, вскорѣ послѣ описаннаго мною инцидента, Феодосьева.

Шумиловскій проситъ отставки.

Еще одинъ инцидентъ—новый симптомъ разложенія власти. Министръ труда подаетъ въ отставку по принципіальнымъ основаніямъ.

Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ онъ указываетъ, что его программа встрѣчаетъ въ составѣ Совѣта равнодушіе, а на мѣстахъ—противодѣйствіе, что инспекторы труда не пользуются авторитетомъ въ глазахъ военныхъ, и что онъ безсиленъ что-либо сдѣлать.

Совѣтъ министровъ обсуждаетъ заявленіе и, соглашаясь съ основательностью доводовъ, но не видя никакихъ разногласій съ министромъ, единогласно отклоняетъ его прошеніе и уговариваетъ остаться, обѣщая свое содѣйствіе.

Какая искусственность отношеній! Совѣтъ министровъ превращается въ наскоро сбитую храмину, готовую разсыпаться при первомъ внѣшнемъ напорѣ.

Отложенная поѣздка.

Въ мартѣ, когда начались внутренніе нелады въ составѣ Совѣта министровъ, было предположено, что Вологодскій и нѣсколько членовъ Совѣта совершатъ поѣздку по странѣ, для установленія связи съ общественными кругами и разъясненія на мѣстахъ общаго положенія и политики Правительства.

Поѣздка эта не могла состояться изъ-за неясности самой политики. Самые важные очередные вопросы: земельный, финансовый, продовольственный, а также о структурѣ власти, о способахъ солидаризаціи кабинета—оставались невыясненными.

Необходимо было вырѣшить сначала эти основные вопросы.

Глава XVI.

Россійскій масштабъ.

Арміи находились за Ураломъ, на берегахъ Камы и недалеко отъ Волги. Дѣятельность правительства, „россійскаго" по названію, начинала дѣйствительно пріобрѣтать „россійское" значеніе. На первый планъ выдвинулись вопросы: земельный и финансовый. Пора было приняться за подготовку Учредительнаго Собранія, поднялся вопросъ о сотрудничествѣ съ общественностью въ законодательной работѣ.

Переживъ солидную встряску, видя безрезультатность попытокъ пересоставить Совѣтъ, министры углубились въ работу, и апрѣль мѣсяцъ отмѣченъ рядомъ важныхъ и отвѣтственныхъ мѣръ.

Земельный вопросъ.

Еще въ мартѣ въ министерствѣ земледѣлія кипѣла работа надъ составленіемъ земельныхъ законовъ.

Я интересовался этою работой и, въ качествѣ гостя, посѣтилъ одно изъ засѣданій земельной комиссіи.

Кромѣ чиновниковъ, присутствовали представители различныхъ общественныхъ организацій, землевладѣльцы и экономисты.

Большую рѣчь произнесъ помѣщикъ Казанской губерніи, князь Крапоткинъ. Онъ сопоставлялъ цифры и ярко рисовалъ картину крестьянскаго малоземелья. Чтобы побѣдить большевизмъ, говорилъ онъ, надо дать крестьянамъ нѣчто такое, что воодушевило бы ихъ. Изъ такихъ средствъ лучшимъ явилось бы закрѣпленіе въ ихъ собственность находящихся въ крестьянскомъ обладаніи земель.

— И помѣщичьихъ? спросилъ кто-то изъ членовъ совѣщанія.

— О помѣщичьихъ я буду говорить особо, отвѣтилъ князь.

Онъ былъ глубоко правъ по существу, когда указывалъ, что надо нести крестьянамъ *практическое* и *немедленное* разрѣшеніе земельнаго вопроса. Но какъ закрѣпить собственность, когда

для этого требуется сложный землеустроительный процессъ на десятокъ лѣтъ? Какъ удовлетворить земельную нужду, не укрѣпляя за крестьянами и помѣщичьихъ земель? Этого князь не могъ бы объяснить.

Правительство приступило къ разрѣшенію земельнаго вопроса закономъ о посѣвахъ.

Крестьяне освобожденныхъ губерній Европейской Россіи желали знать, будетъ ли имъ принадлежать урожай съ засѣянныхъ ими чужихъ земель. Не только въ интересахъ общей политики, но и въ интересахъ продовольственныхъ необходимо было немедленно объявить, что *урожай принадлежитъ тому, кто сѣялъ.*

Соотвѣтствующее постановленіе 3-го апрѣля было принято. Послѣ этого Совѣтъ министровъ приступилъ къ обсужденію общей деклараціи по земельному вопросу. И вотъ тутъ-то и сказалось отсутствіе у Совѣта министровъ однообразнаго взгляда и рѣшительности.

Декларація—не законъ. Она не нуждается въ оговоркахъ, въ детализаціи. Ея основная мысль должна быть высказана такъ ярко, чтобы каждый читающій сразу ее воспринялъ. Проектъ министерства земледѣлія не отличался этимъ качествомъ. Онъ носилъ на себѣ слѣды учрежденія, которое разрабатывало вопросъ въ подробностяхъ и потому декларировало программу вѣдомства, а не основную цѣль Правительства.

Придавая большое значеніе этой деклараціи, я горячо убѣждалъ Совѣтъ министровъ заявить въ ней, что *возстановленія помѣщичьихъ владѣній производиться не будетъ.*

Но большинство высказалось противъ такого категорическаго заявленія, указывая, что оно можетъ поощрить къ захватамъ даже тамъ, гдѣ ихъ раньше не было.

Тогда я предложилъ иную редакцію: „Возстановленія тѣхъ владѣній, помѣщиковъ и казны, которыя въ теченіе 1917 и 1918 г. г. перешли въ фактическое обладаніе крестьянъ, производиться не будетъ“.

Но и эта редакція не была принята.

Въ результатѣ, декларація оказалось вылизанной и едва ли достаточно ясной для крестьянъ.

Приведу наиболѣе важныя мѣста деклараціи:

„Правительство заявляетъ, что всѣ, въ чьемъ пользованіи земля сейчасъ находится, всѣ, кто ее засѣялъ и обработалъ, хотя бы не былъ ни собственникомъ ни арендаторомъ, имѣютъ право собрать урожай.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, Правительство приметъ мѣры для обезпеченія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и на будущее время, воспользовавшись въ первую очередь помѣщичьей и казенной землей, уже перешедшей въ фактическое обладаніе крестьянъ. Земли же, которыя обрабатывались исключительно или преимущественно силами семьи владѣльцевъ — земли хуторянъ, отрубниковъ, укрѣпленцевъ, подлежатъ возвращенію ихъ законнымъ владѣльцамъ.

„Принимаемыя мѣры имѣютъ цѣлью удовлетворить неотложныя земельныя нужды трудящагося населенія деревни.

„Въ окончательномъ же видѣ вѣковой земельный вопросъ будетъ рѣшенъ Національнымъ Собраніемъ.

„Стремясь обезпечить крестьянъ землей на началахъ законныхъ и справедливыхъ, Правительство съ полной рѣшительностью заявляетъ, что впредь никакіе самовольные захваты ни казенныхъ, ни общественныхъ, ни частновладѣльческихъ земель допускаться не будутъ, и всѣ нарушители чужихъ земельныхъ правъ будутъ предаваться законному суду.

„Законодательные акты объ упорядоченіи земельныхъ отношеній, о порядкѣ временнаго использованія захваченныхъ земель, послѣдующемъ справедливомъ распредѣленіи ихъ и, наконецъ, объ условіяхъ вознагражденія прежнихъ владѣльцевъ послѣдуютъ въ ближайшее время.

„Общею цѣлью этихъ законовъ будетъ передача земель нетрудового пользованія трудовому населенію, широкое содѣйствіе развитію мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ, безъ различія того, будутъ ли они построены на началахъ личнаго или общиннаго землевладѣнія.

„Содѣйствуя переходу земель въ руки трудовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, Правительство будетъ широко открывать возможность пріобрѣтенія этихъ земель въ полную собственность."

Казалось бы, ужъ на что осторожная декларація.

Однако, и она вызвала возраженія со стороны начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Лебедева.

Несмотря на то, что онъ присутствовалъ на засѣданіяхъ, гдѣ обсуждался первоначальный проектъ, и, именно вслѣдствіе его настояній, были внесены поправки, смягчавшія главную мысль о закрѣпленіи за крестьянами фактическихъ владѣній, онъ заявилъ, при обсужденіи окончательной редакціи, что не имѣлъ возможности съ нею познакомиться, и просилъ отложить утвержденіе.

Сукинъ и Михайловъ поддерживали Лебедева, который мотивировалъ свое настояніе тѣмъ, что противъ большевиковъ сража-

ется много офицеровъ — помѣщиковъ, которые внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что относится къ земельному вопросу, и всякое неосторожное слово, направленное противъ помѣщичьяго землевладѣнія, можетъ повліять разлагающимъ образомъ на настроеніе офицерства.

О настроеніи солдатской массы и о настроеніи крестьянской Россіи Лебедевъ не думалъ.

Намъ было извѣстно, что ставка находится въ оживленныхъ сношеніяхъ со скопившимися въ Омскѣ аграріями, что нѣкоторые офицеры уже содѣйствовали въ прифронтовыхъ губерніяхъ возстановленію помѣщичьихъ земель, и потому заявленіе Лебедева было встрѣчено съ враждебнымъ холодомъ.

Большинствомъ противъ двухъ или трехъ голосовъ было рѣшено утвердить декларацію немедленно. Она была принята, а Лебедевъ подалъ письменный протестъ и покинулъ засѣданіе, отказавшись впредь посѣщать Совѣтъ министровъ.

Декларація была, тѣмъ не менѣе, подписана Верховнымъ Правителемъ на слѣдующій день.

Судьба помѣщичьихъ земель.

Надежда на дальнѣйшее побѣдоносное движеніе вглубь Россіи была такъ велика, что никто не считалъ возможнымъ удовлетвориться одною декларацiей. Что будетъ съ помѣщичьими землями, если, скажемъ, онѣ не засѣяны? Раздаются ли онѣ крестьянамъ, или возвращаются владѣльцамъ? На какомъ правѣ онѣ будутъ передаваться? Объ этомъ заинтересованныя лица спрашивали членовъ Правительства. Запрашивали объ этомъ изъ Пермской и Самарской губерній.

Министерство земледѣлія представило свой проектъ. Основная идея его заключается въ томъ, что государство устанавливаетъ особое управленіе всѣми землями, вышедшими изъ обладанія ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Эти земли описываются и принимаются въ вѣдѣніе государства, причемъ до окончательнаго разрѣшенія земельнаго вопроса онѣ сдаются въ аренду землевладѣльческому населенію.

Этотъ законъ вызвалъ яростныя нападки аграріевъ. Они считали крайне опаснымъ и предрѣшающимъ судьбу частнаго землевладѣнія *начало государственнаго распоряженія* землями и передачу ихъ уже не на началахъ захвата, а на законныхъ основаніяхъ, въ аренду трудовому населенію. Такимъ путемъ, говорили они, укрѣпляется сознаніе, что земля перешла въ обладаніе

крестьянъ, и окончательное рѣшеніе земельнаго вопроса предопредѣляется въ извѣстномъ направленіи.

Лѣвые круги были тоже недовольны закономъ. Они, наоборотъ, считали, что сдача земель *въ аренду* есть, въ сущности, реставрація частной собственности, и что крестьяне иначе и не поймутъ этого. Нечего и говорить, что соціалистическія партіи, стоящія на платформѣ упраздненія частной собственности, были бы довольны только такимъ закономъ, который подписалъ бы смертный приговоръ частному землевладѣнію, въ томъ числѣ и крестьянскому. Проектомъ министерства были недовольны, однако, не только соціалисты, но и умѣренные демократическіе элементы, которые считали задачею государственной власти расширить въ странѣ мелкое трудовое землевладѣніе за счетъ крупнаго.

Я былъ на сторонѣ этихъ послѣднихъ и возражалъ противъ проекта въ Совѣтѣ министровъ.

Основная идея его представлялась мнѣ во многихъ отношеніяхъ опасной. Еще въ первой Государственной Думѣ проф. Петражицкій справедливо указывалъ, что передача земель въ распоряженіе государства заставляетъ остановиться прежде всего на вопросѣ о власти. „Судьбы неисповѣдимы!“ Не приведутъ ли онѣ къ власти реакціонной, которая используетъ государственное распоряженіе землями для самой опредѣленной реставраціи латифундій. Политическая опасность принятія земель въ распоряженіе государства заключается въ томъ, что самый процессъ принятія земель въ вѣдѣніе государственной власти, сопровождающійся обмѣромъ, установленіемъ границъ, описью инвентаря, внушаетъ опредѣленное представленіе о возстановленіи прежняго владѣнія, прежнихъ правъ. Начало „аренды“ только укрѣпляетъ это представленіе, потому что у крестьянъ аренда ассоціируется только съ чужою собственностью. Если крестьянинъ видитъ, что пріѣхали чиновники, обошли границу прежняго помѣщичьяго имѣнія и затѣмъ объявили правила аренды земли „изъ состава этого имѣнія“, то какъ иначе можетъ онъ понять происходящее, какъ не возстановленіе имѣній и охрану ихъ государствомъ? Стоитъ прочесть ту статью правилъ о принятіи земель въ завѣдываніе государства, гдѣ говорится, что „пространство и мѣстоположеніе земель устанавливаются въ отдѣльности по каждому владѣнію“, чтобы вся картина практическаго осуществленія закона и неизбѣжныхъ впечатлѣній крестьянъ предстала воочію.

Политическая опасность законопроекта представлялась мнѣ несомнѣнною, и я вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія одного изъ

наиболѣе ожесточенныхъ критиковъ закона, Е. Е. Яшнова, который сказалъ, что подобный законъ будетъ лучшимъ орудіемъ пропаганды со стороны большевиковъ. Имъ надо будетъ только отпечатать его и распространять среди крестьянъ.

Помимо политическихъ дефектовъ законопроекта, я считалъ его практически неосуществимымъ, невыгоднымъ съ фискальной точки зрѣнія и, наконецъ, ненужнымъ съ точки зрѣнія момента.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ законопроектъ (а потомъ законъ) не переоцѣнивалъ силъ государства, когда онъ устанавливалъ начало государственнаго управленія всѣми помѣщичьими землями? Откуда же было взять столько чиновниковъ, какими силами и средствами произвести возстановленіе разрушенныхъ межей, когда всѣ почти границы стерты, крѣпостные архивы и документы уничтожены? Однимъ изъ мотивовъ закона была указана необходимость опредѣлить условія владѣнія землею на ближайшіе годы, во избѣжаніе сокращенія запашекъ. Но рѣшало ли этотъ вопросъ то, что предложено было министромъ земледѣлія, съ его сложнымъ порядкомъ *если не фактическаго, то юридическаго* возстановленія помѣщичьихъ земель, когда по каждому отдѣльному имѣнію составлялся особый актъ принятія его въ вѣдѣніе государства (ст. 5 правилъ) и особый процессъ оспариванія этого акта. Нѣтъ! Съ полной увѣренностью повторяю и сейчасъ. Это было практически неосуществимо. Ни людей ни средствъ для этого не хватило бы.

Фискальная невыгода закона заключалась въ томъ, что государство принимало на себя охрану и, стало быть, отвѣтственность за всѣ убытки индивидуализированнаго владѣнія, поступившаго въ завѣдываніе государства. Сгорѣлъ домъ, раскраденъ инвентарь, прорвана плотина—кто возмѣщаетъ убытки владѣльца? Естественно, что онъ будетъ спрашивать прежде всего со своего замѣстителя—государства, которое приняло на себя обязанность временнаго хозяина.

Я не ограничивался критикою. Указывая, что подобный законъ сейчасъ не нуженъ, и что его можно отложить, такъ какъ еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ о фактическомъ положеніи земельнаго вопроса въ совѣтской Россіи, и такъ какъ уже издано постановленіе о правѣ посѣвщиковъ на урожай, что устраняетъ продовольственную проблему изъ аграрнаго вопроса, я предложилъ свой проектъ закона, въ противовѣсъ проекту министра Петрова.

Мои предложенія вкратцѣ сводились къ слѣдующему.

1. Частное землевладѣніе не возстанавливается. Иски о возстановленіи владѣнія землею не могутъ быть принимаемы къ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ и органовъ впредь до разрѣшенія вопроса о правахъ на землю въ законодательномъ порядкѣ.

2. Частичное возстановленіе нарушенныхъ въ 1917-1919 г. г. земельныхъ правъ происходитъ лишь въ смыслѣ охраны хуторскихъ и отрубныхъ владѣній и хозяйствъ промышленнаго значенія. Разрѣшеніе споровъ этого рода возлагается на мѣстные земельные органы, съ участіемъ крестьянъ.

3. Земли незахваченныя, если владѣльцы ихъ отсутствуютъ, передаются въ пользованіе трудового населенія.

4. Устанавливается особый земельный сборъ, который (вмѣсто арендной платы) поступаетъ въ фондъ возмѣщенія убытковъ бывшихъ владѣльцевъ земель.

Мои предложенія имѣли нѣкоторый успѣхъ. Они собрали въ Совѣтѣ министровъ шесть голосовъ. Но *семь* голосовъ было подано за проектъ министра земледѣлія, и онъ сталъ закономъ.

Важнѣйшій вопросъ прошелъ перевѣсомъ *одного голоса.*

Я невольно схватилъ карандашъ и тутъ же сталъ писать особое мнѣніе. Но я его не подалъ. Нервное настроеніе и нѣкоторая озлобленность, которыя создались во мнѣ голосованіемъ Совѣта, нашли себѣ отраженіе въ дневникѣ. Я рѣдко заносилъ на бумагу свои „министерскія" впечатлѣнія, но на этотъ разъ чувствовалъ большое желаніе излить душу.

Изъ дневника.

13 апрѣля 1919 г. „Сегодня въ дневномъ засѣданіи принятъ земельный законъ исключительной важности. Принятъ семью противъ шести. Эта игра голосовъ становится невыносимою.

Какъ странно! Со мной шли *правые.* Мои предложенія поддерживалъ аграрій Мельниковъ, и именно поэтому къ нему не присоединились лѣвые: Шумиловскій, Преображенскій. А между тѣмъ Сукинъ передаетъ сплетню, что въ ставкѣ меня считаютъ соціалистомъ. Какъ это все несносно, и какая безнадежность кругомъ. Уйти—значитъ омыть руки. Оставаться —но кто поручится, что будетъ лучше! Притомъ, расходясь съ большинствомъ въ конструкціи закона, я согласенъ съ его конечными цѣлями: вѣдь мы всѣ сходимся на томъ, что реставраціи помѣщичьихъ владѣній не должно быть, и только выраженіе этой мысли избрано неудачно.

Подумаю. Завтра мнѣ предстоитъ возобновить работу Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. У меня на него большія надежды.“

14 апрѣля. „Уговариваютъ не подавать особаго мнѣнія, чтобы не демонстрировать разногласія по такому важному вопросу. Выяснилось, что Тельбергъ даже не докладываетъ особыхъ мнѣній Верховному Правителю. Только сегодня узналъ процедуру утвержденія законовъ адмираломъ. Нѣчто невѣроятное! Предсѣдатель Совѣта министровъ считаетъ свою роль исчерпанной послѣ того, какъ онъ проголосуетъ предложеніе и подсчитаетъ голоса. Докладываетъ все Тельбергъ. Стенограммы преній, которыя такъ старательно пишутся во время засѣданій, не сообщаются адмиралу. Хоть бы онѣ сохранились для исторіи! Какъ много въ нихъ поучительнаго. Адмиралъ никогда не знаетъ, какія разногласія возникаютъ въ Совѣтѣ министровъ, не знаетъ мнѣнія меньшинства.

Хороша система доклада—подсунуть къ подписи. „Подписано, такъ съ плечъ долой.“

И это не только наверху. Старый бюрократъ, который завѣдуетъ у Петрова земельнымъ отдѣломъ, представилъ въ Совѣтъ министровъ проектъ закона, не доложивъ ни одного изъ тѣхъ очень существенныхъ замѣчаній, ни одной изъ тѣхъ поправокъ, которыя предлагались при обсужденіи законопроекта въ совѣщаніи съ общественными дѣятелями. Хорошо, что я присутствовалъ на этомъ совѣщаніи и могъ воспроизвести нѣкоторыя детали. Какой общій упадокъ трудолюбія и добросовѣстности.

Петровъ говоритъ, что онъ немедленно внесетъ поправки къ закону, какъ только выяснятся его отрицательныя стороны. Для опыта имѣются всего одна, двѣ губерніи. Я опоздалъ. Уходить надо было послѣ декларацiи, когда мы (и я въ томъ числѣ) не сумѣли отстоять главнаго положенія: „возстановленія помѣщичьихъ земель производится не будетъ“. Теперь я только повторялъ то же самое. Самъ виноватъ.“

14 апрѣля вечеромъ. „Рѣшено, остаюсь. Если Совѣтъ министровъ поддается вліянію Сукина, который разводитъ руками— „какъ можно, молъ, не соглашаться съ вождями побѣдоносцаго войска“—и демонструетъ, находя подражателя въ Михайловѣ, свою преданность и солидарность со ставкою, то этого не будетъ въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи.

Сегодня было первое засѣданіе подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Я пригласилъ тѣхъ представителей земскихъ управъ, которые случайно находились въ Омскѣ.

Смотръ казакамъ.

Земцы и кооператоры поразили меня безсодержательностью. Одни только представители торговопромышленниковъ, Гавриловъ и кн. Крапоткинъ, дали свѣжій матеріалъ и приводили солидные аргументы. Но все же это много лучше келейнаго обсужденія проектовъ въ Совѣтѣ министровъ. Присутствіе корреспондентовъ подтягивало.

Итакъ, ставка на Совѣщаніе! Остаюсь и буду вести борьбу за дальнѣйшее привлеченіе общественности. Но удастся ли это?"

Финансы.

Въ засѣданіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, о которомъ говорится въ только что приведенной выпискѣ изъ дневника, обсуждался вопросъ объ изъятіи изъ обращенія такъ называемыхъ „керенокъ", т. е. денежныхъ знаковъ 20 и 40-рублеваго достоинства, выпущенныхъ во времена Керенскаго и напоминавшихъ скорѣе марки, чѣмъ деньги.

— А, вотъ оно! скажутъ тѣ, кто считаетъ, что именно керенками вырыта могила Омскаго Правительства. На Дальнемъ Востокѣ въ этомъ всѣ убѣждены, потому что изъятіе керенокъ нанесло здѣсь смертельный ударъ рублю.

Понять смѣлую финансовую реформу Омскаго Правительства можно, только воспроизведя общую обстановку середины апрѣля.

Арміи приближаются къ Самарѣ. Въ обозахъ противника захватываются печатные станки, изготовляющіе керенки для нуждъ фронта. Населеніе измѣряетъ керенки аршинами и заворачиваетъ въ нихъ колбасы.

Омскъ разсчитываетъ на дальнѣйшія побѣды. Въ этомъ всѣ убѣждены. Свѣдѣнія изъ совѣтской Россіи свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ печатаются керенки въ неимовѣрныхъ количествахъ и вездѣ, гдѣ только возможно. По справкамъ министерства финансовъ, совѣтская власть напечатала къ апрѣлю 1919 г. около 90 милліардовъ рублей, изъ которыхъ 80 милліардовъ — керенками. Къ этой массѣ присоединяется огромное количество искусныхъ поддѣлокъ. Министръ финансовъ демонстрировалъ образецъ поддѣлки — двадцатирублевый знакъ, обратная сторона котораго намѣренно оставлена была чистой. Всѣмъ было извѣстно, что на Востокѣ существуетъ хорошо организованная фабрикація поддѣльныхъ керенокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проникавшіе изъ совѣтской Россіи агитаторы вели усиленную пропаганду въ Сибири, пользуясь тѣми же керенками.

Реформа денежнаго обращенія выдвинута была такъ же, какъ и земельный вопросъ, перспективами всероссійскаго масштаба. Ея фундаментомъ были побѣды, и нельзя отрицать, что, если бы побѣды продолжались, то она скорѣе принесла бы пользу, чѣмъ вредъ.

Въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи были, однако, приведены представителемъ съѣзда торговопромышленниковъ существенныя данныя, говорившія о несвоевременности реформы. Запасъ сибирскихъ знаковъ настолько невысокъ, что Государственный Банкъ затрудняется обмѣнять на сибирскіе ветхіе романовскіе знаки. На Дальнемъ Востокѣ слухъ объ изъятіи керенокъ вызвалъ паденіе курса рубля. Не считаться съ денежнымъ рынкомъ Д. Востока нельзя, потому что тамъ совершается половина сдѣлокъ. Неизвѣстно и то, какъ отнесется къ реформѣ крестьянство, не потеряетъ ли оно довѣрія къ бумажнымъ деньгамъ вообще. Однимъ изъ членовъ Совѣщанія было указано еще на то, что польза замѣны керенокъ сибирскими сомнительна еще и потому, что сибирскіе еще легче поддѣлать, чѣмъ керенки.

Если всѣ ссылки на психологію населенія были гадательны, то фактическія данныя о *затруднительности обмѣна* и *легкости поддѣлки сибирскихъ знаковъ* казались неотразимыми. Всѣ ждали, что скажетъ министръ финансовъ.

Согласно протоколу засѣданія, напечатанному въ газетѣ („Правит. Вѣстн.“ № 122), министръ Михайловъ заявилъ: „изъ Америки идутъ колоссальныя установки для печатанія денегъ, которыя прибудутъ къ 1-15 мая“. Такимъ образомъ, министръ гарантировалъ, что ко времени обмѣна въ его распоряженіи будетъ достаточное количество денежныхъ знаковъ.

Не отмѣчено въ протоколѣ, но онъ сказалъ это: „сибирскіе знаки поддѣлывать труднѣе, такъ какъ на нихъ имѣются условные знаки“. Министръ финансовъ указалъ еще и на то, что командующіе арміями высказались въ пользу реформы.

Повторяю: понять реформу можно только съ учетомъ побѣдной психологіи апрѣля 1919 года. Но скепсисъ былъ даже у многихъ ея сторонниковъ, и только приведенныя заявленія министра финансовъ погасили его.

Весь составъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, кромѣ *воздержавшихся* торговопромышленниковъ, высказался въ пользу реформы.

Когда я, въ качествѣ предсѣдателя Совѣщанія, докладывалъ Верховному Правителю о всѣхъ приведенныхъ въ Совѣщаніи аргументахъ за и противъ реформы, онъ спросилъ меня: „а какъ

вы думаете?“ Я отвѣтилъ, что стою за реформу, въ виду того, что командующіе арміями ее одобряютъ, а министръ финансовъ утверждаетъ, что поддѣлка знаковъ стала столь же легкой, какъ и печатаніе этикетокъ, и что съ середины мая можно будетъ выпускать на американкахъ лучшіе знаки и унифицировать денежное обращеніе.

Реформа была осуществлена.

Прошло немного времени, и со всѣхъ концовъ стали раздаваться вопли. На фронтѣ жаловались на то, что солдатъ утратилъ „интересъ“ къ побѣдамъ, потому что захватъ керенокъ, въ качествѣ военной добычи, пересталъ давать ему барышъ. Внутри страны жаловались промышленники, потому что крестьяне перестали привозить товаръ на ярмарки, не зная, долговѣчны ли тѣ деньги, которыми имъ будутъ платить. Жаловались держатели керенокъ, потому что въ кассахъ не хватало сибирскихъ для обмѣна на керенки, и лица, вносившія казенные платежи или сбереженія керенками, чтобы сбыть ихъ, получали обратно опять керенки. На Дальнемъ Востокѣ началось стремительное паденіе рубля. Что же касается американскихъ установокъ, то онѣ запаздывали.

За реформу отвѣтственны всѣ: и оптимистическіе генералы, увѣрявшіе въ побѣдѣ, и Правительство, и Экономическое Совѣщаніе. Въ пользу реформы высказывались и ученые, какъ, напримѣръ, Масловъ, и практики-кооператоры, и банкиры, но больше всѣхъ виноватъ министръ финансовъ. Онъ больше, чѣмъ кто-либо, долженъ былъ взвѣсить послѣдствія своего смѣлаго шага.

Всѣмъ министрамъ было извинительно незнаніе дальневосточныхъ денежныхъ отношеній и вѣса предостереженій генерала Хорвата, но министру финансовъ не могло быть извинительно игнорированіе мнѣнія Харбина и предостереженій представителей торговопромышленниковъ: Гаврилова и кн. Крапоткина.

Реформа дѣйствительно оказалась гибельною, но все же надо помнить, что гибельность ея *окончательно* опредѣлило *только* ухудшеніе военныхъ дѣлъ. Легкомысленность реформы проистекала все-таки прежде всего изъ легкомысленной, какъ оказалось, оцѣнки военныхъ шансовъ. Этого гражданская власть не могла знать.

Законъ о керенкахъ перейдетъ въ исторію. Онъ будетъ учить будущія поколѣнія, какъ надо быть осторожными въ денежныхъ дѣлахъ во время революцій и гражданскихъ войнъ. У насъ такихъ историческихъ примѣровъ не было.

Было бы несправедливымъ, кромѣ того, по отношенію къ министру финансовъ не отмѣтить, что одновременно съ реформою

денежнаго обращенія, онъ стремился къ упорядоченію ввоза и вывоза. Почти одновременно при министерствѣ финансовъ былъ учрежденъ Комитетъ по внѣшней торговлѣ. Интересно, что за учрежденіе его при министерствѣ финансовъ подано было восемь голосовъ, семь было подано за министерство торговли. Расколъ Совѣта министровъ проявлялся постоянно.

Безъ переодѣванія.

Министръ юстиціи Старынкевичъ остроумно замѣтилъ по поводу новаго Комитета, что это второе Экономическое Совѣщаніе. Дѣйствительно, почти всѣ члены послѣдняго входили и въ Комитетъ. Происходило это по двумъ причинамъ. Первая—комическое соревнованіе общественныхъ организацій изъ-за числа мѣстъ. Если предоставлено мѣсто частнымъ банкамъ, сейчасъ же проситъ народный. Если предоставлено народному, частные просятъ два, въ виду неправильнаго соотношенія. Предоставлено мѣсто кооператорамъ—они сейчасъ же просятъ, чтобы каждый видъ кооперацiи былъ представленъ; за кооператорами тянутся казаки: каждое войско желаетъ имѣть по одному представителю. Когда положеніе о Комитетѣ слушалось въ Экономическомъ Совѣщаніи, то представитель Оренбургскаго казачества, генералъ Анисимовъ, заявилъ, что казачество больше интересуется представительствомъ въ Комитетѣ внѣшней торговли, чѣмъ въ Экономическомъ Совѣщаніи.

Второю причиною внѣшняго тождества различныхъ комитетовъ было то, что комитетовъ было больше, чѣмъ людей. Одни и тѣ же засѣдали въ различныхъ комитетахъ подъ различными названіями. Въ одномъ мѣстѣ они назывались Комитетомъ внѣшней торговли, въ другомъ—Экономическимъ Совѣщаніемъ, въ третьемъ—блокомъ. Трудно создавать государство въ некультурной и „безлюдной“ окраинѣ.

Учредительное Собраніе.

Продвиженіе въ Россію выдвинуло еще одинъ вопросъ общегосударственнаго значенія. Въ программу Правительства входилъ созывъ Учредительнаго, или, какъ его называли въ то время, Національнаго Собранія. Было своевременно опредѣлить, на какихъ началахъ оно будетъ созвано.

Когда Сибирское Правительство передавало власть Директоріи, оно выговорило созданіе особой комиссіи для разработки вопроса о представительномъ органѣ Сибири. Но предсѣдателя для этой

Адмиралъ Колчакъ вручаетъ знамя.

комиссіи не могли отыскать полгода, и, въ концѣ концовъ, рѣшено было создать одну комиссію по вопросу объ Учредительномъ Собраніи и объ областныхъ представительныхъ учрежденіяхъ. За это высказывались и Тельбергъ, авторъ новаго Положенія, и я, авторъ стараго. Часть Совѣта министровъ (сибиряки) стояли, однако, за учрежденіе двухъ комиссій. Опять большинствомъ только одного голоса (восьми противъ семи) прошло предложеніе объ одной, но и ту потомъ съ трудомъ создали, за отсутствіемъ подходящихъ людей.

Я высказывался за одну комиссію, преслѣдуя при этомъ опредѣленную цѣль. Мнѣ хотѣлось создать изъ этой комиссіи крупное общественное учрежденіе, въ которомъ должны были сосредоточиться *всѣ вопросы будущаго государственнаго устройства Россіи*. Насколько я могъ замѣтить, эту мысль понялъ только одинъ министръ юстиціи Старынкевичъ, который вскорѣ ушелъ въ отставку и пожелалъ занять мѣсто предсѣдателя комиссіи на предложенныхъ мною основаніяхъ.

Членъ Совѣта министровъ.

Занявъ мѣсто предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, я продолжалъ оставаться министромъ безъ портфеля. У меня не было никакой опредѣленной компетенціи. Это позволяло мнѣ останавливаться на различныхъ политическихъ вопросахъ, вдумываться въ опредѣленные законопроекты, поступавшіе на разсмотрѣніе Совѣта министровъ, и этимъ объясняется, что я выступалъ съ своими замѣчаніями или контр-предложеніями почти по всѣмъ большимъ вопросамъ. Но мои мнѣнія, если они не воспринимались Совѣтомъ министровъ, не оставляли никакого слѣда, потому что я не имѣлъ доклада у Верховнаго Правителя.

Управляющій дѣлами Тельбергъ создалъ такой порядокъ у Верховнаго, что рядовой министръ могъ съ трудомъ попадать къ нему разъ въ недѣлю. Исключеніе составляли самъ Тельбергъ и Сукинъ, которые бывали почти ежедневно. Вологодскій, повидимому, не ощущалъ никакой потребности въ свиданіяхъ съ Верховнымъ Правителемъ, онъ вошелъ въ роль предсѣдательствующаго въ *законодательномъ* органѣ—Совѣтѣ министровъ, добросовѣстно ее исполнялъ и былъ убѣжденъ, что на этомъ и заканчивается его роль. Всѣ общіе политическіе вопросы и о всѣхъ работахъ Совѣта министровъ докладывалъ Верховному Правителю Тельбергъ.

Три раза въ недѣлю у адмирала собирался Совѣтъ Верховнаго, въ составѣ Вологодскаго, Тельберга, Сукина, Михайлова и

Гаттенбергера. Обыкновенно въ Совѣтѣ присутствовалъ военный министръ генералъ Степановъ, и иногда генералъ Лебедевъ, начальникъ штаба. Въ этомъ Совѣтѣ сосредоточились окончательно всѣ дѣла управленія.

Когда я заявилъ Тельбергу, что хотѣлъ бы имѣть докладъ, какъ членъ Совѣта министровъ, онъ, едва ли спросивъ предварительно мнѣнія Верховнаго, отвѣтилъ мнѣ, что это неудобно, но вставилъ для меня полчаса въ недѣлю, какъ для предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Во всякомъ случаѣ, политическое значеніе моей должности, члена Совѣта министровъ безъ портфеля, было атрофировано.

Дѣла внутреннія.

Между тѣмъ, въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя выпекались блины изъ недоброкачественной муки. Рѣшенія, которыя приносились оттуда, поражали необдуманностью и неожиданностью.

31 марта былъ подписанъ приказъ о назначеніи генералъ-губернаторовъ: Розанова и Артемьева въ губерніи Енисейскую и Иркутскую, причемъ имъ предоставлялись права, перечисленныя въ отмѣненномъ Сибирскимъ Правительствомъ законѣ о военномъ положеніи. Если Совѣтъ министровъ сохранялъ еще власть управленія на территоріи между Иркутскомъ и Байкаломъ, то теперь онъ ее потерялъ совсѣмъ.

Въ Совѣтѣ же Верховнаго были утверждены условія соглашенія съ Семеновымъ, предложенныя генераломъ Ивановымъ-Риновымъ*). Но прошло десять дней, Калмыковъ и не думалъ ѣхать на фронтъ, Семеновъ укрѣпился, а Иванова рѣшили убрать съ Д. Востока, по докладу Сукина и генерала Будберга, которые указали на отрицательное впечатлѣніе, произведенное на Д. Востокѣ эксцентричными приказами Иванова. Чтобы убрать Иванова, постановили упразднить и самую должность помощника Верховнаго Уполномоченнаго на Д. Востокѣ. Система законодательства для лицъ, обнаруживающая слабость власти. Рѣшеніе, было, кромѣ того, недальновидно и безтактно, потому что оно было принято безъ вѣдома генерала Хорвата.

Вліяніе военныхъ круговъ все больше сказывалось. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гаттенбергеръ боролся противъ этого возрастающаго вліянія, но самъ онъ терялъ престижъ, въ виду неважныхъ своихъ отношеній какъ съ военнымъ министромъ, такъ и со ставкою и съ самимъ адмираломъ.

*) См. конецъ гл. XIV.

Генералъ Степановъ.

Стоявшій во главѣ военнаго министерства генералъ Степановъ, человѣкъ съ хорошимъ военнымъ образованіемъ, обнаруживалъ, однако, много бюрократизма. Военное министерство онъ раздулъ неимовѣрно, а вся постановка снабженія и формированія носила у него характеръ мертвой, бездушной системы. Стажъ Степанова — чисто кабинетный. Даже во время войны онъ былъ, большею частью, въ штабахъ, но самоувѣренности въ немъ было, хоть отбавляй. Онъ считалъ себя компетентнымъ во всѣхъ вопросахъ. Главнымъ образомъ, изъ-за Степанова, какъ военнаго министра, ушелъ министръ внутреннихъ дѣлъ Гаттенбергеръ. Впрочемъ, противъ Гаттенбергера очень настроены были правые круги, которые выдвигали кандидатомъ въ министры В. Н. Пепеляева.

В. Н. Пепеляевъ.

Братъ популярнаго генерала, В. Н. былъ сначала учителемъ исторіи въ Бійскѣ, потомъ членомъ Государственной Думы. Онъ подавалъ большія надежды, такъ какъ производилъ впечатлѣніе человѣка смѣлаго и рѣшительнаго. Этому много содѣйствовали крупная его фигура и зычный голосъ, производившій впечатлѣніе большой силы и твердости. Во время войны В. Н. работалъ на фронтѣ въ питательномъ отрядѣ, который самъ же сформировалъ. Въ первые дни революціи онъ былъ командированъ въ Кронштадтъ для возстановленія военной и гражданской власти. Тамъ онъ работалъ нѣкоторое время совмѣстно съ извѣстнымъ въ Сибири эсеромъ, Е. Е. Колосовымъ.

Въ іюлѣ 1917 года В. Н. уѣзжаетъ на фронтъ, гдѣ встрѣчается съ генераломъ Корниловымъ и поступаетъ добровольцемъ въ батарею 8-ой сибирской мортирной дивизіи. Въ серединѣ октября В. Н. былъ вызванъ въ Петроградъ для участія въ предпарламентѣ.

Съ момента большевистскаго переворота до іюля 1918 года В. Н. работалъ въ Петроградѣ и Москвѣ въ тайныхъ противобольшевистскихъ организаціяхъ; онъ былъ членомъ московскаго Національнаго центра. Въ августѣ 1918 года былъ командированъ Національнымъ центромъ въ Сибирь, куда и прибылъ черезъ большевистскій фронтъ вмѣстѣ съ тремя офицерами.

В. Н. участвовалъ въ предварительномъ Челябинскомъ Государственномъ Совѣщаніи, гдѣ занялъ непримиримую по отноше-

нію къ „Комучу" позицію. Отъ поѣздки на Уфимское Государственное Совѣщаніе отказался, не вѣря въ прочность власти, создаваемой копромиссомъ съ полубольшевиками.

В. Н.—одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ переворота 18 ноября.

Послѣ переворота онъ принялъ должность директора департамента милиціи, а потомъ—товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Повидимому, со стороны его побуждали къ дальнѣйшему движенію, для болѣе активнаго участія во власти.

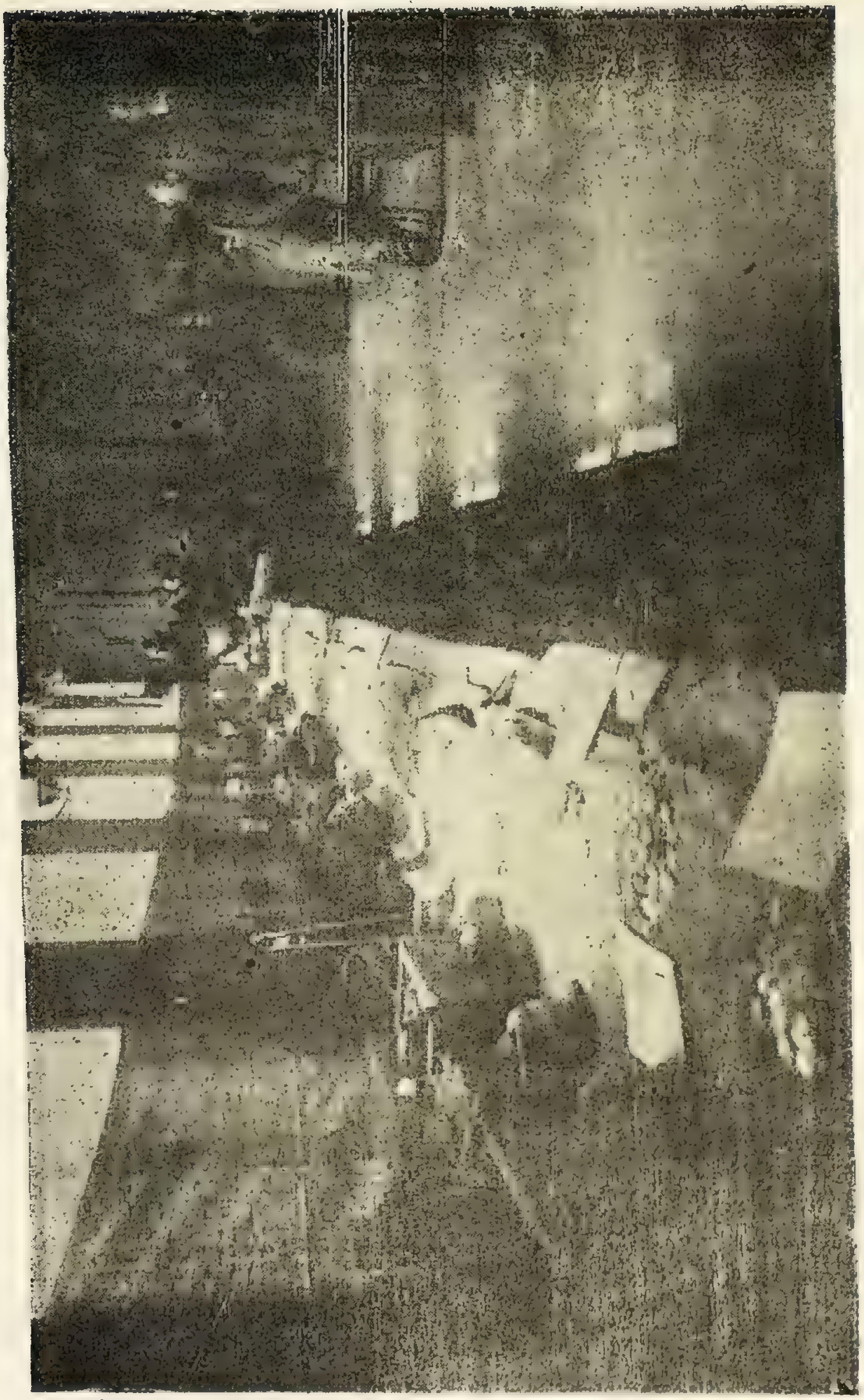
Незадолго до назначенія управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Пепеляевъ совершилъ поѣздку по Сибири и по возвращеніи указалъ, что считаетъ необходимымъ создать болѣе близкіе къ населенію органы власти (начальниковъ участковъ), усилить надзоръ за самоуправленіями, возстановить дисциплинарныя взысканія по отношенію къ волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ, ускорить судебную процедуру.

Въ этой программѣ обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе полицейской точки зрѣнія. Думалось, однако, что Пепеляевъ, какъ человѣкъ культурный, сумѣетъ пробудить и общественную солидарность. Какъ разъ въ то время прошла избирательная кампанія въ городахъ; она показала, что абсентеизмъ достигалъ 83%. Населеніе ушло въ область личныхъ интересовъ, забывъ объ общественныхъ. Активныя политическія группы лѣваго лагеря легко могли захватить самоуправленія въ свои руки. На министерство внутреннихъ дѣлъ ложилась тѣмъ болѣе трудная задача, что ему нужно было возстановить свое прежнее значеніе, покоривъ генераловъ. Пепеляеву было легче добиться этого, чѣмъ кому-либо другому. Онъ самъ былъ человѣкомъ военнымъ по духу, и военные круги привѣтствовали его назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Обновленіе кабинета.

Вслѣдъ за уходомъ Зефирова и Гаттенбергера, послѣдовали другія перемѣны.

Такъ называемая „группа Михайлова" дѣйствовала въ этомъ направленіи еще съ Пасхи. Вологодскій уѣхалъ въ отпускъ, а замѣнившій его Красновъ горячо убѣждалъ адмирала въ необходимости перемѣнъ въ Совѣтѣ. Соотношеніе восьми и семи голосовъ становилось невыносимымъ. Въ маѣ ожидался переѣздъ въ Омскъ министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ съ Сапож-



Золотой запасъ въ Омскѣ (выставка образцовъ монетъ).

никовымъ. Этотъ непартійный и подпадавшій подъ вліяніе министръ внесъ бы еще большую пестроту въ голосованіе. Старынкевичу вмѣнялась въ вину его бездѣятельность*) въ дни декабрьскаго бунта; онъ, кромѣ того, утомилъ всѣхъ длинными рѣчами и постоянною пикировкою съ Михайловымъ. Степанова считали негоднымъ военнымъ министромъ. Велась большая агитація противъ управлявшаго министерствомъ торговли Щукина, котораго обвиняли въ отсутствіи активности. Такъ, поиски политической солидарности, сливаясь съ личными симпатіями и антипатіями, привели, въ концѣ концовъ, къ уходу Старынкевича, Сапожникова и Щукина. Во избѣжаніе приглашенія новыхъ лицъ, мѣсто Старынкевича занялъ Тельбергъ, Сапожникова замѣнилъ его товарищъ Преображенскій, который фактически и раньше участвовалъ въ Совѣтѣ, какъ представитель министерства, пока оно находилось въ Томскѣ, и, наконецъ, министерство торговли временно поручено было Михайлову, котораго долженъ былъ замѣнить приглашенный изъ Парижа Третьяковъ.

Такимъ образомъ, Михайловъ оказался министромъ въ квадратѣ, такъ же, какъ и Тельбергъ, который, принявъ портфель министра юстиціи, сохранилъ, однако, и мѣсто управляющаго. Это было сдѣлано вопреки рѣшенію Совѣта министровъ, одобрившаго проектъ указа о назначеніи управляющимъ дѣлами одного изъ помощниковъ Тельберга.

Получилось не столько обновленіе, сколько сокращеніе состава Совѣта.

Опять о премьерѣ.

Когда въ мартѣ высказывалось большое недовольство бездѣятельностью Совѣта министровъ, вопросъ о премьерѣ былъ поставленъ въ первую очередь. Или Вологодскій уходитъ, или у него будетъ помощникъ, который поможетъ ему сдѣлать Правительство активнымъ. Но первая попытка назначить помощника Вологодскому не удалась, а работа наладилась, и онъ остался.

Теперь онъ самъ поднялъ вопросъ о своемъ уходѣ. Но кто же будетъ рѣшать этотъ вопросъ? Неужели самъ Совѣтъ министровъ? Это былъ бы такой печальный прецедентъ, такой источникъ происковъ и интригъ, что смѣна предсѣдателя принесла бы больше вреда, чѣмъ пользы. Нужно было разъ навсегда покончить съ этой системой, и Вологодскій опять остался.

*) Гл. XIV.

6-го мая нараставшій правительственный кризисъ, хотя и не безъ шероховатостей, былъ, наконецъ, разрѣшенъ. Нарывъ прорвался. Работа пошла усиленнымъ темпомъ.

Совѣтъ министровъ въ новомъ составѣ сталъ работать дружнѣе. Голосованіе стало единодушнѣе, законы стали проходить быстрѣе, а главное, исчезло томительное взаимное недовѣріе, которое, несмотря на то, что весь апрѣль былъ посвященъ ряду отвѣтственнѣйшихъ актовъ (земельные законы, Учредительное Собраніе, реформа Экономическаго Совѣщанія), постоянно сквозило раньше даже въ самые торжественные моменты большой работы.

Новый кабинетъ.

Совѣтъ министровъ, какъ я уже указывалъ, скорѣе сократился, чѣмъ обновился. Новыми были Пепеляевъ, Неклютинъ, Преображенскій.

Перваго уже знали, какъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

К. Н. Неклютинъ, въ которомъ сначала опасались увидѣть чисто буржуазнаго идеолога, представителя крупной промышленности (онъ былъ въ Самарѣ директоромъ-распорядителемъ и совладѣльцемъ одного изъ крупнѣйшихъ мукомольныхъ предпріятій и предсѣдателемъ биржевого комитета), оказался скромнымъ молодымъ человѣкомъ (32 лѣтъ), безпристрастнымъ и дѣловымъ, въ которомъ какъ-то вовсе не чувствовалось, что онъ былъ въ Самарѣ фактическимъ и признаннымъ руководителемъ торгово-промышленнаго класса.

П. И. Преображенскій былъ фактически членомъ Совѣта министровъ съ января 1919 г. Онъ состоялъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія въ Петроградѣ, при Мануйловѣ, какъ спеціалистъ по профессіональному образованію. Онъ извѣстный геологъ, много работавшій въ Сибири, уже пожилой человѣкъ, въ сравненіи съ своими коллегами по Совѣту министровъ (ему было 45 лѣтъ). Въ Совѣтѣ министровъ онъ былъ въ лѣвомъ крылѣ, какъ народный соціалистъ. Но дѣленіе на лѣвыхъ и правыхъ вообще въ работѣ не чувствовалось, политическія разногласія проявились только въ вопросѣ земельномъ и при обсужденіи проекта учрежденія комиссій объ Учредительномъ Собраніи, да и тогда причиной разногласій было скорѣе отсутствіе руководящей руки, чѣмъ расхожденіе по существу.

Ничто, такимъ образомъ, не мѣшало спокойной работѣ, и, дѣйствительно, ближайшіе мѣсяцы: май, іюнь, іюль, проходили без-

мятежно, безъ внутреннихъ треній и какихъ-либо личныхъ конфликтовъ.

Лебедевъ—военный министръ.

Военный министръ Степановъ ушелъ позже другихъ. Михайловъ и Сукинъ напрягали всѣ усилія для того, чтобы вытѣснить этого генерала, который, благодаря прежней совмѣстной работѣ съ адмираломъ на Д. Востокѣ, пользовался вліяніемъ на него, бывалъ часто запросто въ домѣ Верховнаго и, вѣроятно, кое-когда вредилъ другимъ. Ставка дѣйствовала тоже противъ Степанова.

Вопросъ разрѣшился совершенно неожиданно. Лебедевъ, котораго считали виновникомъ многихъ золъ, былъ внезапно назначенъ военнымъ министромъ, съ оставленіемъ въ должности начальника штаба. Совѣту министровъ дѣло было представлено такъ, какъ будто поглощеніе военнаго министерства ставкою является настоятельно необходимымъ, въ интересахъ улучшенія постановки формированій и снабженія, и въ то же время политически цѣлесообразнымъ, въ виду включенія въ составъ Совѣта начальника штаба—лица, которое раньше дѣйствовало совершенно самостоятельно и несогласованно.

Лебедевъ, однако, и послѣ новаго назначенія не появлялся въ Совѣтѣ министровъ. Вмѣсто него, сталъ ходить генералъ баронъ *Будбергъ,* который оказался солиднымъ и знающимъ человѣкомъ.

Въ отношеніи Совѣта министровъ можно было какъ будто сказать: „все обстоитъ благополучно".

Законность и порядокъ.

Петровъ, Пепеляевъ и я условились, что никакихъ личныхъ вопросовъ мы подымать больше не будемъ. „Группа" время отъ времени встрѣчалась, но ея бесѣды опять, какъ и раньше, зимою, стали чисто дѣловыми. Пепеляевъ говорилъ на этихъ бесѣдахъ о своихъ планахъ слиянія власти съ общественностью, Тельбергъ—о „законности и порядкѣ."

Мы ожидали отъ обоихъ смѣлыхъ и отвѣтственныхъ шаговъ. Рѣчь Тельберга, произнесенная имъ 15 мая, при пріемѣ чиновъ судебнаго вѣдомства, внушила большія надежды и обществу.

„Законность, охраняемая судами", сказалъ онъ,—„оборотная сторона такихъ понятій, какъ собственность, имущество, свобода личности.

„Законности нѣтъ въ Совѣтской Россіи, какъ нѣтъ тамъ ни собственности, ни имущественныхъ правъ, ни свободы личности. Этотъ духъ отрицанія закона, сквозь карантинную черту фронта, просачивается иногда и къ намъ, какъ опасная психическая зараза, и у насъ появляется кое-гдѣ, какъ въ органахъ власти, такъ и у обывателей, духъ неуважительнаго отношенія къ закону. Побѣдить большевизмъ на фронтѣ—задача нашей чудесной, здоровой и мужественной арміи. Побѣдить духъ большевизма въ тылу —отвѣтственная задача судебныхъ дѣятелей. *Только обѣ эти побѣды вмѣстѣ дадутъ намъ возможность спасти и возродить государство*".

Совершенно правильно указалъ дальше Тельбергъ и методъ поддержанія законности—„неуклонность".

„Неуклонность —это есть такой принципъ или такое стремленіе, чтобы каждое преступное дѣяніе обязательно доходило бы до судебнаго разбирательства, обязательно кончалось судебнымъ приговоромъ, чтобы *каждый приговоръ* обязательно приводился въ исполненіе, чтобы, такимъ образомъ, *каждое преступленіе* влекло за собою установленное *наказаніе*. Если намъ удастся планомѣрно и настойчиво осуществить это начало неуклонности, то намъ почти не понадобятся ни полевые суды ни смертныя казни".

Дальше министръ юстиціи высказалъ свою мечту: „*вывести судъ изъ городовъ на деревенскій просторъ.*" „Я предвижу," сказалъ онъ, „воскрешеніе почти библейскихъ картинъ, когда окружный судъ будетъ открывать свои засѣданія подъ вѣковымъ кедромъ сибирской тайги, комплектуя тутъ же составъ 12-ти присяжныхъ, воспроизводя здѣсь всю постепенность судебнаго засѣданія, тутъ же произнося приговоръ и передавая виновнаго въ руки исполнительной власти".

Неуклонность и быстрота судопроизводства, такъ идиллически изображенныя министромъ—это было какъ разъ то, что нужно. И если мы и не вѣрили въ осуществленіе этихъ началъ подъ вѣковымъ кедромъ, то ожидали все-таки разработки конкретныхъ мѣръ, для устраненія вопіющей медлительности уголовнаго суда.

Общественная поддержка.

Май 1919 г. былъ мѣсяцемъ великихъ надеждъ: Юденичъ началъ наступленіе на Петроградъ; на югѣ Россіи обрисовывалось мощное наступленіе Деникина; въ Сибири приближалась годовщина освобожденія отъ большевиковъ.

По прежнему получались привѣтствія, пожеланія, приговоры, но, къ сожалѣнію, этимъ поддержка почти исчерпывалась. Общество не работало на фронтъ и для власти, оно жило своею жизнью й помогало только *словами*.

Въ Иркутскѣ образовался блокъ, на подобіе омскаго. Онъ объединилъ партію народной свободы, народныхъ соціалистовъ, группу „Единство", потанинскій союзъ областниковъ-автономистовъ и торговопромышленниковъ.

На имя Вологодскаго отъ новаго блока прислано было привѣтствіе, въ которомъ выражалось убѣжденіе, что „Временное Россійское Правительство, возглавляемое Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, въ правѣ разсчитывать на поддержку политическихъ и общественныхъ организацій страны", и давалось обѣщаніе „облегчить Правительству достиженіе намѣченной имъ цѣли", въ ожиданіи, что Правительство будетъ опираться на демократически-прогрессивные элементы и созоветъ представительный законодательный органъ.

Какъ разъ въ это время ожидалось открытіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ новомъ пополненномъ составѣ. На него смотрѣли, какъ на переходный шагъ.

Привѣтствія союзниковъ.

Въ концѣ апрѣля адмиралу Колчаку были переданы черезъ генераловъ Жанена и Нокса привѣтствія Клемансо и британскаго военнаго министра.

„Я не сомнѣваюсь," телеграфировалъ Клемансо, „что сибирская армія, подъ руководствомъ своихъ выдающихся вождей, поддерживаемая качествами храбрости и выносливости, которыя она недавно доказала, осуществитъ ту цѣль освобожденія Россіи, которую *Вы себѣ поставили*."

Вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ получена была декларація французскаго правительства, переданная Пишономъ.

„Считаю своимъ долгомъ отъ себя и отъ имени всего французскаго народа принести поздравленія Франціи и высказать Вамъ чувства ея восхищенія передъ доблестью Вашихъ войскъ, которыя въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ нанесли пораженіе большевикамъ—*врагамъ человѣчества*.

Глубоко вѣря въ будущее Россіи, *единой* и свободной, мы будемъ продолжать оказывать Вамъ матеріальную и моральную поддержку, достойную того дѣла, на защиту котораго Вы встали.

Франція, сохранившая полное довѣріе къ русскому народу, и будучи убѣждена, что изъ Сибири придетъ возрожденіе, не сомнѣвается, что вся Россія въ цѣломъ вернется въ ряды союзниковъ, какъ только она сможетъ свободно выразить свою волю и окончательно изгнать захватившіе власть элементы безпорядка и анархіи, враждебные всякому организованному обществу".

Международная обстановка становилась все болѣе благопріятной Омскому Правительству.

Юго-Славія, эта самая преданная Россіи страна, положила начало оффиціальному признанію Правительства адмирала, увѣдомивъ, что она считаетъ назначеннаго въ Бѣлградъ посланника Штрандтмана полномочнымъ представителемъ Россійскаго Правительства.

Съ нетерпѣніемъ ожидали въ Омскѣ: что же скажетъ Америка?

Америка на Д. Востокѣ.

На Д. Востокѣ американскія экспедиціонныя войска вели себя такъ, что во всѣхъ противобольшевистскихъ кругахъ укрѣпилась мысль, что Соединенные Штаты желаютъ не побѣды, а пораженія антибольшевистскаго правительства.

Вотъ нѣкоторые факты.

Американское командованіе на Сучанскихъ каменноугольныхъ копяхъ (близъ гор. Владивостока), не поставивъ въ извѣстность администрацію предпріятія, разрѣшило рабочимъ копей созвать общее собраніе для обсужденія вопроса о бѣженцахъ изъ окрестныхъ деревень. Собраніе было созвано 24 апрѣля обычнымъ для большевистскихъ митинговъ способомъ—путемъ вывѣшиванія краснаго флага на зданіи Народнаго Дома. Происходило оно въ присутствіи представителя американскаго командованія, офицера американской арміи, который гарантировалъ ораторамъ неприкосновенность и неограниченную свободу слова.

Какъ явствуетъ изъ протокола собранія, участники митинга, заслушавъ бунтовщическую декларацію „партизанскихъ отрядовъ" (большевиковъ) и сообщенія лицъ, находящихся въ районѣ дѣйствій отрядовъ россійскихъ правительственныхъ войскъ, постановили: „обратиться къ американскому командованію съ предложеніемъ немедленно ликвидировать разбойничьи шайки колчаковцевъ, *въ противномъ случаѣ, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ,* бросимъ работы и перейдемъ на помощь своимъ братьямъ-крестьянамъ."

На второмъ аналогичномъ собраніи 25-го апрѣля была избрана делегація для посылки во Владивостокъ съ цѣлью доклада о

Группа иностранныхъ представителей вмѣстѣ съ министромъ Ив. Михайловымъ и тов. министра Сукинымъ при осмотрѣ золотого запаса.

постановленіяхъ собраній американскому командованію, причемъ капитанъ Февсъ, испросивъ разрѣшеніе своего полковника, любезно согласился поѣхать во Владивостокъ совмѣстно съ делегаціей.

Въ то время, какъ японцы вели энергичную борьбу съ большевиками на Д. Востокѣ и несли жертвы людьми, американцы не только отказывали имъ въ помощи, но еще и выражали сочувствіе инсургентамъ, какъ бы поощряя ихъ на новыя выступленія.

Появившись въ Верхнеудинскѣ для охраны дороги, американцы заявили, что противъ *народныхъ* возстаній они никакихъ мѣръ принимать не могутъ.

Нельзя было объяснять всѣ эти дѣйствія антияпонскимъ настроеніемъ Америки. Было видно, что въ Соединенныхъ Штатахъ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что такое большевики, и что американскій генералъ Гревсъ дѣйствуетъ по опредѣленнымъ инструкціямъ.

Начиная съ февраля, Омскъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы доставить въ Вашингтонъ документы и фактическія данныя о большевистскихъ звѣрствахъ и природѣ совѣтской власти.

Усилія эти не пропали даромъ. Въ началѣ мая получены были указанія изъ Америки, что „общественное мнѣніе ея начинаетъ явно склоняться въ сторону Омскаго Правительства. Многіе органы высказываются за признаніе адмирала Колчака. Бывшій президентъ Тафтъ напечаталъ статью, въ которой предостерегаетъ отъ какихъ бы то ни было сношеній съ русскими большевиками— „врагами всего человѣчества и міровой демократіи“.

Наконецъ-то!

Сообщеніе пяти державъ.

3 іюня Верховному Правителю вручено было сообщеніе, подписанное президентомъ Вильсономъ, Клемансо, Ллойдъ Джорджемъ, Орландо и японскимъ делегатомъ, маркизомъ Сайондзи.

Категорически удостовѣряя общее рѣшеніе о невозможности установленія какихъ-либо отношеній съ совѣтскою властью, представители великихъ державъ выразили желаніе получить освѣдомленіе по ряду вопросовъ. Если „тѣ, съ которыми они готовы вступить въ общеніе, придерживаются одинаковыхъ съ ними взглядовъ“, то онѣ „готовы оказать поддержку Правительству адмирала Колчака и объединившимся вокругъ него, а также помогать ему снабженіемъ и продовольствіемъ, съ тѣмъ, чтобы оно утвердилось въ качествѣ Всероссійскаго“.

Безъ промедленія былъ посланъ отвѣтъ. Политическія задачи власти были совершенно ясны адмиралу и его Правительству. Омскъ приступалъ къ творческой работѣ возрожденія хозяйственной жизни страны. Власть обновилась и оживилась. Фронтъ оставался устойчивымъ. На сѣверѣ энергичнымъ ударомъ былъ занятъ городъ Глазовъ.

Адмиралъ Колчакъ поднялся на высоту, и передъ его глазами уже бѣлѣли стѣны Кремля, и сіяли куполы московскихъ церквей.

Глава XVII.

На Уралѣ.

Апрѣльскій планъ большой министерской поѣздки по Сибири не удался. Сначала помѣшали политическіе вопросы, требовавшіе присутствія въ Омскѣ всѣхъ отвѣтственныхъ лицъ, потомъ задерживали вопросы преобразованія кабинета, а потомъ тина законодательной работы, засосавшая весь омскій механизмъ, не дававшая выбраться на свободу больше, чѣмъ на недѣлю.

Въ маѣ Верховный Правитель предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ на Уралъ, на фабрично-заводскій съѣздъ. Какъ Предсѣдатель Экономическаго Совѣщанія, я не могъ не интересоваться состояніемъ промышленности Урала, а какъ членъ Совѣта министровъ, я обрадовался случаю увидѣть собственными глазами, что дѣлается на мѣстахъ, вблизи фронта. Мнѣ предстояло ѣхать въ царство нераздѣльнаго властвованія военныхъ.

Письмо одного начальника края.

Для управленія Ураломъ была учреждена должность начальника края, на которую былъ назначенъ инженеръ Постниковъ. Онъ дѣйствовалъ, какъ генералъ-губернаторъ, но былъ подчиненъ командующему арміей. Въ началѣ апрѣля Постниковъ ушелъ въ отставку, а о мотивахъ отставки сообщилъ особымъ письмомъ, которое было зачитано въ Совѣтѣ министровъ, какъ обвинительный актъ противъ мѣстнаго и центральнаго управленія. Много было въ этомъ письмѣ жестокой правды, и оно не осталось безрезультатнымъ.

Письмо настолько интересно, что я самъ много разъ перечитываю его безъ скуки.

„Запросъ о мотивахъ моей отставки", говорится въ письмѣ, „могу понимать двояко: формально и для простоты—вслѣдствіе переутомленія. По существу же, главныя основанія слѣдующія:

1) Диктатура военной власти.

Съ возстановленіемъ ст. 91 Устава о полевомъ Управленіи войскъ, военныя власти, отъ самыхъ старшихъ до самыхъ младшихъ, распоряжаются въ гражданскихъ дѣлахъ, минуя гражданскую непосредственную власть. *Незакономѣрность дѣйствій, расправа безъ суда, порка даже женщинъ, смерть арестованныхъ „при побѣгѣ“*, аресты по доносамъ, преданіе гражданскихъ дѣлъ военнымъ властямъ, преслѣдованіе по кляузамъ и проискамъ, когда это проявляется на гражданскомъ населеніи—начальникъ края можетъ только быть свидѣтелемъ происходящаго. Мнѣ неизвѣстно еще ни одного случая привлеченія къ отвѣтственности военнаго, виновнаго въ перечисленномъ, а гражданскихъ лицъ сажаютъ въ тюрьму по одному наговору.

Уполномоченный по охранѣ дѣйствуетъ независимо отъ начальника края. Тоже и военный контроль.

Военные, не знающіе ни Урала ни промышленности, разбираютъ сложные промышленные вопросы, критикуя спеціалистовъ. Транспортъ исключительно въ рукахъ военныхъ, ни во что не считающихъ надобности населенія. Все, что пишу въ этомъ сообщеніи, обосновано на фактахъ.

2) Продовольствія на Среднемъ и Сѣверномъ Уралѣ нѣтъ, потому что желѣзныя дороги его не перевозятъ. Все использовано подъ эшелоны. Даже у интендантства на дняхъ было 15 вагоновъ, при суточномъ расходѣ въ 11. Между тѣмъ въ 250 верстахъ, въ Шадринскѣ, лежитъ готоваго хлѣба 400 вагоновъ. Вообще, хлѣбъ есть, но обѣщанія командарма выдѣлить часть состава для перевозокъ, данныя еще въ ноябрѣ, потомъ подтвержденныя—не выполняются.

То, что начальникъ военныхъ сообщеній обѣщаетъ сегодня, завтра же не выполняется. Ѣсть населенію нечего, и приходится покупать хлѣбъ, привезенный гужомъ за 300 верстъ, или отъ спекулянтовъ. Рабочіе говорятъ: „прибавокъ для удовлетворенія спекулянтовъ, или хлѣба“. Всѣ попытки добиться распоряженія въ первую очередь перевезти продовольствіе для интендантства, сѣмянной матеріалъ, хлѣбъ для населенія—игнорируются. Населеніе доводится до отчаянія, а съ голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу.

3) Министерство торговли и промышленности.

Мы не знаемъ дѣятельности министерства торговли и промышленности въ Омскѣ, но для насъ оно не существуетъ. Ни одно обращеніе къ нему не получаетъ отвѣта. Въ видѣ исключенія, подписали обязательное постановленіе по золотопромышлен-

ности, но и оно лежитъ не оглашеннымъ, потому что министерство не отвѣчаетъ, будетъ оно распубликовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, или нѣтъ. Представленія лицъ на утвержденіе въ старшихъ должностяхъ остаются безъ движенія по 3 мѣсяца. Къ денаціонализаціи, даже къ подготовительнымъ разсчетамъ, еще не приступлено. Министерствомъ труда проведенъ законъ о больничныхъ кассахъ, непримѣнимый въ жизни—очевидно, потому, что министерство торговли и промышленности на него не реагировало. Отжившій законъ о продажѣ желѣза не переработанъ и т. д.

Общіе вопросы министерство не рѣшаетъ; а висѣть безъ конца въ воздухѣ они не могутъ. При такихъ условіяхъ тоже нельзя руководить промышленностью.

4) *По рабочему вопросу* каждое вѣдомство дѣйствуетъ по своему, почему тренія идутъ все время. Напримѣръ, въ Перми желѣзная дорога, морское вѣдомство и пушечный заводъ—всѣ платятъ разно и на различныхъ условіяхъ.

Штаты по инспекціи труда не утверждены 3 мѣсяца, и при такихъ условіяхъ идти въ инспекцію никто изъ основательныхъ лицъ не желаетъ.

5) *Земельный вопросъ* остается въ рамкахъ газетныхъ сообщеній, и опредѣленныхъ отвѣтовъ населенію давать нѣтъ возможности.

6) На голодномъ Уралѣ *недостатокъ рабочихъ*, и, пока хлѣбъ не придетъ, они не прибудутъ. Поэтому рабочихъ на болѣе трудныхъ работахъ вовсе нѣтъ, и въ результатѣ рубка дровъ почти прекратилась. Уралъ выплавляетъ въ мѣсяцъ 1 милліонъ, вмѣсто 4 милліоновъ 1916 года, и то сжигаетъ старые дрова. Дальше будетъ еще хуже, когда кончатся запасы. Г. г. военные не понимаютъ, что значитъ ни во что не считать тылъ.

. . . .

10) *Земскія* учрежденія дѣйствуютъ съ освобожденія, расходы на нихъ идутъ, а притока средствъ нѣтъ. Налоги за 1918 и 1919 годы еще не утверждены. Главные плательщики, округа и заводы, безъ средствъ. Земство докладывало Верховному Правителю о критическомъ положеніи.

Ходатайство о ссудѣ въ Омскъ представлено, но еще не рѣшено. Въ опозданіи обращенія за ссудой виновато само земство, но учрежденія его, школы, больницы въ томъ не повинны, и деньги давно нужны, и въ большихъ суммахъ. Необходима помощь Правительства. Большевики давали керенки во всѣ стороны, а но-

вая власть не даетъ, и нужда на мѣстахъ острая, вызывающая ропотъ. Учитывая политическую обстановку, необходимо дать сюда денегъ авансомъ, разбираясь въ деталяхъ позже. Теперь же много не исправить и деньгами.

11) Въ губерніи тифъ, особенно въ Ирбитѣ. Тамъ ужасы въ лагеряхъ красноармейцевъ: умерло за недѣлю 178 изъ 1.600. Здоровые питаются по 90 коп. въ сутки, немытые, на голомъ полу. Повидимому, всѣ они обречены на вымираніе, а зараза на весь городъ. Въ Екатеринбургѣ 730 больныхъ. Помощь по всей губерніи нужна очень широкая и безъ особыхъ формальностей, выполненіе которыхъ не всѣмъ разогнаннымъ управамъ по силамъ. Нужно дать Ирбиту сразу тысячъ 200-300, Екатеринбургу—500-700, а то, что отпущено, достаточно на нѣсколько дней, идетъ на пропитаніе и совершенно недостаточно на организацію постановки раціональнаго леченія.

12) Никто спокойно не работаетъ: всѣ опасаются преслѣдованія. Торговцы, не спекулянты, опасаются вести дѣла, потому что въ этой атмосферѣ и ихъ замѣшаютъ въ спекуляцію. Несмотря на запугиваніе, спекулянтовъ военные не поймали, а другихъ отъ торговли отодвинули. Населенію отъ этого еще хуже.

13) Мной неоднократно докладывалось, что *медленность рѣшенія вопросовъ* по всѣмъ вѣдомствамъ въ Омскѣ, а главное, нерѣшеніе ихъ по мин-ву торговли и промышленности требуетъ, въ видѣ особой временной мѣры, предоставленія широкихъ правъ мѣстной администраціи. Это не дается, а скорость въ Омскѣ не увеличивается.

Изложилъ только главное, и то оказалось слишкомъ длиннымъ.

Руководить краемъ голоднымъ, удерживаемымъ въ скрытомъ спокойствіи штыками—не могу. Не могу удержать промышленность въ такихъ условіяхъ здѣсь, при бездѣйствіи министерства торговли и промышленности въ Омскѣ. Не могу бороться съ военной диктатурой. Не могу измѣнить порядокъ хода дѣлъ въ Омскѣ: для того не призванъ и не компетентенъ".

Постниковъ ушелъ. Его письмо было лучше, чѣмъ онъ самъ. И его обвиненія остались въ памяти министровъ. Письмо получено было въ серединѣ апрѣля, а я ѣхалъ въ Екатеринбургъ въ началѣ мая, и уже многое было исправлено. Съѣздъ долженъ былъ помочь въ этомъ.

Первыя впечатлѣнія.

Поѣздъ шелъ до Екатеринбурга 18 часовъ. По всей линіи наблюдался удивительный порядокъ. Пассажирскіе поѣзда ходили

по расписанію, со старорежимною точностью. На станціяхъ принимались санитарныя мѣры: пути были посыпаны известью. Сторожа, какъ и раньше, по приходѣ поѣзда, становились сзади него и стояли съ флагомъ въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не скрывался изъ виду. Никто не зналъ, для чего это дѣлается, но обычаи старины хранятся свято.

Въ Тюмени былъ произведенъ осмотръ мастерскихъ, говорили съ рабочими.

Мастерскія допотопныя, совершенно не соотвѣтствующія потребностямъ движенія—живой свидѣтель того, какъ отстало оборудованіе Сибирской желѣзной дороги отъ потребностей новаго времени и новыхъ непредвидѣнныхъ задачъ. Выясняется, что многое могло бы быть исправлено при условіи большей свободы путейскаго вѣдомства въ расходованіи средствъ. Старыя формы контроля, предоставляющія контролеру право „вето" во всѣхъ расходахъ, связываютъ начальниковъ дорогъ по рукамъ и ногамъ.

Условія работы тяжелы, но не лѣтомъ, а зимой, когда приходится работать въ помѣщеніи, гдѣ съ одной стороны дышитъ леденящій сорока-градусный морозъ, потому что одна сторона зданія открыта, а съ другой—жаръ раскаленныхъ печей и пламя огня.

Но рабочіе жалуются не на это, а на условія снабженія. Все стоитъ дорого, все трудно достать, а желѣзнодорожный кооперативъ бездѣйствуетъ.

— Намъ нужно служить, а мы должны думать о томъ, какъ достать мясо, мануфактуру и керосинъ.

— Почему же кооперативъ не закупаетъ всего этого?

— Никто не умѣетъ взяться, да и не любятъ заниматься хозяйственными дѣлами.

Вотъ оно! На политику мы готовы убить мѣсяцы, а на организацію хозяйственныхъ заготовокъ у насъ нѣтъ ни времени ни умѣнія.

Передъ съѣздомъ.

Но вотъ мы въ Екатеринбургѣ, наканунѣ открытія большого съѣзда. Никто не отдавалъ себѣ отчета, зачѣмъ созванъ этотъ съѣздъ, какъ его провести.

Инициатива исходила отъ адмирала.

Его желаніе понято было, какъ приказъ. По всѣмъ заводамъ было разослано приказаніе избрать делегатовъ на съѣздъ и делегатамъ прибыть къ 10 мая въ Екатеринбургъ. Управляющіе за-

водами приказъ читали, подписывали обязательство исполнить и стекались къ указанному сроку въ столицу Урала. Ѣхали и владѣльцы пивоваренныхъ заводовъ, и канатнаго производства, и стекла, и бумаги, ѣхали и кустари отъ овчины и кожи. Словомъ, ѣхалъ всякій народъ, не зная, зачѣмъ зоветъ начальство. А нужно-то было только однихъ металлургистовъ.

Адмиралъ пожелалъ созвать съѣздъ, потому что слышалъ о неправильности распредѣленія заказовъ, о нуждахъ заводовъ, которыя несвоевременно удовлетворяются, и онъ хотѣлъ узнать отъ самихъ владѣльцевъ и управителей, какъ лучше организовать управленіе.

Съ другой стороны, промышленники ѣхали въ надеждѣ обезпечить себѣ выгодныя цѣны и рабочія руки.

Утромъ, въ день открытія съѣзда, адмиралъ пригласилъ меня къ себѣ, и мы составили съ нимъ планъ его рѣчи.

Боевыми вопросами были: приравненіе желѣзнодорожныхъ заказовъ къ военнымъ, что было очень важно, въ виду хозяйничанья на заводахъ военныхъ представителей, милитаризація труда и расцѣнки. Безъ всякихъ колебаній, адмиралъ отклонилъ мысль о прикрѣпленіи рабочихъ къ заводамъ, о чемъ многіе въ то время серьезно поговаривали.

Бесѣдуя съ адмираломъ, я замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то озабоченъ. Передо мной онъ принималъ военныхъ. Во время завтрака я былъ чуть ли не единственнымъ гражданскимъ лицомъ въ большомъ вагонѣ-столовой. Разговоры шли объ измѣнникахъ-офицерахъ, которые служатъ красной арміи. Я пробовалъ защищать ихъ, сопоставляя съ чиновниками, которые тоже служатъ, но моя защита не имѣла успѣха—адмиралъ сказалъ: „офицеръ долженъ умѣть умирать.“ Говорили много объ особенностяхъ войны съ большевиками.

Рядомъ со мной сидѣлъ генералъ небольшого роста, очень напыщенный. Я не думалъ тогда, что онъ окажется на такихъ крупныхъ роляхъ, какія выпали на его долю. Это былъ Сахаровъ, впослѣдствіи неудачный Главнокомандующій.

Съѣздъ.

Огромный залъ былъ переполненъ. Однихъ участниковъ съѣзда присутствовало до 600 человѣкъ.

Адмиралъ сначала прочелъ заготовленную рѣчь, потомъ сказалъ нѣсколько словъ отъ себя, и вышло это у него очень хо-

рошо. Обезпеченіе рабочаго продовольствіемъ и предметами первой необходимости, установленіе для него надлежащихъ нормъ оплаты труда, извлеченіе изъ арміи незамѣнимыхъ квалифицированныхъ рабочихъ съ сохраненіемъ ихъ военнослужащими, сказалъ адмиралъ, сдѣлаютъ больше, чѣмъ милитаризація заводовъ или военное ихъ управленіе.

Съѣздъ встрѣтилъ и проводилъ Верховнаго Правителя очень тепло. Предсѣдательствованіе перешло ко мнѣ.

Вопреки ожиданію, работы съѣзда прошли быстро, гладко и съ пользой.

Было образовано 10 секцій: горнозаводская, кожевенная, овчинно-шубная и валеной обуви, мукомольная, лѣсопромышленная, золото и платино-промышленная, химическая и мыловаренная, кустарная и мелкофабричная, сельско-хозяйственная и текстильная.

Въ секціяхъ выяснилось, что всѣ отрасли промышленности испытали тяжелое потрясеніе. Большевистскія разрушенія, сдѣланныя въ 1918 году, черезъ годъ стали сказываться сильнѣе, потому что всѣ заводы были раньше обезпечены большими запасами руды и топлива.

Отъ Правительства требовалось очень многое, но, какъ выяснилось тутъ же, при совмѣстномъ обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ съ представителями Правительства, многое могло быть удовлетворено немедленно. Тутъ же было рѣшено отпустить заводамъ часть заготовленнаго казною хлѣба, предоставивъ въ ихъ распоряженіе нѣкоторыя транспортныя средства, отпустить квалифицированныхъ рабочихъ. Децентрализація власти, разрѣшеніе на мѣстахъ, совмѣстно съ заинтересованными людьми, текущихъ хозяйственныхъ вопросовъ, уничтоженіе мертвящаго бюрократизма центральныхъ учрежденій—вотъ что оказалось наиболѣе необходимымъ, и я далъ слово, что добьюсь этого въ Омскѣ.

Несмотря на несомнѣнныя противорѣчія представленныхъ на съѣздѣ интересовъ, противорѣчія, которыя не могли не проявиться въ резолюціяхъ секцій, что и отмѣтилъ уральскій дѣятель, Л. А. Кроль, мнѣ удалось устранить острыя столкновенія примиряющею резолюціею, и я закрылъ съѣздъ рѣчью, которой, какъ мнѣ передавали потомъ, удовлетворилъ ожиданія большинства, подчеркнувъ взаимныя обязанности въ отношеніи къ населенію и государству.

„Я буду счастливъ“, сказалъ я, „охарактеризовать Верховному Правителю государственное настроеніе, которое здѣсь сказалось. Позволю себѣ охарактеризовать это настроеніе въ формѣ

шаблонной: „къ старому возврата нѣтъ“. Но въ эту шаблонную форму я буду вкладывать не шаблонное содержаніе. Я считаю, что нѣтъ возврата не только къ старому въ смыслѣ дореволюціонномъ, но и къ революціонному старому.

Въ дореволюціонный періодъ очень многіе несли тяжелыя обязанности и не имѣли правъ, и были немногіе, которые были облечены большими правами, но не всегда сознавали свои обязанности. Революціонный періодъ не все измѣнилъ къ лучшему. Онъ измѣнилъ соціальную психологію въ сторону стремленія къ освобожденію отъ обязанностей и требованію однихъ только правъ. Если нѣтъ возврата къ старому дореволюціонному, пусть не будетъ возврата и къ этому старому революціонному. Мы входимъ въ новую фазу, когда всѣ должны имѣть права, но всѣ должны имѣть и обязанности.

Какія же обязанности лежатъ на промышленномъ классѣ?

Первая ихъ обязанность—напрячь всѣ силы къ тому, чтобы промышленность производила прежде всего то, что нужно для Россійскаго государства, а не то, что выгодно. И въ этомъ интересъ не только государства, но и самой промышленности, такъ какъ государственные интересы есть интересы каждаго класса въ отдѣльности. Не можетъ быть богатства въ государствѣ, гдѣ финансовое положеніе въ состояніи крушенія. Финансы же государства не могутъ улучшиться, пока не будетъ увеличена производительность. Не можетъ быть спокойнаго благополучія промышленнаго класса, пока идетъ гражданская война, и постоянно угрожаетъ опасность уничтоженія самыхъ предпріятій. Поэтому долгъ и интересы промышленниковъ—помочь Правительству возродить экономическую жизнь страны, помочь государству окрѣпнуть.

Вторая обязанность промышленниковъ—ограничить свои требованія. Мы видѣли, что всѣ отрасли промышленности нуждаются въ одномъ и томъ же. Всѣхъ удовлетворить нельзя. И нужно напрячь силы, чтобы ограничиться самымъ необходимымъ въ требованіяхъ, обходясь собственными силами, гдѣ только это можно.

Есть свои обязанности и права и у Правительства. Правители страны—первые слуги государства и обязаны попеченіемъ о нуждахъ промышленности, какъ и о всѣхъ остальныхъ видахъ экономической жизни государства.

На первомъ планѣ стоитъ передъ Правительствомъ обязанность содѣйствія крестьянству и промышленному классу, потому что только эти двѣ силы могутъ возсоздать экономическую мощь

государства. Эта обязанность Правительства при современныхъ условіяхъ очень тяжела.

Правительство имѣетъ и права, которыми оно будетъ пользоваться. Оно создастъ особый полномочный органъ для обслуживанія уральской промышленности, но, возлагая на него обязанности, дастъ ему и права—взысканія, контроля, требованій. Но, я думаю, меньше всего нужны будутъ взысканія. Общее настроеніе съѣзда достаточно показываетъ, что Правительство можетъ разсчитывать на полную поддержку и удовлетвореніе его требованій.

Заканчивая нашу работу, мы можемъ разойтись съ увѣренностью, что работа наша не пропадетъ даромъ, потому что мы будемъ работать сообща, общими усиліями."

Бесѣда съ Постниковымъ.

— Сдѣлано ли что-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ вы ушли? спросилъ я Постникова на съѣздѣ.

— Да, отвѣтилъ онъ и на поляхъ своего письма сдѣлалъ рядъ отмѣтокъ противъ каждаго обвинительнаго пункта.

„Диктатура" смягчается и цивилизуется. Одновременно послѣдовалъ рядъ приказовъ, насаждающихъ законность.

Верховный Правитель отдалъ приказъ № 128: „Войска должны вести себя такъ, чтобы населеніе относилось къ нимъ съ уваженіемъ и благодарностью, нужно, чтобы войска бережно относились къ нуждамъ крестьянъ и вообще населенія, бережно относились и къ имуществу, ничего не разрушая самовольно и не позволяя себѣ ничѣмъ пользоваться даромъ, а тѣмъ болѣе не посягать на личную неприкосновенность."

Генералъ Гайда, какъ разъ ко дню открытія съѣзда, издалъ приказъ, которымъ увеличилъ, до смертной казни включительно, наказаніе за истязанія и жестокости, допущенныя при отправленіи должности.

10 мая Гайда утвердилъ приговоръ о присужденіи къ 20 годамъ каторги коменданта Зотова, допустившаго самовольные разстрѣлы.

Эти приказы и удостовѣряли наличность беззаконій и начинали безпощадную борьбу съ ними.

Далѣе Постниковъ отмѣчаетъ, что за послѣднія три недѣли для подвоза продовольствія примѣняется система маршрутныхъ поѣздовъ, и армія уже засыпана зерномъ настолько, что 11 мая, во время съѣзда, оказалось возможнымъ отпустить 600 вагоновъ хлѣба для заводскаго населенія.

Земельный вопросъ разрѣшенъ апрѣльскою декларацiей и законами.

Бюрократизмъ дѣлаетъ уступки, соглашаясь на учрежденiе должности уполномоченнаго по уральской промышленности. Рядъ стѣснительныхъ для финансированныхъ уральскихъ предпрiятiй правилъ отмѣненъ. Земствамъ выдано 15 миллiоновъ ссуды. Словомъ, жизнь пошла правильнымъ и здоровымъ путемъ.

Визитъ Калашникова.

Ко мнѣ въ вагонъ пришелъ капитанъ Калашниковъ, одинъ изъ близкихъ сподвижниковъ Гайды. Я видѣлъ его во Владивостокѣ и Иркутскѣ еще подпоручикомъ, но уже помощникомъ командующаго войсками округа.

Будущiй предводитель народно-революцiонной армiи въ иркутскомъ возстанiи въ декабрѣ 1919 года, погубившiй окончательно дѣло, для котораго самъ много работалъ, и попавшiй, въ благодарность за содѣйствiе, въ большевистскую тюрьму—производилъ на меня впечатлѣнiе человѣка искренняго и порядочнаго.

Онъ посѣтилъ меня, какъ старый знакомый, разсказывалъ о дѣятельности просвѣтительнаго отдѣла въ сибирской армiи, просилъ о расширенiи средствъ, и затѣмъ сталъ говорить о политикѣ.

— Почему вы не удалите Лебедева? Вѣдь это врагъ Правительства, онъ вамъ мѣшаетъ! Это отъявленный реакцiонеръ.

— Это преувеличено. Откуда у васъ такiя свѣдѣнiя?

— Здѣсь дѣлалъ въ апрѣлѣ секретный докладъ министръ Михайловъ.

— А!

Это разоблаченiе было мнѣ въ высшей степени непрiятно.

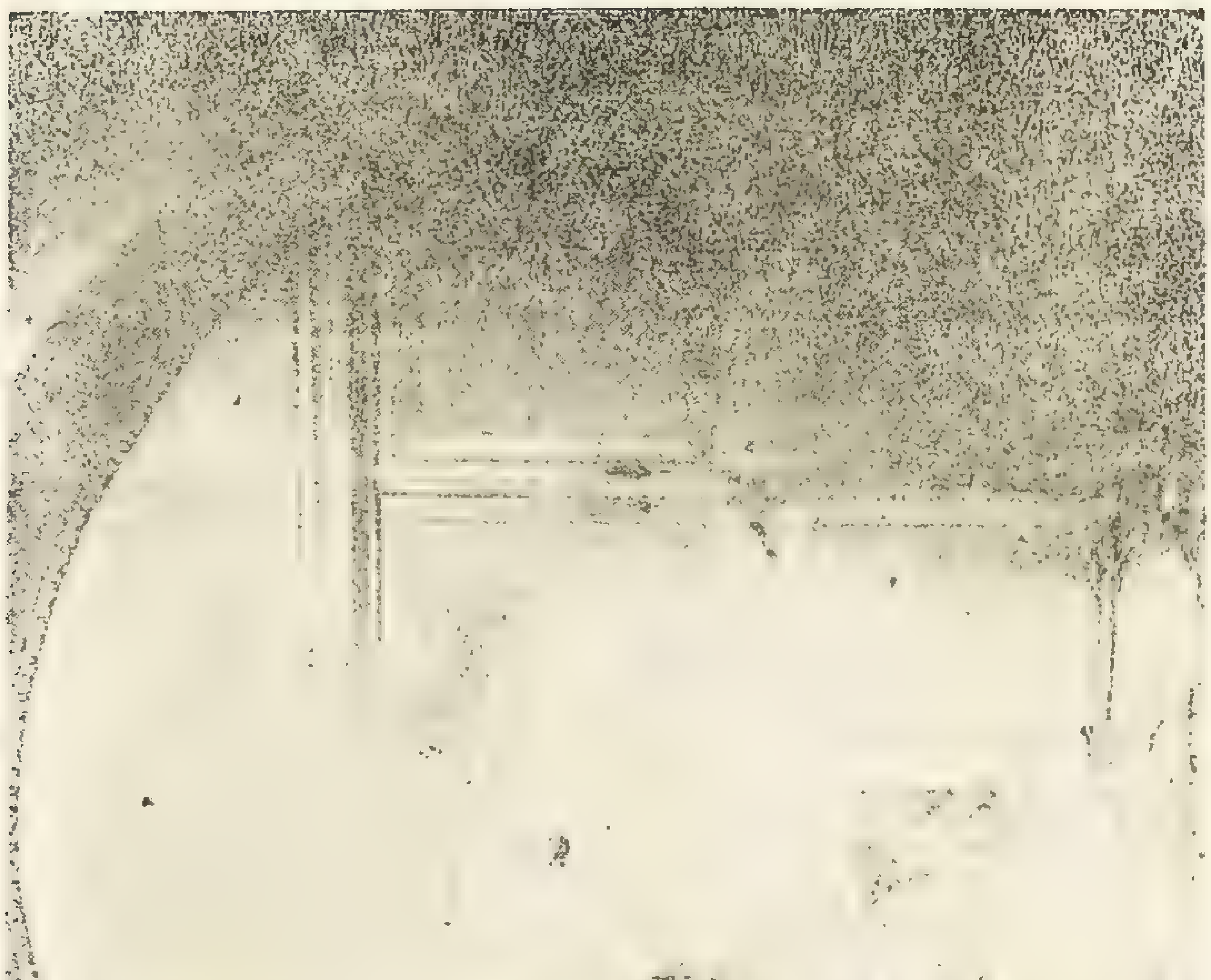
Я постарался выяснить Калашникову, что роль Лебедева вовсе не такъ велика, какъ онъ думаетъ, что нѣкоторыя разногласiя дѣйствительно были, но что адмиралъ въ политикѣ солидаренъ съ Совѣтомъ министровъ, и потому никакой надобности въ рѣшительной борьбѣ нѣтъ. Совѣтъ министровъ уже преобразовался, сталъ солидарнѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнѣе.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Калашниковъ, вы знайте, что армiя стоитъ за васъ и противъ Лебедева, и вы найдете, на кого опереться, если рѣшительно выступите.

Мы простились.

Въ апрѣлѣ Михайловъ ѣздилъ въ Пермь и Екатеринбургъ. Смыслъ его загадочной поѣздки нѣсколько для меня раскрылся.

Я поѣхалъ къ Гайдѣ.



Комната Ипатьевскаго дома, гдѣ убита царская семья.

У Гайды.

Онъ сидѣлъ за столомъ противъ огромной карты. На шеѣ его красовался орденъ Георгія 3-ей степени. На генеральскихъ погонахъ были уже три звѣздочки.

Зачѣмъ такая быстрота производства и легкость наградъ? думалось всегда при видѣ этихъ юныхъ генераловъ.

Гайда сталъ мнѣ объяснять свой военный планъ. Спустя десять дней, онъ возьметъ Вятку и разобьетъ сѣверную армію противника. Съ полной увѣренностью въ успѣхѣ онъ показывалъ мнѣ на картѣ, какъ онъ загонитъ красныхъ въ болота.

Потомъ онъ сталъ жаловаться на неясность общаго плана кампаніи. Ставка тянетъ на югъ, на соединеніе съ Деникинымъ, а онъ, Гайда, считаетъ, что Москву надо брать съ сѣвера. Соединеніе съ Архангельскомъ сразу улучшитъ снабженіе арміи, англичане гарантируютъ большой подвозъ всего необходимаго.

— А хлѣбъ? Весь сѣверъ голодаетъ.

— Это, конечно, препятствіе, но мы кое-что населенію подвеземъ. Кромѣ того, оно больше насъ поддержитъ, чѣмъ сытое, когда мы пойдемъ на Москву.

Разговоръ перешелъ на другія темы.

Въ это время былъ предрѣшенъ переѣздъ ставки изъ Омска въ Екатеринбургъ. Уже подготовлялся особнякъ для Верховнаго Правителя, квартирьеры приготовили тысячи комнатъ для ставки, а штабъ Гайды готовился къ переѣзду въ Пермь.

Гайда горячо возражалъ противъ переѣзда ставки. Во-первыхъ, это слишкомъ близко къ фронту. Мало ли что можетъ случиться. Во-вторыхъ, будутъ мѣшать, а, въ-третьихъ, адмиралъ окончательно подпадетъ подъ вліяніе военныхъ, и Правительство потеряетъ всякое вліяніе, оставшись въ Омскѣ.

Я былъ согласенъ съ Гайдой, но, когда онъ перешелъ на Лебедева, я отмолчался, чувствуя, что здѣсь начинается игра, начало которой положилъ Михайловъ, и участникомъ которой я не хотѣлъ быть.

Мнѣ удалось перевести разговоръ на темы съѣзда, на кандидатовъ въ уполномоченные уральской промышленности, на хозяйственную разруху.

Гайда рекомендовалъ мнѣ съѣздить къ уполномоченному министерства снабженія и продовольствія.

—Тамъ творятся такія дѣла, сказалъ онъ, что я не хочу предавать ихъ гласности, чтобы не подорвать престижа власти.

„Уполснабъ".

Какъ предсѣдатель Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, я могъ интересоваться дѣятельностью уполномоченнаго по снабженію, но, конечно, не производить ревизіи.

Канцелярія уполномоченнаго занимала одинъ изъ лучшихъ особняковъ въ аристократической части города. Сколько помню, уполномоченный былъ уже смѣщенъ.

Я ознакомился съ нѣкоторыми договорами о поставкахъ. Боже, сколько въ нихъ простоты! Вотъ одинъ поставщикъ обязуется выполнить заказъ на 500 походныхъ кухонь, ручаясь всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, но въ чемъ это имущество состоитъ, ничего не показано. Можетъ быть, его и нѣтъ вовсе.

Другой принимаетъ поставку двухъ тысячъ повозокъ для обоза и сдачу производитъ въ городахъ, большихъ селахъ, заводахъ, пристаняхъ и т. д. Это, стало быть, только посредникъ по скупкѣ, а, между тѣмъ, при нѣкоторой энергіи, для изготовленія обоза можно было приспособить большой Лысьвенскій заводъ.

Третій беретъ подрядъ и подъ залогъ матеріаловъ получаетъ сто тысячъ рублей — отличный авансъ.

Но, право, у меня не шевельнулось никакого подозрѣнія при чтеніи этихъ договоровъ. Не такъ наживается состояніе, и не въ договорахъ дѣло. Я бы, на мѣстѣ уполснаба, не больше его безпокоился о формальной сторонѣ дѣла—лишь бы достать необходимое.

А вотъ недостатокъ *честности* въ исполненіи, оказаніе преимуществъ за взятки... Какъ этотъ проклятый порокъ вывести изъ житейскаго обихода—это остается вопросомъ.

Встрѣча съ генераломъ Джекомъ.

Я ѣхалъ въ Омскъ съ твердымъ намѣреніемъ быстро провести въ жизнь постановленія съѣзда и вернуться на Уралъ, чтобы ближе познакомиться съ его жизнью.

На пути мы встрѣтили роскошный поѣздъ, сплошь состоявшій изъ вагоновъ международнаго общества, салоновъ и ресторановъ. На каждомъ вагонѣ красовался какой-нибудь иностранный флагъ.

Это ѣхалъ междусоюзный Техническій Совѣтъ, съ замѣстителемъ американскаго инженера Стивенса, англійскимъ генераломъ Джекомъ.

Два мѣсяца прошло со времени опубликованія деклараціи о союзной помощи русскому транспорту; за это время онъ, трудами русской желѣзнодорожной администраціи, значительно упорядочился, а союзная помощь успѣла выразиться лишь въ установкѣ диспайчерской системы управленія движеніемъ поѣздовъ на Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и въ нѣкоторомъ расширеніи харбинскихъ мастерскихъ.

Для дальнѣйшаго нужны были деньги, и Совѣтъ постановилъ обратиться къ правительствамъ союзныхъ державъ съ просьбой объ ассигнованіи въ распоряженіе комитета 20 милліоновъ долларовъ.

Ассигнованіе еще не состоялось, и Совѣтъ, пока что, рѣшилъ совершить поѣздку по Сибири для ознакомленія съ состояніемъ дороги на мѣстахъ.

Въ Омскѣ члены Совѣта обмѣнялись комплиментами со служащими министерства путей.

Генералъ Джекъ объяснилъ, что Совѣтъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: отдѣла тяги, въ завѣдываніи инженера Данилевскаго, отдѣла содержанія путей и построекъ, подъ начальствомъ г. Іенъ и майора Гарибальди, отдѣла движенія, во главѣ съ г. Канайи, отдѣла финансовъ, подъ управленіемъ полковника Левевра. Теперь весь Совѣтъ ѣхалъ на уральскіе заводы.

Мы обмѣнялись съ генераломъ Джекомъ привѣтствіями и разъѣхались.

У Верховнаго.

Адмиралъ изъ Екатеринбурга уѣхалъ въ Уфу и прибылъ въ Омскъ позже меня. При встрѣчѣ на вокзалѣ онъ поблагодарилъ меня за предсѣдательство на съѣздѣ и пригласилъ вечеромъ быть у него на засѣданіи Совѣта.

Я отправился вмѣстѣ съ Вологодскимъ. Мы застали адмирала во дворѣ, возлѣ его любимой лошади. Онъ казался очень счастливымъ, погруженнымъ въ заботы своего маленькаго хозяйства, но, какъ только мы приступили къ дѣловымъ разговорамъ, онъ сейчасъ же потерялъ спокойствіе. На Сукина онъ положительно рычалъ, не давая ему докончить доклада. Рѣчь шла, насколько помнится, о размѣщеніи американскихъ войскъ, и адмиралъ протестовалъ противъ предоставленія имъ тоннелей.

Когда текущіе вопросы были исчерпаны, адмиралъ сталъ разсказывать о положеніи на фронтѣ. Причины его озабоченности, которую я замѣтилъ еще въ Екатеринбургѣ, наконецъ, разъяснились.

На самарскомъ направленіи наши войска потерпѣли большую неудачу.

—Возможно, что будетъ оставлена даже Уфа, сказалъ адмиралъ съ твердостью и суровостью, за которыми чувствовался подавленный стонъ.

Какой мученикъ! можно было только подумать, глядя на него и прощая ему всю нервозность. Не шапку Мономаха—терновый вѣнецъ надѣлъ онъ на свою честную голову.

Брошенная перчатка.

Прошло нѣсколько дней. Неудачи не казались зловѣщими. Всѣ относились къ нимъ, какъ къ временнымъ и случайнымъ, и продолжали дѣловую работу. Съ необычайной быстротой, которой могъ позавидовать аппаратъ любой столицы, было выработано положеніе о главноуполномоченномъ по уральской промышленности—результатъ работъ съѣзда. Совѣтъ министровъ утвердилъ положеніе и одобрилъ назначеніе на эту должность бывшаго главы Уральскаго Правительства П. В. Иванова.

Какъ вдругъ на имя Предсѣдателя Совѣта министровъ получается телеграмма изъ Перми отъ Гайды. Онъ объявляетъ начальника штаба Лебедева преступникомъ, который намѣренно мѣшаетъ его дѣйствіямъ, указываетъ на угрожающее положеніе фронта и предлагаетъ, какъ послѣднюю мѣру—назначеніе его, Гайды, главнокомандующимъ всѣмъ фронтомъ.

Когда, по порученію Вологодскаго, я принялъ отъ Гайды дополнительную депешу, онъ обрисовалъ положеніе на фронтѣ, какъ начинающуюся катастрофу, но при этомъ указалъ рядъ фактовъ, которые *наступили на нѣсколько дней позже, чѣмъ дана была телеграмма.* Чья-то злая рука направляла событія и диктовала Гайдѣ напередъ извѣстные факты.

До того, какъ начался разговоръ по прямому проводу, Вологодскій успѣлъ созвать нѣсколько министровъ на совѣщаніе. Мы рѣшили рѣзко подчеркнуть Гайдѣ, что въ вопросахъ назначенія лицъ командного состава, Совѣтъ министровъ никакихъ шаговъ, расходящихся съ мнѣніемъ Верховнаго Правителя, не одобритъ и не поддержитъ.

Гайда, несомнѣнно, ожидалъ иного. Я вспомнилъ разговоръ съ Калашниковымъ о Лебедевѣ и о докладѣ Михайлова. Я никому рѣшительно объ этомъ разговорѣ не передавалъ. Теперь я съ интересомъ слѣдилъ за министромъ финансовъ. Но онъ не поддерживалъ Гайду.

Адмиралъ на слѣдующій день выѣхалъ на фронтъ, чтобы ближе выяснить происходящее.

Шумъ гайдовскаго вызова прогремѣлъ и стихъ. Стало какъ будто опять спокойно.

Я отправился вмѣстѣ съ министромъ труда на заводы.

Маршрутъ.

Поѣздка длилась недолго, всего десять дней, но я успѣлъ познакомиться съ разными типами заводовъ. Я посѣтилъ округа: Тагильскій (Демидовыхъ Санъ-Донато), Гороблагодатскій (казенный), Богословскій (акціонерной компаніи, съ участіемъ Аз.-Донского Банка), Чусовской (французской акціонерной компаніи), Кизилевскій (Строгановыхъ) и Пермскій пушечный заводъ (Мотовилиху). Кромѣ того, я останавливался на бумажной фабрикѣ Ляля (Николо-Павдинскаго округа), въ солеварняхъ на Камѣ и осмотрѣлъ содовый заводъ Любимова и Сольве на Камѣ, въ Березнякахъ, близъ ст. Усольской.

Всѣ эти предпріятія расположены къ сѣверу отъ жел. дороги Пермь-Екатеринбургъ, частью въ восточныхъ, частью въ западныхъ склонахъ Уральскаго хребта.

Типы уральскихъ заводовъ.

Уральская промышленность, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ невыгодной для нея конкуренціи съ заводскимъ райономъ юга Европейской Россіи, еще наканунѣ войны находилась въ тяжеломъ состояніи, и только требованія военнаго времени вдохнули жизнь въ мертвѣющія домны и мартены и завертѣли облѣнившіеся станки. Можно было ожидать, что большевизмъ убилъ эту недавно вспыхнувшую жизнь дряхлаго организма уральской промышленности, и что возрожденіе промышленныхъ силъ Урала будетъ происходить очень туго.

Среди заводовъ Урала немало такихъ, которые можно назвать „барскими". Они принадлежатъ стариннымъ и богатымъ фамиліямъ, для которыхъ „горныя гнѣзда" были скорѣе предметомъ фамильной гордости, чѣмъ источникомъ дохода. Заводы давали дефицитъ, на развитіе и расширеніе ихъ затрачивались большія средства, но техническое оборудованіе не поспѣвало за требованіями прогресса, а радикальное переустройство могло быть произведено лишь при условіи акціонированія.

Другую характерную категорію составляютъ заводы казенные. Большой размахъ, грандіозные замыслы соединяются въ нихъ нерѣдко съ ветхостью и мертвечиной. Много начатаго и незаконченнаго, много неиспользованнаго, много слѣдовъ непланомѣрности, послѣдствій смѣны управляющихъ, изъ которыхъ каждый хозяйничалъ по своему. Наиболѣе печальнымъ образцомъ казенныхъ заводовъ является Кушвинскій (гора Благодать). Здѣсь все въ процессѣ переустройства, все начато и незакончено: подвѣсная воздушная дорога съ горы Благодать, для передачи руды, мартеновскія печи, переѣзжающія къ домнамъ, чтобы непосредственно воспринимать горячій чугунъ, не расходуя дорогого тепла, могущественная силовая станція—сердце всего округа, грандіозная фабрика для промывки рудъ, подъѣздные желѣзнодорожные пути—все это только строится, и кажется, какъ будто новый управляющій, озираясь на всѣ эти строенія и не видя ниоткуда вниманія, безнадежно отворачивается въ сторону старыхъ, уже налаженныхъ заводовъ (Туринскихъ, Баранчинскаго), довольствуясь тѣмъ, что уже дѣйствуетъ.

И эта случайность замысловъ, случайность выполненія—удѣлъ почти всѣхъ казенныхъ заводовъ.

Какъ ни странно, Управленіе Гороблагодатскимъ округомъ не имѣетъ даже точныхъ свѣдѣній о мощности своихъ рудныхъ богатствъ, и въ то время, какъ оффиціальныя данныя скромно ограничиваются цифрой въ $1^1/_2$ милліарда, частныя компетентныя лица предположительно увеличиваютъ эту цифру до 6 милліардовъ. Надо отмѣтить, что галунчатыя руды округа даютъ ковкій чугунъ, не требующій переработки въ мартенѣ, а потому точный учетъ всего запаса рудъ обыкновенныхъ и валунныхъ представляется чрезвычайно существеннымъ, какъ съ точки зрѣнія общаго плана хозяйства въ округѣ (учетъ запасовъ), такъ и для оцѣнки его.

Третью группу заводовъ составляютъ коммерческіе заводы—округа новаго поколѣнія, къ которымъ относится, напримѣръ, округъ Богословскій, расположенный на крайнемъ сѣверномъ пунктѣ желѣзнодорожной вѣтки Урала, въ его восточномъ склонѣ. Наиболѣе крупный изъ заводовъ—Надеждинскій заводъ. Онъ основанъ въ 1896 году. Даже въ 1919 г., когда темпъ работъ упалъ, примѣрно, въ 4 раза (въ округѣ работало, вмѣсто 16 тысячъ рабочихъ, около 4 тысячъ), заводъ этотъ все же производитъ впечатлѣніе огромнаго и кипящаго интенсивною жизнью предпріятія, стоящаго на уровнѣ современности. Здѣсь всюду чувство-

валась техническая мысль, объединяющая всѣ части предпріятія, вносящая экономію и хозяйственность. Научная лабораторія, въ которой каждый день испытывается выпускаемое желѣзо, свидѣтельствуетъ о серьезности постановки дѣла. Машиностроительный заводъ Клейна, перевезенный сюда изъ Риги и помѣщенный въ свѣтлое просторное зданіе, въ которомъ лѣтомъ и зимою поддерживается одинаковая температура, какъ бы предсказываетъ будущее развитіе округа, которому богатѣйшіе запасы угля, залегающіе тремя мощными пластами и содержащіе милліарды пудовъ, собственные рудники и лѣса и благопріятное географическое положеніе на рѣкѣ Сосьвѣ, принадлежащей къ системѣ рѣки Обь и связывающей округъ съ Алтаемъ, обезпечиваютъ большія возможности. У этого округа есть и еще одно условіе, необходимое для успѣшнаго развитія—энергичные руководители. Во главѣ правленія стоитъ инженеръ Цейдлеръ, имя котораго пользуется почетною извѣстностью среди всѣхъ круговъ, причастныхъ къ горнозаводскому промышленному міру. Въ извѣстности съ нимъ соперничаетъ только Мещерскій. Эти два инженера обладаютъ поразительными организаторскими способностями и даромъ техническаго и хозяйственнаго прозрѣнія. Инженеръ Цейдлеръ, по общимъ отзывамъ, улавливаетъ потребности времени, не упускаетъ ни одной возможности расширенія дѣла, ни одной заявки, которая нужна будущему. Богословскій округъ уже имѣетъ перспективы и въ болѣе отдаленномъ, еще не эксплоатируемомъ сѣверѣ Урала и на его богатыхъ южныхъ отрогахъ (Комаровскіе рудники недалеко отъ Стерлитамака) и на Алтаѣ для добычи коксующагося угля.

Въ болѣе миніатюрномъ видѣ ту же картину технической обдуманности и надлежащей оборудованности представляетъ Чусовской заводъ, принадлежащій французской компаніи (Камск. акціонерн. Обществу). Онъ расположенъ на горнозаводской дорогѣ, у моста черезъ рѣку Чусовую, на стыкѣ съ желѣзнодорожной линіей, идущей къ угольному району Кизилевскаго округа, Луньевскому и солеварнямъ. Какъ менѣе крупный, менѣе богатый и болѣе зависимый отъ предпріятій (чужая руда, чужой уголь), Чусовской заводъ работалъ сейчасъ далеко не такъ, какъ могъ бы.

Общее состояніе заводовъ лѣтомъ 1919 г.

Я намѣренно остановился на общей характеристикѣ уральской промышленности, чтобы показать, насколько трудно ожидать,

чтобы состояніе его послѣ большевистскаго разгрома могло быть удовлетворительно. Даже въ нормальное время только часть округовъ была обезпечена всѣмъ необходимымъ и жила полной жизнью, послѣ же того, какъ большевики увезли у однихъ заводовъ запасы желѣза, у другихъ части машинъ, у третьихъ кассы, а главное, когда не хватаетъ рабочихъ, преимущественно квалифицированныхъ, когда разстроенъ кредитный аппаратъ, когда нѣтъ возможности вести нормальныя заготовки угля, въ виду отказа крестьянъ отъ лѣсныхъ работъ, когда трудно обезпечить рабочихъ продовольствіемъ—должно было, конечно, наступить значительное ухудшеніе.

Но, тѣмъ не менѣе, общее впечатлѣніе осталось благопріятное.

Нигдѣ не замѣтно было унынія. Всюду чувствовались, наоборотъ, оживленіе и надежды. Какъ ни тяжелы были условія промышленности, инженеры, управляющіе, или „управители", по терминологіи Урала, составляли проекты расширенія работъ. Какъ ни тяжелы были условія жизни рабочихъ, они были удовлетворены ими болѣе, чѣмъ условіями большевистскими, когда приходилось питаться жмыхами, или идти, вопреки совѣсти, въ красногвардейскія банды.

Цыфры подтверждаютъ наблюденія. Онѣ показываютъ, что производительность заводовъ росла, а не падала. *Богословскій округъ* выпустилъ въ январѣ 84 тыс. пуд. чугуна, 166 т. п. мартеновскаго металла, около 20 т. п. кровельнаго и 70 т. п. сортоваго желѣза. Въ апрѣлѣ этотъ же округъ далъ 48 т. п. чугуна, 200 т. п. мартеновскаго, 249 т. п. рельсъ, 24 т. п. кровельнаго и сортоваго желѣза.

Гороблагодатскій округъ въ январѣ далъ 23 т. п. чугуна и 13 т. п. кровельнаго, въ февралѣ 45 т. п. чугуна, 11 т. п. кровельнаго и 56 т. п. сортоваго, а въ апрѣлѣ 58 т. п. чугуна и мартен. металла и 18 т. п. кровельнаго и сортоваго.

Тагильскій—въ февралѣ выпустилъ 53 т. п. чугуна, 20 т. п. мартен., 26 т. п. рельсъ, 4 т. п. кровельнаго и 29 т. п. сортоваго желѣза, а въ апрѣлѣ 52 т. п. чугуна и 4 ½ т. п. литья, 95 т. п. мартен., 12 ½ т. п. листовъ и 41 т. п. сортоваго желѣза, не считая другихъ работъ, изъ которыхъ особенно усиленно идетъ ремонтъ подвижного состава.

Росла производительность и угольныхъ предпріятій. Такъ, Кизилевскія копи кн. Абамалекъ-Лазарева повысили производительность съ 400 т. п. въ январѣ до одного милліона пуд. въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ. Общая добыча угля на уральскихъ копяхъ

повысилась съ 3,7 милліоновъ пуд. въ январѣ—до 6 милліоновъ п. въ мартѣ и въ маѣ. Въ апрѣлѣ, въ виду праздниковъ Пасхи, было добыто 5,1 милліона пудовъ.

Министръ труда, съ которымъ мы совершали совмѣстную поѣздку, былъ радъ выслушать отъ администраціи предпріятій, что производительность рабочихъ всюду повысилась. Дальнѣйшему ея повышенію препятствовало, главнымъ образомъ, недостаточное питаніе. Но, какъ я уже указалъ, рабочіе очень терпѣливо относились къ испытываемому недостатку продуктовъ, потому что условія жизни все же улучшились, по сравненію съ большевистскими. Повсюду мы бесѣдовали съ рабочими, и въ предпріятіяхъ и въ копяхъ, гдѣ спускались вглубь шахтъ, и вездѣ встрѣчали привѣтливое и доброжелательное отношеніе, а просьбы, которыя порой заявлялись, носили также вполнѣ выдержанный характеръ, съ явной готовностью идти на уступки.

Самый фактъ поѣздки двухъ министровъ въ глухія мѣста Урала, съ выѣздами въ сторону (мы посѣтили, напримѣръ, Авроринскіе платиновые пріиски), свидѣтельствовалъ о мирной нормальной жизни. Если сопоставить съ этимъ факты хотя бы и медленнаго, но безостановочнаго роста производительности, то нельзя не согласиться, что обзоръ жизни уральскихъ заводовъ долженъ былъ оставить благопріятное впечатлѣніе.

Всѣ впечатлѣнія поѣздки подтверждали цѣлесообразность созданія новой должности главноуполномоченнаго по уральской промышленности.

Отступленіе отъ принципа.

На первый взглядъ, кажется страннымъ и противорѣчащимъ провозглашенной Правительствомъ экономической свободѣ учрежденіе должности главноуполномоченнаго, которому предоставлены были широкія права вмѣшательства въ экономическую жизнь округовъ, вплоть до закрытія однихъ заводовъ и принудительнаго расширенія другихъ. Но надо оцѣнить обстановку. Почти всѣ заводы были связаны, хотя еще и не въ значительной степени, казенными заказами, почти всѣ находились въ зависимости отъ казны, и въ смыслѣ финансовомъ и въ отношеніи снабженія. Производимое заводами желѣзо бралось на учетъ министерствомъ снабженія, а добываемый на копяхъ уголь—Уралотопомъ. Большинство округовъ оставалось оторвано отъ своихъ правленій и не могло быть денаціонализировано. Во главѣ управленія стояли,

большею частью, бывшіе администраторы, но и они дѣйствовали, какъ уполномоченные отъ Правительства. Все это показываетъ, насколько дѣйствительное положеніе было далеко отъ начала свободы. Затруднительное положеніе отдѣльныхъ заводовъ и округовъ вызывало необходимость въ объединенномъ планомѣрномъ руководствѣ. Въ качествѣ иллюстраціи можно привести слѣдующій примѣръ: военное вѣдомство предъявляло требованіе какъ разъ на тѣ сорта желѣза, которые нужны были заводамъ для практикуемаго ими обмѣна на хлѣбъ. Вниманіе агентовъ Правительства обращено было прежде всего на заводы, расположенные по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, куда возможно подать подвижной составъ для ремонта, и откуда легко можно вывозить матеріалы. Между тѣмъ, имѣлась группа заводовъ, оставленныхъ на произволъ судьбы, расположенныхъ по берегамъ Камы. Здѣсь „Чормазъ" кн. Лазарева, „Добрянка" гр. Строгановыхъ, „Пожевскіе" кн. Львова и др. Этимъ заводамъ почти не давали казенныхъ заказовъ, и оставляли безъ льготъ. Имъ отказывали, напримѣръ, въ освобожденіи призываемыхъ рабочихъ.

Между тѣмъ, заводы эти обладаютъ рядомъ преимуществъ: всѣ они обезпечены топливомъ (сплавъ бревенъ по притокамъ Камы прямо къ заводамъ), легче могутъ получать продовольствіе (воднымъ путемъ) и не обременены казенными заказами военнаго и путейскаго вѣдомствъ. Эти заводы могли быть широко использованы для производства ходкихъ сортовъ желѣза, въ цѣляхъ обмѣна на хлѣбъ, въ интересахъ не только прикамскихъ, но и другихъ заводовъ. Единый общій планъ хозяйства помогъ бы преодолѣть не мало отдѣльныхъ затрудненій. Проведеніе этого плана потребовало не столько принужденія, сколько установленія условій того содѣйствія, которое оказывается казною заводамъ.

Синдикатъ или регламентація.

Есть два способа объединенія горнозаводскаго хозяйства: одинъ—иниціативой самихъ промышленниковъ (синдикаты), другой—иниціативой государственной (регламентація).

При созданныхъ большевиками условіяхъ я отдаю безусловное предпочтеніе второму способу, считая, что государство не можетъ упустить изъ своихъ рукъ ни высшаго надзора ни руководства столь важными отраслями хозяйственной жизни, какъ желѣзная и металлургическая промышленность.

Россія уже имѣетъ опытъ синдицированія металлургической промышленности: я имѣю въ виду „Продамету", синдикатъ гор-

ныхъ металлургическихъ заводовъ, производившихъ до 80% всего желѣза. Результатомъ дѣятельности этого синдиката были взвинченныя цѣны и пренебреженіе интересами какъ потребителя, такъ и государства.

Уралъ тоже зналъ попытки синдицированія: въ январѣ 1907 года большинство наиболѣе крупныхъ уральскихъ заводовъ образовали синдикатъ „Кровля". Но этотъ синдикатъ, въ виду технической отсталости предпріятій, а также рутинности и недисциплинированности самихъ предпринимателей, не имѣлъ большого успѣха. Тѣмъ не менѣе, онъ вызвалъ острую реакцію среди землевладѣльческихъ круговъ, которая привела къ организаціи въ 1908 году „Желѣзнаго союза земствъ", съ цѣлью противодѣйствія „Кровлѣ".

1908 годъ ознаменовался вообще усиленной борьбой противъ синдикатовъ. Напомню объ извѣстномъ вопросѣ Правительству въ Государственной Думѣ.

Эти историческія справки должны возстановить въ памяти картину борьбы, которую неизбѣжно порождаютъ подобныя организаціи, и которая совершенно недопустима въ условіяхъ напряженнаго существованія государства. Между тѣмъ, стремленіе къ синдицированію уральской горной промышленности замѣчается; оно проявилось, между прочимъ, въ томъ „Положеніи объ екатеринбургскомъ совѣщаніи горнопромышленниковъ Урала", которое было приложено къ протоколамъ упомянутаго уже майскаго съѣзда. Совѣщанію предоставляется „регулировать хозяйственную жизнь заводовъ" (№ 3), устанавливать единообразныя цѣны на продукты производства, распредѣлять между заводами заказы государственнаго назначенія" (№ 4).

Это совѣщаніе должно было, по проекту горнозаводской секціи, всецѣло связывать главноуполномоченнаго по уральской промышленности, оставляя за послѣднимъ лишь общій контроль.

Постановленіе Совѣта министровъ приняло противоположное начало: оно дало преобладающее положеніе главноуполномоченному, т. е. органу государства, и лишь рекомендовало ему дѣйствовать при посредствѣ объединенія горнозаводчиковъ. Это начало надо считать наиболѣе соотвѣтствующимъ потребностямъ времени. Интересы государственные будутъ преобладать, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дѣйствовать и то объединеніе горнозаводчиковъ, которое наиболѣе приспособлено для защиты интересовъ послѣднихъ, и пользу котораго трудно отрицать, когда его дѣятельности поставлены извѣстныя границы.

Цѣны и будущее Урала.

Наиболѣе злободневнымъ для уральской промышленности былъ, во времена нашей поѣздки, вопросъ о цѣнахъ.

Дороговизна хлѣба, топлива и различныхъ матеріаловъ вызываетъ естественную необходимость въ повышеніи цѣнъ.

Бытовая картина переживаемаго времени была такова. Въ продовольственный районъ привозятъ желѣзо и предлагаютъ обмѣнъ на хлѣбъ.

— Хлѣбъ нынче вздорожалъ.

— Во сколько?

— Вдвое.

— Вдвое? Желѣзо вздорожало тоже какъ разъ вдвое.

И послѣ этого діалога устанавливалось мѣновое соотношеніе хлѣба и желѣза. Понятно, что ни одной ни другой сторонѣ повышеніе цѣнъ при такой системѣ не могло принести существенной пользы, если не падала себѣстоимость продукта.

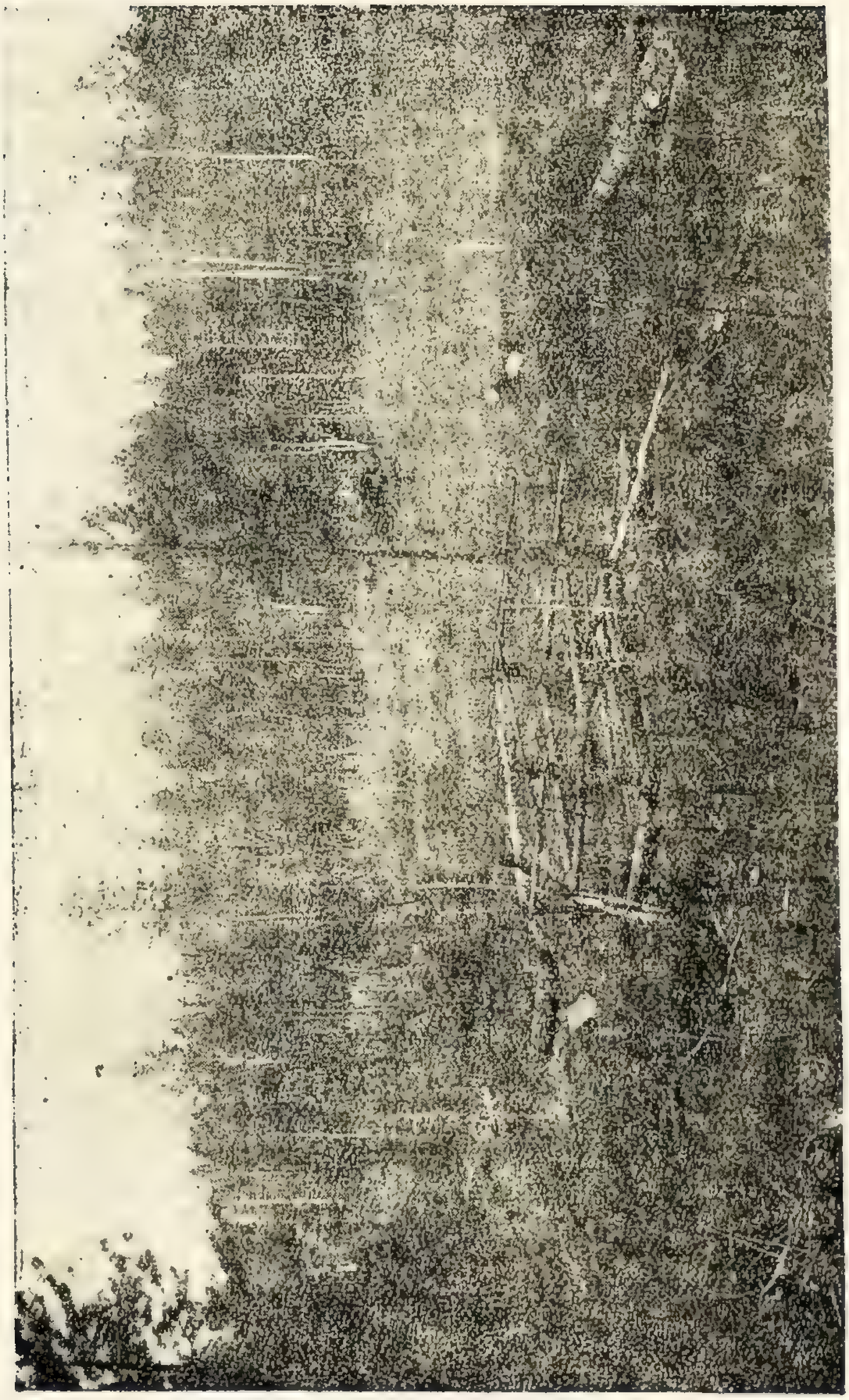
Будущее Урала сосредоточено будетъ въ четырехъ пунктахъ: Алапаевскомъ (къ сѣверу отъ Екатеринбурга) и на южномъ Уралѣ—въ Магнитной, Бакалѣ и Комаровскомъ. Милліардные запасы рудъ въ этихъ четырехъ пунктахъ позволятъ развить тамъ производство въ американскомъ масштабѣ.

Возможно, что богатства этихъ районовъ и будутъ разрабатываться въ первую голову по возстановленіи экономической жизни Россіи и дадутъ дешевое желѣзо.

Въ связи съ будущностью Урала, возникаетъ вопросъ объ алтайскомъ коксѣ. Производство уральскаго желѣза основано на древесномъ углѣ, между тѣмъ, громадная цѣнность лѣса требуетъ болѣе экономнаго его расходованія и развитія древообрабатывающей промышленности. Николопавдинскій районъ, гдѣ свили себѣ гнѣздо финны, очень удачно приспособляющіеся къ сходнымъ съ ихъ родиной климатическимъ условіямъ Верхотурья, уже даетъ примѣръ раціональнаго использованія лѣса въ бумажномъ и древообрабатывающемъ производствахъ. Эти виды промышленности должны развиваться. Древесный уголь слѣдуетъ замѣнить алтайскимъ коксомъ. Небольшія желѣзнодорожныя вѣтки на Алтаѣ и система воднаго транспорта сдѣлали эту проблему несложной.

По слѣдамъ иностранцевъ.

На нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною заводовъ были генералъ Джекъ, съ которымъ я разминулся, когда ѣхалъ со съѣз-



Мѣсто послѣдняго упокоенія царской семьи.

да въ Омскъ, генералъ Ноксъ, котораго интересовало, насколько заводы использованы для потребностей арміи, полковникъ Воордъ, который ѣздилъ для бесѣдъ съ рабочими.

Я спрашивалъ, какое впечатлѣніе осталось у заводо-управителей отъ посѣщенія ихъ Техническимъ Совѣтомъ, во главѣ съ генераломъ Джекомъ.

— Они больше интересовались *будущимъ*, чѣмъ настоящимъ: какіе капиталы должны быть помѣщены въ заводы для ихъ развитія, какая производительность можетъ быть достигнута, какіе доходы обезпечены?

Но я интересовался будущимъ меньше, чѣмъ современнымъ, и мнѣ любопытно было узнать, какъ встрѣчали рабочіе полковника Воорда.

Я видѣлъ въ одномъ изъ туринскихъ заводовъ огромное помѣщеніе механическихъ мастерскихъ, въ которыхъ Воордъ выступалъ, и администрація заводовъ увѣряла, что рабочіе слушали и соглашались. Что и какъ говорилъ имъ Воордъ, можно представить по рѣчи его, которую онъ произнесъ передъ плѣнными красноармейцами.

Рѣчь полковника Воорда.

Исторія русской революціи пожелаетъ сохранить эту замѣчательную рѣчь.

Искренній патріотъ, видный членъ рабочей партіи, въ сильныхъ красочныхъ выраженіяхъ нарисовалъ слушателямъ картину патріотическаго движенія рабочихъ въ Англіи въ минувшую войну.

Онъ говорилъ: „Я — рабочій, но, видя на мнѣ полковничій мундиръ, вы можете усомниться въ этомъ. Долженъ сказать вамъ, что это случилось очень просто. Когда разразилась тяжелая война 1914 года, когда германскій кулакъ обрушился на Францію, Бельгію и Россію, мы имѣли маленькое регулярное войско. Мы, рабочіе Англіи, сразу поняли опасность, грозившую нашему отечеству, и двинулись на защиту его. Три милліона добровольцевъ рабочихъ вступили въ армію. Мы отдали 3 милліарда рублей государству заимообразно изъ своихъ рабочихъ кассъ. Было бы странно предположить, что послѣ всего этого изъ нашей среды не выдвинулось бы ни одного офицера. Я одинъ изъ нихъ. Мы, англійскіе рабочіе, всѣ, какъ одинъ, пошли за своимъ правительствомъ въ минуту опасности для государства. Вы, русскіе, пошли вразбродъ за своими лидерами—интернаціоналистами. Мы побѣдили врага, вы пришли къ гибели и разоренію.

„Какъ могло случиться, что 180-милліонный русскій народъ могъ впасть въ такое ужасное состояніе, въ такую нищету и безсиліе, въ какомъ онъ находится сейчасъ? Я долженъ сказать вамъ, что къ этому положенію привели васъ ваши лидеры. Они разорили вашъ родной домъ, они вооружили васъ другъ противъ друга, послали брата грабить и убивать родного брата. Вы грабили и убивали родныхъ вамъ по крови людей своей страны только за то, что они принадлежатъ къ другому классу. Ваши лидеры учили васъ любить всѣхъ: нѣмцевъ, турокъ, французовъ, американцевъ, англичанъ, всѣхъ чужихъ и незнакомыхъ вамъ людей, только родного брата, своего русскаго, они не научили васъ любить. Прежде всего въ этомъ—вашъ позоръ, ваша гибель. Только родной домъ свой и свое отечество они научили васъ ненавидѣть и уничтожить.

„Я видѣлъ самъ ужасные результаты интернаціонализма: тысячи обездоленныхъ и ограбленныхъ семей, бродящихъ безъ крова и пищи, видѣлъ десятки и сотни городовъ и деревень, сожженныхъ, разоренныхъ и разграбленныхъ, видѣлъ сотни труповъ звѣрски изуродованныхъ людей, замученныхъ за то, что они были честными русскими патріотами, за то, что они стремились установить законъ и порядокъ въ вашей измученной и залитой кровью странѣ.

„Вспомните мои слова. Если когда-нибудь въ Англіи появился бы такой руководитель, какъ вашъ, проповѣдующій грабежъ и убійство, мы, рабочіе Англіи, не нашли бы для него другого имени, какъ убійца, и отвѣтъ нашъ такому лидеру былъ бы одинъ: веревка.

Я, англійскій рабочій, пришелъ помогать русскимъ друзьямъ. Не заблуждайтесь, я не хочу обманывать васъ: мы пришли помогать тѣмъ, кто, не щадя жизни своей, борется за лучшее будущее Россіи, за ея величіе, славу, счастье и миръ русскаго народа. Мы протягиваемъ дружескую руку помощи русскимъ патріотамъ, защищающимъ свое отечество отъ наемныхъ убійцъ и грабителей, именующихъ себя интернаціоналистами. Я вижу среди васъ матросовъ. Каждый нашъ матросъ—предметъ любви и вниманія своей націи, а вы, русскіе матросы! Исторія скажетъ свое правдивое слово о вашей дѣятельности и о вашемъ позорномъ поведеніи въ Россіи, въ годину ея бѣдствій. Когда я пытаюсь объяснить причину такого ужаснаго явленія среди васъ, я не могу найти для вашего поведенія другого оправданія, кромѣ того, что, по безграмотности и незнанію, вы приняли лжепророковъ за пророковъ, враговъ за друзей“.

Красноармейцы проводили полковника Воорда дружнымъ „ура“.

Общія впечатлѣнія.

Что же дала мнѣ поѣздка на Уралъ?

Населеніе видѣло, что порядка стало больше, что порядокъ сталъ благообразнѣе, но матеріальнаго улучшенія оно не чувствовало. Подвоза хлѣба не было. На пріискахъ рабочіе, вмѣсто чая, пили настой травы. Мануфактуры не получалось. А между тѣмъ съ населенія требовали людей, чего не было при большевикахъ. Производилась и конская мобилизація. Вмѣсто спокойной мирной жизни, которой ждало населеніе, его ожидало еще большее напряженіе войны.

Заводское хозяйство медленно улучшалось. Населеніе это чувствовало и *спокойно, совершенно спокойно* (я видѣлъ это своими глазами) ждало, не ропща, что улучшеніе приходитъ медленно.

Но, думалось иногда, что, если вдругъ большевики опять будутъ наступать—подымется ли тогда крестьянство?

Я видѣлъ на Уралѣ много образцовыхъ предпріятій, напримѣръ, содовый заводъ Сольве и Любимова въ Березнякахъ, близъ Усолья.

Его доходность строится не на низкой заработной платѣ, а на совершенствѣ самаго производства, за которымъ слѣдитъ спеціальная ученая коллегія въ Бельгіи. Оттуда распространяются всѣ новѣйшія усовершенствованія, и даются руководящія указанія всѣмъ связаннымъ экономическими узами заводамъ, изготовляющимъ соду по методамъ Сольве. Въ результатѣ, положеніе рабочихъ на этомъ заводѣ много лучше, чѣмъ въ другихъ предпріятіяхъ. Здѣсь и рабочій клубъ, и общая столовая, и благоустроенная баня, и прекрасное зданіе высшаго начальнаго училища, и хорошая больница. А рядъ домовъ для квалифицированныхъ служащихъ напоминаетъ кварталъ европейскаго города. Неудивительно, что большевизмъ не пользовался здѣсь успѣхомъ.

Впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Урала, мною посѣщенныхъ, чувствовалось отношеніе къ большевикамъ, какъ къ „дьявольскому навожденію“. Грозные большевики были все либо иноземцы, либо иноплеменники. Свои оказались и неустойчивы и не страшны.

Уральскія поселенія опять жили мирной жизнью. Красивая архитектура домовъ, рѣзьба на окнахъ и дверяхъ, цвѣты и занавѣски—все свидѣтельствовало о любви и привычкѣ къ уюту,

а сѣдыя, какъ лунь, головы, выглядывавшія изъ оконъ, какъ бы говорили о томъ, что время все переживетъ.

По-прежнему работали „старатели". Съ упорной жадностью маніаковъ, съ горящими глазами, они рыли и мыли, подкапываясь подъ дома и дороги, отыскивая мелкія крупинки золота и платины, мечтая объ увѣсистыхъ самородкахъ и съ ненавистью глядя на вытѣсняющіе ихъ драги и экскаваторы. А тѣ шумѣли день и ночь, разливая вокругъ желтую воду и обливая всѣхъ грязью, изъ которой крупинка за крупинкой извлекается драгоцѣнный металлъ.

Быть можетъ, я выбралъ неудачно районъ, можетъ быть, онъ былъ нехарактеренъ для фронта, но онъ былъ очень обширенъ. Я знаю, что въ районѣ активныхъ операцій населеніе терпѣло много обидъ, но обиды эти были, по преимуществу, тяготами войны, а населеніе хотѣло мира, ему надоѣло возить безъ конца то красныхъ, то бѣлыхъ, надоѣли постоянныя мобилизаціи, оно хотѣло освободиться отъ всего этого. Затяжная война приводила его въ отчаяніе.

Все держалось инерціей, и мнѣ казалось, что, если придетъ еще разъ большевизмъ, то только тогда онъ проникнетъ въ самую глубь и, наконецъ, разбудитъ мысль населенія, а сейчасъ оно еще спитъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ.

И не военщина—нѣтъ, не она—причина страшнаго пораженія, а инерція огромной массы, которая ничего не знала, ничего не понимала и ничего не цѣнила.

Ей нужны были не лозунги. Но бѣдная матеріальными средствами власть ничего не могла ей дать, а только брала.

Глава XVIII.

Надежды и обѣщанія.

Еще съ марта въ обществѣ и печати много говорилось о необходимости созданія при Верховномъ Правителѣ законодательнаго органа. Особенно горячо пропагандировали эту идею „Отечественныя Вѣдомости“ въ Екатеринбургѣ. Онѣ писали:

„Совѣтъ министровъ является единственнымъ легальнымъ сотрудникомъ Верховнаго Правителя въ дѣлахъ законодательства и управленія. Дѣятельность „совмина“ энциклопедично всеобъемлюща и въ высокой степени независима. Онъ такъ переобремененъ работой, что, даже при предположеніи талантливости его состава, это не можетъ не отзываться отрицательно. Смѣняющія другъ друга теченія послѣднихъ двухъ революціонныхъ лѣтъ свидѣтельствуютъ противъ перегрузки совмина обязанностями, отвлекающими его отъ исполненія административныхъ его функцій. Недаромъ революціонное время перейдетъ въ исторію, какъ время ослабленнаго управленія. При всеобъемлющемъ характерѣ дѣятельности совмина, его участіе во всѣхъ проявленіяхъ власти Верховнаго Правителя, вмѣстѣ съ которымъ онъ фактически управляетъ Россіей, свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной упрощенности структуры нашей государственной власти, мало соотвѣтствующей громадности возложенныхъ на власть задачъ. Едва ли надобно доказывать, что такое положеніе нетерпимо. Необходимо освободить Верховнаго Правителя отъ возможности нареканій и яснѣе установить демаркаціонную линію, отдѣляющую верховную власть отъ подчиненныхъ ей органовъ, усиливъ надзоръ за исполнительной властью и разгрузивъ ее отъ множества ея функцій. Всего этого можно достигнуть: 1) возложивъ всю законоподготовительную работу на новый органъ, аналогичный старому Государственному Совѣту, составленный изъ государственныхъ дѣятелей, представителей общественности по назначенію и министровъ по должности. Ему поручить дѣло надзора за вѣдомствами и, въ связи съ этимъ, предоставить право запросовъ министрамъ;

2) оставить за Совѣтомъ министровъ исполнительно-административныя функціи. Передавъ, такимъ образомъ, въ распоряженіе Верховнаго Правителя его законосовѣщательный Совѣтъ и его исполнительный Совѣтъ, мы снабдимъ его лучшимъ и болѣе мощнымъ аппаратомъ управленія и надзора и верховную власть сдѣлаемъ болѣе свободной отъ вліянія численно небольшой группы подчиненныхъ ему лицъ."

Нельзя отрицать правдивости этихъ словъ. Но то, что предлагали „Отечественныя Вѣдомости", нисколько не удовлетворило бы сибирской „демократіи". Ни законосовѣщательныя функціи ни назначенные члены для нея не были пріемлемы.

Омскій проектъ Государственнаго Совѣта.

Въ Омскѣ надъ вопросомъ о Государственномъ Совѣтѣ работалъ Жардецкій. Онъ подалъ Верховному Правителю проектъ организаціи законосовѣщательнаго органа, подъ названіемъ „Совѣтъ Верховнаго Правителя". Совѣтъ этотъ, по идеѣ автора, долженъ былъ состоять, подъ предсѣдательствомъ Верховнаго Правителя, изъ *назначенныхъ* имъ членовъ. Засѣданія Совѣта предполагались всегда *закрытыми*. Компетенція Совѣта намѣчалась неопредѣленно. Онъ долженъ былъ бы разсматривать всякіе законодательные и административные вопросы, которые были бы предложены его вниманію Верховнымъ Правителемъ *до или послѣ* разсмотрѣнія ихъ Совѣтомъ министровъ.

Адмиралъ поручилъ Тельбергу и мнѣ разсмотрѣть этотъ проектъ и дать свое заключеніе.

По привычкѣ, я сталъ разсматривать проектъ прежде всего съ юридической точки зрѣнія: соотвѣтствуетъ ли онъ конституціи 18 ноября, какъ онъ опредѣляетъ взаимоотношенія новаго учрежденія съ Совѣтомъ министровъ и т. д.

Когда я излагалъ адмиралу эти соображенія, онъ перебилъ меня и заставилъ покраснѣть отъ сознанія ошибки:—Вы скажите мнѣ прежде всего, нужно ли такое учрежденіе?

Докладъ происходилъ во второй половинѣ мая, какъ разъ, когда Совѣтъ министровъ утвердилъ новое положеніе о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи, и я уже составилъ къ тому времени свой планъ организаціи законосовѣщательнаго органа. Я былъ противъ того, чтобы подобное учрежденіе состояло только изъ назначенныхъ лицъ. Ихъ, прежде всего, неоткуда было бы взять. Я какъ-то спросилъ Жардецкаго: сколько кандида-

товъ вы можете назвать въ вашъ Совѣтъ? Онъ отвѣтилъ: я выписалъ бы ихъ изъ-за границы. Это было очень теоретично, потому что привлечь въ Омскъ кого-либо изъ крупныхъ русскихъ дѣятелей, проживавшихъ въ Парижѣ или Лондонѣ, было задачею не легкою.

Считая необходимымъ привлечь къ законодательной работѣ выборныхъ лицъ, я не представлялъ себѣ, однако, какъ можно было бы въ то время организовать выборы, и пришелъ къ мысли достичь созданія новаго государственнаго учрежденія постепенно.

Сначала должно было быть преобразовано Государственное Экономическое Совѣщаніе. Затѣмъ подлежало созыву совѣщаніе по вопросамъ, связаннымъ съ будущимъ Учредительнымъ Собраніемъ (мѣсто и время его созыва, соотношеніе съ областными представительными органами, основные законы); это было бы учрежденіе законодательно-политическаго характера. Наконецъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Пепеляевъ проектировалъ созвать совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства съ широкимъ представительствомъ городовъ и земствъ—это былъ бы совѣщательный органъ по вопросамъ управленія.

Мнѣ представлялось, что въ конечномъ итогѣ всѣ три учрежденія должны были быть слиты, и, такимъ образомъ, создался бы законосовѣщательный органъ, съ тремя отдѣлами: экономическимъ, законодательнымъ и административнымъ.

Адмиралъ отнесся къ этимъ предположеніямъ одобрительно.

Подводные камни.

Идея представительнаго учрежденія въ Сибири была скомпрометирована Сибирскою Думою и Самарскимъ Комучемъ. Всѣхъ пугала перспектива получить нѣсколько десятковъ безсодержательныхъ депутатовъ изъ партійныхъ круговъ, годныхъ только для поднятія рукъ при голосованіи, и нѣсколько лидеровъ—говоруновъ, добросовѣстно выполняющихъ указанія центральныхъ комитетовъ ихъ партій.

Но не одно это мѣшало Правительству осуществить идею опоры на народное собраніе. Если бы Совѣтъ министровъ строилъ свою власть, какъ власть постоянную, онъ, конечно, изыскивалъ бы съ самаго начала пути къ такимъ формамъ организаціи власти, которыя соотвѣтствуютъ представленію о демократическомъ государствѣ. Но все въ Омскѣ считалось временнымъ, побѣда казалась *всѣмъ*, а не только Правительству, и возможной и близ-

кой, объ Учредительномъ Собраніи говорили *серьезно*. Кто при такихъ условіяхъ могъ думать о созданіи представительнаго учрежденія?

80 % абсентеизма при выборахъ въ городскія самоуправленія достаточно ясно показали, какъ устало населеніе отъ постоянныхъ выборовъ, какъ равнодушно оно относилось ко всякимъ представительствамъ даже въ городахъ. Утомлять его новыми выборами передъ самымъ, какъ думали тогда, Учредительнымъ Собраніемъ—это значило срывать послѣднее.

Наконецъ, былъ еще одинъ подводный камень—россійскій характеръ власти. Какимъ путемъ можно было создать въ Сибири представительное учрежденіе, которое рѣшало бы всероссійскіе вопросы? А отказаться отъ нихъ было невозможно. Земельный вопросъ, напримѣръ, былъ выдвинутъ практическими потребностями дня.

Вотъ почему приходилось останавливаться на законосовѣщательномъ дѣловомъ органѣ.

Государственное Экономическое Совѣщаніе.

Когда проектъ закона о пополненіи Экономическаго Совѣщанія выборными представителями земствъ, городовъ, кооперацiи, профессіональныхъ союзовъ и о расширеніи его компетенціи обсуждался предварительно, то было приведено не мало возраженій даже противъ этого скромнаго проекта. Откуда вы возьмете людей? Не будутъ ли они задерживать разсмотрѣніе законовъ? и т. д.

Составъ Экономическаго Совѣщанія, по идеѣ закона, не долженъ былъ превышать 60 человѣкъ, чтобы не нарушить дѣлового характера учрежденія. Для того, чтобы не выйти изъ этой нормы, пришлось ограничить число представителей земствъ и городовъ и ввести начало назначенія изъ кандидатовъ. Это обидѣло земства, между тѣмъ никакой задней мысли здѣсь не было. Послѣдующая практика показала, что назначались всѣ въ порядкѣ представленія, а не по произвольному выбору власти. Долженъ, однако, отмѣтить, что, хотя въ предварительномъ разсмотрѣніи законопроекта приняли участіе почти всѣ министры, это не помѣшало имъ внести уже въ Совѣтѣ министровъ нѣкоторыя поправки, которыя были проникнуты духомъ недовѣрія къ новому учрежденію. Одна поправка причинила мнѣ потомъ не мало огорченій. Было предложено исключить, при указаніи правъ предсѣдателя, слова: „или его товарищъ", въ виду того, что это само собой разумѣется. Я не протестовалъ, не оцѣнивъ сразу значенія поправки.

Впослѣдствіи товарищъ предсѣдателя Совѣщанія всегда отказывался замѣщать меня, въ качествѣ докладчика Верховному Правителю и участника въ Совѣтѣ министровъ, такъ какъ этого ему не предоставилъ законъ. И онъ былъ правъ.

Особое мнѣніе.

Я предполагалъ уйти изъ Совѣта министровъ, оставшись предсѣдателемъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Это болѣе соотвѣтствовало положенію учрежденія и давало бы мнѣ независимость, при которой я легче могъ бы проводить въ жизнь нѣкоторые свои проекты.

Намѣреніе мое, повидимому, угадалъ Сукинъ. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы законъ сдѣлалъ предсѣдателя Совѣщанія членомъ Совѣта министровъ. Напрасно я возражалъ. Даже Петровъ, на поддержку котораго я разсчитывалъ, присоединился къ Сукину.

Я подалъ тогда особое мнѣніе.

„Совѣтъ министровъ призналъ необходимымъ, чтобы предсѣдателемъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія состоялъ непремѣнно членъ Совѣта министровъ, и чтобы это было опредѣленно выражено въ самомъ Положеніи.

Съ рѣшеніемъ этимъ я согласиться не могу.

Во-первыхъ, оно не нужно. Предсѣдателемъ Совѣщанія состоитъ въ настоящее время членъ Совѣта министровъ, и практически ничего новаго принятымъ рѣшеніемъ не достигается. Кромѣ того, Совѣтъ министровъ принялъ поправку къ Положенію, согласно которой Предсѣдатель Экономическаго Совѣщанія назначается *указомъ* Верховнаго Правителя, а указы обсуждаются всегда въ Совѣтѣ министровъ, слѣдовательно, Совѣтъ министровъ имѣетъ возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избрать наиболѣе подходящее къ политикѣ Совѣта лицо.

Во-вторыхъ, принятое рѣшеніе нетактично съ политической точки зрѣнія. При разсмотрѣніи Положенія въ Экономическомъ Совѣщаніи членъ Совѣщанія Буяновскій внесъ совершенно аналогичное предложеніе, но оно не встрѣтило поддержки потому, что принципіально совмѣщеніе должности члена Совѣта министровъ съ обязанностями предсѣдателя Экономическаго Совѣщанія—неестественно, такъ какъ Совѣщаніе по идеѣ должно быть органомъ совершенно самостоятельнымъ и независимымъ. Назначеніе предсѣдателемъ Совѣщанія члена Совѣта министровъ есть мѣра пере-

ходная. Поскольку Совѣщаніе поставлено *передъ фактомъ*, оно будетъ мириться съ нимъ, если останется непоколебимымъ авторитетъ предсѣдателя. Но, если въ принятое Экономическимъ Совѣщаніемъ Положеніе *намѣренно включается, въ качествѣ поправки, то,* что предсѣдатель Совѣщанія есть лицо, *подчиненное* по своему положенію Совѣту министровъ, то это не можетъ не вызвать недовольства и совершенно ненужныхъ разговоровъ, вредя тому благопріятному политическому впечатлѣнію, которое должно создать принятое Положеніе.

Въ-третьихъ, въ случаѣ развитія дѣятельности Государственнаго Совѣщанія, предсѣдатель едва ли сможетъ справиться съ двойною работою по Совѣщанію и по Совѣту министровъ. Нельзя же въ Совѣтъ министровъ приходить неподготовленнымъ, а вѣдь у министра безъ портфеля нѣтъ ни директоровъ ни юрисконсультовъ, и онъ приходитъ на засѣданіе исключительно со своими запасами соображеній. Зачѣмъ же заставлять добросовѣстнаго человѣка покидать обѣ должности, если съ одною онъ справиться въ состояніи! Возложить же обязанность предсѣдателя на одного изъ министровъ нельзя потому, что предсѣдателемъ не можетъ быть лицо, дѣятельность котораго, въ качествѣ министра, будетъ разсматриваться и критиковаться Совѣщаніемъ."

Мое особое мнѣніе было доложено адмиралу, и онъ согласился съ нимъ. Слѣдствіемъ этого явилось то, что въ статьѣ, гдѣ говорилось, что предсѣдателю принадлежатъ права и обязанности члена Совѣта министровъ, адмиралъ вычеркнулъ „и обязанности", оставивъ *только права.*

Мнѣ не удалось, однако, воспользоваться этимъ удобнымъ положеніемъ обладателя правъ безъ обязанностей. Съ августа я принялъ на себя ярмо главноуправляющаго дѣлами Правительства, и *обязанности поглотили всѣ мои права.*

Совѣщаніе въ заботахъ объ арміи.

Экономическое Совѣщаніе не прекращало своей работы послѣ того, какъ было рѣшено пополнить его и расширить его права. Въ теченіе апрѣля и мая оно остановилось на рядѣ важнѣйшихъ вопросовъ: продовольствіи и снабженіи арміи, транспортѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Уже въ маѣ въ дѣлѣ снабженія и продовольствія арміи стали обнаруживаться крупные дефекты. Считая главною задачею Совѣщанія помочь обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ, я обра-

тился къ военному министру съ просьбой представить докладъ о потребностяхъ арміи. Докладъ разсматривался въ закрытомъ засѣданіи Экономическаго Совѣщанія 21 мая.

Приведу нѣкоторыя выдержки изъ доклада.

„Благодаря прибытію большихъ транспортовъ ботинокъ съ Д. Востока и помощи англичанъ, можно считать, что потребность арміи въ обуви будетъ на ближайшіе два-три мѣсяца почти удовлетворена.

„Что касается шинелей, суконныхъ рубахъ и шароваръ, то заданіе на періодъ январь-апрѣль не было выполнено въ слѣдующихъ размѣрахъ: шинелей не доставлено 132 тыс. штукъ, рубахъ и шароваръ по 157 тыс. штукъ.

„Снабдить всѣ военныя части и лѣтнимъ и суконнымъ обмундированіемъ пока не представляется возможнымъ. Поэтому однѣ части снабжаются англійскимъ обмундированіемъ, другія получаютъ или хаки, или суконное.

„Заготовка бѣлья идетъ неудовлетворительно. Заданіе январь-апрѣль было болѣе чѣмъ милліонъ штукъ кальсонъ и рубахъ. Получены свѣдѣнія, что изъ Харбина идетъ 100 тыс. комплектовъ бѣлья. Причина неудовлетворительной заготовки бѣлья—отсутствіе матеріала въ фактическомъ распоряженіи министерства снабженія.

„Заказанные предметы обоза поступаютъ въ незначительномъ количествѣ. Выходомъ изъ затруднительнаго положенія послужило то, что спеціальныя повозки и двуколки замѣняются обывательскими телѣгами на желѣзномъ ходу.

„Заготовка предметовъ обоза идетъ, главнымъ образомъ, на Уралѣ, т. е. въ предѣлахъ прифронтовой полосы, гдѣ распоряжаются арміи и не только забираютъ изготовленные предметы, но и вмѣшиваются въ распоряженія министерства снабженія. Являются, такимъ образомъ, два хозяина въ одномъ дѣлѣ, и это отражается пагубно на заготовкахъ предметовъ обоза."

Таковы данныя военнаго министерства о состояніи снабженія къ маю 1919 года. Переходя къ будущему, докладъ указываетъ, что заданія на періодъ май-августъ *будутъ значительно больше, въ связи съ увеличеніемъ арміи.*

„На сапоги заданіе будетъ выражаться въ суммѣ, значительно превышающей милліонъ паръ сапогъ и ботинокъ.

„Если производительность мѣстныхъ мастерскихъ увеличится до 100 тыс. паръ въ мѣсяцъ, что возможно, то будетъ удовлетворена приблизительно $^1/_3$ потребности.

„Вопросъ съ шинелями, суконными рубахами и шароварами встрѣтитъ затрудненія, въ виду недостаточной выработки сукна на внутреннемъ рынкѣ, недостатка его на дальневосточномъ рынкѣ и малаго количества валюты, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи. 100 тыс. комплектовъ даютъ англичане. Остальную часть приходится добыть самимъ, и въ этомъ случаѣ общественными организаціями должна быть оказана самая широкая помощь.

„Заданіе на лѣтнее обмундированіе въ майскую треть въ полной мѣрѣ не будетъ выполнено. Придется прибѣгать къ комбинированному обмундированію. Части, получающія англійское обмундированіе, не получаютъ лѣтняго.

„Бѣлья въ полномъ размѣрѣ заданія также не удастся получить. Главное препятствіе къ этому заключается въ отсутствіи достаточнаго количества матеріала.

„Продовольственный вопросъ также нельзя назвать удовлетворительнымъ.

„Нормально въ базисныхъ магазинахъ долженъ быть мѣсячный запасъ всѣхъ продуктовъ. Въ дѣйствительности получается слѣдующая наличность продуктовъ въ процентахъ: муки—18%, крупы—16%, чая—200%, сахара—14%, мяса (10 дн.)—100%, масла—16%, соли—24%, зернового фуража—3%, сѣна—4%.

„Наибольшую трудность представляетъ снабженіе массовыми продуктами потребленія: мукой, крупой и овсомъ“.

По поводу этого доклада министръ продовольствія и снабженія Неклютинъ съ своей стороны представилъ обезкураживающія данныя относительно тѣхъ затрудненій, которыя препятствуютъ улучшить дѣло снабженія. Единственная суконная фабрика Алафузова въ Белебеѣ оставлена въ рукахъ красныхъ при отступленіи. Снабженіе шинелями и зимнимъ обмундированіемъ находится въ полной зависимости отъ заграничнаго рынка и, слѣдовательно, валюты. Точно такъ же обстоитъ дѣло съ бѣльемъ. *Только союзники и золото* могутъ спасти положеніе.

Подтвердивъ это, членъ Совѣщанія Лопухинъ съ своей стороны подчеркнулъ, что надежды на достаточное обезпеченіе обувью тоже преувеличены. Сохранившіяся ограниченія въ торговлѣ кожей препятствуютъ своевременной заготовкѣ сырья. Въ теченіе мая производительность пала, по сравненію съ апрѣлемъ. Этому способствуетъ и то, что сдача поставщикамъ казенной кожи производится крайне неаккуратно.

Переходя къ обозу, министръ продовольствія объяснилъ, что переходъ къ системѣ массоваго заготовленія обоза на заводахъ

Урала требуетъ длительнаго періода для приспособленія къ этому заводовъ, заготовка же мелкими партіями, въ виду громоздкости обоза, какъ предмета транспорта, даже при своевременности выполненія заказа, фактически не даетъ желательныхъ результатовъ, пока не будутъ широко организованы наблюденіе и контроль.

Казалось, наиболѣе благопріятныя данныя должны были быть представлены по продовольственной части. *Сибирь и недостатокъ продовольствія*—это не укладывалось въ представленіи обывателя.

Въ Экономическомъ Совѣщаніи сидѣли, однако, не обыватели, а люди, которые знали всѣ рессурсы страны, какъ знаетъ географъ карту, и для нихъ не было ничего неожиданнаго въ томъ, что говорилъ Неклютинъ. А министръ рисовалъ не особенно блестящія перспективы. Съ утратою Бугульминскаго района мы теряемъ возможность обезпечить армію крупой. Мы не можемъ обезпечить армію фуражемъ, потому что овса мало, а вывозъ сѣна затрудненъ. Военныя власти на Алтаѣ (напримѣръ, въ Бійскѣ) задерживаютъ мѣстные запасы для обезпеченія своихъ гарнизоновъ; но вывозъ изъ алтайскихъ губерній и безъ того затруднителенъ, потому что вагоны используются въ восточномъ направленіи. Мясные рессурсы истощаются. Маслодѣліе падаетъ.

„Нужно уменьшить составъ арміи и конскій составъ,“ раздаются голоса послѣ этого доклада.

Таково было положеніе дѣлъ въ маѣ, когда армія требовала снабженія и продовольствія на милліонъ человѣкъ, и когда рессурсы уже истощались настолько, что трезвые люди требовали сокращенія арміи.

Долго ли дойти до другого вывода—„надо прекращать войну“.

Результаты Совѣщанія были доложены Верховному Правителю. Адмиралъ приказалъ мнѣ передать Сукину, чтобы онъ немедленно поставилъ въ извѣстность союзниковъ о грозящемъ арміи вещевомъ голодѣ, а Михайлову о необходимости расходованія золотого запаса.

Въ этотъ моментъ начинается расходованіе небольшими, впрочемъ, партіями золота, которое все время бережно хранилось Омскимъ Правительствомъ, какъ неприкосновенное достояніе народа.

Государственный контролеръ выѣхалъ на фронтъ, чтобы познакомиться съ системой снабженія арміи на мѣстахъ и *со способомъ опредѣленія ея численности.* Существуетъ ли въ натурѣ милліонъ людей, на которыхъ отпускаются послѣднія средства?

Транспортъ.

Газеты переполнены были въ это время печальной хроникой желѣзнодорожнаго взяточничества. Провезти грузъ изъ Владивостока въ Западную Сибирь становилось труднѣе, чѣмъ попасть въ рай сквозь рядъ чистилищъ. Взятки въ мѣстѣ погрузки, въ мѣстахъ остановки, на границѣ съ Забайкальемъ, у таможни правительственной и таможни семеновской, въ каждомъ центрѣ генералъ-губернаторства, гдѣ возможна военная реквизиція... Послѣ безконечныхъ мытарствъ, грузъ, сопровождаемый „толкачемъ", прибываетъ къ мѣсту назначенія, но и здѣсь его ожидаютъ испытанія: либо реквизиція, по распоряженію ставки, либо невозможность вывоза со станціи. Владѣлецъ груза прибываетъ, напримѣръ, съ подводами на станцію, а эти подводы немедленно реквизируются для надобности военнаго вѣдомства.

Экономическое Совѣщаніе пожелало заслушать докладъ о транспортѣ.

Два вечера, около семи-восьми часовъ общею сложностью, продолжался обстоятельный докладъ товарища министра Ларіонова, и передъ глазами изумленныхъ слушателей предстала картина такой грандіозной работы вѣдомства путей сообщенія, такого величайшаго напряженія мѣстныхъ его агентовъ и такихъ успѣховъ, несмотря на всѣ затрудненія, что не нашлось ни одного члена Совѣщанія, который могъ бы бросить вѣдомству упрекъ. Присутствовавшій въ засѣданіи членъ междусоюзнаго Техническаго Совѣта подтвердилъ правильность всѣхъ сообщенныхъ цыфръ и фактовъ.

На Томской желѣзной дорогѣ скрывавшіеся въ тайгѣ большевики терроризировали мѣстныхъ служащихъ. Они нападали не только на станціи, но и на сторожевые посты, громили ихъ, уводили съ собой стрѣлочниковъ, иногда убивали служащихъ, но желѣзнодорожники продолжали покорно нести свою лямку.

46% вагоновъ было занято русскими и чешскими эшелонами. Пять роскошныхъ составовъ изъ лучшихъ вагоновъ стояли въ Омскѣ, въ видѣ помѣщеній для иностранныхъ миссій, и все же пассажирское сообщеніе улучшалось.

Но взяточничество, этотъ бичъ, это позорное пятно на всемъ русскомъ быту—какъ бороться съ нимъ? Не техническое вѣдомство должно было справиться съ этимъ зломъ. Его корни въ общей деморализаціи, обнищаніи и жаждѣ наживы и, можетъ быть, въ недостаткахъ системы вознагражденія.

Отсутствіе или недостатокъ премій, всеобщее уравненіе окладовъ по классамъ, безъ учета важности и квалифицированности службы, приводило къ тому, что начальники участковъ—инженеры получали такое маленькое вознагражденіе, что приходилось удивляться, какъ они живутъ.

Пользуясь случаемъ, торговопромышленники въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи подняли вопросъ о судьбѣ грузовъ, задержанныхъ въ связи съ введеніемъ правилъ плановой перевозки. Я плохо разобрался въ этомъ вопросѣ и не могъ понять, почему торговопромышленники настаивали на отмѣнѣ этихъ правилъ. Министръ путей сообщенія пригласилъ меня послѣ этого на засѣданіе Центральнаго Комитета, который разъ въ мѣсяцъ распредѣлялъ вагоны для перевозокъ.

Я попалъ на такое совѣщаніе уже въ іюнѣ. Оно было очень многолюдно. Всѣ проявляли громадный интересъ. Совершалось одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, опредѣлялся порядокъ питанія страны и арміи товарами.

— Чехо-войску 130 вагоновъ, говоритъ докладчикъ.

— Это, по крайней мѣрѣ, въ два раза больше, чѣмъ нужно на мѣсяцъ, шепчетъ мнѣ на ухо сосѣдъ.

Всѣ это знаютъ, но громко возражаетъ только предсѣдатель, Ларіоновъ, по настоянію котораго десятокъ или два вагоновъ скашиваются.

— Министерству финансовъ 90 вагоновъ на сахаръ.

— А сколько вывезено въ теченіе прошлаго мѣсяца?

— Половина.

— Такъ зачѣмъ же имъ давать опять большое количество вагоновъ?

Такъ происходило составленіе плана. Хуже всѣхъ защищался представитель министерства продовольствія. Видно было, что Ларіоновъ и другіе путейцы надъ нимъ издѣваются. Онъ не могъ толкомъ объяснить, куда что везутъ, и выходило, что хлѣбъ везутъ въ Маньчжурію, а желѣзо на Уралъ.

Поверхностныя впечатлѣнія не помогли мнѣ разобраться, кто правъ, кто виноватъ.

Когда на другой день я спрашивалъ Михайлова, почему онъ не пользуется вагонами, которые ему предоставляютъ подъ сахаръ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что виною здѣсь обычные фокусы начальниковъ станцій. Когда сахаръ привезутъ, нѣтъ вагоновъ, когда даютъ вагоны, нѣтъ сахара.

Нѣчто въ этомъ родѣ дѣйствительно происходитъ, но кто въ этомъ виноватъ, я такъ и не сумѣю сказать. Министръ путей увѣренъ, что виноваты были держатели товаровъ, потому что они не приписывались къ станціоннымъ складамъ и теряли очередь; склоненъ и я думать, что, при желаніи, дѣйствительно можно было грузить, особенно правительственнымъ учрежденіямъ, но иногда... выгоднѣе было продать очередь.

Спекуляція.

„Безудержная спекуляція разлагаетъ тылъ!" Такъ говорили кругомъ весною 1919 г., жалуясь на непомѣрное взвинчиваніе цѣнъ, на исчезновеніе съ рынка товаровъ, на злоупотребленія при перевозкѣ (подкупы, ложныя наименованія грузовъ и пр.). Въ юридическомъ обществѣ въ Омскѣ ученый экономистъ докладывалъ, что тѣ, кто вопитъ о спекуляціи—невѣжды, потому что спекуляція—это „торговля". Министръ продовольствія писалъ письмо начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго Лебедеву, что „борьба со спекуляціей" въ томъ видѣ, какъ ее осуществляютъ военныя власти—зло, и что нужна борьба противъ „борьбы со спекуляціей".

Но убѣдить общество, что спекуляція безвредна, и что безъ нея немыслима торговля, не удавалось, и, чѣмъ больше защищали спекулянтовъ авторитетные люди науки и опыта, тѣмъ яростнѣе на нее нападали обыватели и „военные".

Обывателю—а военный тоже обыватель—многое непонятно. Онъ, напримѣръ, не имѣетъ представленія о валютѣ и вексельномъ курсѣ, и ему никакъ не усвоить, почему товаръ, стоившій въ апрѣлѣ рубль, въ маѣ долженъ, въ виду паденія курса рубля на Востокѣ и въ предвидѣніи дальнѣйшаго пониженія, расцѣниваться въ пять разъ дороже. Ему невѣдомы и всѣ „тайны" транспорта.

Но зато обыватель чувствительнѣе научнаго и бюрократическаго аппарата. Онъ не можетъ не видѣть, какъ товаръ намѣренно припрятывается, какъ онъ намѣренно выдерживается на станціяхъ, и онъ негодуетъ, когда противъ этого не принимается мѣръ.

Гражданская власть не умѣла проявить иниціативы въ этомъ дѣлѣ, и борьбу со спекуляціей начала по всей линіи желѣзной дороги ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Были приняты чисто военныя мѣры. Объявлена была повальная реквизиція всѣхъ

задержанныхъ грузовъ. Торговопромышленники подали по этому поводу жалобу. „Нѣкоторыя фирмы", говорится въ ихъ запискѣ, „уже поднимаютъ вопросъ о прекращеніи дѣятельности. Безтоварье уже намѣчается. Совѣтъ съѣздовъ опасается, что желаніе торговопромышленнаго класса быть организованно-полезнымъ правительству и населенію встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ безысходности создавшагося для него положенія".

Хотя заявленіе носило общій характеръ, но оно было пріурочено къ опредѣленному распоряженію ставки. Превратить Экономическое Совѣщаніе въ слѣдственную комиссію я не могъ, а Неклютинъ увѣрилъ меня, что онъ уже нашелъ способы ликвидировать создавшіяся затрудненія.

Симптомы болѣзненнаго состоянія экономическаго оборота достаточно ясно выявились во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Истощающіеся рессурсы, деморализація желѣзнодорожнаго персонала (не техническаго, а эксплоатаціоннаго) и депрессія торговаго оборота—становились угрозою молодой государственности. Побѣды смѣнились въ іюнѣ неудачами, а рубль, расшатанный реформой, которая *подорвала довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ и внутри страны и особенно внѣ ея*, сталъ быстро падать.

Не въ добрый часъ были призваны на помощь представители общественности.

Открытіе обновленнаго Совѣщанія.

Торжественное открытіе работъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ его полномъ составѣ состоялось 19 іюня въ залѣ судебныхъ установленій.

„Первая задача, которую я ставлю Экономическому Совѣщанію," сказалъ адмиралъ—„это рѣшеніе вопросовъ снабженія нашей арміи и обезпеченіе экономическаго положенія участниковъ борьбы. Второй вопросъ —бюджетъ. Разборъ бюджета государства даетъ возможность оцѣнить работу власти. Третій—оплата труда. Въ разрѣшеніи вопроса земельнаго, одного изъ сложнѣйшихъ вопросовъ, которые приходилось государству рѣшать, я также ожидаю помощи отъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія.

Намѣтивъ эти очередныя задачи, Верховный Правитель указалъ: „въ ближайшее время *предполагается привлечь общественныхъ дѣятелей для разрѣшенія и другихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ*, связанныхъ съ выборами въ Національное Собраніе, подготовкой къ разрѣшенію національныхъ

вопросовъ, возникающихъ въ Россіи, и, наконецъ, вопросовъ областного управленія".

Обѣщаніе было дано. Планъ созданія законосовѣщательнаго органа путемъ постепеннаго развитія трехъ органовъ—Экономическаго Совѣщанія, комиссіи по Учредительному Собранію и Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, былъ Верховнымъ Правителемъ изложенъ въ сжатой, но, по существу, вполнѣ ясной и понятной формѣ.

— Навыдавали векселей! сказалъ недовольный Жардецкій.

— Начнется парламентаризмъ! сказали въ демократической „Нашей Зарѣ".— Мы не будемъ писать объ этой говорильнѣ.

— Ничего изъ Совѣщанія не выйдетъ. Нуженъ *законодательный* органъ! сказали лѣвые.

Недовольныхъ было больше, чѣмъ довольныхъ.

Историческія параллели.

„Открытіе работъ Государственнаго Совѣщанія", сказалъ я въ своей предсѣдательской рѣчи, „совпадаетъ съ годовщиною образованія въ Омскѣ ядра центральной власти—отдѣловъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата, которые преобразовались затѣмъ въ министерства сначала Сибирскаго, а впослѣдствіи Всероссійскаго Правительства. Это былъ историческій моментъ, когда смѣлость и самопожертвованіе подали одна другому руку и творили чудеса.

„Правительство не располагало тогда арміей, оно имѣло только добровольцевъ. Не было власти и порядка на мѣстахъ. Земскія самоуправленія, впервые появившіяся въ Сибири въ концѣ 1917 года, были разогнаны большевиками. Казна была ими ограблена—государство не имѣло достаточнаго количества денежныхъ знаковъ и не имѣло возможности ихъ выпускать.

„Слишкомъ много пришлось бы перечислять, чего не было тогда у власти, но, если это трудно, то зато легко сказать, чѣмъ она обладала.

„У нея было то, что объединило и власть и населеніе: общее сочувствіе начатому движенію, общее желаніе освободить Россію отъ позорнаго ига. Это общее сочувствіе, вмѣстѣ съ сознаніемъ Правительства, что на его сторонѣ правда, создало увѣренность въ успѣхѣ и помогло выйти изъ тяжелыхъ затрудненій.

„Правительство было увѣренно, потому что оно видѣло единодушный порывъ и возрожденіе національнаго чувства. Оно было спокойно, потому что при общемъ сочувствіи нельзя не побѣдить.

Озеро Боровое въ Акмолинской области.

„Много пережито тяжелыхъ моментовъ за этотъ длинный и трудный годъ, затрудненій, въ сравненіи съ которыми переживаемыя нынѣ—ничто. Итоги пережитому и созданному подводить сейчасъ несвоевременно, но нельзя не сказать, что существующія условія работы несравнимо лучше, чѣмъ были годъ назадъ.

„Достигнутые успѣхи несомнѣнны. Мы обладаемъ сейчасъ арміей, покрывшей себя боевой славой. Уральскій походъ въ жестокіе холода будетъ записанъ въ исторіи. Такая армія не можетъ не завершить съ честью начатаго дѣла.

„Существованіе арміи—показатель порядка. Дѣйствительно, пережитый годъ многому научилъ и многое улучшилъ. Мы обладаемъ сейчасъ аппаратомъ центральной и мѣстной власти. Началъ улучшаться транспортъ, начата подготовка, хотя бы частичная и несовершенная, къ упорядоченію народнаго хозяйства. Есть полныя основанія быть еще болѣе увѣренными и спокойными, чѣмъ раньше. Но всякая увѣренность имѣетъ свои условія. *Послѣ года войны мы переживаемъ моментъ величайшаго напряженія силъ*".

Экономика.

„Побѣды нужно добиться двойной", продолжалъ я: „надъ большевизмомъ и надъ хозяйственной разрухой страны. Побѣдить то и другое можно лишь при условіи, что Правительство такъ же, какъ годъ тому назадъ, будетъ дѣйствовать въ атмосферѣ общаго сочувствія и единодушнаго порыва. Больше чѣмъ когда-либо, необходимо полное единеніе всѣхъ силъ власти и общества. Силы эти должны быть сосредоточены прежде всего на сторонѣ хозяйственной.

„Русская революція пошла по неправильному пути. Она совершалась во имя политической свободы и улучшенія экономическаго благосостоянія широкихъ народныхъ массъ, а привела она къ уничтоженію свободъ и разрушенію даже относительнаго благосостоянія, которое было ко времени революціи. Временное Россійское Правительство, во главѣ съ княземъ Львовымъ, издало законы, установившіе свободу печати, собраній, союзовъ, но обстановка политической жизни не обезпечивала сохраненія этихъ свободъ, и, начиная съ іюльскихъ дней, Временное Правительство, возглавляемое Керенскимъ, создавало одно за другимъ ограниченія этой свободы, расширяя дискреціонную власть министровъ и въ отношеніи печати, и въ отношеніи собраній, и въ отношеніи публичныхъ рѣчей.

„Большевики вовсе уничтожили всѣ свободы. Они отмѣнили не только свободу печати, собраній, слова, но и свободу передвиженій, и, что хуже всего, взамѣнъ отмѣненныхъ, установили особый видъ свободы—свободу оскорбленій и униженій человѣческой личности.

„Однако, возвратить политическія свободы легче всего. Кто разъ сознал свое гражданское достоинство, тотъ не обратится въ раба. Но есть серьезная опасность и въ этомъ отношеніи. Эта опасность заключается въ нищетѣ.

„Нищимъ, голоднымъ легче обратиться въ рабовъ или преступниковъ, чѣмъ сохранить гражданское достоинство и защищать политическую свободу. Иначе поступаютъ только исключительныя натуры. Вотъ почему для сохраненія политической свободы необходимо прежде всего возстановить хотя бы относительное экономическое благосостояніе массъ.

„Компетенція Государственнаго Экономическаго Совѣщанія ограничена, но она обнимаетъ все, что въ настоящій моментъ является самымъ важнымъ—всю хозяйственную жизнь.“

Политика.

„Ни одинъ конституціонный вопросъ не можетъ сравниться по важности съ тѣми скромными на видъ, но несоразмѣрными по значенію задачами, которыя предуказаны намъ Верховнымъ Правителемъ: обезпечить семьи призванныхъ, улучшить положеніе рабочихъ, приблизить реальное разрѣшеніе земельнаго вопроса.

„Годъ тому назадъ мы наблюдали зарожденіе государственной власти. Нынѣ наблюдаемъ мы зарожденіе представительнаго учрежденія, безъ котораго не можетъ существовать демократическое государство, и не можетъ правильно функціонировать государственная власть.

„Но въ переживаемыхъ условіяхъ формы государственнаго устройства должны быть упрощенными—не подобаетъ дереву имѣть листву въ лютую зиму. Въ холода исчезаетъ листва, остаются стволъ и корни, въ коихъ сосредотачиваются всѣ жизненныя силы дерева. Такъ и во времена лихолѣтья оголяется стволъ государственнаго дерева.“

Надежды.

Къ моменту открытія Совѣщанія въ его составѣ уже намѣтилось пять группъ: земская, академическая, казачья, торгово-промышленная и кооперативная.

Партійности не проявлялось. Отвѣты на привѣтствія адмирала были проникнуты довѣріемъ къ власти и обѣщаніемъ поддержки.

„Высказываемъ убѣжденіе“, сказалъ представитель земской группы, „что всѣ дѣятели Правительства, и дѣятели земствъ и городовъ, и работники на нивѣ экономической объединятся въ работѣ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, примутъ необходимое участіе въ строительствѣ новой Великой свободной Россіи, съ одной мыслью и однимъ желаніемъ—блага, счастья и величія нашей Родинѣ“. „Государственное Экономическое Совѣщаніе несетъ въ себѣ тотъ зародышъ, изъ котораго со временемъ разовьется народное представительство“.

Это было какъ разъ то, на что я надѣялся. И мнѣ тѣмъ пріятнѣе было слышать лойяльныя заявленія земцевъ, что даже кадетъ В. А. Виноградовъ, вошедшій въ составъ Государственнаго Совѣщанія, выражалъ сомнѣнія въ *своевременности* открытія какого-нибудь подобія парламента. „Въ лютую зиму не подобаетъ дереву имѣть листву“. Эта мысль понималась въ слишкомъ узкомъ толкованіи, исключавшемъ возможность даже такихъ скромныхъ учрежденій. Воспоминанія о Сибирской Областной Думѣ всѣхъ пугали, и я зналъ, что мнѣ будетъ нелегко оградить авторитетъ своего учрежденія.

— Ну что, какъ вашъ парламентъ? спрашивали меня уже въ іюнѣ, подсмѣиваясь надъ газетными замѣтками, гдѣ сообщалось, что скамьи разставляются, какъ въ Государственной Думѣ, наказъ составляется по образцу думскаго, и т. д. Я отшучивался и былъ увѣренъ, что „мой“ парламентъ не посрамитъ себя.

Объединеніе власти.

На слѣдующій день послѣ открытія работъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія былъ опубликованъ приказъ генерала Деникина отъ 30 мая 1919 г., № 45.

Этотъ актъ, изданный въ періодъ блестящихъ побѣдъ генерала, перейдетъ въ исторію, какъ образецъ гражданскаго благородства и великодушной непритязательности.

Приказъ этотъ былъ изданъ Деникинымъ въ назиданіе кубанцамъ, грузинамъ, татарамъ, которые, оставшись въ глубокомъ тылу, упорно искали независимости, чтобы освободиться отъ обязательствъ.

Вотъ этотъ историческій приказъ:

„Безпредѣльными подвигами Добровольческой арміи, кубанскихъ, донскихъ, терскихъ казаковъ и горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ, къ сердцу Россіи. Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но, наряду съ боевыми успѣхами, въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой единой Россіи.

Спасеніе нашей родины заключается въ единой Верховной власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго государства и Верховному Главнокомандующему русскими арміями.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе.

Подписалъ генералъ-лейтенантъ Деникинъ".

Этотъ приказъ закончилъ объединеніе власти въ рукахъ Верховнаго Правителя, начало которому было положено Архангельскомъ, первымъ привѣтствовавшимъ Верховнаго Правителя послѣ его избранія и въ маѣ приславшимъ въ Омскъ своего представителя, кн. Куракина, для выясненія тѣхъ основаній, на которыхъ обоимъ правительствамъ можно будетъ сблизиться и слиться.

Генералъ М. К. Дитерихсъ.

Однако, на фронтѣ было неблагополучно.

Гайда былъ, въ концѣ концовъ, назначенъ Главнокомандующимъ. Заканчивая въ іюнѣ свою поѣздку по Уралу, я остановился въ Перми и видѣлъ его. Онъ не производилъ уже впечатлѣнія человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ. „Положеніе серьезно", сказалъ онъ: „мы взяли Глазовъ, но будемъ отступать. Пермь я, можетъ быть, не отдамъ, но штабъ перевожу все-таки въ Екатеринбургъ, такъ какъ оттуда легче управлять."

Онъ спѣшилъ на фронтъ воодушевлять, но тотъ городъ на Камѣ, гдѣ онъ хотѣлъ дать сраженіе, былъ отданъ раньше, чѣмъ Гайда выѣхалъ изъ Перми. Командующій уже упустилъ возжи изъ рукъ. Съ этого момента началось паническое отступленіе.

Гайда, не поладивъ съ командным составомъ, а, въ сущности, и не справившись со слишкомъ сложнымъ для него положеніемъ, вскорѣ ушелъ въ отставку. Сибирская и Западная арміи перешли въ подчиненіе генералу Дитерихсу.

Семья Дитерихсовъ—чешскаго происхожденія. Прародитель генерала покинулъ чешскую службу изъ-за притѣсненій со стороны нѣмцевъ. Отецъ его 40 лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ.

М. К. Дитерихсъ окончилъ пажескій корпусъ и съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ. Служилъ въ Туркестанѣ, участвовалъ въ русско-японской войнѣ. Послѣ этой войны работалъ въ главномъ управленіи генеральнаго штаба и сыгралъ важную роль въ разработкѣ той системы мобилизаціи, проведеніе которой дало блестящіе результаты при объявленіи войны съ Германіей.

Съ начала военныхъ дѣйствій М. К. Дитерихсъ получилъ назначеніе начальникомъ штаба 3 арміи, выдержавшей грозныя испытанія въ Галиціи. Онъ былъ все время близкимъ сотрудникомъ М. В. Алексѣева, который призвалъ его къ себѣ въ штабъ юго-западнаго фронта.

Въ началѣ 1915 года Дитерихсъ былъ уже генералъ-квартирмейстеромъ всего этого фронта. На этой должности онъ оставался $1^1/_2$ года. Всѣ самыя главныя операціонныя задачи, такъ блестяще выполненныя арміей этого фронта, были имъ разработаны. Такимъ образомъ, уже въ первый годъ войны онъ имѣлъ солидный стажъ руководителя операціями арміи. Послѣ ухода Иванова отъ должности командующаго юго-западнымъ фронтомъ, М. К. Дитерихсъ получилъ назначеніе въ строй, въ качествѣ начальника одной изъ дивизій, отправленныхъ Россіей въ помощь союзникамъ, а именно, въ Македонію, на Салоникскій фронтъ, гдѣ онъ пробылъ до іюня мѣсяца 1917 года. Въ это время онъ былъ вызванъ военнымъ министромъ и предсѣдателемъ Совѣта министровъ Керенскимъ въ Петроградъ, и ему былъ предложенъ постъ военнаго министра. Онъ отказался и тогда получилъ назначеніе въ ставку, гдѣ занималъ постъ квартирмейстера при генералѣ Корниловѣ и генер. Духонинѣ.

При взятіи ставки большевиками, ему удалось избѣжать смерти, только благодаря случайности. Потомъ, съ помощью одного изъ представителей союзныхъ армій, Дитерихсъ перебрался въ Кіевъ, гдѣ въ то время находилась его семья, для пропитанія которой ему приходилось заниматься тяжелымъ физическимъ трудомъ. Въ то время нѣмцы были почти главными хозяевами Украйны. Чехо-

словацкія части собирались пробираться на Востокъ. Они пригласили Дитерихса къ себѣ, въ качествѣ главнокомандующаго. Находившійся во главѣ передовыхъ эшелоновъ генералъ Дитерихсъ взялъ Владивостокъ и, постепенно продвигаясь обратно, объединился съ тыловыми эшелонами, часть которыхъ была тогда подъ командованіемъ генерала Гайды.

Впослѣдствіи, уже въ началѣ 1919 года, М. К. Дитерихсу былъ предложенъ постъ главнокомандующаго, но это предложеніе было измѣнено, и онъ оставался въ должности генерала для порученій при Верховномъ Главнокомандующемъ. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ руководствѣ слѣдствіемъ объ убійствѣ б. царской семьи.

Авторитетъ новаго Главнокомандующаго заставилъ всѣхъ облегченно вздохнуть: Лебедеву и ставкѣ никто не вѣрилъ. Привѣтствовали это назначеніе и союзники. Положеніе не считалось безнадежнымъ.

Заявленіе адмирала и обѣщанія союзниковъ.

Но помогутъ ли союзники?

3-го іюня было вручено адмиралу обращеніе пяти державъ, заявлявшихъ о своемъ сочувствіи омской власти и желавшихъ получить разъясненія по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ. Эти разъясненія были немедленно даны. Текстъ ихъ былъ опубликованъ.

„Правительство, мною возглавляемое, было счастливо освѣдомиться, что цѣли державъ въ отношеніи Россіи находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, которыя себѣ поставило Россійское Правительство, стремящееся прежде всего возстановить въ странѣ миръ и обезпечить русскому народу право свободно опредѣлить свое существованіе черезъ посредство Учредительнаго Собранія. Глубоко цѣня интересъ, проявленный державами къ русскому національному движенію, и признавая вполнѣ справедливымъ ихъ желаніе ознакомиться съ политическими убѣжденіями Россійскаго Правительства, я готовъ подтвердить неоднократно мною уже сдѣланныя заявленія, за которыми я всегда признавалъ безусловно связывающую силу.

1) 18 ноября 1918 года я принялъ власть и не намѣренъ удерживать ее ни на одинъ день дольше, чѣмъ это требуется благомъ страны. Въ день окончательнаго разгрома большевиковъ моей первой заботой будетъ назначеніе выборовъ въ Учредитель-

Генералъ М. К. Дитерихсъ.

ное Собраніе. Нынѣ спѣшно работаетъ комиссія по подготовкѣ выборовъ, которая установитъ ихъ условія и порядокъ на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Признавая себя отвѣтственнымъ передъ этимъ Учредительнымъ Собраніемъ, я передамъ ему всю власть, дабы оно свободнымъ рѣшеніемъ опредѣлило будущее устройство государства. Въ этомъ была мной принята присяга передъ Высшимъ Россійскимъ Судомъ—хранителемъ законности нашего государства. Всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы закончить возможно скорѣе гражданскую войну сокрушеніемъ большевизма и предоставить, наконецъ, русскому народу возможность дѣйствительно свободнаго волеизъявленія. Всякая затяжка борьбы лишь отложила бы этотъ день, ибо Правительство не считаетъ возможнымъ замѣнить неотъемлемое право законныхъ и свободныхъ выборовъ возстановленіемъ Учредительнаго Собранія 1917 г., избраніе въ которое происходило подъ большевистскимъ режимомъ насилія, и большая часть членовъ коего находится нынѣ въ рядахъ большевиковъ. Лишь законно избранному Учредительному Собранію будетъ принадлежать верховное право окончательно рѣшить всѣ основныя государственныя задачи, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія.

2) Я высказываю, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовность уже теперь обсудить съ державами всѣ связанные съ Россіей международные вопросы въ свѣтѣ тѣхъ идей сокращенія вооруженій, предотвращенія войнъ и миролюбивой и свободной жизни народовъ, завершеніемъ которыхъ является Лига націй. Правительство, однако, считаетъ долгомъ отмѣтить, что окончательная санкція всѣхъ рѣшеній отъ имени Россіи принадлежитъ Учредительному Собранію. Россія въ настоящее время является и впослѣдствіи можетъ быть только государствомъ демократическимъ, въ которомъ всѣ вопросы, касающіеся измѣненія территоріальныхъ границъ и международныхъ отношеній, должны получить ратификацію представительнаго органа.

3) Признавая естественнымъ и справедливымъ послѣдствіемъ великой войны созданіе объединеннаго Польскаго государства, Правительство считаетъ себя правомочнымъ подтвердить независимость Польши, объявленную Россійскимъ Временнымъ Правительствомъ 1917 года, всѣ заявленія и обязательства котораго мы на себя приняли. Окончательная санкція размежеванія между Польшей и Россіей должна, согласно принципамъ пункта второго, быть отложена до Учредительнаго Собранія. Уже теперь мы готовы признать фактически существующее финляндское правительство,

обезпечивъ ему полную независимость во внутреннемъ устройствѣ и управленіи Финляндіей. Окончательное же рѣшеніе вопроса о Финляндіи принадлежитъ Учредительному Собранію.

4) Мы охотно готовы нынѣ же подготовить рѣшенія, связанныя съ судьбой національныхъ группировокъ: Эстоніи, Латвіи, Литвы, кавказскихъ и закаспійскихъ народностей, и разсчитываемъ на быстрое рѣшеніе этихъ вопросовъ, такъ какъ Правительство уже теперь обезпечиваетъ автономныя права національностей. Предѣлы же и характеръ этихъ автономій должны, конечно, каждый разъ быть опредѣлены отдѣльно. Въ случаѣ же затрудненій въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, Правительство охотно воспользуется миролюбивымъ сотрудничествомъ Лиги націй.

5) Вышеуказанный принципъ ратификаціи соглашеній Учредительнымъ Собраніемъ, конечно, долженъ быть примѣненъ и къ вопросу о Бессарабіи.

6) Россійское Правительство подтверждаетъ еще разъ свое заявленіе отъ 27 ноября 1918 г., которымъ оно приняло на себя всѣ національные долги Россіи.

7) Переходя къ вопросамъ внутренняго устройства, могущимъ интересовать державы, поскольку они являются показателями политическаго направленія Россійскаго Правительства, я повторяю, что не можетъ быть возврата къ режиму, существовавшему въ Россіи до февраля 1917 года. То временное рѣшеніе земельнаго вопроса, на которомъ остановилось мое Правительство, имѣетъ въ виду удовлетвореніе интересовъ широкихъ круговъ населенія и исходитъ изъ сознанія, что только тогда Россія будетъ цвѣтущей и сильной, когда многомилліонное крестьянство наше будетъ въ полной мѣрѣ обезпечено землей. Равнымъ образомъ, при управленіи освобожденными частями Россіи, Правительство не только не ставитъ препятствій свободной дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій, но видитъ въ ихъ работѣ и въ укрѣпленіи началъ самоуправленія непремѣнное условіе возрожденія страны и помогаетъ этимъ органамъ самоуправленія всѣми имѣющимися у него средствами.

8) Поставивъ себѣ задачей водворить въ странѣ порядокъ и правосудіе и обезпечить личную безопасность усталому отъ насилій населенію Россіи, Правительство признаетъ, что всѣ сословія и классы равны передъ закономъ. Всѣ они, безъ различія религій и національностей, получатъ защиту государства и закона. Напрягая всѣ силы и рессурсы страны къ достиженію указанныхъ выше задачъ, Правительство, мною возглавляемое, вы-

сказывается въ эти рѣшительные дни отъ имени всей національной Россіи. Я увѣренъ, что послѣ сокрушенія большевизма мы сможемъ въ полномъ согласіи разрѣшить всѣ вопросы, въ которыхъ одинаково заинтересована каждая изъ народностей, связанныхъ своей государственной жизнью съ Россіей. Адмиралъ Колчакъ".

На это заявленіе былъ полученъ 24 іюня слѣдующій отвѣтъ:

„Обсудивъ отвѣтъ адмирала Колчака, конференція державъ вынесла слѣдующее рѣшеніе.

Союзныя и дружественныя державы счастливы, что общій тонъ отвѣта адмирала Колчака и его основныя положенія находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ предположеніями. Отвѣтъ содержитъ удовлетворяющія ихъ завѣренія о свободѣ, мирѣ и самоуправленіи русскаго народа и его сосѣдей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся къ нему помощь, упомянутую въ предыдущемъ сообщеніи".

Юбилей 1-го іюля.

Можно ли было падать духомъ? Протянутая къ общественности рука встрѣтила почти единодушный дружескій отвѣтъ. Отъ выборовъ въ Государственное Экономическое Совѣщаніе отказались лишь явно партійныя земства: Приморское, Томское, Енисейское, Иркутское, но и въ отношеніи ихъ дѣло не обстояло безнадежно.

Фронтъ врученъ былъ талантливому и опытному генералу.

Союзники торжественно обѣщали помощь.

Съ бодрымъ настроеніемъ была встрѣчена годовщина созданія Сибирскаго Правительства.

1-го іюля 1918 года въ Омскѣ были опубликованы первыя граматы Сибирскаго Правительства, было положено начало возсозданію государства.

Взвившійся тогда бѣлозеленый флагъ сталъ историческимъ, какъ стало историческимъ и Сибирское Правительство.

Сибирское Правительство, имѣвшее подъ собой хотя бы призрачную основу, въ видѣ избранія Областною Думою, объединило всю Сибирь и было признано *законной* властью.

Исторія имѣетъ свои законы. Когда начался могущественный приливъ патріотическихъ чувствъ, тогда никакія искусственныя плотины не могли выдержать. Патріотизмъ мѣстный уступилъ напору волны національныхъ порывовъ.

Уфимское Совѣщаніе—тоже историческое явленіе. И Всероссійская Директорія, несмотря на кратковременность ея существо-

ванія, совершила великое, глубокаго значенія, дѣло. Она внесла еще большее единство въ движеніе государственности, она выкинула трехцвѣтный національный флагъ. Мы достигли новой вершины. Исчезли Сибирская Областная Дума, Амурское и Уральское Правительства, Самарскій Комитетъ—на вершинѣ осталось одно Россійское Правительство. *Задача объединенія была рѣшена:* вся территорія подпала подъ одно кормило власти. *Осталась другая задача—укрѣпить самую власть.*

Ни Сибирское Правительство ни Директорія не были прочны въ своей внутренней организаціи. Первое состояло изъ людей, не столько различныхъ по взглядамъ, сколько различныхъ по характерамъ, притомъ, суверенное по своимъ заявленіямъ, оно не было вполнѣ свободнымъ и независимымъ по своимъ дѣйствіямъ. На верховную власть выражала претензіи Сибирская Областная Дума. Суверенная Директорія была составлена изъ людей различныхъ политическихъ группъ, у нея не было прочности цѣльнаго камня, она была искусственно склеена изъ различныхъ кусковъ. А возлѣ нея стоялъ тоже претендентъ на верховную власть, постоянно заявляющій о себѣ односторонне партійный составъ, осколокъ Учредительнаго Собранія.

День 18 ноября—великій день преобразованія власти. Избраніе Верховнаго Правителя окончательно оформило подготовлявшееся всѣмъ предыдущимъ процессомъ объединеніе и сліяніе власти.

Что говорили Европѣ и Россіи имена безвѣстныхъ сибирскихъ министровъ, что могли ей сказать сибирскіе парламенты? Адмиралъ Колчакъ—доблестный предводитель русскаго флота, выдающійся участникъ войнъ и полярныхъ экспедицій, онъ обладалъ именемъ и авторитетомъ всероссійскимъ. Европа и Россія знали, кто поднялъ брошенный національный флагъ, и вѣрили, что поднятый флагъ будетъ врученъ народному собранію.

Годовщина была встрѣчена спокойно и бодро. Но не было поздравленій, не было радости. Не одна форма власти опредѣляетъ прочность положенія.

Адмиралъ уѣхалъ на фронтъ. Съ начала весны, когда только произошла первая неудача, онъ потерялъ спокойствіе и безпрерывно уѣзжалъ изъ Омска. Какъ мало было счастливыхъ дней у Верховнаго Правителя. Декабрь и февраль были проведены въ постоянной подготовкѣ къ наступленію. Было нѣсколько счастливыхъ дней неподдѣльнаго воодушевленія на Уралѣ при первыхъ встрѣчахъ Верховнаго Правителя и общественности. Но

случай съ чехомъ, убитымъ въ Екатеринбургѣ, отравилъ прелесть поѣздки.

Были побѣды въ мартѣ, и свѣтлый праздникъ Воскресенья въ апрѣлѣ былъ встрѣченъ адмираломъ съ улыбкой радостныхъ надеждъ. Онъ принялъ присужденный ему орденъ Георгія 3-ей степени.

Но сейчасъ же начались неудачи.

Ему выражали преданность. Въ маѣ и іюнѣ его власть признавали и на югѣ и на сѣверѣ. Союзники слали ему обѣщанія.

Но онъ уже метался, онъ не вѣрилъ друзьямъ.

Тяжелъ оказался крестъ верховной власти.

Глава XIX.

Рецепты спасенія.

Еще только свѣтало, когда мы съ П. В. Вологодскимъ подъѣхали къ парому, для переправы черезъ Иртышъ. На берегу было много крестьянъ, пріѣхавшихъ на базаръ. Они съ любопытствомъ прислушивались къ визгу пуль, сопровождавшему учебную стрѣльбу тутъ же на берегу Иртыша.

Прошелъ большой пароходъ подъ флагомъ Краснаго Креста. Видно, везъ раненыхъ или больныхъ изъ Тюмени.

Чувствовалось приближеніе войны, но жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Явленія войны какъ будто скользили по поверхности.

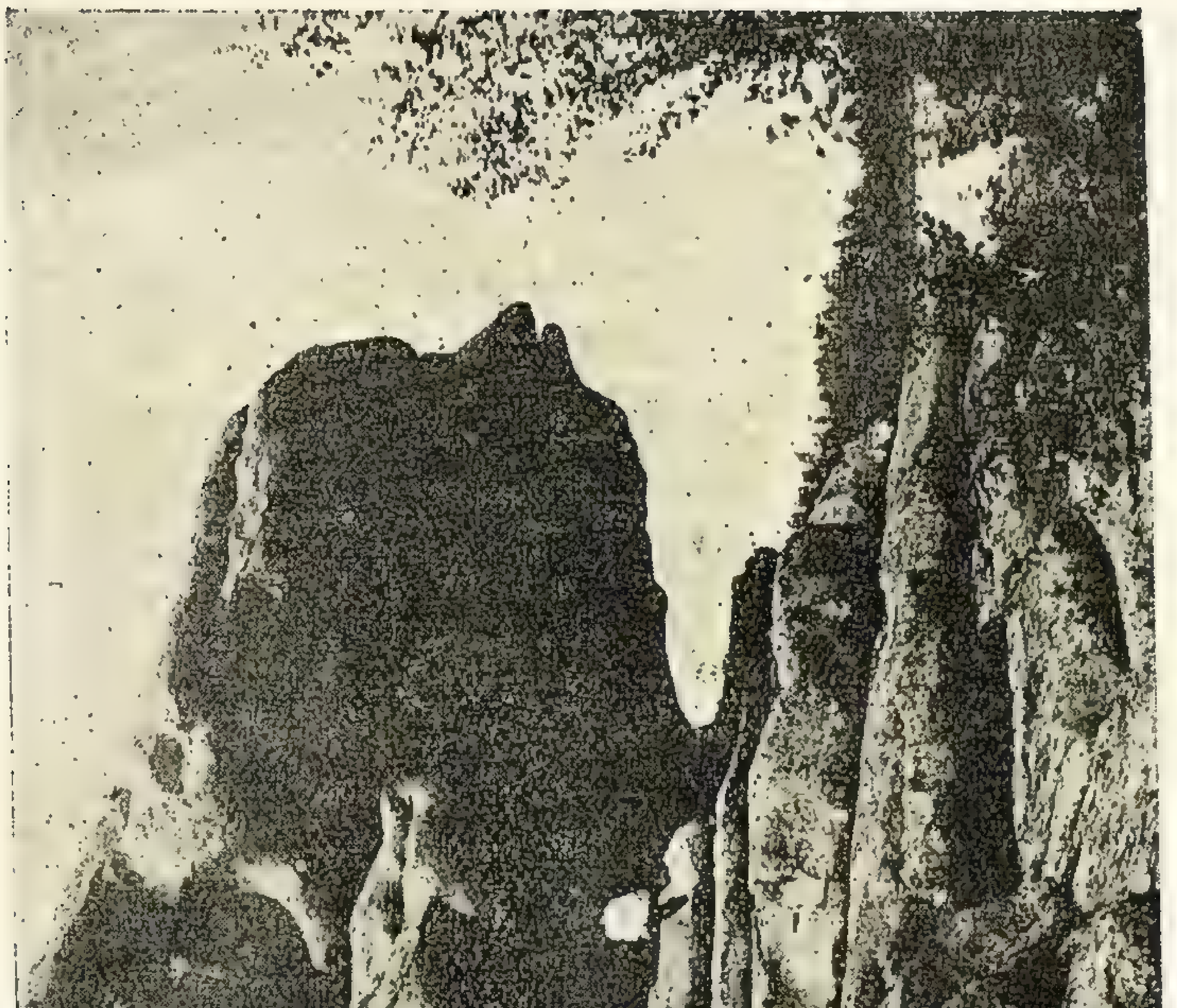
Автомобиль не проѣхалъ версты, какъ завязъ въ болотѣ. Какіе-то встрѣчные киргизы, по первой просьбѣ, залѣзли по колѣно въ грязь и помогали вытаскивать машину. Безропотный, добродушный народъ!

Двинулись дальше. Въ Куломзинѣ на каждомъ поворотѣ стояли конные и пѣшіе стражники. Это демонстрировалась уѣздная милиція. Нужды въ этомъ почетѣ не было. Никто не обращалъ вниманія на ѣдущихъ.

Скоро началась степь. Высокая трава, пестрые луга, украшенные яркими и душистыми цвѣтами, колосистая пшеница—все такое мирное, спокойное, привѣтливое. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ легче становилось на душѣ.

Сначала на пути попадались хутора, выселки, потомъ только большія явно хохлацкія деревни, съ ихъ типичными выбѣленными домиками изъ земляного кирпича, но кое-гдѣ были видны хорошіе кирпичные дома съ желѣзными крашеными крышами.

Мы съ П. В. Вологодскимъ ѣхали въ Боровое, одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ Сибири. Всего четыреста верстъ отъ Омска — и какой контрастъ ровной сухой степи съ высокими, малодоступными горами Борового и его десятками изумрудныхъ озеръ. Никакія описанія этой мѣстности не заключаютъ въ себѣ преувеличеній. Она всегда заслуживаетъ большаго, чѣмъ ей отводится.



Сфинксъ-камень на Боровомъ озерѣ.

Природа ничего не пожалѣла на Боровое; разнообразнѣйшія богатства щедро разбросаны кругомъ. Она такъ заботливо складывала горы изъ ровныхъ выглаженныхъ камней, такъ искусно располагала ихъ между озерами, что порою не вѣрилось, что это—не дѣло рукъ человѣка.

Въ тридесятомъ государствѣ.

Вологодскій пріѣхалъ отдохнуть; онъ, несомнѣнно, нуждался въ этомъ. Я сопровождалъ его съ тѣмъ, чтобы немедленно вернуться обратно. Меня интересовало и Боровое и деревенская глушь: что тамъ думаютъ, чего хотятъ? Какъ относятся къ Правительству и войнѣ съ большевиками?

Вездѣ, гдѣ только это было возможно, мы разговаривали съ крестьянами и казаками.

— Большевики! А што они намъ чинили? Вотъ було, что пріѣхали сюда, якъ вы, и тоже до минѣ, якъ домъ у меня гарный. Тоже съ ружьями були, якъ вы.

Вотъ простодушное сравненіе, съ скрытымъ хохлацкимъ юморомъ. Тоже пріѣзжали изъ города, чужіе къ чужимъ, тоже съ ружьями и не въ первую попавшуюся хату, а въ домъ побольше да покрасивѣе. Одинаково чужіе деревнѣ—и мы и большевики. Потомъ мужикъ сталъ разсказывать про Невѣрова, губернатора дореволюціоннаго времени, который часто проѣзжалъ по губерніи и очень заботился о мужикахъ.

Въ Боровомъ Вологодскому доложили, что весь югъ Акмолинской области охваченъ возстаніями. Крестьяне объясняли причины: мы не большевики, мы противъ казаковъ.

Привилегированное сословіе казаковъ, пользуясь военнымъ положеніемъ, чинило, подъ видомъ борьбы съ большевиками, насилія надъ мирными крестьянами, и послѣдніе, не видя на мѣстахъ сильной власти, которая могла бы ихъ защитить, начинали повсюду партизанскую борьбу. Власть отвѣчала на это репрессіями, и война разгоралась.

— Слыхали ли вы что-нибудь объ адмиралѣ Колчакѣ? спросилъ я одного старика-казака, сынъ котораго служилъ въ Омскѣ и гостилъ у отца третью недѣлю, по случаю болѣзни. Пьяный товарищъ отрубилъ ему въ Омскѣ ухо.

—Ничего не слыхали. Онъ, никакъ, будетъ изъ англичанъ.

—Вотъ тебѣ и на! Неужели и сынъ не знаетъ?

—Какъ не знать, замѣчаетъ сынъ, и тутъ же разсказываетъ нѣкоторые эпизоды изъ военной жизни адмирала.

За три недѣли у отца съ сыномъ не нашлось времени или случая поговорить объ Омскѣ, о войнѣ, о Верховномъ Правителѣ. И не сумѣю объяснить, почему, но мнѣ показалось, что старикъ все-таки не повѣрилъ, что адмиралъ—русскій.

Проѣзжая безграничную киргизскую степь, напоминавшую море и однообразіемъ и невозможностью опредѣлить направленіе, ту самую степь, посреди которой стоитъ одиноко, какъ какое-то чудо, гора Синюха, подымающаяся, подобно тучѣ, на горизонтѣ и видная за двѣсти верстъ, потому что все кругомъ ровно и чисто—мы попали на обратномъ пути въ нѣмецкій поселокъ. Староста былъ солдатомъ, участвовалъ въ войнѣ. Поселенцы пришли изъ Самарской губерніи и попали на одинъ изъ худшихъ участковъ, глухой и безводный, но и здѣсь они стали обживаться, обезпечивая доходы, главнымъ образомъ, на табакѣ и скотоводствѣ. Степь въ этихъ мѣстахъ сѣрая, убогая, непривлекательная. Въ поселкѣ ни одного деревца, но въ хатахъ чисто, есть картинки, фотографіи, даже книжки.

— Неужели большевики придутъ? спросилъ староста: куда же теперь идти?

А кругомъ на сто верстъ, кромѣ киргизскихъ зимовокъ—никакого жилья. Неужели и отсюда надо бѣжать, неужели и здѣсь можетъ быть опасенъ соціализмъ?

Въ другой деревнѣ я остановился у крестьянина-старожила. Онъ самъ жилъ въ обыкновенной хатѣ, но тутъ же у него стоялъ каменный домъ съ крашеными полами и вѣнскими стульями. Стѣны были украшены плакатами Макъ-Кормика.

Хозяинъ повелъ меня въ свой огородъ. Здѣсь было все, что только могло произрастать въ степномъ краѣ. Больше всего вниманія удѣлялось табаку.

— Вѣдь вотъ что досадно, объяснялъ мнѣ мужикъ-помѣщикъ: некому объяснить, какъ съ нимъ обращаться. Вотъ тоже на полѣ. Я знаю одну траву, послѣ которой хлѣбъ чудно родится, да какъ ее называютъ, никто не знаетъ, и сѣмянъ никакъ купить невозможно.

— Эхъ, плохо, что о насъ, крестьянахъ, никто не думаетъ, прибавилъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ сосѣдей.

Былъ у меня въ одной деревнѣ цѣлый митингъ. Объяснялись мы съ крестьянами относительно войны.

— Замиренія надо! говорили мужики: не выходитъ это, чтобъ воевать безъ конца.

И никакъ нельзя было втолковать имъ, что мира съ большевиками не можетъ быть. Они какъ будто и соглашались, но... не вѣрили.

Много впечатлѣній привезъ я съ собой въ Омскъ, и самое главное было то, что Омскъ для этихъ даже недалекихъ отъ него деревень былъ тридевятымъ царствомъ, а деревня была для Омска тридесятымъ государствомъ.

Печальныя новости.

Вологодскій уѣзжалъ изъ Омска въ увѣренности, что положеніе на фронтѣ скоро улучшится. Въ Боровомъ ему докладывалъ начальникъ милиціи, что мѣстные евреи „прыгаютъ отъ радости, говорятъ, что большевики скоро возьмутъ Екатеринбургъ".

— Отчего же имъ радоваться?

— Да какъ же, вѣдь большевики-то имъ „свои".

Пріѣзжаемъ въ Омскъ—оказывается, Екатеринбургъ сданъ. Отступленія нѣтъ. Происходитъ паническое бѣгство. Гдѣ и какъ остановится фронтъ, сказать трудно.

Состоятельные люди начинаютъ эвакуироваться.

Настроеніе у всѣхъ возбужденное. Какъ всегда при неудачахъ, ищутъ виновнаго и придумываютъ средства спасенія.

Увольненіе генерала Хорвата.

Первое засѣданіе Совѣта министровъ, на которое я попалъ послѣ возвращенія изъ поѣздки, началось съ вопроса объ устраненіи генерала Хорвата отъ должности Верховнаго Уполномоченнаго. Это было 15 іюля.

Со времени назначенія на должность предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, послѣдовавшаго за проваломъ моей кандидатуры на должность товарища Предсѣдателя Совѣта министровъ, я не могъ быть посвященъ во всѣ тайны высшей политики. Онѣ были доступны только членамъ Совѣта Верховнаго Правителя. Съ каждымъ мѣсяцемъ политическое значеніе этого Совѣта чувствовалось все сильнѣе. Совѣтъ министровъ еще въ февралѣ-мартѣ утратилъ свое вліяніе, преобладающее значеніе пріобрѣли адмиралъ Колчакъ съ Совѣтомъ, который, по идеѣ его создателей, долженъ былъ служить постоянной связью между Верховнымъ Правителемъ и Правительствомъ.

Совѣтъ Верховнаго Правителя обсуждалъ и рѣшалъ всѣ важнѣйшіе политическіе и международные вопросы, и министры узнавали о нихъ только случайно или въ связи съ оформленіемъ уже принятаго рѣшенія какимъ-нибудь актомъ, проходившимъ черезъ Совѣтъ министровъ.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о генералѣ Хорватѣ.

Незадолго до моей поѣздки былъ какъ-то разговоръ о необходимости измѣнить систему управленія Дальнимъ Востокомъ, въ смыслѣ большей централизаціи власти. Особенно горячо высказывались въ пользу этого Пепеляевъ и Сукинъ. Первый находилъ, что авторитетъ Омскаго Правительства на Востокѣ слабъ потому, что тамъ существуетъ особое управленіе, которое строится независимо отъ центра, а по существу себя не оправдываетъ; Сукинъ же былъ недоволенъ, что всѣ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики Сибири разрѣшались во Владивостокѣ, а не въ Омскѣ. Я плохо разбирался тогда въ вопросахъ управленія Дальнимъ Востокомъ и рѣшилъ побесѣдовать по этому вопросу съ членами Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Но, какъ участникъ делегаціи Вологодскаго во Владивостокъ въ 1918 г., я зналъ, что Дальній Востокъ не считаетъ себя Сибирью и живетъ особенною жизнью, что онъ имѣетъ такія своеобразныя условія внутренняго и внѣшняго характера, что подчинить его обычному режиму почти невозможно. Я тогда же указалъ, что въ будущемъ, когда подымется опять вопросъ объ автономіи Сибири, едва ли будетъ цѣлесообразно создавать одно общее управленіе для всей Сибири, и что лучше поэтому сохранить въ какой-либо формѣ краевыя учрежденія Д. Востока. Какъ разъ къ этому времени были получены свѣдѣнія, что самоуправленія избрали своихъ представителей въ Совѣтъ при Верховномъ Уполномоченномъ, который они долго бойкотировали.

Возраженій по существу не было, но одинъ изъ министровъ разсказалъ о письмѣ, которое онъ получилъ чуть ли не отъ Меньшикова, приморскаго статистика, описывавшаго, что дѣлается вокругъ Хорвата компаніей спекулянтовъ, кто-то напомнилъ о докладѣ прибывшаго изъ Владивостока генерала, который сравнивалъ Эгершельдъ (часть порта, гдѣ стояли поѣзда генерала Хорвата и его канцеляріи) съ апендицитомъ, Михайловъ жаловался на противодѣйствіе или бездѣйствіе генерала въ нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросахъ, напримѣръ, продажѣ сахара по монопольной цѣнѣ (что было, какъ выяснилось потомъ, не осуществимо, въ виду дешевизны сахара въ Китаѣ и легкости контрабанды), и, въ общемъ, настроеніе по отношенію къ ген. Хорвату сложилось неблагопріятное. Никто не зналъ, и никто не умѣлъ объяснить положительныя стороны дальневосточнаго управленія.

Въ Совѣтѣ предсѣдательствовалъ Тельбергъ, назначенный, сверхъ двухъ должностей—главноуправляющаго дѣлами Правитель-

ства и министра юстиціи, которыя онъ тогда совмѣщалъ, еще и замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта министровъ. Говорилось не по вопросу объ увольненіи генерала, а о томъ, какое почетное назначеніе ему можно дать.

— Развѣ вопросъ уже рѣшенъ? спросилъ я на ухо сосѣда, Преображенскаго.

— Чортъ знаетъ, кто и гдѣ его рѣшалъ, по крайней мѣрѣ, меня никто не спрашивалъ.

— Гдѣ же рѣшили вопросъ? спросилъ я другого.

— Да въ Совѣтѣ Верховнаго.

Каково же было мое удивленіе, когда, вслѣдъ за указомъ объ увольненіи Хорвата, былъ зачитанъ указъ о назначеніи, вмѣсто него, Розанова, побѣдителя большевиковъ Енисейской губерніи!

— Кѣмъ же онъ будетъ?

— Главнымъ начальникомъ Пріамурскаго края.

Уничтожили Верховнаго Уполномоченнаго и назначили Главнаго начальника края. Былъ ли хоть какой-либо смыслъ въ этой реформѣ? На меня обрушились съ негодованіемъ, когда я позволилъ себѣ усомниться, что это „централизація". „Розановъ пріѣдетъ на мѣсто и уничтожитъ тамъ всѣ дальневосточныя министерства, онъ мнѣ обѣщалъ", заявилъ Пепеляевъ.

Сейчасъ трудно понять, какъ можно было замѣнить генерала Хорвата, человѣка государственнаго и дипломатичнаго, необузданнымъ и неряшливымъ Розановымъ.

Но послѣдняго тогда никто, какъ слѣдуетъ, не зналъ. Одна, двѣ встрѣчи, впечатлѣніе типичнаго армейскаго офицера, съ сиплымъ голосомъ и вульгарнымъ неумнымъ лицомъ—вотъ и все.

— Намъ нужна автономія края, а не автономія лицъ, сказалъ мнѣ членъ Экономическаго Совѣщанія Алексѣевскій, бывшій глава Амурскаго Правительства, по поводу генер. Хорвата. Что должны были тогда сказать про генерала Розанова?

Какая-то злая рука какъ будто намѣренно губила авторитетъ Омскаго Правительства тамъ, гдѣ Америка и Европа составляли себѣ впечатлѣніе о характерѣ омской власти.

Рѣдкій корреспондентъ совершалъ поѣздку вглубь Сибири. Большею частью, онъ удовлетворялся пребываніемъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ имѣлъ возможность досыта наслушаться разсказовъ о калмыковцахъ и семеновцахъ, а потомъ и о Розановѣ.

Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано. Уволили, назначили и перешли къ очереднымъ дѣламъ. Я могу сказать по двух-

лѣтнему министерскому опыту, что ничего не можетъ быть легче, какъ провести что-нибудь совершенно несообразное, если этого хочетъ предсѣдатель. Совершенно неожиданное для большинства, но твердо произнесенное предсѣдателемъ предложеніе такъ огорошитъ, что всѣ молчатъ, а молчаніе—знакъ согласія. Я тоже молчалъ, слѣдовательно, тоже былъ согласенъ.

Еще новость.

— Гдѣ вы пропадали? спросилъ меня Михайловъ: тутъ безъ васъ чуть не разогнали Экономическое Совѣщаніе.

— Это еще что такое?

Оказывается, въ мое отсутствіе генералъ Андогскій, котораго я самъ просилъ объ этомъ, сдѣлалъ членамъ Совѣщанія докладъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Замѣститель мой, бывшій членъ Директоріи В. А. Виноградовъ, избранный товарищемъ предсѣдателя, поставилъ этотъ докладъ въ оффиціальномъ засѣданіи, а не въ частномъ собраніи, какъ я предполагалъ.

Докладчику стали задавать вопросы.

— Принято ли во вниманіе, что отступать придется за Тоболъ? спросилъ почему-то хорошо освѣдомленный въ этомъ Алексѣевскій.

— Большевикъ! зашипѣлъ на него Жардецкій.

Стали шумѣть. Враги Андогскаго доложили адмиралу, что генералъ хотѣлъ пріобрѣсти популярность, что онъ не имѣлъ права безъ разрѣшенія выступать. Формально это, можетъ быть, было и вѣрно. Враги Экономическаго Совѣщанія и вообще „конституціонныхъ затѣй“ донесли, что члены Экономическаго Совѣщанія по поводу доклада Андогскаго обсуждали общее политическое положеніе и готовятъ петицію.

Адмиралъ въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя стучалъ кулакомъ, кричалъ: „разогнать!“ Тельбергъ его успокаивалъ, уговорилъ дождаться моего пріѣзда.

Свиданіе съ адмираломъ.

— Мнѣ не нужны больше ваши доклады о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи, сказалъ адмиралъ: этотъ совдепъ я рѣшилъ распустить.

— Я представлю Вашему Высокопревосходительству проектъ указа о роспускѣ, какъ только это понадобится, а сейчасъ я по-

прошу васъ выслушать, какія соображенія члены Государственнаго Экономическаго Совѣщанія хотятъ представить вамъ черезъ делегацію по вопросу о политическомъ положеніи.

— Да, я знаю: они парламента захотѣли.

— Нѣтъ, они постановили прежде всего, что *борьба съ большевизмомъ должна быть доведена до конца.*

Лицо адмирала сразу стало спокойнѣе. Я продолжалъ разсказывать о государственномъ настроеніи членовъ Экономическаго Совѣщанія, объ отсутствіи партійнаго духа въ Совѣщаніи, объ удачѣ опыта составленія Совѣщанія по принципу представительства группъ, объ интересѣ, который проявляютъ члены Совѣщанія къ дѣловымъ вопросамъ—бюджету, продовольствію арміи, санитарному дѣлу, и, въ концѣ концовъ, адмиралъ не только не пожелалъ разгонять „совдепъ", но и согласился принять делегацію отъ Экономическаго Совѣщанія для бесѣды по политическимъ вопросамъ.

Выходя отъ адмирала, я встрѣтился съ Сукинымъ. На его лицѣ было написано удивленіе. Очевидно, отъ встрѣчи моей съ адмираломъ ожидали совсѣмъ иного результата.

Делегація.

Делегація была принята. Она представила Верховному Правителю записку, въ которой рѣзко осуждалась дѣятельность Центральнаго Правительства, т. е. Совѣта министровъ.

Впервые почувствовалъ я все неудобство совмѣщенія должности предсѣдателя Государственнаго Совѣщанія съ должностью члена Совѣта министровъ. Какъ членъ Правительства, я не могъ поддерживать критики, какъ предсѣдатель, я не могъ становиться въ рѣзкую оппозицію Совѣщанію. Въ запискѣ было много правды и много неправды.

„Дѣятельность Центральнаго Правительства", говорили члены Совѣщанія (подписало 19 человѣкъ, въ томъ числѣ и Виноградовъ, который высказывался раньше противъ парламентскихъ тенденцій), „не подчинена какой-нибудь опредѣленной программѣ. Она случайна и зависитъ часто отъ скрытыхъ безотвѣтственныхъ вліяній. За послѣднее время направленіе нѣкоторыхъ вѣдомствъ приняло характеръ, противорѣчащій началамъ укрѣпленія народныхъ правъ и законности, неоднократно возвѣщенныхъ Верховною властью.

Разросшійся аппаратъ центральныхъ учрежденій не имѣетъ живой связи съ своими представителями на мѣстахъ. Это приво-

дитъ къ усмотрѣнію отдѣльныхъ агентовъ власти, разрѣшающихъ вопросы въ мѣру своего личнаго пониманія задачъ управленія государствомъ.

Несогласованность дѣйствій между всѣми вѣдомствами нарушаетъ планомѣрную работу; военныя власти вмѣшиваются въ область гражданскаго управленія, нарушая законъ и элементарныя права народа. Тѣлесныя наказанія примѣняются столь широко, что населеніе начинаетъ выражать сомнѣніе въ преимуществахъ власти Временнаго Россійскаго Правительства передъ властью большевиковъ.

Народъ въ лицѣ арміи несетъ величайшія жертвы въ борьбѣ съ узурпаторами, и въ то же время сама армія, благодаря несогласованности работы вѣдомствъ, остается безъ одежды, безъ снаряженія, а раненые и больные—безъ всякой помощи. По свѣдѣніямъ вѣдомства, все обстоитъ благополучно, а, въ дѣйствительности, наша боевая сила начинаетъ разлагаться на почвѣ недостатка снабженія.

Въ итогѣ, разобщенность и тренія между вѣдомствами, неприспособленность послѣднихъ къ практической работѣ—все чаще приводятъ къ противорѣчіямъ между заявленными властью демократическими принципами и дѣйствительностью, и населеніе начинаетъ терять вѣру въ серьезность обѣщаній власти и намѣренія эти обѣщанія выполнить.

Этотъ характеръ дѣятельности Правительства не слѣдуетъ разсматривать, какъ проявленіе чьей-либо злой воли: онъ есть слѣдствіе слабости власти и оторванности ея отъ населенія. Правительство должно быть усилено.“

Отрицать правдивость многихъ обвиненій было невозможно. Но центръ тяжести лежалъ въ заключительной части. И мнѣ было стыдно за нее—такой жалкій трафаретъ она представляла.

Вотъ въ чемъ видѣли спасеніе члены Экономическаго Совѣщанія:

„1. Борьба съ большевизмомъ должна быть доведена до его пораженія—никакія соглашенія съ совѣтской властью недопустимы и невозможны.

2. Созывъ Учредительнаго Народнаго Собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, по освобожденіи Россіи, обязателенъ.

3. Строгое проведеніе въ жизнь началъ законности и правопорядка.

4. Невмѣшательство военной власти въ дѣла гражданскаго управленія въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ на военномъ и осадномъ положеніи.

5. Созданіе солидарнаго Совѣта министровъ на опредѣленной демократической программѣ.

6. Срочное преобразованіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ Государственное Совѣщаніе—законосовѣщательный органъ по всѣмъ вопросамъ законодательнаго и государственнаго управленія, съ тѣмъ, чтобы всѣ законопроекты, принятые Совѣтомъ министровъ, представлялись въ Государственное Совѣщаніе, какъ въ высшую законосовѣщательную инстанцію, и отсюда поступали на утвержденіе Верховной власти. Предсѣдательство въ Государственномъ Совѣщаніи должно быть возложено на лицо, не входящее въ составъ Совѣта министровъ. Государственному Совѣщанію предоставить права: а) законодательной иниціативы; б) разсмотрѣнія бюджета; в) контроля надъ дѣятельностью вѣдомствъ; г) запроса руководителямъ вѣдомствъ; д) непосредственнаго представленія своихъ постановленій Верховной власти."

Адмиралъ выслушалъ эти пожеланія. Зажегъ папиросу. Нѣкоторое время помолчалъ.

—Господа! что же тутъ новаго? сказалъ онъ: созывъ Учредительнаго Собранія обѣщанъ. Для пересмотра избирательныхъ законовъ уже назначенъ предсѣдатель комиссіи—Бѣлоруссовъ-Бѣлецкій, общественный дѣятель, пользующійся общимъ довѣріемъ.

Проведеніе началъ законности—это идеалъ, но какъ его достигнуть, когда нѣтъ честныхъ людей?

Невмѣшательство военныхъ властей, солидарный Совѣтъ—все это желательно, но фактически нѣтъ возможности подчинить центральной власти всѣхъ атамановъ, и нѣтъ возможности мѣнять министровъ, за отсутствіемъ подходящихъ замѣстителей. Откуда взять министра путей сообщенія, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, юстиціи, когда *людей нѣтъ*? Мы—рабы положенія. Надо мириться съ тѣмъ, что есть.

Остается преобразованіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Этотъ вопросъ, сказалъ адмиралъ, я уже предрѣшилъ въ положительномъ смыслѣ. Есть нѣсколько проектовъ законосовѣщательнаго учрежденія, и мы поставимъ этотъ вопросъ на очередь.

Тогда членъ делегаціи, старый пермскій земецъ Вармундъ, сталъ объяснять, чего ждутъ члены Совѣщанія отъ новаго государственнаго органа. Онъ совершенно правильно указалъ, что, въ случаѣ созданія представительнаго учрежденія, на мѣстахъ будутъ знать, черезъ кого жаловаться, какъ заявлять о беззаконіяхъ и произволахъ.

Это было, дѣйствительно, самое важное. Адмиралъ съ этимъ согласился.

Такъ закончился пріемъ делегаціи.

Разногласій не оказалось. Учрежденіе законосовѣщательнаго органа было обѣщано, оставалось найти формы. Я продолжалъ разсчитывать на успѣхъ своего проекта и агитировать въ его пользу.

Пріѣздъ американскаго посла.

Другой рецептъ спасенія выдвигалъ Сукинъ.

— Мы наканунѣ признанія, обыкновенно заявлялъ онъ, при каждомъ докладѣ въ Совѣтѣ министровъ.

Президентъ Вильсонъ, доложилъ онъ однажды, командируетъ въ Омскъ посла Морриса. Президентъ хочетъ выяснить, въ чемъ нуждается Омское Правительство, чтобы положить начало систематической помощи. Мы наканунѣ рѣшительнаго поворота въ политикѣ союзниковъ. Послѣ пріѣзда Морриса насъ признаютъ, а помощь приметъ американскіе размѣры.

Моррисъ пріѣхалъ.

Это былъ совсѣмъ другой Моррисъ, не тотъ, котораго мы видѣли во Владивостокѣ осенью 1918 года, высокомѣрный и насмѣшливый. Его гордое бритое лицо сейчасъ не было похоже на непроницаемую маску. Оно привѣтливо улыбалось, сочувствовало. Но, кто знаетъ, можетъ быть, это и предубѣжденіе—мнѣ казалось, что иногда оно скрывало внутренній смѣхъ.

Ко времени пріѣзда Морриса въ Омскѣ уже достаточно укрѣпилось убѣжденіе, что безъ посторонней военной помощи обойтись нельзя. Популярность дружбы съ Японіей, о которой раньше самонадѣянно не хотѣли думать, укрѣплялась. Еще въ апрѣлѣ въ Японію былъ командированъ генералъ Романовскій. На его миссію возлагались большія надежды. Но Совѣтъ министровъ ничего объ этомъ не зналъ. Сдѣлано это было съ одобренія Совѣта Верховнаго Правителя, и сдѣлано, какъ это, большею частью, бывало въ Совѣтѣ, внезапно, недостаточно обдуманно и недостаточно опредѣленно.

Генерала Романовскаго встрѣтили въ Японіи очень радушно, но результатовъ его поѣздка не дала.

Стали ходить слухи о сближеніи съ японскими представителями въ Омскѣ генерала Лебедева, о какомъ-то обѣдѣ на пароходѣ, о двухъ дивизіяхъ, которыя японцы могутъ прислать, но пріѣздъ американскаго посла заслонилъ все.

Вмѣстѣ съ Моррисомъ пріѣхалъ генералъ Гревсъ. Тотъ самый генералъ изъ Владивостока, который поощрялъ бунтовщиковъ на Сучанѣ и отказывалъ японцамъ въ помощи для борьбы съ большевиками.

Теперь и генералъ Гревсъ сталъ другимъ. Онъ выражалъ презрѣніе къ большевикамъ и такое горячее желаніе ихъ скорѣйшей гибели, что французскій комиссаръ, графъ де-Мартель, не могъ сдержать улыбки и бросилъ замѣчаніе à part: „mais qu'est-ce qu'il y pensait à Souchan!“

Планъ союзной помощи.

Началась лихорадочная работа.

По вечерамъ собирались заинтересованные министры и готовились. Что нужно для возстановленія русскаго транспорта? Сколько вагоновъ, паровозовъ, какіе кредиты, какая охрана? Второй вопросъ—предметы военнаго снабженія и новѣйшія техническія средства борьбы. Дальше—вопросъ о снабженіи населенія предметами первой необходимости и орудіями производства. Наконецъ, финансовая помощь.

Какъ предсѣдатель Экономическаго Совѣщанія, я принималъ близкое участіе въ этихъ работахъ и присутствовалъ на совѣщаніяхъ пословъ и высокихъ комиссаровъ.

Ровно въ два часа къ зданію министерства иностранныхъ дѣлъ, бывшему губернаторскому дому и первой резиденціи Сибирскаго Правительства, подъѣзжали автомобили съ разноцвѣтными флагами и выстраивались въ два ряда, одинъ противъ другого. Русскіе министры обыкновенно немного опаздывали. Это, впрочемъ, происходило не только изъ свойственной намъ неаккуратности, но и потому, что мы лишены были возможности вести столь размѣренную жизнь, какъ союзные представители. Они ровно въ два кончали завтракать и, большею частью, завтракали всѣ вмѣстѣ, тоже готовясь къ засѣданію, а мы были заняты своими текущими дѣлами и, большею частью, не только не завтракали, но и обѣдали, когда придется.

Ровно въ четыре блестящій дипломатическій корпусъ уѣзжалъ на вечерній чай, а мы, наскоро пообѣдавъ, ѣхали на засѣданіе Совѣта или комиссій.

Обсужденіе плана, благодаря двухчасовымъ порціямъ совмѣстныхъ засѣданій, подвигалось медленно, а дѣла на фронтѣ шли все хуже и хуже.

Не разъ засѣданіе начиналось съ обозрѣнія карты. Не слишкомъ ли близко красные? Кто-то сообщилъ, что взятъ Тобольскъ, а былъ взятъ въ дѣйствительности Туринскъ.

—Если Правительство и теперь удержится, сказалъ Моррисъ, то васъ, навѣрно, признаютъ. Это экзаменъ.

Переговоры тоже нерѣдко обращались въ экзаменъ.—А что сдѣлаетъ министръ финансовъ на Китайской Восточной ж. д., гдѣ рабочіе не желаютъ принимать сибирскихъ денегъ, а требуютъ романовскихъ? вдругъ спрашиваетъ Моррисъ.

—А скоро ли будетъ отмѣнено правило о взносѣ въ казну валюты, вырученной экспортерами? Это очень неудобно для иностранцевъ, вдругъ говоритъ посолъ.

Не обходилось безъ инцидентовъ.

Генералъ Ноксъ однажды объявилъ, что никакой военной помощи его правительство больше оказывать не будетъ, и что онъ даже писать объ этомъ не будетъ въ Лондонъ, такъ какъ его, несомнѣнно, жестоко обругаютъ, послѣ того, какъ все, доставленное для колчаковской арміи, попало къ краснымъ.

Полковникъ Эмерсонъ, американскій инженеръ, удивилъ всѣхъ тѣмъ, что сталъ доказывать отсутствіе какой-либо нужды русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ матеріалахъ. Они валяются, сказалъ онъ, на станціяхъ и по путямъ. Вмѣсто того, чтобы провозить изъ-за границы, лучше все собрать и приспособить механическія мастерскія для переработки.

Сэръ Чарльзъ Элліотъ относился ко всѣмъ переговорамъ съ видомъ безнадежнаго скептицизма. Когда Сукинъ зачитывалъ длинный перечень тѣхъ орудій производства и средствъ культуры, которыя необходимы для возрожденія русской промышленности и цивилизаціи, онъ шутливо замѣтилъ: „вы забыли еще прибавить, что нужны катки для мостовыхъ.“ Омскія улицы отличались весьма неровною поверхностью, и эта шутка вызвала у всѣхъ очень игривое настроеніе.

Надо отдать справедливость Сукину. Онъ блестяще излагалъ все, что наканунѣ, еще въ очень сыромъ видѣ, набрасывалось, въ видѣ проекта, совѣщаніемъ министровъ. Въ концѣ концовъ, планъ союзной помощи сталъ пріобрѣтать ясныя очертанія и широкій масштабъ.

Но, когда теперь издали оглядываешься на эти двухнедѣльныя совѣщанія, то кажется, что шутки г. Элліота болѣе соотвѣтствовали характеру переговоровъ, чѣмъ серьезность американскаго посла.

Результаты.

Г. Моррисъ уѣхалъ, а неудачи продолжались.

Единственнымъ реальнымъ результатомъ переговоровъ явилась выдача, наконецъ, части тѣхъ американскихъ банкнотъ, которыя такъ долго путешествовали въ ожиданіи признанія Омскаго Правительства.

Но Сукинъ не унывалъ.

— Мы теперь ближе къ признанію, чѣмъ когда-либо, говорилъ онъ въ то время, когда поѣздъ Морриса благополучно переѣзжалъ русско-китайскую границу: Америка не захочетъ нашего пораженія, и Моррисъ нарочно задерживается въ дорогѣ, чтобы дождаться признанія.

Однако, хотя Моррисъ и не спѣшилъ, онъ благополучно уѣхалъ до признанія.

Всѣ тѣ же.

Однимъ изъ крупныхъ бѣдствій омской власти былъ недостатокъ подготовленныхъ къ государственной дѣятельности людей. Быть хорошимъ земцемъ, газетчикомъ, адвокатомъ, даже парламентаріемъ—не значитъ быть хорошимъ директоромъ департамента, а тѣмъ болѣе министромъ.

Былъ случай, когда одинъ изъ старыхъ опытныхъ земцевъ, приглашенный на должность товарища министра въ одно изъ отвѣтственныхъ министерствъ, представилъ въ Совѣтъ министровъ докладъ по киргизскому вопросу. Когда министры ознакомились съ докладомъ, они нашли въ немъ только историческіе матеріалы и ни одного предложенія, никакой программы министерства. Предсѣдатель Совѣта министровъ не долженъ былъ принимать такой докладъ къ обсужденію, но онъ былъ поставленъ на повѣстку и возвращенъ обратно для переработки.

Почти всѣ министерства состояли изъ такихъ „хорошихъ", но неподготовленныхъ людей, и, если министры обладали сами хоть нѣкоторой подготовкой, то они работали съ утра до вечера. Имъ приходилось при этомъ заниматься сразу нѣсколькими вопросами, и оттого многое задерживалось, а многое ускользало отъ ихъ вниманія. Послѣднее было хуже всего, потому что омская работа такъ поглощала ихъ вниманіе, что отъ него ускользала *вся мѣстная жизнь*.

Письмо съ фронта.

„Неужели не найдется у васъ тамъ въ тылу человѣка гражданско-мужественнаго, который не убоится крикнуть во всю глотку

всѣмъ этимъ тыловымъ негодяямъ, забывшимъ фронтъ и тѣхъ, за спиною которыхъ они спокойно устроились, что пора проснуться, прекратить вакханалію, веселье въ кабакахъ и личныя дрязги и интриги изъ-за теплыхъ мѣстечекъ! Мы здѣсь, на фронтѣ, въ случаѣ катастрофы—а таковая вполнѣ возможна—сумѣемъ умереть героями, но какъ будутъ околѣвать тыловые герои—это имъ виднѣе. Бейте въ набатъ, пока не поздно! Здѣсь нѣтъ ни информаціи ни должной агитаціи, нѣтъ снабженія всѣмъ необходимымъ, и солдатъ совершенно забытъ. Штыки очень легко могутъ повернуться въ сторону Омска. Это говорю я, человѣкъ, близко стоящій къ фронту, а вы знаете, что паникѣ я не поддаюсь и брехней не занимаюсь".

Такъ писалъ одинъ изъ героевъ сибирскаго похода полковникъ Ю. одному своему пріятелю.

Въ то время, какъ мы занимались разработкой широкаго плана помощи, люди на фронтѣ приходили въ отчаяніе. Они требовали набата.

Отвѣтомъ на это письмо явились организованные сборы пожертвованій. „День солдата"—газета, составленная лучшими публицистами Омска, съ изреченіями иностранныхъ Комиссаровъ и министровъ, была издана въ пользу солдатъ. Была установлена тяжелая бѣльевая повинность.

Общество зашевелилось.

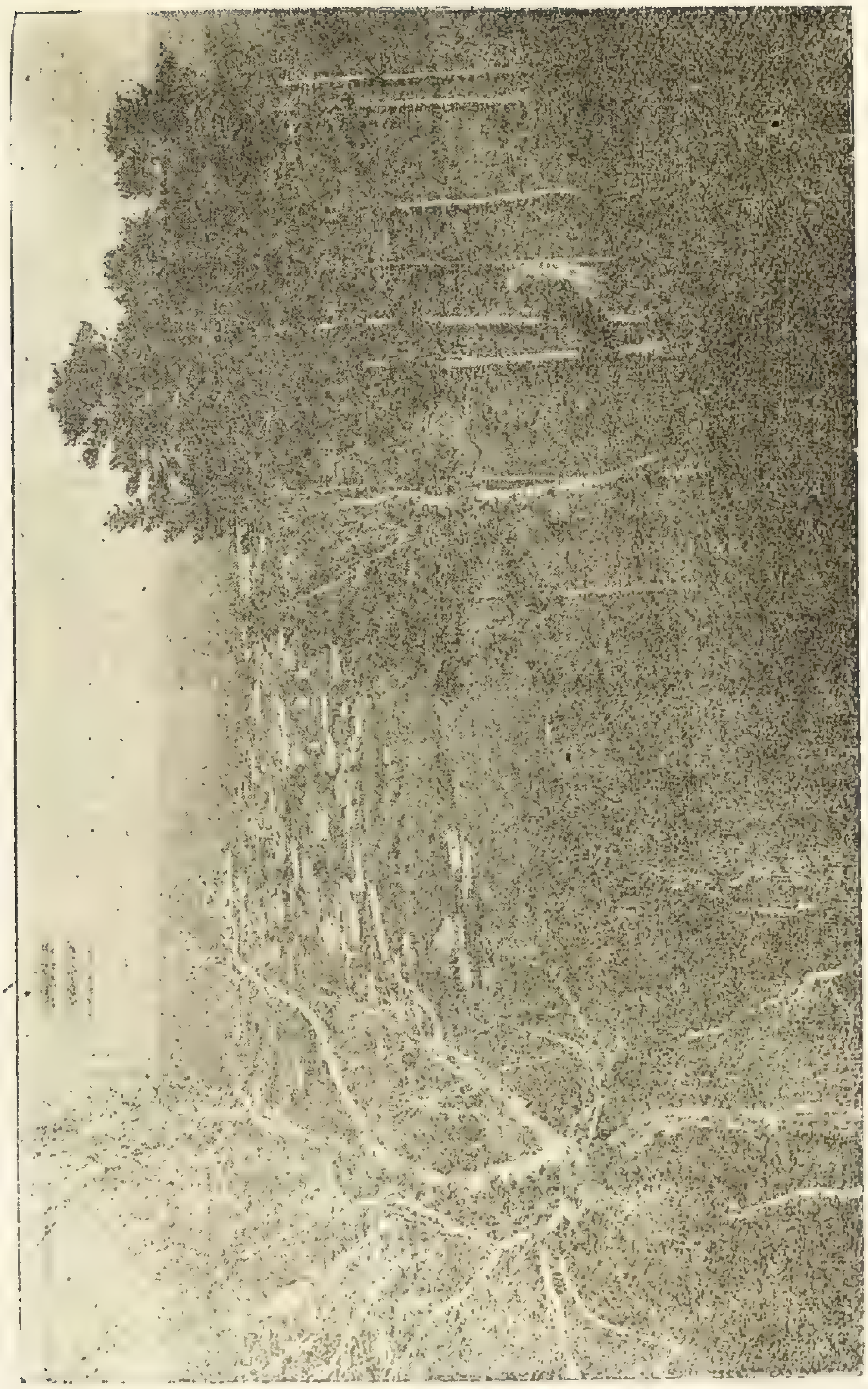
Подъемъ настроенія.

Въ іюлѣ генералъ Ивановъ-Риновъ, въ качествѣ атамана Сибирскаго казачьяго войска, совершилъ поѣздку по станицамъ. Хорошій ораторъ, онъ умѣлъ подогрѣть настроеніе.

Въ началѣ августа былъ созванъ казачій кругъ, и казачество рѣшило встать грудью на защиту родной земли. Въ Омскѣ царило возбужденное настроеніе. Казаки стекались со всѣхъ сторонъ, возрождалась вѣра въ побѣду; Иванова носили на рукахъ.

Награды въ Омскѣ давались щедро и авансомъ. Адмиралъ произвелъ Иванова въ генералъ-лейтенанты.

Казаки поднесли атаману историческую саблю Яна Собѣсскаго, украшенную драгоцѣнностями. Подъемъ былъ общій. Населеніе стало жертвовать. Въ распоряженіе Иванова поступили милліоны, а Ивановъ все требовалъ и требовалъ. Нужно было отпустить много милліоновъ на наемъ рабочихъ для уборки урожая, милліоны на покупку сѣделъ и пр. Казачество или, вѣрнѣе, тотъ же Ива-



Видъ казачьей станицы въ Акмолинской области.

новъ, рѣшило завести свое казачье интендантство, свой освѣдомительный органъ „Освѣдказакъ". Милліоны лились широкой бумажной рѣкой. Станокъ работалъ. Казачество вооружалось.

Чехи и карпаторуссы выражали такой восторгъ предъ доблестью казачества, что всѣ были убѣждены въ ихъ помощи.

На Омскъ.

Еще въ іюлѣ выяснилось, что красные поставили себѣ цѣлью взять Омскъ.

Я побывалъ въ одномъ изъ большихъ лазаретовъ у раненыхъ солдатъ и съ удивленіемъ узналъ, что тамъ происходитъ междоусобная брань. *Сибиряки стоятъ за большевиковъ, волжане и уральцы противъ.* Первые говорятъ, что нуженъ миръ, вторые—за войну до конца.

Это было потрясающимъ открытіемъ. Несчастна власть, которая только случайно узнавала о настроеніяхъ арміи. Никто изъ военныхъ этого не зналъ.

Гайда всегда увѣрялъ, что сибирская армія—самая прочная изъ всѣхъ. Никогда у него не опускался „бѣлозеленый" флагъ, символъ снѣговъ и лѣсовъ сибирскихъ, и онъ былъ увѣренъ въ мѣстномъ патріотизмѣ своихъ солдатъ. Но это оказалось ложнымъ. Въ составѣ сибирской арміи было много мобилизованныхъ изъ Прикамья. При отступленіи они разбѣжались. Вслѣдъ за ними стали разбѣгаться и сибиряки. Отъ арміи остались одни воспоминанія, и начальники корпусовъ и дивизій летали, какъ духи изъ потусторонняго міра, не имѣя реальнаго существованія. Сибиряки, не знавшіе большевизма, не желали воевать, а штабы Гайды и Пепеляева, пріютившіе представителей демократіи, обратились въ источники разложенія собственной воинской силы. Наоборотъ, южная армія (третья), состоявшая изъ людей, выстрадавшихъ большевизмъ, оказалась самою стойкою.

Генералъ Дитерихсъ рѣшилъ беречь эту армію и собрать всѣ силы на Тоболѣ, чтобы здѣсь остановить наступленіе. Генералъ Лебедевъ, еще остававшійся начальникомъ штаба, стремился, наоборотъ, использовать эту армію для немедленнаго нанесенія удара противнику.

Не мнѣ судить, кто изъ двухъ генераловъ былъ болѣе правъ. Но только ударъ, который Лебедевъ хотѣлъ нанести краснымъ подъ Челябинскомъ, кончился неудачей. Войска дрались съ доблестью, не оставлявшею желать ничего лучшаго, но нѣсколько тысячъ рабо-

чихъ челябинскаго депо вышли противъ „колчаковцевъ" и рѣшили судьбу сраженія въ пользу красныхъ.

Нѣкоторые военные говорили, что, если бы войска не были задержаны у Челябинска и не дали бы тамъ боя, то они разложились бы раньше, чѣмъ достигли Тобола. Можетъ быть, это и такъ, но планъ генерала Дитерихса былъ нарушенъ и привелъ къ неудачѣ. Лебедевъ понялъ, что ему надо уйти.

За нѣсколько дней до его отставки состоялось засѣданіе Совѣта министровъ, которое было посвящено создавшемуся положенію на фронтѣ. Всѣ чувствовали, что наступаетъ критическое положеніе.

Еще недавно я былъ въ центрѣ Акмолинской области и могъ удостовѣрить, что, если большевики подойдутъ къ ея границамъ, то населеніе перейдетъ на ихъ сторону. Какъ предсѣдатель Экономическаго Совѣщанія, я могъ засвидѣтельствовать, что послѣ взятія Омска продовольствіе арміи станетъ задачей, для Сибири непосильной.

Омскъ надо защищать во что бы то ни стало, и нельзя сомнѣваться, что красные будутъ стремиться къ Омску со всѣмъ упорствомъ, на которое только они способны.

Тельбергъ придумалъ въ это время *свой* рецептъ спасенія. Онъ стремился создать особый военный совѣтъ изъ министровъ и генераловъ для совмѣстнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ, затрагивающихъ компетенцію какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ властей. Надежды на то, что генералъ Лебедевъ, послѣ того, какъ онъ совмѣстилъ положеніе начальника штаба съ должностью военнаго министра, инкорпорируется съ Совѣтомъ министровъ и, такимъ образомъ, сблизитъ военныя дѣла съ гражданскими, совершенно не оправдались. Лебедевъ даже не появлялся въ Совѣтѣ министровъ. Его замѣнялъ генералъ Будбергъ, который проявлялъ большую трезвость сужденій, дѣловитость и подготовленность. Но онъ не былъ вершителемъ судебъ, потому что блестящая ставка оставляла военное министерство въ тѣни.

Планъ Тельберга казался цѣлесообразнымъ, и Совѣтъ министровъ его въ принципѣ одобрилъ.

Настроенія омской общественности.

Во время неудачъ ищутъ виновнаго.

Въ описываемое время виновнымъ считался Совѣтъ министровъ. На него всѣ обрушивались.

Казачій кругъ въ Омскѣ осенью 1919 года.

Никто не зналъ, какое скромное положеніе занималъ онъ въ дѣйствительности. Но, если бы даже это было извѣстно, все равно, онъ былъ бы виноватъ: зачѣмъ „дошелъ до жизни такой?“

Между тѣмъ, Совѣтъ Верховнаго Правителя пріобрѣталъ все большее значеніе. Тутъ рѣшалась судьба всей страны. Здѣсь увольнялся генералъ Хорватъ, назначался генералъ Розановъ, составлялся планъ внѣшней политики, отвѣты Финляндіи, указанія Юденичу и т. д., а Совѣтъ министровъ ничего не зналъ.

Среди членовъ Совѣта царило уныніе. Они долго боролись противъ закулисныхъ вліяній, жаловались на ненормальность своего положенія, просились въ отставку, но, когда неудачи на фронтѣ свалились, какъ снѣгъ на голову, уходить уже было поздно. Это было бы сочтено за трусость.

— Они взяли на себя отвѣтственность—пусть дѣлаютъ, говорилъ, бывало, Преображенскій про Совѣтъ Верховнаго.

Что касается блока, то онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости смѣнить Предсѣдателя Совѣта министровъ и обновить кабинетъ. На мѣсто Вологодскаго выдвигали теперь кооператора Балакшина и журналиста Бѣлоруссова-Бѣлецкаго. Въ Совѣтѣ министровъ къ этимъ кандидатурамъ по разнымъ соображеніямъ относились отрицательно. Прежде всего возражалъ противъ смѣны Вологодскаго Сукинъ. Съ *международной* точки зрѣнія онъ находилъ его смѣну крайне вредною.

— Мы наканунѣ признанія, и вдругъ дэмократъ Вологодскій уходитъ; это очень поврэдитъ, говорилъ онъ, какъ всегда, твердо, на англійскій манеръ, выговаривая букву „е“.

Теперь же въ пользу оставленія Вологодскаго высказывались очень многіе. Пепеляевъ удостовѣрялъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, что смѣна Вологодскаго произведетъ крайне невыгодное впечатлѣніе внутри страны. Тельбергъ говорилъ, что онъ боится ухода Вологодскаго изъ какого-то суевѣрія. Преображенскій, Шумиловскій и нѣкоторые другіе заявили, что они не останутся членами Совѣта министровъ, если уйдетъ Вологодскій, потому что они вѣрятъ только ему.

Впрочемъ, Сукинъ указалъ, что онъ уже выписалъ новаго Предсѣдателя Совѣта министровъ съ юга Россіи, а именно, Н. И. Астрова.

Рѣшающимъ факторомъ при перемѣнахъ въ правительствѣ должны быть, конечно, не внутреннія настроенія самихъ членовъ правительства, а внѣшнія воздѣйствія: отношеніе и взгляды общества. Омскій блокъ отличался, однако, тѣмъ, что онъ обсуждалъ,

но не дѣйствовалъ. У него было два-три человѣка, которые послѣ каждаго рѣшенія забѣгали узнать мнѣніе министровъ по этому поводу, и, если не встрѣчали сочувствія, то на этомъ дѣло и кончалось. Такъ было и сейчасъ. Блокъ поговорилъ, но скоро выдохся.

Въ Омскѣ явилась въ это время другая общественная сила, на которую возлагались большія надежды. Это была казачья конференція.

Сначала предполагалось, что съѣздъ представителей казачества будетъ заниматься нѣкоторыми вопросами устройства казачьей жизни, но въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ и возрастающею ролью казачества, конференція стала выносить рѣшенія по всѣмъ рѣшительно вопросамъ и особое вниманіе удѣлила устройству государственной власти.

Конференція признала необходимымъ сократить число министровъ до пяти, упразднить Сенатъ и еще что-то въ этомъ родѣ.

Обновленіе кабинета.

Замѣститель Предсѣдателя Совѣта министровъ, министръ юстиціи, главноуправляющій дѣлами, сенаторъ и профессоръ Тельбергъ отличался большою самоувѣренностью. Онъ, очевидно, рѣшилъ, что его проектъ военнаго совѣта—единственное срдство спасти гибнущее „россійское правительство", и, не спросясь Совѣта министровъ, не устроивъ, какъ объ этомъ просили, совмѣстнаго засѣданія министровъ съ Верховнымъ Правителемъ, провелъ свой проектъ въ формѣ чрезвычайнаго указа.

Средостѣніе не только не пало, но еще больше укрѣпилось въ своемъ значеніи. Тельбергъ, Михайловъ и Сукинъ становились окончательно вершителями судебъ, потому что къ вѣдѣнію Совѣта отнесены были всѣ важнѣйшія дѣла.

Какъ разъ въ это время возвратился изъ отпуска Вологодскій. Въ первомъ же засѣданіи, 12 августа, ему былъ предъявленъ вопросъ о незакономѣрности указа, проведеннаго Тельбергомъ, помимо Совѣта министровъ. Тельбергъ выдержалъ ожесточенную аттаку.

Бѣдняга подвергся нападенію съ двухъ сторонъ. Чтобы провести указъ, ему пришлось проявить большую настойчивость у Верховнаго Правителя, который не понималъ смысла этого указа. Тельбергъ разсказывалъ, что дѣло не обошлось безъ крика. Какой-то проектъ былъ разорванъ, и, въ концѣ концовъ, все-таки было подписано нѣчто сходное съ первоначальнымъ проектомъ.

Взрывъ складовъ при отступленіи отъ Перми.

Генералы тоже не понимали сущности проекта. Имъ казалось, что это совѣтъ обороны, на подобіе того, который былъ учрежденъ въ Австріи наканунѣ ея паденія. Когда Дитерихсъ узналъ, что изданъ подобный указъ, онъ сказалъ: „Если такъ, то въ такомъ случаѣ...въ такомъ"...

Онъ еще не кончилъ, какъ адмиралъ—все это я передаю со словъ Тельберга—уже началъ доказывать, что, въ сущности, ничего не будетъ, что это только такъ...

Бороться съ Совѣтомъ Верховнаго Правителя оставалось лишь путемъ личныхъ перемѣнъ. Вологодскому было дано знать, что сохраненіе вліянія за Тельбергомъ, Михайловымъ и Сукинымъ признается большинствомъ недопустимымъ.

На этотъ разъ Вологодскій проявилъ характеръ.

Адмиралъ долго колебался относительно Михайлова и безъ охоты подписалъ указъ объ его отставкѣ. Сукина онъ ни за что не хотѣлъ отпустить. Назначеніе меня на мѣсто Тельберга подписалъ безъ колебаній.

Противъ Михайлова выставлены были, главнымъ образомъ, дѣловые аргументы. Серьезной финансовой программы у него нѣтъ. Изъятіе керенокъ оказалось крайне неудачной реформой. Техническаго улучшенія сибирскихъ знаковъ такъ и не было достигнуто, а самая фигура Михайлова пріобрѣла къ этому времени общій одіумъ. Въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи его встрѣчали съ крайнею враждебностью, а когда онъ ушелъ въ отставку, пресса единодушно осудила его дѣятельность, приписавъ ему заговоры, въ которыхъ онъ не участвовалъ, и забывъ его положительныя черты и заслуги.

Что касается Сукина, то онъ къ этому времени сумѣлъ внушить къ себѣ антипатію самыхъ разнообразныхъ круговъ. Безъ какихъ-либо ясныхъ основаній, къ нему относились съ недовѣріемъ. Этому способствовали, впрочемъ, нѣкоторыя частныя извѣстія изъ Америки. Одни изъ нихъ сообщали о кампаніи, которую ведетъ *противъ* признанія Омскаго Правительства глава дипломатической миссіи Бахметьевъ, „высокій" другъ Сукина. Другіе говорили о нѣкоторой заинтересованности близкихъ къ миссіи лицъ въ распредѣленіи омскихъ заказовъ и предостерегали отъ сношеній съ Америкой черезъ Сукина. Послѣдній же упорно настаивалъ, чтобы *вся* переписка съ заграницею шла непремѣнно черезъ него. Довѣрять глухимъ обвиненіямъ было трудно. Сукинъ остался. Онъ забронировалъ себя тѣмъ, что проводитъ политику Сазонова и что ни въ чемъ не отступаетъ отъ указаній Верховнаго Правителя

Я принялъ на себя тяжелыя обязанности главноуправляющаго, какъ жертву. Я предлагалъ другого кандидата на это мѣсто, недавно пріѣхавшаго въ Сибирь Н. К. Волкова, бывшаго товарища министра земледѣлія при Шингаревѣ, но провести назначеніе новаго человѣка было тогда очень трудно. Верховный Правитель пріѣзжалъ въ Омскъ на день, два и сейчасъ же опять уѣзжалъ, а назначать, не познакомившись съ кандидатомъ, онъ не хотѣлъ.

Если уходъ Михайлова, уменьшеніе роли Тельберга и уходъ Лебедева, совпавшій съ прочими перемѣнами, были вообще привѣтствованы, то зато смѣнившія ихъ лица были встрѣчены очень холодно.

Вмѣсто Михайлова, былъ назначенъ фонъ-Гойеръ.

Въ Омскѣ находилось въ то время всего два лица, которыхъ можно было считать свѣдущими въ финансахъ: Феодосьевъ и Гойеръ. Первый, однако, всегда уклонялся отъ предложеній, которыя ему дѣлались раньше. Онъ считалъ себя обиженнымъ и демонстративно не ходилъ въ Экономическое Совѣщаніе, членомъ котораго былъ избранъ. Что касается Гойера, то онъ былъ представителемъ Русско-Азіатскаго Банка, который считался однимъ изъ главныхъ виновниковъ паденія рубля, хотя нѣкоторыя свѣдущія лица и горячо утверждали, что эти обвиненія—обывательскія.

Вмѣсто Лебедева, былъ назначенъ Дитерихсъ.

Въ то время онъ еще не пользовался престижемъ въ Сибири. Онъ принялъ командованіе въ іюлѣ и непрерывно отступалъ. Его считали монархистомъ и мистикомъ. На Уралѣ, наканунѣ оставленія его войсками, онъ мобилизовалъ все мужское населеніе, что вызвало озлобленіе рабочихъ. Призывая на борьбу съ большевиками, Дитерихсъ говорилъ только о храмахъ и о Богѣ и объявилъ священную войну. Это казалось дикимъ.

„Гора родила мышь". Общество осталось неудовлетвореннымъ перемѣнами, послѣдовавшими въ серединѣ августа.

Свиданіе съ Бѣлоруссовымъ.

Редакторъ „Отечественныхъ Вѣдомостей" и предсѣдатель комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе пришелъ ко мнѣ въ очень мрачномъ настроеніи.

—Я впалъ въ безнадежность, сказалъ онъ: здѣсь въ Омскѣ нѣтъ людей воли, есть только люди мысли. Придешь къ нимъ, выскажешься, они согласятся. Проходитъ время, а положеніе остается прежнимъ. Есть ли какой-нибудь выходъ? Я думаю, нужно при-

влечь чеховъ на фронтъ, нужно оживить агитацію, укрѣпить авторитетъ Совѣта министровъ.

—Да, это какъ разъ то, что я рѣшилъ сдѣлать.

—А вы не обманете? Не будетъ ли это тоже только выраженіемъ добраго желанія?

—Надѣюсь, что нѣтъ.

Двѣ программы.

Дѣйствительно, я поставилъ себѣ цѣлью приблизить Совѣтъ министровъ къ Верховному Правителю, заставить всѣхъ членовъ Совѣта почувствовать, что они не только законодатели, оживить самую дѣятельность Совѣта министровъ, изъявъ изъ повѣстокъ все ненужное, чиновничье, и, главное, добиться скорѣйшаго преобразованія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія.

Съ первыхъ же дней вступленія въ должность, я увидѣлъ, насколько работа главноуправляющаго стала сложнѣе, чѣмъ была во времена Сибирскаго Правительства.

Я былъ въ свое время управляющимъ. Тельбергъ переименовался въ главноуправляющаго. Дѣйствительно, масштабъ расширился.

Законодательная работа Совѣта министровъ стала разнообразнѣе и обильнѣе. Необходимо было обдумывать повѣстку, подготовлять дѣла къ слушанію, разсматривать заключенія юрисконсультской части, редактировать журналы Совѣта.

Верховный Правитель постоянно уѣзжалъ. Между тѣмъ накопилось множество неутвержденныхъ законовъ. Требовалось изучить ихъ и доложить адмиралу, который относился въ то время ко всѣмъ законамъ, какъ къ бумагомаранію.

Въ вѣдѣніи главноуправляющаго былъ отдѣлъ печати—„Правительственный Вѣстникъ" и бюро обзоровъ. Кромѣ того, при моемъ предмѣстникѣ возникъ такъ называемый „Особый отдѣлъ", своего рода контръ-развѣдка, дѣйствовавшая въ совѣтскомъ тылу.

У меня же на рукахъ, хотя и „временно", оставалось Государственное Совѣщаніе.

Все это было ничего. Осложняло дѣло, главнымъ образомъ, то, что для успѣшности проведенія какого-нибудь большого вопроса необходимо было подготовить Предсѣдателя Совѣта министровъ, обезпечить большинство среди членовъ Совѣта (а ихъ было пятнадцать человѣкъ), наконецъ, убѣдить Верховнаго Правителя. Иной разъ, протащивъ дѣло черезъ двѣ стадіи благополучно, на

третьей можно было сломать ногу. Наиболѣе трудной стадіей оказался Совѣтъ министровъ. Эти пятнадцать человѣкъ, у которыхъ соотношеніе голосовъ складывалось самымъ неожиданнымъ образомъ, приводили меня нерѣдко въ мрачное отчаяніе. „Группы" уже не было. Для того, чтобы укрѣпить взаимное довѣріе, было рѣшено встрѣчаться для обсужденія какихъ-нибудь вопросовъ только всѣмъ вмѣстѣ. Но сговориться всѣмъ вмѣстѣ было только мечтою.

Предложилъ программу и министръ земледѣлія Н. И. Петровъ, который подалъ въ августѣ Вологодскому мотивированную политическую записку, оканчивавшуюся слѣдующими указаніями:

„Лозунги коммунистовъ ошибочны (они сами это сознаютъ), противорѣчатъ объективнымъ условіямъ жизни, но они упрямо, съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, проводятъ ихъ въ жизнь.

„Лозунги нашего Правительства вѣрны, они отвѣчаютъ объективнымъ условіямъ жизни, но они не проводятся въ жизнь.

„Потому что не для всѣхъ насъ ясна цѣль, не всѣ ее одинаково понимаютъ. У насъ нѣтъ плана дѣйствій. Нами не продуманы методы и средства дѣйствій. *Тамъ* всѣ агенты подчинены одной руководящей идеѣ, одной волѣ. *Здѣсь* каждый дѣйствуетъ за свой страхъ и рискъ. Тамъ главная сила—армія, а офицерство только техническій аппаратъ, и ничего больше. Его держатъ въ страхѣ, его покупаютъ, за нимъ слѣдятъ, и оно выполняетъ добросовѣстно свои техническія задачи. Все остальное его не касается.

„У насъ тоже главная сила—армія.

„Армія и вмѣстѣ съ ней боевое офицерство раздѣты, разуты и голодны. Тыловыя учрежденія переполнены офицерствомъ. Высшій командный составъ занятъ не своимъ дѣломъ. Онъ ведетъ политическую игру. Въ этомъ и есть вся трагедія. *Офицерство должно быть возвращено въ свое первобытное состояніе —быть технической силой.* Политику надо изъять изъ военной среды, а все обслуживаніе арміи передать людямъ гражданскимъ. Если ихъ для этой цѣли надо заставить, то передъ мѣрами нечего останавливаться.

„Если наша цѣль—созданіе правового государства, то надо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы это не была пустая фраза. Охрана законности и порядка должна быть проведена въ жизнь. Для этого въ первую очередь надо измѣнить строй современныхъ судовъ, съ ихъ громоздкимъ и медленно дѣйствующимъ аппаратомъ. Стыдно всегда прикрываться военно-полевой юстиціей, когда мож-

но обычную юстицію сдѣлать работающей быстро. Быстрое привлеченіе и судъ, быстрый судъ какъ надъ должностными, такъ и надъ частными лицами сыграетъ громадную роль.

„Вотъ двѣ задачи момента. *Борьба, послѣдняя смертельная схватка съ врагомъ—и умиротвореніе тыла.*

„Все остальное блѣднѣетъ передъ первой задачей. Если не будутъ напряжены всѣ силы, если не будутъ приняты рѣшительныя мѣры, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже принужденіе—дѣло будетъ проиграно.

„*Если масса не понимаетъ, что она творитъ, ее надо заставить дѣлать то, что требуется, а не то, чего хочетъ она.* И надо спѣшить, пока еще не поздно.

„Совѣтъ министровъ отошелъ отъ Верховнаго Правителя. Надо ихъ снова сблизить, надо вмѣстѣ смѣло взглянуть правдѣ въ глаза, выработать планъ дѣйствій, не исключая и военнаго, и взяться за дѣло.

„Если же мы дряблы настолько, что не можемъ на это рѣшиться, то надо имѣть мужество сказать это прямо и уйти, предоставивши мѣсто другимъ, болѣе сильнымъ".

Записка Петрова прозвучала, какъ крикъ наболѣвшей души, но атмосфера животнаго страха, переживавшагося въ августовскіе дни, когда Омскъ былъ въ опасности, заглушила этотъ искренній голосъ.

А потомъ? Можетъ быть, про нее и забыли, но, надо отдать справедливость, вся работа осеннихъ мѣсяцевъ была наполнена тѣми честными и дружными порывами, о которыхъ писалъ Петровъ.

Конецъ 2-й части

Часть III.

Катастрофа.

Глава XX.

Дружная работа.

Августъ мѣсяцъ проходилъ при большомъ подъемѣ энергіи. Верховный Правитель стремился вооружить всѣхъ. Онъ призывалъ одну категорію населенія за другою. Скромно зарегистрировались, какъ призванные, и всѣ министры. Они получили, правда, отсрочки, но уже стали мобилизованными и были министрами-солдатами.

Указы составлялись по прежнему въ ставкѣ и распубликовывались въ „Русской Арміи,“ которая пріобрѣла характеръ официоза. Формальныя нарушенія законности стали самымъ обычнымъ явленіемъ. Но было не до этого, когда уже происходила разгрузка Омска, и сибирской столицѣ грозило красное нашествіе. Необходимо было всѣми силами помочь борьбѣ.

Вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность Совѣта министровъ декларація 27 августа:

„Всѣ силы должны быть посвящены только одной цѣли— дать отпоръ надвигающемуся врагу, несущему смерть и всеобщее разрушеніе. Каждый, способный носить оружіе, долженъ стать въ ряды нашей доблестной арміи; все же остальное населеніе, въ тѣсномъ единеніи съ властью, должно неослабнымъ трудомъ самоотверженно содѣйствовать ея боевой работѣ.

Всѣ усилія власти направлены сейчасъ къ обслуживанію арміи. Личный составъ министерствъ сокращенъ вдвое; на остающихся непризванными служащихъ возлагаются, сверхъ обычныхъ, еще дополнительныя обязанности въ области санитарной, эвакуаціонной, снабженія. Сокращаются текущіе расходы, пересматриваются смѣты, и средства казны направляются на покрытіе чрезвычайныхъ потребностей военнаго времени. Въ этомъ направленіи ожидаетъ Правительство помощи и отъ всего общества. Кто не способенъ носить оружіе—идите въ организаціи Краснаго Креста, въ санитарные отряды земствъ и городовъ.“

О Совѣтѣ министровъ.

Какъ я уже указывалъ, Совѣтъ министровъ не пользовался никакимъ авторитетомъ не только въ странѣ, но и въ самомъ Омскѣ. И на него, главнымъ образомъ, обрушивались всѣ обвиненія въ бездѣятельности, безвольности, реакціонности. Изъ этихъ обвиненій было правильно только второе: Совѣтъ былъ безволенъ.

Общество часто знаетъ дѣятельность того или иного члена Правительства, но оно смутно представляетъ себѣ работу Совѣта министровъ, какъ высшаго органа государственной власти.

А, между тѣмъ, этой именно работой опредѣляется и внѣшнее положеніе государства, и его внутреннее строительство, и то безостановочное движеніе всего правительственнаго механизма, которымъ обезпечиваются порядокъ и законность въ центрѣ и на мѣстахъ.

Работа Совѣта министровъ въ августѣ и сентябрѣ была поглощена, по преимуществу, текущими вопросами военной жизни. Мобилизаціи, эвакуаціи, снабженіе—все это вопросы, которые, по мѣрѣ ихъ развитія и осуществленія, требуютъ все большаго напряженія финансовыхъ и административныхъ силъ. Трудно учесть, сколько времени и силъ отдало Управленіе дѣлами одному только упорядоченію призыва интеллигенціи. Если принять во вниманіе, что, по указу Верховнаго Правителя, призывались всѣ, даже министры, то нетрудно понять, что безъ вмѣшательства гражданской власти или остановилась бы вся административная и хозяйственная работа, или не вышло бы ничего, кромѣ конфуза. Приходилось особыми дополнительными правилами смягчать жестокость указа и давать ему другое содержаніе. Только тѣ, кто когда-нибудь работалъ надъ вопросами мобилизаціи, можетъ понять, какъ трудна была выработка этихъ правилъ, которыми приходилось примирять интересы фронта и тыла, правительственныхъ и частныхъ учрежденій, желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, самоуправленій и т. д. Всѣ требовали льготъ, отсрочекъ, установленія категорій.

Въ этотъ отвѣтственный періодъ, когда все горѣло рвеніемъ, нашлись и методы разгрузки Правительства и тѣ пріемы управленія, которые являются единственно правильными и спасительными въ такіе періоды.

Во-первыхъ, были расширены полномочія отдѣльныхъ министровъ, во-вторыхъ, созданы комитеты изъ нѣсколькихъ министровъ, напримѣръ, комитетъ законности, комитетъ строительный и др., которые получали чрезвычайныя права. Строительный коми-

тетъ могъ, напримѣръ, передавать постройки любымъ общественнымъ учрежденіямъ, утверждать планы казенныхъ построекъ съ отступленіемъ отъ правилъ о подрядахъ и поставкахъ, реквизировать и распредѣлять строительные матеріалы и т. д.

Какъ разъ въ это время общество требовало созданія законодательнаго органа. Я не представляю себѣ, какъ могла бы тогда идти работа. Безъ предварительнаго согласованія въ Совѣтѣ министровъ вносить въ законодательный органъ всѣ мелкіе текущіе вопросы будничной жизни было бы невозможно, а внесеніе ихъ только для того, чтобы къ нимъ прикладывали штампъ представительнаго органа, было бы совершенно излишнею затяжкою.

Будничную работу Правительства можно сравнить съ дѣятельностью хотя бы управляющаго имѣніемъ, который даже въ моменты чрезвычайные долженъ думать, напримѣръ, не только о происходящемъ случайно стихійномъ бѣдствіи, но и о спускѣ воды въ шлюзахъ, о разсчетѣ съ рабочими, о доставкѣ шпагата, о всѣхъ тѣхъ частностяхъ, тѣхъ иногда досадныхъ мелочахъ, изъ которыхъ слагается живой бытъ, и непорядокъ въ которыхъ грозитъ полнымъ разстройствомъ хозяйства. Выпадаютъ цѣлыя засѣданія Совѣта министровъ, длящіяся по 6-7 часовъ, посвященныя всецѣло такимъ вопросамъ, какіе въ Государственной Думѣ были извѣстны подъ названіемъ „вермишели". Но, очевидно, такая вермишель неизбѣжна и обязательна даже для самыхъ крупнѣйшихъ учрежденій государства, и плохо было бы то правительство, которое отказалось бы отъ разсматриванія вермишельныхъ вопросовъ.

Работа Экономическаго Совѣщанія.

Въ то время, какъ Совѣтъ министровъ выбивался изъ силъ, работая надъ очередными и неотложными вопросами войны, работало и Государственное Экономическое Совѣщаніе.

Какъ я уже указывалъ, къ этому учрежденію многіе относились съ предубѣжденіемъ и внѣ его и внутри. Я всячески охранялъ его авторитетъ, и въ этомъ отношеніи, какъ предсѣдатель его, я чувствую себя безгрѣшнымъ.

„Составъ Экономическаго Совѣщанія—это тотъ центръ, на который должно опираться Правительство", всегда говорилъ я. Въ Совѣщаніи сидѣли такіе оппозиціонные люди, какъ Алексѣевскій, Огановскій (послѣдній, между прочимъ, былъ не выборнымъ, а назначеннымъ членомъ). И люди, отвыкшіе было отъ привычки видѣть и слышать оппозицію, привыкали къ ней.

— Зачѣмъ этотъ совдепъ? говорили мнѣ справа: не вы ли сами заявляли, что въ лютую зиму дерево не имѣетъ листвы?

Дѣйствительно, я не считалъ возможнымъ и нужнымъ учреждать парламентъ, но я видѣлъ только пользу въ томъ дѣловомъ сотрудничествѣ съ Правительствомъ, которое устанавливалось въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи.

Оно добросовѣстно разсматривало всѣ законопроекты, которые вносились министрами. Но періодъ мартъ-май поглотилъ какъ разъ наиболѣе творческую эпоху, когда разрабатывались вопросы земельный, финансовый, промышленный, и работа Государственнаго Экономическаго Совѣщанія совпала съ эпохою упадка, когда неудачи на фронтѣ заставили обратить всѣ силы на работы оборонительныя, а не созидательныя.

Были разсмотрѣны большіе законы объ учрежденіи въ Омскѣ „Института сельскаго хозяйства и промышленности", въ Томскѣ „Института изслѣдованія Сибири", во Владивостокѣ „Политехническаго института". Въ законы были внесены существенныя поправки, но, по существу, эта работа была впустую.

У Правительства не хватило предусмотрительности, и, вмѣсто того, чтобы командировать заграницу нѣсколько десятковъ молодыхъ людей, для подготовки, въ здоровыхъ культурныхъ условіяхъ, къ будущей работѣ, оно тратило средства на безнадежныя учрежденія. Экономическое Совѣщаніе не вняло трезвымъ голосамъ профессоровъ Полѣнова и Лебедева и пошло по пути поддержки эфемерныхъ высшихъ школъ. Только одинъ Иркутскій Университетъ будетъ, несомнѣнно, существововать и впредь и послужитъ культурнымъ памятникомъ учредившаго его Сибирскаго Правительства.

Но судить за симпатіи къ просвѣщенію не приходится, даже когда онѣ кончаются неудачно, и то любовное вниманіе, съ которымъ отнеслись всѣ къ новымъ институтамъ, само по себѣ заслуживаетъ только похвалы.

Внесено было въ Экономическое Совѣщаніе нѣсколько законопроектовъ о *призрѣніи*. Организація центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій призрѣнія („Прав. Вѣстн." № 227), законъ о государственномъ призрѣніи семей служащихъ, убитыхъ въ борьбѣ съ большевиками, а также лицъ служебнаго персонала, утратившихъ трудоспособность въ связи съ гражданскою войной („Прав. В." № 243), и другой о призрѣніи бѣженцевъ—всѣ эти законы могли бы послужить образцомъ для любого гуманнаго и передового правительства. Но что трагично, такъ это то, что и эти законы писались впустую. Финансовая сторона ихъ ни Экономическимъ

Совѣщаніемъ ни Совѣтомъ министровъ не учитывалась. Обѣщанія давались не по средствамъ, и не кто иной, какъ самъ адмиралъ, обратилъ вниманіе на безграничность притязаній, которыя могли бы быть предъявлены къ власти пострадавшими отъ большевиковъ, вслѣдствіе излишне пространной первоначальной редакціи заголовка. Законъ вернулся въ Совѣтъ министровъ, и заголовокъ былъ измѣненъ.

Было разсмотрѣно въ Совѣщаніи и нѣсколько законопроектовъ финансоваго характера: о налогахъ на билеты публичныхъ зрѣлищъ, о введеніи налога на коммерческія объявленія („Прав. В.“ № 250), о налогѣ на вещи, продаваемыя съ аукціона (№ 252); и въ эти законы были внесены Экономическимъ Совѣщаніемъ нѣкоторыя существенныя поправки. Мнѣ, вслѣдствіе совмѣщенія должностей предсѣдателя Совѣщанія и главноуправляющаго, было трудно уже слѣдить за всѣми подробностями комиссіонной работы Совѣщанія, и я не всегда умѣлъ защитить поправки послѣдняго при разсмотрѣніи законовъ въ Совѣтѣ министровъ, но я могу смѣло утверждать, что въ массѣ работа Совѣщанія не только не пропадала даромъ, но и облегчала Совѣтъ министровъ, такъ какъ большинство одобренныхъ Совѣщаніемъ законовъ проходило безъ задержекъ.

Мнѣ хотѣлось добиться большаго, чтобы эти законопроекты вовсе не обсуждались въ Совѣтѣ министровъ, если противъ нихъ не было сдѣлано возраженій со стороны членовъ Правительства въ Совѣщаніи, но Предсѣдатель Совѣта министровъ не поддержалъ меня въ этомъ, а привычка министровъ копаться въ законодательной работѣ заставляла ихъ крѣпко держаться за свою привилегію критики и редакціонной шлифовки.

Одною изъ наиболѣе интересныхъ работъ Экономическаго Совѣщанія должна была явиться переработка закона о земскихъ финансахъ. Надъ этимъ закономъ работали очень много, но провести его черезъ общее собраніе не успѣли.

Экономическое Совѣщаніе выполнило весь планъ, намѣченный Верховнымъ Правителемъ.

Оно остановилось на нуждахъ арміи. Нѣсколько членовъ Совѣщанія посѣтили фронтъ и привезли оттуда двоякія впечатлѣнія: во-первыхъ, силы и бодрости арміи, во-вторыхъ, невѣроятной запущенности санитарнаго дѣла. Была образована особая комиссія, которая выработала схему организаціи санитарнаго дѣла, на мой взглядъ, въ высшей степени раціональную. Затѣмъ была образована комиссія по вопросамъ продовольствія и снабженія

арміи. Я предсѣдательствовалъ въ этой комиссіи до назначенія меня главноуправляющимъ. У насъ было восемь или десять засѣданій. Два вопроса были освѣщены въ комиссіи: одинъ о рессурсахъ, другой о системѣ. Уже въ старомъ составѣ Экономическаго Совѣщанія, какъ я объ этомъ разсказывалъ, достаточно выяснилась ограниченность рессурсовъ. Теперь, спустя три мѣсяца, когда были потеряны еще нѣкоторые продовольственные районы, можно было только усилить прежнія данныя еще болѣе мрачными перспективами. Выяснилось, между прочимъ, что маслодѣліе, эта цвѣтущая отрасль сибирской сельско-хозяйственной промышленности, быстро умираетъ. На рынкѣ уже чувствовался недостатокъ масла, цѣны быстро росли, а товаръ становился все хуже. Надвигался также мясной и фуражный голодъ. Общему собранію не были доложены результаты работъ комиссіи, такъ какъ предполагалось, что, послѣ минованія кризиса на фронтѣ, комиссія возобновитъ свои работы, для обсужденія возможныхъ улучшеній въ организаціи снабженія и продовольствія. Но всѣ практическія указанія, которыя сдѣланы были членами комиссіи, неотложно доводились до свѣдѣнія вѣдомствъ и докладывались мною адмиралу. Главными изъ нихъ были указанія на явное несоотвѣтствіе требованій арміи съ ея дѣйствительными потребностями и имѣвшимися рессурсами и на расточительность потребленія. Достаточно сказать, что при убоѣ скота выбрасывались всѣ съѣдобныя внутренности.

Въ комиссіи выяснилось, что улучшенія въ заготовительной области были несомнѣнно, что же касается распредѣлительной части, то здѣсь требовалась коренная реорганизація. „Атаманщина“, какъ бытовое явленіе, царила не только въ тылу, но и на фронтѣ. Каждый начальникъ части считалъ полезнымъ урвать, какъ можно, больше для себя. Если Гайда обладалъ крупными запасами снабженія, то онъ не давалъ ихъ сосѣдней арміи Ханжина. Въ свою очередь генералы, подчиненные Гайдѣ, получали также не по мѣрѣ надобности, а по мѣрѣ симпатій. Ни одинъ начальникъ снабженія не могъ опредѣлить размѣровъ своихъ запасовъ. И всѣ были всегда недовольны. Когда же начиналось отступленіе, тогда только обнаруживалось, какъ много было всего запасено. Въ чемъ же дѣло? Оказывается, запасы были „занаряжены“, т. е. числились уже за какой-нибудь частью и считались неприкосновенными, даже когда заявлялась несомнѣнная и острая нужда. Безнадежный бюрократизмъ въ соединеніи съ упрямымъ „атаманскимъ“ своеволіемъ губили дѣло снабженія. Завѣдывающій интендантскимъ скла-

домъ въ Челябинскѣ былъ казненъ, когда обнаружилось, что онъ оставилъ тамъ громадные запасы.

Помощникъ военнаго министра генералъ Будбергъ рѣшительно боролся съ этими явленіями, но въ періодъ общаго отступленія существенно измѣнить обстановку было невозможно.

Въ числѣ задачъ, которыя были поставлены адмираломъ Экономическому Совѣщанію, былъ вопросъ о содержаніи служащихъ. И здѣсь Омскъ не сумѣлъ найти правильнаго пути. Безпросвѣтное рабство передъ бюрократическими навыками причиняло громадный ущербъ дѣлу. Всѣ служащіе были распредѣлены по классамъ и, въ соотвѣтствіи съ классомъ должности, получали опредѣленное жалованіе. Попавшіе въ одинъ классъ, хотя бы работа одного была непосильною обыкновенному человѣку, а работа другого—отдыхомъ или забавою, получали одинаковое содержаніе. Люди, занявшіе какую-либо должность, могли умереть на ней отъ переутомленія, но не видѣли бы никакого поощренія, потому что никакихъ добавочныхъ выдачъ за сверхъурочныя работы не допускалось. Эта поразительно убогая система, сопровождавшаяся притомъ на рѣдкость маленькими окладами (высшій министерскій окладъ былъ въ 2 $^1/_2$ тысячи сибирскихъ), дѣйствовала губительно на энергію служащихъ и деморализующе на нравы. Въ частности, офицерство на фронтѣ, которое получало содержаніе *тоже по классамъ,* не имѣло возможности содержать свои семьи въ тылу, а потому держало ихъ при себѣ на фронтѣ. Всѣ станціи прифронтовыхъ городовъ были забиты поѣздами, въ которыхъ жили офицерскія семьи. При эвакуаціи грузился прежде всего домашній скарбъ тѣхъ офицеровъ, которые имѣли квартиры. Потерять его—значитъ, совсѣмъ разориться. Въ деревняхъ старались совсѣмъ не расплачиваться: экономили. Бѣдствія недостаточнаго обезпеченія служащихъ ярко описалъ въ особой запискѣ, поданной Верховному Правителю, прис. повѣр. Жардецкій. Онъ предлагалъ вернуться къ дореволюціоннымъ штатамъ и оплачивать новыми деньгами, примѣнительно къ курсу ихъ на золото. Но это предложеніе не могло быть принято, такъ какъ прежніе штаты совершенно устарѣли, а придумать новые было некогда.

Министръ путей сообщенія Уструговъ внесъ весьма хитроумное предложеніе (авторомъ его былъ математикъ, служащій министерства, Виноградовъ). Онъ отстаивалъ установленіе формулы заработной платы, въ которой къ основному содержанію (а), въ размѣрѣ оклада царскаго времени, должна была присоединиться мѣняющаяся прибавка, опредѣляющаяся въ зависимости отъ про-

житочнаго минимума въ каждомъ отдѣльномъ районѣ. Формула эта долго обсуждалась въ Экономическомъ Совѣщаніи, гдѣ ее облюбовалъ депутатъ Екатеринбурга Л. А. Кроль, и, въ концѣ концовъ, она была принята въ слѣдующемъ видѣ: $S = A + (\frac{a}{100} + x)\ m$, гдѣ $x = \frac{1.55 - 20}{m}$.

Сущность ея заключается въ томъ, что, исходя изъ стараго дореволюціоннаго гонорара А, новое содержаніе увеличивалось на прожиточный минимумъ (m), умноженный въ нѣсколько разъ, въ зависимости отъ величины прежняго содержанія.

Формула эта была одобрена Совѣтомъ министровъ въ засѣданіи 26 августа, но я на этотъ разъ не поддерживалъ рѣшенія Экономическаго Совѣщанія. Черезъ нѣкоторое время выяснилось, къ какимъ финансовымъ результатамъ привела бы эта формула, и, несмотря на то, что министръ путей Уструговъ уже успѣлъ объявить ее по линіи, Совѣтъ министровъ отрекся отъ нея раньше, чѣмъ пѣтухъ пропѣлъ дважды.

Таковы, въ общихъ чертахъ, результаты дѣловой работы Экономическаго Совѣщанія.

Чего не хватало?

Въ числѣ главныхъ своихъ задачъ, какъ управляющаго дѣлами, я видѣлъ приспособленіе Управленія къ руководству всею внутреннею политикой.

—Предсѣдатель Совѣта министровъ—сухая вѣтка на государственномъ деревѣ, говорилъ Тельбергъ, когда временно замѣщалъ Вологодскаго.

Но онъ не сумѣлъ оживить этой вѣтки, потому что всѣ его нововведенія носили чисто формальный характеръ только внѣшней упорядоченности. Самодовольство чисто внѣшняго порядка, при трагичности внутренняго содержанія, не только не могло показаться оживленіемъ, но еще болѣе угнетало холодностью мертвящаго бюрократизма.

Я искалъ другого средства.

Отъ имени Предсѣдателя Совѣта министровъ былъ разосланъ рядъ циркулярныхъ писемъ, въ которыхъ предлагалось сдѣлать доклады по текущимъ вопросамъ, представить планы работъ, обзоръ и оцѣнку сдѣланнаго за годъ и т. д. Министру внутреннихъ дѣлъ было предложено, между прочимъ, сообщить, не находитъ ли онъ своевременнымъ установить отвѣтственность ми-

Бѣженцы.

лиціи передъ военнымъ судомъ за всякое беззаконіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать старшимъ чинамъ милиціи офицерскія права для огражденія ихъ отъ безцеремоннаго обращенія воинскихъ чиновъ. Кромѣ того, предполагалось установить систему крупныхъ наградъ за борьбу милиціи съ беззаконіями и, наконецъ, порядокъ принесенія жалобъ на милицію черезъ самоуправленія.

Другой разъ министръ внутреннихъ дѣлъ былъ запрошенъ относительно желательности учрежденія при управляющихъ губерніями и областями совѣтовъ изъ администраціи и общественныхъ дѣятелей, причемъ предполагалось, что эти совѣты получатъ широкія права, вплоть до распоряженія кредитами, въ цѣляхъ децентрализаціи управленія, усиленія мѣстной власти и большей связи ея съ населеніемъ.

В. Н. Пепеляевъ былъ обиженъ этими письмами. Онъ нашелъ, что это похоже на нравоученіе, но, по существу, онъ былъ согласенъ со многимъ, и у него уже разрабатывались соотвѣтствующіе законы.

Считая, что мнѣ принадлежитъ авторство письма, и желая по дружбѣ отплатить мнѣ тою же монетою (у насъ дѣйствительно были хорошія отношенія), онъ запросилъ меня, не нахожу ли я своевременнымъ, чтобы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" распубликовывались законы не въ хронологическомъ порядкѣ утвержденія, а въ порядкѣ важности, и привелъ списокъ важнѣйшихъ законовъ, которые мѣсяцами лежали въ Сенатѣ или „Вѣстникѣ", въ то время, какъ печатались законы, уже утратившіе всякое значеніе. Случайно его письмо совпало съ распубликованіемъ тѣхъ именно законовъ, о которыхъ онъ говорилъ. Но онъ былъ правъ. И здѣсь царили бюрократическіе порядки. Велѣно печатать законы, ихъ и печатаютъ, не разбираясь въ томъ, какіе слѣдуетъ выдвинуть и какіе отложить.

Написано было письмо и министру юстиціи. Какими мѣрами предполагаетъ онъ ускорить судебное производство—въ частности, когда, наконецъ, будетъ разсмотрѣно дѣло Зефирова?

Борьба за законность.

Отъ Тельберга ожидали, что онъ сумѣетъ, не извращая основныхъ идей судебныхъ уставовъ, отступить отъ нихъ, для устраненія всѣхъ недопустимыхъ или невыполнимыхъ въ переживаемое время формальностей.

Онъ далъ въ сентябрѣ большое интервью, гдѣ подробно излагалъ результаты своей дѣятельности.

„Первой моей мѣрой“, сказалъ Тельбергъ, „было требованіе, чтобы чины прокурорскаго надзора не группировались въ крупныхъ губернскихъ центрахъ, а непремѣнно разсылались по уѣзднымъ городамъ, чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ хоть одинъ органъ прокурорскаго надзора. Это создавало много чисто житейскихъ затрудненій, неизбѣжныхъ въ наше время, но долженъ засвидѣтельствовать, что вся армія прокурорскаго надзора послушно отозвалась на призывъ генералъ-прокурора и выполнила эту мѣру. Циркуляромъ отъ 9-го іюля я предписалъ прокурорскому надзору энергично примѣнять ст. ст. 10 и 11 Устава Уголовнаго Судопроизводства, т. е. періодически посѣщать всѣ мѣста заключеній, провѣрять формальную законность причинъ задержанія и, въ случаѣ незаконности, немедленно освобождать арестованныхъ. Теперь эта важная мѣра, основная гарантія личной свободы, примѣняется повсемѣстно и систематически, принося плодотворные результаты.

„На очередь поставлена и другая мѣра, еще болѣе дѣйственная: предоставленіе судьямъ права провѣрять не только формальную законность ареста, но и наличность и достаточность поводовъ къ задержанію.

„Тогда же я далъ инструкцію чинамъ прокурорскаго надзора наблюдать за правильнымъ содержаніемъ арестованныхъ въ тюрьмахъ, чтобы тюремный режимъ не расходился съ требованіями закона. Циркуляромъ отъ 3-го сентября я далъ предписаніе чинамъ прокурорскаго надзора дѣлать періодическія поѣздки по районамъ, чтобы на мѣстахъ контролировать дѣйствія милиціи по производству дознаній, освобождать неправильно арестованныхъ въ деревнѣ и непосредственно принимать отъ пострадавшихъ жалобы на незаконныя дѣйствія.

„Наконецъ, чтобы ускорить уголовное правосудіе и приблизить его къ населенію, я предложилъ окружнымъ судамъ озаботиться устройствомъ выѣздныхъ сессій не только въ городахъ, но и въ крупныхъ селахъ. Эта мѣра уже не разъ была осуществлена въ Томской и Алтайской губерніяхъ, поскольку земство оказывало содѣйствіе въ трудномъ вопросѣ обезпеченія помѣщеній.

„Все это мѣры, направленныя къ тому, чтобы усилить дѣйствіе судебныхъ органовъ. Несмотря на всѣ трудности, которыя представляетъ современная жизнь, несмотря на крайнюю затруднительность переѣздовъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и личныхъ сношеній, несмотря на явную опасность отъ бродячихъ бандъ въ глухихъ мѣстахъ—вся судебная магистратура не за страхъ, а за

совѣсть стремилась выполнить и выполняла эти предписанія министра.

„Вторая группа мѣръ заключалась въ томъ, чтобы вооружить прокурорскій надзоръ достаточно широкими правами по пресѣченію и разслѣдованію должностныхъ преступленій. Съ этой цѣлью я провелъ черезъ Совѣтъ министровъ законъ о правѣ прокурорскаго надзора требовать устраненія отъ должностей лицъ, привлекаемыхъ по обвиненію въ должностныхъ преступленіяхъ, а въ ближайшее время я полагаю расширить права слѣдственныхъ судей, предоставивъ имъ всѣ права военныхъ слѣдователей, гдѣ послѣдніе отсутствуютъ, чтобы, такимъ образомъ, каждое преступленіе, кѣмъ бы оно ни совершалось, находило бы себѣ немедленно же компетентнаго судью.

„Вся эта система мѣръ направлена къ борьбѣ съ отдѣльными проявленіями незакономѣрныхъ дѣйствій, но, когда я вступилъ въ кабинетъ министра юстиціи и сталъ ближе вникать въ картины мѣстной жизни, я понялъ, что необходимо сосредоточить еще болѣе живое и усиленное вниманіе на той сторонѣ нашего быта, которая именуется военнымъ положеніемъ и обязательными постановленіями. Военное положеніе даетъ право военнымъ и гражданскимъ начальникамъ на мѣстахъ издавать обязательныя постановленія, а такъ какъ подъ военнымъ положеніемъ у насъ находится значительная часть страны, то получается впечатлѣніе, что жизнь обывателя во многихъ отношеніяхъ регулируется не столько закономъ, сколько этими многочисленными и разнообразными обязательными постановленіями, которыя каждымъ начальникомъ на мѣстахъ издаются на свой страхъ и по собственному разумѣнію. Какъ военное положеніе, такъ и дѣтище его — система обязательныхъ постановленій, являются во многихъ случаяхъ прямой государственной необходимостью, ибо вызываются заботой Правительства охранять государственный порядокъ и общественное спокойствіе. Но недостатокъ нашей системы заключается въ томъ, что почти бездѣйствовалъ механизмъ, предупреждающій постановленія незакономѣрныя, и совершенно отсутствовалъ органъ, отсѣивающій постановленія нецѣлесообразныя. Въ обоихъ направленіяхъ и сосредоточилась работа министра юстиціи. Прежде всего нужно было обезпечить генералъ-прокурору возможно большую степень освѣдомленія о всѣхъ тѣхъ обязательныхъ постановленіяхъ, которыя издаются мѣстными начальниками.

„Чтобы внести планомѣрность и цѣлесообразность въ исключительно важную дѣятельность мѣстныхъ начальниковъ, примѣ-

няющихъ военное положеніе, потребовалось создать новое учреждение: *Комитетъ обезпеченія законности и порядка*.

„Мысль объ этомъ Комитетѣ родилась при изученіи того порядка, какимъ примѣняется исключительное положеніе на мѣстахъ. Никакой, въ сущности, органъ не руководитъ дѣятельностью тѣхъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, которые осуществляютъ военное положеніе. Поэтому въ ихъ дѣйствіяхъ зачастую не хватаетъ ни единства, ни планомѣрности, ни послѣдовательности, ни сосредоточенности. Въ одной губерніи запрещается то, что разрѣшается въ другой. Мѣры, по существу правильныя, примѣняются въ нецѣлесообразной формѣ. Мѣра, удачная по идеѣ, становится неудачной, потому что она примѣняется только въ одной мѣстности, и о ней не вѣдаютъ въ сосѣдней. Военный начальникъ, охраняющій на мѣстѣ государственный порядокъ и общественное спокойствіе, не подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ. Гражданскій начальникъ, примѣняющій военное положеніе, не подчиненъ военному министру. И ни тотъ ни другой не подчинены министру юстиціи. Такимъ образомъ, нѣтъ министра, на которомъ лежала бы обязанность и возможность давать общее руководство той отвѣтственной работѣ, которая совершается на мѣстахъ въ порядкѣ временнаго положенія. Совѣту министровъ въ цѣломъ нести эту работу невозможно.

„Вотъ почему родилась мысль объединить этихъ трехъ министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и сосредоточить въ рукахъ Комитета, составленнаго изъ этихъ трехъ министровъ, высшее руководство и надзоръ за дѣйствіями всѣхъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, примѣняющихъ исключительное положеніе. Совѣтъ министровъ одобрилъ эту идею. Верховный Правитель утвердилъ эту мѣру, и, такимъ образомъ, возникъ Комитетъ обезпеченія порядка и законности, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи".

Оцѣнивая дѣятельность Тельберга, я лично нахожу, что сдѣланнаго имъ было недостаточно. Общій характеръ его распоряженій таковъ: „повелѣваемъ законности быть". Онъ не обезпечилъ свой судебный персоналъ настолько, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ матеріальныхъ заботъ. Даже сенаторы искали побочныхъ заработковъ и не сосредотачивали своего вниманія цѣликомъ на своей непосредственной дѣятельности.

Въ уголовномъ процессѣ скрывались пороки, которые дискредитировали судъ въ глазахъ военныхъ властей и заставляли примѣнять военныя мѣры. Страшная медлительность парализовала

правосудіе. Здѣсь нужны были проницательность и смѣлое творчество. Даже законы о военномъ положеніи оставались въ хаотическомъ состояніи.

Наконецъ, деревня нуждалась хоть въ какомъ-нибудь судѣ, а Тельбергъ не давалъ ей ничего, задержавъ введеніе волостныхъ судовъ.

Видно было, что онъ творитъ по-профессорски, исходя изъ теоріи, а надо было творить, исходя изъ опыта жизни. Комитетъ законности разсмотрѣлъ сто обязательныхъ постановленій, но онъ не привлекъ къ отвѣтственности ни одного крупнаго правонарушителя, не обрушился ни на одно изъ гнѣздъ беззаконія. Можно ли было требовать гражданскаго мужества отъ прокуратуры, когда его не хватало въ центрѣ? Люди „законности" собирались и, покуривая папиросы, отмѣняли обязательныя постановленія, а Сенатъ ждалъ, когда къ нему поступятъ дѣла. Никто не боролся, ни у кого не было смѣлости.

Нѣкоторые выводы.

Отвѣтить на нѣкоторые вопросы я самъ не могъ бы, по недостатку знанія и пониманія. Этого могъ требовать Предсѣдатель только отъ министровъ. Но если они не отвѣчали, что тогда?

Я не присутствовалъ при докладѣ министровъ Предсѣдателю и не могъ бы присутствовать, даже если бы онъ меня спеціально приглашалъ: не хватало времени. А между тѣмъ руководство, совѣты, объединеніе работы должны были быть.

Экономическое Совѣщаніе было полезно въ своей области, но его компетенція была ограничена. Невольно напрашивалась мысль: „надо поскорѣе расширить и его составъ и его функціи."

Борьба за законность шла бы успѣшнѣе при возможности гласнаго предъявленія запросовъ въ Совѣщаніи. На эту сторону съ полной справедливостью напирали члены Экономическаго Совѣщанія, добиваясь его преобразованія.

Что же задерживало преобразованіе?

Въ августѣ было принято предложеніе Бѣлоруссова о созывѣ представителей различныхъ общественныхъ группъ для разсмотрѣнія его проекта избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе. Въ то же приблизительно время прошелъ законъ Пепеляева о Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, также съ широкимъ участіемъ представителей самоуправленій.

Почва была подготовлена. Но дѣло портило само Экономическое Совѣщаніе.

Послѣ іюльскаго пріема члены Государственнаго Экономическаго Совѣщанія рѣшили приступить къ разработкѣ Положенія о Государственномъ Совѣщаніи, не дожидаясь иниціативы Совѣта министровъ. Во второй половинѣ августа проектъ былъ готовъ, и опять была избрана делегація къ Верховному Правителю.

Проектъ въ общихъ чертахъ казался мнѣ пріемлемымъ, и я готовъ былъ оказать содѣйствіе пріему делегаціи.

Но, когда чиновникъ, завѣдывавшій пріемами, докладывалъ о делегаціи Экономическаго Совѣщанія, у адмирала былъ какъ разъ одинъ видный генералъ, который имѣлъ превратное представленіе о дѣятельности Совѣщанія. Онъ сказалъ: „этихъ господъ слѣдовало бы не принимать, а повѣсить.“

Въ пріемѣ делегаціи было отказано, и, когда я подымалъ о ней вопросъ, адмиралъ терялъ самообладаніе и буквально кричалъ, что, когда армія разбита, его интересуетъ бѣлье, а не парламенты. Передавать такія интимныя подробности я не могъ, уходить въ отставку тоже не могъ, не только, какъ мобилизованный, но и потому, что адмиралъ никакихъ отставокъ во время неудачъ не принималъ. Оставалось принять вину на себя.

Экономическое Совѣщаніе неосновательно заподозрило меня въ противодѣйствіи пріему делегаціи. Отношенія наши стали портиться.

Между тѣмъ, Верховнаго Правителя кто-то систематически настраивалъ противъ Совѣщанія. Адмиралъ считалъ всѣ частныя совѣщанія заговорами. Онъ зналъ о нихъ бо̀льшія подробности, чѣмъ я, и особенно не любилъ Кроля, котораго считалъ лидеромъ оппозиціи. Большого труда стоило мнѣ убѣдить адмирала, что никакого заговора нѣтъ, что поругиваютъ въ Совѣщаніи Правительство въ той мѣрѣ, какъ оно этого заслуживаетъ, что Кроль вовсе не опасный человѣкъ.

Хуже всего было то, что адмиралъ постоянно уѣзжалъ на фронтъ. Въ тѣ два-три дня, которые онъ проводилъ въ Омскѣ, его такъ заваливали срочными докладами, что не было возможности обстоятельно поговорить. Но откладывать до безконечности тоже было невозможно.

Героическое средство.

Совѣтъ Верховнаго Правителя продолжалъ дѣйствовать, правда, за отъѣздами адмирала, съ большими перерывами. Я рѣшилъ добиться созыва всего Совѣта министровъ, надѣясь, что здѣсь-то мы разрѣшимъ наболѣвшіе вопросы.

А ихъ было много.

У меня сложилась привычка передъ отвѣтственными засѣданіями набрасывать на клочкахъ бумаги планъ или тезисы. Среди сохранившихся бумагъ я нашелъ записку, написанную карандашомъ на четвертушкѣ, съ заголовкомъ: „Необходимо совмѣстное засѣданіе". Бѣгло, съ безпорядочностью, характеризующею всегда замѣтки, набросанныя наспѣхъ, когда накопилось слишкомъ много и притомъ слишкомъ разбросанныхъ мыслей, которыя боишься упустить, въ ней набросано:

„Общая оцѣнка — итоги года (организаціонные дефекты, безумное наступленіе, потери, разрушеніе, обманъ—составъ арміи).

„Совѣтъ министровъ—составъ, права; ставка—политическія функціи, хозяйственное управленіе на фронтѣ, бюрократическій аппаратъ, милиція, казачество, судъ, снабженіе населенія предметами первой необходимости, измѣненіе продовольственной политики (борьба со спекуляціей), международная политика (Финляндія, Эстонія), эвакуація Омска, указы Верховнаго Правителя, Государственное Совѣщаніе, земскій съѣздъ въ Иркутскѣ, подчиненіе командующихъ войсками въ административномъ отношеніи государственной власти, инструкція Деникину (опора на земство; земельный вопросъ)."

Все сразу трудно было бы высказать. Для перваго раза мнѣ казалось наиболѣе своевременнымъ остановиться на трехъ вопросахъ: единство управленія въ продовольственномъ дѣлѣ, единство власти на желѣзныхъ дорогахъ и, наконецъ, Государственное Совѣщаніе.

Первые два вопроса напрашивались сами собой, при малѣйшемъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ.

Не могло быть порядка въ продовольственномъ дѣлѣ, когда военный министръ только заказывалъ (заданіе), министръ продовольствія только заготовлялъ, а фронтовое начальство распредѣляло. Три власти въ одномъ дѣлѣ. Каждая обвиняла другую, ни одна не была отвѣтственна отъ начала до конца.

Почти то же было съ транспортомъ.

Министръ путей не былъ хозяиномъ дѣла. Рядомъ съ нимъ, въ томъ же зданіи, сидѣлъ начальникъ военныхъ сообщеній, который имѣлъ едва ли не больше власти, чѣмъ министръ. На всѣхъ станціяхъ распоряжались не только чины путейскаго вѣдомства, но и коменданты. И здѣсь царило двоевластіе.

Какъ курьезъ, припоминаю случай, когда не любившіе Устругова контролеръ Красновъ и министры Сукинъ и Михайловъ

совсѣмъ было рѣшили настоять на отставкѣ Устругова и замѣнить его генераломъ Касаткинымъ, начальникомъ военныхъ сообщеній. Красновъ увѣрялъ, что Уструговъ ведетъ дѣло хуже, чѣмъ его товарищъ Ларіоновъ, что онъ только запутываетъ. Сукинъ ссылался, какъ всегда, на иностранцевъ, указывая, что они крайне недовольны сотрудничествомъ Устругова. Надъ Уструговымъ уже нависла гроза, какъ вдругъ, чуть ли не на другой день, Касаткина предали военно-полевому суду за бездѣйствіе власти и допущеніе взяточничества со стороны чиновъ военныхъ сообщеній.

Вотъ тебѣ и кандидатъ въ министры!

Но оказалось, что и тутъ дѣло раздули больше, чѣмъ слѣдуетъ, и смѣлый шагъ преданія суду виднаго генерала не усилилъ, а подорвалъ лишь престижъ власти, потому что Касаткина, въ концѣ концовъ, помиловали, а общество осталось увѣреннымъ, что его нужно было казнить.

Возвращаюсь, однако, къ темѣ. Вредъ многовластія, казалось, не подлежалъ сомнѣнію. Необходимо было его такъ или иначе устранить. Уструговъ приводилъ ежедневно десятки примѣровъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что изъ-за многовластія поѣзда безсмысленно двигаются взадъ и впередъ, съ однимъ и тѣмъ же грузомъ, вагоны безполезно забиваютъ станціи, агенты не знаютъ, кого слушаться. А, между тѣмъ, напряженіе работы на желѣзнодорожной линіи доходило до высшихъ предѣловъ. Стоило поѣхать на станцію Омскъ, чтобы увидѣть, съ какою лихорадочною поспѣшностью грузились одинъ за другимъ эшелоны, увозившіе на фронтъ подкрѣпленія. Въ это время порядокъ нуженъ былъ больше, чѣмъ когда-либо.

Наканунѣ засѣданія министры были ознакомлены съ темами, которыя могутъ быть затронуты. Я рѣшилъ посвятить въ нихъ адмирала. Уструговъ, Красновъ и я отправились для этого втроемъ.

Необычность *коллективнаго* доклада сразу подѣйствовала на адмирала возбуждающе. Повидимому, къ тому же, передъ пріемомъ министровъ у него были какія-то непріятныя свѣдѣнія. Впервые я видѣлъ его въ состояніи почти невмѣняемомъ.

Онъ почти не слушалъ, что ему говорили. Сразу перешелъ на крикъ. Стучалъ кулакомъ, швырялъ всѣ предметы, которые были на столѣ, схватилъ перочинный ножъ и ожесточенно рѣзалъ ручку кресла...

Изъ болѣзненныхъ, истерическихъ выкриковъ можно было понять, что онъ изливалъ все накипѣвшее въ его измученной душѣ.

— Всѣ хотятъ быть главнокомандующими! Мало быть министромъ, надо еще быть генераломъ! Министръ все можетъ сдѣлать, но ему надо еще что-то, еще какія-то права...

— Все плохо! Все надо преобразовать! Да какъ же это можно дѣлать, если врагъ съ каждымъ днемъ приближается. Какія теперь преобразованія!! Оставьте меня въ покоѣ. Я запрещаю подымать подобные вопросы. Я приду сегодня въ Совѣтъ министровъ, и *заявлю*, что *ни-ка-кихъ* отставокъ, *ни-ка-кихъ* преобразованій сейчасъ не будетъ!...

Аудіенція кончилась.

Генералъ Головинъ.

Когда мы вышли, утомленные и взволнованные, въ сосѣдней комнатѣ сидѣло нѣсколько генераловъ, въ ихъ числѣ недавно пріѣхавшій въ Омскъ, съ секретнымъ докладомъ о возможной помощи Англіи, начальникъ Академіи генеральнаго штаба, генералъ Головинъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ авторитетовъ военнаго дѣла.

Онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ дикой сцены. Трудно было не слышать криковъ и воплей адмирала, хотя онъ и находился въ сосѣдней комнатѣ.

Я познакомился съ генераломъ Головинымъ и нашелъ въ немъ рѣдкую для военнаго чуткость въ политическихъ вопросахъ. Онъ сразу понялъ, какъ важно ускорить преобразованіе Государственнаго Совѣщанія, какъ необходимо сотрудничество съ соціалистами, понималъ и раздѣлялъ проекты преобразованій, которыя намѣчались.

Мнѣ казалось, что это былъ наиболѣе подходящій товарищъ Предсѣдателя Совѣта министровъ. И, зная по опыту, что преждевременное освѣдомленіе о кандидатурѣ только губитъ дѣло, я постепенно подготовлялъ къ этому назначенію Вологодскаго и адмирала.

Генералъ Головинъ, какъ военный авторитетъ, могъ бы не только подчинить вліянію Совѣта министровъ всѣхъ генераловъ стараго и новаго производства, но и направить дѣятельность Совѣта министровъ въ сторону дѣйствительнаго обслуживанія арміи. Но могъ ли онъ быть расположенъ остаться въ Омскѣ послѣ такихъ сценъ? Къ тому же, онъ былъ боленъ.

Совмѣстное засѣданіе.

Засѣданіе состоялось. Адмиралъ пріѣхалъ не въ такомъ возбужденномъ состояніи, какъ былъ днемъ. Его рѣчь на тему: „не

допущу“ была произнесена совсѣмъ въ другихъ тонахъ: знаю, что нужно, но сейчасъ не могу. Однако, насчетъ отставокъ и перемѣнъ въ Совѣтѣ онъ высказался довольно твердо, не забылъ онъ и про голосованія „семь и восемь“ и „восемь и семь“.—Какую цѣнность имѣетъ такое голосованіе? сказалъ онъ.

Воцарилось молчаніе. У членовъ Совѣта министровъ не нашлось, что сказать Верховному Правителю.

Пришлось мнѣ, какъ иниціатору совмѣстныхъ засѣданій, взять на себя роль запѣвалы. Я остановился только на темѣ о Совѣщаніи и доказывалъ необходимость неотложнаго разрѣшенія этого вопроса.

Каково же было мое удивленіе, когда Л. И. Шумиловскій, соціалистъ по убѣжденію, со стороны котораго я меньше всего ожидалъ возраженій, сталъ доказывать, ссылаясь на историческіе примѣры, что это совершенно несвоевременно. „Уступки во время неудачъ всегда губятъ“.

Правда, онъ затѣмъ перешелъ на тему о беззаконіяхъ и сталъ говорить о томъ, что всегда своевременно бороться съ произволомъ, но эффектъ уже былъ достигнутъ. Преобразованіе Совѣщанія отложили.

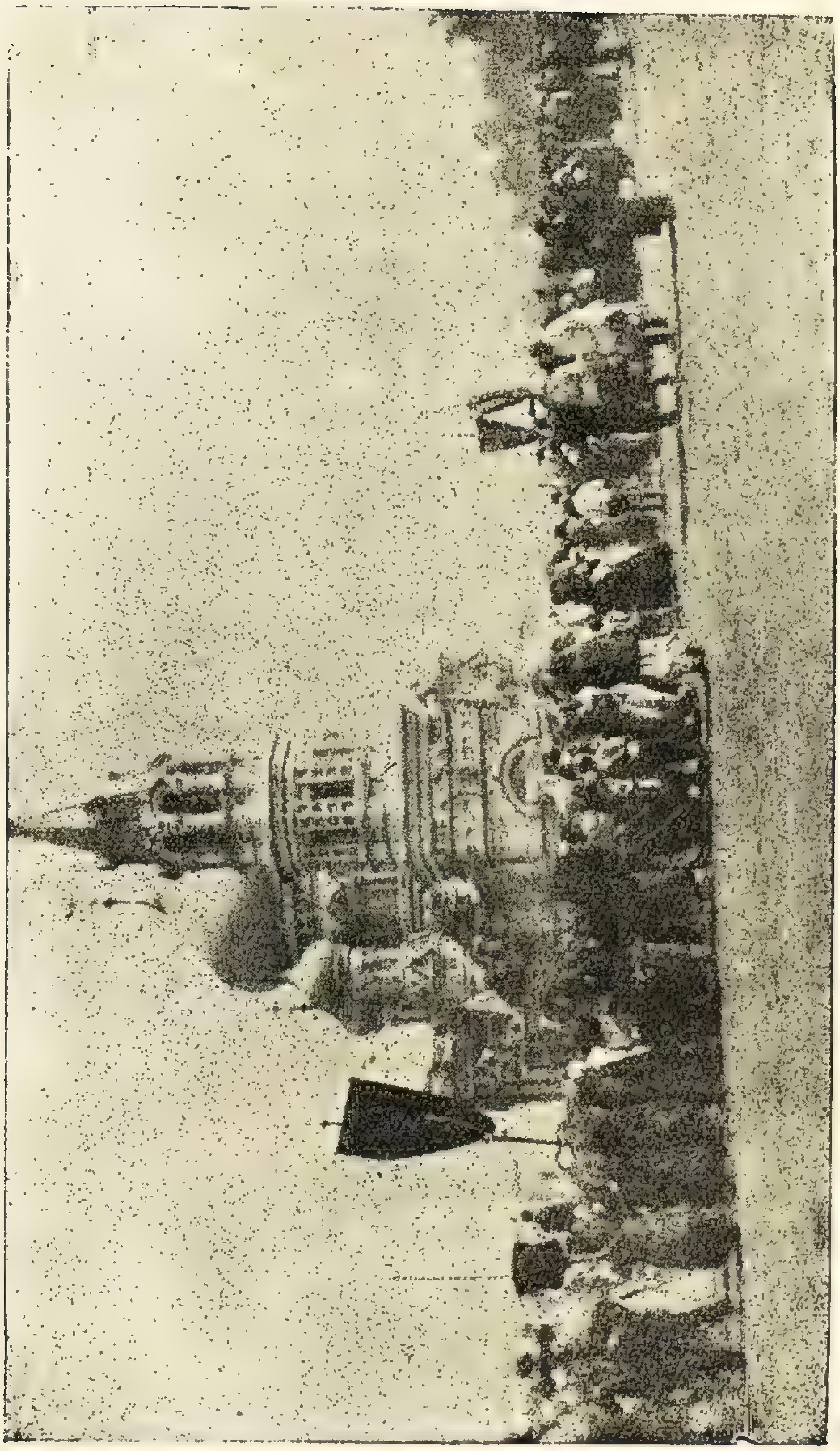
Адмиралъ резюмировалъ результаты въ томъ смыслѣ, что принципіально онъ согласенъ и подпишетъ соотвѣтствующій актъ послѣ первой побѣды.

Совѣтъ министровъ перешелъ къ текущимъ дѣламъ.

Результаты.

Дѣло было, во всякомъ случаѣ, сдвинуто съ мертвой точки. Начались совѣщанія министровъ по вопросу о томъ, какъ создать Совѣщаніе. Моя мысль о желательности преобразованія существующаго Совѣщанія была отвергнута.

Мнѣ казалось, что *преобразованіе было бы наиболѣе практичнымъ и осуществимымъ.* Послѣдовавшее подтвердило правильность моей точки зрѣнія: изъ болѣе радикальнаго проекта ничего не вышло, такъ какъ онъ требовалъ слишкомъ длительной разработки и длительнаго періода осуществленія. Но я не могъ спорить противъ того, что организація Совѣщанія на широкихъ выборныхъ началахъ, по существу, лучше. Къ этому склонилось мнѣніе большинства. Одиночные же голоса высказывались даже въ пользу созыва Сибирскаго Учредительнаго Собранія. Въ общемъ, настроеніе Совѣта министровъ было вполнѣ благожелательно къ предстоявшей реформѣ.



Всенародное молебствіе въ Омскѣ.

Скоро начались удачи на фронтѣ. Долго подготовлявшееся наступленіе проходило съ большимъ успѣхомъ. Войска дрались блестяще. Вмѣстѣ съ адмираломъ на фронтѣ былъ генералъ Ноксъ. Онъ восхищался красотою наступленія.

16 сентября.

Адмиралъ выполнилъ, какъ всегда, свое обѣщаніе. Онъ немедленно, по возвращеніи съ фронта, созвалъ Совѣтъ Верховнаго Правителя, куда привлекъ, кромѣ обычныхъ членовъ, генерала Дитерихса и атамана Дутова. Появленіе послѣдняго объяснялось очень просто. Онъ ѣздилъ съ адмираломъ на фронтъ, а адмиралъ быстро привыкалъ къ людямъ.

Говорить въ пользу созыва Экономическаго Совѣщанія оказалось излишнимъ, и генералы высказались въ пользу этого учрежденія. Но генералъ Дитерихсъ очень рѣзко подчеркнулъ одну, несомнѣнно, правильную мысль: Совѣщаніе тогда только окажется полезнымъ власти, способнымъ ее поддержать, если оно будетъ состоять не изъ интеллигентовъ, а изъ крестьянъ. Эта мысль была всѣми одобрена, и ее рѣшено было подчеркнуть въ актахъ.

Въ тотъ же вечеръ я написалъ грамату Верховнаго Правителя и рескриптъ на имя П. В. Вологодскаго. Все было такъ быстро составлено, что Омскъ не успѣлъ заранѣе узнать о происходившемъ и былъ пораженъ, когда 17 сентября, въ день Вѣры, Надежды и Любви, прочелъ слѣдующіе историческіе акты:

Грамата Верховнаго Правителя.

„Послѣ длительной подготовки къ наступленію, оружію нашему въ тяжкихъ и упорныхъ бояхъ ниспосланъ крупный успѣхъ.

Приближается тотъ счастливый моментъ, когда чувствуется рѣшительный переломъ борьбы, и духъ побѣды окрыляетъ войска и подымаетъ ихъ на новые подвиги.

И здѣсь, на востокѣ, куда устремлено нынѣ главное вниманіе противника, и на югѣ Россіи, гдѣ войска генерала Деникина освободили отъ большевиковъ уже весь хлѣбородный районъ, и на западѣ, у границъ Польши и Эстляндіи —большевики потерпѣли серьезныя пораженія.

Укрѣпленіе успѣховъ, достигнутыхъ наступающими подъ Верховнымъ моимъ командованіемъ арміями, предрѣшаетъ завершеніе великихъ усилій и искупленіе тяжкихъ жертвъ, принесен-

ныхъ на борьбу съ разрушителями государства, врагами порядка и богоотступниками.

Глубокое волненіе охватываетъ борцовъ, чувствующихъ благословенное и радостное приближеніе мирной и свободной жизни.

И вся страна, весь народъ въ единомъ непреклонномъ порывѣ къ побѣдѣ должны слиться съ Правительствомъ и арміей.

Исполненный глубокою вѣрою въ неизмѣнный успѣхъ развивающейся борьбы, почитаю я нынѣ своевременнымъ созвать умудренныхъ жизнью людей земли и образовать Государственное Земское Совѣщаніе для содѣйствія мнѣ и моему Правительству прежде всего по завершенію въ моментъ высшаго напряженія силъ начатаго дѣла спасенія Россійскаго Государства.

Государственное Земское Совѣщаніе должно, далѣе, помочь Правительству въ переходѣ отъ неизбѣжно суровыхъ началъ военнаго управленія, свойственныхъ напряженной гражданской войнѣ, къ новымъ началамъ жизни мирной, основанной на бдительной охранѣ законности и твердыхъ гарантіяхъ гражданскихъ свободъ и благъ личныхъ и имущественныхъ.

Такія послѣдствія продолжительной гражданской войны всего сильнѣе испытываютъ на себѣ широкія массы населенія, представляемыя крестьянствомъ и казачествомъ. Вызванная не нами разорительная война поглощала до сихъ поръ всѣ силы и средства государственныя. Справедливыя нужды населенія по неизбѣжности оставались неудовлетворенными, и Государственное Земское Совѣщаніе, составленное изъ людей близкихъ землѣ, должно будетъ такъ же озаботиться вопросами укрѣпленія благосостоянія народнаго.

Объявляя о принятомъ мною рѣшеніи созыва Государственнаго Земскаго Совѣщанія, я призываю все населеніе къ полному единенію съ властью, прекращенію партійной борьбы и признанію государственныхъ цѣлей и задачъ выше личныхъ стремленій и самолюбій, памятуя, что партійность и личный интересъ привели Великое государство Россійское на край гибели."

Изъ рескрипта П. В. Вологодскому.

„Постоянной заботой моей было созданіе тѣснаго сближенія власти и народа.

Еще при открытіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія мною предуказана была необходимость привлеченія широкихъ

круговъ населенія къ разрѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Нынѣ, когда, съ началомъ рѣшительнаго наступленія нашихъ армій, приближается моментъ наивысшаго напряженія силъ, и когда опытомъ работъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія подготовлено дальнѣйшее развитіе начатаго уже сотрудничества въ дѣлѣ законодательства власти и народа, я признаю своевременнымъ созывъ Государственнаго Земскаго Совѣщанія по преимуществу изъ представителей крестьянства и казачества, на которыхъ выпала главная тяжесть борьбы.

Объявляя объ этомъ своемъ рѣшеніи особою граматою, я поручаю Вамъ, какъ Предсѣдателю Совѣта министровъ, разработать въ ближайшее время проектъ Положенія о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи, какъ органѣ законосовѣщательномъ, съ правомъ запросовъ министрамъ и съ правомъ выраженія пожеланій о необходимости законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій.“

Постановленіе Совѣта министровъ.

„Ознакомившись съ граматою Верховнаго Правителя отъ сего же числа о созывѣ Государственнаго Земскаго Совѣщанія, Совѣтъ министровъ съ полнымъ единодушіемъ постановилъ:

Привѣтствовать этотъ мудрый актъ и выразить твердую увѣренность, что все населеніе откликнется живой радостью на призывъ Верховной власти къ полному съ ней единенію и съ честью завершитъ борьбу съ разрушителями государства.“

Хорошимъ былъ день 17 сентября, когда члены Правительства принимали поздравленія съ мудрымъ рѣшеніемъ.

Но торжество недолго продолжалось. Иностранцы спрашивали: когда же будетъ изданъ законъ—граматъ мы уже читали много. Правые говорили: зачѣмъ эти парламенты? Лѣвые были недовольны—почему „законосовѣщательный“, а не законодательный? Опять повторялось то, что было въ іюнѣ, при открытіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія.

Но хуже всего то, что недовольно было время. Оно безжалостно твердило: поздно, поздно...

Глава VIII.

Иронія судьбы.

„Изъ отвѣтственныхъ политическихъ вопросовъ“, сказалъ мнѣ Тельбергъ, передавая портфель главноуправляющаго, „стоитъ на очереди инструкція Деникину, устройство управленія сѣверомъ, упорядоченіе призыва интеллигенціи, жалоба полковника К. Кажется, это все.“

Конецъ августа, начало сентября—періодъ смятенія умовъ, крушеніе фронта и въ то же время проявленіе всероссійской власти: инструкція Деникину, конституція для Архангельска и, какъ это ни странно, при вопіющемъ недостаткѣ офицеровъ, жалоба полковника, перебѣжавшаго отъ красныхъ, что его оставляютъ безъ дѣла и содержанія.

Слушается очередной докладъ Совѣту министровъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Элегантный генералъ, профессоръ Андогскій, водитъ кіемъ по картѣ.

„На сибирскомъ фронтѣ, какъ видите, положеніе мало измѣнилось. Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, впрочемъ, противникъ слегка потѣснилъ насъ. На сѣверѣ (архангельскій фронтъ) *наши* войска перешли въ наступленіе и по всему фронту тѣснятъ противника. Нами занятъ городъ Онега, за время боевъ захвачено болѣе 4.000 плѣнныхъ и не менѣе ста пулеметовъ. На сѣверо-западномъ фронтѣ *наши* войска, подъ командой генерала Юденича, перешли въ наступленіе на Лужскомъ направленіи. На западномъ фронтѣ главныя силы *польской* арміи достигли Днѣпра. На южномъ вся желѣзнодорожная магистраль Курскъ-Кіевъ перешла въ руки *нашихъ* войскъ. Въ бояхъ около Царицына захвачено болѣе 7.000 человѣкъ, около Кіева болѣе 6.000, кромѣ того, при занятіи Кіева захвачено около 5.000 плѣнныхъ, 14 орудій, много пулеметовъ, нѣсколько блиндированныхъ поѣздовъ и колоссальные запасы всякаго рода.

„Такимъ образомъ, оцѣнивая общее положеніе фронта и всѣхъ силъ, находящихся подъ Верховнымъ командованіемъ адмирала

Колчака, слѣдуетъ признать, что оно неблагопріятно для большевиковъ".

Такъ докладывалось въ сентябрѣ 1919 года о положеніи дѣлъ на фронтѣ.

— А каково настроеніе солдатъ? спрашивали министры.

— Они дерутся „безотказно", былъ неизмѣнный отвѣтъ.

О настроеніи тыла въ Сибири и у Деникина не спрашивали; это *должны были* знать мы, „россійскіе" министры.

Общее заблужденіе.

Съ конца августа въ Сибири стало появляться много „знатныхъ" гостей изъ Россіи. Они выѣзжали оттуда въ маѣ, іюнѣ, когда звѣзда адмирала Колчака ярко разгоралась. Пріѣзжали—и разочаровывались перемѣнами, которыя произошли за два-три мѣсяца ихъ путешествія.

Многіе тутъ же раскланивались и, недвусмысленно отклоняя отъ себя разныя почетныя предложенія, стремились обратно, „для связи", какъ имъ будто бы было предложено генераломъ Деникинымъ. Получивъ на обратное путешествіе солидный кушъ, соразмѣрно знатности положенія, они, обыкновенно жестоко понося „колчаковщину", устремлялись во Владивостокъ, для новаго странствованія въ Россію или для выполненія патріотической миссіи заграницей.

Я былъ очень удивленъ, когда генералъ Дитерихсъ, который меньше всего былъ склоненъ поощрять подобныя путешествія, внесъ въ Совѣтъ министровъ предложеніе выдать генералу Нагаеву, только что пріѣхавшему съ юга Россіи, *четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ*, для формированія на югѣ Россіи отдѣльной сибирской дивизіи. Этому же генералу выдано было еще на милліонъ рублей мелкихъ керенокъ.

— Помилуйте, генералъ, говорили мы Дитерихсу: вѣдь онъ не успѣетъ доѣхать, какъ война кончится побѣдою или пораженіемъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ работъ комиссіи по продовольствію и снабженію арміи, я горячо утверждалъ, что зиму мы продержаться не сможемъ. Я былъ противъ командировки Нагаева и убѣждалъ въ этомъ адмирала.

Но генералъ Дитерихсъ, въ свою очередь, настаивалъ. „Нагаевъ", говорилъ онъ, „сорганизуетъ дивизію изъ застрявшихъ на югѣ Россіи сибиряковъ и съ ними черезъ Туркестанъ будетъ пробиваться весною 1920 года къ намъ."

Предложеніе Дитерихса было принято. Нагаевъ получилъ деньги и уѣхалъ.

Сентябрьскія побѣды и предостереженія.

Когда въ серединѣ сентября войска перешли въ наступленіе, генералъ Дитерихсъ прислалъ на имя Предсѣдателя Совѣта министровъ секретное письмо, въ которомъ предупреждалъ, что значенія первыхъ побѣдъ не слѣдуетъ преувеличивать. Непріятель обладаетъ большими резервами, а у насъ ихъ нѣтъ. Спустя нѣкоторое время, красные могутъ подвезти свѣжія силы, и тогда весь нашъ успѣхъ будетъ ликвидированъ.

Письмо это было оглашено въ засѣданіи Совѣта министровъ.

Несмотря на это, оптимизмъ господствовалъ.

Какъ-то ко мнѣ явился офицеръ изъ ставки съ проектомъ граматъ на имя эмира бухарскаго, хана хивинскаго и новаго Аму-Дарьинскаго казачьяго войска, которое, по его мнѣнію, надлежало организовать.

Я доложилъ адмиралу объ этихъ проектахъ; онъ отнесся къ нимъ одобрительно.

Граматы были заслушаны въ Совѣтѣ министровъ. Присутствовавшій, вмѣсто военнаго министра, генералъ Будбергъ упорно настаивалъ, чтобы этихъ граматъ не подписывалъ Верховный Правитель. Основанія онъ приводилъ очень неопредѣленныя, вродѣ того, что судьба перемѣнчива, мало ли что можетъ случиться.

Я не сразу понялъ эти основанія, но, спустя нѣкоторое время, догадался, что Будбергъ, трезво оцѣнивая положеніе, опасался общаго краха, а такъ какъ въ граматахъ описывались побѣды по всему фронту, то онъ боялся, что адмиралъ окажется въ смѣшномъ положеніи. Въ осторожной формѣ я передалъ адмиралу эти опасенія.

— Нѣтъ, почему же? Я подпишу самъ.

Граматы были изготовлены на особыхъ пергаментныхъ листахъ, разрисованныхъ въ восточномъ стилѣ, съ прикрѣпленными на шелковыхъ шнурахъ печатями. Съ подписью адмирала онѣ отправились въ путешествіе.

Дошли ли онѣ по назначенію? Получилъ ли эмиръ бухарскій выраженіе благоволенія Верховнаго Правителя и титулъ Высочества? Узналъ ли ханъ хивинскій, что онъ произведенъ въ генералы? Или граматы эти погибли гдѣ-нибудь въ пути? Не знаю. По нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ, думаю, что онѣ въ надеж-

ныхъ рукахъ. Но въ этомъ маленькомъ эпизодѣ конца сентября ясно проявилось, какъ мало было въ Омскѣ лицъ, которыя понимали, что приближается конецъ. Верховный Правитель и министры къ числу этихъ немногихъ понимавшихъ не принадлежали. Изъ-за деревьевъ не видно лѣса. Текущія дѣла поглощали все вниманіе Правительства.

Дѣло о перебѣжчикѣ.

Передо мной сидѣлъ полковникъ невысокаго роста, блѣдный, съ глазами, воспаленными не то отъ болѣзни, не то отъ безсонницы.

— Вашъ предмѣстникъ долженъ былъ оставить вамъ мое прошеніе. Я лѣтомъ, во время наступленія на К., подготовилъ сдачу сибирской арміи города со всѣмъ гарнизономъ. Я это могу доказать документально. Побѣдою вашъ генералъ обязанъ мнѣ. Несмотря на это, меня обобрали, какъ липку, арестовали, и вотъ уже три мѣсяца, какъ я не могу добиться какого-нибудь назначенія на фронтъ. Въ Европейской Россіи я оставилъ семью. Я перешелъ съ тѣмъ, чтобы помочь дальнѣйшему наступленію; я считаюсь спеціалистомъ по маневрированію конницею, и могъ бы быть полезенъ.

Какъ разъ въ это время разрабатывался планъ кавалерійскаго рейда, вродѣ того блестящаго налета, который совершилъ въ арміи Деникина генералъ Мамонтовъ. Кавалерійскій корпусъ дали въ командованіе Иванова-Ринова, никогда не командовавшаго на фронтѣ, спеціалиста по административной части.

Мнѣ удалось нажать на ставку. Полковника взяли на фронтъ, но использовали не по спеціальности.

Кавалерійскій рейдъ Иванова-Ринова оказался совершенно неудавшимся. Его наградили Георгіемъ 4-ой степени за начало, потомъ хотѣли отрѣшить отъ должности за неудачное продолженіе, потомъ вернули обратно, но рейдъ уже сорвался.

Не знаю, можетъ быть, мой полковникъ вовсе и не былъ такимъ знатокомъ дѣла, какъ объ этомъ онъ самъ говорилъ, но только одно я видѣлъ, что вытравить изъ психологіи „бѣлыхъ“ ненависть и презрѣніе къ „краснымъ“ никакъ невозможно. Первымъ шагомъ Иванова-Ринова при Сибирскомъ Правительствѣ было огульное осужденіе всѣхъ красноармейскихъ офицеровъ. То же сдѣлалъ Деникинъ. Они лишили красныхъ офицеровъ возможности устроиться и заставили ихъ служить тамъ, гдѣ ихъ застала судьба.

Только въ маѣ 1919 года адмиралъ Колчакъ понялъ ошибку и обратился 28 мая съ воззваніемъ къ офицерамъ и солдатамъ красной арміи: „Пусть всѣ, у кого бьется русское сердце, идетъ къ намъ безъ страха, такъ какъ не наказаніе ждетъ его, а братское объятіе и привѣтъ."

Начались какъ разъ неудачи, но офицеры переходили. Они объясняли, что переходили намѣренно во время неудачъ, чтобы больше было довѣрія къ ихъ искренности, однако, какъ показываетъ типичное дѣло полковника К., вмѣсто братскихъ объятій, ихъ встрѣчали презрѣніе и нужда.

— Красноармеецъ! крикнулъ кто-то въ театрѣ одному изъ такихъ перебѣжчиковъ, читавшему публичную лекцію о совѣтской Россіи.

На фронтѣ.

Въ рукахъ главноуправляющаго сосредотачивалось много данныхъ о положеніи на фронтѣ. То попадалось какое-нибудь красочное ходатайство, то анонимное письмо, то отчетъ ѣздившаго по дѣламъ чиновника. Ко мнѣ попадали, между прочимъ, нѣкоторыя данныя о положеніи дѣлъ въ томъ районѣ, который занималъ казачій корпусъ.

Почему крестьяне относились враждебно къ казакамъ? Прежде всего потому, что послѣдніе предпочитали брать все, что имъ было нужно, не платя. Но этого было мало. Если казакъ видитъ въ огородѣ арбузы, онъ сорветъ всѣ, чтобы перепробовать; если онъ ночуетъ въ хатѣ, то на прощаніе поломаетъ скамью, или швырнетъ въ колодезь ведро. Какое-то непонятное озорство, неуваженіе къ чужому труду и праву, презрѣніе къ крестьянамъ, которые якобы не воюютъ. Все, молъ, должны выносить на своей спинѣ казаки.

Многіе офицеры не отставали отъ солдатъ. Они, правда, не ломали вещей, но зато очень рѣдко расплачивались. Долженъ повторить—я это уже указывалъ и раньше,—что Правительство не умѣло обезпечить офицерство, и это было одной изъ главныхъ причинъ описываемыхъ явленій.

Адмиралъ Колчакъ издалъ приказъ, предписывающій ничего не брать у населенія безъ платы. Когда въ одномъ селѣ, гдѣ стоялъ отрядъ, староста расклеилъ этотъ приказъ и, между прочимъ, можетъ быть, изъ ироніи, на стѣнѣ избы, гдѣ квартировалъ начальникъ отряда, послѣдній разсвирѣпѣлъ, велѣлъ сорвать

его, а старосту выпороть за „неуваженіе" къ власти. Адмиралъ приказалъ провѣрить этотъ случай и строго наказать виновнаго.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ офицеру указали на то, что приказомъ адмирала порка и мордобитіе запрещены, офицеръ далъ классическій отвѣтъ: „приказъ приказомъ, Колчакъ Колчакомъ, а морда мордой". Эта фраза взята изъ перлюстрированнаго въ ставкѣ письма священника.

Тяжела была моральная атмосфера. Когда я принималъ должность главноуправляющаго, я не представлялъ себѣ, что эта атмосфера до такой степени безнадежно мрачна. Почему ничего не предпринималось раньше для того, чтобы расчистить ее? Я не могу понять. Теперь я сталъ осязать ту „военщину", которую считали причиною крушенія фронта.

Забывая, что война ведется на русской землѣ и съ русскими людьми, военоначальники, пользуясь своими исключительными правами, подвергали населеніе непосильнымъ тяготамъ. Я ѣздилъ на Уралъ, проѣзжалъ плодородные и богатые районы Шадринскаго и Камышловскаго уѣздовъ. Мѣстное начальство увѣряло меня, что населеніе живетъ спокойно, ни въ чемъ не нуждается, довольно властью и порядкомъ. Но вотъ отступавшія войска докатились до этихъ районовъ. Что сталось съ населеніемъ, почему стало оно большевистски настроеннымъ? Почему не защищалось всѣми силами противъ нашествія красныхъ?

Вспомнимъ приказы Главнокомандующаго о поголовной мобилизаціи всѣхъ мужчинъ, представимъ себѣ картину отступленія, когда въ одномъ Шадринскомъ уѣздѣ было отобрано у крестьянъ около 5.000 лошадей и повозокъ—и мы поймемъ, что никто не „обольшевичился", но всѣ крестьяне проклинали власть, которая причинила имъ столько бѣдствій. „Пусть лучше будутъ большевики".

Я самъ видѣлъ въ Акмолинской области домовитыхъ, зажиточныхъ крестьянъ, будущихъ фермеровъ свободной частновладѣльческой Россіи; я ни одной минуты не допускаю мысли, что они стали большевиками. Между ними и коммунизмомъ ничего общаго быть не можетъ. Но они не могли не поддаться настроенію „большевизма", какъ революціонной психологіи, когда черезъ ихъ деревни прошелъ казачій корпусъ.

Прибавлю еще, что нашимъ войскамъ приходилось наступать въ районѣ, гдѣ они еще недавно отступали. Многія деревни испытывали въ третій разъ разорительныя послѣдствія прохожденія войскъ.

Планъ Дитерихса заключался въ томъ, что онъ сосредоточилъ на лѣвомъ флангѣ сильный кавалерійскій корпусъ, и, приказавъ центру двинуться въ направленіи на Курганъ, а на сѣверѣ вести только демонстративные бои, онъ поручилъ Иванову-Ринову съ его кавалеріей обойти противника съ юга. Красные не имѣли такой конницы, какъ мы, и не ожидали сосредоточенія такой большой кавалерійской силы въ одномъ мѣстѣ. Они вообще впрочемъ, не ожидали, что арміи Колчака еще могутъ оказывать сопротивленіе. Успѣхъ, казалось, былъ обезпеченъ.

При началѣ обходнаго движенія, Ивановъ-Риновъ спокойно ночевалъ со штабомъ въ одной деревнѣ, какъ вдругъ туда случайно подошла отступавшая красная часть. Обѣ стороны были удивлены и напуганы. Казаки отступили, красные боялись преслѣдовать, не понимая, что происходитъ. Днемъ Ивановъ приказалъ аттаковать красныхъ. Бой былъ рѣдкій по красотѣ. Казаки летѣли, какъ на маневрахъ, безстрашно и лихо. Они разбили красныхъ и взяли богатую добычу. Этотъ бой наблюдали Верховный Правитель, генералъ Ноксъ и атаманъ Дутовъ, которые какъ разъ подъѣхали въ этомъ мѣстѣ къ фронту. Дутовъ уговорилъ адмирала наградить Иванова орденомъ Георгія 4-ой степени.

Гдѣ-то въ исторіи наполеоновскихъ войнъ я читалъ о томъ, что кавалерійскіе рейды удаются только тогда, когда они выполняются безъ малѣйшаго промедленія. Быть можетъ, удался бы и рейдъ Иванова, но онъ остановился на отдыхъ. Этотъ день отдыха погубилъ весь планъ.

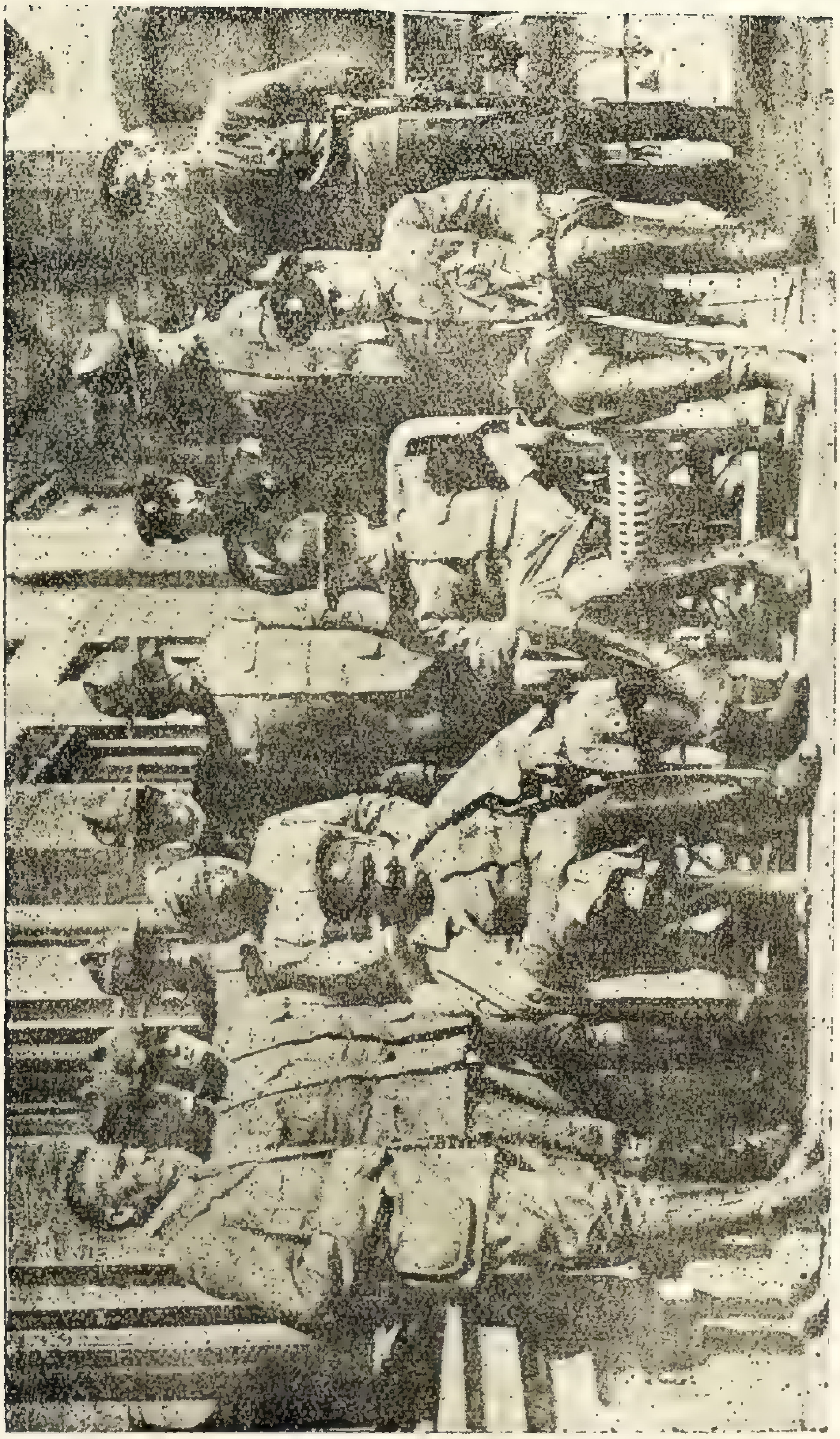
Дальше Ивановъ уже не былъ виноватъ. Шли небывалые дожди. Дороги такъ развезло, что подвигаться можно было только съ чрезвычайной медлительностью. Вопреки ожиданіямъ, овса оказалось не такъ много, какъ на это разсчитывали. Можетъ быть, крестьяне и намѣренно его припрятывали, но, во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее наступленіе пріостановилось, и весь рейдъ окончился одной случайной побѣдой.

Въ Омскѣ „Освѣдказакъ“ поспѣшилъ дать свѣдѣнія, что Ивановъ взялъ Курганъ. Начальникъ освѣда былъ арестованъ за ложныя данныя. Бѣдняга былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхѣ.

У Деникина.

Въ унисонъ нашимъ удачамъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ, звучали донесенія съ юга Россіи. Деникинъ подвигался впередъ.

Признавъ адмирала Колчака и его Правительство, Деникинъ командировалъ въ Парижъ трехъ членовъ состоявшаго при немъ



Генералъ Гревсъ и атаманъ Семеновъ.

Особаго Совѣщанія (соотвѣтствовавшаго Совѣту министровъ), кажется, генерала Драгомирова, Н. И. Астрова и профессора К. Н. Соколова. Въ рядѣ телеграммъ эти делегаты, по порученію Деникина, изложили въ основныхъ чертахъ устройство власти на югѣ Россіи. Тамъ было, въ общемъ, то же, что и въ Сибири, съ тѣмъ только отличіемъ, что начало диктатуры было проведено полностью. Министровъ не существовало, не было и Совѣта министровъ, было только Совѣщаніе. Но, такъ какъ членамъ Совѣщанія были присвоены права министровъ, а на обсужденіе Совѣщанія, по Положенію о немъ, должны были поступать всѣ законодательныя предположенія, то различіе, въ сущности, было чисто внѣшнее. Были у Деникина и присутствія Сената и церковное совѣщаніе, съ правами Синода.

Но зато была тамъ одна роковая особенность, которую Сибирь изжила еще при Директоріи—это областныя правительства, а именно: казачьи—донское, кубанское, и національныя— Грузія, Азербейджанъ (татарское), наконецъ, новоявленное украинское, которыя, по программамъ 1917 года, требовали федераціи. Всѣ эти правительства находили опору въ населеніи, ожидавшемъ, что федерація дастъ возможность прекратить войну. Кубанскіе честолюбцы мечтали о власти, а кубанскіе казаки о мирной жизни. Независимая власть обѣщала миръ.

Такъ зрѣло предательство въ тылу Добровольческой арміи, питаясь бреднями соціалистическихъ партій, властолюбіемъ и нетерпимостью ихъ вождей.

Но было въ Добровольческой арміи и нѣчто другое, о чемъ намъ не сообщали делегаты изъ Парижа, точно такъ же, какъ не сообщалъ имъ объ этомъ Сукинъ относительно Сибири. Я имѣю въ виду деморализованность агентовъ власти. Въ апрѣлѣ 1919 года Деникинъ поручилъ сенатору Таганцеву (сыну профессора) произвести ревизію интендантства. Грабежъ былъ и тамъ распространеннымъ явленіемъ. Пьянство, порки, погромы (этого, по крайней мѣрѣ, у насъ не было) составляли бытовое явленіе.

Такъ же, какъ и въ Сибири, освобожденная территорія была распредѣлена между сатрапами-главноначальствующими, которымъ были подчинены губернаторы. Къ губернаторамъ власть должна была переходить полностью только „послѣ ликвидаціи гражданской войны въ губерніи“ (ст. 9 Положенія 6 марта Собр. Узак. Особаго Совѣщанія № 2). Компетенція военныхъ судовъ была опредѣлена очень широко.

Какимъ знакомымъ показалось мнѣ все это законодательство. Какъ ярко я себѣ представилъ видныхъ юристовъ, которые, облѣпивъ Деникина, писали для него законы, отличавшіеся стройностью, легкостью изложенія, полнотой регламентаціи и послѣдовательностью, но были лишены смѣлаго творчества. То же самое дѣлали и мы возлѣ Колчака, иногда даже не съ меньшею талантливостью, чѣмъ у Деникина, и уже, во всякомъ случаѣ, съ большею плодовитостью. Мы написали законовъ разъ въ двадцать больше.

Злой рокъ—вездѣ одинаковая мертвечина, юридическій шаблонъ, отступать отъ котораго не хватало вдохновенія. Только сейчасъ, послѣ всего пережитаго, я ясно сознаю, что было нужно. Тогда, совершенно неподготовленные къ роли, которая выпала на нашу долю, мы, юристы, не умѣли творить. Осторожно и, пожалуй, безсознательно мы нащупывали при Сибирскомъ Правительствѣ новыя формы и жили, не подчиняясь указкѣ стараго Свода законовъ.

Но пришла Директорія, привела съ собой дѣятелей старыхъ порядковъ и возродила старыя правовыя формы. Авксентьевъ считалъ себя преемникомъ Петрограда, стремился возсоздать петроградскія министерства. Вновь открытъ былъ томъ I-й Свода законовъ. Юристы Директоріи поразили меня, при переговорахъ объ образованіи власти, своими ссылками на прежнее Положеніе о Совѣтѣ министровъ. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій новаго правительства было поручено Тельбергу разработать новый законъ о Совѣтѣ министровъ. Но этого сдѣлано не было. Реставрація отжившихъ формъ дала себя знать. Пропитанный насквозь формальнымъ мышленіемъ, Тельбергъ только содѣйствовалъ укрѣпленію тѣхъ вредныхъ началъ, которыя принесла въ Сибирь Директорія.

Начиная съ организаціи центральной власти, они распространялись на весь государственный аппаратъ, сверху до низу. Судъ, губернское правленіе, полиція—все оставалось въ прежнемъ видѣ. Для каждаго нововведенія нужно было пускать въ ходъ весь сложный механизмъ законодательства. А жизнь требовала свободнаго творчества, приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ и людямъ, гибкихъ нормъ и только руководящихъ указаній центра.

Законодательство Особаго Совѣщанія при Деникинѣ—та же картина. Какъ хорошо, должно быть, понимаютъ теперь всѣ его дѣятели, что нельзя было возстанавливать генералъ-губернаторства стараго типа тамъ, гдѣ должна была происходить борьба не армій толь-

ко, а всего народа, что власть должна была быть организована такъ, чтобы *все населеніе и, главнымъ образомъ, крестьянство сознавало, что оно участвуетъ въ строеніи новой жизни.* Но какъ это все трудно, какою надо обладать проницательностью и смѣлостью, чтобы умѣть управлять въ революціонное время, въ періодъ гражданской войны. Я не могъ бы и сейчасъ сказать, что положительная часть программы достаточно ясно опредѣлилась, но для меня несомнѣнно то, что дѣйствовать во время революціи съ помощью людей, пропитавшихся старыми понятіями и привычками—это то же, что работать въ кандалахъ.

Въ октябрѣ въ Омскъ прибылъ съ юга Россіи есаулъ Перфильевъ съ цѣлымъ музеемъ историческихъ матеріаловъ. Законодательные акты, пресса, фотографическіе снимки, образцы денегъ, отчеты о дѣятельности всѣхъ отдѣловъ управленія, діаграммы.

Однажды адмиралъ вызвалъ меня къ себѣ, и я увидѣлъ у него, въ комнатѣ засѣданій, весь этотъ интересный музей. Глаза разбѣгались. Узкій горизонтъ Омска сразу расширился, пробуждались сразу старыя чувства, запахло настоящею Россіей. Первое впечатлѣніе было: какъ они богаты!

У насъ въ Сибири не было ни одной типографіи, гдѣ бы можно было такъ удачно, во многихъ краскахъ, выполнить агитаціонные плакаты, не было художниковъ, чтобы рисовать такія каррикатуры, столько журналистовъ, чтобы выпускать такъ газеты и книжки. Еще серьезнѣе было то, что говорили діаграммы. Одна Кубань обладала такими человѣческими и экономическими рессурсами, какъ вся Сибирь. Развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ, водное сообщеніе—все благопріятствовало южному правительству.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я невольно подумалъ: почему мы, а не они?

Подойдя къ окну и глядя на большой пароходъ, который отходилъ вверхъ по Иртышу, направляясь на югъ, я сказалъ генералу Мартьянову, директору канцеляріи Верховнаго Правителя:

— Знаете, мнѣ думается, что адмиралу нечего дѣлать въ Сибири. Произошла историческая ошибка: здѣсь надо возстановить Сибирское Правительство, а ему ѣхать въ Россію.

— Ахъ, какъ это было бы интересно! отвѣтилъ онъ, усвоивъ лишь внѣшнюю сторону плана: ѣхать кругомъ на хорошемъ пароходѣ!

Подѣлился я своими мыслями и съ нѣкоторыми министрами.

— Ну, нѣтъ, на этотъ разъ не проведете! сказалъ мнѣ Петровъ: уже сдали одинъ разъ власть Директоріи, больше ужъ передавать не будемъ.

Таково было настроеніе и другихъ.

Нѣсколько дней я внимательно изучалъ матеріалы, привезенные отъ Деникина. Меня поразили бѣдность мысли и отсутствіе размаха въ отчетахъ министерствъ. Видно, и тамъ къ лѣту 1919 г. все было еще въ зачаточномъ состояніи.

Только записка по земельному вопросу отличалась большею ясностью, чѣмъ всѣ наши вымученныя деклараціи и законы. Но зато тамъ введена была *продажа* помѣщичьихъ земель, безъ указанія легальныхъ нормъ оцѣнки. Какая пропасть здѣсь открывалась!

Радіо большевиковъ сообщало въ это время, что въ тылу деникинской арміи начинаются аграрные безпорядки на почвѣ возстановленія помѣщичьихъ владѣній.

Неужели, думалось мнѣ, и тамъ, въ этой благословенной талантами и рессурсами части Россіи—и тамъ дѣло кончится неудачею!

Предѣлы полномочій Деникина.

Въ отвѣтъ на телеграммы изъ Парижа, Сукинъ и я разработали и провели черезъ Совѣтъ министровъ (раньше это миновало бы его) слѣдующее положеніе.

„Въ области управленія Главнокомандующій вооруженными силами юга Россіи осуществляетъ всю полноту власти. Въ области законодательства ему предоставляется право изданія постановленій, имѣющихъ силу закона. Постановленія эти не могутъ касаться основныхъ началъ государственнаго устройства. Въ сферѣ внѣшней политики Главнокомандующему предоставляется самостоятельное руководство иностранной политикой въ предѣлахъ запросовъ, касающихся ввѣренной ему территоріи, но имѣющихъ общегосударственное значеніе. Общее руководство въ области внѣшней политики принадлежитъ Россійскому Правительству. Въ вопросахъ денежнаго обращенія и земельной политики, какъ основныхъ вопросовъ жизни государства, общее руководство принадлежитъ Россійскому Правительству. На территоріи юга Россіи должны дѣйствовать судебныя учрежденія по указу Россійскаго Правительства. Въ качествѣ высшей инстанціи, учреждаются временныя мѣстныя присутствія Сената. Главнокомандую-

щему принадлежитъ право помилованія. Въ дѣлѣ управленія и законодательства Главнокомандующему оказываетъ содѣйствіе Особое Совѣщаніе начальниковъ вѣдомствъ, которые пользуются въ отношеніи ввѣренныхъ имъ частей управленія всѣми правами министровъ."

Только два ограниченія были установлены для Деникина: въ земельномъ законодательствѣ и въ финансовыхъ реформахъ.

Это не понравилось Екатеринодару, и онъ отвѣтилъ, что затруднительность сношеній съ Омскомъ требуетъ предоставленія полной свободы и въ этой области.

Разъяснить, что въ области финансовой не предполагалось стѣснять правительство генерала Деникина, имѣлось въ виду только объединить политику денежнаго обращенія и расходованіе валюты—не представило затрудненій. Сложнѣе обстояло дѣло съ земельнымъ вопросомъ. Здѣсь было скрыто опасеніе, что разрѣшеніе этой отвѣтственной задачи на югѣ Россіи приметъ не надлежащее направленіе; въ то же время нельзя было цѣликомъ воспроизвести, въ качествѣ руководящихъ, начала нашего омскаго творчества. Отвѣтъ былъ данъ не сразу.

У Юденича.

Въ 1918 году Финляндія пережила гражданскую войну. Разбить и уничтожить финскихъ большевиковъ помогли германскія войска. Финляндія была въ орбитѣ германскаго вліянія.

Но въ началѣ 1919 года Финляндія была очищена отъ германскихъ войскъ. Въ связи съ побѣдою союзниковъ произошла перемѣна оріентаціи. Во главѣ финской республики всталъ генералъ Маннергеймъ, избранный временнымъ президентомъ. Онъ былъ руссофиломъ, и съ его стороны можно было ожидать активной помощи для борьбы съ большевиками. Финскія войска заняли восточную Карелію и, опираясь на Ладожское озеро, нависли надъ Петроградомъ.

Въ Финляндіи работала противобольшевистская организація, основанная А. Д. Треповымъ. Въ нее вошло 2—2½ тысячи офицеровъ. Здѣсь работалъ и генералъ Юденичъ, побѣдитель турокъ во время Великой войны. Но единства настроеній ни въ русской организаціи ни въ финляндскихъ кругахъ не было. Въ первой боролись настроенія германофильскія съ союзническими, во вторыхъ—руссофильскія съ шовинистическими. Генералъ Юденичъ всталъ на платформу адмирала Колчака. Подъ его председатель-

ствомъ образовалось совѣщаніе въ составѣ А. В. Карташева (бывшаго министра исповѣданій), В. Д. Кузьмина-Караваева (военнаго юриста), генерала Кондзеровскаго, генерала Суворова и промышленника Ліанозова. Совѣщаніе вело переговоры съ союзниками, Финляндіей и Эстоніей.

Эстонія была вторымъ факторомъ въ операціяхъ противъ Петрограда. Она сравнительно скоро эмансипировалась отъ большевиковъ, ея интеллигенція не слишкомъ увлекалась идеями сепаратизма. Русскій сѣверный корпусъ, въ составѣ около 10 тыс. человѣкъ, получилъ возможность дѣйствовать въ восточной части Эстоніи, въ районѣ Нарвы. Но и здѣсь не все было выяснено и закончено. Вопросъ о признаніи Эстоніи оставался открытымъ.

Третій факторъ—союзная помощь. Оріентація Юденича имѣла цѣлью, конечно, не декларацію принциповъ, но достиженіе дѣйствительной помощи союзниковъ. Русскія войска не имѣли ни оружія, ни снабженія, ни денегъ. Въ случаѣ взятія Петрограда, его нечѣмъ было бы кормить. Между тѣмъ, союзники не спѣшили придти на помощь. Только лѣтомъ 1919 года, подъ вліяніемъ успѣховъ на сибирскомъ фронтѣ, Англія обѣщала прислать снаряженіе, но оно стало прибывать только съ августа.

Медлительность союзниковъ оказалась роковою. Первое наступленіе Юденича было очень успѣшно. Онъ внезапно ударилъ отъ Нарвы, предполагая занять лишь линію рѣки Луги, но, въ виду блестящихъ побѣдъ, продвинулся гораздо дальше на востокъ, гдѣ взялъ Псковъ, разгромивъ красныхъ, и на сѣверъ, гдѣ докатился почти до Гатчины. Однако, продовольствія для Петрограда не было. Помощь Англіи не приходила. Юденичъ отступилъ.

Положеніе измѣнилось къ худшему. Наблюдая безпомощность русскихъ войскъ, финны стали предъявлять непомѣрныя требованія. Немедленное признаніе въ предѣлахъ территоріи, включающей Карелію, обезпеченіе займа на покрытіе расходовъ по военной экспедиціи на Петроградъ, чуть ли не оккупація Петрограда послѣ занятія его—вотъ чего требовали финны. Русскіе дѣятели были поставлены передъ тяжелой дилеммой. Либо признать унизительныя условія, либо оставить Петроградъ на голодную смерть. Они еще не нашли выхода, когда англійская военная миссія, во главѣ съ генераломъ Марчъ, вмѣшалась во внутреннія русскія дѣла и произвела своего рода coup d'état.

Вмѣсто диктаторской власти Юденича, человѣка, оказавшагося нерѣшительнымъ, слабовольнымъ и неумѣлымъ политикомъ, была создана коалиціонная власть. Во главѣ кабинета сталъ Лі-

анозовъ. Въ составъ правительства вошли новыя лица: адвокатъ Моргуліесъ, адмиралъ Пилкинъ и др. Юденичъ остался только военнымъ министромъ. Организація новой власти произошла подъ угрозою лишенія русской арміи союзной помощи. Для составленія правительства и для подписанія имъ акта объ абсолютной независимости Эстоніи былъ данъ ультимативный срокъ въ сорокъ минутъ.

Во имя спасенія Петрограда русскіе дѣятели приняли эти условія, обязавшись, немедленно по вступленіи въ Петроградъ, созвать областное Учредительное Собраніе. Генералъ Юденичъ переѣхалъ въ Нарву. Началась подготовка новаго наступленія. Но успѣхъ его зависѣлъ отъ поведенія Эстоніи и Финляндіи. Обѣ требовали отъ адмирала Колчака ихъ признанія.

Не разъ финляндскій вопросъ обсуждался въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя. Генералъ Андогскій, со свойственной ему осторожностью, докладывая въ Совѣтѣ министровъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ, указывалъ, что успѣшность операцій противъ Петрограда зависитъ отъ политики въ отношеніи Финляндіи. Нельзя было вынести изъ его словъ другого впечатлѣнія, кромѣ того, что военные круги не понимаютъ упорнаго отказа въ признаніи.

Но Верховный Правитель и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо признаніяхъ. Онъ считалъ, что его рѣшеніе свяжетъ Россію. Помимо того, происшедшій въ Финляндіи сдвигъ влѣво, уходъ Маннергейма и замѣна его новымъ, мало извѣстнымъ и политически недостаточно надежнымъ дѣятелемъ, не давали адмиралу увѣренности, что, даже въ случаѣ признанія самостоятельности Финляндіи, она окажетъ дѣйствительную помощь Юденичу.

Непосланная телеграмма.

Я не могъ не раздѣлять по существу точки зрѣнія адмирала, но тактически я смотрѣлъ на дѣло иначе.

Когда управленіе дѣлами вновь перешло въ мои руки, я сталъ постепенно сосредотачивать въ своихъ рукахъ всѣ обще-политическіе вопросы, съ намѣреніемъ проводить ихъ рѣшеніе черезъ Совѣтъ министровъ. Я не считалъ вопросомъ *внѣшней* политики отношенія съ чехами въ Сибири и отвоевалъ свое вліяніе въ этомъ вопросѣ. Я не считалъ *внѣшней* политикой сношенія съ Деникинымъ, Юденичемъ, Миллеромъ и принялъ на себя эту переписку отъ Сукина. Мнѣ казалось, что и вопросы финляндскій, эстонскій, украинскій тоже относятся къ области внутренней политики. Я

составилъ поэтому проектъ телеграммы генералу Деникину по этому вопросу и доложилъ ее адмиралу.

Хорошо помню, что это было въ сентябрѣ, въ день отъѣзда изъ Омска сэра Эллiота. Поводомъ послужило сообщенiе о столкновенiи войскъ Деникина и петлюровцевъ.

Проектъ телеграммы мнѣ удалось сохранить.

„Екатеринодаръ, генералу Деникину. Секретно.

Вооруженное столкновенiе съ петлюровскими войсками можетъ имѣть гибельныя послѣдствiя. Я вполнѣ раздѣляю ваше отношенiе къ проявившимся стремленiямъ отдѣльныхъ областей присвоить суверенныя права и къ идеѣ возсозданiя Россiйскаго государства на началахъ конфедерацiи. Я полагаю, однако, что въ сложившейся обстановкѣ болѣе опасны враждебныя разногласiя и несогласованность, а тѣмъ болѣе, столкновенiя отдѣльныхъ частей освобожденной территорiи. Дальнѣйшее промедленiе въ дѣлѣ сверженiя большевиковъ грозитъ полнымъ разоренiемъ государства. Передъ этой опасностью меркнутъ всѣ прочiя. Я отношусь поэтому съ полной терпимостью къ объявленiю Юденичемъ самостоятельности Эстонiи и готовъ, если это понадобится, временно считаться съ фактическою независимостью Украйны, равно какъ и съ установившеюся восточною границею Польши, если это дастъ возможность согласовать военныя дѣйствiя нашихъ, украинскихъ, польскихъ и прочихъ антибольшевистскихъ силъ. Собиранiе Руси не можетъ быть дѣломъ мѣсяцевъ. Временное раздробленiе единаго Россiйскаго государства—неизбѣжное зло. Оно исчезнетъ, когда установится миръ въ странѣ, и сильная центральная власть, способная обслуживать насущныя нужды истомившагося населенiя, будетъ притягивать къ себѣ отпавшiя временно части. Сообщая объ этомъ, подчеркиваю, что я готовъ только терпѣть, но не покровительствовать описаннымъ тенденцiямъ.“

Адмиралъ одобрилъ телеграмму и уже хотѣлъ ее подписать, когда я, по привычкѣ дѣйствовать лойяльно и согласованно, указалъ, что предварительно слѣдуетъ запросить отзывъ Сукина, такъ какъ онъ велъ раньше переписку по этимъ вопросамъ, и можетъ произойти какая-нибудь несогласованность.

Телеграмма пошла къ Сукину и ко мнѣ не вернулась. Черезъ недѣлю я запросилъ объ ея судьбѣ и получилъ копiю телеграммы, подписанной адмираломъ по докладу Сукина. Въ ней говорилось только объ Украйнѣ, а основная мысль о необходимости, по тактическимъ соображенiямъ, мириться съ сепаратизмомъ, была вытравлена.

Черезъ нѣкоторое время столкновенія съ Петлюрою приняли формы войны, пріостановили наступленіе на Москву и затѣмъ оказались одною изъ причинъ гибели всего деникинскаго похода, точно такъ же, какъ погубило Юденича запоздавшее признаніе Эстоніи.

Деникинъ отвѣтилъ, по поводу телеграммы о Петлюрѣ, что, поскольку дѣло касается Польши, то съ этой націей онъ можетъ сотрудничать, но съ Петлюрой—никогда.

На мѣстѣ, конечно, было виднѣе, и, вообще, противъ чистыхъ безкомпромиссныхъ принциповъ возражать трудно. „Мы никого не признали, мы не отдали клочка территоріи,“ говорилъ Сукинъ. Можетъ быть, онъ былъ правъ. Конечно, его заявленіе неполно, къ нему надо прибавить: „и проиграли борьбу“—но развѣ можно поручиться, что было бы иначе? Я не рѣшился бы утверждать, что адмиралъ Колчакъ былъ неправъ, когда говорилъ: „мы ихъ признаемъ, а они все-таки не помогутъ.“

На фронтѣ извѣстіе о борьбѣ Деникина съ Петлюрою произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Но была ли возможность у Деникина предупредить это роковое столкновеніе, и привела ли бы его уступчивость къ положительнымъ результатамъ, сказать трудно.

Архангельское Правительство.

Правительство сѣвера Россіи сорганизовалось въ августѣ 1918 года, незадолго до сформированія Директоріи. Оно состояло изъ нѣсколькихъ членовъ Учредительнаго Собранія и общественныхъ дѣятелей. Спустя мѣсяцъ, въ сентябрѣ, члены правительства были арестованы. Сдѣлано это было при содѣйствіи британскаго командованія, въ цѣляхъ созданія дѣлового кабинета. Всѣ члены правительства заявили о выходѣ въ отставку и были сейчасъ же выпущены на свободу, но правительство реконструировалось. Во главѣ его по прежнему остался Н. В. Чайковскій, замѣстителемъ его былъ избранъ Зубовъ, генералъ-губернаторомъ (у него же пути сообщенія и почта)—генералъ Миллеръ, управляющимъ внутренними дѣлами—Игнатьевъ, вѣдомствомъ юстиціи—Городецкій, торговли—Мефодьевъ, финансовъ—кн. Куракинъ.

Н. В. Чайковскій уѣхалъ зимою на конференцію. Во главѣ правительства всталъ генералъ Миллеръ.

Въ конструкціи власти сѣвернаго правительства было много ненормальнаго. Генералъ-губернаторъ стоялъ во главѣ правительства и въ то же время, по своему положенію генералъ-губерна-

тора, долженъ былъ получать руководящія указанія отъ управлявшаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній въ то же время былъ губернаторомъ и, какъ таковой, подчинялся генералъ-губернатору.

Территоріей правительства была одна губернія, а на правительствѣ лежали тяготы общегосударственныхъ расходовъ по содержанію двухъ военныхъ и двухъ торговыхъ портовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Понятно, что правительство оказалось въ полной зависимости отъ союзниковъ, главнымъ образомъ, отъ Англіи. По предложенію англичанъ была образована государственная эмиссіонная касса, которая выпускала деньги, приравненныя къ стерлингамъ, въ отношеніи 40 руб. за фунтъ. Это поставило всю экономическую жизнь края въ полную зависимость отъ англійскихъ рынковъ. На новыя деньги можно было покупать только тамъ.

Зависѣло правительство отъ иностранцевъ и въ военномъ отношеніи: британскихъ войскъ было больше, чѣмъ русскихъ, почти до осени 1919 года.

Лѣтомъ 1919 года въ Омскъ пробрался изъ Архангельска представитель сѣвернаго правительства, кн. Куракинъ. Онъ прибылъ въ то время, когда была надежда, что установится постоянное сообщеніе съ сѣверомъ, будетъ возможность унифицировать денежное обращеніе и снабдить край продовольствіемъ. Но дѣла шли все хуже, край все больше обособлялся, а покровители его, англичане, теряли надежду на открытіе сообщенія сѣвера съ Сибирью и стали обнаруживать желаніе бросить фронтъ. Уже лѣтомъ былъ обнаженъ Мурманъ. Англичане заключили соглашеніе съ тамошнимъ совѣтомъ депутатовъ, который пошелъ на компромиссы въ отношеніи порядка управленія. Создался своего рода буферъ.

Намъ предстояло, однако, опредѣлить положеніе и права сѣвернаго правительства, которое такъ же, какъ Деникинъ, желало получить юридическую базу.

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, выработала Положеніе, очень типичное для всего омскаго творчества. Это было обычное генералъ-губернаторство, съ особымъ совѣтомъ при генералъ-губернаторѣ. Никакого общественнаго представительства, никакихъ признаковъ участія населенія въ дѣлѣ управленія. Между тѣмъ въ Архангельскѣ существовало финансово-экономическое совѣщаніе въ составѣ и съ компетенціей, весьма сходными съ Экономическимъ Совѣщаніемъ въ Омскѣ. Упраздненіе его могло быть сочтено за проявленіе реакціи и бюрократизма.

Когда проектъ Положенія разсматривался въ Совѣтѣ министровъ, въ него была включена дополнительная статья, которая легализировала существованіе совѣщанія.

Дѣло было въ концѣ августа. Положеніе было распубликовано 3 сентября, а черезъ недѣлю или черезъ двѣ изъ Архангельска пришла просьба расширить права главнокомандующаго, предоставить членамъ его Совѣта права министровъ и установить начала болѣе широкаго общественнаго представительства. Все это было естественно, потому что оторванный край жилъ уже цѣлый годъ самостоятельною политическою жизнью, и втиснуть эту жизнь въ рамки генералъ-губернаторства было бы грубымъ насиліемъ.

Миллеру было отвѣчено, что по общему духу Положенія онъ можетъ дѣлать, что хочетъ, такъ какъ ему предоставлено принимать всякія мѣры, которыя будутъ представляться ему необходимыми. Но онъ остался неудовлетворенъ этимъ. Генералъ этотъ такъ же, какъ и Юденичъ, былъ явно лишенъ какихъ-либо административныхъ и политическихъ способностей.

Запутанныя и неполныя сообщенія радіо скоро выяснили, что въ Архангельскѣ началась агонія власти. Начало этому положило предательское нападеніе русскихъ солдатъ на британскихъ офицеровъ. Виновенъ въ этомъ былъ самъ командующій британскими войсками, генералъ Айронсайдъ. Онъ вздумалъ воспитывать плѣнныхъ красноармейцевъ: принялъ ихъ на свое попеченіе, одѣлъ ихъ, кормилъ и, въ концѣ концовъ, послалъ на фронтъ подъ командою англійскихъ офицеровъ. При первомъ же удобномъ случаѣ, обращенные въ „православіе" красноармейцы перебили офицеровъ и ушли къ „своимъ".

Между тѣмъ, инцидентъ послужилъ поводомъ для усиленія пропаганды въ Англіи въ пользу отозванія войскъ изъ Россіи. Взрывъ возмущенія противъ неблагодарныхъ русскихъ содѣйствовалъ успѣху агитаціи. Черчилъ вынужденъ былъ заявить, что онъ отзываетъ войска, но что онъ не можетъ сдѣлать это внезапно, оставивъ русскихъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: „это было бы не по-англійски".

Но, разъ уже была брошена мысль объ эвакуаціи иностранныхъ войскъ, началась паника, подняли голову мѣстные большевики. Дѣло пошло къ концу.

Всероссійскія имена.

Со времени организаціи Россійскаго Правительства при Директоріи, и власть и общество тосковали по всероссійскимъ из-

вѣстностямъ. Что мы такое? Кто у насъ есть? Вотъ, если бы пріѣхали Чайковскій, Астровъ, Третьяковъ, Бурышкинъ —,,тогда бы музыка пошла не та".

Лѣтомъ изъявилъ согласіе пріѣхать въ Омскъ на постъ министра торговли С. Н. Третьяковъ. Раньше, чѣмъ онъ, пріѣхали въ Омскъ отъ національнаго центра: А. А. Червенъ-Водали, Н. К. Волковъ и П. А. Бурышкинъ.

Многіе, въ ихъ числѣ и я, обрадовались пріѣзду гостей съ юга—авось найдутся кандидаты въ министры. Прибывшіе привезли съ собой привѣтствіе національнаго центра, въ основѣ котораго лежало одобреніе началъ власти ,,единоличной и непреклонной", какъ единственной, которая ,,способна довести страну до того состоянія устроенности и умиротворенія, когда возможно будетъ передать правленіе постоянной власти, законно поставленной и всенародно признанной".

Червенъ-Водали, уроженецъ Бессарабіи, тверской земецъ, членъ правленія національнаго центра, занимался у Деникина вопросами внутренняго управленія и пріѣхалъ съ намѣреніемъ осуществить въ Сибири тѣ проекты, которые привезъ съ юга, а привезъ онъ оттуда, конечно, теорію, а не практику.

Волковъ—сибирякъ. Онъ былъ членомъ Государственной Думы. При Шингаревѣ, послѣ переворота, занималъ мѣсто товарища министра земледѣлія.

Бурышкинъ былъ кандидатомъ въ министры во времена Керенскаго. Еще молодой человѣкъ, онъ выдвинулся за время войны общественною работою, въ качествѣ товарища предсѣдателя Всероссійскаго Союза Городовъ и товарища московскаго городского головы.

Всѣ трое были немедленно представлены мною въ члены Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Волковъ былъ вскорѣ избранъ товарищемъ предсѣдателя, вмѣсто уѣхавшаго на востокъ Виноградова, а Червенъ-Водали и Бурышкинъ приняли самое дѣятельное участіе въ работахъ комиссій и выступали постоянными докладчиками въ общемъ собраніи.

Бурышкинъ былъ, кромѣ того, приглашенъ занять мѣсто начальника главнаго управленія заграничныхъ заготовокъ. Этому учрежденію предстояло выполнить крайне отвѣтственную задачу упорядоченія заготовокъ и сокращенія числа заграничныхъ агентовъ. Главнаго Управленія еще не существовало, его нужно было создать.

Волковъ, со времени моего назначенія главноуправляющимъ, исполнялъ всю текущую работу предсѣдателя Государственнаго

Экономическаго Совѣщанія. Предсѣдателемъ по назначенію онъ не хотѣлъ стать. У него не замѣтно было честолюбія, онъ былъ полезенъ и, по свойственной ему, рѣдкой въ наше время скромности, былъ удовлетворенъ своимъ положеніемъ.

Остался безъ отвѣтственной роли одинъ Червенъ-Водали. Ему предложено было занять мѣсто чиновника особыхъ порученій при Предсѣдателѣ Совѣта министровъ, съ тѣмъ, чтобы выѣхать на мѣста, на фронтъ и въ тылъ, и ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, но онъ отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что предпочитаетъ работу въ центрѣ.

Въ пользу диктатуры.

Всѣ три „гостя съ юга" были удивлены, когда узнали, что въ Сибири установлена диктатура не чистаго типа, что адмиралъ раздѣляетъ Верховную власть съ Совѣтомъ министровъ. *)

Какъ разъ въ то время, когда они пріѣхали, сибирская общественность была враждебно настроена по отношенію къ власти. Роль Макара, на котораго валились всѣ шишки, игралъ, главнымъ образомъ, Совѣтъ министровъ. Новые люди заразились общимъ настроеніемъ; они считали, что адмиралъ долженъ эмансипироваться отъ Совѣта министровъ. Но какъ?

Проектъ Государственнаго Совѣщанія нашелъ, въ лицѣ вновь пріѣхавшихъ, новыхъ защитниковъ. Они присоединились къ нему,

---

*) Это было дѣйствительно такъ, на основаніи Положенія о временномъ устройствѣ власти въ Россіи, утвержденнаго Совѣтомъ министровъ 18 ноября 1918 г.:

1. Осуществленіе верховной государственной власти временно принадлежитъ Верховному Правителю.

2. Верховному Правителю подчиняются всѣ вооруженныя силы Россійскаго государства.

3. Власть управленія во всемъ его объемѣ принадлежитъ Верховному Правителю. Въ дѣлахъ управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется, согласно закона, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ. Верховному Правителю принадлежитъ въ особенности принятіе чрезвычайныхъ мѣръ обезпеченія комплектованія и снабженія вооруженныхъ силъ и для водворенія гражданскаго порядка и законности.

4. Всѣ проекты законовъ и указовъ разсматриваются въ Совѣтѣ министровъ и, по одобреніи ихъ онымъ, поступаютъ на утвержденіе Верховнаго Правителя.

5. Всѣ акты Верховнаго Правителя скрѣпляются Предсѣдателемъ Совѣта министровъ или главнымъ начальникомъ подлежащаго вѣдомства. Изъ сего изъемлются указы о назначеніи и увольненіи Предсѣдателя Совѣта министровъ, каковые скрѣпляются управляющимъ дѣлами Совѣта министровъ.

6. Въ случаѣ тяжкой болѣзни или смерти Верховнаго Правителя, а также въ случаѣ отказа его отъ званія Правителя или долговременнаго его отсутствія, осуществленіе верховной государственной власти переходитъ въ Совѣтъ министровъ.

исходя, однако, изъ другихъ предпосылокъ, чѣмъ авторы законопроекта, которые стремились ограничить диктатора.

При разработкѣ проекта побѣдила первая точка зрѣнія. Диктаторъ получалъ большую свободу, онъ получалъ возможность выбора, право одобрить либо рѣшеніе Совѣта министровъ, либо мнѣніе большинства, либо мнѣніе меньшинства. Оставалось, стало быть, сдѣлать еще одинъ шагъ: признать возможность и совершенно независимаго рѣшенія—тогда диктатура была бы полной.

Этотъ проектъ казался мнѣ крайне неудовлетворительнымъ. Зная адмирала Колчака, я могъ предвидѣть случайность его выбора, и мнѣ казалось, что переложеніе на него отвѣтственности за рѣшеніе должно было бы только ослабить вліяніе гражданской власти.

Кромѣ того, проектъ не удовлетворялъ и тѣмъ стремленіямъ приблизить власть къ народу, которыя продиктовали грамату 16 сентября.

Парламентскія тенденціи.

Къ вопросу о Государственномъ Совѣщаніи можно было подходить съ двухъ точекъ зрѣнія. Это могъ быть или дѣловой органъ, для сотрудничества съ правительствомъ въ законодательствѣ, или представительный, для выявленія настроеній населенія. Первой задачѣ отвѣчало бы учрежденіе типа Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Второй могло отвѣчать только народное собраніе, съ преобладаніемъ крестьянства.

Съ большою грустью долженъ я отмѣтить, что никто не усвоилъ той тенденціи, которую проявляло Омское Правительство въ отношеніи сотрудничества съ общественностью. Оно относилось отрицательно къ идеѣ парламента, считая, что при сибирскомъ безлюдьи онъ обратился бы въ „мертвый", по безжизненности, домъ или отвратительную, и, при тогдашнихъ военныхъ условіяхъ, недопустимую говорильню.

Но зато Совѣтъ министровъ искренне хотѣлъ *постояннаго дѣлового сотрудничества съ общественностью*—такихъ отношеній съ нею, при которыхъ не было бы сторонъ, а была бы совмѣстная работа.

Наша интеллигенція любитъ критиковать. Это ея сфера. Какъ часто въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи комиссія торжествовала, обнаруживъ какую-нибудь неточность или ошибку въ законопроектѣ. Предупредить эту ошибку въ процессѣ подготовки,

лишивъ себя удовольствія ущемить министра—это не въ духѣ парламентарія.

Старый режимъ пріучилъ къ безотвѣтственной критикѣ, къ разрушительной, а не созидательной работѣ. Цензовыя думы и земства устранили интеллигенцію отъ дѣловой работы. Она направила свои силы въ область политики. Централизованное управленіе пріучило къ общимъ принципіальнымъ вопросамъ, оторвавъ идейную работу отъ конкретной обстановки мѣстной жизни.

Все это сдѣлало ту часть интеллигенціи, которая вышла изъ демократическихъ круговъ, неподготовленною къ отвѣтственной работѣ управленія. Чиновники справляются съ этими задачами легче. Но зато чиновникъ мертвъ, неподвиженъ. Онъ обыкновенно не спѣшитъ, разсуждаетъ книжно, не умѣетъ приспособляться къ обстоятельствамъ.

Гдѣ же выходъ?

Неужели вся русская интеллигенція должна перебывать въ правительствахъ-эфемеридахъ, испытать на своей спинѣ всю тяжесть управленія, проваливаться въ различныхъ политическихъ авантюрахъ—и только тогда откроется возможность возсозданія русскаго государства, при помощи столь горькимъ опытомъ научившихся людей?

Къ счастью, есть другіе пути.

Во-первыхъ, многіе изъ русскихъ интеллигентовъ, волею нашей своенравной революціи, прошли черезъ кооперативное чистилище. Русская кооперація страдаетъ многими пороками, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ болтовня. Но все же она ведетъ дѣловую работу и близка къ широкимъ кругамъ населенія. Она воспитываетъ два качества: практичность и демократичность.

Во-вторыхъ, богатый опытъ революціи научилъ уже многому, нужно только собрать его.

Наконецъ, есть возможность создать школу дѣловой работы, установить дѣловое сотрудничество власти съ обществомъ—такое сотрудничество, чтобы и въ центрѣ и на мѣстахъ чиновничество и общество сливались и выполняли работу *общими* силами.

Новые пріемы не сразу утверждаются. Психологія консервативна. Трафареты парламентаризма привычнѣе. Но вырисовывающіеся пути согласованія правительственной работы и своевременнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе.

Правительство и общество.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ практики Омскаго Правительства, чтобы показать, какъ оно пробовало разрѣшить эту проблему.

Въ іюлѣ Совѣтъ министровъ принялъ новое Положеніе о Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, въ которое внесены весьма существенныя измѣненія по сравненію съ Совѣтомъ дореформеннымъ.

Въ составъ его, на правахъ членовъ, входятъ представители земствъ и городовъ, а также и ихъ союзовъ, выбранные по принципу, установленному для выборовъ въ Государственное Экономическое Совѣщаніе.

Къ предметамъ вѣдѣнія Совѣта относятся всѣ текущія дѣла по вопросамъ земскаго и городского хозяйства, а также предварительное разсмотрѣніе всѣхъ законодательныхъ и финансовыхъ предположеній, связанныхъ съ городскими и земскими самоуправленіями, независимо отъ того, исходятъ ли они отъ министерства внутреннихъ дѣлъ или отъ какихъ-либо другихъ вѣдомствъ.

Это учрежденіе связываетъ министерство внутреннихъ дѣлъ съ непосредственными руководителями земской и городской жизни. Чиновничій аппаратъ, находясь въ постоянномъ и тѣсномъ сотрудничествѣ съ общественными дѣятелями, избѣгнетъ нежизненныхъ бюрократическихъ тенденцій.

Въ этомъ же направленіи преобразованы совѣты, состоящіе при отдѣльныхъ министрахъ. Въ Совѣтъ министра финансовъ вошли: одинъ представитель отъ Совѣта Съѣздовъ торгово-промышленныхъ организацій, одинъ представитель отъ Совѣта Съѣздовъ кооперативныхъ организацій, одинъ отъ Совѣта Съѣздовъ частныхъ коммерческихъ банковъ и одинъ отъ Кооперативнаго банка.

Въ составъ Совѣта государственнаго контроля вошло по одному представителю отъ земскихъ и городскихъ самоуправленій.

Въ составъ Совѣта при министрѣ торговли и промышленности—три представителя отъ Совѣта Съѣздовъ торговли и промышленности, три представителя отъ Совѣта кооперативныхъ Съѣздовъ, одинъ представитель отъ объединенія частныхъ коммерческихъ банковъ и два представителя отъ объединенныхъ организацій земствъ и городовъ.

Совѣты при министрахъ были въ дореформенномъ строѣ мертвыми учрежденіями, созданными для ветерановъ, сдаваемыхъ на покой.

Въ преобразованномъ видѣ, послѣ включенія въ ихъ составъ представителей общественности, Совѣты пріобрѣтаютъ совершенно иной видъ и значеніе.

То же стремленіе Правительства устанавливать тѣсное сотрудничество съ общественностью можно усмотрѣть и въ рядѣ другихъ организаціонныхъ мѣръ. По моему распоряженію, былъ составленъ для представителей печати перечень тѣхъ постановленій Совѣта министровъ, которыя были направлены на привлеченіе къ работѣ Правительства представителей общественности: 1) междувѣдомственное совѣщаніе по рабочимъ вопросамъ на водныхъ путяхъ, 2) комитетъ по внѣшней торговлѣ, 3) комитетъ Сѣвернаго морского пути, 4) особое совѣщаніе по топливу, 5) совѣщаніе при главноуполномоченномъ по уральской промышленности, 6) присутствіе по государственному промысловому налогу, 7) попечительные Совѣты по дѣламъ государственнаго призрѣнія, 8) тарифный Совѣтъ. Всѣ эти организаціи созданы или преобразованы были на основѣ общественнаго представительства.

Возьмемъ для примѣра присутствіе по государственному промысловому налогу и попечительные Совѣты по дѣламъ призрѣнія. Платежъ государственныхъ налоговъ есть вѣками сознанный гражданами долгъ передъ государствомъ. Но, пожалуй, ни въ одной почти изъ своихъ гражданскихъ обязанностей гражданинъ не ощущаетъ болѣзненнѣе и острѣе допущенной по отношенію къ нему неправильности, какъ въ отношеніи исчисленія причитающейся съ него суммы государственнаго налога. То же самое можно сказать о цѣломъ классѣ или организаціи. Кооперація будетъ ревниво относиться и слѣдить за размѣрами налоговъ, падающихъ на ея плечи, сравнивая съ размѣрами налоговъ, падающихъ на торгово-промышленный классъ, и наоборотъ. Необходимо поэтому стремиться къ созданію налогового аппарата, учитывая притомъ голосъ всѣхъ группъ и классовъ, платящихъ соотвѣтствующіе налоги. Въ этомъ направленіи и шло Правительство, измѣняя составъ присутствій по государственному промысловому налогу.

Дѣла призрѣнія поручены были на мѣстахъ надзору губернскихъ попечительныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ изъ семнадцати членовъ вошло одиннадцать представителей общественности.

Такою же тенденціей совмѣстной работы было проникнуто Положеніе о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи. Ему

сообщались разногласія между вѣдомствами, весь подготовительный матеріалъ, ему говорилось: „помогите найти правильное рѣшеніе, пусть оно будетъ нашимъ общимъ рѣшеніемъ".

Какъ предсѣдатель Совѣщанія, я смѣло утверждаю, что, если бы этихъ подготовительныхъ матеріаловъ не сообщалось, если бы законопроекты вносились отъ имени объединеннаго Правительства, безъ разногласій, как это дѣлается въ парламентахъ, члены Совѣщанія были бы въ большомъ затрудненіи. Виноградовъ, Волковъ, Кроль, Бурышкинъ, Червенъ-Водали, Мелкихъ, Крестовниковъ, Владимирскій—вотъ и всѣ, кто принималъ участіе въ дѣловой работѣ. Но и они были бы поставлены въ большое затрудненіе, если бы должны были не выбирать только одинъ изъ варіантовъ, а сами перерабатывать законы. Я стоялъ поэтому за свою систему сотрудничества и на будущее время, но общественность, представленная въ Совѣщаніи, рабски преданная трафарету, жаждала парламента.

Г. А. Красновъ.

Проектъ о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи поступилъ на разсмотрѣніе комиссіи подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, Григорія Адріановича Краснова.

Я какъ-то мало говорилъ о немъ раньше. Онъ вошелъ въ составъ Правительства при Директоріи.

По происхожденію, онъ сынъ мирового судьи, родился въ слободѣ Кинель-Черкассы, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи. Высшее образованіе получилъ въ Петроградской духовной академіи. Служилъ въ министерствѣ финансовъ и департаментѣ желѣзнодорожной отчетности государственнаго контроля.

Выдвинулся онъ послѣ революціи, когда былъ назначенъ членомъ Совѣта государственнаго контроля, а *послѣ* октябрьскаго переворота и воцаренія большевиковъ былъ делегированъ Совѣтомъ государственнаго контроля въ составъ Временнаго Правительства, вмѣсто арестованнаго Годнева. Такимъ образомъ, до 17 ноября онъ былъ государственнымъ контролеромъ подпольнаго правительства, возглавлявшагося Прокоповичемъ.

Съ точки зрѣнія дѣловой, Красновъ стоялъ выше многихъ, но политическіе горизонты его были узки и неопредѣленны. Чувствовалось не разъ, что онъ приспособляется къ духу времени.

Въ указанный періодъ Красновъ игралъ видную роль. Онъ замѣщалъ Предсѣдателя Совѣта министровъ. Вологодскій въ два-

дцатыхъ числахъ сентября заболѣлъ. Его несомнѣнная переутомленность, проявлявшаяся еще весной и нѣсколько разсѣянная отдыхомъ въ Боровомъ, вновь сказалась съ полною силою. Болѣзнь его была неопредѣленной, температура безпричинно повышалась. Предсѣдатель производилъ впечатлѣніе разслабленнаго человѣка. Однажды онъ пріѣхалъ на засѣданіе и чуть не упалъ въ обморокъ.

Красновъ руководилъ въ это время сокращеніемъ штатовъ центральныхъ учрежденій, построенныхъ, какъ уже говорилось, по типу петроградскихъ, онъ же предсѣдательствовалъ въ комиссіи по разработкѣ Положенія о Государственномъ Совѣщаніи, его вѣдомство начало энергичную борьбу съ злоупотребленіями—словомъ, фигура его стала очень замѣтною.

На пути къ парламенту.

Согласно постановленію Совѣта министровъ, положеніе о Государственномъ Совѣщаніи разрабатывалось смѣшанною комиссіей, въ которую вошло пять членовъ Совѣта министровъ и пять лицъ, избранныхъ Экономическимъ Совѣщаніемъ.

Работа шла гладко. Предварительно состоялось общее засѣданіе Совѣта министровъ съ участіемъ представителей Экономическаго Совѣщанія, для установленія руководящихъ указаній комиссіи. Выяснилось, что существенныхъ разногласій не будетъ. Была одобрена идея организаціи Совѣщанія на основѣ представительства отдѣльныхъ группъ и интересовъ. Это была та идея, которую я упорно проводилъ, встрѣчая убѣжденнаго противника въ лицѣ Тельберга, считавшаго такую систему худшей изъ всѣхъ существующихъ. Я не соглашался съ этимъ. Въ современныхъ курсахъ государственнаго права уже встрѣчаются указанія, что всеобщее голосованіе распыляетъ представительство отдѣльныхъ интересовъ. Зато тактически оказалось болѣе цѣлесообразнымъ его предложеніе исключить членовъ по назначенію. Я возражалъ, главнымъ образомъ, по дѣловымъ соображеніямъ.

Большинство раздѣлило мою точку зрѣнія. Сговорились мы въ общихъ чертахъ и въ отношеніи компетенціи. Здѣсь нѣсколько неяснымъ оставался лишь вопросъ о контролѣ за цѣлесообразностью дѣйствій власти. Неопредѣленность предѣловъ и формы такого контроля могли бы парализовать власть.

Остался одинъ вопросъ, въ которомъ не было единодушія— это о порядкѣ направленія законовъ, одобренныхъ Государственнымъ Совѣщаніемъ. Поступаютъ ли они непосредственно къ Вер-

ховному Правителю или черезъ Совѣтъ министровъ? Иначе сказать, сохраняется ли конституція 18 ноября? Въ увлеченіи оппозиціей Совѣту министровъ, представители общественности, стремившіеся къ укорененію началъ представительнаго строя, не замѣчали, что они играютъ въ руку сторонникамъ чистой диктатуры. Лишая Совѣтъ министровъ значенія законодательнаго органа и верхней палаты, они расширяли власть Верховнаго Правителя. Результаты могли получиться совершенно неожиданные.

Однако, когда комиссія приступила къ работамъ, они пришли къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ.

Контроль за цѣлесообразностью дѣйствій власти былъ признанъ въ формѣ запросовъ о дѣйствіяхъ, хотя и являющихся закономѣрными, но причиняющихъ явный ущербъ государственнымъ интересамъ. Вопросъ о направленіи законовъ былъ разрѣшенъ довольно удачно. Совѣтъ министровъ составилъ какъ бы вторую палату, и разногласія съ Совѣщаніемъ должны были разрѣшаться предварительно представленія законовъ Верховному Правителю. Конституція 18 ноября осталась формально не измѣненной, но была установлена необходимость согласительной комиссіи и обязательность представленія Верховному Правителю различныхъ мнѣній.

Наиболѣе задержалъ работу сложный вопросъ о системѣ выборовъ. Какъ получить представительство крестьянъ? Были высказаны двѣ точки зрѣнія: одна въ пользу представительства уѣздныхъ земствъ, другая въ пользу выборовъ крестьянъ волостными земствами. Первая система ускоряла бы организацію Земскаго Совѣщанія, вторая дѣлала бы его подлинно крестьянскимъ. Остановились на второй.

Оказалось, впрочемъ, не такъ просто справиться и съ вопросомъ о представительствѣ групповомъ.

Соотношеніе голосовъ, способы избранія и, наконецъ, многочисленныя претензіи на представительство—все это дѣлало работу комиссіи довольно сложной. Адмиралъ, поощренный епископомъ Андреемъ Уфимскимъ, настаивалъ, напримѣръ, на широкомъ представительствѣ приходовъ, которыхъ въ томъ видѣ, какъ ихъ представлялъ себѣ московскій церковный Соборъ, вовсе не существовало въ Сибири. Живой, совершенно непохожій на монаха обычнаго типа, епископъ Андрей посѣтилъ засѣданіе комиссіи, и сейчасъ же выяснилось, что между нимъ и церковнымъ Совѣщаніемъ въ Омскѣ—непримиримое разногласіе. Послѣднее настаивало на предоставленіи права избранія делегатовъ организаціи, въ которой преобладали священники и черносотенные міряне.

„А я,“ говорилъ епископъ Андрей,—„противъ поповъ.“ Церковное Совѣщаніе (омскій Синодъ) было, дѣйствительно, центромъ такого же духовнаго бюрократизма, какъ и большинство министерствъ.

Въ тылу безпокойно.

Въ то время, когда мы такъ усердно работали надъ проектомъ Государственнаго Совѣщанія, съ тѣмъ, чтобы открыть возможность населенію непосредственно вліять на власть, на мѣстахъ происходила оживленная работа подполья.

Генералъ Гайда, окружившій себя эсерами въ арміи, создавшій въ своемъ штабѣ гнѣздо интригъ, которыя разложили прежде всего его собственныя силы, отправился послѣ своей отставки на Востокъ вмѣстѣ съ наиболѣе активными своими сотрудниками, вродѣ капитана Калашникова. Вездѣ по дорогѣ онъ останавливался и, по донесеніямъ контръ-развѣдки, велъ переговоры съ представителями революціонныхъ партій. Во Владивостокѣ онъ засѣлъ въ поѣздѣ и продолжалъ дѣятельныя сношенія съ Якушевымъ, Моравскимъ и другими дѣятелями эсеровскаго подполья. Узнавъ объ этомъ, адмиралъ разжаловалъ Гайду, лишивъ его чиновъ и орденовъ. Это было въ сентябрѣ.

Хотя Гайда не пользовался популярностью среди чеховъ, но увольненіе его было использовано очень ловко для агитаціи противъ Колчака: „вотъ какова благодарность!“ И, когда мнѣ пришлось какъ-то коснуться вопроса о Гайдѣ въ бесѣдѣ съ адмираломъ, я сказалъ ему: „вы сдѣлали Гайду героемъ.“

Приказъ о Гайдѣ прошелъ безъ вѣдома хотя бы одного министра. Кто составлялъ этотъ приказъ, я такъ и не узналъ. Отъ адмирала же никогда нельзя было добиться, кто что ему говорилъ. Рѣдкое благородство характера заставляло его принимать все на себя.

Адмиралъ и союзники.

Отношенія адмирала съ союзниками ухудшались. Онъ пересталъ имъ вѣрить.

Скрывать своихъ чувствъ адмиралъ не умѣлъ. Онъ былъ для этого слишкомъ искрененъ и экспансивенъ. И вотъ однажды произошелъ такой конфузный случай.

Къ адмиралу явился весь корпусъ дипломатическихъ представителей, гражданскихъ и военныхъ. Они предложили адмиралу

взять подъ международную охрану золотой запасъ и вывезти его во Владивостокъ.

Адмиралъ отвѣтилъ имъ, что онъ не видитъ основаній особенно спѣшить съ вывозомъ золота, но что, если бы даже это основаніе было, то онъ, все равно, не принялъ бы предложенія союзниковъ.

— Я вамъ не вѣрю, сказалъ онъ, и скорѣе оставлю золото большевикамъ, чѣмъ передамъ союзникамъ.

Эта фраза должна перейти въ исторію. Она не только характеризуетъ адмирала, но выражаетъ тѣ настроенія, которыя въ то время появились въ отношеніи къ союзникамъ. Уже тогда родилось то, что потомъ стало формулироваться словами: „лучше съ большевиками, чѣмъ съ союзниками."

Настроенію адмирала способствовали вѣсти, приходившія съ Востока.

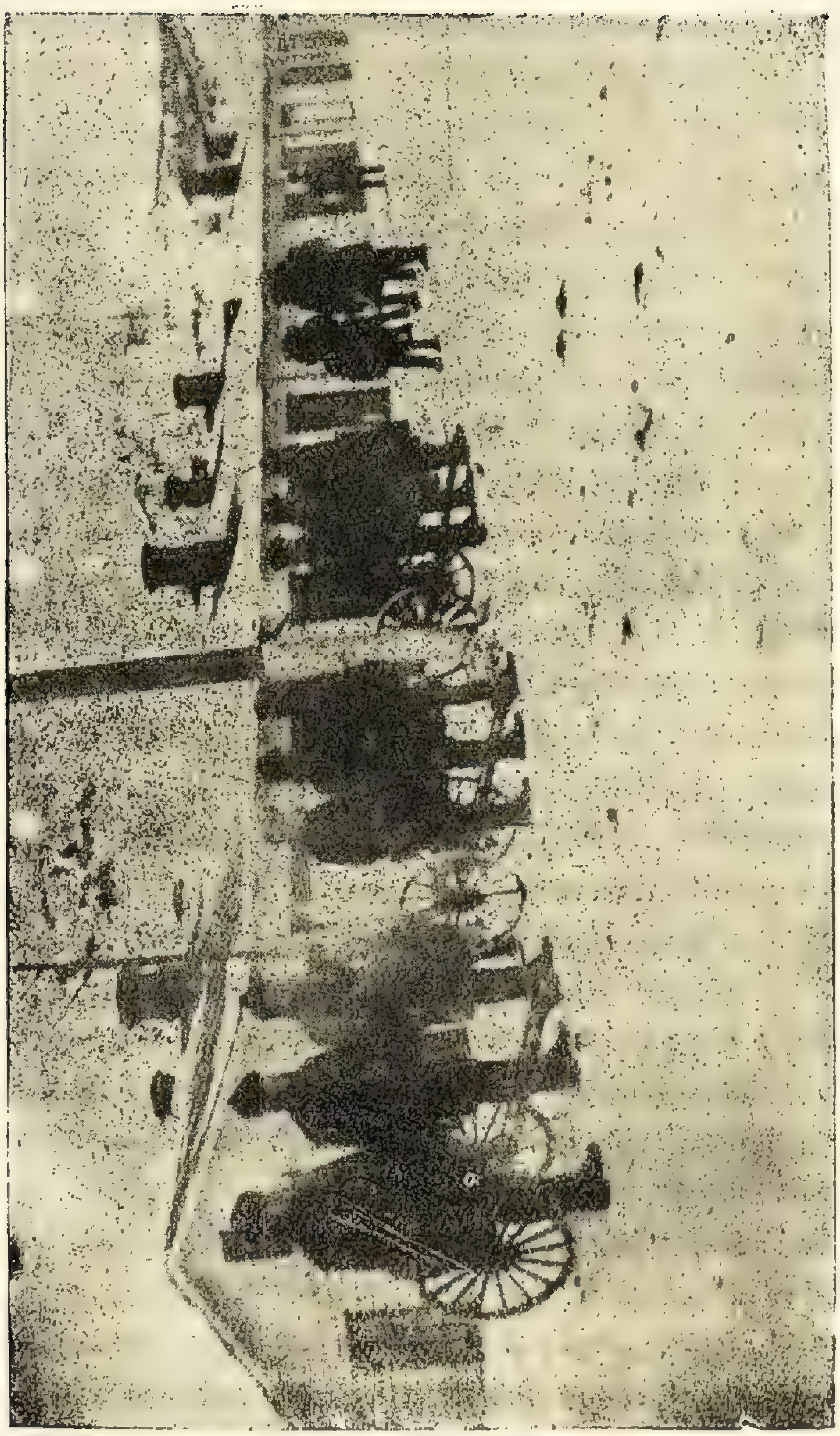
Выѣхавшій въ серединѣ августа изъ Омска членъ Экономическаго Совѣщанія Алексѣевскій, по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣлалъ доклады въ Иркутскѣ, Читѣ и Благовѣщенскѣ о предстоящемъ паденіи власти Омскаго Правительства и о необходимости подготовить переворотъ.

Покровительство возникавшему движенію оказывали американцы и чехи.

Первой ласточкой нараставшихъ осложненій явилась телеграмма Калмыкова, присланная имъ по поводу задержки американцами трехъ казаковъ въ началѣ сентября.

Столкновенія съ американцами.

„Второй годъ Уссурійское казачье войско цѣною жизни лучшихъ своихъ сыновъ бьется за святое дѣло возрожденія изстрадавшейся Родины: оторванное десятками тысячъ верстъ разстоянія отъ своихъ братьевъ-казаковъ, бьющихся на рубежѣ Урала, здѣсь, на Далекой Окраинѣ, отдаетъ всего себя на общее русское дѣло, авангардомъ котораго въ борьбѣ съ предателями-большевиками оно стало со дня заключенія Брестскаго договора. Освободившись отъ гнета совдепіи, Уссурійское казачье войско, твердо стоящее на стражѣ упроченія русской государственности, неоднократно въ теченіе года наталкивалось на новую непонятную преграду въ дѣлѣ борьбы за русскую государственность—на американскіе „Кольты" и штыки, предшествуемые работой такъ называемыхъ американскихъ солдатъ, наличіе коихъ неоднократно



Американцы въ Забайкальѣ.

обнаруживалось въ рядахъ красныхъ бандъ. Полное попираніе всего русскаго, подрывъ святого дѣла возрожденія Родины, и, наконецъ, насилія съ примѣненіемъ гнуснаго способа „плѣненія“ казаковъ—въ качествѣ заложниковъ, посредствомъ воровства,—вынуждаетъ меня, какъ патріота и избранника войска, честно и открыто заявить протестъ противъ произвола и насилій американцевъ, противъ ихъ разъѣдающей дѣло возрожденія Родины работы и указать на близкую возможность взрыва негодованія со стороны Уссурійскаго казачьяго войска, въ видѣ вооруженнаго возстанія противъ американцевъ.

Произволъ американскаго эшелона, имѣвшій мѣсто въ городѣ Иманѣ 6-го сентября с. г., выразившійся въ насиліи надъ учрежденіями, желѣзнодорожными служащими и „плѣненіи“—воровствѣ трехъ казаковъ, *вызвалъ мобилизацію по собственному почину* двухъ ближайшихъ поселковъ, и только искренне дружеское вмѣшательство японскаго командованія, взявшаго разрѣшеніе вопроса на себя, предотвратило сигналъ къ общему возстанію казаковъ. Какъ основной борецъ Уссурійскаго войска за возрожденіе Родины на Далекой Окраинѣ, я не могу не понимать того удара въ спину, которымъ явится вооруженный конфликтъ казаковъ съ американцами, но, затративши всѣ свои силы на святое дѣло борьбы за родину, отвѣчая передъ самимъ собою и ввѣрившимъ мнѣ свои судьбы Уссурійскимъ войскомъ, отвѣчая морально передъ русскимъ народомъ и Правительствомъ за допущеніе произвольнаго поруганія русскаго имени жидами-эмигрантами, снимая съ себя отвѣтственность за минусъ общему дѣлу—я, какъ активный борецъ за дорогую мнѣ мать-Россію, какъ избранникъ Уссурійскаго казачьяго войска, нераздѣльнаго члена тѣсной казачьей семьи, спасающей и возрождающей единую Великую Россію, заявляю: дальнѣйшаго произвола американцевъ не потерплю и прошу, во имя скорѣйшаго закрѣпленія государственности и порядка, во имя чести и достоинства и безъ того поруганной Россіи, во имя благополучной работы на благо общаго дѣла, ввѣреннаго мнѣ Войсковымъ Кругомъ Уссурійскаго войска, поставить американцевъ въ рамки „торжественной“ ихъ деклараціи, и, если возможно, вовсе избавить Уссурійскій край отъ разлагающаго нашу государственность на Востокѣ ихъ пребыванія. Атаманъ Калмыковъ.“

Любопытно отмѣтить, что эта вызывающая телеграмма, посланная человѣкомъ, который только подрывалъ престижъ власти, не вызвала никакой отповѣди со стороны власти, безсильной справиться съ своимъ своенравнымъ офицеромъ.

Вторымъ непріятнымъ инцидентомъ было самоуправство американцевъ въ отношеніи газеты „Эхо“. Здѣсь были уже виноваты американцы.

Общественное мнѣніе, безъ различія направленій, выражало крайнее возмущеніе поведеніемъ представителей демократическаго государства. Негодуя на газету за помѣщеніе непріятныхъ для нихъ свѣдѣній, они позволили себѣ расправиться съ нею почти что судомъ Линча.

Изъ Омска очень трудно было и понимать и улаживать подобные инциденты. Приходилось лишній разъ пожалѣть объ отставкѣ генерала Хорвата. При немъ иностранцы постѣснялись бы подобной безцеремонности. Чувствовалось также, что атмосфера накаляется.

Въ началѣ сентября уѣхалъ изъ Омска сэръ Чарльзъ Эліотъ, назначенный посломъ въ Токіо; 21 сентября уѣхалъ графъ де-Мартель. Представители въ Омскѣ оказались менѣе авторитетными, чѣмъ дальневосточные. Послѣдніе же проявляли въ отношеніи Омскаго Правительства явную недоброжелательность.

Въ концѣ сентября произошелъ новый инцидентъ, о которомъ лучше всего разскажутъ документы.

Покушеніе на русскій суверенитетъ.

26 сентября генералъ Розановъ получилъ отъ союзнаго командованія слѣдующее увѣдомленіе:

„Штабъ союзныхъ войскъ. Владивостокъ. 26 сентября 1919 года. № 6183. Господину генералу Розанову, командующему войсками пріамурскаго военнаго округа. Мой генералъ, за послѣдніе дни во Владивостокѣ послѣдовательно произошли нѣсколько печальныхъ инцидентовъ. Во время этихъ инцидентовъ приходится оплакивать смерть военныхъ, союзныхъ и русскихъ. Междусоюзный комитетъ военныхъ представителей считаетъ, что присутствіе русскихъ отрядовъ, недавно присланныхъ во Владивостокъ и его ближайшія окрестности, является одной изъ главныхъ причинъ указанныхъ инцидентовъ. Въ виду того, что эти русскіе отряды не должны были быть доставлены во Владивостокъ безъ разрѣшенія старшаго изъ командующихъ союзныхъ войскъ, и просьба, уже присланная предсѣдателемъ комитета генералу Розанову, удалить эти войска, не была исполнена—комитетъ принимаетъ слѣдующее рѣшеніе: къ генералу Розанову обратится съ просьбой старшій изъ военныхъ командующихъ союзниковъ,

Русскія войска во Владивостокѣ.

генералъ Оой—немедленно удалить за предѣлы крѣпости (т. е. за Угольную) разные русскіе отряды, бронированные поѣзда и проч., доставленные во Владивостокъ или ближайшія окрестности его за послѣдній мѣсяцъ. Это продвиженіе должно быть полностью закончено до 12 часовъ понедѣльника, 29 сентября. Генералу Розанову будетъ предложено не приводить во Владивостокъ еще другія войска безъ предварительнаго запроса старшаго командующаго союзныхъ войскъ. Онъ будетъ увѣдомленъ послѣднимъ, что, въ случаѣ, если генералъ Розановъ не пойдетъ навстрѣчу предложенію удалить до 12 часовъ 29 сентября означенныя русскія войска, командующіе союзными войсками примутъ всѣ мѣры, чтобы его принудить, въ случаѣ необходимости, вооруженной силой, къ выполненію этой мѣры. Командующіе союзными войсками принимаютъ отвѣтственность за обезпеченіе общественнаго порядка во Владивостокѣ .Примите увѣренность въ моемъ совершенномъ почтеніи. С. Иганаки, дивизіонный генералъ, предсѣдатель междусоюзной комиссіи военныхъ представителей.“

На это заявленіе командующій войсками пріамурскаго военнаго округа и главный начальникъ края оффиціально отвѣтилъ:

„28 сентября 1919 года, № 282. Городъ Владивостокъ. Генералу Иганаки, предсѣдателю междусоюзнаго комитета военныхъ представителей. Господинъ генералъ. Такъ какъ изложенное вами заявленіе отъ лица междусоюзнаго комитета выходитъ изъ рамокъ моей компетенціи и затрагиваетъ принципіальный вопросъ о правахъ русскихъ по отношенію владивостокскаго крѣпостного района, могущій быть разрѣшеннымъ лишь центральной властью, упомянутый текстъ заявленія мною представленъ по телеграфу Россійскому Правительству на зависящее распоряженіе. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ почтеніи. Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Розановъ“.

Командующимъ войсками, по поводу предъявленнаго междусоюзнымъ комитетомъ военныхъ представителей заявленія о выводѣ русскихъ войскъ изъ владивостокскаго крѣпостного района, была получена слѣдующая телеграмма Верховнаго Правителя:

Владивостокъ, генлейту Розанову. Повелѣваю вамъ оставить русскія войска во Владивостокѣ и безъ моего повелѣнія ихъ оттуда не выводить. Интересы государственнаго спокойствія требуютъ присутствія во Владивостокѣ русскихъ войскъ.

Требованіе о выводѣ ихъ есть посягательство на суверенныя права Россійскаго Правительства.

Сообщите союзному командованію, что Владивостокъ есть русская крѣпость, въ которой русскія войска подчинены мнѣ, и ничьихъ распоряженій, кромѣ моихъ и уполномоченныхъ мною лицъ, не исполняютъ.

Повелѣваю вамъ оградить отъ всякихъ посягательствъ суверенныя права Россіи на территоріи крѣпости Владивостокъ, не останавливаясь, въ крайнемъ случаѣ, ни передъ чѣмъ.

Объ этомъ моемъ повелѣніи увѣдомьте также союзное командованіе. 12 часовъ 45 минутъ 29 сентября 1919 года. Адмиралъ Колчакъ".

На сообщеніе председателю междусоюзнаго комитета военныхъ представителей повелѣнія Верховнаго Правителя былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Генералъ. Я имѣю честь подтвердить сообщеніе адмирала Колчака отъ сего числа, 12 часовъ 45 минутъ, и увѣдомить васъ: 1) что союзные представители, считая, что адмиралъ Колчакъ, повидимому, не въ полной мѣрѣ былъ освѣдомленъ о положеніи, не прибѣгнутъ немедленно къ мѣрамъ, указаннымъ ранѣе, чтобы заставить русскія войска, недавно приведенныя во Владивостокъ, покинуть предѣлы крѣпости; 2) что адмиралъ Колчакъ будетъ полностью освѣдомленъ о положеніи заботами союзныхъ представителей. Наконецъ, во избѣжаніе повторенія инцидентовъ этихъ послѣднихъ дней, я имѣю честь просить васъ дать распоряженіе, чтобы русскіе отряды, присланные за послѣднее время во Владивостокъ, держались бы въ своихъ казармахъ на Второй Рѣчкѣ и не входили бы въ городъ, въ особенности ночью. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ почтеніи. С. Иганаки, председатель междусоюзной комиссіи военныхъ представителей."

Твердость адмирала произвела отличное впечатлѣніе и укрѣпила его авторитетъ.

На Д. Востокѣ и внутри страны поведеніе союзниковъ вызвало взрывъ національныхъ чувствъ. Но слухи о готовящемся переворотѣ и покровительствѣ союзниковъ не прекращались и, дѣйствительно, имѣли подъ собой основаніе.

Предвидя неизбѣжную реорганизацію власти и ожидая, что россійская власть будетъ передана Деникину, а адмиралъ уѣдетъ изъ Сибири, я командировалъ своего помощника, Бутова, для ознакомленія съ настроеніями на мѣстахъ, а съ нимъ поѣхалъ, съ благословенія Председателя Совѣта министровъ, сибирскій

областникъ Козьминъ, составившій проектъ сибирской автономіи, гораздо болѣе близкій духу централизма, чѣмъ казалось нужнымъ членамъ Правительства. Мнѣ интересно было, какъ отнесутся къ этой идеѣ въ Сибири, въ связи съ предстоявшимъ, по моему мнѣнію, возстановленіемъ Сибирскаго Правительства.

Интервью о попыткахъ переворота.

Въ виду непрекращавшихся информацій о происшествіяхъ на Востокѣ, я далъ 7 октября слѣдующее интервью:

„Партія эсеровъ составила планъ новаго соціалистическаго правительства съ хорошо знакомымъ намъ лозунгомъ: „возстановить Учредительное Собраніе стараго созыва". Для осуществленія этихъ намѣреній предполагалось созвать нелегальный земскій соборъ во Владивостокѣ.

Разсчетъ заговорщиковъ покоился, главнымъ образомъ, на позорной для русскихъ людей надеждѣ, что военныя неудачи будутъ продолжаться.

Правительство не придавало серьезнаго значенія этому движенію, будучи хорошо освѣдомлено объ отсутствіи какой-либо опоры у его главарей.

Самая попытка совершить переворотъ на краю государства, во Владивостокѣ, носитъ наивный характеръ, ибо такая попытка, если бы даже, что невѣроятно, оказалась бы удачной, могла бы только временно расчленить страну, внести смуту въ умы и настроенія и разстроить дѣло снабженія фронта; создать же во Владивостокѣ власть, способную конкурировать или противопоставить себя Центральному Правительству, совершенно немыслимо.

Содѣйствіе иностранцевъ ожидалось. Но, по преимуществу, со стороны дальневосточныхъ представителей иностранныхъ державъ, мало освѣдомленныхъ о положеніи дѣлъ въ Сибири и плохо понимавшихъ всю безнадежность эсеровскаго движенія, его глубокое противорѣчіе національнымъ задачамъ возрождающейся Россіи и его несомнѣнную выгодность для большевизма, который, въ случаѣ удачи эсеровъ, не замедлилъ бы поглотить ихъ и восторжествовать на трупахъ послѣднихъ остатковъ интеллигенціи и на развалинахъ государственности.

Необходимо также отмѣтить, что такъ называемый переворотъ былъ парализованъ не однимъ только сосредоточеніемъ въ городѣ Владивостокѣ воинскихъ частей, но и достаточно ясно выявившимся безсиліемъ заговорщиковъ.

По донесенію администраціи, все время слѣдившей за главарями движенія—все старыми, давно знакомыми намъ персонажами изъ эсеровской Сибирской Областной Думы, приглашеніе послѣднихъ на съѣздъ во Владивостокъ нашло очень слабый откликъ даже въ средѣ тѣхъ иноземцевъ, которые являются партійными единомышленниками заправилъ.

Отвѣтственные представители союзныхъ державъ, съ одобренія своихъ правительствъ, отнеслись съ самымъ рѣзкимъ неодобреніемъ къ антиправительственному движенію на Д. Востокѣ и дали соотвѣтствующія инструкціи дѣйствующимъ тамъ второстепеннымъ агентамъ."

Я былъ увѣренъ, когда давалъ интервью, что говорю правду. Уже значительно позже, послѣ паденія власти въ Иркутскѣ, я узналъ, что съѣздъ земцевъ (вѣрнѣе, эсеровъ) происходилъ въ октябрѣ въ Иркутскѣ и выработалъ планъ сверженія власти. Наша агентура оказалась очень слабой. Чехи знали больше. Но они молчали, Гайда же упорно сидѣлъ во Владивостокѣ, чего-то еще ожидая.

Омское Правительство руководило борьбой и политикой на дальнемъ западѣ, югѣ, сѣверѣ, подъ Петроградомъ, Кіевомъ и у Бѣлаго моря, а въ это время, по ироніи судьбы, вокругъ самаго Омска разверзалась пропасть. На фронтѣ гасло воодушевленіе. Населеніе проявляло озлобленіе. Въ далекомъ тылу назрѣвалъ заговоръ.

Глава XXII.

Поѣздка въ Тобольскъ.

Въ началѣ октября Верховный Правитель собирался въ дальнюю поѣздку, въ Тобольскъ. Я рѣшилъ сопровождать адмирала. Мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ, хотѣлось также побывать на фронтѣ, у самаго огня, увидѣть солдатъ, офицеровъ, ознакомиться съ ихъ настроеніями.

Какъ разъ наканунѣ отъѣзда въ домѣ Верховнаго былъ пожаръ. Нехорошій признакъ. Трудно было представить себѣ погоду хуже, чѣмъ была въ этотъ день. Нескончаемый дождь, отвратительный рѣзкій вѣтеръ, невѣроятная слякоть—и въ этомъ аду огромное зарево, снопъ искръ, суетливая бѣготня солдатъ и пожарныхъ, безпокойная милиція.

Это зарево среди пронизывающаго холода осенней слякоти казалось зловѣщимъ. „Роковой человѣкъ,“ уже говорили кругомъ про адмирала. За короткій періодъ это былъ второй несчастный случай въ его домѣ. Первый разъ произошелъ взрывъ гранатъ. Огромный столбъ дыма съ камнями и бревнами взлетѣлъ на большую высоту и палъ. Все стало тихо. Адмирала ждали въ это время съ фронта, и его поѣздъ уже приближался къ Омску.

Взрывъ произошелъ, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ гранатами.

Изъ дома Верховнаго Правителя вывозили одного за другимъ окровавленныхъ, обезображенныхъ солдатъ караула, а во дворѣ лежало нѣсколько труповъ, извлеченныхъ изъ-подъ развалинъ. Во внутреннемъ дворѣ продолжалъ стоять на часахъ оглушенный часовой. Онъ стоялъ, пока его не догадались смѣнить.

А кругомъ дома толпились встревоженные, растерявшіеся обыватели. Какъ и часовой, они ничего не понимали. Что произошло? Почему? День такой ясный, тихій. Откуда же эта кровь, эти изуродованныя тѣла?

Когда адмиралу сообщили о несчастьи, онъ выслушалъ съ видомъ фаталиста, который уже привыкъ ничему не удивляться, но насупился, немного поблѣднѣлъ.

Потомъ вдругъ смущенно спросилъ: „А лошади мои погибли?“

Теперь, во время пожара, адмиралъ стоялъ на крыльцѣ, неподвижный и мрачный, и наблюдалъ за тушеніемъ пожара. Только что была отстроена и освящена новая караульня, взамѣнъ взорванной постройки, а теперь горѣлъ гаражъ. Что за злой рокъ!

Кругомъ уже говорили, что адмиралъ несетъ съ собой несчастье. Взрывъ въ ясный день, пожаръ въ ненастье...Похоже было на то, что перстъ свыше указывалъ неотвратимую судьбу.

Поѣздка въ Тобольскъ состоялась. Для адмирала былъ реквизированъ самый большой пароходъ „Товарпаръ“. Онъ долженъ былъ отойти въ Семипалатинскъ. Уже проданы были билеты, и публика начала занимать каюты, когда пришло приказаніе: „всѣмъ пассажирамъ выгружаться“. Шелъ дождь. Другого парохода не было, а публику гнали съ парохода.

Бѣдный адмиралъ! Онъ никогда не зналъ, что творилось его именемъ. Исправить сдѣланнаго уже было невозможно, и я ничего не сказалъ ему.

Около руля государственности.

Адмиралъ выѣхалъ въ мрачномъ настроеніи. Онъ долго не выходилъ изъ дома, у него затянулся докладъ Главнокомандующаго фронтомъ. Прибывъ, наконецъ, съ большимъ запозданіемъ на пароходъ, онъ первымъ дѣломъ поручилъ мнѣ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ Омскѣ были освобождены всѣ большія зданія подъ лазареты.

По всему видно было, что военный докладъ Дитерихса былъ не изъ ободряющихъ. Адмиралъ очень неохотно согласился подписать нѣсколько срочныхъ законовъ:

— Послѣдній разъ подписываю при отъѣздѣ—прикажите, чтобы мнѣ докладывали не позже, чѣмъ наканунѣ.

Но вотъ все сдѣлано, и пароходъ отходитъ. Быстро промелькнули соборъ, куполъ зданія судебныхъ установленій, загородная роща, сельско-хозяйственное училище, гдѣ всѣ мы отдыхали послѣ трудовыхъ недѣль, вотъ уже Захламинская станица—все знакомыя мѣста, съ которыми связано столько горько-сладкихъ воспоминаній.

Вышелъ посмотрѣть на Омскъ и адмиралъ.

Правый берегъ Иртыша становится выше, интереснѣе. Пароходъ идетъ быстро. Черезъ два-три часа мы уже проѣзжаемъ лучшія мѣста: Чернолучье, гдѣ я когда-то неудачно отдыхалъ въ дни увольненія Гришина-Алмазова, потомъ Краснолучье. Берегъ

украшенъ боромъ, довольно живописенъ, а Иртышъ вертится во всѣ стороны, извивается, оправдывая свое простонародное имя „Вертышъ“, и, огибая какую-нибудь луку, мы иногда приближаемся къ тому мѣсту, гдѣ только что были, но съ другой стороны.

— Какъ здѣсь легко обстрѣливать пароходы, съ оживленіемъ говоритъ одинъ офицеръ изъ походной канцеляріи, любуясь „по-своему“ видами: я, какъ пулеметчикъ, могъ бы пустить ко дну любой!

Вотъ направленіе мыслей, которое породила многолѣтняя война.

Стало, однако, темнѣть. Задернули занавѣски. Углубились въ книги—и незамѣтно подкралась безпредметная, тягучая тоска.

Искусственный покой, когда кругомъ все пылаетъ, хуже работы. Она отвлекаетъ и разсѣиваетъ. Но зато какъ полезно искусственное уединеніе. Какъ оно удобно для того, чтобы осмотрѣться, обдумать все назрѣвшее.

Я постучалъ къ адмиралу. Онъ сидѣлъ за книгой и былъ, повидимому, недоволенъ, что его покой опять нарушенъ. Мнѣ нужно было получить нѣкоторыя указанія. Разговорились. Зашла рѣчь о впечатлѣніяхъ командированнаго мною въ губернскіе города Сибири помощника моего, Бутова.

— Все одно и то же, одно и то же. Какъ же, наконецъ, это исправить? сказалъ адмиралъ: у васъ-то самого есть какое-нибудь предложеніе?

Дѣйствительно, все было „старое“, набившее оскомину и въ то же время до боли живое, вопіющее. Беззаконія на мѣстахъ, невѣроятныя задержки центра въ отвѣтахъ на запросы съ мѣстъ, волокита, безграмотная военная цензура, которая доходитъ до того, что извлекаетъ изъ газетъ замѣтки управляющихъ губерніями.

Приказать, чтобы было иначе—это не значитъ что-либо сдѣлать; все будетъ идти по прежнему. Издать хорошіе законы?—Какая гарантія, что они исполняются?

— Знаете, сказалъ адмиралъ, я безнадежно смотрю на всѣ ваши гражданскіе законы и оттого бываю иногда рѣзокъ, когда вы меня ими заваливаете. Я поставилъ себѣ военную цѣль: сломить красную армію. Я Главнокомандующій и никакими реформами не задаюсь. Пишите только тѣ законы, которые нужны моменту. Остальное пусть дѣлаютъ въ Учредительномъ Собраніи.

— Адмиралъ! Мы вѣдь только такіе законы и пишемъ. Но жизнь требуетъ отвѣта на всѣ вопросы. Чтобы побѣдить, надо обезпечить порядокъ въ странѣ, надо устроить управленіе, надо

показать, что мы не реакціонеры, словомъ, надо сдѣлать столько, что на это у насъ не хватаетъ рукъ.

— Ну, и бросьте, работайте только для арміи. Неужели вы не понимаете, что, какіе бы мы хорошіе законы ни писали, все равно, насъ разстрѣляютъ, если мы провалимся!

— Отлично! Но мы должны писать хорошіе законы, чтобы не провалиться.

— Нѣтъ, дѣло не въ законахъ, а въ людяхъ. Мы строимъ изъ недоброкачественнаго матеріала. Все гніетъ. Я поражаюсь, до чего всѣ испоганились. Что можно создать при такихъ условіяхъ, если кругомъ либо воры, либо трусы, либо невѣжи! И министры, честности которыхъ я вѣрю, не удовлетворяютъ меня, какъ дѣятели. Я вижу въ послѣднее время по ихъ докладамъ, что они живутъ канцелярскимъ трудомъ; въ нихъ нѣтъ огня, активности. Если бы вы, вмѣсто вашихъ законовъ, разстрѣляли бы пять-шесть мерзавцевъ изъ милиціи или пару-другую спекулянтовъ, это намъ помогло бы больше. Министръ можетъ сдѣлать все, что онъ захочетъ. Но никто самъ ничего не дѣлаетъ. Вотъ вы излагаете мнѣ разные дефекты управленія, вашъ помощникъ ихъ видѣлъ—что же вы сдѣлали, чтобы ихъ устранить? Отдали вы какія-нибудь распоряженія?

Адмиралъ началъ волноваться. Съ обычною своею манерою въ минуты раздраженія, онъ сталъ искать на столѣ предмета, на которомъ можно было бы вылить накипѣвшее раздраженіе.

— Хорошо, сказалъ я: разрѣшите мнѣ распорядиться, чтобы военные цензора назначались по соглашенію съ управляющими губерніями.

— Этого нельзя. Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ.

Адмиралъ сразу потухъ. Казалось, своимъ предложеніемъ я сразу попалъ въ наиболѣе чувствительное мѣсто. Подчиненіе военнаго міра гражданскому—это было въ его глазахъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ, почти чудовищнымъ.

— Я знаю, прибавилъ онъ, вы имѣете въ виду военное положеніе, милитаризацію и т. д. Но вы поймите, что отъ этого нельзя избавиться. Гражданская война должна быть безпощадной. Я приказываю начальникамъ частей разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ коммунистовъ. Или мы ихъ перестрѣляемъ, или они насъ. Такъ было въ Англіи во время войны Алой и Бѣлой Розы, такъ неминуемо должно быть и у насъ и во всякой гражданской войнѣ. Если я сниму военное положеніе, васъ немедленно переарестуютъ большевики или эсеры, или ваши же члены Экономиче-

скаго Совѣщанія, вродѣ Алексѣевскаго, или ваши губернаторы, вродѣ Яковлева.

Я улыбнулся, потому что нападки на членовъ Экономическаго Совѣщанія, представлявшихъ, съ моей точки зрѣнія, самую невинную оппозицію, казались мнѣ стрѣльбою изъ пушекъ по воробьямъ. Я не разъ говорилъ объ этомъ адмиралу, и сейчасъ не могъ не вернуться къ своей мысли.

— Мы должны работать съ новыми людьми. Если мы не дадимъ выговориться тѣмъ, кто страдаетъ парламентскимъ зудомъ, какъ Кроль или Алексѣевскій, не назначимъ губернаторами или даже министрами нѣсколькихъ честолюбивыхъ эсеровъ, не сдѣлаемъ посломъ Авксентьева или главнокомандующимъ революціоннаго генерала, вродѣ Пепеляева, или партизана, вродѣ Каппеля— мы ничего не достигнемъ... Въ чемъ смыслъ революціи? Въ соціальномъ переустройствѣ? Ничего подобнаго: все вернется въ прежнія рамки собственности и экономической конкуренціи. Въ государственномъ переустройствѣ? Едва ли: народъ не интересуется ни республиками ни парламентами, но зато онъ интересуется людьми, которые обладаютъ непосредственно близкою имъ властью. Я считаю, что революція, въ конечномъ результатѣ, приведетъ къ реакціи и культурной и государственной, но она перeродитъ мозгъ страны, обновитъ, какъ тифъ, организмъ, вынеся на поверхность новыхъ людей. И я стоялъ и стою за крестьянскіе съѣзды, за Земское Совѣщаніе только потому, что они могутъ выдвинуть совсѣмъ новыхъ „земляныхъ“ людей, которымъ населеніе будетъ вѣрить. И эта вѣра—единственное и исключительное условіе побѣды. Вотъ въ чемъ мое убѣжденіе!

Я говорилъ взволнованно, а адмиралъ, наоборотъ, успокаивался.

— Но почему же вы, напримѣръ, не новый человѣкъ? Почему другіе министры не новые? Вѣдь мнѣ писали, что какъ разъ моему правительству и ставятъ въ плюсъ кн. Львовъ и другіе наши парижане, что оно состоитъ изъ свѣжихъ людей.

— Я не „новый“, потому что не имѣю достаточнаго общественнаго стажа, а въ Сибири и я и большинство другихъ министровъ, вродѣ Сукина, Краснова, Тельберга, Смирнова—люди „навозные“, чуждые сибирской общественности. Мы всѣ оттого и держимся за Вологодскаго, что онъ одинъ обладаетъ большою извѣстностью въ Сибири, восполняя этимъ недостатокъ большинства. Не буду говорить о другихъ, но я-то самъ—что могъ я сдѣлать, какъ могъ бы я рѣшиться на болѣе самостоятельную и отвѣтственную роль, когда я для однихъ—обрусѣвшій нѣмецъ, для дру-

гихъ подозрителенъ, какъ говорилъ одинъ омскій монархистъ, „по чернотѣ масти", для третьихъ—загадочная личность или, по сплетнямъ, даже хуже! Я видѣлъ уже весною, когда соглашался работать активнѣе, что у меня поддержки нѣтъ, что я ни на кого не могу опереться. Мнѣ не будутъ вѣрить и будутъ мѣшать. И это участь почти всѣхъ омскихъ министровъ, и оттого-то мы только „омскіе", мы—министры „полустанка"...

— Опираться сейчасъ можно только на штыки.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Мы виновны въ происходящемъ отступленіи именно тѣмъ, что не сумѣли создать себѣ иной опоры. Всѣ мы, ваши министры, не сумѣли помочь вамъ въ созданіи опоры въ странѣ. Мы говорили, что опираемся на крестьянство, но не отдавали себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ эта опора создается, какъ тѣснѣе связать крестьянство съ властью. Мы не сумѣли организовать на мѣстахъ „крестьянской" обороны, „крестьянской" власти, а въ центрѣ „крестьянскаго" парламента. Не будучи ни политиками-профессіоналами, ни общественными дѣятелями, мы не умѣли пріобрѣсти популярности, мы были неподвижны, не ѣздили, не говорили.

— Но вѣдь вы же ѣздили, Пепеляевъ постоянно ѣздитъ.

— Не знаю, какъ Пепеляевъ, но мои поѣздки были неудачны. На Уралѣ я нигдѣ не выступалъ, какъ выразитель политическаго направленія власти; я ѣздилъ, какъ предсѣдатель Экономическаго Совѣщанія, съ узкими интересами къ состоянію заводовъ. Ни я ни Шумиловскій нигдѣ не показали себя министрами. Какая-то непривычка быть носителями власти, вредная непритязательность, скромность, неумѣніе разворачиваться, захватывать общественное вниманіе... Мы были только путешественниками, только наблюдателями.

— Но почему же? Кто вамъ мѣшалъ?

— Каюсь: наше неумѣнье, но также, скажу откровенно, сознаніе фактической безотвѣтственности. Куда ни взглянешь, вездѣ чувствуешь, что къ омскимъ министрамъ относятся всѣ, какъ къ чему-то временному, второстепенному, что настоящая власть сейчасъ —вы и командующіе арміями, что на насъ всѣхъ смотрятъ лишь, какъ на статистовъ власти...Съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ переворотъ 18 ноября, центръ тяжести перемѣстился въ военные круги. Вы и ваши генералы приняли на себя слишкомъ много отвѣтственности. При Сибирскомъ Правительствѣ и Вологодскій и всѣ мы были другими, не только законодателями. Гришинъ-Алмазовъ и черезъ него и весь военный міръ были подчинены Совѣту министровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ совмѣстными усиліями эсеровъ

и кучки интригановъ устранили Гришина и посадили Иванова-Ринова, все покатилось подъ гору. И сейчасъ я отчетливо чувствую, что вы поглотили всю гражданскую часть, и что переложенiе отвѣтственности на Верховнаго Правителя, при формальномъ только ограниченiи его власти, подѣйствовало разлагающе на членовъ Правительства.

Наступило молчанiе. Адмиралъ нервно стучалъ карандашомъ по столу. Въ Омскѣ въ это время господствовало настроенiе въ пользу расширенiя диктатуры, и адмирала постоянно настраивали противъ Совѣта министровъ.

— Я не могу теперь измѣнить этого порядка, сказалъ адмиралъ. Я считаю, что для временной войны только Положенiе о полевомъ управленiи войскъ и система власти, имъ указанная, и могутъ годиться. Я Верховный Главнокомандующiй, и потому я отвѣтственենъ за все. Такъ и должно быть по полевому управленiю, которое я считаю несравненнымъ по обдуманности и стройности. Въ немъ опытъ и генiй вѣковъ.

— Ваше Высокопревосходительство! Я не разъ слыхалъ отъ васъ этотъ отзывъ, но, простите меня, я не вѣрю теперь въ полевое Положенiе, какъ не вѣрю и въ Сводъ законовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Директорiя заставила насъ воскресить старый Сводъ, а не приспособляться къ новымъ условiямъ, наша борьба съ большевиками пропиталась контръ-революцiей. Я много испортилъ себѣ крови на аграрномъ вопросѣ, и сейчасъ боюсь, что окружающiе Деникина приведутъ его къ краху плохой земельной политикой, но еще хуже, по моему, что всѣ канцелярiи живутъ старыми законами, не проявляютъ творчества, инициативы, а ваши генералы живутъ Положенiемъ о полевомъ управленiи войскъ, вовсе не разсчитаннымъ на гражданскую войну, они уничтожаютъ на мѣстахъ гражданскую власть и самодѣятельность населенiя. Какъ будто въ непрiятельской странѣ, организовали штабы, какъ будто готовились къ завоеванiю всего мiра. Военное министерство похоже на музей древностей—до того оно пропитано отжившимъ бюрократизмомъ. Нѣтъ, ни со старыми людьми, ни со старыми законами далеко не уѣдешь!..Возлѣ васъ долго стоялъ на самомъ отвѣтственномъ политическомъ посту человѣкъ, который не вѣрилъ въ нашу способность побѣдить большевиковъ. Я былъ пораженъ, когда узналъ объ этомъ. Я не понималъ, какъ онъ могъ оставаться на посту, который занималъ, не вѣря въ дѣло. Теперь, послѣ всѣхъ неудачъ, я готовъ согласиться, что мы не можемъ побѣдить, если не воодушевимъ на-

селенія и не создадимъ себѣ политической опоры. Развѣ вы не чувствуете, что все кругомъ насъ безучастно къ власти? Члены Экономическаго Совѣщанія говорятъ мнѣ, что Правительство не сможетъ выѣхать изъ Омска, что паденіе Омска предрѣшитъ и его гибель. Нужно повернуть руль въ сторону тыла.

Адмиралъ нахмурился. Его глаза выдавали мрачныя предчувствія, которыми онъ былъ полонъ. Его лицо стало трагичнымъ.

Я не знаю, соглашался ли онъ со мной, но, послѣ моихъ съ жаромъ произнесенныхъ словъ, наступило тяжелое молчаніе.

Я хотѣлъ уже продолжать, когда онъ вдругъ твердо произнесъ:

— Они могутъ взять Омскъ, если Деникинъ придетъ въ Москву. Я знаю, что большевики обрушатся тогда всею силою на Сибирь. Я боюсь, что мы тогда не выдержимъ...Вы правы, что надо поднять настроеніе въ странѣ, но я не вѣрю ни въ съѣзды ни въ совѣщанія. Я могу вѣрить въ танки, которыхъ никакъ не могу получить отъ милыхъ союзниковъ, въ заемъ, который исправилъ бы финансы, въ мануфактуру, которая ободрила бы деревню... Но гдѣ я это возьму? А законы все-таки ерунда, не въ нихъ дѣло. Если мы потерпимъ новыя пораженія, никакія реформы не помогутъ; если начнемъ побѣждать, сразу и повсюду пріобрѣтемъ опору. Вотъ если бы я могъ, какъ слѣдуетъ, одѣть солдатъ или улучшить санитарное состояніе арміи! Развѣ вы не знаете, что нѣкоторые корпуса представляютъ собою движущійся лазаретъ, а не воинскую силу? Дутовъ пишетъ мнѣ, что въ его оренбургской арміи свыше 60 % больныхъ сыпнымъ тифомъ, а докторовъ и лѣкарствъ нѣтъ. Во всемъ чувствуется неблагоустроенная и некультурная окраина, которой напряженіе войны не по силамъ. Устройство власти—это менѣе важный вопросъ, чѣмъ рессурсы страны и снабженія. Я понимаю, что большевики дѣйствуютъ, какъ шайка, которая повсюду насадила своихъ агентовъ и не только дисциплинировала ихъ, какъ въ былой казацкой вольницѣ, но и заинтересовала привилегіей положенія. Я не имѣю партіи, никогда не соблазняю преимуществами и не вѣрю въ то, чтобы деньгами или чинами можно было преобразовать наше мертвое чиновничество, но, если можно как-нибудь измѣнить *систему* управленія, то я хотѣлъ бы этого.

— А я считаю, что важенъ и интересъ и система. Но послѣднее, конечно, важнѣе, и, если угодно, я скажу вамъ то, что мы, члены Правительства, уже единодушно сознаемъ; какое средство пробудитъ активность власти. Надо взяться за реконструк-

Пристань въ Омскѣ.

цію центральной и мѣстной власти. Предсѣдатель Совѣта министровъ долженъ стать помощникомъ Верховнаго Правителя по гражданской власти, съ большими полномочіями. Совѣтъ министровъ необходимо сдѣлать менѣе громоздкимъ: политику должна дѣлать небольшая и сплоченная группа лицъ. Товарищи министровъ и временные ихъ замѣстители не должны принимать участіе въ закрытыхъ засѣданіяхъ, чтобы не создавалось случайности въ голосованіи. При этимъ условіяхъ центральная гражданская власть станетъ вліятельнѣе, живѣе и рѣшительнѣе.

— Вашъ проектъ похожъ на казацкую программу, замѣтилъ мнѣ адмиралъ. Они хотятъ сдѣлать меня чѣмъ-то вродѣ императора и въ то же время требуютъ помощниковъ. „Помощникъ диктатора"— это какой-то абсурдъ. Опять начнутся безконечные разговоры Жардецкаго, Устрялова и другихъ о необходимости чистой диктатуры. А тутъ, кромѣ Совѣта министровъ, еще и помощники!

Дѣйствительно, казачья конференція предлагала создать должность помощника Верховнаго Правителя по гражданской части и сократить вдвое число министровъ. Этотъ проектъ казался мнѣ не лишеннымъ смысла, но въ немъ слѣдовали дальше совершенно непріемлемыя и очень характерныя для того времени требованія казачества: во-первыхъ, создается новая должность министра по казачьимъ дѣламъ, во-вторыхъ, этотъ министръ не назначается, а избирается конференціей, въ-третьихъ, этотъ министръ не можетъ управлять министерствомъ безъ участія конференціи, ни одинъ относящійся къ казачеству законъ не можетъ быть проведенъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ конференціи (типичный совдепъ), и, наконецъ, казачьи части выступаютъ въ походъ только подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ атамановъ (хотя бы ихъ стратегическіе таланты были ничтожны). Прочитавъ этотъ проектъ въ цѣломъ, можно было впасть въ отчаяніе безнадежности—до такой степени ясны были въ немъ личныя стремленія и политиканство группы казацкихъ дѣльцовъ. Я не удивляюсь, что многимъ приходила мысль вовсе уничтожить казачьи войска, роль которыхъ во всемъ движеніи оказалась роковою, чтобы съ корнемъ вырвать казацкое политиканство и атаманщину.

— А затѣмъ лица, продолжалъ адмиралъ: кто можетъ быть помощникомъ?

— Какъ вамъ понравился Третьяковъ? спросилъ я.

Третьяковъ только что пріѣхалъ въ Омскъ. Я видѣлъ его передъ отъѣздомъ только одинъ разъ, но у адмирала онъ провелъ

нѣсколько вечеровъ, разсказывая ему о Парижѣ и о своихъ странствованіяхъ. Онъ ѣхалъ, не спѣша, мѣсяца три, заѣзжалъ въ Пекинъ, въ Токіо. Я просилъ Сукина поторопить его, но Сукинъ удивился, зачѣмъ это: „развѣ это такъ нужно"? Сказать ему, что я разсчитываю на Третьякова, какъ на будущаго премьера, я не рѣшился.

— Третьяковъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе, отвѣтилъ адмиралъ на мой вопросъ, но, спустя минуту, прибавилъ: вотъ Пепеляевъ—это энергичный человѣкъ и понимаетъ военныя задачи.

Мы не вернулись больше къ этой темѣ. Я избѣгалъ всегда разговоровъ о личностяхъ.

Перешли къ Земскому Совѣщанію, какъ голосу населенія, нужному не для законодательства, а для отраженія мѣстныхъ настроеній, для собиранія жалобъ съ мѣстъ и разоблаченій беззаконій и произвола агентовъ.

Стали бесѣдовать о мѣстномъ управленіи. И тутъ оказалось не трудно найти общія точки зрѣнія. Прежде всего—децентрализація. При управляющихъ губерніями должны быть утверждены совѣты изъ высшихъ чиновъ губернскаго управленія, представителей самоуправленій и свѣдущихъ лицъ. Эти совѣты должны обладать властью распорядителей кредитами и правомъ изданія обязательныхъ постановленій.

Разговоръ, однако, слишкомъ затянулся. Адмиралъ спросилъ о текущихъ дѣлахъ. Онъ замѣтилъ у меня въ папкѣ коллекцію характерныхъ сѣроватыхъ листиковъ—„Приказовъ Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго".

— Зачѣмъ они у васъ?

— Знаете ли, адмиралъ, что я изъ-за вашихъ приказовъ могу попасть подъ судъ?

Онъ удивился. Между тѣмъ, дѣйствительно, меня уже просили однажды пожаловать въ частное засѣданіе перваго департамента Сената. Я былъ тамъ и получилъ указанія на несомнѣнныя формальныя и матеріальныя нарушенія законности въ приказахъ Верховнаго Правителя. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ этихъ указовъ предоставляли командующимъ войсками право помилованія лицъ, присужденныхъ къ смертной казни. Это было понято такъ, что обратиться съ просьбой о помилованіи къ Верховному Правителю запрещено. Дѣйствительно, мнѣ пришлось затѣмъ познакомиться съ этимъ на практикѣ.

Я разсказалъ адмиралу одинъ случай.

Пріѣзжаю вечеромъ въ Управленіе. Меня ждутъ просители. Подаютъ прошеніе на имя Верховнаго Правителя о помилованіи. Звоню къ директору канцеляріи и спрашиваю, какъ въ такихъ случаяхъ поступаютъ. „Адмиралъ теперь не разсматриваетъ этихъ прошеній", былъ отвѣтъ: „надо отправить прошеніе къ командующему войсками." Звоню къ командующему: „онъ сегодня уѣзжаетъ въ Томскъ, поѣздъ уходитъ черезъ полчаса". Между тѣмъ, до приведенія приговора въ исполненіе остается нѣсколько часовъ. Я требую автомобиль и ѣду на вокзалъ. Играетъ музыка. Вагонъ набитъ провожающими, но я все же проникаю туда и объясняю генералу, въ чемъ дѣло. „А! помню, помню, я уже утвердилъ приговоръ."—„Помилуйте, генералъ, вѣдь одинъ изъ осужденныхъ обвиненъ въ томъ, что убилъ съ цѣлью грабежа китайца-спекулянта. Во-первыхъ, это уголовное преступленіе, а, во-вторыхъ, осужденный несовершеннолѣтній".—„Развѣ такъ?"

Приговоръ удалось измѣнить.

Адмиралъ былъ искренне удивленъ, когда узналъ, насколько практика измѣнила смыслъ его приказа. Онъ вовсе не предполагалъ отказываться отъ разсмотрѣнія приговоровъ, а цѣлью его приказа было ускореніе помилованія въ тѣхъ случаяхъ, когда командующій самъ усматриваетъ основанія для помилованія. Вышло же такъ, что приказъ ускорилъ процедуру разстрѣловъ.

Еще больше удивленъ былъ адмиралъ, когда узналъ, что путемъ своихъ приказовъ онъ измѣнялъ дѣйствующіе законы, иногда въ противовѣсъ постановленіямъ Совѣта министровъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ приказовъ создалъ должность начальника санитарно-эвакуаціонной части. Этому начальнику присвоены были, по приказу, одновременно права командующаго отдѣльной арміей, права члена Совѣта министровъ и, наконецъ, ревизующаго сенатора. Между тѣмъ, Совѣтъ министровъ разсматривалъ и отклонилъ подобный законопроектъ.

Другой приказъ о бѣльевой повинности въ пользу арміи, который былъ скрѣпленъ и мной, исключительно для удостовѣренія подписи адмирала—приказъ присланъ былъ уже готовымъ, лишь для распубликованія,—установилъ совершенно новое наказаніе, неизвѣстное русскимъ законамъ: „высылку въ совѣтскую Россію".

Я не захватилъ съ собой въ поѣздку всѣхъ приказовъ, какъ хотѣлъ сдѣлать, но и приведенныхъ оказалось достаточно.

Адмиралъ обѣщалъ впредь не подписывать никакихъ приказовъ Верховнаго Правителя, безъ моего отзыва относительно ихъ законности.

Онъ согласился также съ тѣмъ, что ставка могла представлять ему къ подписи только приказы ,,Верховнаго Главнокомандующаго". Но формальную сторону адмиралъ обыкновенно понималъ плохо. И я видѣлъ, что и сейчасъ она казалась ему несущественной, а, между тѣмъ, всѣ эти сѣрые приказы были яркою иллюстраціею фактическаго преобладанія военной власти въ странѣ и непріемлемости неограниченной диктатуры.

Разговоръ нашъ закончился разсмотрѣніемъ одного частнаго случая изъ практики Иркутской губерніи. О немъ мнѣ сообщилъ Бутовъ. Какой-то офицеръ потребовалъ выдачи ему арестованныхъ изъ тюрьмы и разстрѣлялъ ихъ. Судебныя власти никакъ не могли получить этого офицера въ свое распоряженіе. Адмиралъ приказалъ отъ своего имени сдѣлать необходимыя распоряженія.

Каково же было мое удивленіе, когда черезъ недѣли двѣ-три я узналъ отъ Тельберга, что, къ негодованію судебныхъ властей, арестованнаго ими офицера, по распоряженію Верховнаго Правителя, *выпустили.*

Ошибся ли я самъ, по разсѣянности, когда составлялъ телеграмму, или ссовралъ мой секретарь—такъ и не удалось выяснить. Но изъ благожеланія блага не вышло. Я поступилъ неправильно, докладывая дѣло другого вѣдомства, и получилъ лишній урокъ печальныхъ недоразумѣній.

Дорожныя впечатлѣнія.

На другой день утромъ мы были въ Тарѣ. Маленькій городокъ на лѣвомъ берегу Иртыша обращалъ на себя вниманіе множествомъ колоколенъ и бѣлыми стѣнами большихъ домовъ. Въ его внѣшности сказался духъ сѣдой старины. Тобольскъ и Тара— древнѣйшія поселенія русскихъ въ Сибири.

Стояли мы въ Тарѣ недолго—задерживались лишь для того, чтобы принять телеграммы изъ Омска.

Наиболѣе интереснымъ посѣтителемъ на пароходѣ оказался бывшій министръ сѣвернаго правительства, В. И. Игнатьевъ. Я зналъ его еще по Петрограду. Его вынесли на поверхность волны революціи. Онъ проявлялъ ораторскія способности и любовь къ политической дѣятельности. Честолюбіе его всегда толкало впередъ, онъ никогда не удовлетворялся скромнымъ положеніемъ.

Изъ Архангельска онъ выѣхалъ въ августѣ и направлялся въ Омскъ.

Я представилъ его адмиралу, и онъ разсказалъ намъ много интереснаго. Въ то время, какъ русское командованіе, преслѣдуя

политическія цѣли, стремилось развивать успѣхъ, захватить территорію, съ малыми силами идти на большія дѣла, въ разсчетѣ на поддержку населенія—англичане, державшіе командованіе въ своихъ рукахъ, руководствовались соображеніями исключительно военнаго характера, укрѣплялись на узкой полосѣ, не позволяли рисковать.

Лѣтомъ 1919 года русскихъ силъ на сѣверномъ фронтѣ было уже больше, чѣмъ англійскихъ, но извѣстіе о предстоящемъ уходѣ англичанъ, подъ давленіемъ рабочей партіи, вызвало все же панику. Состоялось засѣданіе представителей общественности, и рѣшено было защищаться, но преобразовать систему управленія. Отсюда, очевидно, и возникло недовольство „Положеніемъ объ управленіи Сѣвернымъ краемъ", которое было выработано въ Омскѣ въ сентябрѣ.

Намъ стали понятны послѣднія радіо-телеграммы изъ Архангельска. Тамъ происходила борьба за парламентъ, отвѣтственное коалиціонное министерство и всѣ прочіе аттрибуты демократическаго строя, что считалось тогда наиболѣе важнымъ для борьбы съ большевизмомъ. Все это были знакомые намъ признаки упадка настроеній и вѣры въ побѣду и власть.

Распрощались съ Игнатьевымъ, взяли на пароходъ офицера-моряка, стараго сослуживца адмирала. Онъ тоже пріѣхалъ съ сѣвера и пришелъ представиться адмиралу, какъ своему старому товарищу. Тронулись дальше.

Полученныя въ Тарѣ телеграммы не принесли ничего сенсаціоннаго.

Мы выѣзжали изъ Омска подъ впечатлѣніемъ побѣдъ Деникина. Намъ казалось, что каждый день долженъ былъ приносить новую радостную вѣсть. Но на этотъ разъ ничего новаго не было. Не произошло существенныхъ перемѣнъ и на нашемъ сибирскомъ фронтѣ.

Но зато получилась сенсаціонная телеграмма относительно Дальняго Востока. Семеновъ сообщалъ, что вынужденъ ввести свои войска въ полосу отчужденія, въ виду нарушенія Китаемъ какихъ-то правъ русскихъ на служебныя помѣщенія. Мой замѣститель сообщалъ, что по этому поводу состоялось экстренное засѣданіе Совѣта министровъ, и выражалъ надежду, что инцидентъ будетъ улаженъ.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, Семеновъ давно уже затѣвалъ распространить свое вліяніе на Китайскую Восточную желѣзную дорогу, и теперь выслалъ въ Харбинъ два броневыхъ по-

ѣзда, но, встрѣтивъ противодѣйствіе и китайскихъ и русскихъ войскъ, отказался отъ своего плана, который онъ подготовлялъ давно и съ которымъ пріѣзжалъ въ Мукденъ къ всесильному въ Маньчжуріи Чжан-цзо-лину.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались на сѣверъ, погода становилась все лучше. Днемъ было такъ тепло, что, когда пароходъ останавливался для погрузки дровъ, всѣ выходили гулять.

Адмиралъ не могъ наговориться съ новымъ спутникомъ, морякомъ, подсѣвшимъ въ Тарѣ. Этотъ морякъ успѣлъ побывать въ Парижѣ и Лондонѣ и везъ съ собой письма для адмирала. Въ одной изъ посылокъ было нѣсколько брошюръ, изданныхъ въ Парижѣ въ защиту русскихъ правъ на Бессарабію. Чего только, по словамъ этой брошюры, не дѣлали румыны для того, чтобы оправдать свой захватъ! Подкупленный статистикъ подтасовалъ данныя о населеніи и доказывалъ, что молдаванъ въ Бессарабіи больше половины, тогда какъ ихъ въ дѣйствительности только 42%. Русскихъ націоналистовъ сажали въ тюрьмы и даже нѣсколькихъ разстрѣляли; всюду принудительно вводили румынскій языкъ, подвергая лишеніямъ лицъ, не знавшихъ языка, добивались „добровольнаго" принятія румынскаго подданства, подъ страхомъ конфискаціи имущества, закрыли русскій судъ, съ издѣвательствомъ надъ русскимъ правосудіемъ, сорвали памятникъ Александру II и волочили бюстъ по землѣ.

Но хорошо зарекомендовали себя и бессарабскіе „граждане". Основавъ такъ называемый Сфатулъ-цери (краевой совѣтъ), которому, какъ полагается по революціонной программѣ, присвоена была верховная власть, они, въ лицѣ своего предсѣдателя, знакомаго мнѣ по петроградскому университету, ловкаго, но довольно посредственнаго малаго, Инкульца, не замедлившаго полѣвѣть, когда произошла революція—провели присоединеніе Бессарабіи къ Румыніи. Сдѣлано это было ничтожнымъ количествомъ голосовъ, и притомъ такъ, что большинство даже не знало, какой вопросъ будетъ разсматриваться, но послѣ этого Сфатулъ-цери уже не собирался, а румыны сочли оккупацію „легализированною" голосованіемъ народнаго собранія.

Такъ гласила записка, подписанная извѣстными въ Бессарабіи дѣятелями: предводителемъ дворянства А. Крупенскимъ и кишиневскимъ городскимъ головой А. Шмидтомъ.

Адмиралъ далъ мнѣ прочесть эту записку, и, когда я разсказалъ ему ея содержаніе, онъ отвѣтилъ репликою: „всѣ эти вопросы рѣшитъ война".

Вечеромъ каютъ-кампанія вела длинную бесѣду за чашкою чая, и, въ связи съ разговорами о Россіи, одинъ изъ офицеровъ, сопровождавшихъ адмирала, подѣлился своими воспоминаніями о пребываніи на югѣ Россіи, въ періодъ національнаго самоопредѣленія.

Онъ жилъ въ Одессѣ въ то время, когда развивалась манія сепаратизма, вскормленная идеей самоопредѣленія народностей. Въ одномъ изъ номеровъ Петроградской гостиницы проживала группа офицеровъ, съ каждымъ днемъ приближавшаяся къ нищенству. Въ одинъ прекрасный день ей предложили выбираться изъ гостиницы. Почему? Она реквизирована для иностранной миссіи.

—А почему рядомъ живутъ русскіе?

—Это не русскіе, это консулъ Грузіи, а дальше миссія Азербейджана, а тамъ дальше—Латвіи.

Чортъ возьми, подумали офицеры, что же мы зѣваемъ? Судили, рядили и рѣшили объявить себя правительствомъ Бѣлоруссіи. Того, который былъ повыше да потолще, назначили предсѣдателемъ Совѣта министровъ, а того, который былъ изворотливѣе, назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Всталъ вопросъ финансовый. Какъ быть? Наши молодцы оказались съ головой. Они рѣшили устроить внѣшній заемъ. Послали посла въ Кіевъ, объявили о признаніи независимости Украйны и получили заемъ. Потомъ послали къ Деникину за поддержкой формированій. Получили и оттуда.

Дѣла шли прекрасно. Уже представитель одной изъ иностранныхъ миссій снабдилъ ихъ чекомъ, по которому они должны были получить изрядную сумму, какъ вдругъ произошло непріятное недоразумѣніе. Банкирская контора, кѣмъ-то увѣдомленная объ истинной природѣ новаго „правительства“, выдала имъ нѣкоторую сумму, но затѣмъ „потеряла“ чекъ.

Вслѣдъ за этимъ произошло еще одно недоразумѣніе. Наши молодцы рѣшили послать делегатовъ на мирную конференцію въ Парижъ, отстаивать интересы своего государства. Подали заявленіе французскому консулу. Приходятъ получать паспорта. И что же? Имъ объявляютъ, что паспорта делегатамъ Бѣлоруссіи только что выданы.

Что такое? Вѣдь мы делегаты, мы министры!

Оказалось, что существуетъ другое правительство, подлинное, которое пріѣхало изъ Минска. Вскорѣ въ газетахъ появились разоблаченія насчетъ самозваннаго правительства, денежныя выдачи были задержаны...

Исторія смѣшная. Но, кто здѣсь смѣшнѣе, трудно сказать. Она такъ характерна для всей эпохи, что съ рядомъ варіацій могла повторяться въ десяткахъ мѣстъ.

Тотъ же офицеръ разсказывалъ нѣкоторыя подробности объ извѣстной одесской эпопеѣ.

Въ одной и той же гостиницѣ живутъ два командующихъ враждебными войсками: Гришинъ-Алмазовъ, перебравшійся изъ Сибири къ Деникину и ставшій генералъ-губернаторомъ Одессы, и начальникъ украинскихъ войскъ. Войска эти были и недурны по качеству и достаточно многочисленны. Ихъ можно было использовать для борьбы съ большевизмомъ, но между двумя сосѣдними „народами", русскими и украинцами, шла распря. Украинскія войска стояли подъ Одессой, а командующій, благодаря покровительству иностранцевъ, жилъ въ самой Одессѣ, рядомъ съ Гришинымъ.

Украинцы пригласили къ себѣ французскаго генерала. Онъ съѣздилъ и остался доволенъ. Его встрѣчали съ національной музыкой, конвоями, караулами, командой „до пупа гопъ" (по-русски „на караулъ"), французъ удивлялся, откуда взялся этотъ новый культурный народъ, отчего бы не жить съ нимъ въ мирѣ.

Но, пока все это происходило, украинцы стали разбѣгаться изъ полковъ по домамъ. Большевики надвинулись и оказались подъ Одессой.

Французы бѣжали на пароходы съ такою поспѣшностью, какъ будто на Одессу надвигались неимовѣрныя полчища.

Какая иронія судьбы: какъ разъ въ то время, когда мы вспоминали это на пароходѣ, Петлюра вонзалъ ножъ въ спину деникинской арміи.

Военный планъ.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Тобольску, тѣмъ больше возрасталъ интересъ къ положенію дѣлъ на сѣверномъ участкѣ нашего фронта.

Адмиралъ объяснилъ намъ, что предполагалъ онъ застать на сѣверѣ.

Большевики, взявъ Тобольскъ, направили часть силъ противъ отошедшей къ сѣверу группы нашихъ войскъ, которая прикрывала транспортъ, шедшій съ товарами и снаряженіемъ сѣвернымъ морскимъ путемъ. Другая часть пошла на югъ къ Омску.

Когда началось октябрьское наступленіе, большевики были отогнаны изъ Тобольска по направленію къ Тюмени. Въ то же

время были посланы отряды въ догонку группѣ красныхъ, шедшихъ на Омскъ, въ разсчетѣ, что красные изберутъ кратчайшій путь на Тюмень, застрянутъ въ болотахъ и, когда выйдутъ на Тоболъ, то окажутся окруженными. „Впереди,“ говорилъ адмиралъ, „окажется главная группа нашихъ войскъ, идущая сейчасъ на Тюмень прямо изъ Тобольска, а сзади ихъ окажутся преслѣдующія ихъ войска.“

Адмиралъ явно предвкушалъ удовольствіе удачной и вѣрной операціи. Но, по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали, выяснялось, что планъ не удается. Красные не пошли по кратчайшему пути отступленія, такъ какъ онъ оказался трудно проходимымъ изъ-за болотъ и распутицы; вопреки всѣмъ ожиданіямъ, они повернули обратно на Тобольскъ и по частямъ разбивали наши небольшіе отряды, которые шли въ разсчетѣ преслѣдовать отступавшаго противника, а встрѣтили въ дѣйствительности наступавшаго. Командиръ вотнинцевъ, Юрьевъ, видя ошибку, самовольно измѣнилъ планъ и разбилъ красныхъ, но сейчасъ же былъ уволенъ. Красные продолжали наступать на Тобольскъ.

Наканунѣ нашего пріѣзда артиллерія красныхъ обстрѣливала пароходъ на Иртышѣ и гремѣла подъ самымъ Тобольскомъ. Было не безопасно и для нашего парохода. Окруженными оказались, въ концѣ концовъ, не красныя, а наши части. Подойдя опять къ Тобольску, красные, не заходя въ городъ, повернули на Тюмень и, такимъ образомъ, оказались въ тылу тѣхъ нашихъ войскъ, которыя шли по Тоболу въ тюменскомъ направленіи. Только благодаря тому, что весь водный транспортъ былъ захваченъ въ наши руки, удалось посадить войска на баржи и перевезти подъ Тобольскъ.

Въ этомъ положеніи засталъ сѣверную группу, находившуюся подъ командой генерала Рѣдько, пріѣздъ адмирала Колчака.

Адмиралъ, разсчитывавшій, повидимому, доѣхать до Тюмени, попалъ въ дѣйствительности только въ Тобольскъ, да и то находившійся въ ненадежномъ положеніи. Мы подходили къ самой линіи огня, подъ охраной блиндированнаго и вооруженнаго артиллеріей буксира, но нигдѣ не чувствовалось особеннаго подъема, и не похоже было на побѣдное настроеніе.

Фронтъ производилъ впечатлѣніе какой-то безалаберщины и пассивности командованія. Повсюду на дорогѣ мы видѣли разбросанные отряды, новобранцевъ, которые сидѣли безъ дѣла, потому что никто ихъ не перевозилъ, за отсутствіемъ якобы тран-

спорта, а между тѣмъ у Тобольска всѣ штабы размѣстились на большихъ пароходахъ, хотя въ городѣ было много свободныхъ помѣщеній.

Генералъ Рѣдько далъ плохіе отзывы рѣшительно о всѣхъ своихъ сотрудникахъ и только полковника Бардзиловскаго представилъ въ генералы, но и то послѣ производства сталъ выражать удивленіе, что такой молодой офицеръ получилъ генеральскій чинъ. А между тѣмъ этотъ Бардзиловскій сумѣлъ пробиться къ Тобольску съ Урала въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Постоянно окруженный красными, онъ пробивался и довелъ свои части, куда было приказано, не падая духомъ.

Отличное впечатлѣніе производилъ и онъ самъ и офицеры его дивизіи, выдвинувшіеся, большею частью, изъ солдатъ.

По слѣдамъ красныхъ.

У Тобольска Иртышъ такъ широкъ, что не похожъ самъ на себя. У самой рѣки, на низкомъ берегу—главная часть города, позади крутая возвышенность, и на ней бѣлѣютъ стѣны кремля, и блестятъ маковки церквей. Тамъ находится большая часть оффиціальныхъ учрежденій и садъ съ памятникомъ Ермаку. Всюду глубокая старина и патріархальность. Въ церкви, что на берегу, посреди татарскаго базара, интересная историческая надпись о томъ, какъ храмъ этотъ сооружали въ самомъ нечестивомъ мѣстѣ, и какъ татары хотѣли помѣшать этому, но „побѣдило православіе".

Въ кремль ведетъ высокая и крутая лѣстница. Подымаемся. Передъ нами богомольная старушка, а навстрѣчу спускается пьяный офицеръ. Онъ беретъ старушку за подбородокъ и говоритъ ей: „иди, иди, старушенція, выпей."

Пьяныхъ офицеровъ было, вообще, много.

А, между тѣмъ, о красныхъ никто дурно не отзывается. Разстрѣляли двухъ: одного за организацію противосовѣтскаго отряда, другого, еврея-„буржуя", за защиту своей собственности. Въ городѣ поддерживался порядокъ, пьяныхъ не было. Когда уходили, увезли мѣха, городскую кассу и пожарный обозъ, но никого не грабили.

Въ музеѣ мы нашли комплектъ совѣтскихъ газетъ за періодъ пребыванія большевиковъ въ Тобольскѣ. Видно было, что газеты шаблонны и заготовлены заранѣе. Въ нихъ разъяснялись задачи совѣтской власти, приводились біографіи выдающихся со-

вѣтскихъ вождей, въ частности, командующихъ, давались указанія о необходимости уважать кооперацію, подымать производительность крестьянскаго хозяйства и т. д. Все было разсчитано на завоеваніе симпатій населенія. Мотивы новые, незнакомые, не похожіе на прежнихъ большевиковъ.

Среди героевъ революціи и красной арміи особенно восхвалялся командующій красной дивизіей, „товарищъ“ Мрочковскій. Судя по газетѣ, этотъ рабочій обладалъ необычайными способностями и желѣзной волей. Одного взгляда на плѣннаго бѣлогвардейца было ему достаточно, чтобы опредѣлить, подлежитъ ли бѣлогвардеецъ разстрѣлу, или можетъ быть принятъ на службу. Дисциплина у него строгая. Въ его дивизіи каждый знаетъ, что за малѣйшую провинность будетъ отвѣчать. Мы раньше не разъ встрѣчали фамилію Мрочковскаго въ военныхъ сводкахъ. Возможно, что эта характеристика не отличалась преувеличеніемъ.

Другой совѣтскій „генералъ“, Блюхеръ—тоже изъ рабочихъ. О немъ мы много разъ слыхали въ пути. Крестьяне разсказывали, что всегда при трудныхъ обстоятельствахъ красные говорили о Блюхерѣ: „онъ выручитъ“, „онъ насъ не выдастъ“. И, дѣйствительно, выручалъ.

Наиболѣе интереснымъ въ газетахъ было, однако, интервью преосвященнаго Иринарха. О немъ говорилъ весь городъ, который, кстати сказать, представлялся вымершимъ: такъ мало было въ немъ народа послѣ эвакуаціи всѣхъ правительственныхъ учрежденій.

Архіерея посѣтила еврейка и бесѣдовала съ нимъ объ отношеніи совѣтской власти къ церкви и объ его впечатлѣніяхъ о большевикахъ. Онъ отзывался о нихъ хорошо. Сказалъ, что удивленъ порядкомъ и доброю нравственностью, что онъ считаетъ Омскъ Вавилономъ, и что колчаковцы вели себя много хуже, чѣмъ красные. Преосвященный, въ свою очередь, посѣтилъ совдепъ. Ему показали изданія классиковъ для народа, и онъ пришелъ въ восторгъ. Далѣе выяснилось, что все церковное имущество останется неприкосновеннымъ, но только церковь не можетъ разсчитывать на содержаніе отъ казны. Архіерей былъ доволенъ.

Теперь онъ встрѣтилъ адмирала Колчака съ иконою и рѣчью на тему: „духъ добра побѣждаетъ духъ зла.“

Адмиралъ заходилъ въ покои епископа. У крыльца его выхода ждала небольшая группа любопытныхъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Никакого воодушевленія въ городѣ не было.

Впечатлѣнія на остановкахъ.

По пути нѣсколько разъ останавливались. Были смотры, раздачи наградъ и подарковъ, пріемъ депутацій.

Татары всѣ сплошь были настроены противъ большевиковъ. Была трогательна картина, когда въ одной деревнѣ депутація татаръ поднесла Колчаку гусей—лучшее, что она могла дать.

Русскіе крестьяне выходили къ пароходу въ надеждѣ купить спички, мыло и др. необходимыя вещи въ обмѣнъ на яйца, масло, картошку. Денегъ они не хотѣли. Они не выражали никакого озлобленія по адресу большевиковъ и откровенно говорили, что „воевать охоты нѣтъ".

Военныя части производили хорошее впечатлѣніе. Настроеніе бодрое, одѣты удовлетворительно. Генералъ Бардзиловскій сознался, что онъ задержалъ для своихъ солдатъ транспортъ съ нѣсколькими тысячами полушубковъ, эвакуировавшійся изъ Тюмени.

Тутъ же отмѣчу, что, несмотря на это, лишь только мы вернулись въ Омскъ изъ Тобольска, была получена телеграмма съ жалобою на недостатокъ теплаго обмундированія. Куда же оно дѣвалось?

Больше всего меня поразила во время этихъ остановокъ какая-то дѣланность и холодность адмирала при встрѣчахъ съ солдатами. Смотры на берегахъ Иртыша напоминали городскіе парады, когда генералъ скорымъ маршемъ обходитъ ряды, и громкое „здра-жела" не выражаетъ никакихъ чувствъ. Ни одной задушевной бесѣды, ни одного простого ласковаго слова.

Однажды адмиралъ, узнавъ, что на берегу стоятъ воткинцы, пожелалъ поговорить съ ними. Онъ приказалъ имъ окружить его кольцомъ, оставивъ ряды.

Что же онъ сказалъ имъ?

— Воткинцы! Я долженъ сказать вамъ откровенно, что въ послѣднее время ваша былая слава померкла. Я давно не слыхалъ о вашемъ участіи въ бояхъ. Между тѣмъ ижевцы, ваши родные братья, за послѣднее время участвовали въ рядѣ боевъ и показали такую доблесть, что я везу имъ георгіевское знамя. Я хотѣлъ бы, чтобы и вы не отставали отъ нихъ.

Воткинцы кричали: ура! Одинъ пожилой мужичокъ упалъ на колѣни, выражая восторгъ, что видитъ Верховнаго Правителя. Адмиралу это очень не понравилось, онъ насупился и поспѣшилъ уйти, сказавъ: „встаньте, я такой же человѣкъ, какъ и вы".

— Нѣтъ, вы Верховный Правитель.

Освѣды.

Томительно было возвращеніе обратно въ Омскъ. Поѣздка не дала никакихъ сильныхъ впечатлѣній. Побѣдъ не оказалось. Извѣстія изъ Омска ничего радостнаго не приносили. Утѣшались мы только тѣмъ, что вездѣ наблюдали бодрое настроеніе и, казалось, достаточную стойкость войскъ.

Я везъ съ собой въ Тобольскъ большую партію изданій Русскаго Общества печати. Офицеры и солдаты съ жадностью набрасывались на литературу и газеты. Они совершенно не представляли себѣ, что дѣлается на свѣтѣ: гдѣ Деникинъ, гдѣ Юденичъ, что думаетъ дѣлать Правительство.

Въ Омскѣ существовало безчисленное количество освѣдомительныхъ организацій: Освѣдверхъ (при ставкѣ), Освѣдфронтъ, Освѣдказакъ, Освѣдармъ—все это военныя организаціи, въ которыхъ находили себѣ убѣжище многочисленные офицеры и призванные чиновники. Одинъ извѣстный въ Сибири профессоръ записался въ добровольцы. Его провожали молебнами и напутственными рѣчами. Черезъ недѣлю онъ оказался въ „Освѣдказакѣ.“

Организаціи эти требовали громадныхъ ассигнованій. Какъ онѣ расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство изъ нихъ работало впустую—это фактъ. На всемъ пути отъ Омска до Тобольска мы не нашли никакихъ слѣдовъ работы центра. Войска обслуживались своими *мѣстными* изданіями. Въ этомъ отношеніи особенно удачно работалъ „Освѣдармъ 3“.

Помимо военныхъ организацій, существовала гражданская, „вольная“—Бюро печати. Основано оно было, какъ акціонерное предпріятіе, причемъ большая часть акцій принадлежала казнѣ. Тѣмъ не менѣе, работники Бюро печати считали себя независимыми и поэтому не считали, что ихъ общественное достоинство испытываетъ какой-либо ущербъ. „Казенными“ литераторами они не хотѣли быть.

Это предубѣжденіе казалось мнѣ не больше, какъ вреднымъ предразсудкомъ. Нежеланіе идти на казенную службу и спокойное существованіе на казенныя средства, но подъ видомъ общественныхъ дѣятелей—это одно изъ золъ русской дѣйствительности.

Однако, я не считалъ нужнымъ посягать на свободу Бюро печати. Оно работало съ большой энергіей, и успѣхи его были очевидны. Издававшаяся имъ маленькая „Наша Газета“ расходилась въ 20 тысячахъ экземплярахъ. Печаталось множество плакатовъ, листовокъ, брошюръ.

Но всего этого было мало. Бюро завело плакатный вѣстникъ: краткія освѣдомительныя телеграммы, которыя разсылались повсюду, гдѣ только были телеграфныя конторы. Но плакаты оставались извѣстными только телеграфистамъ. Въ Тарѣ я убѣдился въ этомъ. То же самое происходило и въ остальной Сибири. Генералъ Будбергъ прислалъ мнѣ телеграмму съ дороги: „медленно подвигаясь на Востокъ, убѣждаюсь всюду въ полномъ отсутствіи освѣдомленности". Плакатный вѣстникъ не вывѣшивался даже на станціяхъ.

Мы стали собирать въ Омскѣ прочитанныя газеты. На фронтѣ больше вѣрили свободной печати. Но я не увѣренъ въ томъ, что газеты развозились. Верховный Правитель разсказывалъ, что въ Ишимѣ онъ наблюдалъ полную неосвѣдомленность даже въ лазаретахъ.

Чиновники изъ „Особаго Отдѣла" работали живѣе, чѣмъ Бюро печати, въ смыслѣ организаціи освѣдомленія на мѣстахъ. Они разъѣзжали въ вагонахъ-читальняхъ, ѣздили на фронтъ, собирали книги и газеты. Правда, директоръ Бюро печати, А. К. Клафтонъ, жаловался, что военныя власти, не зная Бюро печати—„что это за „частная" организація"?—чинили препятствія его агентамъ.

Бюро печати, повторяю, работало по совѣсти. Его литература, плакаты, агитаціонная дѣятельность развивались съ каждымъ днемъ. Слабая сторона была только въ распространительной части.

Зато истиннымъ бѣдствіемъ было безконечное размноженіе „освѣдовъ". Не успѣли назначить генерала Лебедева командующимъ южной группой, у него сейчасъ появился свой „освѣдъ", получилъ онъ—сейчасъ же потянулась казачья конференція: подавай ей десятокъ милліоновъ. Происходила какая-то вакханалія. „Атаманство" проникло во всѣ поры жизни. Появились атаманы санитарнаго дѣла, атаманы освѣдомленія и т. д. Каждый старался урвать себѣ власть и кредиты.

Когда мы ѣхали изъ Тобольска и разсматривали агитаціонные листки, составленные большевиками, мы обратили вниманіе прежде всего на художественныя ихъ достоинства, значительно превосходившія наши: каррикатуры были исполнены очень искусно.

Воспользовавшись случаемъ, я разсказалъ адмиралу, какъ обстоитъ у насъ организаціонная сторона освѣдомительнаго дѣла.

Впервые узнавъ отъ меня нѣкоторыя подробности, адмиралъ обѣщалъ, по возвращеніи въ Омскъ, закрыть всѣ многочисленные освѣды, объединивъ ихъ въ одну организацію, чтобы съэкономить

средства, сократить число служащихъ и устранить постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ. Плакатъ, изображавшій солдата, рвущагося въ бой съ красными, былъ изданъ, съ разными варіантами, сразу пятью освѣдами и до того набилъ оскомину, что производилъ впечатлѣніе противоположное тому, на которое былъ разсчитанъ.

Среди военныхъ оказался одинъ человѣкъ большихъ организаторскихъ способностей, полковникъ Клерже. Онъ далъ дѣлу освѣдомленія большой размахъ. Его почему-то уволили. Интриги, личная зависть, честолюбіе развивались съ такою діавольскою силою, что было невозможно работать. Совсѣмъ, какъ гидра, у которой, на мѣсто одной отрубленной головы, выростало семь новыхъ.

Адмиралъ.

За эту поѣздку я впервые получилъ возможность ближе узнать адмирала. Что это за человѣкъ, которому выпала такая исключительная роль? Онъ добръ и въ то же время суровъ; отзывчивъ—и въ то же время стѣсняется человѣческихъ чувствъ, скрываетъ мягкость души напускною суровостью. Онъ проявляетъ нетерпѣливость, упрямство, выходитъ изъ себя, грозитъ —и потомъ остываетъ, дѣлается уступчивымъ, разводитъ безнадежно руками. Онъ рвется къ народу, къ солдатамъ, а когда видитъ ихъ, не знаетъ, что имъ сказать.

Десять дней мы провели на одномъ пароходѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ по каютамъ и за общимъ столомъ каютъ-компаніи. Я видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ уходилъ адмиралъ къ себѣ въ каюту читать книги, и я понялъ, что онъ прежде всего *морякъ* по привычкамъ. Вождь арміи и вождь флота—люди совершенно различные. Бонапартъ не можетъ появиться среди моряковъ.

Корабль воспитываетъ привычку къ комфорту и уединенію каюты. Въ каютѣ раждаются мысли, составляются планы, вынашиваются рѣшенія, обогащаются знанія. Адмиралъ командуетъ флотомъ изъ каюты, не чувствуя людей, играя кораблями.

Теперь адмиралъ сталъ командующимъ на сушѣ. Арміи, какъ корабли, должны были заходить съ фланговъ, поворачиваться, стоять на мѣстѣ, и адмиралъ искренне удивлялся, когда такой корабль, какъ казачій корпусъ, вдругъ поворачивалъ не туда, куда нужно, или дольше, чѣмъ слѣдовало, стоялъ на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ въ этихъ сухопутныхъ операціяхъ гражданской войны, гдѣ психологія значила больше, чѣмъ что-ли-

бо другое. Оттого, когда онъ видѣлъ генерала, онъ сейчасъ хватался за него, какъ за якорь спасенія. Каждый генералъ, кто бы онъ ни былъ, казался ему авторитетомъ. Никакой министръ не могъ представляться ему выше по значенію, чѣмъ генералъ.

И когда адмиралъ, объясняя намъ тобольскую операцію, удивлялся, почему она не удалась, и покорно слушалъ докладъ генерала Рѣдько, удалившаго героя Воткинскаго завода, полковника Юрьева, за то, что онъ безъ разрѣшенія побѣдилъ — я понялъ, что Верховнаго Главнокомандующаго нѣтъ.

Что же читалъ адмиралъ? Онъ взялъ съ собою много книгъ. Я замѣтилъ среди нихъ „Историческій Вѣстникъ“. Онъ читалъ его, повидимому, съ увлеченіемъ. Но особенно занимали его въ эту поѣздку „Протоколы сіонскихъ мудрецовъ“. Ими онъ прямо зачитывался. Нѣсколько разъ онъ возвращался къ нимъ въ общихъ бесѣдахъ, и голова его была полна антимасонскихъ настроеній. Онъ уже готовъ былъ видѣть масоновъ и среди окружающихъ, и въ Директоріи, и среди членовъ иностранныхъ миссій.

Еще одна черта обнаруживалась въ этой непосредственности воспріятія новой книжки. Адмиралъ былъ *политически наивнымъ* человѣкомъ. Онъ не понималъ сложности политическаго устройства, роли политическихъ партій, игры честолюбій, какъ факторовъ государственной жизни. Ему было совершенно недоступно и чуждо соотношеніе отдѣльныхъ органовъ управленія, и потому онъ вносилъ въ ихъ дѣятельность сумбуръ и путаницу, поручая одно и то же дѣло то одному, то другому. Достаточно сказать, что переписка съ Деникинымъ по политическимъ вопросамъ велась сразу въ трехъ учрежденіяхъ: ставкѣ, министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и Управленіи дѣлами. Увы! Приходится сказать, что не было у насъ и Верховнаго Правителя. Адмиралъ былъ, по своему положенію, головою государственной власти. Въ ней все объединялось, все сходилось, но оттуда не шло по всѣмъ направленіямъ единой руководящей воли. Голова воспринимала, соглашалась, или отрицала, иногда диктовала свое, но никогда она не жила одною общею жизнью со всѣмъ организмомъ, не служила ея единымъ мозгомъ.

Но, если адмиралъ былъ неудачнымъ полководцемъ и политикомъ, то зато, какъ обладатель морскихъ и техническихъ знаній, онъ былъ выдающимся. Въ своей спеціальной области онъ обнаруживалъ рѣдкое богатство эрудиціи. Онъ весь преображался, когда рѣчь заходила о знакомыхъ ему вопросахъ, и говорилъ много и увлекательно. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ обаятеленъ. Мно-

го юмора, наблюдательности, огромный и разнообразный запасъ впечатлѣній—все сверкало, искрилось въ его рѣчи въ эти минуты задушевной и простой бесѣды. И въ это время чувствовалось, что этотъ человѣкъ могъ оправдать надежды, что не напрасно онъ поднялся на такую высоту.

Будь жизнь нѣсколько спокойнѣе, будь его сотрудники немного болѣе подготовленными — онъ вникъ бы въ сущность управленія, понялъ бы жизнь государственнаго механизма, какъ онъ понималъ механизмы завода и корабля, единство всѣхъ частей, ихъ взаимное соотношеніе, ихъ стройность.

Но въ такое время, когда всѣ были неподготовлены, когда никто даже изъ лучшихъ профессіональныхъ политиковъ не сумѣлъ найти методовъ успокоенія революціонной стихіи—какъ могъ справиться съ нею тотъ, кто всю жизнь учился быть хозяиномъ не на сушѣ и въ огнѣ битвъ, а лишь на морѣ и въ царствѣ льдовъ, кто провелъ большую часть жизни не на широкомъ общественномъ просторѣ, а въ тѣсной и уединенной каютѣ!

Адмиралъ въ кругу близкихъ людей былъ удивительно простъ, обходителенъ и милъ. Но, когда онъ одѣвался, чтобы выйти оффиціально, онъ сразу становился другимъ: замкнутымъ, сухимъ, суровымъ. Не показываетъ ли это, что роль Верховнаго Правителя была навязана ему искусственно, что изображалъ онъ эту роль дѣланно, неестественно. Весь этикетъ, который создали вокругъ него свита и церемоніймейстеры, былъ не по душѣ человѣку, который привыкъ къ солдатской рубахѣ и парѣ офицерскихъ ботфортъ.

Рѣдкій по искренности патріотъ, прямой, честный, не умѣющій слукавить, умный по натурѣ, чуткій, темпераментный, но человѣкъ корабельной каюты, не привыкшій управлять живыми существами, наивный въ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ — вотъ какимъ представлялся мнѣ адмиралъ Колчакъ послѣ нашей поѣздки въ Тобольскъ. Я одновременно полюбилъ его и потерялъ въ него вѣру. Какую отвѣтственность взяли на себя люди, которые въ ночь на 18 ноября 1918 года рѣшили выдвинуть адмирала на мѣсто Директоріи!

Практика усмиреній.

Узнавъ о предстоящемъ проѣздѣ адмирала, люди, имѣвшіе жалобы, сосредоточились въ Тарѣ, какъ уѣздномъ городѣ, котораго нельзя было миновать.

Въ Тарскомъ уѣздѣ происходили большія возстанія. Какъ всегда, начинали ихъ новоселы, но, по мѣрѣ развитія возстанія, къ нему присоединялись и другіе. Виною этого былъ характеръ подавленія возстанія. Въ уѣздѣ работали большевики, несомнѣнно, подъ руководствомъ и на средства тайныхъ организацій въ Омскѣ, Тарѣ и другихъ городахъ. Крестьянъ сбивали съ толку. До какой степени неразборчивы были агитаторы въ средствахъ, можетъ показать одна прокламація, имѣвшая успѣхъ на Енисеѣ. Одинъ изъ предводителей повстанцевъ, Щетинкинъ, бывшій офицеръ, по происхожденію крестьянинъ, по убѣжденіямъ не большевикъ, а большевиствующій, увлекшійся революціонной карьерой—объявилъ крестьянамъ, что на Дальнемъ Востокѣ уже выступилъ великій князь Михаилъ Александровичъ, что онъ назначилъ Ленина и Троцкаго своими первыми министрами, что Семеновъ къ нему присоединился, и осталось только разбить Колчака.

Не думаю, чтобы эта прокламація, текстъ которой былъ сообщенъ Управленію, была городской выдумкой, апокрифомъ. Какая же каша должна была быть въ головахъ крестьянъ, которымъ Ленина и Троцкаго представляли министрами великаго князя?

Что въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ чуть ли не половина крестьянъ считала власть Колчака давно павшей—это фактъ, многократно подтверждавшійся корреспонденціями съ мѣстъ.

И въ Тарскомъ уѣздѣ, пользуясь неосвѣдомленностью населенія, подкупая учителей и старостъ, пользуясь услугами кооператоровъ и нанимая своихъ агитаторовъ, большевики мутили народъ. И вотъ въ это темное царство являлась карательная экспедиція. Крестьянъ сѣкли, обирали, оскорбляли ихъ гражданское достоинство, разоряли. Среди ста наказанныхъ и обиженныхъ, быть можетъ, попадался одинъ виновный. Но, послѣ проѣзда экспедиціи, врагами Омскаго Правительства становились всѣ поголовно.

Въ Тарскомъ уѣздѣ усмиряли поляки. По удостовѣренію уѣздныхъ властей, они грабили безсовѣстно. Когда послѣ поляковъ пришелъ отрядъ подъ командой русскаго полковника Франка, который не допускалъ никакихъ насилій, крестьяне не вѣрили, что это полковникъ колчаковскихъ войскъ.

Обыкновенно русскія части вели себя не лучше поляковъ или чеховъ. Правда, послѣдніе допускали иногда невозможныя издѣвательства. Такъ, напримѣръ, у города Камня на Алтаѣ былъ такой случай. Спасаясь отъ большевиковъ, населеніе собралось къ рѣкѣ съ послѣдними пожитками, чтобы уѣхать на пароходѣ. Пришелъ пароходъ. На немъ оказался польскій отрядъ изъ Новони-

колаевска, гдѣ находился польскій штабъ. Подошелъ къ берегу, началъ грузить вещи. Захвативъ вещи и не принявъ ни одного пассажира, отправился обратно.

Вотъ нравы періода гражданской войны.

Что же происходило въ Тарскомъ уѣздѣ ко времени нашего пріѣзда, т. е. въ половинѣ октября?

Со стороны все казалось очень спокойнымъ, мирнымъ. Но вотъ мы въ Тарѣ. Мнѣ докладываютъ, что начальникъ уѣздной милиціи проситъ принять его незамѣтно. Я прохожу въ каюту моего секретаря и тамъ принимаю. Начальникъ милиціи разсказываетъ, что военныя власти вытворяютъ нѣчто невозможное, что они терроризировали всѣхъ, и милиціонеры бросаютъ службу и убѣгаютъ, что хочетъ убѣжать и онъ, потому что населеніе возбуждено и будетъ мстить всѣмъ безъ разбора.

Вотъ оно, наружное спокойствіе!

Наканунѣ возвращенія.

Адмиралъ отложилъ подъ конецъ бесѣду со мною по двумъ важнымъ вопросамъ: о Государственномъ Совѣщаніи и объ инструкціи Деникину по земельному вопросу.

Онъ не забылъ объ этомъ, и послѣ Тары самъ пригласилъ меня, чтобы закончить эти дѣла.

Онъ внимательно прочелъ проектъ Положенія о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи, просилъ разъяснить нѣкоторыя положенія, спрашивая меня, какія существовали мнѣнія по разнымъ вопросамъ, и, въ общемъ, одобрилъ проектъ. Мнѣ, однако, не нравилась такая упрощенная система докладовъ, потому что тотъ, кто докладывалъ, невольно освѣщалъ вопросъ со своей точки зрѣнія, и я просилъ адмирала, когда Положеніе совсѣмъ будетъ готово, разсмотрѣть его при участіи всего Совѣта министровъ.

Второй вопросъ оказался труднѣе. Адмиралъ началъ возражать противъ составленной мной телеграммы, находя, что я недостаточно ясно выразилъ его точку зрѣнія на необходимость установленія частной собственности и охраны культурныхъ и промышленныхъ хозяйствъ. Нѣкоторыя его замѣчанія были очень похожи на то, что говорилъ въ Совѣтѣ министровъ, наканунѣ отъѣзда моего въ Тобольскъ, пріѣхавшій съ юга Третьяковъ. Онъ былъ у адмирала нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ и могъ развить тамъ свои мысли.

Въ земельномъ вопросѣ я рѣшилъ всѣми силами проводить свою точку зрѣнія и убѣдилъ адмирала, что всякія оговорки толь-

ко затемняютъ смыслъ основной цѣли: охранить землепользованіе въ томъ его видѣ, какъ его создала революція, и не допустить ни одного дѣйствія, которое дало бы возможность крестьянамъ отнестись къ новой власти, какъ защитницѣ помѣщичьихъ интересовъ.

Редакція была установлена, и телеграмма закончена была теплыми пожеланіями генералу Деникину, чтобы Богъ помогъ ему счастливо завершить тяжелую борьбу.

—Неважно обстоятъ наши дѣла, сказалъ послѣ этого адмиралъ,—именно наши, здѣсь, на сибирскомъ фронтѣ. Я увѣренъ, что, чѣмъ лучше будетъ у Деникина, тѣмъ хуже придется намъ. Большевики ринутся въ Сибирь.

Я не былъ согласенъ съ этимъ и увѣрялъ, что большевики, потерявъ Москву, неизбѣжно потерпѣли бы крахъ. Правительство, какъ растеніе, пускаетъ корни тамъ, гдѣ оно работаетъ, и, перенесенное на новое мѣсто, оно неизбѣжно увядаетъ, если ему не дадутъ времени окрѣпнуть.

—Меня пугаетъ другое, сказалъ я: движеніе Деникина не похоже сейчасъ на побѣдное шествіе, гдѣ населеніе готовитъ побѣду раньше, чѣмъ приходитъ побѣдитель. Онъ *завоевываетъ* страну—значитъ, большевики сильны, крестьяне равнодушны, и я больше всего боюсь того момента, когда будетъ взята Москва. Внутреннихъ противорѣчій еще слишкомъ много, и, когда будутъ брать Москву, развалится тылъ. Безразличіе, а иногда и прямое недовѣріе со стороны населенія—вотъ самый опасный нашъ врагъ, который сильнѣе и эсеровскихъ интригъ, и равнодушной медлительности союзниковъ, и измѣны чеховъ.

Мы пошли пить чай. Стали вспоминать Омскъ. Путешествіе казалось слишкомъ длиннымъ. Всѣ ждали Омска, какъ чего-то родного, и невольно говорили о немъ. Но всегда въ разговорахъ объ Омскѣ онъ рисовался захолустьемъ, со своеобразною примитивною дикостью, отъ которой никакъ нельзя было избавиться.

Адмиралъ разсказалъ нѣсколько неизвѣстныхъ намъ происшествій.

Однажды къ нему на квартиру звонятъ и спрашиваютъ, скоро ли пришлютъ отъ адмирала лошадь купца Н. Чужой лошади у адмирала не было. Оказалось, что какой-то предпріимчивый молодой человѣкъ отправился къ этому купцу и отъ имени адмирала попросилъ лошадь. Ему дали, и онъ исчезъ съ нею.

Другой разъ въ томъ же порядкѣ былъ взятъ экипажъ для свадьбы.

Сельско-хозяйственное училище въ Омскѣ (мѣсто заключенія Директоріи, впослѣдствіи американскій лазаретъ).

—Вообще, моимъ именемъ творится много безобразій, сказалъ съ грустной улыбкой адмиралъ, и я безсиленъ бороться съ этимъ.

—Вотъ, напримѣръ, прибавилъ онъ, еще передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ въ Тобольскъ произошелъ слѣдующій случай. Уѣзжалъ генералъ Головинъ, которому требовалось серьезное лѣченіе. Я приказалъ дать ему двухъ конвоировъ и оставить для нихъ мѣста въ экспрессѣ. Пріѣзжаетъ онъ на вокзалъ и къ ужасу своему узнаетъ, что ревнивые исполнители моего приказа выбрасываютъ изъ вагона вещи сосѣдей генерала, чтобы очистить мѣста конвоирамъ. Что могъ подумать генералъ обо мнѣ, если бы онъ не зналъ, что я тутъ не при чемъ.

Въ этотъ вечеръ мы говорили еще объ Юденичѣ, о трудности взять Петроградъ безъ помощи Финляндіи и Эстоніи, и я еще разъ выразилъ свою мысль, что первою цѣлью должно быть сверженіе большевиковъ и уже второю собираніе Руси, но адмиралъ и морской министръ Смирновъ и слушать не хотѣли о какомъ-либо признаніи Эстоніи. Въ вопросѣ о новообразованныхъ государствахъ я занималъ позицію, совершенно чуждую политикѣ адмирала и Сукина.

Опять въ Омскѣ.

Пріятнымъ сюрпризомъ, который ожидалъ насъ, по возвращеніи изъ Тобольска, были большіе успѣхи у Деникина и на семирѣченскомъ фронтѣ. Радіо Деникина сообщало о взятіи Орла и движеніи въ тульскомъ направленіи. Юденичъ подступаетъ къ Петрограду, но зато на нашемъ фронтѣ ничего утѣшительнаго. Противникъ усилился и начинаетъ переходить въ наступленіе.

Адмирала встрѣтили генералъ Дитерихсъ и П. В. Вологодскій. Первое, что они предложили къ подписи адмирала, было привѣтствіе президенту Массарику, по случаю пятилѣтней годовщины созданія чехо-словацкой національной арміи, происшедшаго въ Кіевѣ, гдѣ освящено было знамя первой чехо-словацкой дружины. „Дружное сотрудничество и создавшееся нынѣ полное взаимное пониманіе русскихъ и чехо-словацкихъ народныхъ интересовъ и совмѣстная борьба наша противъ большевиковъ должны завершиться установленіемъ навсегда культурно-экономическихъ связей братскихъ народовъ“—такъ говорило привѣтствіе, посланное профессору Массарику.

Глава XXIII.

Послѣдняя ставка.

Деникинъ шелъ въ тульскомъ направленіи. Въ Орлѣ его войска были встрѣчены пѣніемъ „Христосъ Воскресе“. Въ этихъ радостныхъ для христіанина звукахъ, въ этихъ сильныхъ, ободряющихъ словахъ вылилась вся смертная тоска, которую переживали люди при большевизмѣ.

Пришли также извѣстія о побѣдѣ на семирѣченскомъ фронтѣ.

Красные сѣверной группы семирѣченскаго фронта, общей численностью до 33.000 человѣкъ, занимали, между прочимъ, сильно укрѣпленный районъ Черкасское—Петропавловское—Антоновка, имѣя тамъ до 9000 штыковъ.

Окруженные нашими частями и поставленные рѣшительными ихъ дѣйствіями въ безвыходное положеніе, красные предложили начальнику партизанской дивизіи, полковнику Анненкову, начать мирные переговоры, на что со стороны полковника Анненкова послѣдовалъ отвѣтъ, что разговора о мирѣ быть не можетъ, а можетъ быть лишь сдача красными всего ихъ оружія; красные не согласились. Нашими частями возобновлены были военныя дѣйствія съ еще большей силой, послѣ чего добровольно сдалось 3 роты красныхъ полностью, съ командньимъ составомъ во главѣ. Остальныя части красныхъ, оставшіяся въ укрѣпленіяхъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ продолжали оборону. Но энергичнымъ порывомъ нашихъ частей упорство красныхъ было сломлено, и сильно укрѣпленный районъ Черкасское—Петропавловское—Антоновка былъ взятъ. Наши трофеи: до 5000 плѣнныхъ, 5000 винтовокъ, 5 орудій, 4 пулемета, знамя, телефонное имущество, шанцевой инструментъ и другое имущество.

Атаманъ Анненковъ.

Герой побѣды на семирѣченскомъ фронтѣ—типичный представитель удалой казацкой вольницы.

При большевикахъ онъ похитилъ въ Омскѣ знамя Ермака и собралъ цѣлый отрядъ. Первое полугодіе 1918 года онъ провелъ въ станицахъ подъ Омскомъ, постоянно тревожа большевиковъ и оставаясь неуловимымъ. Ему помогала омская буржуазія.

Произошелъ переворотъ, Анненковъ не отдалъ знамени Ермака. Кругъ требовалъ, онъ не отдавалъ, пока не воздѣйствовали на ослушника, срамя его въ казачьемъ органѣ „Иртышъ".

Когда свергли Директорію, онъ колебался, признать, или нѣтъ, адмирала Колчака, но ему было заявлено, что отрядъ больше не будетъ получать частной поддержки.

Анненковъ покорился, призналъ, но только на словахъ. Онъ засѣлъ въ Семипалатинскѣ, а въ Омскѣ имѣлъ канцелярію для вербовки добровольцевъ. Въ Семипалатинскѣ онъ облагалъ буржуевъ „добровольными взносами" и собиралъ довольно значительныя суммы.

Анненковцы носили особую форму. У нихъ висѣли за спиною ярко-красные башлыки. Они выдѣлялись изъ всѣхъ военныхъ; ихъ принимали за конвой адмирала. Въ дѣйствительности конвой Колчака носилъ обычную для Омска форму англійскаго образца.

Нѣсколько разъ Анненкова требовали съ его частями на фронтъ, но онъ всегда находилъ предлогъ уклониться, ссылаясь на предстоящее наступленіе или угрозы красныхъ.

Чьимъ атаманомъ онъ былъ, сказать трудно: не сибирскихъ казаковъ, избравшихъ Иванова-Ринова, и не семирѣченскихъ, избравшихъ, къ обидѣ Анненкова, не его, а генерала Іонова. Но онъ былъ атаманомъ, этого никто не отрицалъ. Онъ былъ, дѣйствительно, атаманомъ по своему независимому положенію, по типу, однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ атамановъ, которые составляли въ совокупности царство атаманщины, оказавшейся сильнѣе всякой другой власти въ Сибири.

Почему-то всегда подчиненные атамановъ оказывались монархистами. Именно они распѣвали всюду „Боже, царя храни" и пороли всѣхъ, кто отрекался отъ монархизма. Говорятъ, что, когда небольшая часть анненковцевъ прибыла на Уралъ, на заводы, то она ускорила побѣду большевиковъ. Рабочіе быстро перешли на сторону послѣднихъ.

Можно, однако, съ увѣренностью сказать, что монархистами анненковцы, красильниковцы и другіе послѣдователи атаманщины являлись только потому, что не было монархіи. Имъ всегда больше нравится та власть, которой нѣтъ. Если бы воцарился въ Сибири или Россіи монархъ, то не было бы удивительно, если бы

они провозгласили республику и облагали населеніе „добровольными“ сборами на защиту республиканскихъ идей.

Но, составляя вольницу своенравную и непокорную, такіе отряды, какъ анненковскій, сохраняются дольше другихъ. Они обживаются въ одномъ мѣстѣ, знаютъ всѣ тропинки, всѣ выходы и закоулки въ лѣсахъ, долины и ущелья въ горахъ. Они связаны дисциплиной, основанной на чувствѣ самосохраненія, какъ было у запорожцевъ. Это возродившаяся „Запорожская Сѣчь“.

Генералъ Щербаковъ, котораго адмиралъ посылалъ въ Семирѣчье ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, докладывалъ Совѣту министровъ, что Анненковъ—разумный и законопослушный человѣкъ, но что онъ не можетъ признавать авторитета гражданскихъ властей, потому что онѣ безпомощны, а его, Анненкова, населеніе слушается. Представители же семирѣченскихъ крестьянъ говорили въ Омскѣ, что Анненковъ и его отрядъ—гроза крестьянства.

Однако, обстоятельства покровительствовали Анненкову. Овладѣвъ главнымъ укрѣпленнымъ райономъ въ сѣверномъ Семирѣчьѣ, Анненковъ обезпечилъ себѣ базу въ плодородной его части.

Семирѣчье—арена борьбы за землю и воду (для орошенія). Киргизы озлоблены противъ казаковъ и крестьянъ. Крестьяне ненавидятъ казаковъ, которые занимаютъ лучшія земли и истоки рѣкъ. Казаки не удовлетворены своими надѣлами и требуютъ огромныхъ прирѣзокъ. Такой проектъ былъ разработанъ и, съ одобренія казачьей конференціи въ Омскѣ, долженъ былъ появиться въ Совѣтѣ министровъ. Къ счастью, въ Омскѣ были люди, знавшіе обстановку Семирѣчья, въ томъ числѣ Ивановъ-Риновъ, долго тамъ служившій, и они содѣйствовали провалу этого проекта.

Семирѣченская побѣда имѣла крупное значеніе: на югѣ нашего сибирскаго горизонта прояснилось.

Надвигающіяся тучи.

Нѣкоторое время общая обстановка оставалась неопредѣленной. Побѣды Деникина окрѣпли. На Тоболѣ было какъ будто устойчиво.

Многіе стали выписывать обратно эвакуировавшіяся въ августѣ семьи.

Но вдругъ посыпались непріятныя извѣстія одно за другимъ.

20 октября было получено сообщеніе о взятіи Петрограда. Всѣ ликовали, хотя такое же сообщеніе въ іюнѣ оказалось ложнымъ, 21-го извѣстіе не подтвердилось, а затѣмъ оказалось, что

упорные бои подъ Царскимъ Селомъ и Гатчиной окончились побѣдой красныхъ. Юденичъ началъ отступленіе.

День 23 октября былъ тяжелымъ днемъ. Орелъ отошелъ обратно къ краснымъ. Коммунисты сплотились и всѣ до единаго вышли защищать себя, а тылъ Деникина и Юденича разлагался: деревня, въ лучшемъ случаѣ равнодушная къ добровольческому движенію, ничего ей не сулившему, не поддерживала Добровольческую армію, а города были полны недовольныхъ военнымъ режимомъ.

Подъемъ настроенія красныхъ сказался и въ Сибири. Наши войска начали отступать.

Омскъ уже съ августа казался военнымъ лагеремъ. Онъ уже потерялъ свой прежній безмятежный видъ. Надъ городомъ летали аэропланы и даже гидропланъ, который пугалъ гулявшихъ, опускаясь на уровень крышъ. На Иртышѣ трещали автосани. Кругомъ города въ рощахъ поселились бѣженцы. Они нарыли въ рощѣ землянки, грѣлись у костровъ. Тутъ же паслись ихъ лошади и скотъ. Иногда казалось, что Омскъ въ осадѣ, и вокругъ него расположены военные лагеря.

На площади у собора служили всенародные молебны. Въ Омскѣ собралось около пяти архіереевъ- бѣженцевъ. Молебны проходили торжественно и усиливали впечатлѣніе грозной опасности положенія.

По улицамъ ходили крестоносцы, поступившіе въ ряды арміи для защиты вѣры православной. Рядомъ съ ними маршировали мусульмане, со знакомъ полумѣсяца. Это было движеніе „святого креста" и „зеленаго знамени", развивавшееся подъ руководствомъ энергичнаго и смѣлаго идеалиста, профессора Болдырева, и религіознаго генерала Дитерихса.

Верховный Правитель на собраніи бѣженцевъ сказалъ имъ: „Бѣжать больше некуда, надо защищаться."

Но всѣ жаждали помощи извнѣ.

Чехи или японцы.

„Мы ближе къ признанію, чѣмъ когда-либо," продолжалъ утѣшать Сукинъ. Союзники боятся побѣды Деникина, правительство котораго считается болѣе правымъ, чѣмъ омское.

„Вся власть должна быть у Деникина", твердили въ это время правые круги въ Омскѣ, опасаясь, что омскіе министры будутъ настаивать на своемъ первенствѣ. Но было не до того, да и Деникинъ началъ отступать.

Въ Омскѣ чувствовалась напряженная работа. Всероссійскій союзъ городовъ, оживившійся съ пріѣздомъ Кириллова, Бурышкина, Червенъ-Водали, энергично развертывалъ свою дѣятельность. Составлялись санитарные отряды, производились сборы, открывались лазареты. Опытныя руки умѣло налаживали помощь арміи.

Не оставались бездѣятельными и другіе. Въ Омскѣ была успѣшно разыграна на улицахъ американская лотерея.

Но всего этого было мало. Нужна была живая сила.

Въ день отъѣзда адмирала въ Тобольскъ у Вологодскаго происходилъ дружескій завтракъ съ чехами. Соглашеніе о привлеченіи чеховъ добровольцами какъ будто налаживалось.

Въ сентябрѣ предложили свои услуги карпаторуссы. Ихъ вооружили, одѣли, обласкали и отправили на фронтъ. Но пришло тяжелое извѣстіе, что карпаторуссы измѣнили и перешли къ краснымъ. Это обвиненіе осталось непровѣреннымъ. Другія данныя говорили о томъ, что карпаторуссы не сдались, а были захвачены, такъ какъ ихъ часть была слишкомъ выдвинута и, при отступленіи, оказалась покинутой безъ связи.

Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о карпаторуссахъ повергло въ уныніе всѣхъ славянофиловъ, мечтавшихъ привлечь на фронтъ и чеховъ и поляковъ. Лѣвыя группы увѣряли, что чехи слишкомъ любятъ Россію и слишкомъ культурны, чтобы оставить на произволъ большевизма освобожденную, благодаря ихъ вмѣшательству, Сибирь. Совѣтъ министровъ ни въ чемъ не отказывалъ чехамъ, принимая всѣ ихъ условія, и Вологодскій говорилъ съ Павлу по прямому проводу, надѣясь на успѣхъ.

Чешскій представитель, майоръ Кошекъ, уѣхалъ въ Иркутскъ, обѣщая поддерживать тамъ воинственное настроеніе. Но въ это время разсылалась изъ Иркутска по чешскимъ войскамъ каррикатура, на которой молодой въ дѣйствительности чешскій генералъ Сыровой былъ представленъ старикомъ, ѣдущимъ на клячѣ, а сзади него въ плохонькихъ телѣгахъ, на худыхъ лошаденкахъ, тряслись обнищавшіе чехи съ дѣтьми и внуками. Подъ каррикатурой стояла надпись: „Чехи, которые эвакуируются черезъ сто лѣтъ."

Въ концѣ октября чехи стали продавать въ Омскѣ свое имущество и готовиться къ отъѣзду. Оптимисты увѣряли, что они поѣдутъ на западъ, а не на востокъ. Демократія ставила на чеховъ, буржуазія же вѣрила въ японцевъ.

Въ Омскѣ съ половины октября находился Высокій Комиссаръ Японіи, членъ верховной палаты, Като.

Генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ Гаррисъ.

Зачѣмъ онъ прибылъ въ Омскъ въ его предсмертные часы? Въ августѣ, когда, послѣ совѣщанія съ Моррисомъ, было рѣшено просить Японію принять на себя охрану сибирской дороги къ западу отъ Байкала и послать для этого двѣ дивизіи, Токіо отвѣтило отказомъ, ссылаясь на климатическія затрудненія и на непопулярность въ парламентѣ и обществѣ сибирскихъ экспедицій.

Но, говорили дипломаты изъ обывателей, Японія заинтересована въ сильной Россіи или, по крайней мѣрѣ, Сибири, и теперь, видя большевистскую опасность, придетъ на помощь.

Японскій посолъ далъ интервью: „Главная цѣль моей поѣздки,“ сказалъ онъ,—„установленіе тѣсной связи съ Омскимъ Правительствомъ. Никакихъ спеціальныхъ порученій я не имѣю. Японія стремится въ настоящее время оказать помощь Омскому Правительству и помочь ему въ дальнѣйшемъ стать Всероссійскимъ. Какъ только положеніе въ Восточной Сибири окрѣпнетъ, наши войска будутъ немедленно уведены; ихъ пребываніе здѣсь, а равно уходъ зависятъ отъ желанія Омскаго Правительства. Кромѣ помощи живой силой, по мѣрѣ возможности, Японія окажетъ и помощь экономическую.“

Интервью оставляло смутное впечатлѣніе. Каковы намѣренія Японіи, какую помощь она можетъ оказать? Оставалось неяснымъ. Но общій тонъ заявленій посла былъ настолько благожелателенъ, что нужно было немедленно попытаться выяснить положеніе. Сукину это не удавалось. Посолъ Като прибылъ въ Омскъ, дни проходили за днями, а переговоры не налаживались. Трудно сказать, какъ и откуда, но въ обществѣ сложилось убѣжденіе, что японцы съ Сукинымъ разговаривать не будутъ, изъ опасенія, что подробности переговоровъ немедленно будутъ сообщены въ Америку. Сукинъ же увѣрялъ, что японцы ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ западнѣе Байкала.

Совѣтъ министровъ искалъ выхода.

Министръ финансовъ Гойеръ, человѣкъ хорошо освѣдомленный въ восточныхъ дѣлахъ, казался наиболѣе подходящимъ средствомъ связи съ Като. Министръ Третьяковъ, какъ представитель торговли и промышленности, могъ помочь ему. Имъ обоимъ поручено было войти въ переговоры съ японскимъ посломъ относительно тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя могли бы быть предоставлены Японіи на Дальнемъ Востокѣ, въ случаѣ ея помощи Правительству. Като отказался обсуждать вопросъ въ плоскости компенсацій; онъ заявилъ, что японское правительство готово помочь изъ дружескихъ чувствъ къ Россіи, но, что касается инте-

ресовъ Японіи на Дальнемъ Востокѣ и тѣхъ выгодъ, которыя она могла бы себѣ обезпечить тамъ, онъ радъ обсудить ихъ совмѣстно съ министрами, и, если точка зрѣнія Правительства будетъ изложена письменно, онъ охотно передастъ ее въ Токіо.

Свѣдѣнія, полученныя позже изъ Японіи, подтверждали, что тамъ происходилъ въ то время переломъ настроеній. Для обезпеченія спеціальныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, необходимо было оберечь отъ большевизма Сибирь. Японія послала въ Забайкалье новую дивизію. Это казалось благопріятнымъ признакомъ, но Россійскій посолъ въ Токіо ничего о перемѣнахъ настроеній не сообщалъ, и министерство иностранныхъ дѣлъ Омскаго Правительства не приняло всѣхъ необходимыхъ мѣръ для использованія новыхъ настроеній Японіи.

Тѣмъ не менѣе, еще въ концѣ октября мы продолжали надѣяться, что положеніе не безнадежно.

Перемѣна оріентацій.

Въ дни тяжелыхъ невзгодъ только немногіе умѣютъ сохранить стойкость и постоянство взглядовъ и отношеній. Другіе начинаютъ метаться, легко отрекаются отъ стараго, забываютъ то, чему недавно поклонялись, ищутъ новыхъ кумировъ.

Въ то время, какъ Юденичъ надвигался на Петроградъ, пришло извѣстіе, что Ригу занялъ корпусъ фонъ-деръ-Гольца, что подъ сѣнью Германіи образовался русскій отрядъ, которымъ командуетъ полковникъ Бермонтъ, одинъ изъ русскихъ военноплѣнныхъ. Попавъ въ Берлинъ, онъ пользовался сначала успѣхомъ, благодаря своей видной наружности. Онъ быстро перешелъ на германскую оріентацію и укрѣпилъ свои успѣхи, обезпечивъ возможность формированія партизанскаго отряда.

Появленіе въ Латвіи этихъ неожиданныхъ силъ внесло большое смятеніе въ умы. Кто они: друзья или враги?

Накопившееся въ глубинѣ недовольство союзниками стало выявляться открыто. Глухо звучавшіе гдѣ-то голоса: „Долой союзниковъ, да здравствуютъ нѣмцы!“ стали раздаваться въявь.

Свѣдѣнія изъ Гельсингфорса говорили о томъ, что на западѣ происходитъ соревнованіе англичанъ и нѣмцевъ. Англичане хотятъ взять Петроградъ руками Юденича. Они стремятся обезпечить свое главенство и на Балтійскомъ морѣ. Нѣмцы поклялись не допустить этого. Балтійское море—ихъ, нѣмцевъ, и фонъ-деръ-Гольцъ сказалъ: „никогда, никогда Юденичъ не возьметъ Петрограда!“

У Гольца, по слухамъ, было 40 тысячъ штыковъ. Онъ угрожалъ Эстоніи, что разстраивало тылъ Юденича. Въ самой его арміи появились германофильскія тенденціи. Шла двойная пропаганда: большевиковъ и нѣмцевъ. Армія Юденича разлагалась.

Въ Омскѣ было много германофиловъ. Жардецкій уже давно мечталъ о германо-русско-японскомъ союзѣ, но онъ подходилъ къ этому вопросу осторожно. Устряловъ, молодой доцентъ, отличавшійся отвлеченною, непрактичною и приспособляющеюся къ моменту мыслью, дѣлалъ это открыто, безъ фиговаго листка. Въ газетѣ „Русское Дѣло", органѣ кадетъ-бѣженцевъ, германофильской пропагандѣ отводилось видное мѣсто.

„Нѣтъ ничего невѣроятнаго," пишетъ Устряловъ (№ 16), „въ разсказахъ, что политическіе вожди современной „соціалистической" Германіи любятъ демонстративно поднимать бокалы „за процвѣтаніе единой и великой Россіи", а генералъ фонъ-деръ-Гольцъ ставитъ „спасеніе русскаго народа" своей первѣйшей задачею. При создавшихся международныхъ условіяхъ „восточная оріентація" есть послѣдняя возможность и естественная надежда для обломковъ „Центральной Европы"...„Мы, русскіе, переходимъ къ новому фазису въ исторіи нашихъ оріентацій".

Это откровенное выявленіе новой точки зрѣнія на международныя отношенія въ одномъ изъ вліятельныхъ органовъ, издаваемомъ притомъ лицами, близкими къ Правительству, и почти что на казенныя средства, было въ то время грубой безтактностью. Но омскіе дѣятели не отличались чуткостью. „Русское Дѣло" какъ будто нарочно проповѣдывало все время идеи, непріемлемыя для Правительства.

Насколько энергиченъ былъ натискъ на союзниковъ, показываетъ то, что генералъ Ноксъ былъ вынужденъ выступить въ началѣ октября въ печати съ объясненіемъ того, какая помощь оказана Англіей Россіи въ ея борьбѣ съ большевиками.

„Англійскіе офицеры", сказалъ генералъ, „помогли и продолжаютъ помогать при обученіи болѣе 1500 молодыхъ русскихъ офицеровъ и такого же количества унтеръ-офицеровъ. Далѣе, наша помощь выразилась въ посылкѣ громаднаго количества военнаго матеріала въ Сибирь, хотя это количество меньше того, которымъ Великобританія снабдила Деникина. Мы доставили въ Сибирь сотни тысячъ винтовокъ, сотни милліоновъ патроновъ, сотни орудій и тысячи пулеметовъ, нѣсколько сотъ тысячъ комплектовъ обмундированія и снаряженія и такъ далѣе. Каждый патронъ, выстрѣленный русскимъ солдатомъ въ теченіе этого года въ боль-

шевиковъ, сдѣланъ въ Англіи, англійскими рабочими, изъ англійскаго матеріала, доставленнаго во Владивостокъ англійскими пароходами. Мы сдѣлали, что могли. Нѣкоторые русскіе говорятъ намъ откровенно, что эта помощь недостаточна, и что мы должны прислать еще большую армію. Кто винитъ Великобританію въ непосылкѣ войскъ, тотъ забываетъ, что Великобританія — свободная демократія, и Правительство не можетъ отправлять войска въ другія страны безъ согласія народа".

Генералъ не упустилъ случая упрекнуть при этомъ русское общество въ его пассивномъ, холодномъ отношеніи къ арміи.

„Армія нуждается въ добровольцахъ, для моральной поддержки мобилизованныхъ молодыхъ солдатъ. Въ настоящее критическое время каждый мужчина въ тылу, работающій въ сравнительномъ комфортѣ только 6 часовъ въ сутки, долженъ отдать отечеству полный рабочій день. Всѣ должны удвоить работу, чтобы освободить половину тыловыхъ работниковъ для фронта. Женщины Англіи добровольно соглашались на разлуку съ мужьями, сыновьями, и, благодаря ихъ патріотизму, быстро удалось набрать два милліона добровольцевъ. По этому разсчету, Сибирь должна дать 660.000 добровольцевъ. Армія нуждается въ теплыхъ вещахъ и разныхъ мелочахъ: чаѣ, сахарѣ, табакѣ и папиросахъ. Каждый офицеръ и солдатъ на фронтѣ долженъ чувствовать, что онъ герой, и что вся Сибирь постоянно слѣдитъ за нимъ. Подкрѣпленія и свѣжія части, отбывающія на фронтъ, провожались бы въ Англіи ликующей толпой, ихъ угощали бы чаемъ, обѣдами, добровольными пожертвованіями, имъ прислуживали бы женщины-доброволицы. Вы, русскіе, часто останавливаетесь полюбоваться отрядомъ молодыхъ, красивыхъ, здоровыхъ мобилизованныхъ крестьянъ, марширующихъ съ пѣснями на улицахъ. Почему, однако, вы такъ мало дѣлаете для нихъ, когда они возвращаются съ фронта усталыми, разбитыми, больными и ранеными, исполнивъ тяжелый долгъ для вашего благополучія? Часто имъ самимъ приходится носить со станціи свои пожитки, ихъ не встрѣчаютъ, не сопровождаютъ до мѣста назначенія, они становятся пасынками для своей страны, людьми, не имѣющими сочувствія. Во всѣхъ государствахъ міра такія обязанности выполняются обществомъ добровольно. Легко, сидя дома, критиковать правительство, что оно не организуетъ всего этого; но не критиковать нужно, а работать самимъ. Такая инертность общества непростительна въ то время, когда даже иностранцы стремятся улучшить бытъ русскаго солдата, примѣромъ чему могутъ служить англійскія обще-

ства въ Японіи и Китаѣ, приславшія много бѣлья и подарковъ для русскихъ войскъ. Я полагаю, русская армія предпочла бы, чтобы люди въ тылу оставили въ покоѣ политику и объединились вокругъ великаго духомъ человѣка, который борется за спасеніе Россіи въ небывалыхъ въ исторіи тяжелыхъ условіяхъ".

Эти слова генерала Нокса не остались безъ отвѣта. Генералъ задѣлъ больное мѣсто: отношеніе къ Правительству, и въ „Русскомъ Дѣлѣ" появилось вскорѣ „Открытое письмо генералу Ноксу."

„Совершенно справедливо", пишетъ авторъ этого письма, скрывшійся подъ именемъ: „Одинъ изъ солдатъ",—„что въ тяжеломъ положеніи адмирала Колчака и его Правительства виновны прежде всего *союзники*. Отъ нихъ не ждутъ помощи живою силою, но они расшатываютъ вѣру въ то, что союзникамъ нужна Единая Россія, они не признаютъ Правительства адмирала Колчака, и тѣмъ помогаютъ его врагамъ.

„Вы, г. генералъ, затѣмъ бывшій посолъ Англіи, почетный гражданинъ города Москвы, сэръ Джорджъ Бьюкененъ, Уинстонъ Черчилъ и много еще джентльменовъ Англіи—безусловно, наши *друзья*. Но мы не можемъ этого сказать въ цѣломъ объ Англіи (конечно, и о другихъ союзникахъ) и ея правительствѣ.

„Версальскій миръ, окромсаніе и раздѣлъ „бывшей Россійской имперіи", т. е. будущей свободной Россіи, шатаніе въ русскомъ вопросѣ, непризнаніе того, вокругъ котораго, какъ знамени Единой, Великой и Свободной Россіи, собрались мы—это мы чувствуемъ душою и болѣемъ".

„Что сдѣлали союзники съ Россіей"? спрашиваетъ дальше авторъ письма, перечисливъ, сколько земель отрѣзано отъ русскаго государства, сколько новыхъ государствъ создано союзниками безъ участія Россіи и за ея счетъ.

Не больше ли сдѣлали они (союзники), чѣмъ угрожали намъ враги, нынѣ побѣжденные?

„Говорятъ и пишутъ", продолжаетъ онъ, „что признаніе Правительства адмирала Колчака тормазится якобы тѣмъ, что общественное мнѣніе союзныхъ странъ обвиняетъ его въ реакціонности. По нашему глубокому убѣжденію, это — ложь.

„Если бы союзники хотѣли знать дѣйствительную сущность власти адмирала Колчака и совдепщины, они бы это такъ же хорошо знали и добросовѣстно изучили бы, ну, предположимъ, такъ же, какъ безупречно и хорошо, лучше насъ, русскихъ, они изучили наши экономическіе рессурсы и естественныя богатства.

„Прекращеніе третированія нашего національнаго чувства, перемѣна нынѣшней политики союзниковъ—вотъ что нужно намъ для *души* отъ истинныхъ друзей.

„Тяжело и грустно друзьямъ англичанъ и вообще союзниковъ, когда отъ простого, самаго темнаго нашего мужика-солдата слышишь его выводъ о будущемъ направленіи международной политики: „вотъ што, братъ, видно придется опосля дружбу заколачивать съ нѣмцемъ—енъ вѣдь тоже объегоренъ дюже—да жить по-новому.“

Такъ заканчивается письмо.

Ноксъ былъ взволнованъ и пріѣхалъ спрашивать, правда ли, что въ Омскѣ процвѣтаетъ германофильство, и что, какъ онъ выразился, изъ-за Бермонта всѣ съ ума сошли?

Это было, конечно, неправдою, но настроенія общества не проходили незамѣченными даже въ самыхъ большихъ верхахъ. Адмиралъ Колчакъ былъ, видимо, подогрѣтъ и статьями „Русскаго Дѣла“ и мнѣніями окружающихъ. Встревоженный неудачами Юденича и новымъ наступленіемъ красныхъ на Сибирь, онъ созвалъ Совѣтъ министровъ, чтобы обсудить общее положеніе.

—Оріентацію мѣнять, что ли? съ какимъ-то отчаяніемъ вырвалось у него.

Но никто не высказался въ пользу Германіи. Третьяковъ предлагалъ откровенно изложить союзникамъ положеніе дѣлъ и просить ихъ помощи. Другіе смотрѣли на это безнадежно и допускали возможность искать успѣха только въ переговорахъ съ японцами и чехами. Всѣ сошлись на томъ, что было бы безсмысленно начинать какіе-то переговоры съ нѣмцами и на что-то надѣяться съ ихъ стороны, что нѣмцы могутъ быть только врагами національнаго по направленію правительства адмирала Колчака или правительства Деникина. Рѣшено было послать въ Германію какое-либо лицо исключительно для освѣдомительныхъ цѣлей. Остановились на членѣ Управленія Краснаго Креста, Боткинѣ, котораго рекомендовалъ Сазоновъ.

Дитерихсъ былъ очень доволенъ результатами засѣданія. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ союзнической оріентаціи, между тѣмъ какъ среди высшихъ чиновъ арміи назрѣвало, повидимому, какое-то новое направленіе.

Спустя нѣсколько дней, отъ Деникина была получена телеграмма, въ которой онъ сообщилъ (возможно, что въ отвѣтъ на какую-нибудь неизвѣстную мнѣ, благодаря особенностямъ общей организаціи, телеграмму изъ ставки), что нѣмцы помогаютъ Пет-

люрѣ, мѣшаютъ Юденичу, но что, какъ ни трудно положеніе, борьбу надо довести до конца.

Адмиралъ былъ очень доволенъ. Совѣтъ министровъ и Деникинъ помогли ему сбросить тяжелый камень сомнѣнія, который кто-то старательно вдвигалъ въ его наболѣвшую душу.

— Я съ нимъ вполнѣ согласенъ, сказалъ онъ.

О признаніи.

— Какъ хорошо, что насъ не признали, часто говорилъ Верховный Правитель. Мы избѣжали Версаля, не дали своей подписи подъ договоромъ, который оскорбителенъ для достоинства Россіи и тяжекъ для ея жизненныхъ интересовъ. Мы будемъ свободны; когда окрѣпнемъ, для насъ этотъ договоръ не обязателенъ.

Но дѣйствительно ли это было счастьемъ? Не правильнѣе ли смотрѣлъ на положеніе вещей тотъ русскій человѣкъ, который писалъ съ фронта генералу Ноксу?

Я склоненъ присоединиться ко второй точкѣ зрѣнія. Версальскій договоръ—это не миръ, а перемиріе, это собраніе компромиссовъ, на которыхъ сошлось большинство, но которыхъ не признали полностью Италія (Фіуме), Румынія (Банатъ), Польша (восточныя границы), Китай (Шаньдунь), Америка (Лига націй); это собраніе компромиссовъ, пересмотръ которыхъ будетъ необходимъ и неизбѣженъ, какъ только окрѣпнутъ Россія и Германія. Съ этой точки зрѣнія, Версальскій договоръ намъ не былъ опасенъ.

А, между тѣмъ, признаніе было нужно, какъ воздухъ. Правительство, которое вело второй годъ существованія, которому оказывали поддержку всѣ слои населенія, которое создало армію и завоевало уваженіе всѣхъ національныхъ силъ во всѣхъ концахъ Россіи, находилось, однако, въ крайне тяжеломъ положеніи. Оно вело борьбу въ странѣ, лишенной собственной промышленности, опиралось на населеніе, которое не хотѣло войны, было окружено людьми, которые подрывали его престижъ, стремясь къ партійнымъ завоеваніямъ.

Правительству нужна была моральная поддержка, которая подняла бы его авторитетъ внутри страны, прекратила бы интриги тѣхъ, кто разсчитывалъ добиться признанія скорѣе, чѣмъ Омскъ. Она дала бы возможность смѣло выступить противъ атамановъ, покончить съ безцеремоннымъ хозяйничаніемъ въ странѣ нѣкото-

рыхъ изъ интервентовъ. Правительство говорило бы тогда не съ выскочками, вродѣ Павлу, Гирсы и Благоша, скудный моральный багажъ которыхъ не удовлетворялъ даже самымъ элементарнымъ требованіямъ, а говорило бы съ Прагой. Всѣмъ господамъ, хозяйничавшимъ въ Сибири, было невыгодно признаніе Омскаго Правительства, и это—лишнее доказательство, что оно было выгодно для русскаго дѣла. Было невыгодно признаніе и для многочисленныхъ претендентовъ на власть, но и это дѣлало признаніе жизненно необходимымъ, потому что покушеніе на признанное правительство немногіе сочли бы возможнымъ.

Министры, ожидавшіе признанія, были увѣрены въ себѣ, полны силъ; министры, утратившіе надежду на него, блекли, какъ растенія, долго лишенныя влаги. Министръ непризнанной власти—фикція. Государство есть фактъ не только внутренняго, но и внѣшняго существованія, и, если оно не признано и не существуетъ, слѣдовательно, во внѣ, то и правительства въ полномъ смыслѣ нѣтъ.

Постепенно это стали понимать всѣ. Правительство теряло свой престижъ. Таковъ былъ политическій результатъ непризнанія.

При этомъ и внутри Совѣтской Россіи не было достаточной увѣренности, что движется на Москву что-то настоящее, прочное, что утвердитъ новую власть. Въ Петроградѣ не могли не знать, какъ сфабриковано правительство Юденича, въ Вологдѣ знали, какъ совершался переворотъ въ Архангельскѣ, въ Москвѣ получалось радіо Парижа, объяснявшее, какъ союзники экзаменуютъ Колчака.

Но были еще и внутреннія, экономическаго характера, невыгоды, которыя проистекали отъ непризнанія. Америка не рѣшалась выдать Омскому Правительству банкноты, заказанные Керенскимъ. Ни одно Правительство не открыло бы Омску займа. Правительство, съ своей стороны, не могло предоставить ни одной концессіи.

Не было возможности перемѣнить ни одного посла или посланника, а, между тѣмъ, безхозяйность россійскаго представительства за границею постоянно давала себя чувствовать.

Одинъ проживавшій въ Нью-Іоркѣ генералъ прислалъ въ Омскъ копію письма, написаннаго на его имя неизвѣстнымъ мнѣ американцемъ.

„Мнѣ было сообщено", пишетъ американецъ, „въ теченіе послѣднихъ 48 часовъ, человѣкомъ, пользующимся полнымъ довѣріемъ высокопоставленныхъ газетныхъ издателей, что обвиненія

въ реакціонности и недемократическихъ намѣреніяхъ адмирала Колчака, генерала Деникина и генерала Юденича возникли въ широкой мѣрѣ изъ замѣчаній и заявленій, сдѣланныхъ конфиденціально людьми, которые либо прямо являются членами Русскаго Посольства, или Русскаго Информаціоннаго Бюро Зака, либо имѣютъ съ ними связь.

„Возможно, что вы сумѣете справиться съ этими обстоятельствами; мнѣ же казалось бы, что нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу слѣдовало бы сообщить адмиралу Колчаку.

„Мнѣ очень противно быть вынужденнымъ дѣлать эти разоблаченія касательно тѣхъ, кто считается представителями въ Америкѣ правительства вашей страны, но я очень надѣюсь, что вы поймете и оцѣните тѣ причины и цѣли, которыя заставляютъ меня это дѣлать.

„Для насъ, американцевъ, быть можетъ, недостаточно основательно знакомыхъ съ психологіей русскаго ума, эти вопросы являются постоянной головоломкой.“

Письмо это было написано 27 мая, т. е. какъ разъ въ то время, когда „Большая четверка“ въ Парижѣ рѣшала вопросъ о признаніи адмирала Колчака и готовила ему запросъ объ его политической программѣ.

Я не знаю американца, автора статьи, но многочисленныя и безпристрастныя лица сообщали, что Русское Информаціонное Бюро ведетъ пропаганду противъ большевизма, но не въ пользу Колчака.

Незачѣмъ, однако, было бы такъ далеко ѣхать, чтобы убѣдиться въ неудобствахъ непризнанія правительства. Изъ Токіо сообщали, что тамъ имѣется представитель Семенова. Тамъ же появилось такъ много различныхъ агентовъ и заговорщиковъ, что нельзя было разобраться, кто отъ кого зависитъ, и кто кого представляетъ.

Признаніе было нужно, непризнаніе губило омскую власть.

Друзья.

Тѣ, кто относился къ Россіи съ искреннею дружбой, хорошо понимали несправедливость и недальновидность союзниковъ въ отношеніи къ Россіи.

На традиціонномъ обѣдѣ въ англо-русскомъ клубѣ 17 іюля 1919 года, военный министръ Черчилъ сказалъ: если бы пять великихъ державъ пришли сразу къ соглашенію по поводу Россіи, положеніе ея давно было бы разрѣшено. Россія—рѣшающій

факторъ въ исторіи настоящаго времени. Спасеніе Россіи—долгъ Лиги націй. Спасти Россію должна Лига націй; если она этого не сдѣлаетъ, Россія, съ своей стороны, уничтожитъ Лигу націй. Я говорю тѣмъ, кто не сознаетъ этого: вы можете бросить Россію, но Россія не броситъ васъ.“

Чувствовали ли это союзныя державы въ октябрѣ, когда надъ Омскомъ нависла грозная туча?

Чувствовали, обѣщали и ничего не дѣлали.

15 октября, напримѣръ, опубликовано слѣдующее соглашеніе:

„Американскій генеральный консулъ въ Омскѣ Гаррисъ только что получилъ слѣдующую телеграмму изъ Вашингтона отъ министерства иностранныхъ дѣлъ: „Твердое намѣреніе Соединенныхъ Штатовъ Америки поддержать адмирала Колчака и его сотрудниковъ остается неизмѣннымъ и такимъ, какъ оно было выражено въ обмѣнныхъ нотахъ между адмираломъ Колчакомъ и представителями союзныхъ дружественныхъ правительствъ въ маѣ и іюнѣ 1919 года. Правительство Соединенныхъ Штатовъ питаетъ увѣренность въ содѣйствіи всѣхъ элементовъ Россіи, преданныхъ дѣлу созданія Россіи на демократическихъ основахъ“.

Зачѣмъ это говорилось? Почему хоть въ этотъ моментъ не послѣдовало признанія? Можетъ быть, уже было поздно. Но тогда зачѣмъ было говорить о готовности поддерживать?

С. Н. Третьяковъ.

Со стороны никто ничего опредѣленно не обѣщалъ, разсчитывать на помощь извнѣ можно было только для самоутѣшенія. Чехи продолжали переговоры, но генералъ Жаненъ опредѣленно заявлялъ, что на нихъ разсчитывать нельзя. Японцы не сказали окончательно: нѣтъ. Оставались лишь слабыя надежды. Нужно было думать прежде всего о внутреннихъ силахъ. И вотъ тутъ-то подымался опять старый больной вопросъ о предсѣдателѣ Совѣта министровъ.

На омскомъ горизонтѣ появился новый человѣкъ, всероссійскаго масштаба, европейскаго лоска, не скомпрометированный еще никакими провинціальными сплетнями, не сдѣлавшій еще никакихъ ошибокъ, которыя были неизбѣжны у другихъ, работавшихъ полтора года. Это былъ С. Н. Третьяковъ.

Онъ прибылъ въ Омскъ въ началѣ октября. Здѣсь его знали, какъ крупнаго промышленника, московскаго дѣятеля и члена кабинета Керенскаго. Онъ—предсѣдатель правленія товарищества

Большой Костромской Мануфактуры Третьяковъ-Кашинъ (льняныя издѣлія), состоитъ акціонеромъ и членомъ правленія льно-промышленныхъ предпріятій.

Общественной дѣятельностью Третьяковъ сталъ заниматься съ 1918-1919 г. г. Его все время выдвигалъ извѣстный промышленникъ П. П. Рябушинскій.

Сначала старшина, а потомъ и товарищъ предсѣдателя московскаго биржевого комитета, онъ фактически, за болѣзнью Рябушинскаго, управлялъ и предсѣдательствовалъ въ биржевомъ комитетѣ. Третьяковъ, какъ гласный московской думы, былъ однимъ изъ видныхъ членовъ центральнаго комитета ,,Земгора" и предсѣдателемъ льняного комитета, образовавшагося во время войны.

По спискамъ кадетской партіи Третьяковъ баллотировался на различныя муниципальныя должности. Во время первой революціи имя Третьякова упоминалось неоднократно, какъ кандидата въ министры. Даже до революціи, по уходѣ Тимашева, торгово-промышленная партія выдвигала кандидатуру С. Н. Третьякова на постъ министра.

Однако, вліятельное московское купечество считало его молодымъ, недостаточно подготовленнымъ для серьезной государственной дѣятельности и выдвигало Коновалова и Четверикова. Послѣ распада коалиціоннаго министерства Керенскаго, когда ушли Шингаревъ, Мануйловъ и др. кадеты, Керенскій обратился къ москвичамъ: С. Н. Третьякову, Смирнову, Малянтовичу и доктору Кишкину, персонально, съ просьбой занять мѣста въ его кабинетѣ.

Кадетская партія и московское купечество своевременно опубликовали, что это приглашеніе Керенскаго является персональнымъ. Третьяковъ въ сентябрѣ 1917 года принялъ постъ предсѣдателя Высшаго Экономическаго Совѣщанія, на правахъ члена кабинета. Ему недолго пришлось работать въ кабинетѣ Керенскаго. Въ ночь на 26 октября онъ былъ арестованъ въ Зимнемъ дворцѣ съ другими министрами и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость.

Переживанія октябрьскихъ дней 1917 года произвели на Третьякова неизгладимое впечатлѣніе. Бѣгство Керенскаго, оставившаго на произволъ судьбы своихъ товарищей, дикая толпа, ворвавшаяся въ Зимній дворецъ и потащившая министровъ въ Петропавловскую крѣпость — всего этого онъ забыть не могъ. Только случай спасъ его отъ смерти. Толпа хотѣла бросить министровъ въ Неву. Ихъ спасло появленіе воинской части, не знавшей, въ чемъ дѣло, и приготовившейся стрѣлять въ бунтующую толпу. Послѣдняя разбѣжалась, а министровъ посадили въ крѣпость.

Третьяковъ прибылъ въ Омскъ въ періодъ его агоніи. Второй разъ онъ переживалъ тѣ же ощущенія участника безсильной, увядающей власти. Его положеніе было тѣмъ непріятнѣе, что съ его пріѣздомъ связывались надежды на реорганизацію Правительства. Я и самъ надѣялся, что Третьяковъ окажется подходящимъ премьеромъ, но первыя мои впечатлѣнія были не въ его пользу.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего изъ Тобольска, адмиралъ какъ-то въ неурочный часъ вызвалъ меня къ себѣ.

У него сидѣлъ Третьяковъ. Видно было, что происходитъ бесѣда особой важности. Адмиралъ былъ взволнованъ. Онъ обратился ко мнѣ со словами: „Вотъ министръ торговли говоритъ, что Правительство слишкомъ неактивно для того, чтобы спасти Сибирь, и что онъ не можетъ больше оставаться членомъ Правительства. Что вы скажете?“

Я не былъ подготовленъ къ подобному вопросу. Что задумалъ Третьяковъ, какіе были у него планы, хотѣлъ ли онъ дѣйствительно уйти, или онъ хотѣлъ стать премьеромъ, разсчитывая на свои силы—я не зналъ. Годился ли онъ на должность предсѣдателя Совѣта министровъ, я послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ въ Совѣтѣ министровъ сказать не рѣшался.

Адмиралъ же, видимо, ждалъ отъ меня успокаивающаго слова или совѣта. То, что онъ вызвалъ меня къ себѣ, очень характерно. Раньше, до поѣздки, онъ никогда этого не дѣлалъ. Достаточно было побыть съ нимъ вмѣстѣ какихъ-то десять дней, и онъ уже искалъ совѣта, какъ у близкаго человѣка. Такъ быстро сближался онъ съ окружавшими его людьми.

Я не рѣшался рекомендовать адмиралу Третьякова. Я сталъ защищать Правительство, указывая, что обвиненія Третьякова неосновательны, что Правительство дѣлаетъ сейчасъ все, что можетъ, и что Третьякову, если онъ замѣчаетъ наши промахи, было бы правильнѣе подѣлиться сначала своими предположеніями съ товарищами по кабинету.

Адмиралъ согласился съ этимъ. Онъ перешелъ на обычную для него тему о томъ, что всегда, когда дѣла на фронтѣ ухудшаются, увеличивается число желающихъ уйти въ отставку.

Третьяковъ вспыхнулъ. „Въ такомъ случаѣ, я остаюсь,“ сказалъ онъ.

Мы вышли отъ адмирала вмѣстѣ. Онъ негодовалъ. „Если меня считаютъ трусомъ,“ сказалъ онъ, „то, конечно, я не уйду и докажу, что я не трусъ.“

Мои сомнѣнія въ Третьяковѣ, основывались, главнымъ образомъ, на впечатлѣніи отъ тона и характера его отдѣльныхъ репликъ, всегда подернутыхъ тѣнью скептицизма и разочарованности, но я не могъ быть увѣренъ, что не ошибаюсь, а потому поспѣшилъ провѣрить впечатлѣніе.

Я предложилъ адмиралу пригласить Третьякова на засѣданія Совѣта Верховнаго Правителя, чтобы ближе съ нимъ познакомиться. Онъ согласился. Третьяковъ сталъ бывать. Не зная прошлаго омской власти, не зная въ подробностяхъ обстановки и людей, онъ, конечно, не могъ съ первыхъ же засѣданій ввести что-нибудь новое, что не было еще передумано и перепробовано, а потому довѣріе къ нему адмирала не укрѣпилось—наоборотъ, онъ сталъ чувствовать по отношенію къ Третьякову какое-то предубѣжденіе. Чуткій адмиралъ сразу понялъ, что заявленіе Третьякова объ отставкѣ было шагомъ, направленнымъ къ осуществленію обдуманнаго *плана перемѣнъ* въ Правительствѣ. Этого было достаточно, чтобы адмиралъ сталъ относиться къ новому человѣку недовѣрчиво: онъ не любилъ такихъ заговоровъ.

Но вопросъ о предсѣдателѣ Совѣта министровъ былъ не праздный. Я сомнѣвался въ Третьяковѣ, но не сомнѣвался въ томъ, что вопросъ о Предсѣдателѣ требовалъ пересмотра. Вопросъ этотъ былъ опять въ центрѣ общественнаго вниманія.

Состоялось частное совѣщаніе членовъ Совѣта министровъ. Былъ поставленъ вопросъ о Предсѣдателѣ. Вологодскій, конечно, приглашенъ не былъ. Большинство высказалось за его смѣну.

Вологодскій съѣздилъ къ адмиралу для рѣшенія вопроса о своемъ уходѣ. Адмиралъ передавалъ потомъ, что этотъ разговоръ носилъ самый откровенный характеръ. Вологодскій говорилъ самъ о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, не скрывая своихъ недостатковъ. Рѣшено было все-таки снять съ очереди вопросъ объ его отставкѣ. Онъ остался.

Говорилъ адмиралъ по этому вопросу и со мной. Онъ ясно далъ понять, что хотѣлъ бы видѣть на посту премьера В. Н. Пепеляева, а не Третьякова, котораго онъ мало знаетъ. Пепеляевъ же отсутствовалъ—онъ былъ на Алтаѣ.

Изъ общественныхъ настроеній.

Когда Деникинъ подвигался къ Москвѣ, въ правыхъ омскихъ кругахъ такъ ярко выявилось пристрастіе къ диктатурѣ, такая нетерпимость даже къ умѣреннымъ соціалистическимъ партіямъ,

что блокъ, объединявшій людей различныхъ политическихъ направленій, уже не могъ удерживать въ своемъ составѣ явно враждебныя группы. Онъ распался. Изъ него выдѣлился демократическій союзъ, которому справа противополагался національный центръ.

Демократическій центръ, признавая единоличную верховную власть только персонально, считалъ необходимымъ образованіе кабинета министровъ, политически солидарнаго, и временнаго представительнаго органа для обсужденія законодательныхъ предположеній и контроля надъ органами исполнительной власти.

Національный центръ устами газеты „Русское Дѣло" твердилъ только одно „диктатура", безъ всякихъ ограниченій, безъ всякихъ перспективъ.

Характеренъ въ этомъ отношеніи отзывъ предсѣдателя восточнаго отдѣла партіи народной свободы, Устрялова, о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи.

„Партія народной свободы", сказалъ Устряловъ, „относилась и относится отрицательно къ идеѣ законосовѣщательнаго и законодательнаго органа, ибо это ослабитъ, а не усилитъ диктатуру. Наша точка зрѣнія заключается въ необходимости укрѣпленія диктатуры Верховнаго Правителя. Нашъ девизъ не только „диктаторъ-освободитель, но и диктаторъ-устроитель" („Прав. В." № 253).

Тотъ же Устряловъ, какъ бы дополняя свою мысль въ статьѣ „Власть и общество" („Русское Дѣло", 22 октября 1919 г.), говоритъ по поводу „демократическаго союза": „Недавно въ Омскѣ пробовали организовать своеобразный „демократическій союзъ", долженствовавшій представить собою всю „организованную прогрессивную общественность". Но „платформа" этого проектировавшагося союза была составлена такъ неудачно, что, по точному ея смыслу, цѣлью соглашенія являлась не столько организація признанія и укрѣпленія диктаторской власти, сколько организація лойяльной оппозиціи противъ нея."

Суживая роль общественныхъ силъ только до „организованнаго признанія" власти диктатора, Устряловъ рекомендовалъ немедленно создать въ Омскѣ отдѣленіе Всероссійскаго Національнаго Центра. Существованіе этой организаціи, по его мнѣнію, устранило бы надобность во всякой другой.

Такъ писалъ выразитель мнѣнія одной изъ наиболѣе крупныхъ политическихъ партій въ то время, когда выяснилось, что длительная диктатура становится язвой разложенія государства и общественныхъ силъ.

Органъ, издававшійся людьми, близкими къ правительственнымъ сферамъ, пользовавшійся казенными матеріалами и льготами, вытекавшими изъ родственныхъ связей съ больше чѣмъ на половину правительственнымъ Бюро печати, существенно расходился въ линіяхъ своей политики съ Правительствомъ, оказывая ему дурную услугу.

Правительство желало поддержки не однѣхъ буржуазныхъ политическихъ партій, но и умѣренныхъ соціалистическихъ, а „Русское Дѣло" опредѣленно третировало всѣхъ „пѣтушковъ", рѣшительно отмежевываясь отъ демократическаго союза.

Правительство сочувствовало автономіи—„Руское Дѣло" даже скромныхъ сибирскихъ областниковъ клеймило прозвищемъ „самостійниковъ".

Все это было бы не такъ печально, если бы въ ту пору не было вообще поколеблено положеніе власти, и если бы тонъ и направленіе кадетскаго органа не усиливали бы разобщенности власти съ умѣренными и государственными демократическими кругами, считавшими направленіе „Русскаго Дѣла" правительственнымъ.

Правительство оказывалось почти совершенно изолированнымъ. Никакая партія, никакая общественная организація за нимъ не стояла, враги же были кругомъ, недовольные—всюду.

Взбаламученное море.

По всей Сибири разлились, какъ сплошное море, крестьянскія возстанія. Чѣмъ больше было усмиреній, тѣмъ шире они разливались по странѣ. Они подходили къ самому Омску изъ Славгородскаго и Тарскаго уѣздовъ, съ юго-востока и сѣверо-запада, прерывая линію сообщеній Семипалатинскъ-Барнаулъ, захватили большую часть Алтая, большія пространства Енисейской губерніи. Даже мѣстнымъ усмирителямъ становилось, наконецъ, понятно, что карательными экспедиціями этихъ возстаній не потушить, что нужно подойти къ деревнѣ иначе. Зародилась мысль о мирныхъ переговорахъ съ повстанцами, такъ какъ многіе присоединялись къ движенію, совершенно не отдавая себѣ отчета, противъ кого они борются.

Приходили свѣдѣнія о жестокихъ расправахъ въ городахъ съ представителями мѣстной соціалистической интеллигенціи. Дѣлавшіе это помпадуры не понимали, что интеллигенція—мозгъ страны, что она выражаетъ настроенія широкихъ круговъ населенія и

заражаетъ ихъ своими настроеніями, что всякая излишняя, а тѣмъ болѣе произвольная жестокость вредна не только потому, что убиваетъ безъ смысла, но и потому, что создаетъ тысячи новыхъ враговъ.

Трудно было провѣрить все, что приходило съ мѣстъ. Красильниковъ, одинъ изъ участниковъ переворота 18 ноября, повѣсилъ на площади городского голову города Канска, и, какъ разсказываютъ, когда ему сообщили о жалобѣ на него Верховному Правителю, то онъ пьянымъ, заплетающимся языкомъ отвѣтилъ:

—„Я его посадилъ, я его и смѣщу."

Красильникова послали на фронтъ. Онъ повиновался. Онъ былъ всегда послушенъ власти, никогда не проявлялъ атаманской склонности ни захватывать власть ни наживаться. Одинъ изъ близкихъ Красильникову людей, честный молодой офицеръ Ш. отрицалъ справедливость обвиненій, возводившихся противъ Красильникова, а прокуратура молчала. Несомнѣнно, Красильниковъ былъ хорошимъ офицеромъ, но отвратительнымъ, невѣжественнымъ администраторомъ.

Дыма безъ огня не бываетъ. Красильниковъ успѣлъ, вѣроятно, натворить много зла. Страшныя сибирскія разстоянія и разобщенность власти съ обществомъ затрудняли правильную информацію. Отсутствіе представительнаго органа, въ которомъ могли бы предъявляться запросы и вопросы, болѣе чѣмъ когда-либо давало себя чувствовать.

На Востокѣ.

Въ концѣ октября въ Омскъ вернулся изъ командировки мой помощникъ, Бутовъ. Онъ увѣрялъ, что революціонныя настроенія не имѣютъ успѣха среди земской оппозиціи, и что организація Государственнаго Совѣщанія, при условіи отказа отъ принципа назначенія хотя бы части членовъ, можетъ предотвратить революціонный взрывъ.

Онъ былъ въ Читѣ, нѣсколько разъ подробно бесѣдовалъ съ Семеновымъ и вынесъ впечатлѣніе, что атаманъ искренне желаетъ покончить съ тѣми дурными пережитками, которые остались у его сотрудниковъ отъ періода анархическаго существованія, въ качествѣ небольшого и лишеннаго средствъ отряда. Далѣе, Бутовъ совершенно правильно указалъ, что въ Забайкальѣ настолько мало проявляется иниціативы центральнаго правительства, и такъ бѣдно обставлена гражданская власть, что популярность Семенова, кото-

рый беретъ на себя разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, невольно возрастаетъ за счетъ Правительства.

Незадолго до этого пріѣхалъ съ Востока же министръ юстиціи. Онъ тоже отмѣтилъ, что Семенова само Правительство толкаетъ на путь безграничнаго честолюбія, легализируя всѣ его достиженія. Изъ командира корпуса онъ превратился въ генералъ-губернатора, изъ атамана Забайкальскаго казачьяго войска—въ походнаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. При Верховномъ Правителѣ существуетъ представитель атамана Семенова, какъ какого-то владѣтельнаго князя.

Дѣйствительно, у этого молодого, совершенно неподготовленнаго къ государственной дѣятельности человѣка могла закружиться голова.

Еще весною 1919 года стало извѣстно, что Семеновъ замышляетъ созданіе Монголо-Бурятскаго княжества. Онъ допустилъ на территоріи Забайкалья съѣздъ бурятъ, и они въ благодарность поднесли ему титулъ князя. Осенью стало извѣстно, что Семеновъ ведетъ какіе-то переговоры съ Чжан-цзо-линомъ, мукденскимъ вице-королемъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ генераловъ сѣвернаго Китая, стремившимся расширить вліяніе Китая въ Маньчжуріи, чему мѣшалъ Хорватъ. Семеновъ будто бы предполагалъ захватить полосу отчужденія въ Маньчжуріи и устранить ген. Хорвата, при условіи поддержки Чжан-цзо-линомъ семеновскаго плана Монголо-Бурятскаго государства. Такимъ образомъ, какъ бы ни былъ наружно лойяленъ Семеновъ, по существу онъ былъ независимъ, безконтроленъ и велъ самостоятельную политику.

Генералъ Розановъ легализировалъ атаманское управленіе, назначивъ Семенова и Калмыкова уполномоченными по охранѣ общественнаго порядка, съ правами генералъ-губернаторовъ.

Калмыковъ, котораго мы считали уголовнымъ преступникомъ, организовавшимъ нѣсколько убійствъ его политическихъ враговъ, оказался тоже маленькимъ царькомъ. Создавалась такая обстановка, что трудно было представить, какъ сможетъ существующее Правительство возстановить свой авторитетъ въ странѣ.

Какъ нарочно, положеніе складывалось такимъ образомъ, что нельзя было покуситься даже на Калмыкова. Въ началѣ ноября онъ сталъ героемъ, такъ какъ спасъ права россійскаго государства отъ незаконныхъ притязаній Китая. Дѣло шло о плаваніи по Амуру. Китайцы претендовали на пропускъ ихъ миноносцевъ, Калмыковъ, опираясь на дѣйствовавшій порядокъ, не допускалъ ихъ и на попытку прорваться отвѣтилъ артиллерійскимъ огнемъ, заставивъ миноносцы уйти обратно.

Источникомъ всѣхъ новыхъ осложненій на Востокѣ явился генералъ Розановъ. Онъ держалъ себя вызывающе по отношенію къ центральной власти. Всѣ донесенія направлялъ непосредственно къ Верховному Правителю, предъявлялъ министрамъ ультиматумы, въ такомъ родѣ: если въ такой-то срокъ мнѣ не будетъ разрѣшено сдѣлать то-то, я сдѣлаю это собственной властью".

Поводомъ для подобныхъ выступленій Розанова послужило прежде всего установленіе новаго порядка разсчета на Китайской Восточной ж. д. Оно вызвало слѣдующую телеграмму Розанова:

„Управляющимъ Китайской Восточной желѣзной дороги, по распоряженію Правленія Общества той же дороги, изданъ приказъ отъ 16 октября за № 212, которымъ устанавливается разсчетъ за провозъ пассажировъ и грузовъ романовскими, или бонами Русско-Азіатскаго банка, или полтинниками, отпечатанными въ Америкѣ.

Пріемъ сибирскихъ денегъ приказомъ прекращается. Проведеніе въ жизнь изданнаго приказа приведетъ къ слѣдующему: 1) къ катастрофическому паденію цѣнности сибирскаго рубля, которымъ оплачивается трудъ; 2) къ бѣшеному вздорожанію предметовъ первой необходимости, пріобрѣтаемыхъ въ краѣ только на сибирскія деньги; 3) къ полному торговому и промышленному кризису, прекращенію выпуска товаровъ и лишенію малоимущихъ классовъ трудовыхъ сбереженій; 4) прекращенію подвоза хлѣба и другихъ насущныхъ предметовъ довольствія для войскъ и населенія края изъ единственнаго источника—Маньчжуріи, что должно привести къ неминуемому торговому кризису, а затѣмъ голоду, возстанію и анархіи въ краѣ; 5) къ остановкѣ снабженія главнаго фронта и населенія Западной Сибири съ Востока; 6) къ поднятію курса романовскихъ денегъ, нынѣ печатаемыхъ въ изобиліи исключительно совѣтскимъ правительствомъ, что выгодно только для большевиковъ, спекулянтовъ и Русско-Азіатскаго банка, который сосредоточилъ заблаговременно въ своихъ рукахъ огромные запасы этихъ денегъ. Въ окончательномъ итогѣ, проведеніе въ жизнь приказа приведетъ къ голоднымъ бунтамъ въ городахъ ввѣреннаго мнѣ округа. Я, какъ назначенный Верховной властью охранять порядокъ и спокойствіе въ краѣ, категорически требую немедленной отмѣны антигосударственнаго и гибельнаго дѣлу возрожденія Россіи приказа. Въ противномъ случаѣ, не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Ожидаю отвѣта не позднѣе 12 часовъ 28 сентября".

Вслѣдъ за тѣмъ Розановъ прислалъ телеграмму, въ которой заключалась такая неприличная брань по адресу министра финан-

совъ Гойера, что эту телеграмму неудобно было показать цѣликомъ послѣднему.

Гойеръ сталъ мишенью всѣхъ нашихъ дальневосточныхъ героевъ изъ-за введенія разсчета на золотой рубль на Китайской Восточной дорогѣ. Это его рѣшеніе было объявлено измѣнническимъ, и его, какъ дѣятеля Русско-Азіатскаго банка, стали обвинять въ томъ, что онъ продаетъ русскіе интересы въ угоду банку. А такъ какъ реформа была проведена приказомъ генерала Хорвата, то обвиненія посыпались и по адресу послѣдняго. Никто не хотѣлъ принять во вниманіе, что Китайская Восточная дорога—частное предпріятіе, которое не могло работать въ убытокъ, и что денежной реформы требовалъ междусоюзный комитетъ.

Тотъ же Розановъ организовалъ во Владивостокѣ распродажу товаровъ изъ портовыхъ складовъ, нарушая всѣ установленныя Совѣтомъ министровъ правила. Началась какая-то вакханалія. Интересы казны и частныхъ лицъ ставились ни во что.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставила адмирала вызвать Розанова въ Омскъ для объясненій. Это еще не означало отставки, но можно было предвидѣть, что объясненія будутъ признаны неудовлетворительными, и отставка неминуемо послѣдуетъ. Верховный Правитель предложилъ Розанову сдать власть на время его отсутствія генералу Романовскому.

Въ отвѣтъ на это пришла телеграмма Розанова, что онъ подчинится, но считаетъ долгомъ указать на возможность безпорядковъ во Владивостокѣ въ случаѣ его отъѣзда, особенно при временномъ и, слѣдовательно, неполноправномъ замѣстителѣ. Повидимому, Розановъ снесся съ Семеновымъ и Калмыковымъ, потому что оба поспѣшили заявить, что для нихъ генералъ Романовскій непріемлемъ.

Омскъ висѣлъ на волоскѣ, а на Дальнемъ Востокѣ разыгрывалась трагикомедія атаманщины. Рѣзкій шагъ со стороны Омска, вродѣ приказа № 61, могъ повести къ распаду Д. Востока. Адмиралъ рѣшилъ оставить Розанова, потребовавъ отъ него письменныхъ объясненій.

Въ Омскъ прибыли въ это время комендантъ Владивостока, полковникъ Бутенко, котораго Розановъ хотѣлъ во что бы то ни стало сплавить и обвинялъ въ семи смертныхъ грѣхахъ, а также командированный генераломъ Хорватомъ, его бывшій помощникъ по гражданской части, В. А. Глухаревъ. Оба они пополнили наши свѣдѣнія о дѣятельности генерала Розанова и о дальневосточной обстановкѣ.

Какъ оказалось, Розановъ успѣлъ окончательно подорвать престижъ омской власти на Д. Востокѣ. Сумбурный, нечистоплотный, пускавшійся на все, чтобы укрѣпить свою власть, онъ расширялъ полномочія атамановъ, желая создать себѣ въ нихъ опору, и въ то же время заигрывалъ съ приморскимъ земствомъ, устраивая свиданія съ Медвѣдевымъ при помощи японцевъ.

Необходимость убрать Розанова не подлежала сомнѣнію. Но кто станетъ на его мѣсто?

Невольно приходилось сожалѣть о томъ, что такъ неосторожно, такъ поспѣшно и такъ неделикатно былъ удаленъ отъ дѣлъ генералъ Хорватъ. Кто могъ лучше разбираться въ мѣстныхъ вопросахъ и лучше поддержать престижъ русской власти на Востокѣ, чѣмъ этотъ уравновѣшенный, дипломатичный и опытный администраторъ? Но почему онъ самъ проявилъ столько непротивленія? Почему онъ терпѣлъ, не протестуя, всѣ ограниченія своей власти, ложное положеніе Верховнаго уполномоченнаго, обреченнаго на бездѣятельность, злоупотребленія агентовъ власти, атаманщину?

Передо мною лежали три тома матеріаловъ, характеризовавшихъ дѣятельность генерала Хорвата за время пребыванія его въ должности Верховнаго уполномоченнаго. Матеріалы эти привезъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ генерала Хорвата.

Достаточно было даже поверхностно ознакомиться съ ними, чтобы увидѣть, какъ легкомысленны были тѣ обвиненія, которыя послужили мотивомъ для упраздненія должности Верховнаго уполномоченнаго. Подъ руководствомъ генерала Хорвата совершалась большая работа. Въ теченіе мѣсяца, съ 20 февраля по 20 марта 1920 года, происходили засѣданія созваннаго имъ финансово-экономическаго совѣщанія, въ которомъ принимали участіе 60 человѣкъ. Постановленія этого совѣщанія—цѣлая программа, составленная съ учетомъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей, и провести ее въ жизнь, конечно, было легче всего тѣмъ, подъ чьимъ наблюденіемъ она составлялась.

Генералъ Хорватъ, съ первыхъ же дней своего назначенія на должность Верховнаго уполномоченнаго, былъ окруженъ людьми, которыхъ навязалъ ему Омскъ. Соглашеніе съ Вологодскимъ въ сентябрѣ 1918 года выполнялось только внѣшне. Генералу не было предоставлено той свободы, на которую онъ могъ разсчитывать. Представленный имъ кандидатъ на должность помощника по военной части, генералъ Флугъ, не былъ утвержденъ; вмѣсто него, попалъ на эту должность генералъ Ивановъ-Риновъ, который

велъ свою линію, мало считаясь съ генераломъ Хорватомъ. Отъ всѣхъ почти министерствъ были назначены на Д. Востокъ особоуполномоченные съ правами товарищей министровъ. Они дѣйствовали опять-таки независимо отъ мѣстной власти, считаясь лишь съ указаніями Омска. Такимъ образомъ, Правительство систематически связывало руки своему Верховному уполномоченному и дѣлало его существованіе излишнимъ. Если бы Омскъ лучше понималъ значеніе децентрализованнаго управленія, если бы онъ предвидѣлъ, во что выльется управленіе генерала Розанова, то, навѣрное, не привелъ бы къ тому, чтобы мѣстопребываніе Хорвата—Эгершельдъ обратился въ никому ненужный наростъ власти.

Теперь приходилось жалѣть о томъ, что сдѣлано, но было уже поздно.

Выполненіе плана.

Слово „поздно", какъ злой рокъ, преслѣдовало всюду, гдѣ только подымалась рука съ цѣлью внести какое-нибудь улучшеніе. Планъ реформъ, намѣченный во время поѣздки съ адмираломъ въ Тобольскъ, ждалъ своего осуществленія. Что же выходило изъ него?

Юристы не успѣвали исполнять всѣхъ заказовъ—такъ было ихъ много. Хотѣлось раньше всего кончить съ вопросомъ о Государственномъ Совѣщаніи. Къ концу октября проектъ былъ законченъ. Въ техническомъ отношеніи онъ былъ разработанъ прекрасно. Политически онъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Я предполагалъ занять своихъ сотрудниковъ реформами мѣстнаго управленія, но Пепеляевъ хотѣлъ, чтобы это было сдѣлано въ его министерствѣ, а самъ уѣхалъ. Новое Положеніе о Совѣтѣ министровъ разрабатывалось, я все время лично слѣдилъ за этимъ. Но все, что затрагивало другія вѣдомства, что было въ рукахъ другихъ руководителей—оставалось неподвижнымъ, потому что некому было повернуть чиновничью машину на новый путь; рука Предсѣдателя Совѣта министровъ была для этого слишкомъ слаба.

Адмиралъ взялъ у меня проектъ организаціи санитарнаго дѣла, разработанный Экономическимъ Совѣщаніемъ. Черезъ нѣсколько дней онъ вернулъ его, указавъ, что Дитерихсъ не совсѣмъ съ нимъ согласенъ. Найти въ это время Дитерихса и безпокоить его, когда онъ былъ поглощенъ тяжелымъ положеніемъ фронта, было бы неприлично.

Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ Ханжинъ. Это назначеніе было совершенно случайно. Генералъ представлял-

ся адмиралу и просилъ *какого-нибудь* мѣста. Адмиралъ назначилъ его военнымъ министромъ. Вологодскій даже не бесѣдовалъ съ Ханжинымъ предварительно назначенія. Почтенный, заслуженный генералъ оказался неопытнымъ администраторомъ и не волевымъ человѣкомъ. Провести что-нибудь черезъ него было невозможно. Вопросы о военной цензурѣ, о генералъ-губернаторахъ, объ „освѣдахъ" лежали безъ движенія.

Событія мчались, какъ вихрь. Прошло всего десять дней со времени возвращенія изъ Тобольска, и уже было не до этихъ вопросовъ, не до реформъ. Даже о Государственномъ Совѣщаніи забыли. Разработанный проектъ лежалъ безъ движенія. Стоялъ вопросъ о судьбѣ Омска и Правительства: быть или не быть?

Денежный вопросъ.

Единственный вопросъ внутренней жизни, котораго никакъ нельзя было обойти, былъ вопросъ денежный. Сибирскіе знаки стремительно обезцѣнивались. Мы раньше не замѣчали въ Омскѣ, до чего плохи были эти знаки. Теперь, когда, съ обезцѣненіемъ денегъ, даже нищіе чиновники стали получать жалованіе пачками, министры могли собственными глазами видѣть, съ какою преступною небрежностью печатались эти знаки. Такъ, напримѣръ, въ одной пачкѣ деньги были разныхъ цвѣтовъ, одни темнѣе, другіе свѣтлѣе; цѣлая серія пятидесятирублевокъ была выпущена съ опечаткой (мѣсяцъ май былъ названъ по-французски „Mai"); вмѣсто „департамента" государственнаго казначейства, печаталось „отдѣлъ", хотя отдѣлъ уже давно былъ преобразованъ въ департаментъ; на нѣкоторыхъ не была поставлена точка. Если въ руки попадало нѣсколько пятисотрублевокъ, то нельзя было ручаться, что всѣ онѣ настоящія, потому что размѣры ихъ и цвѣтъ были различные. Ясно, что уже одни эти внѣшніе дефекты должны были погубить деньги, а тутъ присоединились еще политическія невзгоды. Сибирское Правительство висѣло на волоскѣ—кто же могъ вѣрить сибирскимъ деньгамъ?

Но какъ-нибудь выйти изъ положенія все-таки нужно было. Конечно, единственнымъ разумнымъ средствомъ была бы организація вывоза сырья, но гдѣ было этимъ заниматься, когда все кругомъ было охвачено пожаромъ.

Министръ финансовъ, Л. В. Гойеръ, рѣшилъ выпустить въ обращеніе злополучные американскіе банкноты, не приравнивая ихъ къ сибирскимъ обязательствамъ, съ тѣмъ, чтобы признавать

Донской делегатъ, казакъ-офицеръ Карцевъ.

ихъ платежеспособность по тому курсу, какой будетъ устанавливать рынокъ. На Д. Востокѣ романовскіе знаки расцѣнивались примѣрно въ десять разъ дороже сибирскихъ. Гойеръ разсчитывалъ, что въ такомъ же приблизительно соотношеніи будутъ ходить и „американки". Его планъ заключался въ томъ, чтобы, выпуская постепенно въ обращеніе новые знаки, вытѣснить сибирскіе. При такихъ условіяхъ, чѣмъ выше стояли бы новые знаки въ отношеніи сибирскихъ, тѣмъ это было бы выгоднѣе съ точки зрѣнія успѣха плана.

Неосторожный и безтактный чиновникъ министерства финансовъ, разговаривая по прямому проводу съ Харбиномъ и объясняя планъ министерства, выразилъ основную мысль въ такой неудачной формѣ, что привелъ сибирскія къ катастрофическому паденію. Онъ сказалъ: „паденіе сибирскихъ въ настоящее время намъ выгодно". Понятно, какое озлобленіе вызвало это во Владивостокѣ и Читѣ, которые немедленно испытали послѣдствія обезцѣненія денегъ, и это было тѣмъ хуже, что обстоятельства и тутъ сложились неблагопріятно. Въ перспективѣ эвакуаціи, было не до реформъ денежнаго обращенія.

На фронтѣ.

Что же происходило на фронтѣ? Бои проходили съ небывалымъ ожесточеніемъ. Обѣ стороны дрались со страшнымъ упорствомъ. Наше командованіе бросило на фронтъ всѣ резервы. Пошли крестоносцы, морской баталіонъ, состоявшій изъ квалифицированныхъ техниковъ, часть конвоя Верховнаго Правителя. Смерть безжалостно косила ряды бойцовъ.

Погода установилась отвратительная. Обмундированіе, которое было выслано на фронтъ, каталось по рельсамъ, такъ какъ непрерывное отступленіе не давало возможности развернуться. Солдаты мерзли въ окопахъ.

Безпрерывныя мобилизаціи дали нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ солдатъ, но этимъ солдатамъ нельзя было довѣрять. Не было гарантій, что они не перейдутъ къ краснымъ, не потому, что они сочувствовали имъ, а потому, что больше вѣрили въ ихъ силу, чѣмъ въ силу Колчака. Кто наступалъ, тотъ велъ за собой солдатъ.

Ряды первой арміи такъ порѣдѣли, что, когда красные повели наступленіе на армію ген. Пепеляева, ему некого было выслать; онъ бросился въ бой самъ, вмѣстѣ со штабомъ, и отбросилъ противника.

Генералъ Дитерихсъ объѣхалъ всѣхъ командующихъ арміями: Сахарова, Лохвицкаго и Пепеляева. По соглашенію съ ними, онъ рѣшилъ отступать, не останавливаясь передъ сдачей Омска.

Омскъ началъ разгружаться. Дитерихсъ намѣтилъ новую линію фронта и началъ отводить арміи. Первой уходила сибирская армія, какъ наиболѣе порѣдѣвшая.

Къ омскому вокзалу потянулись длинной версницей возы.

Эвакуація.

Въ концѣ октября у Верховнаго Правителя состоялось засѣданіе Совѣта министровъ. Вопреки увѣренію Тельберга, что адмиралъ не любитъ многолюдныхъ засѣданій, онъ быстро привыкъ къ совмѣстнымъ засѣданіямъ съ министрами.

Поставленъ былъ вопросъ объ эвакуаціи. „Правительство, армія и золото должны быть вмѣстѣ"—такова была формула адмирала. Всѣ рѣчи только развивали эту тему.

Горячо говорилъ Третьяковъ. Онъ призывалъ оставаться въ Омскѣ до послѣдняго.

— Можетъ быть, вамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ адмиралу, суждено повторить безсмертный походъ Корнилова. Мы пойдемъ съ вами.

Но адмиралъ больше одобрялъ практическія дѣйствія, чѣмъ слова. Онъ требовалъ, чтобы разгрузка совершалась быстрымъ темпомъ.

Я вполнѣ раздѣлялъ это стремленіе. Работать въ Омскѣ было невозможно. Онъ былъ военнымъ лагеремъ. Правительство только мѣшало своимъ присутствіемъ, а между тѣмъ тылъ все больше отрывался отъ власти. Въ Иркутскѣ избрана была соціалистическая городская дума, въ Благовѣщенскѣ тоже. Контръ-развѣдка доносила о большой ажитаціи земцевъ. Можно было предвидѣть, что Правительство опоздаетъ и съ переѣздомъ, что раньше, чѣмъ оно пріѣдетъ, на Востокѣ образуется другое.

Поэтому я съ своими учрежденіями не медлилъ и въ первую очередь двинулъ въ Иркутскъ Государственное Экономическое Совѣщаніе и Бюро печати. Я считалъ, что для существованія Правительства нужно, какъ минимумъ, перенести въ Иркутскъ Управленіе дѣлами, какъ центральный аппаратъ, Экономическое Совѣщаніе, какъ нѣкоторую общественную опору, и, наконецъ, средства печати, какъ орудіе агитаціи.

Другіе министры не спѣшили. Эвакуація подготовлялась уже раньше, въ августѣ, но была отмѣнена. Это всѣхъ развратило.

Всѣмъ казалось, что такъ будетъ и теперь. Заниматься эвакуаціей считали проявленіемъ трусости, а не благоразумія. Омская общественность требовала защиты Омска *во что бы то ни стало*. Государственное Экономическое Совѣщаніе, выслушавъ указъ о перерывѣ работъ, постановило выразить Верховному Правителю полную готовность, по первому призыву, вновь приступить къ работѣ по содѣйствію Правительству въ его тяжкихъ трудахъ. Была избрана делегація къ адмиралу въ составѣ Червенъ-Водали, Щукина и полковника Березовскаго.

Адмиралъ согласился принять ее. Но, когда утромъ 31 октября я пришелъ вмѣстѣ съ делегаціей къ адмиралу, онъ былъ въ такомъ настроеніи, что я боялся скандала. Онъ пригласилъ къ себѣ сначала меня одного, стукнулъ кулакомъ по столу и спросилъ: „Вы съ делегаціей?“—„Да“.—„Просите!“ Это было сказано такимъ тономъ, что я ожидалъ возможности самой невѣроятной выходки.

Однако, обошлось благополучно. Волнуясь за адмирала, престижъ котораго я всячески охранялъ, волнуясь и за престижъ Совѣщанія, предсѣдателемъ котораго я былъ, я прочелъ резолюцію Совѣщанія, принятую, въ связи съ указомъ о перерывѣ работъ. Потомъ Червенъ-Водали деликатно и тактично сталъ развивать мысль о томъ, что запасный центръ нуженъ, но что Омскъ, по мнѣнію всѣхъ членовъ Совѣщанія, такъ важенъ политически, что его надо защищать.

Адмиралъ успокоился и оживился. Это было и его мнѣніе. Онъ подчинился одно время авторитету Дитерихса, стоявшаго за оставленіе Омска, но былъ радъ слышать все, что говорило въ защиту Омска.

Дальше рѣчь пошла о Предсѣдателѣ Совѣта министровъ, о необходимости перемѣнъ. Адмиралъ разсказалъ о своей бесѣдѣ съ Вологодскимъ, о довѣріи своемъ къ Пепеляеву, о томъ, что онъ ждетъ его возвращенія.

Послѣ этого произошло то частное засѣданіе министровъ, на которомъ была признана большинствомъ необходимость смѣны премьера. Только общая обстановка разгрузки, подъ видомъ которой происходила фактически эвакуація, помѣшала осуществленію перемѣнъ въ кабинетѣ.

Только одну недѣлю пробылъ послѣ этого въ Омскѣ Совѣтъ министровъ, и вся эта недѣля проходила въ колебаніяхъ: эвакуироваться, или нѣтъ. Верховный Правитель поддался господствующему настроенію. Онъ рѣшилъ защищать Омскъ. На этомъ рѣшили сыграть генералы-карьеристы.

Командовавшій третьей арміей генералъ Сахаровъ просилъ у Верховнаго разрѣшенія пріѣхать въ Омскъ. Ему разрѣшили. Однажды адмиралъ вызвалъ Третьякова, Неклютина, Устругова, Пепеляева и меня къ себѣ. Это былъ не совѣтъ Верховнаго, а импровизированное засѣданіе. Присутствовали Сахаровъ и назначенный его помощникомъ Ивановъ-Риновъ. Сахаровъ сдѣлалъ докладъ о положеніи на фронтѣ, о нуждахъ арміи, о настроеніяхъ ея. Изъ всего вытекало, что защищаться нельзя. Но, къ общему удивленію, онъ сдѣлалъ неожиданно и нелогично выводъ, что защищаться нужно. Дитерихсъ не присутствовалъ.

Выслушавъ докладъ, мы хотѣли возражать, но испортилъ дѣло Уструговъ. Вмѣсто того, чтобы сразу изложить свои сомнѣнія, онъ задалъ вопросъ, будемъ ли мы обсуждать докладъ командующаго арміей.

— Конечно, нѣтъ! рѣзко замѣтилъ адмиралъ. Я пригласилъ васъ только для информаціи.

Подѣлившись своими соображеніями о неустранимости безпорядка въ дѣлѣ снабженія и транспорта, пока будетъ существовать многовластіе, мы разошлись.

На другой день пришлось очень долго ожидать адмирала. Было за двѣнадцать, когда онъ вышелъ принять докладъ.

— Знаете, сообщилъ онъ мнѣ, я всю ночь обсуждалъ здѣсь положеніе и рѣшилъ защищать Омскъ. Главнокомандующимъ будетъ Сахаровъ.

Указъ былъ уже подписанъ. Сахаровъ, который наканунѣ держалъ себя съ неприличною самоувѣренностью, былъ мнѣ совершенно незнакомъ. Я съѣздилъ къ Ноксу узнать его мнѣніе. Онъ сказалъ, что Сахаровъ смѣлый офицеръ, что, можетъ быть, ему и удастся выполнить свой планъ и защитить Омскъ.

Всѣ распоряженія Дитерихса объ эвакуаціи были отмѣнены. Поѣзда, слѣдовавшіе изъ Омска, были задержаны. Нѣкоторымъ частямъ приказано было выйти изъ Новониколаевска въ Омскъ, выѣхавшимъ чинамъ военнаго министерства—вернуться. Все перевернулось вверхъ дномъ.

Адмиралъ ободрился. Но прошелъ день, другой, и выяснилось, что остановить отступленіе невозможно. Распоряженія Сахарова внесли только лишній сумбуръ. Чтобы оправдать себя, онъ обвинялъ во всемъ Дитерихса.

Адмиралъ не могъ спокойно говорить о Дитерихсѣ. Онъ называлъ его чуть ли не измѣнникомъ, обвиняя, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ увелъ съ фронта сибирскую армію и, такимъ

образомъ, обнажилъ флангъ остальныхъ. Докладчики не хотѣли быть честными и не сообщали, что они сами присоединились къ плану Дитерихса, и что уведенная армія фактически состояла только изъ штабовъ, обозовъ и небольшихъ потрепанныхъ отрядовъ.

Между тѣмъ совершалось нѣчто непредвидѣнное.

Взоры всѣхъ съ тревогой впились въ сторону Иртыша. Онъ не замерзалъ. Падалъ мокрый снѣгъ, стояла распутица, зима упорно не приходила.

Незамерзшая, непроходимая рѣка на пути отступающей арміи — это грозило такой катастрофой, о которой языкъ отказывался говорить.

Адмиралъ весь ушелъ въ свои глаза. Они смотрѣли мимо собесѣдниковъ, большіе, горящіе, бездонные, и были устремлены въ сторону фронта.

Послѣднія засѣданія въ Омскѣ.

Совѣтъ министровъ все еще ничего не понималъ. Противъ эвакуаціи упорно возражали нѣсколько министровъ. Вологодскій безпомощно разводилъ руками. Никто не хотѣлъ видѣть, что творилось въ Омскѣ. Городъ перешелъ всецѣло во власть военныхъ. Пріѣхавшаго изъ Архангельска Игнатьева, бывшаго члена сѣвернаго правительства, посадили въ тюрьму, безъ вѣдома кого-либо изъ министровъ. Добиться, почему онъ посаженъ, никто не могъ. Подозрѣвали дикое.

Жардецкій пріѣхалъ сообщить мнѣ, что подготовляется арестъ Сукина, Михайлова и меня, въ виду вреднаго вліянія нашего на адмирала. Уже самое сопоставленіе фамилій людей, рѣзко расходившихся въ политикѣ и ея пріемахъ, свидѣтельствуетъ о нелѣпости плана. Но все было возможно.

Въ то время, какъ пребываніе правительства въ Омскѣ лишало его послѣдняго вліянія, страна потеряла всякую связь съ столицей. „Правительственный Вѣстникъ" дальше Омска не выходилъ. Учрежденія перестали работать. Самъ Совѣтъ министровъ тратилъ время на безплодные споры объ эвакуаціи.

Я не вѣрилъ искренности нѣкоторыхъ возражавшихъ. Это были случайные люди для Сибири, люди, которые могли смотрѣть на оставленіе Омска, какъ на конецъ своей карьеры; Иркутскъ, повидимому, ихъ не интересовалъ, и потому они нисколько не входили въ разсмотрѣніе перспективъ переѣзда. А, можетъ быть, они были дальновиднѣе другихъ и были увѣрены, что власть, оставляя Омскъ, неминуемо погибнетъ.

Вопросъ рѣшилъ самъ адмиралъ. Онъ приказалъ выѣзжать. Спѣшно приняли мы положеніе о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи, на всякій случай законъ о денежной реформѣ, законъ о предоставленіи законодательныхъ правъ Совѣту министровъ, на случай разобщенія съ Верховнымъ Правителемъ—и собрались въ путь.

Въ субботу 8 октября состоялось послѣднее совмѣстное засѣданіе Совѣта министровъ съ Верховнымъ Правителемъ. Адмиралъ утвердилъ всѣ законы. Онъ остановился только на вопросѣ о назначенныхъ членахъ Совѣщанія. Нѣкоторые министры находили, что отъ назначенія лучше совсѣмъ отказаться, адмиралу казалось, наоборотъ, что надо увеличить число назначенныхъ членовъ.

Въ сосѣдней комнатѣ ждалъ чиновникъ, чтобы отнести законъ въ типографію. На слѣдующій день онъ появился въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", послѣднемъ его номерѣ, вышедшемъ въ Омскѣ.

Министры сердечно простились съ адмираломъ.

Военный планъ.

Я посѣтилъ адмирала еще и на слѣдующій день. У него были также Пепеляевъ, который не хотѣлъ уѣзжать и придумывалъ предлоги, чтобы остаться, и Сукинъ, который рѣшилъ уѣхать и оставить, вмѣсто себя, Жуковскаго. Адмиралъ приказалъ Пепеляеву и мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ правительствомъ.

Настроеніе у него было мрачное. Онъ производилъ впечатлѣніе нравственно измученнаго человѣка.

Казалось, все было сдѣлано для защиты Омска. Начальникъ гарнизона докладывалъ Совѣту министровъ, какія у него части, какія приняты мѣры, и выходило, что безпокоиться не о чемъ. Былъ изданъ указъ о призывѣ всего мужского населенія. Я лично провелъ ночь въ типографіи, чтобы этотъ указъ былъ своевременно опубликованъ. Защита города была поручена одному изъ самыхъ энергичныхъ и смѣлыхъ генераловъ, Войцѣховскому. Я видѣлъ его у адмирала. Это было поздно, часовъ въ 12 ночи. Адмиралъ вызвалъ меня и просилъ распорядиться, чтобы въ три дня было очищено зданіе судебныхъ установленій. Войцѣховскій былъ въ это время у адмирала. Онъ показался мнѣ глубоко сосредоточеннымъ, какъ-то несоотвѣтственно явной молодости, и своимъ печальнымъ и серьезнымъ видомъ онъ рѣзко отличался отъ другихъ генераловъ.

Но что-то подсказывало внутри, что Омскъ не уцѣлѣетъ. И я не удержался, чтобы не спросить адмирала, окончательно съ нимъ прощаясь: а что, если Омскъ падетъ, что будетъ дальше? Есть ли у него какой-нибудь планъ?

Онъ былъ очень удивленъ моимъ вопросомъ.— Какой же планъ? Будемъ отступать на Востокъ. Не можетъ же мы бросить желѣзнодорожную линію.

Я былъ, въ свою очередь, удивленъ. А продовольствіе? Откуда будетъ приходить оно на Востокъ? Мнѣ раньше казалось, что даже правительство, если оно не успѣетъ эвакуироваться, должно будетъ попытаться уѣхать на югъ, по направленію къ Семирѣчью, куда какъ будто перстъ Божій указалъ путь, даровавъ осенью большую побѣду.

Невольно я подумалъ о Дутовѣ, который формировалъ армію въ глубинѣ Акмолинской области и не спѣшилъ усилить лѣвый флангъ армій. Гдѣ онъ, не направится ли онъ на югъ?

Мы простились съ адмираломъ. Я обѣщалъ ему позвонить со станціи, когда поѣздъ будетъ отправляться. Онъ очень безпокоился о своихъ министрахъ и не могъ скрыть безпокоившую его мысль, что правительство не сможетъ выѣхать.

Отъѣздъ.

Въ воскресенье распутица усилилась еще больше. Улицы и тротуары были залиты водой. Не переставалъ падать мокрый снѣгъ. Комендантъ Совѣта министровъ самъ разъѣзжалъ на паровозѣ, формируя составъ. Одни вагоны не находились, другіе нельзя было вывезти, потому что на пути произошло какое-то крушеніе. Трудно было думать, что все это случайности.

Вечеромъ зданіе Совѣта министровъ превратилось въ станціонный залъ. Повсюду набросаны были груды багажа, и сидѣли фигуры въ пальто и шубахъ. Освѣщеніе было тусклое. Арматуру намѣренно сняли.

Только къ десяти часамъ вечера получено было сообщеніе, что часть поѣзда готова.

Мы тронулись въ путь на другой день утромъ, 10 октября. На станціи были расклеены объявленія о томъ, что адмиралъ рѣшилъ защищать Омскъ, и что онъ не оставитъ арміи. Говорилось, что красные еще далеко, но никто не зналъ точно, гдѣ. Однако, адмиралъ такъ торопилъ правительство съ отъѣздомъ, такъ безпокоился о министерскомъ поѣздѣ, что всѣ чувствовали инстинктивно, что опасность гораздо ближе, что она вокругъ насъ.

Въ вагонахъ.

Въ день отъѣзда ударилъ морозъ. Стало легче на душѣ: армія сможетъ отойти за Иртышъ.

По обѣ стороны пути тянулись обозы отступающихъ частей. На станціяхъ стояли длинной цѣпью эшелоны эвакуирующихся министерствъ и штабовъ. Платформы были наполнены всякимъ скарбомъ.

Въ Новониколаевскѣ мы получили извѣстіе, что дѣла Деникина идутъ очень плохо. Я посѣтилъ стоявшаго тамъ Дитерихса. Онъ показалъ мнѣ торжествующее радіо большевиковъ, которое заканчивалось словами: „плохо, братъ Деникинъ, пора умирать.“—„А вы знаете“, сказалъ Дитерихсъ, „что вамъ лично грозила опасность въ Омскѣ? Я просилъ генерала Домонтовича васъ объ этомъ предупредить.“

Мы тронулись дальше. Ѣхали спокойно, но чувствовали себя путешественниками, а не правительствомъ. Все разбилось, разорвалось на части и жило своею жизнью по инерціи, не зная и не ища власти. Только начиная отъ Красноярска, гдѣ путь уже не такъ былъ разбитъ, стали выходить мѣстные администраторы, чтобы встрѣтить и получить инструкціи.

Но что могъ дать имъ Вологодскій, который въ это время больше походилъ на путешественника, чѣмъ когда-либо! И встрѣчавшіе получали только послѣдній номеръ „Правительственнаго Вѣстника“ съ Положеніемъ о Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи. Это была послѣдняя ставка правительства.

Любопытно, что одна изъ послѣднихъ телеграммъ Деникина извѣщала о разработкѣ проекта учрежденія законодательнаго органа. Этого же хотѣлъ и Миллеръ въ Архангельскѣ. Всѣ пришли къ одному выводу. Но Миллеръ просилъ одновременно дать ему право производить въ чины и награждать орденами. Эту телеграмму мы оставили безъ отвѣта.

Министры ѣхали въ разныхъ вагонахъ и съ разными мыслями. Нѣсколько разъ мы всѣ встрѣчались на засѣданіяхъ въ вагонѣ Вологодскаго. Одни вносили проекты, касавшіеся перевода денегъ на обезпеченіе пословъ, о нормахъ обезпеченія уходившимъ министрамъ—это были холодные практики, другіе—о расширеніи правъ губернаторовъ, о порядкѣ использованія эвакуированныхъ чиновниковъ—это были неисправимые оптимисты и люди, которые страдали.

Глава XXIV.

Побѣждающій большевизмъ.

Радіо большевиковъ возвѣщало всему міру, что вторая годовщина октябрьской революціи была отпразднована въ 1919 году при всеобщемъ народномъ подъемѣ.

Можно было не сомнѣваться въ правильности сообщенія. Тріумфъ Троцкаго, получившаго 25 октября орденъ Краснаго знамени, былъ вполнѣ понятенъ. Армія адмирала Колчака обратилась въ безпорядочное бѣгство, а въ районъ расположенія силъ генерала Деникина врѣзался клинъ наступающихъ красныхъ войскъ. Деникинъ отступалъ, и не только миновала опасность Москвѣ, но и открылись перспективы освобожденія хлѣбныхъ районовъ. Юденичъ отступилъ къ границамъ Эстляндіи. Въ Юрьевѣ было достигнуто соглашеніе между совѣтской Россіей и Эстляндіей о признаніи послѣдней и прекращеніи военныхъ дѣйствій. Юденичъ уже не думалъ о взятіи Петрограда, его вниманіе было направлено въ сторону спасенія остатковъ разбитой арміи.

Было чему радоваться въ красной Москвѣ.

Омское Правительство выѣхало 10 ноября, а 14-го Омскъ былъ уже занятъ красными. Произошло занятіе Омска съ тою же понятной только для свидѣтелей гражданской войны, объяснимой только соціальной психопатологіей, катастрофической быстротой. Возстаніе внутри, неожиданное появленіе отрядовъ красныхъ съ сѣвера—и все побѣжало, всѣ силы гарнизона куда-то испарились, одни отнимали у другихъ лошадей, одни другихъ пугали.

Впечатлѣніе непреодолимости красныхъ силъ усиливалось отъ стихійности ихъ движенія. Красная армія начала казаться всѣмъ непобѣдимой. Сила сопротивленія становилась все слабѣе. Переломъ настроенія въ сторону большевиковъ вызвалъ массовый переходъ на ихъ сторону всѣхъ тѣхъ, кто относился безразлично или съ антипатіей къ власти Верховнаго Правителя.

Адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ объединили далеко не всѣхъ враговъ большевизма. Уже послѣ сверженія Директоріи

и явнаго похода омской власти противъ Учредительнаго Собранія перваго созыва, всѣ соціалисты-революціонеры центра (черновцы) перешли въ лагерь большевиковъ. Члены самарскаго правительства (Комитета членовъ Учредительнаго Собранія), Вольскій и другіе, послѣ неудачныхъ переговоровъ въ Уфѣ, капитулировали и были со снисхожденіемъ приняты большевиками. За эсерами-„черновцами" потянулись въ Каноссу и другіе соціалисты. Многіе изъ меньшевиковъ стали опасаться, что завоеванія революціи погибнутъ, если побѣдятъ Колчакъ и Деникинъ. Лѣвые соціалисты-революціонеры пошли на уступки, интернаціоналисты-эсдеки простерли къ большевикамъ свои объятія. Сталъ создаваться *единый соціалистическій фронтъ*.

Приливъ новыхъ силъ сталъ сказываться въ управленіи. Большевики получили возможность произвести существенныя перемѣны въ составѣ администраціи.

Въ то же время чиновничество, вынужденное голодомъ, а офицерство—не только голодомъ, но и безвыходностью положенія, прекратили саботажъ. Въ отношеніи офицерства Деникинъ первый, а за нимъ и Колчакъ, совершили крупную тактическую ошибку. Приказы Деникина объ офицерахъ красной арміи и недоброжелательное отношеніе къ перебѣжчикамъ побуждали офицерство оставаться въ „большевизіи" и служить въ красной арміи. Если принять во вниманіе, что Троцкій установилъ круговую повинность офицеровъ и расправу съ семьями перебѣжчиковъ, то не трудно понять, что переходъ ихъ становился психологически невозможнымъ. Къ тому же, политическія стремленія Колчака и Деникина были выражены неясно, а союзники, на которыхъ опирались ихъ арміи, казались многимъ не друзьями, а врагами Россіи. Тяготѣніе къ Германіи, какъ къ странѣ обиженной и способной на болѣе искренній и тѣсный союзъ съ Россіей въ цѣляхъ обезпеченія реванша, вліяло въ свою очередь на привлеченіе офицерства въ составъ красной арміи, для которой всегда рисовался въ перспективѣ союзъ съ Германіей.

Красная армія.

Гражданская война заставила народныхъ комиссаровъ создать дисциплинированную военную силу.

Тѣ безформенныя и недисциплинированныя банды, которыя давали отпоръ чехамъ, а затѣмъ народной сибирской арміи, въ 1919 году смѣнились регулярными войсками.

Принципъ добровольчества, который былъ провозглашенъ въ январѣ 1918 г., очень скоро разочаровалъ комиссаровъ и на 5-омъ всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ Троцкій, не смущаясь, отрекся отъ него.

„Я не знаю", сказалъ онъ на съѣздѣ, „ни одного въ нашей средѣ, который когда бы то ни было полагалъ, что принципъ добровольчества является здоровымъ принципомъ для организаціи подлинной народной демократической арміи.

„Намъ необходимо сейчасъ имѣть основное ядро арміи, которое было бы боеспособнымъ въ каждую минуту. Этотъ боеспособный кадръ мы составляли до сихъ поръ путемъ добровольчества, но отъ этого принципа мы должны отказаться и практически пришли къ методу принудительной военной мобилизаціи.

„Наши частичные опыты являются только подготовительнымъ шагомъ къ объявленію закона о томъ, что каждый гражданинъ совѣтской республики отъ 18 до 40 лѣтъ въ любой моментъ по призыву центральной совѣтской власти долженъ становиться подъ знамена для защиты этой власти.

„Мы сдѣлали все возможное, чтобы создать наше новое офицерство изъ среды тѣхъ рабочихъ и крестьянъ, которые прошли черезъ школу войны, и у которыхъ есть боевое, военное призваніе. Мы ихъ пропускаемъ черезъ инструкторскіе курсы. Число этихъ курсовъ мы будемъ увеличивать съ каждымъ мѣсяцемъ и *покроемъ ими всю страну.*

„Въ Москвѣ, какъ я уже докладывалъ, въ подавленіи мятежа принимали участіе наши завтрашніе совѣтскіе офицеры, воспитанники инструкторскихъ курсовъ. Они являются самыми преданными, самыми твердыми солдатами совѣтской власти.

„Мы открыли двери академіи генеральнаго штаба, нынѣ называющейся военной академіей, для лицъ, лишенныхъ ценза. Мы послали туда около 150 новыхъ воспитанниковъ, которые являются преданными солдатами совѣтской власти, и первый выпускъ этихъ офицеровъ генеральнаго штаба дастъ намъ наша академія въ теченіе ближайшихъ десяти-двѣнадцати мѣсяцевъ.

„Создавая новый командный составъ изъ среды тѣхъ классовъ, которые теперь призваны къ власти, мы пока используемъ старый командный составъ, во всѣхъ его здоровыхъ частяхъ, давая представителямъ этого стараго командногo состава возможность широкой работы".

Всѣ предложенія Троцкаго были приняты. Пятый съѣздъ совѣтовъ одобрилъ принципъ обязательности службы и обязательно-

сти военнаго обученія. Начало милитаризаціи совѣтской Россіи получило себѣ яркое выраженіе въ п. 13 резолюціи съѣзда.

Совѣтскій милитаризмъ.

„Съѣздъ", говорится въ резолюціи, „вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ совѣтскимъ учрежденіямъ, всѣмъ профессіональнымъ, фабрично-заводскимъ организаціямъ всемѣрно содѣйствовать военному вѣдомству въ сферѣ проведенія *обязательнаго обученія военному дѣлу* рабочихъ и не эксплоатирующихъ чужого труда крестьянъ. Необходимо повсемѣстное созданіе стрѣлковыхъ обществъ и тировъ, устройство маневровъ и военно-революціонныхъ празднествъ и широкая агитація, направленная на повышеніе интереса къ военному дѣлу въ рабочемъ классѣ и крестьянствѣ".

Съѣздъ одобрилъ также введеніе въ красной арміи строгой дисциплины.

„Рабочая и крестьянская красная армія должна быть построена на основѣ желѣзной революціонной дисциплины. Гражданинъ, который получилъ оружіе отъ совѣтской власти для защиты интересовъ трудящихся массъ, обязанъ безпрекословно подчиняться требованіямъ и приказамъ поставленныхъ совѣтской властью командировъ. Хулиганскіе элементы, которые грабятъ и насилуютъ мѣстное населеніе, или устраиваютъ мятежи, шкурники, трусы и дезертиры, которые покидаютъ боевые посты, должны караться безпощадно".

Весной 1919 г. результаты новой организаціи уже сказались. Мобилизованные крестьяне по прежнему составляли толпу, готовую разбѣжаться при первой неудачѣ, но въ каждой части создано было надежное боевое ядро. Всѣ сознательные сторонники рабоче-крестьянской власти послѣ испытанія ихъ вѣрности принимаются въ партію коммунистовъ и ставятся въ привилегированное положеніе. Они пользуются не только матеріальными выгодами, но и служебными преимуществами. Изъ нихъ набираются военные комиссары, которые слѣдятъ за настроеніями армій, за дѣйствіями команднаго состава, а также завѣдываютъ всею хозяйственною частью.

Коммунисты, не въ примѣръ прочимъ, вооружаются револьверами и для самообороны и для расправы съ измѣнниками.

Офицеры Омскаго Правительства нерѣдко наблюдали, что наступавшіе красные меньше боялись противника, чѣмъ какихъ-то силъ, находившихся у нихъ въ тылу. Бросалось въ глаза, что

наступавшія цѣпи, въ случаѣ бѣгства отъ непріятеля, подвергались обстрѣлу сзади. Повидимому, это работали коммунисты.

Уставъ внутренней службы.

Послѣ того, какъ совѣтскія власти рѣшили преобразовать красную армію въ регулярныя войска, кадровое офицерство возстановило, прежде всего, дѣйствіе *старыхъ уставовъ*. Въ нихъ измѣнилась только внѣшняя сторона. Солдатъ переименовался въ „воина-революціонера", отечество стало называться „соціалистическимъ", къ военнымъ названіямъ прибавилось слово „товарищъ" („товарищъ командиръ полка", „товарищъ красноармеецъ"), но сущность устава прежняя.

Какъ чисто внѣшне передѣлывался уставъ, показываютъ хотя бы слѣдующія статьи:

„16. Въ случаѣ обращенія по службѣ начальника къ подчиненному, не находящемуся въ строю, начальникъ, имѣющій головной уборъ надѣтымъ, всегда прикладываетъ къ таковому руку и тотчасъ же опускаетъ ее, на что подчиненный отвѣчаетъ ему, также прикладывая руку къ головному убору и опуская ее.

Такое же правило соблюдается и при обращеніи по службѣ подчиненнаго къ начальнику.

Примѣчаніе. При нахожденіи военнослужащаго внѣ строя съ обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ, прикладываніе руки къ головному убору замѣняется опусканіемъ оружія по правиламъ строевого устава.

22. Для выраженія привѣтствія частями войскъ (командами), находящимися въ строю, начальникомъ части (команды) подается команда „смирно", исполняемая по правиламъ строевого устава.

Если при части войскъ (командѣ) находится хоръ музыки, то послѣдній при привѣтствіи играетъ интернаціоналъ или народный гимнъ.

27. Если начальникъ обратится къ части (командѣ), находящейся въ строю, то военнослужащіе, находящіеся въ этой части (командѣ), отвѣчаютъ ему: на привѣтствіе—„здравствуйте", когда начальникъ благодаритъ, красноармейцы отвѣчаютъ: „служимъ народу" (или „служимъ революціи"); когда начальникъ поздравляетъ съ чѣмъ-либо—„благодаримъ"; когда начальникъ прощается—„прощайте". Начальникъ, или производящій смотръ, или принимающій парадъ привѣтствуетъ части во время прохожденія церемоніальнымъ маршемъ словами: „Да здравствуетъ совѣтская

власть“, или: “Да здравствуетъ пролетарская революція“ и т. д. Проходящая мимо часть отвѣчаетъ возгласомъ „ура“.

Сущность внѣшней военной дисциплины, выражающаяся въ однообразіи дѣйствій и обязательности создающихъ механичность поступковъ, всецѣло сохранена уставомъ рабоче-крестьянской арміи. Все же главное содержаніе устава, ставящее солдатъ въ подчиненіе строгому распредѣленію времени и общему режиму военной дисциплины, осталось и вовсе безъ измѣненія.

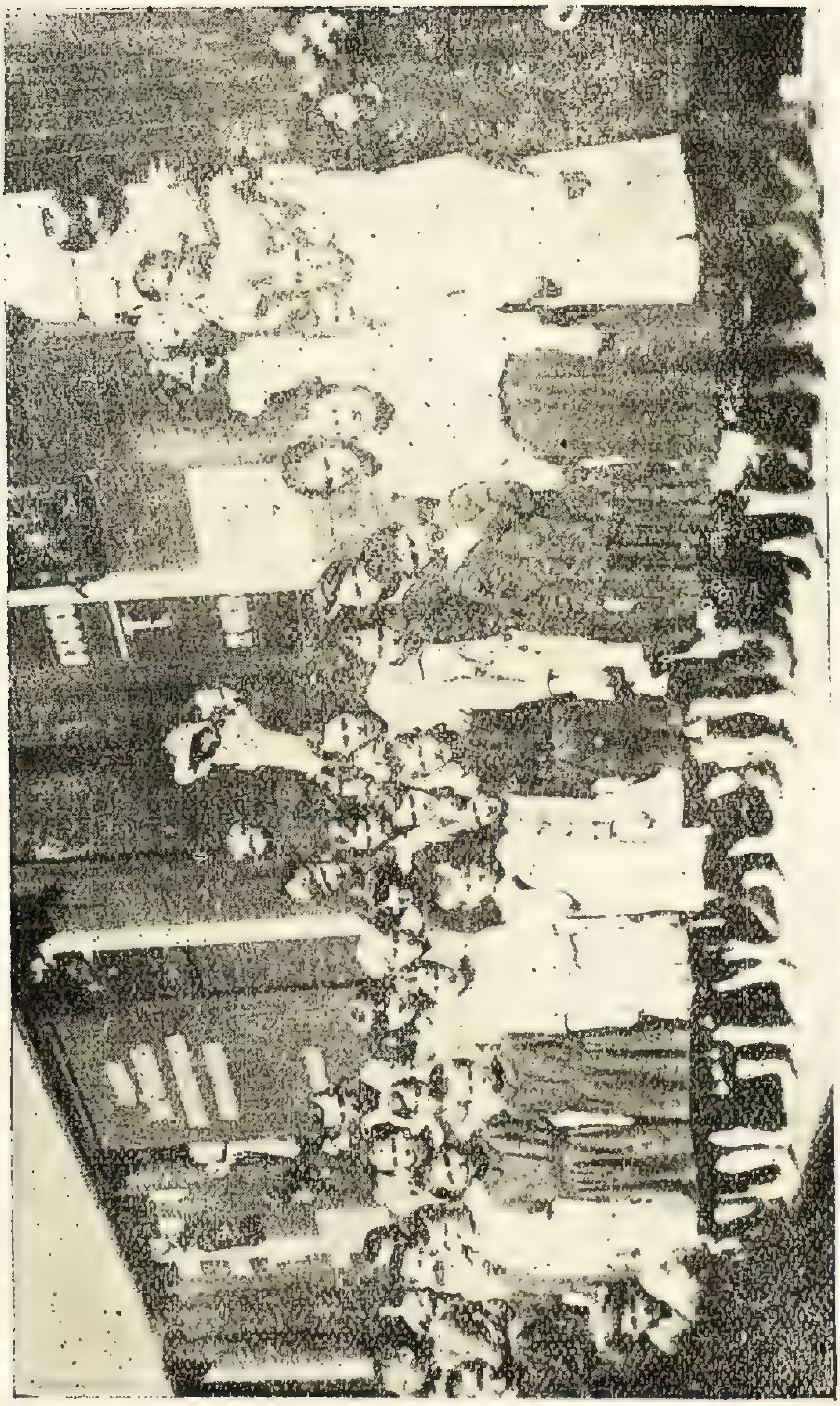
Красноармейскія привилегіи.

Уставъ существовалъ не только на бумагѣ. Какъ это ни непріятно, но приходится признать, что регулярныя красныя войска проявляли лѣтомъ и осенью 1919 г. больше дисциплины, чѣмъ войска бѣлыя. Во время пребыванія адмирала Колчака въ Тобольскѣ можно было наблюдать распущенность военныхъ и особенно офицерства, которое пьянствовало и развратничало, тогда какъ, по общимъ отзывамъ, красные вели себя съ большою выдержкою.

Точно такъ же въ сентябрѣ, при послѣдней попыткѣ наступленія отъ Ишима къ Тобольску, когда бѣлые вновь занимали районы, недавно побывавшіе въ рукахъ красныхъ, приходилось наблюдать, что красноармейцы, большею частью, аккуратно и честно расплачивались съ населеніемъ, тогда какъ наши казачьи части обнаруживали чисто грабительскіе инстинкты. Немалую роль въ этомъ сыграла ничтожность содержанія солдатъ и особенно офицеровъ. Послѣдніе были настолько мало обезпечены, что изъ нужды старались довольствоваться за счетъ населенія.

Секретъ дисциплины красныхъ объяснился, впрочемъ, очень просто. Послѣ того, какъ совѣтскія войска прочно занимали какой-нибудь районъ, они начинали производить общую реквизицію, и львиная доля доставалась красной арміи. Заранѣе обезпеченная въ выгодахъ „завоеванія“, она научилась проявлять революціонную выдержку.

Въ составѣ военныхъ силъ надо различать два элемента: красную армію и мобилизованныхъ. Первая—это военная аристократія, привилегіи которой неисчислимы. Вторые—это пушечное мясо. Красноармейцы идутъ позади, заставляя мобилизованныхъ брать окопы. Красноармейцы видятъ такъ много заботъ о себѣ, что они служатъ не за страхъ, а за совѣсть. Это подлинные опричники, которые держатъ въ своихъ рукахъ забитую и напуганную массу. Погибнуть красная армія можетъ только тогда,



Американскіе питомцы изъ бѣженскихъ дѣтей.

когда мобилизованные найдутъ предводителя, чтобы повернуть свои штыки противъ тирановъ, но для предупрежденія этого приняты мѣры.

Первая мѣра—организація *военныхъ совѣтовъ*. Эти коллегіальныя учрежденія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ опытныхъ старыхъ офицеровъ, но въ нихъ всегда участвуетъ лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ комиссаровъ. Такъ, напримѣръ, во главѣ главнаго военнаго совѣта республики стоитъ Троцкій.

Вторая мѣра—система всепроникающаго *шпіонажа*. Коммунистъ въ арміи—наблюдатель и доносчикъ. Сами коммунисты строго слѣдятъ одинъ за другимъ, но еще строже они слѣдятъ за другими.

Наконецъ, въ каждой арміи есть *политическій отдѣлъ*. Его назначеніе—привлекать новыхъ агентовъ коммунизма. Это своего рода миссіонеры. Въ рукахъ политическихъ комиссаровъ находится и все дѣло снабженія—самое могущественное средство награды и кары, но въ этомъ заключается и сильное и слабое мѣсто красной арміи. Въ случаѣ ухудшенія дѣла снабженія, вся отвѣтственность упадетъ на политическихъ комиссаровъ.

Централизмъ.

(*Совѣтская конституція.*)

Армія—зеркало государства. Въ обстановкѣ всеобщаго развала и анархіи дисциплинированной арміи быть не можетъ. Въ то время, когда каждый „совдепъ" считалъ себя независимымъ отъ центра и дѣйствовалъ по своему, попытки народныхъ комиссаровъ создать армію были безплодны. Троцкій съ безпощадной откровенностью изложилъ это на пятомъ съѣздѣ.

„Даже губернскіе комиссаріаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хромаютъ на одну, а то и на обѣ ноги, и не имѣютъ достаточнаго количества компетентныхъ работниковъ и крѣпкихъ комиссаровъ. А безъ всего этого, товарищи, мы, разумѣется, никакой арміи создать не можемъ.

„Нужно, чтобы каждый комиссаріатъ хорошо помнилъ свою іерархическую зависимость отъ комиссаріата, стоящаго выше надъ нимъ: волостной отъ уѣзднаго, уѣздный отъ губернскаго, губернскій отъ окружнаго, окружный отъ центра, отъ Москвы. Это простая механика, но ее нужно помнить, а, между тѣмъ, это не всегда наблюдается. Совѣтскій централизмъ находится еще въ

зачаточномъ состоянiи, а безъ него мы ничего не создадимъ ни въ военной, ни въ продовольственной, ни въ другихъ областяхъ.

„Армiя по своему существу есть строго централистическiй аппаратъ, тѣсно связанный нитями съ своимъ центромъ. Нѣтъ централизма—нѣтъ армiи.“

Грозная опасность контръ-революцiи обуздала распущенныхъ агентовъ совѣтской власти и усилила центръ. Какъ бы ни были жестоки и безсердечны московскiе комиссары, все же они не могли покровительствовать тѣмъ ужасамъ, слѣды которыхъ были обнаружены, напримѣръ, въ Перми, гдѣ сотни изуродованныхъ труповъ и заживо замученныхъ людей остались памятникомъ господства комиссара Окулова. Но центральная власть не въ силахъ была справиться съ своими мѣстными представителями и ограничивалась „товарищескимъ“ порицанiемъ.

Основной законъ совѣтской республики положилъ начало централизацiи власти, подчиненiю мѣстныхъ совѣтовъ московскимъ комиссарамъ. Неясная схема федерацiи совѣтовъ, которая давала основанiе для развитiя самостоятельныхъ дѣйствiй, смѣнилась болѣе опредѣленнымъ представленiемъ о союзѣ нацiй (федерацiи совѣтскихъ нацiональныхъ республикъ, а не федерацiи „совѣтовъ“ вообще). Государственная самостоятельность стала признаваться, такимъ образомъ, только за народностями, организовавшими свои нацiональные совѣты, но отнюдь не за каждымъ областнымъ совдепомъ, какъ было въ 1918 г.

Верховная государственная власть, согласно совѣтской конституцiи, принадлежитъ всероссiйскому съѣзду совѣтовъ, который долженъ созываться не менѣе двухъ разъ въ годъ. Въ перiодъ между съѣздами верховная власть (законодательныя, распорядительныя и контрольныя функцiи) принадлежитъ центральному Исполнительному Комитету, избираемому на съѣздѣ совѣтовъ, въ числѣ двухсотъ человѣкъ (ст. 12, 26, 30).

Центральный Исполнительный Комитетъ избираетъ народныхъ комиссаровъ и можетъ отмѣнить и прiостановить всякое постановленiе и рѣшенiе Совѣта народныхъ комиссаровъ.

Всѣ эти центральные органы признаются безусловнымъ авторитетомъ для мѣстныхъ учрежденiй. Совѣтская конституцiя объявляетъ первою обязанностью областныхъ, губернскихъ и прочихъ мѣстныхъ органовъ „*проведенiе въ жизнь всѣхъ постановленiй высшихъ органовъ совѣтской власти*“ (п. а. ст. 61).

Въ комментированномъ оффицiозномъ изданiи конституцiи (Глѣбовъ—„Нашъ основной законъ“, изд. Всерос. Ц. И. К.) да-

ются слѣдующія разъясненія по поводу обязанностей совѣтской власти.

„Къ чему призвана совѣтская власть на мѣстахъ? Прежде всего къ тому, чтобы точно и неуклонно проводить въ жизнь рѣшенія центральной совѣтской власти. Въ проведеніи рѣшеній центральной власти на мѣстахъ были и есть большіе недостатки. До самаго послѣдняго времени на мѣстахъ совѣты работали, „какъ Богъ на душу положитъ", и выходило отъ этого то, что во многихъ мѣстахъ совѣтская власть рѣшала вопросы, въ корнѣ противорѣча центру. Этого можно избѣгнуть только тогда, если мѣстная власть будетъ точно придерживаться постановленій Центральнаго Правительства.

„Высшіе органы совѣтской власти должны слѣдить за правильнымъ исполненіемъ постановленій центральной власти мѣстными совѣтами. Уѣздный Исполнительный Комитетъ обязанъ провѣрять дѣйствія волостныхъ и сельскихъ совѣтовъ въ своемъ уѣздѣ.

„Областные и губернскіе органы совѣтской власти, кромѣ провѣрки дѣйствій совѣтовъ, входящихъ въ данную губернію или область, могутъ еще отмѣнять рѣшенія этихъ совѣтовъ, разъ эти рѣшенія расходятся съ постановленіями Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Такихъ случаевъ, говоритъ тотъ же комментарій къ совѣтской конституціи, въ послѣднее время было не мало. Мѣстный совѣтъ или Исполнительный Комитетъ, оторванный отъ центра, проводилъ иногда рѣшенія, расходящіяся съ рѣшеніями центральной власти. Здѣсь необходимо рѣшительно подавлять и уничтожать всякое отступленіе отъ постановленій Центральнаго Правительства".

Новая коммунистическая аристократія.

Народные комиссары хорошо постигли искусство управленія. Они отлично поняли, что совѣтская власть будетъ прочна только въ томъ случаѣ, если она повсюду будетъ имѣть преданныхъ агентовъ, заинтересованныхъ въ прочности совѣтскаго режима, отъ существованія котораго зависитъ ихъ собственное благосостояніе.

Кронштадтскіе матросы были первыми *аристократами* совѣтской республики. Они разграбили дворцы, захватили автомобили, наряжались въ костюмы богачей. Хотя въ совѣтской конституціи и объявляется, что „трудъ—обязанность всѣхъ гражданъ", „не

трудящійся да не ѣстъ" (ст. 18), но изъ комментарія къ этой статьѣ видно, что она относится только къ буржуямъ.

„Сколько ихъ было, паразитовъ! Сколько жило по заграницамъ, кутило и развратничало!

„А здѣсь, въ Россіи, на ихъ земляхъ и въ ихъ фабрикахъ изнемогали отъ непосильнаго труда милліоны тружениковъ.

„Пришелъ конецъ тунеядцамъ и лодырямъ. Только тотъ, кто работаетъ, будетъ имѣть право на хлѣбъ.

„Здоровые и сильные, но не желающіе работать, будутъ не только лишены своего пайка—у нихъ будетъ взято все, что награблено и припасено ими раньше.

„Нужно только установить контроль, слѣжку за всѣми паразитами, привыкшими жить за счетъ другихъ".

Совѣтская политика, разрѣшавшая брать то, что было „награблено" паразитами, создавала новыхъ грабителей изъ пролетаріата. Заставляя буржуевъ работать, совѣты создавали категорію лицъ, „трудъ" которыхъ заключался въ „слѣжкѣ" за паразитами. Всѣ эти новыя привилегированныя лица дѣлались ревностными и преданными слугами совѣтовъ.

Народные комиссары проводили свою политику послѣдовательно и планомѣрно. Деревнѣ они позволяли разграбить помѣщичьи имѣнія и усадьбы и страхомъ реставраціи удерживали на своей сторонѣ крестьянъ-захватчиковъ. Въ городахъ они раздавали своимъ сторонникамъ лучшія помѣщенія и обезпечивали ихъ продовольствіемъ и товарами. Въ арміи они присваивали коммунистамъ привилегированное положеніе комиссаровъ, или отличали ихъ особыми матеріальными выгодами.

Послѣ того, какъ привилегированное положеніе коммунистовъ достаточно опредѣлилось, въ партію стали принимать съ разборомъ, но зато совѣтская власть разсадила коммунистовъ повсюду: на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, въ профессіональныхъ союзахъ, кооперативахъ, деревняхъ и арміи. Повсюду коммунистамъ предписано дѣйствовать объединенно и согласно инструкціямъ центра. Такъ, напримѣръ, партійный заводскій комитетъ долженъ „влiять на всю заводскую жизнь и проводить *своихъ* кандидатовъ во всѣ существующія при предпріятіи организаціи". „Фракція коммунистовъ въ профессіональномъ союзѣ должна стремиться „къ проведенію въ дѣятельность союза постановленій верховныхъ органовъ партіи" и „въ строительствѣ союза проводить принципы коммунистическаго централизма и производственнаго

объединенія“ (Ивановъ—„Организуйте партію“. Изд. „Коммунистъ“).

Щедрымъ доставленіемъ выгодъ совѣтская власть сумѣла создать себѣ во всѣхъ жизненныхъ организаціяхъ преданныхъ сторонниковъ, интересъ которыхъ—бороться съ врагами совѣтской власти не на жизнь, а на смерть. Система поощреній давала блестящіе результаты. За каждый военный успѣхъ командный составъ и солдаты получали денежныя награды въ настолько крупныхъ размѣрахъ, что одинъ побѣдоносный походъ могъ сдѣлать командировъ частей крупными капиталистами. Регулярная красная армія, можно сказать—баловень совѣтской власти. Она тоже создаетъ новую военную аристократію.

Принципъ привилегій старъ, какъ міръ. Ничто не можетъ создать абсолютное равенство людей, когда сама природа создаетъ неравенство. Она создаетъ однихъ людей болѣе умными, другихъ болѣе ловкими, и человѣкъ отъ рожденія привыкаетъ къ мысли о превосходствѣ. Но, помимо неравенства природнаго, существуетъ еще соціальное неравенство, устанавливаемое обществомъ, связанное нерѣдко съ предразсудками и покровительствомъ привилегированнымъ классамъ. Революція, уничтожившая сразу всѣ соціальныя перегородки: дворянство, національныя ограниченія, чины, послѣдовательность прохожденія должностей—открыла свободный путь къ власти и общественному вліянію самымъ простымъ людямъ. Эта перспектива блестящей карьеры, въ такомъ масштабѣ возможной только при большевистскомъ режимѣ, кружитъ голову и опьяняетъ молодежь, быстро достигающую самаго высокаго положенія, не только благодаря талантамъ, но и въ награду за неразборчивость средствъ и просто преданность власти. Такъ создается новая аристократія, накопляющая богатства всѣми путями, жадная и безжалостная. Изъ нея родится будущая хищная буржуазія.

Матеріалы, полученные въ Омскѣ осенью 1919 г., свидѣтельствовали о томъ, что продажность совѣтскихъ чиновниковъ достигла исключительныхъ размѣровъ. Ревизіи пріобрѣли массовый характеръ и обнаруживали повсюду хищенія, утечку товаровъ для сбыта внѣ обычнаго порядка, неправильное и безотчетное расходованіе денегъ. Совѣтскія газеты пестрѣли подобными свѣдѣніями, для которыхъ отводилась особая рубрика подъ названіемъ „маленькіе недостатки совѣтскаго механизма“.

Такъ деморализовалась совѣтская бюрократія.

Спеціалисты.

Опьяненные процессомъ разрушенія и исполненные безграничной самонадѣянности, большевики сначала рѣшительно отвергли всякое сотрудничество буржуазіи и интеллигенціи.

„Рабочіе и крестьяне взяли власть не для того, чтобы дѣлить ее съ буржуями и кулаками. Никакого соглашательства съ врагами бѣдноты быть не должно. На всѣхъ отвѣтственныхъ постахъ должны быть представители рабочихъ и крестьянъ.

„Теперь въ волостные совѣты пробираются кулаки, чтобы тамъ верховодить и обманывать бѣдняковъ. Кулаку очень выгодно попасть въ совѣтъ, и, чѣмъ больше ихъ туда попадетъ, тѣмъ для нихъ лучше: они опять начнутъ грабить по старому деревню, продавать хлѣбъ по грабительскимъ цѣнамъ.

„Въ городскихъ совѣтахъ не должно быть мѣста не только буржуямъ, но и ихъ прихвостнямъ—меньшевикамъ и правымъ эсерамъ, и всѣмъ тѣмъ, кто поддерживаетъ фабрикантовъ и помѣщиковъ, всѣмъ, кто находится въ станѣ контръ-революціи и борется противъ рабочихъ и крестьянъ, противъ власти совѣтовъ р. и к. депутатовъ (Глѣбовъ—„Нашъ основной законъ“).

Однако, революціонный угаръ скоро сталъ разсѣиваться. Совѣтская власть сознала свою безпомощность. Уже на пятомъ съѣздѣ Троцкій заявилъ о необходимости пользоваться услугами и буржуевъ и генераловъ.

„И рабочій классъ и крестьянская масса не имѣютъ еще навыка въ управленіи, не имѣютъ достаточныхъ знаній, необходимыхъ во всѣхъ областяхъ хозяйственнаго, государственнаго и военнаго управленія. Это несомнѣнный фактъ, на который мы не можемъ закрывать глаза. У насъ мало инженеровъ, врачей, генераловъ и офицеровъ, которые представляли бы плоть отъ плоти, или кровь отъ крови рабочаго класса и крестьянъ.

„Власть рабочаго класса и крестьянъ начинается не тамъ, гдѣ мы дубиной гражданской войны прогнали буржуазію и помѣщиковъ отъ аппарата государственной власти; власть начинается тамъ, гдѣ мы этотъ аппаратъ взяли въ свои руки и заставили служить задачамъ нашего собственнаго класса.“

Съѣздъ одобрилъ планъ Троцкаго, и въ 1919 г. всѣ совѣтскія учрежденія наполнились такъ называемыми „спеціалистами“, среди которыхъ, несмотря на ропотъ правовѣрныхъ „красныхъ“, оказались прежніе толстосумы и реакціонеры. Движущимъ нервомъ красной арміи является старое офицерство, видная роль въ адми-

нистративно-хозяйственномъ управленіи совѣтской Россіи принадлежитъ теперь старому чиновничеству и буржуазіи. Прибывшіе изъ совѣтской Россіи осенью 1919 г. передавали, что крупные фабриканты, въ качествѣ спеціалистовъ, стали во главѣ отдѣльныхъ центральныхъ управленій, которыя превратились въ своего рода синдикаты.

Прибывшій въ Омскъ изъ Москвы профессоръ Макаровъ дѣлалъ докладъ въ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи и разсказывалъ о томъ, что во главѣ многихъ центровъ и главковъ стоятъ бывшіе предприниматели, отвѣтственные сотрудники и руководители предпріятій, и неподготовленный посѣтитель этихъ главковъ и центровъ, лично знавшій прежній торгово-промышленный міръ, былъ бы пораженъ, увидѣвъ въ главкожѣ бывшихъ владѣльцевъ крупныхъ кожевенныхъ заводовъ, въ центротекстильномъ учрежденіи—крупныхъ мануфактуристовъ и т. д. По указаніямъ совѣтской власти, эти бывшіе буржуи соединяютъ въ одно соотвѣтствующія предпріятія и уничтожаютъ прежнія книги и отчетность, для того, чтобы къ моменту ликвидаціи соціалистическаго строя нельзя было возстановить бывшей раздѣльности предпріятій. Быть можетъ, все это выполнялось не за страхъ, а за совѣсть, въ предвидѣніи будущаго возрожденія крупной капиталистической промышленности.

Привлеченіе бывшихъ „буржуевъ" къ сотрудничеству, ихъ работа среди коммунистовъ не могли, конечно, не рѣзать глазъ правовѣрнымъ большевикамъ.

По этому поводу комиссарамъ пришлось выслушать много нападокъ, но Ленинъ остался твердъ. На второмъ съѣздѣ Совѣтовъ народнаго хозяйства (1919 г.) онъ говоритъ:

„При нашемъ аппаратѣ иногда стоятъ элементы, склоняющіеся къ бѣлогвардейцамъ, но, при наличіи во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ коммунистическаго контроля, эти люди не могутъ получить политическаго значенія и руководящей роли: объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Намъ же они нужны, какъ практическіе работники, и бояться ихъ нечего. Я не сомнѣваюсь, что коммунисты—превосходнѣйшіе люди, среди нихъ имѣются превосходнѣйшіе организаторы, но, чтобы получить этихъ организаторовъ въ большомъ числѣ, нужны годы и годы, а намъ ждать нельзя.

„Сейчасъ мы можемъ получить такихъ работниковъ въ средѣ буржуазіи, въ средѣ спеціалистовъ и интеллигенціи" („Новости Жизни", 1920 г. № 62).

Люди, которыхъ большевики предназначали сначала только для черныхъ работъ въ тылу арміи, потому что доступъ въ красную армію былъ открытъ только рабочимъ и крестьянамъ, впослѣдствіи стали привлекаться для самыхъ отвѣтственныхъ работъ.

Кооператоры.

Подчинили большевики себѣ и кооператоровъ. Они не могли терпѣть той независимости, которой пользовалась кооперація. Это было противно природѣ ихъ принудительнаго и централистическаго режима. Первому удару подвергся Московскій Народный Банкъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ въ маѣ 1919 г. декретъ о потребительскихъ коммунахъ. Это было осуществленіе того проекта, который пугалъ кооперацію еще въ 1918 г. Но фактически коммунизація кооперативныхъ союзовъ проводилась осторожно и постепенно. Въ программныхъ статьяхъ, печатавшихся въ большевистскихъ газетахъ, которыя распространялись въ прифронтовой полосѣ осенью 1919 г., въ періодъ наступленія на Сибирь, коопераціи отводится почетное мѣсто. Иностранный міръ неоднократно давалъ понять, что онъ мыслитъ себѣ возобновленіе торговыхъ связей съ Россіей только черезъ посредство коопераціи. Волей неволей, большевики должны были ее сохранять.

Но не одни дипломатическія соображенія заставляли большевиковъ бережно отнестись къ коопераціи. По свидѣтельству прибывшаго въ Омскъ изъ совдепіи проф. Макарова, опытъ показалъ, что огромная часть индустріальныхъ предпріятій, находившихся въ рукахъ государственнаго управленія соціалистической Россіи, закрывалась, въ то время, какъ тѣ фабрики и заводы, которые попадали въ руки кооперативовъ, дѣйствовавшихъ по испытаннымъ правиламъ торговаго разсчета и капиталистическаго хозяйства, продолжали хоть какъ-нибудь работать („Русское Дѣло", 24 окт. 1919 г. № 16).

Кромѣ того, русская кооперація, какъ преимущественно крестьянская, могла служить единственнымъ органомъ экономической связи совѣтской власти съ деревней. Большевизмъ, съ его чисто городской природой, чуждый и непонятный крестьянству, поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ посредничеству коопераціи.

Перемѣна отношенія къ коопераціи зафиксирована рѣчью Ленина на съѣздѣ совѣтовъ народнаго хозяйства осенью 1919 г.

„Когда я вижу членовъ совнархозовъ, заявляющихъ, что кооперація — дѣло лавочное, что тамъ стоятъ меньшевики, что тамъ

бѣлогвардейцы, и потому отъ нихъ надо держаться подальше, я утверждаю, что эти лица проявляютъ полное непониманіе дѣла. Они абсолютно не понимаютъ задачи момента, когда, вмѣсто того, чтобы указывать годныхъ кооператоровъ, какъ спеціалистовъ, указываютъ на нихъ, какъ на людей, протягивающихъ руку бѣлогвардейцамъ. Я утверждаю, что они занимаются не своимъ дѣломъ; для уловленія бѣлогвардейцевъ у насъ есть „чрезвычайки", имъ и слѣдуетъ предоставить дѣлать свое дѣло. Кооперативы же—единственный аппаратъ, созданный имперіалистическимъ обществомъ, который мы должны использовать."

Заботы о повышеніи производительности.

Рѣчь большевистскаго вождя показываетъ, что совѣтскія власти обезпокоены были вопросами возрожденія экономики.

Укрѣпивъ авторитетъ центральной власти и усиливъ свое фактическое вліяніе послѣ организаціи дисциплинированной арміи, московскіе комиссары заговорили со своими подданными языкомъ властнымъ и требовательнымъ. Они предписали повысить производительность, не останавливаясь передъ удлиненіемъ рабочаго дня хотя бы вдвое.

Большевистскія газеты осени 1919 г. были полны восторженныхъ отзывовъ о такъ называемыхъ „субботникахъ". Это, говорили газеты, великій починъ рабочихъ, обѣщающій окончательное торжество соціализма. Сущность „субботниковъ" заключалась въ томъ, что рабочіе добровольно отдавали свой трудъ въ субботніе вечера на служеніе государственнымъ нуждамъ, усиливая, такимъ образомъ, производительность наиболѣе жизненныхъ предпріятій или выполняя общественно-полезныя работы. Начало этимъ субботникамъ было положено 10 мая 1919 г. на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ. Что и говорить, починъ этотъ заслуживалъ восхищенія, но, повидимому, подъема рабочей энергіи и готовности къ жертвамъ на благо соціалистическаго отечества хватило ненадолго. Извѣстія, дошедшія изъ совѣтской Россіи позже, засвидѣтельствовали, что одного добровольнаго рвенія оказалось недостаточно, и совѣтскія власти перешли къ обычной системѣ принудительнаго удлиненія рабочаго дня. Это могло быть продиктовано не разумнымъ разсчетомъ, а только отчаяніемъ. Политическая экономія достаточно твердо установила, что за извѣстнымъ предѣломъ рабочаго дня начинается переутомленіе, которое понижаетъ, а не повышаетъ производительность. Это хорошо знаютъ соціа-

листическія и демократическія партіи, требующія введенія 8-ми часового рабочаго дня. Соціализмъ, да еще въ голодной странѣ, чудесъ совершать не можетъ.

Принужденіе, и притомъ самое суровое, безпощадное, было единственнымъ средствомъ, которое оставалось въ распоряженіи совѣтской власти, чтобы возродить разрушенную ею же промышленность. Кромѣ причинъ общаго характера, т. е. плохого питанія, плохихъ условій въ мастерскихъ, въ квартирахъ, недостаточности спеціальной подготовки и неграмотности, успѣшному развитію промышленности препятствовала полная распущенность рабочихъ, результатъ революціонной деморализаціи и безъ того недостаточно дисциплинированныхъ людей. Чтобы устранить эти препятствія путемъ культурно-воспитательнымъ, требовалось слишкомъ много времени. Его не было въ распоряженіи народныхъ комиссаровъ. Они пошли другимъ путемъ.

„Вы служите теперь не буржуямъ, а государству, оно имѣетъ право требовать отъ васъ не только труда, но и жизни"— таковъ основной мотивъ новѣйшей проповѣди Ленина.

12 іюня 1919 г. народный комиссаріатъ труда издалъ приказъ, который, съ возможною только при методахъ совѣтскаго управленія рѣшительностью, установилъ во всѣхъ предпріятіяхъ новыя начала строжайшей трудовой дисциплины.

Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ этого замѣчательнаго приказа.

Почти повсемѣстно вводится контроль прихода и ухода рабочихъ на работу и въ магазины, съ помощью особой системы марокъ. Опозданіе на 5 минутъ прощается, опозданіе на 15 минутъ равносильно потерѣ рабочаго дня.

За пропущенные, безъ уважительныхъ причинъ, рабочіе дни жалованіе не уплачивается. Повторяющееся опозданіе на работу, преждевременный уходъ съ работы, 3-хъ дневный прогулъ въ теченіе одного мѣсяца имѣютъ своимъ послѣдствіемъ увольненіе изъ предпріятія.

Если принять во вниманіе, что жалованіе рабочаго—это его пропитаніе, то суровость мѣръ, устанавливающихъ трудовую дисциплину страхомъ голодной смерти, пріобрѣтаетъ еще болѣе яркій характеръ.

Коллегіальное управленіе.

Тонъ распоряженій московскихъ властей осенью 1919 г. свидѣтельствуетъ о прогрессирующемъ развитіи въ совѣтской Россіи централизма. Постоянныя войны наложили свою печать на рабо-

Общій видъ сибирскихъ станцій въ декабрѣ 1919 года.

че-крестьянское правительство. Совѣтская конституція, согласно которой верховная власть принадлежитъ съѣздамъ, т. е. органу коллегіальному, а все управленіе построено на началахъ коллегіальнаго обсужденія и коллегіальнаго контроля, на практикѣ свелась къ олигархіи. Но все же волокита исполнительнаго аппарата, вслѣдствіе сложности начала коллегіальности, безконечныхъ преній и разговоровъ, достигла неимовѣрныхъ размѣровъ.

И вотъ Ленинъ, на томъ же осеннемъ съѣздѣ Совѣтовъ народнаго хозяйства, сурово осуждаетъ коллегіальность.

„Коллегіи необходимы, но коллегіальное управленіе не должно обращаться въ помѣху практическому дѣлу.

„Переходъ отъ коллегіальнаго исполненія къ отвѣтственности личной составляетъ задачу дня.

„Отъ совнархозовъ, главковъ и центровъ мы безусловно будемъ требовать, чтобы коллегіальная система управленія не выражалась въ болтовнѣ, писаніи резолюцій, въ составленіи плановъ и областничествѣ (т. е. въ отстаиваніим ѣстныхъ интересовъ въ ущербъ общимъ). Это недопустимо.

„Мы должны знать, какой членъ, какого именно коллегіальнаго управленія занимается волокитой, и мы должны сказать, что этотъ членъ за волокиту отвѣчаетъ, и будетъ отвѣчать съ точки зрѣнія обороны, т. е. съ точки зрѣнія немедленнаго ареста и военнаго суда, хотя бы онъ былъ представителемъ самаго важнаго союза въ важнѣйшемъ главкѣ.“

Не заключается ли въ этихъ словахъ признаніе тяжелаго положенія совѣтской Россіи, въ которой, несмотря на всѣ усилія центра, хозяйственная разруха становится все ощутительнѣе и грознѣе?

Ставка на „середняка“.

Возрастающія продовольственныя затрудненія, сокращеніе запашекъ, пониженіе урожайности заставили большевиковъ сдѣлать еще одну уступку жизни—отказаться отъ комитетовъ бѣдноты и пойти на примиреніе съ „богатѣями“. Комитеты успѣшно производили дѣлежъ старыхъ запасовъ хлѣба, но, когда они оказались съѣденными, и всталъ вопросъ о сборѣ новаго урожая, надежда на бѣдноту рухнула.

Совѣтскія газеты заявили, что опорой красной Россіи долженъ считаться „середнякъ“, т. е. тотъ самый „богатѣй“, средній зажиточный крестьянинъ, котораго раньше безпощадно травили.

Наиболѣе популярнымъ въ совѣтской Россіи сталъ авторъ идеи „средняка", Калининъ. Онъ ѣздилъ по всей Россіи, проповѣдуя свою идею и организуя среднихъ крестьянъ, для защиты ихъ интересовъ. Нечего говорить, что это новшество нѣсколько примирило крестьянскую массу съ большевиками и внесло на время нѣкоторое успокоеніе. Калининъ былъ избранъ въ предсѣдатели „Цика", органа верховной власти, т. е. занялъ мѣсто, равнозначное съ положеніемъ президента.

Однако, примирить окончательно деревню съ соціализмомъ и эта новая система управленія не могла. Оставалось много сомнѣній: повѣритъ ли „средній" крестьянинъ большевикамъ? Захочетъ ли онъ давать что-либо городу за деньги, на которыя нельзя ничего купить?

„Внѣшнее" благообразіе.

Большевизмъ преобразился. Это вѣрно. Но надо отдать себѣ отчетъ: въ чемъ сущность пережитой имъ эволюціи?

Создана регулярная армія, построенная на началахъ дисциплины. Централизовалось управленіе. Нѣсколько улучшился составъ администраціи. Нѣтъ прежняго дикаго разгула комиссаровъ и прежняго необузданнаго террора.

Появилось „внѣшнее" благообразіе. Наступающія совѣтскія войска сдерживаютъ чернь, не допускаютъ грабежей, заказываютъ молебны. Комиссаровъ встрѣчаютъ колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Суевѣрная и темная масса, прежде возмущавшаяся кощунствомъ большевиковъ, теперь умиляется, наблюдая ихъ уваженіе къ религіознымъ обрядамъ.

Большевизмъ, какъ система государственнаго управленія, пересталъ быть господствомъ черни, превратившись въ *коммунистическое государство.*

Соціалистическій фронтъ выровнялся. Интеллигенція перестала относиться къ большевикамъ съ прежнею брезгливостью. Къ интеллигенціи, привлеченной большевиками на свою сторону, относится и офицерство, которое, по большей части, вовсе чуждо соціализму. Органы управленія наполнились людьми демократическаго, но отнюдь не коммунистическаго направленія.

Хозяйственная организація, впитавъ въ себя бывшихъ промышленниковъ, въ качествѣ спеціалистовъ, и установивъ тѣсную связь съ коопераціей, стала принимать новыя формы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ центральныя организаціи стали походить на тресты, которые сохранятся и въ будущемъ, съ тою разницею

что промышленники, теперь получающіе жалованіе, какъ чиновники, потомъ будутъ получать доходъ, какъ владѣльцы. Промышленныя предпріятія, въ которыя управленіе вводитъ произвольной продолжительности рабочій день, и гдѣ рабочіе подчинены управляющему—чиновнику соціалистическаго государства, отличаются отъ государственныхъ предпріятій капиталистическаго типа лишь большею фактическою зависимостью рабочихъ отъ хозяина.

Ставка на „середняка“ легализировала существованіе класса мелкой буржуазіи.

Таковъ былъ большевизмъ ко второй половинѣ 1919 г.

Свѣдѣнія о перерожденіи большевизма не могли не укрѣплять и безъ того создавшагося настроенія въ пользу примиренія съ нимъ. Кому, въ концѣ концовъ, могла нравиться гражданская война? Кто только не страдалъ отъ нея непосредственно или косвенно, либо отъ бѣдствій кровопролитія и опустошенія, либо отъ раздробленія Россіи на части, разлуки съ близкими, либо отъ ужасныхъ эпидемій, тоски по культурѣ и т. д.

Сила всегда влечетъ къ себѣ. Организаторскія способности большевиковъ, ихъ неуклонность и настойчивость въ стремленіи къ цѣли, безцеремонность въ расправахъ съ врагами и побѣды на всѣхъ фронтахъ, увѣнчавшіяся успѣхами, покоряли слабовольныхъ, неустойчивыхъ и, наконецъ, безразличныхъ, которые готовы были примириться со всѣмъ, лишь бы закончилась война.

Такъ росло соглашательское настроеніе.

Тайные разсчеты.

Но далеко не всѣ, кто измѣнялъ Колчаку, искренне стремились къ сотрудничеству съ совѣтской властью. Внѣшняя эволюція большевизма не могла ни усыпить ненависти къ деспотическому режиму совѣтской власти ни обмануть насчетъ прикрытаго внѣшнимъ благообразіемъ внутренняго содержанія коммунистическаго государства.

Если передовыя части побѣдоносной совѣтской арміи создавали въ населеніи впечатлѣніе дисциплины и порядка, то вслѣдъ за ними появлялись чрезвычайки, комиссары и совдепы, которые начинали реквизиціи и расправы, и первое успокаивающее впечатлѣніе быстро смѣнялось ужасомъ и безсильнымъ гнѣвомъ. Коммунистическое государство, по самой природѣ своей, таково, что, даже при полной дисциплинированности агентовъ власти, оно соз-

даетъ адъ, подавляющій человѣческую личность, съ деспотизмомъ, извѣстнымъ только самымъ мрачнымъ эпохамъ исторіи.

Среди враговъ Омскаго Правительства наиболѣе могущественнымъ была партія соціалистовъ-революціонеровъ. Она погубила Сибирское Правительство своей оппозиціей, заговорами и блокомъ съ чешскими политическими представителями. Она погубила и Директорію, скомпрометировавъ ее своей открытой развязностью и нескрываемой подготовкой захвата власти. Все время она разлагала тылъ и армію адмирала Колчака.

Отлично организованная, закаленная въ подпольной борьбѣ, пріучившая своихъ членовъ къ строгой дисциплинѣ, партія соціалистовъ-революціонеровъ поставила своею цѣлью захватить государственную власть въ свои руки, которыя она считаетъ единственно способными создать демократическую Россію. Она ничему не научилась на опытѣ Сибирскаго Правительства, Областной Думы и Директоріи. Своего безсилія въ созидательной работѣ, практической безпомощности и дѣловой безсодержательности она не признала. Она продолжала мечтать о власти.

Армія Колчака бѣжала. Для партіи соціалистовъ-революціонеровъ наступилъ моментъ отвѣтственнаго рѣшенія: „добивать ли Омское Правительство, или остаться лойяльными, чтобы остановить побѣдное шествіе красныхъ?"

Увѣренность въ своихъ силахъ руководила партіей. Она выступила противъ правительства адмирала. Какой же разсчетъ могъ быть у партіи соціалистовъ-революціонеровъ, когда она рѣшила облегчить побѣду большевиковъ: искупить свою прошлую вину, участіе въ возстаніи 1918 г.? Это могло быть стремленіемъ отдѣльныхъ лицъ, но не партіи. Помочь ликвидаціи контръ-революціоннаго движенія реакціонеровъ, какимъ считалось правительство Колчака? Это, несомнѣнно, было однимъ изъ главныхъ побудительныхъ мотивовъ партіи, но у нея были еще и положительныя стремленія: она разсчитывала одолѣть *не только Колчака, но и большевиковъ*. Таковъ былъ тайный разсчетъ партіи.

Несмотря на несомнѣнные успѣхи большевиковъ, никто не вѣрилъ въ ихъ долговѣчность.

Въ самомъ центрѣ Россіи, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, появились новые враги совѣтской власти, отряды *зеленой* арміи. Совѣтская печать не замалчивала этого явленія.

Крестьяне, не переходившіе къ Деникину, убѣгали, однако, отъ большевиковъ. Они отказывались отъ войны, но образовыва-

ли отряды для самозащиты. Скрываясь въ лѣсахъ, они, въ видѣ отличительнаго знака, носили зеленыя вѣтки и оттого получили названіе „зеленыхъ". Эти враги совѣтской власти оружіемъ побѣждены быть не могутъ, политика же совѣтской власти, ставка на „средняка", повидимому, тоже не побѣждала ихъ.

Другой грозный врагъ большевиковъ подымался изъ хаоса экономической разрухи. Привлеченіе спеціалистовъ, трудовая дисциплина, упраздненіе коллегіальнаго управленія — все это было похоже на уступки врагамъ, которыя тщетно стремятся умилостивить его, подобно тому, какъ конституціонныя уступки деспотическихъ правителей стараются смягчить революціонный гнѣвъ возставшихъ.

Вотъ на какихъ союзниковъ могли разсчитывать тѣ, кто протягивалъ руку побѣждающимъ большевикамъ, сжимая въ другой револьверъ.

Тайный разсчетъ былъ построенъ на томъ, что коммунизмъ идетъ къ своему концу, что непримиримость буржуазнаго крестьянства и экономическій развалъ помогутъ эсерамъ превратить побѣдителей въ побѣжденныхъ.

Глава XXV.

Въ Иркутскѣ.

Поѣздъ прибылъ въ новую столицу вечеромъ. Правительство встрѣтили съ музыкой. Командующій войсками Артемьевъ представилъ предсѣдателю Совѣта министровъ тутъ же, на вокзалѣ, весь генералитетъ. Прибывшій раньше правительства государственный контролеръ Красновъ представилъ всѣхъ гражданскихъ чиновъ.

Представителей общественности не было. Земство и городъ демонстративно уклонились отъ встрѣчи.

Кто же поддерживалъ правительство? Неужели только тѣ самые военные, высшіе представители которыхъ его же безсознательно губили? Неужели правительство было только организаціей для обслуживанія арміи и только съ нею было связано?

Да, оглядываясь назадъ, приходится сознаться, что это было такъ.

Сибирское Правительство устраивало *свою* Сибирь. Населеніе Сибири знало, что оно имѣетъ свое правительство, обращалось къ нему, требовало отъ него и обѣщало ему. Но пришло Россійское Правительство и сразу оторвалось отъ Сибири. Населеніе почувствовало, что правительство живетъ не имъ, что оно глядитъ на западъ, а власть увлекалась военными перспективами—такова была идея диктатуры: сначала побѣдить, потомъ устраивать.

Правительство было ,,Омскимъ", и въ Иркутскѣ оно оказалось чужимъ. Тяжело было его положеніе.

Въ тотъ же вечеръ Красновъ, который, вмѣстѣ съ товарищами министровъ, ранѣе откомандированными на востокъ, разрѣшалъ тамъ до прибытія правительства текущіе вопросы, доложилъ Совѣту министровъ послѣднія новости.

Первымъ и самымъ непріятнымъ сюрпризомъ былъ чешскій меморандумъ. Затѣмъ слѣдовали непріятности съ востока. Поведеніе Семенова казалось загадочнымъ. Онъ задерживалъ золото, направленное дальше на востокъ: дальнѣйшая эвакуація цѣнностей

черезъ Забайкалье представлялась опасной. Правительство боялось своего офицера. Во Владивостокѣ создалось очень тревожное положеніе, назрѣвалъ мятежъ. Подробное донесеніе Розановъ послалъ Верховному Правителю, такъ что въ Иркутскѣ знали только поверхностно о подготовлявшемся во Владивостокѣ выступленіи. Наконецъ, въ самомъ Иркутскѣ было тоже неблагополучно. Передъ пріѣздомъ правительства тамъ былъ раскрытъ заговоръ, и произведенъ рядъ арестовъ. По докладу Краснова, для противоправительственной агитаціи было много поводовъ. Иркутскъ питается привознымъ продовольствіемъ. Разстройство сообщенія, въ связи съ грандіозною эвакуаціей, уже заставило почувствовать недостатокъ многихъ продуктовъ. Дороговизна увеличивалась съ каждымъ днемъ. Между тѣмъ кассы опустѣли. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ не работала, рабочіе и служащіе не получали полностью всѣхъ полагавшихся имъ выдачъ. Единственнымъ спасеніемъ казался немедленный выпускъ, въ качествѣ денежныхъ знаковъ, художественно исполненныхъ облигацій выигрышнаго займа, полученныхъ изъ Америки, гдѣ онѣ были изготовлены еще по заказу Временнаго Правительства въ Петроградѣ.

Было о чемъ задуматься.

Жалоба чеховъ.

Меморандумъ, о которомъ разсказалъ намъ Красновъ, былъ врученъ представителямъ всѣхъ союзныхъ державъ, въ слѣдующей редакціи:

„Невыносимое состояніе, въ какомъ находится наша армія, вынуждаетъ насъ обратиться къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехо-словацкая армія могла бы обезпечить собственную безопасность и свободное возвращеніе на родину, вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ.

„Войско наше согласно было охранять магистраль и пути сообщенія въ опредѣленномъ ему районѣ и задачу эту исполняло вполнѣ добросовѣстно.

„Въ настоящій моментъ пребываніе нашего войска на магистрали и охрана ея становятся невозможными просто по причинѣ безцѣльности, равно какъ и вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ требованій справедливости и гуманности. Охраняя желѣзную дорогу и поддерживая въ странѣ порядокъ, войско наше вынуждено

сохранять то состояніе полнаго произвола и беззаконія, которое здѣсь воцарилось.

„Подъ защитой чехо-словацкихъ штыковъ, мѣстные русскіе военные органы позволяютъ себѣ дѣйствія, передъ которыми ужаснется весь цивилизованный міръ. Выжиганіе деревень, избіеніе мирныхъ русскихъ гражданъ цѣлыми сотнями, разстрѣлы безъ суда представителей демократіи, по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности — составляютъ обычное явленіе, и отвѣтственность за все передъ судомъ народовъ всего міра ложится на насъ: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію.

„Такая наша пассивность является прямымъ слѣдствіемъ принципа нашего нейтралитета и невмѣшательства во внутреннія русскія дѣла, и она-то есть причина того, что мы, соблюдая полную лойяльность, противъ воли своей становимся соучастниками преступленій. Извѣщая объ этомъ представителей союзныхъ державъ, мы считаемъ необходимымъ, чтобы они всѣми средствами постарались довести до всеобщаго свѣдѣнія народовъ всего міра, въ какомъ морально трагическомъ положеніи очутилась чехо-словацкая армія, и каковы причины этого.

„Мы сами не видимъ иного выхода изъ этого положенія, какъ лишь въ немедленномъ возвращеніи домой изъ этой страны, которая была поручена нашей охранѣ, и въ томъ, чтобы до осуществленія этого возвращенія намъ была предоставлена свобода къ воспрепятствованію безправія и преступленій, съ какой бы стороны они ни исходили.

„Иркутскъ, 13 ноября 1919 года. Б. Павлу, д-ръ Гирса."

Меморандумъ былъ врученъ представителямъ иностранныхъ державъ не только безъ предварительнаго увѣдомленія или совѣщанія съ членами Омскаго Правительства, но еще и былъ опубликованъ въ „Чехо-словацкомъ Дневникѣ" и его телеграммахъ на русскомъ языкѣ.

Возмущенію русскихъ патріотовъ не было предѣловъ. Поступокъ былъ слишкомъ грубъ, и слишкомъ явно было въ немъ то, что чешскіе представители просто искали оправданія для своего бѣгства изъ Сибири и уклоненія отъ поддержки невинныхъ ни въ какихъ политическихъ грѣхахъ офицеровъ и солдатъ фронта, и что они, въ то же время, хорошо освѣдомленные о широтѣ заговора противъ власти (чешская контръ-развѣдка была лучше правительственной), искали сближенія съ лѣвыми.

Въ октябрѣ соціалистическая иркутская дума отказалась привѣтствовать чеховъ по поводу годовщины ихъ республики, считая, что чехи ведутъ себя недемократично. Въ прокламаціяхъ эсеровъ указывалось, что чехи участвуютъ въ разстрѣлахъ и разгромахъ, при усмиреніи бунтовъ вдоль дороги. Сознавая, что у лѣвой демократіи есть много основаній для недовольства ими, чехи старались заслужить ея расположеніе. Они вмѣшались въ дѣйствія власти, когда въ Иркутскѣ были арестованы заговорщики, и добились ихъ освобожденія. Вслѣдъ за тѣмъ они выпустили меморандумъ.

Въ „Чехо-словацкомъ Дневникѣ" (23 ноября) съ самодовольствомъ заявлялось:

„Широкіе слои народа, служащихъ, рабочихъ, кооператоровъ и интеллигенціи искренне благодарны намъ за меморандумъ", но „онъ растревожилъ осиное гнѣздо реакціи." Слѣдуя примѣру соціалистовъ, чешская газета причислила къ реакціи всю несоціалистическую интеллигенцію, которая, будучи во многихъ отношеніяхъ недовольна правительствомъ, возмущалась, однако, вызывающимъ и недобросовѣстнымъ поведеніемъ чешскихъ политическихъ представителей.

Событія во Владивостокѣ.

Меморандумъ оказался далеко не случайнымъ эпизодомъ. Арестъ группы эсеровъ въ Иркутскѣ совпалъ съ выступленіемъ во Владивостокѣ. Меморандумъ былъ отпечатанъ и распространялся, какъ прокламація, по всей линіи Сибирской желѣзной дороги.

Зная Гирсу, политическаго представителя чеховъ во Владивостокѣ, его авантюристическія наклонности и его дружбу съ Гайдой, я не сомнѣваюсь, что все было задумано, какъ большой планъ повсемѣстнаго захвата власти эсерами. Чехамъ это было нужно для облегченія ихъ эвакуаціи, такъ какъ, при наличности фронта, часть транспорта требовалась для военныхъ надобностей.

Хотя Гайда былъ уже давно разжалованъ, онъ продолжалъ жить въ особомъ поѣздѣ, съ цѣлою свитою, пользуясь тѣми удобствами, которыя достались ему отъ прежняго положенія „командарма".

Человѣкъ буйной энергіи, онъ не сидѣлъ, сложа руки. Онъ постоянно видѣлся съ Гирсой, съ Якушевымъ, комбинировалъ и прожектировалъ, добиваясь возвращенія къ власти.

Наконецъ, планъ возстанія былъ составленъ. Паденіе Омска дало толчокъ къ выступленію, чешскій меморандумъ явился сиг-

наломъ. Днемъ выступленія избранъ былъ день годовщины диктатуры адмирала. Событія разыгрались въ ночь на 18 ноября.

О выступленіи Гайды штабъ генерала Розанова былъ освѣдомленъ своевременно. Въ 2 часа дня 17 ноября Розановъ оффиціально увѣдомилъ союзное командованіе, что, считая создавшееся положеніе совершенно нетерпимымъ, онъ приступилъ къ ликвидаціи мятежа.

Руководство возстаніемъ исходило изъ поѣзда Гайды. Тамъ находилось и заготовленное, на всякій случай, правительство, въ составѣ Якушева, Краковецкаго и Моравскаго.

Выпущенныя гайдовцами прокламаціи съ воззваніемъ были написаны въ лѣво-эсеровскомъ стилѣ съ большевистскимъ оттѣнкомъ. Прокламаціи призывали къ сверженію правительства адмирала Колчака и образованію новаго. Въ воззваніи опредѣленно указывалось на необходимость примиренія съ большевиками; заявлялось, что движеніе поддерживается чехо-словаками. Подписаны прокламаціи были центральнымъ бюро военныхъ организацій Сибири.

Уже въ 10 часовъ утра 17 ноября вся пристань Добровольнаго флота была занята мятежниками. Ими также были заняты подходы къ вокзалу. Отдѣльные патрули повстанцевъ проникли въ городъ, но воздерживались отъ всякихъ выступленій вооруженнаго характера. Солдаты и офицеры задерживались мятежниками. Всѣ повстанцы лихорадочно ждали подкрѣпленій изъ пригородовъ. На поѣздѣ Гайды былъ поднятъ бѣлозеленый флагъ съ красной полоской по діагонали.

Бывшій предсѣдатель Областной Думы не постѣснялся запачкать краснымъ историческій бѣлозеленый флагъ.

Большевистскій оттѣнокъ движенія сразу далъ себя чувствовать. Былъ констатированъ фактъ выпуска прокламацій съ лозунгомъ: „передача всей власти совѣтамъ".

Съ офицеровъ срывали погоны.

Въ пригородѣ (Первая Рѣчка) образовался совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Къ возстанію сразу же примкнула портовая чернь и самые темные элементы города. Это было такъ очевидно, что союзное командованіе рѣшило не препятствовать Розанову ликвидировать возстаніе вооруженной силой.

Въ $2^1/_2$ часа ночи, поставивъ орудія противъ вокзала, на углу Алеутской и Морской улицъ, войскамъ генерала Розанова удалось выбить мятежниковъ изъ зданія вокзала орудійными вы-

стрѣлами. Въ 6 часовъ 25 минутъ правительственными войсками были заняты нижній и средній этажи зданія. Здѣсь удалось арестовать часть штаба Гайды во главѣ съ начальникомъ этого штаба, полковникомъ Гусарекъ. Несмотря на захватъ зданія, мятежники, засѣвшіе въ верхнихъ помѣщеніяхъ вокзала и на крышѣ, продолжали пулеметную и винтовочную стрѣльбу. Русскіе офицеры, находившіеся въ гайдинскомъ штабѣ, частью успѣли скрыться, а частью во время занятія зданія были убиты. Убиты полковникъ Вороновъ, подполковникъ Солодовниковъ, докторъ Григорьевъ.

Къ утру мятежъ былъ ликвидированъ. Гайду задержали. Вмѣсто главнаго командованія сибирской арміей, какъ ему обѣщало новое правительство, его ждалъ печальный удѣлъ неудавшейся авантюры.

Карьера молодого офицера закончилась. За его спиною осталось нѣсколько сотъ труповъ, жертвъ безсмысленнаго покушенія съ негодными средствами.

Совѣтъ министровъ, получивъ донесенія Розанова, постановилъ привѣтствовать его за удачное подавленіе мятежа и предоставить Гайдѣ выѣздъ заграницу.

Положеніе Розанова еще больше упрочилось.

Якушевъ, Краковецкій и Моравскій скрылись у американцевъ. Американское командованіе относилось къ выступленію болѣе чѣмъ снисходительно. Японское же содѣйствовало подавленію мятежа. Прожекторъ японскаго крейсера освѣщалъ вокзалъ, обнажая силы и позиціи мятежниковъ.

Обращеніе Совѣта министровъ.

Прибывъ въ Иркутскъ, Совѣтъ министровъ долженъ былъ дать о себѣ знать. Отношеніе къ нему было слишкомъ безучастно. Министръ труда Шумиловскій составилъ еще въ поѣздѣ декларацію, которая и была опубликована съ датою пріѣзда въ Иркутскъ, 19 ноября.

„Тяжелы условія работы“, говорится въ деклараціи. „Экономическія затрудненія достигли небывалыхъ размѣровъ, правопорядокъ расшатанъ постоянными волненіями и непрекращающимся своеволіемъ. Духъ корысти овладѣлъ цѣлыми слоями общества, не удовлетворенъ рядъ насущнѣйшихъ нуждъ; многое еще осталось незаконченнымъ въ строительствѣ, и, играя на неудовлетворенныхъ нуждахъ обывателя, большевистская агитація ведетъ усиленную подпольную борьбу противъ власти,

„Въ настоящій моментъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима для власти такая обстановка, въ которой она могла бы съ возможно большей быстротой разрѣшить самые острые вопросы дня, удовлетворить наиболѣе насущныя нужды общества.

„Совѣтъ министровъ постановилъ перенести свою резиденцію въ Иркутскъ, наиболѣе крупный культурный центръ Сибири, разсчитывая установить отсюда болѣе тѣсную связь со всѣми частями страны и объединить возлѣ себя всѣ государственно настроенные круги населенія.

„Для правительства не существуетъ иныхъ соображеній и цѣлей, кромѣ спасенія раздираемой внутренними распрями Россіи. Оно непреклонно вѣритъ въ конечное торжество того великаго дѣла, начало которому положено въ 1918 году временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ, и которое нынѣ объединило подъ верховнымъ руководствомъ адмирала Колчака всѣ національныя силы страны.

„Въ дни тягчайшихъ испытаній оно обращается къ странѣ со словами бодраго призыва. Предстоящая работа правительства немыслима внѣ самой тѣсной связи съ широкими прогрессивными кругами общества, хотя бы ихъ взгляды и не всегда совпадали съ взглядами власти.

„Положеніе о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи утверждено Верховнымъ Правителемъ, и народные представители будутъ созваны въ Иркутскѣ въ ближайшій срокъ.

„Въ сотрудничествѣ правительства и общественности будутъ познаны обоюдныя ошибки, неизбѣжныя и неотвратимыя въ обстановкѣ спѣшной работы и лихорадочной гражданской войны. Признанныя полезными и необходимыми мѣропріятія найдутъ себѣ скорѣйшее завершеніе. Осуществленіе того, что не можетъ быть претворено въ дѣйствительность силами одной власти, будетъ проведено въ жизнь при активномъ содѣйствіи общества.

„Родина съ благодарностью вознаградитъ мужественныхъ борцовъ за свободу, но строго покараетъ малодушныхъ и лукавыхъ.

„За землю, за охраненный закономъ свободный трудъ, за культуру, законность, истинное народоправство, за Учредительное Собраніе!"

Искрення была эта декларація, и, если бы зимою 1919 года не начало господствовать въ Сибири настроеніе въ пользу соглашенія съ большевиками, если бы представители лѣвыхъ теченій были болѣе благоразумны—они нашли бы общій языкъ съ властью, которая звала общественность въ Государственное Земское Совѣщаніе, для совмѣстной борьбы противъ произвола.

Интервью о задачахъ власти.

Въ развитіе декларацiи и поясненіе тѣхъ задачъ, которыя стояли передъ правительствомъ по пріѣздѣ его въ Иркутскъ, я далъ представителямъ печати особое интервью.

„Перемѣна резиденціи сама по себѣ не является фактомъ рѣшающей важности. Правительство было и осталось Россійскимъ, его цѣли и построеніе тѣ же. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно считать, что съ переѣздомъ правительства въ Иркутскъ ничего не измѣняется. Не потому произойдутъ перемѣны, что столицей сталъ Иркутскъ, вмѣсто Омска. Печальныя событія на фронтѣ, утрата громадной и богатой территоріи, тяжелое потрясеніе экономической жизни заставили искать новыхъ методовъ управленія. Не можетъ считаться ошибочной та политика и безупречнымъ то управленіе, которые не сумѣли предупредить столь печальныхъ тяжкихъ ударовъ.

„На долю Иркутска выпадаетъ, быть можетъ, стать новымъ этапомъ въ исторіи борьбы и спасенія Россіи.

„Что же предполагаетъ дѣлать правительство? Какъ предсѣдатель Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, я вижу рядъ неотложныхъ задачъ, поставленныхъ текущей злободневной хроникой. Необходимо обезпечить страну денежными знаками, въ которыхъ, вслѣдствіе временнаго перерыва работъ экспедиціи, ощущается недостатокъ. Необходимо усилить продовольственную заготовку, чтобы обезпечить Восточную Сибирь, переполненную хлынувшими съ запада потоками людей. Требуется внимательное и подробное разсмотрѣніе плана перевозокъ, такъ какъ поглощеніе транспорта по эвакуаціи грозитъ разстроить еще больше экономическую жизнь. Съ прежней настоятельностью приковываетъ къ себѣ вниманіе вопросъ о топливѣ—источникѣ жизни, промышленности и транспорта, источникѣ тепла для городовъ. Съ упрекомъ и мольбой о помощи стоитъ санитарія. Что больше коситъ людскую жизнь: оружіе или болѣзнь? Кто безжалостнѣе: врагъ или бездушный обыватель? Необходимо преодолѣть новыя затрудненія снабженія арміи, напрячь всѣ силы для скорѣйшаго формированія новыхъ военныхъ силъ. Вотъ текущія мѣропріятія, необходимыя для блага всего населенія, даже враждебнаго власти, какъ необходимо для рудокоповъ правильное дѣйствіе насосовъ въ глубокой шахтѣ, ибо остановка его несетъ гибель и владѣльцамъ и рабочимъ шахты.

„Есть *задача,* разрѣшеніе которой *преобладаетъ по важности надъ всѣми прочими.* Это вопросъ, который затрагиваетъ меня, какъ члена правительства и главноуправляющаго его дѣлами. *Проблема укрѣпленія власти*—вотъ что должно сейчасъ занять первое мѣсто, что должно быть разрѣшено, не теряя ни дней ни часовъ. Безполезно говорить, что въ моментъ, подобный переживаемому, всякая сила ищетъ поддержки и сліянія съ другими силами. Всякое правительство въ дни тяжелыхъ испытаній стремится къ преобразованію, формы котораго всегда одинаковы. Это—объединеніе въ кабинетѣ всѣхъ активныхъ силъ и созывъ народнаго представительства. Примѣнительно къ нашимъ условіямъ это означаетъ, что въ Совѣтъ министровъ должны войти люди земства, казачества, промышленности и другихъ группъ населенія. Для власти, въ составѣ которой имѣются общественные дѣятели, гораздо легче и проще выполнить свои задачи. Она можетъ перелагать на общественную самодѣятельность то, что дѣлаетъ обыкновенно сама, но что въ чрезвычайное время становится посильнымъ только при широкомъ общественномъ сотрудничествѣ. Совѣтъ министровъ—не парламентскій кабинетъ, онъ составленъ исключительно по дѣловымъ основаніямъ, а не на партійной коалиціи. Намъ нужны были всегда преимущественно элементы дѣловые, силы техническія. По этому признаку былъ составленъ Совѣтъ министровъ послѣдняго времени. Но сейчасъ болѣе пригоденъ методъ смѣшанный. Рядъ министерствъ можетъ быть преобразованъ въ отдѣлы, главы которыхъ не должны входить въ правительство, пользуясь самостоятельностью по отношенію своихъ вѣдомствъ, участвуя съ совѣщательнымъ голосомъ въ дѣловыхъ засѣданіяхъ Совѣта министровъ. За счетъ сокращенія числа министровъ можетъ быть введено въ Совѣтъ министровъ нѣсколько членовъ Совѣта безъ портфеля, изъ числа вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей. Необходимость такой реформы давно созрѣла, а сейчасъ становится настоятельной.

„Болѣе длителенъ и труденъ путь по осуществленію другого способа укрѣпленія власти—сближенія съ народомъ. Государственное Земское Совѣщаніе будетъ собрано при первой возможности. При нынѣшнемъ темпѣ жизни это кажется еще моментомъ далекимъ; остается приблизить власть къ населенію, увеличивъ число ея представителей на мѣстахъ и созвавъ крестьянскіе съѣзды.

„Но самымъ важнымъ для укрѣпленія власти шагомъ будетъ измѣненіе методовъ управленія. Пусть они естественны, когда разыгрываются злобность, мстительность, взаимное подозрѣніе, сопер-

ничество, но власть должна проявить себя рѣшительнѣе въ дѣлѣ борьбы съ этими печальными, разлагающими государство явленіями.

„Почему же она не дѣлаетъ этого до сихъ поръ? Неужели сознаніе такой элементарной истины проявилось только тогда, когда разразилось общегосударственное бѣдствіе? Нѣтъ! Все это давно извѣстно, давно осознано. Но на пути гражданской власти стояли два препятствія: во-первыхъ, неприспособленность ея самой и ея судебныхъ органовъ и милиціи къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ и, главное, быстрымъ, во-вторыхъ, быть можетъ, какъ послѣдствіе перваго, *преобладаніе силы военной*, по пріемамъ своимъ и традиціямъ привыкшей къ методамъ слишкомъ рѣшительнымъ, излишне суровымъ. Не будемъ питать иллюзій: въ гражданской войнѣ не можетъ господствовать гуманность, но, несомнѣнно, духъ гражданской власти болѣе мягокъ и остороженъ. Сферы дѣйствія военныхъ и гражданскихъ властей должны быть точно разграничены: гражданская власть должна приспособиться къ выполненію болѣе широкихъ функцій. А тѣ, кто заинтересованъ въ благѣ государственномъ и печалятся о нуждахъ народа, пусть придутъ на помощь.“

Новый премьеръ.

Могъ ли выполнить указанныя мною задачи прежній составъ Совѣта министровъ?

Мнѣ казалось, что нѣтъ. Прежде всего, необходимо было пріобрѣсти волевого руководителя. П. В. Вологодскій производилъ впечатлѣніе человѣка, который подавленъ происшедшимъ и отдалъ себя силѣ событій, не пытаясь бороться.

Надежды на его популярность въ общественныхъ кругахъ оказались ложными. Иркутскъ былъ слишкомъ лѣвымъ, и Вологодскій раздѣлялъ участь всего правительства.

Вмѣстѣ съ Вологодскимъ должны были уйти Тельбергъ, Сукинъ, Смирновъ, какъ люди слишкомъ непопулярные и слишкомъ связанные съ Верховнымъ Правителемъ. Изъ всего правительства послѣдній былъ въ это время наиболѣе ненавистенъ. Правители всегда излишне возвеличиваются во время успѣховъ и слишкомъ быстро теряютъ авторитетъ при неудачахъ. Имя Колчака, по волѣ жестокой судьбы, стало нарицательнымъ именемъ тирана.

Не могъ оставаться также Гойеръ, вслѣдствіе того недовѣрія къ нему, которое создалось послѣ катастрофы съ сибирскимъ рублемъ.

Мнѣ казалось, что слѣдовало также уйти мнѣ и Петрову, какъ для того, чтобы очистить мѣсто свѣжимъ людямъ, такъ и потому, что, какъ старѣйшіе члены правительства, мы должны были нести тяжесть отвѣтственности за недостаточную твердость и несмѣлость прежней политики.

На мой взглядъ, долженъ былъ быть замѣненъ болѣе молодымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ также военный министръ, генералъ Ханжинъ.

Но Вологодскій не проявлялъ никакой инициативы ни для освобожденія мѣста премьера ни для замѣны другихъ министровъ.

Напрасно Сукинъ и Гойеръ просили отставки. Сукинъ даже указывалъ кандидата въ свои замѣстители—секретаря миссіи въ Пекинѣ, г. Граве. Напрасно спрашивали министры въ самомъ засѣданіи, не предполагаетъ ли предсѣдатель, во вниманіе къ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, обновить кабинетъ. Положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Я рѣшилъ взять инициативу на себя.

На пути изъ Омска мнѣ пришлось много бесѣдовать съ В. Н. Пепеляевымъ. Онъ горѣлъ желаніемъ демократизировать курсъ правительства, подчинить себѣ военныя власти, а впослѣдствіи добиться выѣзда Верховнаго Правителя изъ Сибири. Пепеляевъ говорилъ, что у него есть подходящій кандидатъ въ военные министры, полковникъ Кононовъ, что онъ привлечетъ въ правительство Колосова, извѣстнаго эсера, и подыметъ опять бѣлозеленый флагъ.

У него было столько увѣренности въ успѣхѣ, столько рѣшительности, что трудно было усомниться въ томъ, что онъ добьется своей цѣли. Къ тому же, это былъ человѣкъ на рѣдкость честный и подкупалъ искренностью.

Для момента нуженъ былъ притомъ такой премьеръ, которому вполнѣ вѣрилъ бы Верховный Правитель. Только такому человѣку можно было убѣдить адмирала отказаться отъ власти въ пользу Деникина, смѣнить главнокомандующаго Сахарова, согласиться на назначеніе военнымъ министромъ офицера или генерала, близкаго новому вѣку.

Пепеляевъ готовъ былъ широко пойти навстрѣчу и народному представительству. Еще въ Омскѣ онъ говорилъ о земскомъ соборѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и зная, что никого со стороны Верховный Правитель не согласился бы пригласить въ премьеры, я рѣшилъ взять на себя инициативу и послалъ адмиралу телеграмму, въ которой, описывая всю тяжесть положенія,

Предсѣдатель Совѣта министровъ В. Н. Пепеляевъ.

высказывался въ пользу необходимости смѣны премьера и указывалъ на Пепеляева, какъ на подходящаго кандидата. Вологодскій не зналъ о моей телеграммѣ, но его убѣдили вызвать Верховнаго Правителя къ проводу и возбудить вопросъ о своемъ уходѣ.

Поѣздка въ Читу.

Будучи увѣренъ, что адмиралъ немедленно назначитъ Пепеляева, и что послѣднему потребуется нѣкоторое время для формированія кабинета, и не желая присутствовать въ Иркутскѣ, чтобы избѣжать кандидатуръ, я рѣшилъ съѣздить въ царство Семенова, въ Читу, гдѣ съ осени жила моя семья. Мнѣ казалось полезнымъ познакомиться съ тамошними настроеніями, но я предупредилъ Пепеляева, что безъ спеціальнаго порученія я никакихъ политическихъ бесѣдъ съ атаманомъ вести не буду.

Меня встрѣтилъ въ Читѣ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ атамана и близкихъ къ нему людей, Волгинъ.

Онъ былъ моимъ товарищемъ по гимназіи, и я съ интересомъ наблюдалъ за тѣми перемѣнами, которыя произвела въ немъ жизнь. Изъ стройнаго гимназиста онъ превратился въ заплывшаго жиромъ толстяка, пробиться къ душѣ котораго было нелегко.

Когда мы проѣзжали по городу, онъ указалъ мнѣ зданіе, предназначенное для Совѣта министровъ. „Мы,“ сказалъ онъ, „ждали васъ здѣсь. Зачѣмъ вы остановились въ Иркутскѣ?“

На другой день я узналъ, что атаманъ далъ слово своимъ друзьямъ не выпустить изъ Читы задержанныя тамъ двѣ тысячи пудовъ золота. Золото перевозили изъ вагоновъ въ кладовыя банка при пушечной пальбѣ, напоминавшей салютованіе по случаю восшествія на престолъ.

Вообще, Чита, какъ всѣ parvenus, увлекалась тѣнями царскихъ временъ. Волгинъ съ гордостью говорилъ о нѣкоторыхъ своихъ сотрудникахъ, служившихъ при министрѣ Хвостовѣ въ Петроградѣ, хотя этотъ министръ оставилъ послѣ себя только дурную славу. Все, что приходило въ Читу отъ царскаго прошлаго, пользовалось тамъ почетомъ и преимуществами.

Атаманъ былъ по прежнему скроменъ и простъ. Люди, не видѣвшіе его, не могутъ себѣ представить, до чего онъ мило, почти по-дѣтски, показывалъ свою шапку изъ цѣннаго мѣха, которую подарили ему монголы. „Этотъ мѣхъ,“ объяснялъ онъ, „спасаетъ жизнь. Но, какъ только я надѣлъ эту шапку, въ меня бросили бомбу“.

Я разспрашивалъ атамана о причинахъ его рѣзкихъ отзывовъ о Гойерѣ и Сукинѣ, разсказалъ ему о предстоящихъ перемѣнахъ въ Совѣтѣ министровъ, о намѣреніи Пепеляева составить коалиціонный кабинетъ. Семеновъ по всѣмъ этимъ вопросамъ высказался очень сдержанно. О Сукинѣ ничего не сказалъ, о коалиціи выразилъ мнѣніе, что она, какъ временная переходная мѣра, кажется ему цѣлесообразною.

Отдать мнѣ визитъ онъ не счелъ нужнымъ. Когда же я написалъ ему письмо относительно недопустимости расходованія золота, по его распоряженіямъ, какъ онъ это началъ дѣлать, обосновывая эти свои распоряженія слишкомъ широкимъ толкованіемъ правъ генералъ-губернатора, то онъ далъ порученіе переговорить со мной по этому вопросу генералу Афанасьеву, своей правой рукѣ. Я не счелъ для себя удобнымъ ѣздить къ этому генералу, и больше не видѣлся ни съ Семеновымъ ни съ его сотрудниками.

Во время моего пребыванія въ Читѣ, тамъ, въ штабѣ генерала Судзуки, командира 5 дивизіи, состоялось совѣщаніе по ряду экономическихъ вопросовъ. Программа этого совѣщанія была составлена на плохомъ русскомъ языкѣ. „I. Экономическая: а) о положеніи обще-народной жизни: чиновниковъ, казаковъ, крестьянъ, рабочихъ и бѣженцевъ; б) о положеніи недостаточныхъ продуктовъ и способовъ снабженія, в) о родахъ вещей, считающихся нужными освободить отъ воспрещенія ввоза и вывоза, и вліяніе на государственные финансы послѣ освобожденія; г) объ общихъ чертахъ родовъ и количествовъ первымъ нуждающимся въ данное время. II. Вопросы бумажно-денежной организаціи: а) о главной причинѣ упадка курса рубля; б) о проектѣ на упорядоченіе „сибирскихъ“, „романовскихъ“, „керенскихъ“ денежныхъ знаковъ и настоящей обстановкѣ объединенія серебряныхъ денегъ; в) нужна ли реформа бумажно-денежной организаціи, чтобы возстановить курсъ рубля; г) настоящее положеніе долга и залога.“ Программа эта была помѣчена 25 ноября.

Нетрудно видѣть, что въ ней были затронуты вопросы, которые касались общегосударственнаго денежнаго обращенія и могли быть разрѣшены только центральнымъ правительствомъ. Но то обстоятельство,что японцы интересовались, какъ можетъ быть созданъ устойчивый денежный знакъ, и каково „положеніе долга и залога“, т. е. какъ выполнять обязательства и выплачивать суммы, данныя подъ залогъ при непрекращающемся паденіи курса, свидѣтельство-

вало о томъ, что ихъ экономическіе интересы начали терпѣть ущербъ, въ связи съ разстройствомъ денежнаго обращенія.

Въ свою очередь, я тоже созвалъ въ Читѣ совѣщаніе по вопросу о денежномъ обращеніи и выяснилъ, что большинство относится очень отрицательно къ намѣренію Гойера легализировать разноцѣнность различныхъ сортовъ денегъ и считаетъ Русско-Азіатскій Банкъ наиболѣе вреднымъ спекулянтомъ на Д. Востокѣ. Но все, что говорилось по этому поводу, было лишь повтореніемъ тѣхъ статей и обвиненій, которыя помѣщались въ газетѣ „Русскій Экономистъ", издававшейся во Владивостокѣ экономистомъ и публицистомъ Ганомъ (Гутманомъ).

Уѣзжалъ я изъ Читы съ ощущеніемъ полной отчужденности правительства отъ Забайкалья.

Я посѣтилъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей изъ партіи народной свободы и вынесъ впечатлѣніе, что у нихъ нѣтъ враждебнаго отношенія къ Семенову, но они какъ-то слишкомъ чутко относились ко всякому шуму на улицѣ и у подъѣзда—казалось, они боялись, что даже то маленькое собраніе, на которое я попалъ, можетъ вызвать недоброжелательное отношеніе строгой читинской власти.

Семеновъ былъ внѣ правительственнаго воздѣйствія не только потому, что его поддерживали японцы, которые открыто оказывали ему и его сотрудникамъ матеріальную поддержку, но еще и потому, что всѣ наиболѣе яркіе его сподвижники числились на службѣ по канцеляріи походнаго атамана, организаціи, совершенно не предусмотрѣнной никакими законами и рангами.

Самъ Семеновъ сталъ уже болѣе увѣреннымъ въ себѣ, онъ, казалось, уже переросъ „семеновщину" первоначальнаго вида и сталъ тянуться въ маленькіе князьки. На поддержку со стороны атамана правительству трудно было разсчитывать. Его сотрудники явно ожидали паденія адмирала Колчака и были заранѣе увѣрены, что наслѣдство достанется имъ.

„Всѣ пріѣдутъ сюда просить мѣста"—такъ говорили читинскіе дѣятели.

Спустя нѣкоторое время, уже послѣ моего отъѣзда изъ Читы, атаманъ *публично* высказался о своемъ отношеніи къ кабинету Пепеляева.

„Отъ Омскаго Правительства", сказалъ онъ, „я не жду ровнымъ счетомъ ничего."

Мнѣ хотѣлось, по возвращеніи въ Иркутскъ, дать интервью объ атаманѣ въ примиряющемъ тонѣ, подготовить возможность бо-

лѣе тѣснаго сотрудничества съ нимъ, но я не могъ рѣшиться. Я самъ не вѣрилъ въ это. Я зналъ уже, что съ атаманомъ можно договориться, но что имъ управляютъ другія руки, принадлежащія тѣмъ, съ которыми надо договориться о дѣлежѣ, а это было ниже достоинства и не соотвѣтствовало характеру правительства адмирала Колчака.

Разработанный въ кругахъ Семенова проектъ организаціи власти въ Сибири былъ таковъ. Семеновъ получаетъ въ свое „владѣніе" всю территорію къ востоку отъ Байкала. Территорію же къ западу отъ Байкала предполагалось „уступить" генералу Пепеляеву.

Верховное Совѣщаніе.

Повторялось то, что уже переживали въ августѣ, когда Омскъ былъ близокъ къ паденію. Со всѣхъ сторонъ предлагались рецепты спасенія.

Въ то время, какъ Чита предлагала милитаризировать всю Сибирь, раздѣливъ ее на два генералъ-губернаторства, на западѣ Верховный Правитель создалъ новый органъ управленія, „Верховное Совѣщаніе", на которомъ были замѣтны слѣды административнаго творчества ставки. Авторомъ этого учрежденія былъ, по всей вѣроятности, Ивановъ-Риновъ.

Въ ставкѣ проявлялось бурное творчество. Воззванія выходили за воззваніями. Какъ въ старину, адмиралъ объявилъ „отечество въ опасности".

Онъ просилъ населеніе Сибири защищать себя.

„Я обращаюсь," говорилъ онъ между прочимъ, „ко всему имущему населенію Сибири. Пора понять, что никакія пространства Сибири не спасутъ васъ отъ разоренія и позорной смерти. До сихъ поръ вы думали, что правительство и армія будутъ васъ защищать безъ всякаго участія съ вашей стороны, но насталъ часъ, когда вы должны сами взяться за оружіе и идти въ ряды арміи. Идите же въ армію и помогайте своимъ достояніемъ, деньгами, одеждой и продовольствіемъ. Забудьте о чужой помощи. Никто, никто,кромѣ васъ самихъ, не будетъ васъ защищать, или спасать."

Съ тѣмъ же обращался адмиралъ и къ крестьянамъ. Въ обращеніи сквозила господствовавшая въ ставкѣ нервность.

Сумбурнѣе и немощнѣе, чѣмъ это обращеніе, былъ приказъ отъ 25 ноября о добровольческомъ движеніи. „Для борьбы за воз-

рожденіе великой свободной Россіи повелѣваю: широко охватившее страну добровольческое движеніе объединить и использовать для самоохраны и формированія народнаго ополченія.

„На всей территоріи страны объявляю призывъ всенароднаго ополченія...Призываю все населеніе государства къ широкой самодѣятельности“...

Понять, гдѣ здѣсь кончалось добровольчество, и начинался призывъ, никто не могъ. Это такъ и осталось загадкой.

Къ числу актовъ этого нервнаго творчества относится и учрежденіе Верховнаго Совѣщанія указомъ 21 ноября.

„Считаясь съ необходимостью моего пребыванія при арміи, доколѣ обстоятельства того требуютъ, я, на основаніи 2 части ст. 3 Положенія объ устройствѣ государственной власти въ Россіи, повелѣваю:

1) Совѣтъ Верховнаго Правителя упразднить.

2) Образовать при мнѣ и подъ моимъ предсѣдательствомъ Верховное Совѣщаніе въ составѣ главнокомандующаго фронтомъ, его помощниковъ, начальника его штаба, генералъ-квартирмейстера при Верховномъ главнокомандующемъ, предсѣдателя Совѣта министровъ и министровъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, путей сообщенія, финансовъ, снабженія и продовольствія или ихъ замѣстителей.

3) На Верховное Совѣщаніе возложить разработку общихъ указаній по управленію страной для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ вѣдомствъ и согласованія ея съ работой арміи и поручить преподаніе указаній по вопросамъ удовлетворенія многообразныхъ потребностей арміи, которыя должны ввести строгую согласованность дѣйствій представителей правительственной власти на мѣстахъ и сосредоточить всю работу прежде всего на служеніи фронту.

Полная закономѣрность въ дѣятельности всѣхъ органовъ какъ военной, такъ и гражданской власти, нелицемѣрныя и дѣйственныя заботы о благѣ народа, объ огражденіи общественной безопасности и защитѣ личной собственности, наконецъ, ясное сознаніе своего долга служить вѣрою и правдою въ дѣлѣ возстановленія единой, великой и мощной Россіи—да будутъ путеводной звѣздой всѣхъ представителей правительства, осуществляющихъ мои повелѣнія по верховному управленію государствомъ.

Указъ сей ввести въ дѣйствіе по телеграфу до опубликованія его Правительствующимъ Сенатомъ.

Верховный Правитель, адмиралъ Колчакъ.“

Указъ упразднялъ, въ сущности, не только Совѣтъ Верховнаго Правителя, но и Совѣтъ министровъ, замѣняя ихъ наполовину военнымъ, наполовину гражданскимъ учрежденіемъ.

Идея приказа была подсказана намѣреніемъ адмирала остаться при арміи и невозможностью согласовать управленіе страною, такъ какъ правительство, состоявшее изъ Верховнаго Правителя и Совѣта министровъ, оказалось въ это время разорваннымъ на части. Ни первый ни второй не могли ничего рѣшить окончательно. Предвидя это, я въ свое время настаивалъ въ Омскѣ, что адмиралъ долженъ переѣхать въ Иркутскъ вслѣдъ за Совѣтомъ министровъ, но онъ категорически отказался: „я буду раздѣлять судьбу арміи". Но вышло такъ, что онъ оторвался затѣмъ и отъ арміи.

Обновленіе кабинета.

Верховное Совѣщаніе на практикѣ ограничилось составленіемъ плана необходимыхъ мѣръ, изъ которыхъ главными были повышеніе содержанія военнослужащимъ и расширеніе правъ военныхъ начальниковъ по расходованію средствъ. Всѣ намѣченныя мѣры были цѣлесообразны. Окончательная обработка ихъ поручалась Совѣту министровъ.

Пепеляевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ. Вологодскій временно принялъ назначеніе въ предсѣдатели комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе. Временность его назначенія объяснялась тѣмъ, что на эту должность былъ намѣченъ Н. В. Чайковскій, который уже изъявилъ согласіе, принявъ предложеніе быть одновременно и членомъ Совѣта министровъ. Вызовъ его изъ Парижа мы, однако, намѣренно задержали, въ виду переживавшихся тяжелыхъ обстоятельствъ.

Когда я пріѣхалъ изъ Читы, Пепеляевъ уже объявилъ свою программу и намѣтилъ составъ кабинета.

Еще въ мое отсутствіе состоялось засѣданіе Совѣта министровъ, на которомъ В. Н. Пепеляевъ изложилъ Совѣту министровъ свою программу, въ основныхъ чертахъ сводящуюся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) управленіе страной только черезъ министровъ, приглашаемыхъ по выбору предсѣдателя Совѣта министровъ и утверждаемыхъ Верховнымъ Правителемъ; 2) отказъ отъ системы военнаго управленія страной; 3) борьба съ произволомъ и беззаконіемъ, кѣмъ бы они ни чинились; 4) расширеніе правъ Государственнаго Земскаго Совѣщанія; 5) приближеніе власти къ народу, сближеніе съ оппозиціей, объединеніе всѣхъ здоровыхъ

силъ страны; 6) сближеніе съ чехо-словаками; 7) всемѣрная поддержка добровольческаго движенія; 8) радикальныя мѣропріятія въ борьбѣ съ кризисомъ продовольствія и снабженія арміи и населенія; 9) дальнѣйшее сокращеніе вѣдомствъ. Вся программа построена на лозунгѣ борьбы съ большевизмомъ до возрожденія государственно-народныхъ силъ. Въ заключеніе своего доклада Пепеляевъ подчеркнулъ, что главное значеніе онъ придаетъ не перемѣнамъ въ личномъ составѣ Совѣта министровъ, а скорѣйшему планомѣрному проведенію программы въ жизнь.

Огласивъ программу, Пепеляевъ обратился къ Вологодскому съ завѣреніемъ, что его кристально чистая душа всегда будетъ примѣромъ въ предстоящей тяжелой работѣ на посту предсѣдателя Совѣта министровъ.

Вологодскій въ отвѣтъ выразилъ благодарность всѣмъ членамъ Совѣта министровъ за ихъ честное сотрудничество. Указалъ, что раздѣляетъ программу, выдвинутую Пепеляевымъ, и выразилъ надежду, что она будетъ успѣшно проведена такимъ сильнымъ волей человѣкомъ, какъ Пепеляевъ.

Попытки Пепеляева ввести въ составъ Совѣта министровъ представителей лѣвыхъ партій окончились неудачей. Колосовъ дипломатично отказался, указавъ, что его вхожденіе будетъ лишнимъ, если Пепеляевъ и безъ того увѣренъ, что онъ осуществитъ свою программу. Кооператоры тоже отказались выставить кандидатовъ.

Пепеляевъ рѣшилъ обратиться съ предложеніемъ къ членамъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія: Червенъ-Водали и Бурышкину. Они согласились войти въ кабинетъ, но лишь при условіи, что Третьяковъ будетъ замѣстителемъ предсѣдателя Совѣта и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Я засталъ переговоры въ критическій моментъ, когда все зависѣло отъ того, согласится, или нѣтъ, Третьяковъ.

Ему трудно было дать согласіе. Онъ пережилъ тяжелую ночь въ Зимнемъ дворцѣ, и теперь, когда положеніе правительства было не лучше, онъ долженъ былъ выразить согласіе вновь рисковать своею жизнью.

Я поздравилъ Третьякова, когда онъ сказалъ, наконецъ: „хорошо.“

Но Пепеляева я поздравить не могъ.

Всѣ три новичка въ правительствѣ страдали тѣмъ большимъ недостаткомъ, что они были въ Сибири еще болѣе „навозными“, чѣмъ многіе другіе члены правительства, которые уже успѣли за два года ассимилироваться и знали прошлое власти, ся враговъ

и друзей. Между тѣмъ всѣ они считали себя авторитетными общественными дѣятелями и явно противопоставляли себя остальнымъ членамъ правительства, за ошибки которыхъ имъ якобы придется раздѣлываться. Совѣтъ министровъ, благодаря такому искусственному наслоенію, не могъ укрѣпиться даже внутри. Внѣшній же его авторитетъ отъ вхожденія Третьякова, Бурышкина и Червенъ-Водали, не пользовавшихся никакою популярностью въ Сибири и одинаково непріемлемыхъ для соціалистическихъ круговъ, выиграть нисколько не могъ.

Быть можетъ, В. Н. Пепеляевъ сумѣлъ бы вдохнуть въ Совѣтъ единую волю, но онъ, послѣ перваго же засѣданія Совѣта министровъ, отбылъ на западъ къ Верховному Правителю, чтобы рѣшить съ нимъ вопросъ о возвращеніи къ должности главнокомандующаго генерала Дитерихса, о военномъ и морскомъ министрахъ, которыхъ Пепеляевъ хотѣлъ смѣнить, и о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи, которому предполагалось предоставить законодательныя права.

Однородное соціалистическое.

Напрасно, однако, правительство трудилось надъ своимъ дѣтищемъ, Государственнымъ Совѣщаніемъ.

Иркутское земство, устами предсѣдателя управы Ходукина, заявило, что оно „не намѣрено принимать участіе въ Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи. Почему? „Мы чувствуемъ“, сказалъ онъ, „что сейчасъ, въ эти тяжелые для Сибири дни, нуженъ не совѣщательный органъ, а законодательный земскій соборъ. Кромѣ того, земство считаетъ, что Омское Правительство теперь не имѣетъ ни моральнаго ни юридическаго права собирать даже земскій соборъ. До сихъ поръ оно не сдержало ни одного своего обѣщанія, ни одного декларативнаго намѣренія“.

Отрицательная часть программы заговорщиковъ такъ ярко выявлена въ этой рѣчи Ходукина, произнесенной имъ на совѣщаніи у управляющаго губерніей Яковлева, что большаго уже ничего нельзя было ожидать. „Долой правительство!“ говорило каждое его слово.

На что же претендовали заговорщики? 26 ноября состоялось въ Иркутскѣ засѣданіе его соціалистической городской думы. Оно было, по существу, шумнымъ митингомъ, съ цвѣтистыми политическими выступленіями.

Резолюція думы требовала образованія однородной соціалистической власти, опирающейся на „земскія и городскія самоупра-

вленія и классовыя организаціи рабочихъ и крестьянъ". Это было уже откровенное выявленіе „соглашательскихъ" стремленій къ примиренію съ большевиками и мирному сожительству земствъ съ совѣтами крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Интервью Третьякова.

Въ отвѣтъ на эти соглашательскія тенденціи, С. Н. Третьяковъ съ твердою рѣшительностью заявилъ, что правительство въ отношеніи большевиковъ знаетъ только одинъ лозунгъ: борьба во что бы то ни стало.

„Къ сожалѣнію", сказалъ онъ „„въ вопросѣ борьбы съ большевизмомъ сейчасъ не только въ лѣвыхъ соціалистическихъ, но и въ такъ называемыхъ буржуазныхъ кругахъ общества возникло нѣкоторое сомнѣніе.

„Большевики за два года пребыванія у власти научились быть дипломатами. Недаромъ до насъ доходятъ сейчасъ извѣстія, что большевики готовы раздѣлить власть съ другими соціалистическими кругами. Это, несомнѣнно, дѣлается для того, чтобы привлечь къ себѣ общественное мнѣніе не только внутри совѣтской Россіи, но и внѣ ея, за границей.

„Несмотря на всѣ побѣды, о которыхъ такъ много говорятъ въ настоящее время большевики, внутри страны положеніе совѣтской власти чрезвычайно тяжело, и, внѣ сомнѣнія, они готовы пойти на весьма большія уступки, чтобы только снять съ совѣтской Россіи блокаду, сковавшую всѣ стороны хозяйственной жизни страны.

„Къ ихъ завѣреніямъ о готовности идти на уступки слѣдуетъ относиться съ исключительной осторожностью. Они заявляютъ это только для того, чтобы привлечь на свою сторону иностранцевъ.

„Я знаю цѣну этимъ заявленіямъ, и непоколебимо увѣренъ, что кровавая диктатура Ленина и Троцкаго ни на шагъ не можетъ приблизиться къ тому, что мы понимаемъ подъ истинно демократическими методами управленія страной.

„Въ тѣхъ элементахъ, которые находятся сейчасъ въ оппозиціи къ вновь образовавшемуся правительству, безусловно бродятъ мысли объ извѣстномъ соглашательствѣ съ большевиками. И это является главной основной причиной, почему совмѣстная работа съ этими элементами не представляется для правительства возможной.

„Я хорошо знакомъ съ верхами русскихъ соціалистическихъ партій, я знаю взгляды Керенскаго, Авксентьева, Зензинова, Чхеидзе, Церетелли и другихъ. Я помню ихъ поведеніе въ тѣ времена, когда даже въ коалиціонномъ составѣ правительства Керенскаго остро ставился вопросъ объ отношеніи къ большевизму. Я помню, какъ горячо выступалъ въ защиту большевиковъ Церетелли, говорившій, что большевики—это наши товарищи; помню, какъ министръ юстиціи Малянтовичъ выпустилъ изъ тюрьмы Троцкаго; помню резолюцію, вынесенную временнымъ Совѣтомъ Россійской республики.

„Для меня ясно и неопровержимо, что духъ соглашательства всегда былъ силенъ среди нашихъ соціалистическихъ партій, и такъ осталось донынѣ. Если бы это было не такъ, и я ошибался бы, то сейчасъ, полагаю, не могло бы быть никакой партійности, и лозунгъ борьбы съ большевизмомъ прочно объединилъ бы всѣхъ."

Чешская оцѣнка иркутскихъ тенденцій.

Несерьезность идеи единаго соціалистическаго правительства высмѣивалъ даже „Чехо-словацкій Дневникъ".

„Мы сомнѣваемся", говорилъ онъ, „въ томъ, что Сибирь въ данный моментъ является зрѣлою для чисто соціалистическаго правительства. Полная разруха экономической жизни, фронтъ гражданской войны и невозможность обойтись безъ сносныхъ, по крайней мѣрѣ, сношеній съ Забайкальемъ и союзниками поставитъ новое правительство передъ невозможностью дѣйствовать въ рамкахъ чисто соціалистической программы, и соціалистическія партіи были бы вскорѣ логикою событій принуждены итти на компромиссы, которые понятны у болѣе широкой демократической коалиціи".

Далѣе, касаясь большевизма, „Дневникъ" указываетъ, что о борьбѣ съ большевизмомъ декларація думы прямо не говоритъ. „Считаемъ не лишнимъ въ подобныхъ проявленіяхъ высказываться конкретно, тѣмъ болѣе, что большевистская опасность является для средней Сибири фактомъ слишкомъ реальнымъ, чтобы его можно было стилистически обойти".

Чехамъ была, такимъ образомъ, ясна и утопичность проекта соціалистической власти и опасность соглашательства.

Искусственная трибуна.

Нужно было гдѣ-нибудь выступить и правительству. Совѣтъ министровъ рѣшилъ возобновить засѣданія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія.

Мнѣ было дано указаніе ограничиться самыми общими заявленіями, для того, чтобы оставить свободу для программнаго и декларативнаго выступленія Третьякова.

Открытіе Совѣщанія состоялось 8 декабря. Залъ былъ полонъ публики, но депутатскія мѣста пустовали. Кворумъ еле набрался.

Среди публики сидѣли всѣ лидеры иркутской оппозиціи, и рѣчи представителей правительства обращались больше къ нимъ, чѣмъ къ членамъ Совѣщанія.

Не имѣя другой трибуны, правительство рѣшило воспользоваться Экономическимъ Совѣщаніемъ для политическаго выступленія. Но цѣль достигнута не была.

Слѣдуя даннымъ мнѣ указаніямъ, я ограничился лишь исторической справкой, почему правительство не могло создать себѣ опору въ видѣ народнаго представительства.

,,Его не было. Почему? Вспомните, что Сибирское Правительство могло по историческимъ причинамъ опереться на Сибирскую Областную Думу. Но это правительственное учрежденіе, выработанное по самой несовершенной системѣ, состоявшее изъ представителей одной партіи, не могло оказать поддержку власти и быть регуляторомъ борющихся теченій. А директорія? Она хотѣла опереться на остатки Учредительнаго Собранія. Получилось то же, ибо и тамъ былъ однородный партійный составъ. Въ эпохи гражданской войны такіе представительные органы опорой власти служить не могутъ.

,,Неудачи партійной политики помогли нарожденію новой власти. Омскъ сталъ всероссійскимъ центромъ. Всероссійская власть не могла опереться на представительный органъ одной Сибири: такой органъ былъ бы не авторитетенъ въ вопросахъ всероссійскихъ. Но мысль о представительномъ органѣ не оставляла правительство. Результатомъ исканій правительственной и общественной мысли явилось учрежденіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Это былъ не представительный органъ, но это былъ мостъ къ нему.

,,Тяжелое положеніе страны отвлекло вниманіе правительства. Отвѣтственная задача созданія представительнаго органа отодвигалась положеніемъ на фронтѣ. Только 16 сентября правительственныя предположенія получили выраженіе въ формѣ постановленія о созывѣ Государственнаго Земскаго Совѣщанія".

Я призывалъ къ поддержкѣ правительства и Государственнаго Земскаго Совѣщанія, указывая на роковой характеръ момента, когда на карту поставлено все.

„Наша культура—утлый корабль среди бушующаго океана, а мы, представители интеллигенціи, не замѣчая надвигающейся на насъ стихіи, ссоримся на кораблѣ. Океанъ поглотитъ корабль и насъ вмѣстѣ съ нимъ.“

Всѣ ожидали, что Третьяковъ подробно разовьетъ положительную программу власти, но рѣчь его вышла неудачной. Онъ ограничился критикой прошлаго и притомъ настолько рѣзкой и несправедливой въ отношеніи отдѣльныхъ вѣдомствъ, что эта рѣчь напоминала безотвѣтственное митинговое выступленіе.

Чѣмъ же кончилось засѣданіе?

Представители земства, казачества, торговопромышленнаго класса высказались за поддержку правительства для завершенія борьбы съ большевизмомъ, и только представитель кооперацiи Емелинъ заявилъ, что гражданскій миръ нуженъ въ болѣе широкомъ масштабѣ.

— Съ кѣмъ? раздались голоса съ мѣстъ.

— Съ кѣмъ? вскрикнулъ товарищъ предсѣдателя Н. К. Волковъ: съ большевиками?

— Да, съ большевиками! отвѣтилъ Емелинъ.

— Правительство борьбы съ большевиками мира съ большевиками заключить не можетъ, отвѣтилъ я.

Въ этомъ былъ центръ тяжести. Къ миру съ большевиками стремились и Владивостокъ и Иркутскъ. Изъ этихъ центровъ шли соблазнительные лозунги, разлагавшіе тылъ. Потому-то и не оказывалось никакой поддержки Государственному Экономическому Совѣщанію. Оттого-то и была такъ непримирима оппозиція въ отношеніи къ правительству, исходившему изъ лозунга: война до конца.

Глубокое заблужденіе оппозиціи, считавшей, что она опирается на народъ, забывшей о томъ, что она—тоже русская интеллигенція, съ тѣмъ же великимъ грѣхомъ отчужденности отъ жизни и міропониманія народныхъ массъ, мѣшало ей понять, что *судьба наша будетъ одинакова.* Мы съ ними были на одномъ тонущемъ кораблѣ, но въ ослѣпленіи своемъ они думали, что потонемъ только мы.

Событія на западѣ.

В. Н. Пепеляевъ застрялъ на западѣ. Быть можетъ, онъ скрылъ даже отъ самыхъ близкихъ къ нему людей, что онъ былъ въ заговорѣ со своимъ братомъ, генераломъ, и рѣшилъ тогда же

добиться отъѣзда адмирала Колчака изъ Сибири и созыва Земскаго Собора, но вѣрнѣе, что онъ уже на мѣстѣ, ознакомившись съ положенiемъ, которое оказалось гораздо хуже, чѣмъ мы ожидали, и увидѣвъ непримиримое отношенiе къ Верховному Правителю со стороны оппозицiи, нашелъ новыя рѣшенiя, которыхъ у него не было при отъѣздѣ. Но только онъ забылъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ, не доложилъ адмиралу ни одного изъ присланныхъ нами законопроектовъ и, вмѣсто расширенiя правъ и демократизацiи состава Государственнаго Земскаго Совѣщанiя, потребовалъ созыва *Земскаго Собора.*

Адмиралъ протестовалъ. Пепеляевы почти вымогали рѣшенiе.

Адмиралъ отказалъ. Онъ прислалъ телеграмму Совѣту министровъ, просилъ совѣта и поддержки. Читая его телеграмму, мы чувствовали, какую драму переживалъ этотъ несчастный человѣкъ. „Я готовъ отречься," говорилъ онъ, „но Пепеляевъ этого не хочетъ".

Въ то же время Пепеляевъ телеграфировалъ: „я сдѣлалъ все, что могъ, я настаивалъ до конца, пусть теперь насъ разсудятъ Богъ и народъ."

Мы не были увѣрены, что Пепеляевы не совершатъ какого-нибудь насилiя надъ Верховнымъ Правителемъ. Поступки и телеграммы премьера казались дикими. Мы отправили ему въ отвѣтъ рѣзкую отповѣдь.

Это оказалось, однако, уже ненужнымъ. Пепеляевъ обладалъ психикой, напоминавшей взрывчатое вещество. Взорвется—и кончено. Прошлаго не вернешь. Долго горѣть ровнымъ пламенемъ онъ не могъ. Его телеграмма была взрывомъ. Онъ сдѣлалъ только одно: добился назначенiя главнокомандующимъ, вмѣсто Сахарова, генерала Каппеля, Сахарова братья Пепеляевы арестовали, и Совѣтъ министровъ, по предложенiю адмирала, назначилъ разслѣдованiе его дѣйствiй.

Какъ ни относиться къ Сахарову, но арестъ его былъ лишь демонстрацiей общаго развала. Онъ далъ сигналъ къ повсемѣстному проявленiю произвола и распущенности.

Адмиралъ отправился въ Иркутскъ. Пепеляевъ послѣдовалъ за нимъ черезъ сутки. Онъ отсталъ, повидимому, только для того, чтобы арестовать Сахарова.

Всѣ законы, которые съ такою поспѣшностью и тщательностью вырабатывали мы въ Иркутскѣ, остались неутвержденными.

Мы превратились въ Иркутскѣ въ собраніе людей, которыхъ ошеломляли извѣстіями, не давая времени ни дѣйствовать ни даже опомниться.

Черезъ наши головы адмиралъ переговаривался съ Дитерихсомъ. Послѣдній далъ согласіе вернуться къ главнокомандованію только при томъ условіи, что адмиралъ покинетъ Сибирь. Пепеляевъ уже остылъ, догналъ поѣздъ адмирала и, слѣдуя за нимъ по пятамъ, не только не проявлялъ никакого расхожденія съ Верховнымъ Правителемъ, но скорѣе поддерживалъ его. Получавшіяся съ запада телеграммы создавали впечатлѣніе, что Пепеляевъ не спѣшилъ въ Иркутскъ, академически спокойно обсуждая съ адмираломъ положеніе, и какъ будто предоставилъ все волѣ судьбы.

Освѣдомленіе адмирала.

Я терялъ терпѣніе и спокойствіе. Мнѣ казалось, что мы медленно умираемъ отъ неизлѣчимой болѣзни. Какъ будто зараженіе крови постепенно распространялось по всему организму власти, заставляя нѣмѣть одинъ его органъ за другимъ.

Верховный Правитель, казалось, не замѣчалъ и не понималъ, что смерть приближается къ нему, какъ къ главѣ.

Мною была послана телеграмма съ указаніемъ всѣхъ вопросовъ, которые выдвинула жизнь, для разрѣшенія которыхъ необходимо было спѣшить въ Иркутскъ, не задерживаясь нигдѣ, не теряя часа. Самый важный изъ этихъ вопросовъ былъ мною формулированъ такъ: „единая большевистская Россія, или большевистская Россія и небольшевистскія окраины, но съ рискомъ, что онѣ станутъ колоніей иностранныхъ государствъ“. Другой вопросъ относился къ Д. Востоку: „какъ предохранить его отъ распада, перспектива котораго ясно намѣчается въ непримиримости генерала Розанова и атамана Семенова, въ ихъ отношеніи къ полосѣ отчужденія и фактической независимости каждаго изъ дальневосточныхъ атамановъ“. Третій вопросъ: „Россійское или Сибирское правительство“.

Адмиралъ понялъ первый вопросъ, какъ проявленіе соглашательскаго настроенія и въ Совѣтѣ министровъ. Онъ требовалъ объясненій. Я отвѣтилъ, что дамъ ихъ въ Иркутскѣ, а сейчасъ прошу его спѣшить къ намъ. Я телеграфировалъ ему также, что его непониманіе нашихъ вопросовъ я объясняю только тѣмъ, что онъ оцѣниваетъ положеніе на фронтѣ менѣе пессимистично, чѣмъ мы.

Но по одному вопросу адмиралъ далъ точный и пророчески вѣрный отвѣтъ. „Если Россійское правительство перестанетъ существовать, Д. Востокъ немедленно распадется—таково было всегда мое убѣжденіе.“

Солидарный кабинетъ.

Создалось положеніе, при которомъ правительство перестало быть властью. Оно стало безвольно и безпомощно и болталось, какъ рука и нога паралитика.

Нашею послѣднею ставкою было Земское Совѣщаніе. Первымъ актомъ обновленнаго кабинета было исключеніе изъ состава Совѣщанія назначенныхъ членовъ, расширеніе представительства.

Когда же, наконецъ, это будетъ утверждено? Уже „Правительственный Вѣстникъ,“ по непростительной небрежности редактора, напечаталъ проектъ закона, еще не утвержденнаго адмираломъ, всѣ знали, что постановило правительство, а закона все еще не было.

Наконецъ, мы потеряли терпѣніе и, не ожидая представленія Пепеляева, сами обратились къ Верховному Правителю съ просьбой утвердить законъ. Онъ отказалъ.

Разногласіе произошло изъ-за трехъ евреевъ. Совѣтъ министровъ не хотѣлъ отказать еврейству въ особомъ представительствѣ, хотя, по существу, такое представительство и признавалось искусственнымъ. Адмиралъ не хотѣлъ, несмотря на всѣ наши настоянія, согласиться, что отказъ въ утвержденіи безтактенъ, послѣ того, какъ рѣшеніе уже состоялось.

Такъ, все наше законодательство осталось пустымъ звукомъ. Другіе труды раздѣлили судьбу перваго.

Еще хлопоталъ о чемъ-то А. А. Червенъ-Водали. Ѣздилъ, говорилъ. Всегда бодрый, оживленный, увѣренный въ себѣ, увѣренный, что онъ *настоящій земецъ*, пользуется полною поддержкою общества, онъ ни на минуту не терялъ надеждъ.

Всегда оптимистически настроенный Волковъ поддерживалъ его въ этомъ.

Но у прочихъ членовъ Совѣта министровъ не было такого побѣднаго настроенія. Группы старыхъ и новыхъ министровъ послѣ рѣзкой рѣчи Третьякова въ Совѣщаніи встали во враждебныя позиціи. Я ждалъ не дождался пріѣзда Пепеляева, чтобы уйти изъ состава правительства, и, когда адмиралъ запросилъ, почему я прекратилъ информацію, я откровенно описалъ настрое-

нія въ Совѣтѣ и сказалъ, что не могу быть обвиняющимъ въ составѣ правительства, потому что считаю, что отвѣтственность за ошибки прошлаго лежитъ и на мнѣ, но не хочу оставаться и обвиняемымъ.

Не побѣдное настроеніе было и у „премьера поневолѣ," С. Н. Третьякова. Онъ рвался на востокъ. Онъ хотѣлъ привести изъ Забайкалья семеновцевъ и японцевъ. Но чувствовалось, что онъ смотритъ на положеніе безнадежно.

Вокругъ Иркутска стягивалось кольцо возстаній. Ангара не замерзала. Теперь не армія, а правительство могло оказаться передъ непреодолимой преградой. Стоило сорвать мостъ, увести пароходы—и власть оказалась бы въ ловушкѣ.

Третьяковъ уѣхалъ. Въ „Модернѣ" шли въ пари: вернется или нѣтъ? Ставить на возвращеніе рѣшались немногіе. Вмѣсто Третьякова, остался предсѣдателемъ Червенъ-Водали. Онъ принялъ на себя тяжелое бремя.

Глава XXVI.

Агонія власти.

Если осуществленіе новой политической программы началось отставкой утомившагося Вологодскаго и замѣною его молодымъ, неутомимымъ и рѣшительнымъ Пепеляевымъ, то это начало осуществленія программы было и концомъ его. Дальше ничего не вышло.

Прежде всего, не удалось обновленіе кабинета.

На старомъ сюртукѣ наложены были двѣ-три латки, да и то изъ матеріала не первой свѣжести. Тѣмъ не менѣе, правительство приступило къ энергичной работѣ.

Совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Третьякова, принялъ постановленіе объ измѣненіи состава Государственнаго Земскаго Совѣщанія. Затѣмъ принято было постановленіе объ измѣненіи порядка осуществленія исключительныхъ положеній. Далѣе заслушанъ былъ законопроектъ Управленія дѣлами относительно правъ и организаціи Совѣта министровъ. Наконецъ, принятъ былъ законопроектъ о расширеніи власти управляющихъ губерніями. Все это были акты хорошо разработанные, мудрые политически, цѣлесообразные и осуществимые.

Какая же судьба постигла ихъ?

Они остались въ портфелѣ главноуправляющаго дѣлами неутвержденными, неосуществленными и даже никому невѣдомыми.

Что же привело къ такому плачевному результату дѣятельность правительства, дѣятельность искреннюю и на этотъ разъ смѣлую и рѣшительную? Исключительно внѣшнія событія.

Катастрофа фронта оказалась болѣе грандіозною, чѣмъ можно было ожидать. Отступленіе превратилось въ бѣгство, фронтъ таялъ не по днямъ, а по минутамъ, и удержать его не было возможности. Уѣхавшій на нѣсколько дней Пепеляевъ застрялъ на западѣ. Связь съ Верховнымъ Правителемъ прерывалась. Чехи, спасая себя, захватывали подвижные составы, разстраивая окончательно коммуникацію и препятствуя движенію поѣзда Верховнаго Прави-

теля. Адмиралъ, забывъ о Совѣтѣ министровъ, дѣйствовалъ самостоятельно, разсылалъ ноты, обострялъ отношенія съ чехами, подрывая престижъ и свой и Совѣта министровъ рѣзкими и неконституціонными, обходившими министра иностранныхъ дѣлъ, заявленіями.

Съ своей стороны, чехи совершенно вышли изъ роли иностранныхъ войскъ, охраняющихъ дорогу, и перешли на роль хозяевъ транспорта, располагающихъ средствами передвиженія прежде всего для своихъ цѣлей.

Генералъ Сыровой оправдывалъ это тѣмъ, что онъ выполнялъ приказъ изъ Праги: „уходить, избѣгая соприкосновенія съ большевиками". Что дѣлалъ въ это время главнокомандующій чехословацкими силами, генералъ Жаненъ—неизвѣстно. Онъ проявилъ себя активной силой въ дѣлѣ разрушенія россійскаго правительства уже позднѣе.

Такимъ образомъ, правительство работало не для жизни, а только для самоутѣшенія, льстя себя надеждой на то, что еще не все потеряно.

Правда о фронтѣ Совѣту министровъ не сообщалась. Казалось, и самъ Верховный Главнокомандующій не отдавалъ себѣ отчета въ неизмѣримой тяжести положенія. А въ это время революціонныя силы подняли голову. Всѣ войска тыла жадно воспринимали лозунгъ: „миръ съ большевиками". Многіе эсеры не скрывали своего истиннаго намѣренія: передать власть большевикамъ и спасти себя путемъ сверженія „колчаковцевъ", и лишь изъ лицемѣрія, а нѣкоторыми по наивности и самоувѣренности, заявлялось о возможности создать прочную „демократическую" власть. Выступленія должны были произойти, по возможности, одновременно по всей Сибири, примѣрно, въ двадцатыхъ числахъ декабря.

Правительство волею судебъ не только не укрѣпило своихъ позицій, но политической бездѣятельностью, проистекавшей, главнымъ образомъ, изъ-за невозможности сноситься съ Верховнымъ Правителемъ и доложить ему принятыя постановленія, усилило общее разочарованіе. Впрочемъ, при томъ положеніи дѣлъ на фронтѣ, которое создалось къ началу декабря, политическими реформами можно было только отсрочить, но не устранить крушеніе власти.

Однако, подобно военной катастрофѣ, политическая агонія власти оказалась также значительно болѣе трагичной, чѣмъ это могло быть. Исторія будетъ судить, кто наиболѣе виновенъ въ этомъ; наше дѣло только возстановить факты.

Начало возстанія.

Начало было положено въ Черемховѣ. Первыя пробы революціи производились въ глубокой провинціи Иркутской губерніи. Власть захватывало земство, и сейчасъ же она переходила къ большевикамъ. Кольцо вокругъ Иркутска стягивалось. Дробить силы гарнизона не представлялось возможнымъ. Перевороты происходили успѣшно.

Руководство движеніемъ принялъ Политическій Центръ, объединившій центральный комитетъ с.-р., комитетъ бюро земствъ, профессіональные союзы и с.-д. меньшевиковъ.

Политическій Центръ рѣшилъ начать серьезное выступленіе не въ Иркутскѣ, а на одномъ изъ важныхъ пунктовъ магистрали, чтобы изолировать правительство. Избрано было Черемхово, гдѣ угольныя копи давали подходящій человѣческій матеріалъ для выступленія, и гдѣ успѣхъ выступленія лишалъ бы крупные городскіе центры и дорогу угля, парализовавъ ихъ работу.

Переворотъ въ Черемхово произошелъ 21-го. Въ тотъ же день ледоходъ, очевидно, по молитвѣ заговорщиковъ, сорвалъ мостъ черезъ Ангару въ Иркутскѣ, затруднивъ переходъ изъ города на станцію и лишивъ власть возможности перебрасывать силы на другой берегъ.

И на этотъ разъ военное командованіе рѣшило не выводить никакихъ частей изъ Иркутска. Черемхово праздновало побѣду, а Иркутскъ выжидалъ. Положеніе власти становилось невозможнымъ. Она была парализована. Ясно было, что дѣло проиграно вплоть до Байкала, и что остается только одно—спасти остатки государственности на Дальнемъ Востокѣ.

Но...и въ этомъ дѣлѣ роковая судьба разбила всѣ благія намѣренія. Чтобы спасти остатки государственности, надо было эвакуировать на Дальній Востокъ наиболѣе видныхъ работниковъ, экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ и золото.

Исполнить это оказалось невозможнымъ.

Въ воскресенье 21 декабря ледоходъ сорвалъ мостъ черезъ Ангару.

Обстоятельства, при которыхъ это произошло, не могли не вызвать предположенія о зломъ умыслѣ. Совѣтъ министровъ, учитывая сложившуюся обстановку, принялъ рѣшеніе начать негласную эвакуацію путемъ командированія части чиновниковъ съ архивами за Байкалъ. Замѣститель предсѣдателя Совѣта министровъ Третьяковъ находился въ Читѣ. Предсѣдательствовалъ управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Червенъ-Водали.

Совѣщаніе земцевъ.

Въ это время въ Иркутскѣ происходили совѣщанія всѣхъ земскихъ дѣятелей, случайно тамъ находившихся. Земцы эти какъ будто хотѣли обособиться отъ сторонниковъ соглашенія съ большевиками, но мотивы гражданскаго мира звучали ясно и громко. Сознаніе невозможности дальнѣйшей борьбы съ большевизмомъ руководило большинствомъ, и желаніе спасти себя подсказывало тактику удара въ спину власти для обезпеченія награды со стороны большевиковъ за содѣйствіе.

На совѣщаніи земцевъ былъ поставленъ вопросъ о приглашеніи или неприглашеніи къ участію въ немъ представителей профессіональныхъ союзовъ. По этому поводу въ органѣ „соціалистической" мысли „Наше Дѣло", въ передовой статьѣ, написанной вызывающимъ тономъ, былъ заданъ вопросъ: „Не поздно ли?"

Земцы испросили у Червенъ-Водали разрѣшеніе на устройство 23 декабря публичнаго собранія. Сначала оно предполагалось въ думѣ, затѣмъ въ театрѣ. На собраніе явилось около 150 земцевъ и 900 приглашенныхъ. Собраніе могло превратиться въ митингъ. Командующій войсками генералъ Артемьевъ, ссылаясь на то, что у него не было испрошено разрѣшенія, которое, при существованіи военнаго положенія, зависѣло отъ него, объявилъ, уже въ то время, когда театръ былъ полонъ, что онъ не допуститъ собранія. Формально онъ былъ правъ, но для Червенъ-Водали, который увѣдомилъ управляющаго губерніей, что не имѣетъ возраженій противъ собранія, создалось невозможное положеніе. Тѣмъ не менѣе, не безъ основанія чувствуя опасность собранія, при громадномъ преобладаніи числа приглашенныхъ надъ числомъ полноправныхъ членовъ его, онъ не нашелъ возможнымъ брать на себя отвѣтственность и не настаивалъ передъ генераломъ Артемьевымъ на допущеніи собранія.

Оно не состоялось. Собравшіеся мирно разошлись. Нѣкоторые земцы (Ходукинъ, Пашковъ) въ бесѣдѣ со мной утверждали, что разгонъ собранія земцевъ окончательно лишилъ ихъ возможности отмежеваться отъ крайнихъ теченій. Но вѣрнѣе, пожалуй, что этимъ былъ отдаленъ моментъ выступленія, сигналъ и лозунги котораго должно было подать собраніе. Основаніемъ для этого предположенія можетъ служить то, что главные воротилы и иниціаторы этого чрезвычайнаго и скоропалительнаго земскаго собранія, Ходукинъ, Алексѣевскій и др., входили въ такъ называемый Политическій Центръ, организовавшій все движеніе.

Совѣтъ трехъ (троекторія).

Къ 23 декабря положеніе въ Иркутскѣ стало чрезвычайно напряженнымъ. Совѣтъ министровъ, предвидя неизбѣжную необходимость рѣшеній быстрыхъ и секретныхъ и считаясь съ тѣмъ, что предварительное обсужденіе всѣхъ дѣйствій въ полномъ составѣ Совѣта и замедлитъ рѣшенія и затруднитъ сохраненіе тайны, постановилъ предоставить Червенъ-Водали, какъ временному предсѣдателю Совѣта, генералу Ханжину, какъ военному министру, и инженеру Ларіонову, какъ управляющему министерствомъ путей сообщенія, принимать всѣ неотложныя мѣры по совмѣстномъ ихъ обсужденіи, и присвоить рѣшеніямъ этихъ трехъ министровъ силу рѣшеній Совѣта министровъ. Тѣмъ самымъ прочимъ министрамъ открывалась возможность постепеннаго выѣзда. Новая организація власти получила прозвище ,,троекторіи".

Между тѣмъ какъ Совѣтъ министровъ обсуждалъ всѣ эти мѣры и готовился къ отступленію и оборонѣ, Верховный Правитель въ это время, аккуратно получая изъ Иркутска информацію, составлялъ свой планъ дѣйствій. До какой степени адмиралъ за время своей изолированности привыкъ дѣйствовать независимо отъ Совѣта министровъ, и насколько онъ преуменьшалъ роль и положеніе министровъ въ сравненіи съ положеніемъ генераловъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ понедѣльникъ 22 декабря адмиралъ вызвалъ меня и генерала Артемьева къ прямому проводу. Со мной онъ говорилъ черезъ моего сотрудника, директора канцеляріи генерала Мартьянова, а съ генераломъ Артемьевымъ лично. Мнѣ онъ предложилъ лишь рядъ вопросовъ; съ генераломъ Артемьевымъ онъ началъ разговоръ такъ: ,,Здравствуйте, ваше превосходительство. Передайте Совѣту министровъ, что движеніе по желѣзной дорогѣ тормазится изъ-за преступной дѣятельности министерства путей сообщенія, которое не снабжаетъ кассы деньгами..." Какимъ образомъ генералъ, органъ мѣстнаго и подчиненнаго управленія, могъ передавать правительству подобнаго рода обвиненія—совершенно неизвѣстно. И это происходило послѣ того, какъ Пепеляевъ объявилъ одобренную Верховнымъ Правителемъ программу, однимъ изъ основныхъ положеній которой было: ,,управленіе исключительно черезъ Совѣтъ министровъ".

Назначеніе Семенова главнокомандующимъ.

Но гораздо важнѣе то, что Верховный Правитель, разговаривая со мной и генераломъ Артемьевымъ и выяснивъ положеніе

въ Иркутскѣ, принялъ рѣшеніе, котораго не сообщилъ ни мнѣ ни генералу, а именно: назначить атамана Семенова главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами Дальняго Востока.

По существу едва ли Верховный Правитель могъ найти иное рѣшеніе. Положиться на военныя силы генерала Артемьева не представлялось возможнымъ, подавленіе мятежа въ Иркутскѣ могло быть произведено только при содѣйствіи войскъ Забайкалья; отсюда логически вытекало назначеніе атамана Семенова командующимъ всѣми войсками. Нельзя, съ другой стороны, упрекать несчастнаго адмирала, человѣка глубоко патріотичнаго, честнаго и чуткаго, но исключительно военнаго по психологіи, не привыкшаго и не умѣвшаго усвоить пріемовъ управленія черезъ министровъ, въ томъ, что онъ въ такой тревожный моментъ не запросилъ предварительно мнѣнія Совѣта министровъ. Но предупредить послѣдній о предстоящемъ назначеніи, посовѣтоваться о формахъ указа, объ объемѣ полномочій, конечно, представлялось возможнымъ и было бы политически осторожнѣе и тактичнѣе. Назначеніе атамана Семенова главнокомандующимъ, безъ вѣдома Совѣта министровъ и безъ точнаго опредѣленія правъ главнокомандующаго, поставило правительство въ чрезвычайно неловкое и затруднительное положеніе.

Съ другой стороны, престижъ правительства окончательно былъ подорванъ.

„Признаетъ ли Совѣтъ министровъ назначеніе Семенова?“ ехидно спрашивали земцы. „Каковы теперь права Совѣта министровъ?“ спрашивали иностранцы.

Не признаватъ Семенова было бы, конечно, и безполезно и странно. Вся надежда на возможность выхода покоилась на ожиданіи помощи со стороны атамана, но нельзя было не признать, что назначеніе главнокомандующаго на всей территоріи, подвѣдомственной Совѣту министровъ, иначе сказать—объявленіе всей территоріи театромъ военныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, подчиненіе всѣхъ гражданскихъ властей военнымъ, лишало Совѣтъ министровъ всякой власти.

Совѣтъ министровъ сохранилъ за собою, въ лучшемъ случаѣ, представительство для внѣшнихъ сношеній.

Каковы же были результаты назначенія атамана Семенова главнокомандующимъ?

На этомъ надо остановиться нѣсколько подробнѣе.

У Забайкалья въ глазахъ сторонниковъ демократическаго строя была всегда особая слава. Явленія, которыя совершались тамъ, не были чужды и другимъ районамъ Сибири, но тамъ они

какъ бы растворялись въ массѣ другихъ явленій, а въ Забайкальѣ сгущались, что придавало всему строю жизни этой области особый характеръ. Атаманъ Семеновъ, котораго Политическій Центръ объявилъ „врагомъ народа“, былъ всегда грозою лѣвыхъ въ Иркутскѣ. Они боялись и ненавидѣли его. Силы атамана считались значительными, а твердость власти и несклонность къ компромиссамъ заставляли думать, что Забайкалье окажется наиболѣе устойчивою цитаделью реакціи. Таково было отношеніе къ атаману Семенову всѣхъ лѣвыхъ круговъ, а не только организаторовъ возстанія.

Во всей исторіи переворота игралъ весьма важную роль чешскій вопросъ. Поэтому при учетѣ послѣдствій назначенія генерала Семенова надо подойти къ нему и съ чешской точки зрѣнія.

Надо отмѣтить, что къ этому времени генералъ Каппель послалъ генералу Сыровому вызовъ на дуэль, мотивируя его возмущеніемъ, которое вызвало въ арміи неслыханно-оскорбительное отношеніе чешскихъ войскъ къ верховной государственной власти Россіи. Атаманъ Семеновъ, въ свою очередь, поддержалъ генерала Каппеля, выразилъ готовность замѣнить послѣдняго у барьера и предъявилъ ультиматумъ чехамъ, грозя обрушиться на нихъ всѣми силами, которыми атаманъ располагалъ. Эта угроза была особенно серьезна, такъ какъ тоннели Кругобайкальской дороги находились тогда въ рукахъ Семенова.

Такимъ образомъ, назначеніе атамана Семенова главнокомандующимъ должно было вызвать рѣзкую реакцію, ожесточенность и озлобленность со стороны всѣхъ заговорщиковъ и со стороны чехо-войскъ.

Но, съ другой стороны, настроеніе иркутскаго гарнизона, несомнѣнно, поднялось, офицерство ободрилось. Военный міръ обладаетъ своею психологіею и міровоззрѣніемъ, и приказъ новаго главнокомандующаго, объявившаго, что онъ скоро придетъ расправиться съ „мерзавцами“, пришелся по вкусу.

Надо считать, что назначеніе Семенова устраняло возможность соглашенія, обострило борьбу, и хотя отдалило моментъ ликвидаціи, но зато, въ виду неудачи исхода, ухудшило положеніе побѣжденныхъ.

Назначеніе Семенова имѣло, можетъ быть, еще и то послѣдствіе, что оно ускорило самое выступленіе и обезпечило повстанцамъ благожелательный нейтралитетъ чехо-войскъ, безъ котораго возстаніе въ Иркутскѣ было бы, несомнѣнно, подавлено, и правительство получило бы возможность свободнаго выѣзда и эвакуціи

имуществъ. Трудно утверждать только, что сочувствія и, слѣдовательно, поддержки со стороны союзныхъ войскъ народно-революціонная армія не встрѣтила бы и въ томъ случаѣ, если бы назначенія Семенова не послѣдовало. Эсеры всегда говорили: „чехи на нашей сторонѣ". Манифесту Политическаго Центра предшествовалъ извѣстный антиправительственный меморандумъ чешскихъ дипломатическихъ представителей; близкія отношенія эсеровъ съ чехами еще со времени Сибирской Областной Думы также не составляли тайны, какъ и близкія отношенія атамана Семенова и японцевъ. Поэтому утверждать, что назначеніе атамана Семенова главнокомандующимъ, въ связи съ особенно недружелюбными въ то время отношеніями послѣдняго и чеховъ, вызвало особое сочувствіе чехо-войскъ къ повстанцамъ, нельзя. Но предположеніе такое считалось въ Совѣтѣ министровъ не лишеннымъ основанія.

Министры-зрители.

Итакъ, члены Совѣта министровъ во второй половинѣ декабря изъ руководителей политической жизни окончательно превратились въ зрителей. Игра политическихъ силъ происходила безъ ихъ участія. Совѣтъ министровъ, руководствуясь не только интересами момента, но и задачами славянской политики, искалъ искренняго сближенія съ чехо-словаками, стараясь сгладить временныя шероховатости отношеній, найти примиреніе взаимныхъ интересовъ. Совѣтъ министровъ и понималъ и сочувствовалъ желанію чеховъ эвакуироваться, но онъ, конечно, не могъ помириться съ нераздѣльнымъ хозяйничаньемъ послѣднихъ на желѣзной дорогѣ.

Однако, помимо Совѣта министровъ, въ адресъ чеховъ направились стрѣлы, которыя отравили здоровыя и дружескія отношенія. И оставалось только не одобрять, протестовать...

Совѣтъ министровъ хотѣлъ расколоть лагерь оппозиціи, привлечь на свою сторону тѣхъ, кто дѣйствительно готовъ былъ искренне отстаивать Сибирь отъ большевизма, но помимо Совѣта министровъ дѣлалось то, что объединяло и сплачивало силы недоброжелательства и возмущенія противъ власти. Уйти было невозможно, протестовать безполезно, надо было ждать, подчиняться, но событія разыгрывались...

Возстаніе въ Иркутскѣ.

Возстаніе началось вечеромъ 24 декабря на лѣвомъ берегу Ангары, гдѣ находится вокзалъ и предмѣстье Глазково.

Выступленіе было задумано очень удачно. Такъ какъ мостъ черезъ Ангару былъ сорванъ, а самая рѣка не замерзла, то городъ, окруженный мощной и неприступной рѣкой, оказался отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра. Путь отступленія былъ одинъ—въ направленіи на Байкалъ, по правому берегу Ангары. Но отступленіе безъ цѣнностей, архивовъ, экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, служащихъ было бы болѣе похоже на бѣгство. Стало быть, надо было бороться.

О ненадежности частей, находившихся на лѣвомъ берегу Ангары, было давно извѣстно. Почему не было принято мѣръ для замѣны ихъ болѣе надежными, и можно ли было произвести эту замѣну, я никогда выяснить не могъ и такъ и унесъ съ собой впечатлѣніе халатности и бездѣятельности мѣстной военной власти, не обнаружившей никакого плана противодѣйствія возставшимъ и какъ будто покорно ждавшей рѣшенія судьбы.

Возстали на лѣвомъ берегу всѣ части: два баталіона 53 полка и гарнизонъ сосѣдней станціи Батарейной, гдѣ находились богатые склады снарядовъ, авіаціонный паркъ и другія цѣнныя военныя имущества.

Какъ только получены были свѣдѣнія о выступленіи въ Глазковѣ, контръ-развѣдка въ городѣ произвела обыски и арестовала районный штабъ повстанцевъ, въ составѣ 17 человѣкъ. Въ числѣ арестованныхъ, подъ именемъ Іоганна Фауста, обнаруженъ былъ извѣстный Сибири Павелъ Михайловъ, въ свое время энергично подготовлявшій возстаніе противъ большевиковъ, приговоренный ими къ смертной казни, затѣмъ вошедшій въ составъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата и, наконецъ, получившій мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ составѣ Сибирскаго Правительства и подготовлявшій, въ качествѣ такового, переходъ власти къ самарскому комитету членовъ Учредительнаго Собранія. Этотъ человѣкъ, достойный удивленія по своей энергіи, несомнѣнно, честный и убѣжденный работникъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, повидимому, и на этотъ разъ принималъ видное участіе въ подготовкѣ возстанія. Въ числѣ арестованныхъ оказался также и постоянный сотоварищъ Михайлова, Борисъ Марковъ, тоже членъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата. Изъ другихъ арестованныхъ я никого больше не зналъ.

Въ свою очередь, повстанцы произвели аресты на лѣвомъ берегу Ангары. Тамъ жилъ министръ земледѣлія Н. И. Петровъ, начальникъ переселенческаго управленія Федосѣевъ и нѣкоторые чины военно-желѣзнодорожной администраціи. Всѣ они были отведе-

ны въ казармы, причемъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, встрѣтили внимательное, корректное къ себѣ отношеніе.

Настроеніе въ „Модернѣ", гостиницѣ, въ которой жили почти всѣ члены правительства и высшіе чины министерствъ, въ ночь съ 24 на 25 декабря было мучительно тревожное. Полная неизвѣстность обстановки, неувѣренность въ гарнизонѣ, сознаніе безсилія и безплодности работы—все это порождало величайшее смятеніе. Кто могъ ручаться, что не подготовлено возстаніе и въ самомъ городѣ, и что правительство не проводитъ послѣдніе часы своего существованія?

Червенъ-Водали, Ханжинъ и Ларіоновъ всю ночь не спали, выслушивали доклады, составляли воззванія и отдавали распоряженія. Меня поднимали нѣсколько разъ. Ночью я ѣздилъ на телеграфъ говорить по прямому проводу, помогалъ „троекторіи". Вездѣ въ городѣ было совершенно спокойно. Ни одного выстрѣла. Городъ еще ничего не зналъ. Начальникъ гарнизона генералъ Сычевъ объѣзжалъ казармы и ободрялъ офицеровъ и солдатъ.

Къ утру въ маленькой комнатѣ гостиницы „Модернъ", гдѣ засѣдали три министра, воцарились бодрость и спокойствіе. Генералъ Сычевъ засвидѣтельствовалъ, что гарнизонъ держится твердо. Рѣшено было дѣйствовать.

Четвергъ 25 декабря не ознаменовался никакими происшествіями. Иностранцы справляли Рождество; имъ было не до печальныхъ обстоятельствъ россійскаго правительства, а въ Глазковѣ было такъ же мало рѣшительности и увѣренности, какъ и въ городѣ.

Засиліе иностранцевъ.

Генералъ Сычевъ послалъ союзникамъ увѣдомленіе, что утромъ 26-го онъ начнетъ артиллерійскій обстрѣлъ казармъ 53 полка. Въ отвѣтъ на это генералъ Жаненъ сообщилъ, что онъ не допуститъ обстрѣла и въ свою очередь откроетъ огонь по городу.

Громъ среди яснаго дня не поразилъ бы такъ членовъ правительства, какъ это заявленіе представителя дружественной страны, все время обѣщавшей поддержку правительству адмирала Колчака.

Только энергичныя и неотложныя мѣры могли спасти положеніе. Каждый день промедленія укрѣплялъ силы возставшихъ, такъ какъ къ нимъ стали сейчасъ же присоединяться большевистскіе элементы рабочаго населенія. Поэтому заявленіе генерала

Жанена было оцѣнено, какъ рѣшеніе *ликвидировать власть адмирала Колчака.*

Правительство ни минуты не думало о томъ, чтобы защитить себя, какъ таковое. Но цѣлью было удержать тотъ порядокъ и такую власть, которые обезпечили бы отступленіе войскъ, находившихся на фронтѣ, и не дали бы большевизму восторжествовать на всей территоріи Сибири, сдѣлавъ дальнѣйшую борьбу безнадежной. Руководители возстанія не могли внушать правительству надежды на подобный исходъ; это были люди настолько близкіе къ большевизму или настолько неустойчивые въ намѣреніяхъ, что передача имъ власти не могла означать ничего иного, какъ капитуляцію передъ большевизмомъ.

Между тѣмъ, дѣйствія правительства были связаны еще и тѣмъ, что переправу черезъ Ангару захватили въ свои руки иностранцы. Всѣ пароходы перешли въ вѣдѣніе чеховъ, которые заявили, что не дадутъ ихъ ни той ни другой сторонѣ. Желѣзнодорожная полоса, на которой сосредоточились всѣ возставшіе, объявлена была нейтральной, слѣдовательно, повстанцы оказались гарантированными отъ военной силы правительственныхъ частей, и гарнизону Иркутска оставалось только пребывать въ осадѣ и разлагаться, или отступать.

Подобное положеніе вынудило правительство начать переговоры о возможныхъ условіяхъ эвакуаціи за Байкалъ.

Иниціативу переговоровъ взяли на себя земцы, которые дали знать Червенъ-Водали, что они желали бы принять роль посредниковъ и найти мирный исходъ для устраненія кровопролитія. Иркутскій губернаторъ Яковлевъ усиленно убѣждалъ членовъ правительства согласиться на переговоры.

Совѣтъ министровъ 26 декабря уполномочилъ Червенъ-Водали побесѣдовать съ земцами, причемъ было опредѣленно подчеркнуто, что *дѣйствія генерала Жанена вынуждаютъ* правительство предпринимать шаги, которые въ моментъ борьбы и неопредѣленнаго соотношенія силъ ухудшаютъ положеніе власти и способствуютъ разложенію войскъ.

Совѣтъ министровъ указалъ также, что непремѣннымъ условіемъ съ его стороны должно быть предоставленіе повстанцами гарантій, что не произойдетъ капитуляціи передъ большевиками, что будутъ ограждены интересы отступающихъ частей войскъ, что будетъ предоставленъ свободный проѣздъ на Востокъ Верховному Правителю, членамъ правительства и тѣмъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ съ ихъ семьями, которые не пожелаютъ оставаться

на территоріи къ западу отъ Байкала, и, наконецъ, что общегосударственныя цѣнности будутъ вывезены.

Въ случаѣ принятія этихъ условій, Совѣтъ министровъ считалъ возможнымъ согласиться на отреченіе Верховнаго Правителя и передачу власти иркутской земской управѣ на территоріи Иркутской губерніи, предоставивъ опредѣлить дальнѣйшія формы организаціи власти народному собранію или земскому собору, созывъ котораго былъ провозглашенъ въ прокламаціяхъ Политическаго Центра.

Предоставивъ Червенъ-Водали начать предварительныя бесѣды съ земцами на указанной платформѣ, Совѣтъ министровъ постановилъ также командировать уполномоченныхъ лицъ для переговоровъ съ Высокими Комиссарами.

Надо отмѣтить, что часть членовъ правительства искренне сочувствовала идеѣ соглашенія, вѣрила въ его возможность, желала его. Другіе, составлявшіе меньшинство, смотрѣли на переговоры, какъ на средство оттянуть столкновеніе, тактическій шагъ для выигрыша времени.

Многіе изъ членовъ Совѣта министровъ не вѣрили въ успѣхъ переговоровъ, но хотѣли снять съ себя моральную отвѣтственность за неизбѣжное кровопролитіе, хотѣли показать, что истинное ихъ стремленіе и дѣйствительная цѣль—борьба съ большевиками, а не защита существующей власти. Составъ Совѣта министровъ въ это время, за отсутствіемъ ряда министровъ — Пепеляева, Третьякова, Петрова, Окорокова, Устругова, Неклютина, Преображенскаго, временнаго отсутствія Смирнова и замѣны ихъ товарищами министровъ, оказался политически чрезвычайно пестрымъ и неожиданно лѣвымъ по направленію. Большинство Совѣта, надо отдать справедливость, сочувствовало Политическому Центру, вѣрило въ его силы и, глубоко разочарованное результатами полуторагодовой дѣятельности, желало найти общій языкъ съ земскими дѣятелями. Это былъ рецидивъ застарѣлаго стремленія обновить правительство, вдохнуть въ него новыя силы.

Переговоры съ союзниками. Нейтралитетъ.

Переговоры были начаты. Въ поѣздѣ генерала Жанена чиновникъ особыхъ порученій Язвицкій и начальникъ штаба иркутскаго военнаго округа генералъ Вагинъ съ Высокими Комиссарами, а въ городѣ Червенъ-Водали съ земцами искали мирнаго исхода.

Переговоры съ союзниками шли какъ будто бы успѣшно. Язвицкому и Вагину поручено было объяснить, что, препятствуя правительственнымъ войскамъ активно дѣйствовать въ районѣ вокзала, они ставятъ повстанцевъ въ болѣе благопріятное положеніе, что въ такихъ условіяхъ подавленіе мятежа становится завѣдомо невозможнымъ, и что нейтралитетъ союзныхъ войскъ долженъ принять иныя, болѣе благопріятныя для россійскаго правительства формы.

Наивно было думать, что генералы Жаненъ и Сыровой не понимали того, что они способствуютъ ликвидаціи власти, и будь на мѣстѣ Совѣта министровъ большевистскіе комиссары, они давно уже повѣдали бы всему міру, что камень къ шеѣ утопающей власти привязываютъ ея друзья, и что отвѣтственность за послѣдствія ложится на нихъ—союзниковъ и друзей. Но Совѣтъ министровъ дѣйствовалъ всегда корректно, по всѣмъ правиламъ европейскаго этикета. Въ такой европейской формѣ заявилъ онъ свой протестъ и на этотъ разъ, и на свое вѣжливое и скромное ходатайство онъ получилъ джентльменскій отвѣтъ. Документъ, въ который облечено рѣшеніе Высокихъ Комиссаровъ, заслуживаетъ вниманія, и я позволю себѣ на немъ остановиться.

Вотъ текстъ сообщенной предсѣдателю Совѣта министровъ ноты:

„Совѣщаніе Высокихъ Комиссаровъ союзныхъ державъ постановило:

1) Контроль и управленіе сибирской желѣзнодорожной магистралью, отъ Красноярска до Мысовой включительно, равно какъ и телеграфными линіями, передаются въ руки командованія чехословацкихъ войскъ и другихъ союзниковъ, которые ихъ будутъ замѣщать, подъ наблюденіемъ высшаго международнаго командованія.

2) Ему будетъ передана полная охрана порядка обоихъ путей желѣзной дороги въ предѣлахъ желѣзнодорожной полосы, предѣлы которой оно установитъ для охраненія своей безопасности и для осуществленія права поддержанія нейтралитета.

3) Въ городахъ Красноярскѣ и Иркутскѣ эта зона ограничена окрестностями вокзаловъ.

4) Союзное командованіе будетъ имѣть самостоятельное право устанавливать порядокъ слѣдованія ихъ собственныхъ эшелоновъ; имъ будутъ предоставлены всевозможныя облегченія для ихъ временнаго размѣщенія на пути слѣдованія на Востокъ. Подписали: Като, Гаррисъ, Могра, Лампсонъ и Глоссъ".

Этимъ рѣшеніемъ обезпечивались интересы чехо-словацкихъ эшелоновъ, и гарантировалось безпрепятственное ихъ продвиженіе, такъ какъ вся Кругобайкальская дорога и, слѣдовательно, всѣ тоннели переходили подъ охрану чеховъ, а для правительства представилось выгоднымъ то, что вся желѣзнодорожная полоса нейтрализовалась и, слѣдовательно—такъ, по крайней мѣрѣ, подсказывала логика,—желѣзная дорога и вокзалы переставали быть благомъ, доступнымъ исключительно для исповѣдующихъ революцію.

Поэтому на имя посла Като Червенъ-Водали далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Честь имѣю довести до свѣдѣнія представителей союзныхъ державъ, что ихъ предложеніе относительно желѣзныхъ дорогъ получено, и что правительство согласно съ этимъ предложеніемъ и съ своей стороны считаетъ нужнымъ въ интересахъ дружнаго сотрудничества детализировать нѣкоторые вопросы такимъ образомъ:

1) Вся полоса отчужденія и соотвѣтственная полоса по обѣ стороны отъ нея должны быть немедленно очищены отъ повстанцевъ.

2) Всѣ удаленные повстанцами должностныя лица желѣзнодорожной, гражданской и военной администраціи должны быть немедленно возвращены на свои мѣста и возстановлены въ своихъ служебныхъ правахъ.

3) Находящіеся въ указанной въ пунктѣ первомъ зонѣ телеграфъ и телефоны должны быть возстановлены, и должно быть обезпечено свободное пользованіе ими желѣзнодорожной администраціи и правительству.

4) Контроль и управленіе желѣзной дорогой на участкѣ Красноярскъ-Мысовая и охрана указанной полосы ввѣряются чехо-словацкому командованію, въ формахъ, которыя должны быть выработаны по соглашенію этого командованія съ министерствомъ путей сообщенія и междусоюзной инспекціей желѣзныхъ дорогъ, причемъ русскому правительству и его войскамъ должно быть, обезпечено свободное пользованіе нужной ему частью провозоспособности желѣзной дороги, а распредѣленіе провозоспособности между надобностями иностранныхъ и русскихъ войскъ и правительства должно производиться по соглашенію министра путей сообщенія съ междусоюзной желѣзнодорожной инспекціей".

Этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ союзникамъ 27 декабря, и въ тотъ же день къ вечеру членъ японской военной миссіи майоръ

Мике устно сообщилъ, что оговорки правительства принимаются съ резервированіемъ нѣкоторыхъ поправокъ, на случай сомнѣній въ пониманіи текста отвѣтной ноты.

Какъ будто блестящій успѣхъ. Но за полтора года мы видѣли много безплодныхъ дипломатическихъ успѣховъ и ничего не жалѣвшихъ, но и ничего не дававшихъ нотъ и посланій, а потому и не удивились, когда и на этотъ разъ всѣ успѣхи свелись, въ концѣ концовъ, къ потерѣ времени.

Менѣе удачно шли переговоры съ земцами.

Выясненіе позиціи земцевъ.

Червенъ-Водали заявилъ имъ, что онъ не уполномоченъ на какія-либо соглашенія, но что ему предоставлено выяснить стремленія и разсчеты земской группы, для опредѣленія возможности найти съ ней общій языкъ.

Ему предложенъ былъ слѣдующій планъ.

Совѣтъ министровъ или добивается отреченія Верховнаго Правителя, или, за отсутствіемъ связи съ нимъ, принимаетъ на себя всю полноту власти и затѣмъ передаетъ ее одному лицу, а именно, Червенъ-Водали, который и заключаетъ соглашеніе съ земцами. При этомъ выяснилось, что земцы намѣрены распространить свою власть и за Байкалъ.

Что касается тѣхъ условій, о которыхъ говорилось въ Совѣтѣ министровъ, то они какъ будто не отвергались, но никакихъ гарантій ихъ выполненія, особенно главнаго изъ этихъ условій—поддержанія большевистскаго фронта, не указывалось. Даже наиболѣе склонный къ соглашенію съ земцами Червенъ-Водали послѣ этого разговора усомнился въ способности земцевъ создать сколько-нибудь прочную власть, и, когда на другой день пришли извѣстія, что въ Черемховѣ выпущены всѣ красноармейцы, и возстанавливается вся картина совѣтскихъ порядковъ, а въ Глазковѣ, подъ Иркутскомъ, уже не революціонныя войска, а революціонные рабочіе задаютъ тонъ, и что всѣ митинги проходятъ подъ большевистскими лозунгами—стремленіе къ соглашенію сразу пало.

Въ засѣданіи Совѣта министровъ 27 декабря по поводу переговоровъ съ земцами было высказано много кислыхъ словъ; была сознана, между прочимъ, тактическая ошибка: переговоры, хотя бы предварительные, разъ они начаты были предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ министровъ, связывали послѣдній и вос-

принимались въ городѣ, какъ предрѣшеніе Совѣтомъ передать власть. Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ министровъ высказался въ пользу продолженія переговоровъ, считая, что, какъ бы ни была сомнительна возможность соглашенія, попытки добиться его, разъ онѣ уже имѣли мѣсто, не должны быть отброшены.

Между тѣмъ Третьяковъ изъ Читы сообщилъ о своемъ отрицательномъ отношеніи къ попыткѣ найти компромиссы и освѣдомилъ, что опредѣленный взглядъ на такого рода соглашательство существуетъ и у атамана Семенова.

Ожиданіе войскъ послѣдняго и въ то же время переговоры съ земцами, существованіе главнокомандующаго, не связаннаго рѣшеніями Совѣта министровъ, и попытки послѣдняго опредѣлить ходъ событій—это были противорѣчія, порожденныя хаосомъ безвременья.

Червенъ-Водали, не привыкшій къ политическимъ увертками, человѣкъ искренній и честный, не счелъ возможнымъ при такихъ условіяхъ вести дальнѣйшіе переговоры и, несмотря на положительные результаты голосованія, отказался вести дальнѣйшую бесѣду.

Въ залѣ зданія Русско-Азіатскаго банка, гдѣ помѣщался въ Иркутскѣ Совѣтъ министровъ, ожидали Алексѣевскій, Ходукинъ и др. Въ это время въ кабинетѣ главноуправляющаго майоръ Мике сообщалъ о согласіи союзниковъ съ условіями нейтрализаціи желѣзнодорожной полосы.

Первымъ сказано было: „нѣтъ", вторые прислали—„да". Но это „да" прозвучало фальшиво и глухо: судьба уже рѣшила участь Омскаго Правительства, она принесла ему свое „*нѣтъ*" въ потокахъ крови и ропотѣ обидъ, отчаянія и злобы.

Не успѣли земцы выйти изъ зданія Совѣта министровъ, какъ въ окружающихъ его кварталахъ раздались звуки револьверныхъ выстрѣловъ. Это былъ отвѣтъ революціи на отказъ отъ переговоровъ.

Первое выступленіе въ городѣ.

Револьверные выстрѣлы были условнымъ сигналомъ къ выступленію. Первыми возстали части отряда особаго назначенія, состоявшаго при управляющемъ губерніей Яковлевѣ, о роли котораго въ описываемомъ движеніи я скажу особо.

Безъ большого труда возставшіе захватили телеграфную и телефонную станціи и, сосредоточившись на площади Сперанскаго, у собора, намѣревались двинуться въ центръ города. Яко-

влевъ помогъ въ эту ночь избѣжать общаго выступленія. Онъ поддержалъ пущенный слухъ о приближеніи войскъ Семенова и задержалъ, такимъ образомъ, на сторонѣ правительства часть войскъ, уже готовыхъ было присоединиться къ возставшимъ.

Весь вечеръ и всю ночь раздавалась ружейная пальба. Къ утру она затихла. Возставшіе ушли въ Знаменское предмѣстье, и на другой день, 28 декабря, снова возстановилось спокойствіе. Какъ оказалось, въ этотъ день силы возставшихъ были настолько слабы, что энергичное наступленіе могло бы разсѣять отошедшія изъ города части и освободить предмѣстье, гдѣ находилась экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ и около двухъ милліардовъ денегъ (четвертый и пятый выпуски американскаго займа и запасъ сибирскихъ). Но наступленіе предпринято не было, на этотъ разъ не по винѣ союзнаго командованія, а, повидимому, вслѣдствіе недостаточной рѣшительности дѣйствій и отсутствія активнаго плана.

Губернаторъ изъ каторжниковъ.

28 декабря Яковлевъ подалъ въ отставку, заявивъ, что онъ болѣе ничего для правительства сдѣлать не можетъ.

Нѣсколько словъ объ этой замѣчательной фигурѣ губернатора изъ каторжниковъ.

Безусловно даровитый губернаторъ, соціалистъ по убѣжденіямъ, Яковлевъ всегда сочувствовалъ оппозиціи и покровительствовалъ ей.

Яковлевъ—человѣкъ тонкій и лукавый. На каторгу онъ попалъ за участіе въ экспропріаціи, въ тюрьмѣ онъ сочинилъ кантату съ вѣрноподданническими мотивами, въ губернаторы попалъ при Павлѣ Михайловѣ, а довѣріемъ пользовался и у Пепеляева.

Правительство всегда относилось къ Яковлеву съ сомнѣніемъ, но дорожило имъ не только какъ способнымъ человѣкомъ, но и какъ представителемъ лѣвыхъ теченій, сближеніе съ которыми всегда являлось предметомъ вожделѣній омской власти, въ виду невозможности строить новое государство одними только закоренѣлыми чиновниками и старорежимными генералами. Яковлевъ же не разъ обнаруживалъ преданность и умѣлъ „пускать слезу“ по поводу того недовѣрія, которое проявляло порой начальство.

Я убѣжденъ, хотя и не могу этого доказать иначе, какъ косвенными уликами, что Яковлевъ принималъ участіе въ под-

готовкѣ переворота. Но онъ не могъ сочувствовать передачѣ власти большевикамъ, которые никогда не простили бы ему службы Омскому Правительству. Его симпатія была, очевидно, на сторонѣ Политическаго Центра. Какъ убѣжденія, такъ и интересы должны были толкать его въ сторону демократіи. Какъ умный человѣкъ, онъ не могъ не предвидѣть, что рано или поздно создавшійся режимъ потерпитъ фіаско, и онъ подготовлялъ себѣ опору: и при формированіи милиціи и отряда особаго назначенія, и мелкими услугами оппозиціи, и общимъ духомъ управленія для обезпеченія себѣ положенія въ царствѣ умѣренной, но прочной демократіи. Но ходъ событій привелъ къ мосту, переброшенному отъ Омскаго Правительства прямо къ большевикамъ. Поэтому Яковлевъ 28 декабря счелъ за благо уйти.

Отставка его была принята, и въ тотъ же день онъ скрылся. До послѣдняго момента его появленія гдѣ-либо и, во всякомъ случаѣ, активнаго участія на сторонѣ повстанцевъ обнаружено не было.

Правительство въ осадѣ.

Итакъ, воскресенье 28 декабря проходило въ настроеніи, окрашенномъ бодростью и надеждой. А, между тѣмъ, до момента полнаго крушенія власти оставалась только недѣля.

Въ Знаменскомъ предмѣстьѣ подымался воодушевленный рабочій людъ. На вокзалѣ, несмотря на всѣ ноты, ничего не измѣнилось: желѣзною дорогою, желѣзнодорожнымъ телеграфомъ, углемъ изъ Черемхова пользовались всѣ, кромѣ правительства.

Иркутскъ оставался совершенно отрѣзаннымъ. Были свѣдѣнія только о томъ, что вся территорія отъ Красноярска до Иркутска охвачена возстаніями, и что съ востока идетъ помощь.

Но когда она придетъ? Надежна ли она?

Вечеромъ городъ погружался во тьму. Электричества не давали, за прекращеніемъ подвоза угля. „Модернъ" превратился въ негостепріимный казематъ. Невыносимый холодъ, освѣщеніе свѣчами, повсюду въ корридорахъ солдаты, пулеметы, ресторанъ—убѣжище офицерской организаціи, скатерти со столовъ сняты, все пропитано запахомъ табака и кожи и окутано клубами дыма. Два самыхъ большихъ номера—раньше пріемная министра финансовъ Гойера—превратились въ арестантскую; число арестантовъ дошло уже до шестидесяти.

Зданіе Совѣта министровъ тоже теряло приличный видъ. Въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ были устроены казармы. Совѣту

министровъ нечего было собираться. Уже указано было, что значительная часть членовъ Совѣта отсутствовала. До конца не вернулись Пепеляевъ, Третьяковъ, Уструговъ, Петровъ, Неклютинъ, Окороковъ. Въ разгарѣ событій появился адмиралъ Смирновъ, который случайно былъ застигнутъ событіями на вокзалѣ, куда въ день возстанія переѣхали Гойеръ, Сукинъ и Новицкій. Тамъ адмиралъ просидѣлъ нѣсколько дней въ иностранномъ эшелонѣ и, узнавъ, что правительство, вопреки распространившимся среди иностранцевъ слухамъ, существуетъ, пробрался въ городъ въ формѣ англійскаго солдата. Министръ народнаго просвѣщенія Преображенскій пріѣхалъ изъ Томска только 4 января въ послѣдній день существованія власти.

Случайный составъ Совѣта въ такое исключительное время казался какой-то злой насмѣшкой. Вообще, періодъ „солидарнаго" кабинета Пепеляева охарактеризовался наибольшею личною разобщенностью Совѣта, въ которомъ новые люди рѣзко противопоставлялись старымъ, и работа проходила при озлобленномъ почти недовѣріи одной части къ другой. Ничто не располагало поэтому къ частымъ встрѣчамъ.

Текущія дѣла момента разрѣшались тройкой, о законодательствѣ, конечно, не приходилось уже думать, а заниматься другими дѣлами не только никто не хотѣлъ, но, повидимому, и прямо отучились.

Эвакуація изъ Омска не удалась. Въ полномъ составѣ прибыли только немногія учрежденія: Управленіе дѣлами и нѣкоторыя части министерствъ, большинство же застряло въ безконечной лентѣ на желѣзной дорогѣ, или досталось въ добычу большевикамъ. Въ то время, какъ Управленіе дѣлами интенсивно работало въ области законодательной и по части секретарской, другія министерства чахли отъ тоски и бездѣлья. Въ дни мятежа, особенно послѣ потери связи, уже всѣ одинаково перестали существовать, какъ учрежденія, и служащіе слонялись безъ дѣла и безъ цѣли.

Послѣдняя недѣля была сплошнымъ нравственнымъ мученіемъ. Въ понедѣльникъ изъ Знаменскаго предмѣстья началось наступленіе на городъ. Положеніе спасли случайно подоспѣвшіе егеря, прибывшіе въ Иркутскъ послѣ усмиренія въ Александровской тюрьмѣ.

Во вторникъ поднялась неожиданная тревога, и значительная часть членовъ правительства, не предупредивъ другихъ, переѣхала изъ „Модерна" на окраину, въ оренбургское военное

училище, откуда предположено было отступать. Ночью не разъ вся гостиница поднималась на ноги.

Семеновцы пришли.

Но вотъ пришло извѣстіе, что семеновцы приближаются. Сначала они остановились у Михалева, и генералъ Скипетровъ извѣстилъ, что дальше не пропускаютъ союзники. Но затѣмъ пришло извѣстіе, что японцы вступятъ въ иркутскій военный округъ, а вслѣдъ за тѣмъ пушечные выстрѣлы извѣстили о прибытіи войскъ изъ Забайкалья къ станціи Иркутскъ.

Былъ прекрасный солнечный день, и жадная до зрѣлищъ публика, не слыша стоновъ раненыхъ и не осязая вѣянія смерти, слѣдила издали за тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу Ангары передвигались цѣпи, и развертывалось сначала наступленіе, а затѣмъ отступленіе семеновцевъ.

Съ 29 декабря военныя дѣйствія происходили почти безпрерывно и нерѣдко съ большимъ ожесточеніемъ. Знаменское предмѣстье отдѣлено отъ города рѣчкой Ушаковкой. На ея холодномъ саванѣ найдено было немало труповъ. Среди нихъ были и ожесточенные фанатики революціи, и юноши, безотчетно вѣрившіе, что революція несетъ гибель, и люди, ничего не понимавшіе, не видѣвшіе никакого смысла въ происходившемъ. Отчаянная ненависть въ оборонѣ и безпощадная злоба въ наступленіи оставили слѣды на полѣ битвы: многіе трупы были изуродованы.

Бокъ-о-бокъ съ солдатами и офицерами выходили на фронтъ сестры милосердія. Самоотверженность послѣднихъ бросалась въ глаза. Онѣ понесли въ эти печальные дни немало тяжелыхъ утратъ.

Солдаты принадлежали къ числу тѣхъ участниковъ трагедіи, которые меньше всего понимали ея значеніе.

Егеря, которые 28 декабря спасли положеніе, отбивъ наступавшихъ, на слѣдующій день перебили офицеровъ и ушли къ повстанцамъ. Ихъ убѣдили въ казармахъ, что переворотъ дастъ миръ. Но, когда революціонный штабъ предложилъ имъ занять передовую линію, они опять перебѣжали. Вернулись, однако, немногіе. Часть пала подъ пулеметнымъ обстрѣломъ, часть вовсе разбѣжалась, и еще недавно отличные солдаты превратились въ банду мародеровъ.

Ушаковка не представляла собою зрѣлища. Тамъ трудно было наблюдать безъ риска попасть подъ шальную пулю. Даже въ

городѣ нѣсколько человѣкъ стали жертвами случайныхъ выстрѣловъ.

На Ангарѣ же, при наступленіи семеновскихъ частей, толпа могла слѣдить за дѣйствіями обѣихъ сторонъ, не чувствуя опасности и забывая о кровавыхъ ужасахъ красивой издали картины.

Происходившее на лѣвомъ берегу Ангары было мало благопріятно для осажденныхъ. Виденъ былъ сбитый съ рельсовъ, очевидно, предупредительно выпущенный изъ сферы „благожелательнаго" нейтралитета паровозъ. Стоялъ чешскій броневикъ „Орликъ". Желѣзнодорожная полоса отнюдь не имѣла вида нейтральной, какъ, казалось, должно было быть, согласно условіямъ. Стало извѣстно, что семеновскія части не будутъ допущены на вокзалъ, тогда какъ народно-революціонная армія продолжала тамъ хозяйничать. Нейтралитетъ проявилъ полную благожелательность только къ одной сторонѣ. Но, помимо этого, и самый ходъ военныхъ дѣйствій, видимо, оказался болѣе благопріятнымъ для противной стороны. Послѣ ряда атакъ семеновскія части стали отступать.

На другой день забайкальскіе эшелоны отошли опять къ Михалеву, за восемнадцатъ верстъ. Стало извѣстно, что семеновцы понесли тяжелыя потери, а „Чехо-словацкій Дневникъ" изобразилъ происшедшее, какъ полное пораженіе семеновскихъ войскъ, и далъ завѣдомо преувеличенныя свѣдѣнія о числѣ перебѣжавшихъ къ повстанцамъ солдатъ.

Какъ бы тамъ ни было, но первый шагъ отряда, пришедшаго выручать Иркутскъ, оказался неудачнымъ. Второго уже не послѣдовало. Произошелъ рѣзкій переломъ въ сторону ухудшенія, и развязка приблизилась.

Военные говорили, что генералъ Скипетровъ сдѣлалъ ошибку, начавъ дѣйствія противъ вокзала, что ему надо было перевести войска въ городъ. Можетъ быть, такъ и надо было поступить, но почему-то въ военныхъ дѣйствіяхъ у насъ оказывались всегда только однѣ ошибки, и почему-то всегда обнаруживалось, что эти ошибки всѣ видѣли и понимали и даже указывали сразу. Намъ, штатскимъ людямъ, было непонятно, почему бывшіе въ Иркутскѣ авторитетные генералы не принимали участія въ разработкѣ плана военныхъ дѣйствій, почему они устранялись отъ участія въ дѣлѣ, неудача котораго губила всѣхъ, но наши недоумѣнія всегда встрѣчали удивительный по простотѣ и непонятный для простыхъ смертныхъ отвѣтъ: „нельзя вмѣшиваться въ чужую компетенцію, командуютъ Скипетровъ и Сычевъ".

Между тѣмъ гарнизонъ окончательно терялъ вѣру въ успѣхъ и довѣріе къ начальству. Его все время ободряли обѣщаніями помощи. Но семеновцы ничего не сдѣлали и куда-то скрылись. Въ городъ переведенъ былъ баталіонъ, не внушавшій никому впечатлѣнія грозной силы. Одинъ изъ семеновскихъ офицеровъ на обѣдѣ, устроенномъ въ честь прибывшихъ, поднялъ тостъ за гражданскій миръ. „Довольно ужъ воевали", простодушно заявилъ онъ, едва ли сознавая, что тѣмъ самымъ повторяетъ самый популярный лозунгъ возставшихъ.

Обѣщано было прибытіе японцевъ. Они, дѣйствительно, пришли. Началась сумятица. Революціонеры переполошились. Но японцы не подавали признаковъ жизни. Съ вокзала пришло извѣстіе, что чехи успокаиваютъ: „Японцы не двинутся, они привезли пустые вагоны". И, дѣйствительно, не выступили.

Тогда атаманъ иркутскаго казачества генералъ Оглоблинъ написалъ предсѣдателю Совѣта министровъ рѣзкое письмо. Онъ требовалъ, чтобы ему сказали, наконецъ, правду, кто придетъ на помощь, и какова будетъ эта помощь. Если правительство будетъ по прежнему уклоняться отъ прямого отвѣта, то казачество поступитъ такъ, какъ подсказываетъ ему совѣсть, и какъ диктуютъ интересы.

Началось разложеніе гарнизона. Стали говорить, что генералъ Сычевъ распродаетъ вещи, стали интересоваться, существуетъ ли правительство, и кто куда бѣжалъ.

Тогда Червенъ-Водали, Ханжинъ и Ларіоновъ отправились на вокзалъ, къ союзникамъ.

Переговоры о сдачѣ власти.

Утромъ 3 января въ коридорѣ „Модерна" стало очень оживленно. Почти всѣ обитатели гостиницы взволнованно шептались, спрашивали другъ друга, спорили. У всѣхъ на устахъ было слово „перемиріе".

— Правда ли, что заключено перемиріе? Надо бѣжать.

Отставной министръ финансовъ Михайловъ, который живетъ гдѣ-то въ городѣ, но на всякій случай, чтобы не утратить связи и освѣдомленности, имѣетъ номеръ и въ гостиницѣ—особенно интересуется подробностями.

— Что будетъ съ нами? спрашивали офицеры комендантской части Совѣта министровъ.

— Господа! Это опять провокація! Какъ вамъ не стыдно вѣрить! Неужели еще не научились?

Но въ 11 часовъ принесенъ текстъ приказа генерала Сычева.

Перемиріе объявлено на 24 часа.

Что это былъ за приказъ! Не диктовалъ ли его штабъ народно-революціонной арміи? думалось невольно, когда читались слова приказа, расписывавшагося въ слабости правительственныхъ войскъ передъ превосходными силами противника.

Но кто же иниціаторъ этого приказа, кто виновникъ перемирія, послѣ котораго возможна только капитуляція или, въ лучшемъ случаѣ, отступленіе? Отъ насъ, членовъ правительства, требовали совѣта, но мы сами ничего не знали.

Червенъ-Водали уѣхалъ на вокзалъ безъ какихъ-либо опредѣленныхъ плановъ и безъ инструкцій Совѣта министровъ. Мы, оставшіеся, ничего не знали.

Но вотъ приходитъ извѣстіе, что Червенъ-Водали и Ханжинъ потребовали автомобиль...

Пріѣхали. Мы ждемъ приглашенія.

Проходитъ полчаса, часъ. Никого не зовутъ. Иду къ Червенъ-Водали. Онъ занятъ, совѣщается съ общественными дѣятелями: Волковымъ, Коробовымъ. Они уже все знаютъ, а мы томимся неизвѣстностью. Ханжинъ отмалчивается.

Проходитъ еще часъ.

Тогда Смирновъ и я теряемъ терпѣніе. Министры мы или нѣтъ? Мы не можемъ уйти въ отставку, потому что, при отсутствіи Верховнаго Правителя, некому ее принять, но мы еще можемъ заявить, что слагаемъ съ себя званіе членовъ правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность за принимаемые безъ насъ шаги. Мы пишемъ заявленіе и ставимъ условіе—созвать Совѣтъ министровъ не позже, чѣмъ къ двумъ часамъ.

Я предлагаю Бурышкину подписать наше заявленіе, но онъ уже повидался съ Червенъ-Водали и беретъ на себя сношенія съ нимъ.

Засѣданіе Совѣта министровъ состоялось. Въ холодномъ номерѣ „Модерна", за отсутствіемъ другихъ помѣщеній, послѣ недѣльнаго перерыва дѣятельности Совѣта, собрались опять члены правительства безъ территоріи, безъ власти, безъ свободы дѣйствій.

Вотъ что доложилъ намъ предсѣдатель.

Весь вечеръ 2 января Высокіе Комиссары вели бесѣду съ представителями правительства о необходимости сдачи власти повстанцамъ. Генералъ Жаненъ, на основаніи чешскихъ донесеній,

указалъ на неизбѣжность побѣды послѣднихъ. Союзники заявили, что эсеры—дѣятели государственнаго направленія, ничего общаго съ большевиками не имѣютъ, и что поэтому противодѣйствовать имъ союзники не намѣрены.

Условія передачи власти, тѣ самыя, которыя выставлялись, какъ база, для переговоровъ съ земцами, казались союзникамъ пріемлемыми, но они не обнаруживали желанія ихъ поддерживать. Однако, по впечатлѣнію Червенъ-Водали, онъ убѣдилъ Комиссаровъ быть посредниками. При детальномъ разсмотрѣніи условій правительства, они, между прочимъ, указали, что адмиралъ Колчакъ долженъ отречься, такъ какъ иначе невозможно будетъ гарантировать его выѣздъ, равно какъ и выѣздъ министровъ Пепеляева и Устругова возможенъ будетъ только въ качествѣ частныхъ лицъ.

Было уже за полночь, когда генералъ Жаненъ послалъ разыскать представителей Политическаго Центра, чтобы поскорѣе выяснить возможность перемирія. Его подталкивала, несомнѣнно, рука чеховъ, торопившихся все время на востокъ и томившихся создавшейся у Иркутска пробкой.

Повстанцы пришли. О чемъ они говорили съ Жаненомъ—осталось неизвѣстнымъ, но только разговоръ ихъ былъ, какъ засвидѣтельствовалъ Червенъ-Водали, очень непродолжителенъ.

Согласіе на перемиріе послѣдовало. Генералъ Ханжинъ сейчасъ же позвонилъ Сычеву, и, въ результатѣ этого звонка, явился злосчастный приказъ.

Совѣту министровъ не оставалось ничего иного, какъ составить телеграмму Верховному Правителю съ предложеніемъ отречься, а отвѣтственную тройку уполномочить продолжать начатые переговоры.

Глубоко взволнованный происшедшимъ и убѣжденный, что перемиріе было предательствомъ, я никакъ не могъ голосовать за одобреніе дѣйствій нашей тройки.

И теперь я повторяю то, что сказалъ тогда: „Безплодно и поздно критиковать, но заключеніе перемирія до принятія противникомъ предварительныхъ условій и безъ полученія отъ союзниковъ письменной гарантіи, что они будутъ поддерживать основныя условія, было равносильно предательству".

Кромѣ адмирала Смирнова, меня никто не поддержалъ въ Совѣтѣ министровъ, а нѣкоторые члены его почти негодовали, защищая дѣйствія тройки. Съ своей стороны, Червенъ-Водали

далъ рѣзкую отповѣдь и охарактеризовалъ подобнаго рода выступленіе, какъ ловкій ходъ для уклоненія отъ отвѣтственности.

Я не отвѣчалъ. За меня отвѣтили событія.

Въ то время, какъ засѣдалъ Совѣтъ министровъ, на вокзалѣ шли переговоры.

Предварительно обсуждались одиннадцать пунктовъ, выдвинутыхъ Политическимъ Центромъ въ качествѣ основы для переговоровъ. Эти пункты слѣдующіе:

1) Гарантія, что 24-часовое перемиріе не будетъ использовано противникомъ въ военныхъ цѣляхъ.

2) Возвращеніе имущества и цѣнностей, которыми полноправно распоряжалось правительство адмирала Колчака, для передачи Политическому Центру.

3) Немедленное возвращеніе пароходовъ, имущества и цѣнностей, вывезенныхъ правительствомъ Колчака за предѣлы Иркутской губерніи.

4) Немедленный отзывъ войскъ атамана Семенова изъ предѣловъ Иркутской губерніи.

5) Немедленная передача охраны тоннелей войскамъ народной арміи.

6) Разоруженіе юнкерскихъ училищъ и офицерскихъ организацій, принимавшихъ участіе въ вооруженной борьбѣ съ народной арміей.

7) Недопущеніе вывоза съ иркутскаго участка (первый участокъ Забайкальской жел. дор.) паровозовъ и вагоновъ, необходимыхъ для обезпеченія нормальнаго транспорта.

8) Актъ о немедленномъ отреченіи адмирала Колчака отъ верховной власти и передачѣ всей полноты ея Политическому Центру.

9) Актъ о сложеніи Совѣтомъ министровъ своихъ полномочій и передачѣ ихъ Политическому Центру.

10) Отрѣшеніе атамана Семенова отъ всѣхъ должностей, полученныхъ имъ отъ правительства адмирала Колчака.

11) Гарантія въ томъ, что отвѣтственные руководители политики правительства адмирала Колчака, находящіеся въ Иркутскѣ и западнѣе его, не уклонятся отъ слѣдствія и суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые должны установить степень виновности каждаго изъ нихъ въ настоящей гражданской войнѣ.

По желанію, заявленному представителями правительства и поддержанному представителями союзныхъ миссій, Политическій Центръ и главный штабъ арміи согласились на продолженіе сро-

ка перемирія до 24 часовъ 4 января, отклонивъ предложеніе о продолженіи перемирія до окончанія переговоровъ. Роли перемѣнились. Правительство оказалось стороной слабѣйшей.

На требованія, предъявленныя Политическимъ Центромъ, представители правительства Колчака дали слѣдующіе отвѣты по каждому пункту:

Ст. Иркутскъ, 3 января 1920 года.

По п. 1. Соотвѣтственныя заявленія уже даны правительствомъ, и необходимыя по сему распоряженія военнымъ командованіемъ сдѣланы.

По п. 2. Насколько извѣстно, массоваго вывоза цѣнностей изъ Иркутска не производится. Оставшіяся цѣнности будутъ справедливо распредѣлены.

По п. 3. Вопросъ требуетъ поясненій, ибо мѣстныя цѣнности изъ Иркутска не вывозились. Распредѣленіе же общегосударственныхъ цѣнностей должно быть произведено такъ, чтобы справедливо удовлетворены были потребности общегосударственныя и мѣстныя.

По п. 4. Войска атамана Семенова будутъ удалены по достиженіи дѣйствительныхъ гарантій эвакуаціи на востокъ, изъ района отъ линіи фронта до Иркутска включительно, желающихъ эвакуироваться лицъ командного состава, офицеровъ, солдатъ и правительственныхъ служащихъ. Необходимо, чтобы такія гарантіи были даны договаривающейся стороной.

По п. 5. Охрана тоннелей, какъ это предусмотрѣно рѣшеніемъ Высокихъ Комиссаровъ, ввѣрена, съ согласія русскаго правительства, междусоюзному командованію.

По п. 6. Разоружены могутъ быть желающіе остаться въ Иркутскѣ, по окончаніи эвакуаціи его. Не желающимъ же остаться въ Иркутскѣ предоставляется право слѣдовать съ оружіемъ на востокъ. Будутъ даны гарантіи, что при производствѣ эвакуаціи по договору это оружіе не будетъ употреблено противъ договаривающейся стороны.

По п. 7. Паркъ подвижного состава 1-го отдѣленія сохраняется въ размѣрахъ, потребныхъ для движенія, бывшаго въ моментъ начала борьбы.

По п. 8. Уже удовлетворено посылкою правительствомъ соотвѣтственнаго обращенія по телеграфу къ адмиралу Колчаку.

По п. 9. Предусматривается по эвакуаціи Совѣта министровъ изъ Иркутска, выясненіи формъ, въ которыхъ будетъ образовано мѣстное или краевое правительство, и распредѣленіи между ними обязательствъ и обязанностей, лежащихъ на центральномъ пра-

вительствѣ. Въ Иркутскѣ власть можетъ быть передана на время эвакуаціи Высокимъ союзнымъ Комиссарамъ и союзному командованію. Для обезпеченія безопасности населенія, охрана Иркутска и его пригородовъ (включая и станцію), должна быть ввѣрена союзнымъ войскамъ.

По п. 10. Требуется выясненіе основаній, которыя доказывали бы полезность для края и, въ частности, для района Иркутска этой мѣры. Съ своей стороны, въ цѣлесообразности ея сомнѣваемся.

По п. 11. Всѣ дѣятели правительства посильно содѣйствовали мирному разрѣшенію конфликта, въ которомъ оружіе было поднято первымъ не со стороны правительства, почему отвѣтственность за возникновеніе вооруженной борьбы лежитъ не на немъ.

Въ дополненіе къ указанному, представители правительства повторили свои основныя пожеланія:

1) Перемиріе продолжается на срокъ до достиженія окончательнаго соглашенія.

2) Съ достиженіемъ соглашенія, военныя дѣйствія въ районѣ Иркутска и по всей линіи желѣзной дороги окончательно прекращаются, причемъ должны быть обезпечены:

3) Свободный проѣздъ на востокъ и неприкосновенность адмирала Колчака, министра путей сообщенія Устругова, министра-предсѣдателя Пепеляева и прочихъ лицъ военной и гражданской администраціи, а также военныхъ частей, желающихъ быть эвакуированными за Байкалъ.

Въ частности, въ указанномъ порядкѣ обезпечивается возможно срочная эвакуація Иркутска, т.-е. правительственныхъ военныхъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ съ ихъ семьями и гарнизона.

4) До завершенія указанной эвакуаціи должна быть обезпечена связь съ отступающей арміей и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ.

Подписали: по уполномочію Совѣта министровъ вр. управляющій министерствомъ путей сообщенія, инженеръ Ларіоновъ; по уполномочію начальника иркутскаго гарнизона, генеральнаго штаба генералъ-майоръ Вагинъ.

Позиціи правительства и Политическаго Центра были, конечно, совершенно различны. Первое говорило объ отступленіи, второй—о капитуляціи.

На пожеланія представителей правительства Колчака Политическій Центръ, естественно, отвѣтилъ отказомъ, признавъ от-

вѣтъ правительства Колчака исключающимъ всякую возможность соглашенія и невыгодность его.

По удостовѣренію освѣдомленной газеты „Дѣло", вышедшей послѣ переворота, союзные представители въ ходѣ переговоровъ стояли на сторонѣ Политическаго Центра. Не составляли исключенія и представители Японіи, которые сепаратно не отстаивали тѣ или иныя пожеланія представителей Колчака.

По заявленію со стороны представителей Политическаго Центра о непріемлемости отвѣта противной стороны, представители правительства Колчака заявили о готовности доложить Совѣту министровъ и просили продлить перемиріе до окончанія переговоровъ. Союзники поддержали это предложеніе. Политическій Центръ, какъ уже указано, согласился продлить переговоры, но ограничилъ ихъ 12 часами.

Возобновленіе переговоровъ произошло 4 января, но не въ два, а въ шесть часовъ вечера. Газета „Дѣло" охарактеризовала запозданіе представителей правительства, какъ результатъ намѣреннаго затягиванія переговоровъ для выигрыша времени. Но въ дѣйствительности ничего преднамѣреннаго въ этомъ не было.

4 января въ засѣданіи Совѣта министровъ были сдѣланы доклады генерала Вагина и товарища министра путей сообщенія Ларіонова относительно одиннадцати пунктовъ предложенія Политическаго Центра и отвѣтовъ нашихъ представителей.

Тонъ доклада Ларіонова былъ таковъ: „надо согласиться на все". Предсказаніе, что перемиріе безъ предварительныхъ условій равносильно предательству, оправдалось вполнѣ.

Кто поддержалъ условія Совѣта министровъ? Что общаго между одиннадцатью пунктами Политическаго Центра и предположеніями объ эвакуаціи за Байкалъ? Откуда взялась смѣлость требованій и вызывающій тонъ Политическаго Центра, какъ не изъ сознанія, что перемиріе разложитъ правительственныя войска?

Совѣтъ министровъ остановился, прежде всего, на вопросѣ о верховной власти. Было рѣшено, что, если Верховный Правитель не отвѣтитъ на сдѣланное наканунѣ предложеніе отречься, то Совѣтъ министровъ объявитъ себя верховною властью, въ силу п. 6 постановленія 18 ноября 1918 года, основываясь на длительной невозможности сношеній. Только трое изъ членовъ правительства остались при особомъ мнѣніи, считая, что примѣненіе указанной статьи возможно было бы лишь при наличности свободы дѣйствій самого Совѣта, а не тогда, когда послѣдній оказался въ положеніи, совершенно аналогичномъ съ положеніемъ Верховнаго Правителя.

По вопросу объ объемѣ уступокъ, Совѣтъ министровъ, не вынося никакого постановленія, высказался, однако, тѣмъ же большинствомъ противъ трехъ, въ смыслѣ предоставленія уполномоченнымъ на переговоры лицамъ полной свободы дѣйствій, не исключая и согласія на полную передачу власти.

Въ то время, какъ Совѣтъ обсуждалъ этотъ вопросъ, въ „Модернъ" прибылъ генералъ Сычевъ и вызвалъ предсѣдателя. Какъ я узналъ потомъ, послѣдній, утомленный переговорами и засѣданіемъ, повидимому, не подумавъ о политическихъ послѣдствіяхъ своего шага, заявилъ Сычеву, что правительство рѣшило сдать власть.

„Ну, что жъ, мы ничего противъ этого не имѣемъ", отвѣтилъ Сычевъ и сейчасъ же отбылъ съ распоряженіями, о которыхъ стало извѣстно только вечеромъ, и которыя поставили правительство въ самое трагическое и двусмысленное положеніе.

Голосованіе произошло очень быстро, и въ исторію его результатъ долженъ быть записанъ такъ: „Сначала правительство рѣшило бороться съ мятежомъ, потомъ остановилось на отступленіи и, наконецъ, перешло на сторону повстанцевъ".

Я не мыслилъ и не мыслю до сихъ поръ, какъ можно было, послѣ десяти дней борьбы, которая велась въ убѣжденіи, что переходъ власти въ руки Политическаго Центра означаетъ переходъ ея къ большевикамъ, послѣ того, какъ было загублено нѣсколько сотенъ жизней, и правительство пользовалось услугами офицерской организаціи и призывало къ исполненію долга воинской чести—какъ можно было послѣ этого итти на полную капитуляцію, не сдѣлавъ попытки къ отступленію, и согласиться на передачу власти Политическому Центру на всей территоріи Сибири, т.-е. и на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ Политическій Центръ еще не выявилъ своего вліянія.

На Совѣтъ министровъ въ его послѣднихъ рѣшеніяхъ оказала, повидимому, сильное вліяніе вокзальная информація.

Прежде всего, всѣ пріѣзжавшіе съ вокзала единодушно указывали, что къ адміралу отношеніе не только отрицательное, но и прямо злобное. Язвицкій передавалъ фразу генерала Жанена:

„Мы психологически не можемъ принять на себя отвѣтственность за безопасность слѣдованія адмирала. Послѣ того, какъ я предлагалъ ему передать золото на мою личную отвѣтственность, и онъ отказалъ мнѣ въ довѣріи, я ничего уже не могу сдѣлать".

Протесты адмирала Колчака противъ дѣйствій чеховъ сдѣлали послѣднихъ его заклятыми врагами.

За нѣсколько дней до переворота предсѣдателю Совѣта министровъ было прислано обидное для самолюбія власти письмо генерала Жанена, въ которомъ онъ запрашиваетъ, признаетъ ли Совѣтъ министровъ законнымъ назначеніе атамана Семенова, и чѣмъ объясняется, что адмиралъ Колчакъ (званіе Верховнаго Правителя не упоминается) не увѣдомляетъ генерала Жанена о такомъ важномъ назначеніи, какъ генерала Сахарова, а потомъ генерала Каппеля на должность главнокомандующаго фронтомъ, и атамана Семенова главнокомандующимъ въ тылу. На это было отвѣчено со сдержаннымъ достоинствомъ, лаконично и твердо. Назначеніе атамана Семенова послѣдовало въ виду создавшагося положенія, угрожающаго порядку и спокойствію, когда Верховный Правитель вправѣ принять любыя мѣры, а что касается назначенія Сахарова и Каппеля, то Совѣтъ министровъ не замедлилъ запросить штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, почему о нихъ не увѣдомленъ генералъ Жаненъ, но для этого нужно, чтобы союзники выполнили свое рѣшеніе о нейтрализаціи желѣзной дороги и желѣзнодорожнаго телеграфа.

Что касается перспективъ революціи, то дружеское тяготѣніе нѣкоторыхъ союзниковъ къ Политическому Центру заставляло ихъ представлять въ розовомъ цвѣтѣ все, что казалось благопріятнымъ для возстанія и слишкомъ сгущало краски въ отношеніи правительства.

Такъ, напримѣръ, на вокзалѣ сообщили, что конвой Верховнаго Правителя совершенно разложился, а охрана предсѣдателя Совѣта министровъ стала настолько опасна для самого Пепеляева, что онъ предпочелъ ее распустить. На самомъ дѣлѣ, конвой и охрана до послѣдняго времени держались твердо, хотя ихъ усиленно разлагали повстанцы въ Нижнеудинскѣ, свободно допускавшіеся чехами къ поѣзду Верховнаго Правителя. Прокламаціи, а главное, неизвѣстность обстановки не могли не смущать солдатъ, но, кромѣ, можетъ быть, единичныхъ случаевъ, они разошлись, да и то далеко не всѣ, только тогда, когда адмиралъ и предсѣдатель Совѣта министровъ отдали соотвѣтствующее распоряженіе, принявъ охрану чеховъ.

Съ вокзала пришло также извѣстіе, что все возстаніе происходитъ съ вѣдома и благословенія генерала Пепеляева.

Относительно Дальняго Востока представители Политическаго Центра (это усиленно распространялось и въ городѣ) утверждали, что тамъ переворотъ вполнѣ подготовленъ и совершится на-дняхъ.

Все это заставило Совѣтъ министровъ поддаться настроенію въ пользу капитуляціи.

Къ счастью, формальнаго рѣшенія вынесено не было, голосованіе имѣло цѣлью лишь выясненіе настроенія Совѣта для руководства делегатамъ. Послѣдніе приняли голосованіе къ свѣдѣнію, но, судя по духу дальнѣйшихъ переговоровъ, держались твердо и согласіе на капитуляцію имѣли лишь на запасъ.

Къ тремъ делегатамъ присоединенъ былъ Палечекъ, отстаивавшій одобренную Совѣтомъ идею, что Политическій Центръ долженъ обязаться созвать земскій соборъ. Была предложена также кандидатура Бурышкина, но ее отклонили. Тѣмъ не менѣе, Бурышкинъ поѣхалъ на вокзалъ, по приглашенію Червенъ-Водали.

Жуткіе часы.

Въ „Модернѣ" должны были остаться изъ полномочныхъ членовъ Совѣта только Смирновъ и я.

Около половины шестого всѣ делегаты отбыли. Въ шесть „Модернъ" уже былъ охваченъ большимъ волненіемъ. Комендантская часть Совѣта министровъ первая узнала, что Сычевъ приказалъ войскамъ очистить фронтъ. Я потребовалъ доказательствъ, а меня просили отдать приказъ о расформированіи части. Взять на себя такое распоряженіе до выясненія результатовъ переговоровъ я не рѣшился.

Всѣ эти событія были неожиданны. Но дѣловые визиты, которые въ эти трагическія минуты мнѣ приходилось принимать, свидѣтельствуютъ, что всѣ учитывали моментъ ликвидаціи, не угадывая ея роковой близости. Одни просили выяснить условія разсчета съ Русскимъ Бюро печати, другіе ходатайствовали о разсчетѣ съ судовладѣльцами. Было, конечно, не до того.

Еще утромъ рядъ обывателей „Модерна" покинулъ его холодныя и непривѣтливыя въ эти дни стѣны. Выѣхали нѣкоторые изъ товарищей министровъ. Вынесены были вещи Смирнова. Обо всемъ этомъ мнѣ докладывали изъ команды, которая ревниво слѣдила за тѣмъ, остается ли правительство въ гостиницѣ, или бѣжитъ.

Въ семь часовъ я зашелъ къ адмиралу Смирнову. Его померъ былъ закрытъ. Ушелъ и онъ. Остались товарищи министровъ и я.

Положеніе не изъ пріятныхъ. Солдаты оставили посты и сбились въ кучки. Офицеры образовали что-то вродѣ митинга. Раздавались явно враждебные по адресу правительства возгласы,

— Бѣжали, предатели... Гдѣ они, кто остался? Раздѣлаться съ ними!

— Господа, бросайте ружья, идемъ по домамъ!

— Что вы лжете, никого здѣсь нѣтъ. Конечно, бѣжали! Гдѣ Червенъ-Водали, Бурышкинъ, Ханжинъ, Смирновъ, Волковъ?

— Почему Волковъ,онъ не членъ правительства?

— Все равно, кто здѣсь есть? А, вотъ главноуправляющій!

— А гдѣ генералъ Сычевъ?

— Уже бѣжалъ?

Черезъ нѣкоторое время мнѣ принесли собственноручный приказъ Сычева: „уходить съ фронта и стягиваться къ оренбургскому училищу для отступленія“.

Что это—провокація или мнѣ неизвѣстный планъ, согласованный съ рѣшеніемъ Червенъ-Водали?

Только благодушіе большинства русскихъ солдатъ спасло въ этотъ моментъ послѣднихъ обитателей „Модерна“ отъ жестокой расправы возмущенныхъ защитниковъ правительства.

Я рѣшилъ выбраться изъ „Модерна“ и навести справки въ англійской и японской миссіяхъ о положеніи дѣлъ. Въ коридорѣ удалось пробраться, воспользовавшись моментомъ, когда офицеры объявили, что Сычевъ бѣжалъ, а обязанности коменданта принялъ на себя генералъ Потаповъ. Вниманіе всѣхъ было поглощено этимъ сообщеніемъ.

На улицѣ меня задержали пьяные офицеры народно-революціонной арміи, но отъ нихъ удалось ускользнуть.

Я вернулся еще въ „Модернъ“ къ 10 часамъ, уже зная отъ союзниковъ, что переговоры на вокзалѣ продолжаются, но идутъ нервно и безъ надежды на благопріятный исходъ, что фронтъ уже снятъ, отдѣльныя части сдаются, и непріятель вступаетъ въ городъ.

Было опасно возвращаться въ „Модернъ“, но я зналъ преданность и дисциплинированность своей команды, зналъ, что безъ моихъ приказаній она останется на своихъ мѣстахъ, и я считалъ своимъ долгомъ рѣшить съ нею вмѣстѣ—что дѣлать?

Рѣшили не отступать—слишкомъ поздно; кромѣ того, офицеры не хотѣли итти за генералами, которые лишились ихъ довѣрія.

Я ушелъ изъ „Модерна“ незадолго до того, какъ къ нему подошли части революціонныхъ войскъ.

Переговоры въ 11 съ половиною часовъ были прерваны, не давъ положительныхъ результатовъ.

Власть россійскаго правительства къ Политическому Центру не перешла, такъ какъ *передачи не произошло, и согласія на такую передачу нигдѣ оффиціально заявлено не было.*

Политическая смерть лучше измѣны убѣжденіямъ. Россійское правительство было убѣждено въ безсиліи Политическаго Центра, и оно не могло сдать послѣднему власти. Случайное настроеніе Совѣта министровъ, сказавшееся въ засѣданіи 4 января, политически выявлено не было.

Утромъ 5 января на улицахъ Иркутска были расклеены объявленія о паденіи „ненавистной" власти Колчака и о принятіи власти Политическимъ Центромъ.

Глава XXVII.

Предательство.

Едва только закончилась катастрофа, какъ загудѣли гудки, ожила станція, зашевелились эшелоны.

Спѣшно, одинъ за другимъ, мчались на востокъ поѣзда иностранныхъ представителей, грузились миссіи, эвакуировались иностранные подданные, какъ будто бы новая власть, народившаяся при благожелательной поддержкѣ иностранцевъ, была имъ врагомъ, а не другомъ.

А, между тѣмъ, фронтъ еще не былъ ликвидированъ, еще существовали остатки арміи, еще большевизмъ не побѣдилъ.

Но никто изъ иностранцевъ не заботился больше объ арміи. Нѣкоторые иностранные эшелоны оказывали гостепріимство отдѣльнымъ политическимъ дѣятелямъ. Вывезли многихъ американцы, кое-кого изъ офицеровъ—французы, но больше всего, цѣлыми поѣздами, вывозили русскихъ японцы.

Если поспѣшность проявлялась въ выѣздѣ изъ Иркутска, если здѣсь весь транспортъ былъ захваченъ иностранцами, то еще болѣе это проявлялось и еще тягостнѣе чувствовалось къ западу отъ Иркутска, гдѣ отрѣзывались пути отступленія арміи адмирала Колчака.

Наболѣвшія чувства тѣхъ, кто находился на фронтѣ, вылились въ двухъ письмахъ. Одно было написано полковникомъ Сыробоярскимъ на имя генерала Жанена, другое капитаномъ польскихъ войскъ на имя Сырового.

Выдержки изъ телеграммы ген. Жанену.

„Какъ идейный русскій офицеръ, имѣющій высшія боевыя награды и многократныя раненія и лично извѣстный Вамъ по минувшей войнѣ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, чтобы высказать о томъ леденящемъ русскія сердца ужасѣ, которымъ полны мы, русскіе люди, свидѣтели небывалаго и величайшаго пре-

дательства славянскаго нашего дѣла тѣми бывшими нашими братьями, которые жертвами многихъ тысячъ лучшихъ нашихъ патріотовъ были вырваны изъ рабства въ кровавыхъ бояхъ на поляхъ Галиціи. Я лично былъ раненъ передъ окопами одного славянскаго полка австрійской арміи, находящагося нынѣ въ Сибири, при его освобожденіи отъ рабства. Казалось, годъ назадъ мы получили заслуженно-справедливо братскую помощь, *когда, спасая только свои жизни, бывшіе наши братья-чехи* свергли большевистскія цѣпи, заковавшія весь русскій народъ, ввергнутый въ безысходную смертельную могилу. Какой стихійной волной по Сибири и всему міру пронесся восторгъ и поклоненіе передъ чешскими соколами и избавителями! Однимъ порывомъ, короткой побѣдной борьбой, чехи превратились въ сказочныхъ богатырей, въ рыцарей безъ страха и упрека. Подвиги обезсмертили ихъ. Русскій народъ на долгія поколѣнія готовился считать ихъ своими спасителями и освободителями.

Назначеніе Ваше на постъ главнокомандующаго всѣми славянскими войсками въ Сибири было принято всюду съ глубокимъ удовлетвореніемъ. Но вотъ съ Вашего пріѣзда чешскія войска начали отводиться съ фронта въ тылъ, какъ сообщали, для отдыха отъ переутомленія. Русскіе патріоты, офицеры, добровольцы и солдаты, болѣе трехъ лѣтъ боровшіеся съ Германіей за общіе съ Вашей родиной идеалы, своею грудью прикрыли уходившихъ чеховъ. Грустно было провожать ихъ уходившіе на востокъ эшелоны, *перегруженные не столько боевымъ имуществомъ, но болѣе всего такъ называемой военной добычей. Везлась мебель, экипажи-коляски, громадныя моторныя лодки, катера, мѣдь, желѣзо, станки и другія цѣнности и достояніе русскаго народа.* Все же вѣрилось, что послѣ отдыха вновь чешскіе соколы прилетятъ къ братьямъ-русскимъ, сражавшимся за Уральскимъ хребтомъ. Но прошелъ почти годъ, и мы вновь свидѣтели небывалаго въ исторіи человѣчества предательства, *когда славяне-чехи предали тѣхъ братьевъ, которые, довѣрившись имъ, взяли оружіе и пошли защищать идею славянства и самихъ ихъ отъ большевиковъ.* И вотъ, когда они, спокойно оставивъ въ тылу у себя братьевъ, оторвавшись на тысячи непроходимыхъ верстъ, приняли на себя всѣ непосильные удары и, истомленные и обезсиленные, начали отходить—поднялись ножи каиновъ славянства, смертельно ударившихъ въ спину своимъ братьямъ. Я не знаю, какъ и кѣмъ принимались телеграммы отъ русскихъ вождей-патріотовъ, *полныя отчаянія, съ смертельнымъ крикомъ о пощадѣ безвинныхъ*

русскихъ бойцовъ, гибнущихъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая непропускаемые чехами эшелоны съ ранеными и больными, съ семьями безъ крова и пищи, съ женщинами и дѣтьми, замерзающими тысячами. Я прочелъ телеграмму генерала Сырового, которая еще болѣе убѣдила насъ всѣхъ въ продуманности и сознательности проведенія чехами плана умертвленія нашего дѣла возрожденія Россіи. Кромѣ брани и явнаго сведенія личныхъ счетовъ съ неугоднымъ чешскому командованію русскимъ правительствомъ и жалкой попытки опровергнуть предъявленныя къ нимъ обвиненія въ усугубленіи происходящихъ бѣдствій русской арміи и русскаго народа—въ ней не было ничего соотвѣтствующаго истинѣ. А что думаетъ Сыровой о брошенныхъ и подставленныхъ подъ удары большевиковъ братьяхъ-полякахъ, сербахъ, румынахъ, кровавыми жертвами устилающихъ свой путь?

Ваше превосходительство! Вашъ преждевременно поспѣшный отъѣздъ въ тылъ возглавляемыхъ Вами частей лишилъ Васъ возможности быть непосредственнымъ свидѣтелемъ и безпристрастнымъ судьей всѣхъ ужасныхъ преступленій, производимыхъ Вашими подчиненными. Свѣдѣнія, поступающія къ Вамъ изъ источниковъ явно тенденціознаго свойства, не могли дать истинной картины всего происходящаго. Лучшій судья человѣчества — время дастъ будущей исторіи фактическія данныя о роли возглавляемыхъ Вами чеховъ въ переживаемые тяжкіе дни Россіи.

Вы, главнокомандующій славянскихъ частей, со дня своего пріѣзда, не зная обстановки, осуждали атамана Семенова за его недоразумѣнія съ Верховной властью, а теперь со всей Вашей арміей готовы видѣть въ немъ врага за то, что онъ остался вѣренъ той власти, въ подчиненіи которой Вы ранѣе его лично убѣждали, и отъ которой Вы такъ быстро отвернулись, оставивъ ее безъ помощи и поддержки. То, что происходитъ сейчасъ въ Сибири, несравнимо съ предательствомъ Одессы, похоронившей въ себѣ все, что было лучшаго, честнаго и идейнаго въ ней. Неужели же и здѣсь, въ Сибири, существуетъ неумолимое рѣшеніе не дать даже одиночнымъ бойцамъ, которыхъ Вы снабжали оружіемъ, одеждой, и тѣмъ самымъ поддерживали въ борьбѣ съ большевиками, выйти изъ той искусственной созданной Вами обстановки, гдѣ они неминуемо должны погибнуть? Объ издѣвательствахъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ чехами главѣ и представителю русской арміи, адміралу Колчаку, говорить не приходится, такъ какъ неожиданная перемѣна въ поддержкѣ неформально признанной Вами Всероссійской власти вызываетъ сомнѣнія

Генералъ Сыровой.

въ чистосердечности прежнихъ отношеній. Полковникъ Сыробоярскій. 14 января 1920 года. Ст. Черемхово."

Открытое письмо Сыровому.

„Открытое письмо генералу Сыровому.

Какъ капитанъ польскихъ войскъ, славянофилъ, давно посвятившій свою жизнь идеѣ единенія славянъ—обращаюсь лично къ Вамъ, генералъ, съ тяжелымъ для меня, какъ славянина, словомъ обвиненія.

Я, оффиціальное лицо, участникъ переговоровъ съ Вами по прямому проводу со ст. Клюквенной, требую отъ Васъ отвѣта и довожу до свѣдѣнія Вашихъ солдатъ и всего міра о томъ позорномъ предательствѣ, которое несмываемымъ пятномъ ляжетъ на Вашу совѣсть и на Вашъ „новенькій" чехо-словацкій мундиръ.

Но Вы жестоко ошибаетесь, генералъ, если думаете, что Вы, палачъ славянъ, собственными руками похоронившій въ снѣгахъ и тюрьмахъ Сибири возрождающуюся русско-славянскую армію съ многострадальнымъ русскимъ офицерствомъ, пятую польскую дивизію и полкъ сербовъ и позорно предавшій адмирала Колчака—безнаказанно уйдете изъ Сибири. Нѣтъ, генералъ, арміи погибли, но славянская Россія, Польша и Сербія будутъ вѣчно жить и проклинать убійцу возрожденія славянскаго дѣла.

Я приведу только одинъ фактъ, гдѣ Вы были главнымъ участникомъ предательства, и его одного будетъ достаточно для характеристики Іуды славянства, *Вашей характеристики, генералъ Сыровой!*

9 января сего года отъ нашего высшаго польскаго командованія, съ вѣдома представителей иностранныхъ державъ, всецѣло присоединившихся къ нашей телеграммѣ, было передано слѣдующее:

„5 польская дивизія, измученная непрерывными боями съ красными, дезорганизованная безпримѣрно труднымъ передвиженіемъ по желѣзной дорогѣ, лишенной воды, угля и дровъ, и находящаяся на краю гибели, во имя гуманности и человѣчности, проситъ Васъ о пропускѣ на востокъ пяти нашихъ эшелоновъ (изъ числа 56) съ семьями воиновъ: женщинами, дѣтьми, ранеными, больными, обязуясь, предоставивъ Вамъ въ Ваше распоряженіе всѣ остальные паровозы, двигаться дальше боевымъ порядкомъ въ аріергардѣ, защищая, какъ и раньше, Вашъ тылъ".

Послѣ долгаго, пятичасового, томительнаго перерыва, мы получили, генералъ, Вашъ отвѣтъ, отвѣтъ нашего доблестнаго брата-славянина:

„Удивляюсь тону Вашей телеграммы. Согласно послѣднему приказанію генерала Жаненъ, Вы обязаны идти послѣдними. Ни одинъ польскій эшелонъ не можетъ быть мною пропущенъ на Востокъ. Только послѣ ухода послѣдняго чешскаго эшелона со ст. Клюквенная, Вы можете двинуться впередъ. Дальнѣйшіе переговоры по сему вопросу и просьбы считаю законченными, ибо вопросъ исчерпанъ“.

Такъ звучалъ отвѣтъ Вашъ, генералъ, добившій нашу многострадальную пятую дивизію.

Конечно, я знаю, что Вы можете сказать мнѣ, какъ и другимъ, что технически было невозможно выполнить наше предложеніе; поэтому заранѣе говорю Вамъ, генералъ, что тѣ объясненія, которыя Вы представили и представляете другимъ, не только не убѣдительны, но и преступно лживы. Мнѣ, члену комиссіи, живому свидѣтелю всего происходившаго, лично изслѣдовавшему состояніе ст. Клюквенной, Громодской и Заозерной — Вы не будете въ состояніи лгать и доказывать то, что Вы доказывали генералу Жаненъ. Если бы Вы, не какъ безчестный трусъ, скрывавшійся въ тылу, а какъ настоящій военачальникъ, были бы среди Вашихъ войскъ, то Вы увидѣли бы, что главный путь былъ свободенъ до самаго Нижнеудинска. Абсолютно никакихъ затрудненій по пропуску пяти нашихъ эшелоновъ быть не могло. У меня есть живые свидѣтели, спеціалисты желѣзнодорожнаго дѣла, не поляки, а иностранцы, бывшіе 7, 8, 9 января на ст. Клюквенной, которые, несомнѣнно, подтвердятъ мои слова.

Я требую отъ Васъ, генералъ, отвѣта только за нашихъ женщинъ и дѣтей, преданныхъ Вами въ публичные дома и общественное пользованіе „товарищей“, оставляя въ сторонѣ факты выдачи на ст. Тулунѣ, Зимѣ, Половинѣ и Иркутскѣ русскихъ офицеровъ на моихъ глазахъ, дружественно переданныхъ по соглашенію съ Вами, для разстрѣла, въ руки товарищей совдепско-эсеровской Россіи... Но за всѣхъ ихъ, замученныхъ и разстрѣлянныхъ, несомнѣнно, потребуютъ отвѣта мои братья-славяне, русскіе, и Великая Славянская Россія. Я же лично, генералъ, требую отъ Васъ отвѣта хотя бы только за насъ, поляковъ. Больше, генералъ, я не могу и не желаю говорить съ Вами—довольно словъ. Не я, а безпристрастная исторія соберетъ всѣ факты и заклеймитъ позорнымъ клеймомъ, клеймомъ предателя, Ваши дѣянія.

Я же лично, какъ полякъ, офицеръ и славянинъ, обращаюсь къ Вамъ: къ барьеру, генералъ! Пусть духъ славянства рѣшитъ нашъ споръ—иначе, генералъ, я называю Васъ трусомъ и подлецомъ, достойнымъ быть убитымъ въ спину. Капитанъ польскихъ войскъ въ Сибири Ясинскій-Стахурекъ. 5 февраля 1920 года."

Сыровой ничего не отвѣтилъ на это письмо, какъ не отвѣтилъ онъ раньше и на вызовъ къ барьеру генераломъ Каппелемъ, а въ Харбинѣ онъ получилъ отъ генерала Жанена, за успѣшную эвакуацію, орденъ Почетнаго Легіона.

Торжество въ Иркутскѣ.

Въ то время, какъ въ центрѣ Сибири происходила тяжелая драма войскъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ врагами и не желавшихъ все-таки сдаваться, въ Иркутскѣ происходило торжество.

Революція побѣдила.

Цѣлую недѣлю я скрывался у добрыхъ людей, и въ окно, выходившее на улицу, мнѣ видны были манифестаціи съ красными флагами и ликующая толпа, проходившая по главной улицѣ.

Безъ обозначенія числа, распространялся *манифестъ* Политическаго Центра. Названіе „манифестъ", терминъ царскихъ временъ, свидѣтельствовалъ о безмѣрной притязательности новой власти.

„Волею возставшаго народа и арміи", говорилось въ манифестѣ, „власть диктатора Колчака и его правительства, ведшихъ войну съ народомъ, низвергнута.

„Узники, томящіеся въ мѣстахъ заключенія за борьбу съ реакціей, освобождаются. Отвѣтственные руководители реакціонной политики предаются гласному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

„Атаманы Семеновъ и Калмыковъ, генералъ Розановъ и адмиралъ Колчакъ объявляются врагами народа.

„Всѣ гражданскія свободы (слова, печати, собраній, союзовъ и совѣсти), упраздненныя правительствомъ Колчака, возстанавливаются.

„Политическій Центръ, ставшій во главѣ возстанія народа и арміи, ставитъ своими ближайшими задачами:

„1. Созывъ на 12 января 1920 года Временнаго Сибирскаго Совѣта народнаго управленія, на основаніи особаго положенія, опубликованнаго Политическимъ Центромъ, и передачу ему всей

полноты временной власти вплоть до созыва Сибирскаго Народнаго Собранія, составленнаго изъ представителей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, съѣздовъ крестьянъ, казачьихъ круговъ, городскихъ самоуправленій и профессіональныхъ рабочихъ объединеній.

„2. Вся полнота мѣстной власти въ отдѣльныхъ губерніяхъ передается губернскимъ земскимъ собраніямъ и ихъ органамъ, губернскимъ земскимъ управамъ.

„Въ городахъ полнота мѣстной власти осуществляется городскими думами.

„3. Во всѣхъ областяхъ, очищенныхъ отъ реакціи, немедленно начинается подготовка къ выборамъ городскихъ и земскихъ самоуправленій на основѣ избирательныхъ законовъ 1917 г.

„4. Власть Политическаго Центра, власть гражданскаго мира, предпринимаетъ немедленные шаги къ установленію перемирія на совѣтскомъ фронтѣ и начинаетъ переговоры съ совѣтской властью, на основѣ гарантированія самоуправленія областей, освобожденныхъ отъ реакціи, не занятыхъ арміей Совѣта народныхъ комиссаровъ.

„5. Политическій Центръ приступаетъ къ немедленному осуществленію договорныхъ взаимоотношеній съ демократическими государственными образованіями, возникшими на Россійской территоріи.

„6. Въ отношеніи къ Чехо-Словацкой и Польской республикамъ его задача сводится къ установленію дружественныхъ взаимоотношеній, обезпеченію свободнаго пропуска ихъ войскъ съ сибирской территоріи, при условіи невмѣшательства ихъ во внутреннюю жизнь Сибири.

„7. Въ отношеніи державъ согласія и другихъ иностранныхъ державъ, Политическій Центръ будетъ вести политику мирнаго разрѣшенія претензій этихъ странъ къ Россіи, при условіи невмѣшательства ихъ во внутреннюю жизнь страны.

„8. Стоя лицомъ къ лицу съ развaломъ всего народнаго хозяйства, подготовленнымъ диктатурой монархической буржуазіи и реакціонныхъ военныхъ кликъ, Политическій Центръ полагаетъ неотложно необходимымъ:

а) передать все дѣло продовольствія населенія и арміи въ руки кооперативныхъ организацій подъ контролемъ центральной государственной власти;

б) обезпечить покровительственную политику по отношенію къ кооперативному хозяйству вообще, въ особенности къ кооперативной промышленности;

в) передать въ распоряженіе государства всю каменно-угольную промышленность и средства транспорта;

г) установить государственный контроль надъ внѣшнимъ товарообмѣномъ при обезпеченіи соотвѣтствующаго представительства кооперативныхъ организацій;

д) установить государственный контроль надъ всѣми областями торговли и промышленности съ обезпеченіемъ представительства органовъ мѣстнаго самоуправленія и профессіонально организованнаго труда;

е) гарантировать безусловное осуществленіе восьмичасового рабочаго дня и оплаты труда на основаніи прожиточнаго минимума;

ж) временно регулировать земельныя отношенія на основѣ положеній, принятыхъ Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

„Намѣчая въ самыхъ общихъ чертахъ платформу своей дѣятельности, Политическій Центръ глубоко увѣренъ, что его послѣдовательно-демократическая политика будетъ обезпечена солидарной поддержкой трудовыхъ слоевъ деревни и города.

„Въ планомѣрной политикѣ организаціи труда и возстановленія гражданскаго мира, гарантированныхъ демократическими свободами, Политическій Центръ видитъ единственное спасеніе народнаго хозяйства страны, доведенной до банкротства преступной политикой правительства Колчака, правительства измѣнниковъ родинѣ и народу.

„Къ труду и свободному самоуправленію зоветъ васъ, граждане Сибири, Политическій Центръ.

Предсѣдатель Политическаго Центра, членъ Учредительнаго Собранія Флоръ Федоровичъ, товарищъ предсѣдателя Политическаго Центра И. Ахматовъ, товарищъ предсѣдателя Политическаго Центра, тов. предс. Приморской Обл. Земск. Управы Б. Косьминскій. Члены Политическаго Центра: М. Фельдманъ, Б. Коноговъ, членъ Учр. Собр., А. Иваницкій-Василенко, членъ Учр. Собр., Я. Ходукинъ, предс. Иркутской Губ. Земск. Управы, Л. Гольдманъ.“

Тяжело было читать, какъ имя Колчака обливалось грязью наряду съ именами Семенова, Розанова и Калмыкова, и всѣ мы, члены правительства адмирала, мы, *стремившіеся спасти родину, объявлялись измѣнниками.*

Народъ праздновалъ завоеваніе свободы и мира.

Какъ преданъ былъ адмиралъ Колчакъ.

Гдѣ же былъ въ это время „врагъ народа“, адмиралъ Колчакъ?

Такъ же, какъ и правительство, онъ попалъ въ ловушку. Его задержали въ Нижнеудинскѣ, лишили связи съ внѣшнимъ міромъ, не позволяли тронуться съ мѣста.

Очевидецъ, одинъ изъ офицеровъ конвоя Верховнаго Правителя, бѣжавшій уже въ Иркутскѣ, разсказывалъ мнѣ обстоятельства выдачи адмирала Политическому Центру.

Во время стоянки поѣзда адмирала въ Нижнеудинскѣ ему не давали связи съ востокомъ совершенно, а съ западомъ, со штабомъ фронта, оказалось возможнымъ снестись лишь раза два, три. Силы народно-революціонной арміи въ Нижнеудинскѣ были настолько слабы, что конвой адмирала и предсѣдателя Совѣта министровъ, безъ всякаго сомнѣнія, легко справился бы съ ними, но доступъ въ городъ былъ закрытъ чехами.

Между тѣмъ, въ поѣздъ приносились прокламаціи, съ солдатами вели бесѣды подосланные агитаторы, и не столько ихъ убѣжденія, сколько одностороннее освѣщеніе событій, увѣренія, что власть адмирала Колчака пала повсюду, вносили въ среду конвоя разлагающія сомнѣнія.

Когда адмиралъ, получивъ отъ Совѣта министровъ предложеніе отречься въ пользу Деникина, а отъ союзниковъ—принять охрану чеховъ, изъявилъ на это согласіе, онъ и предсѣдатель Совѣта министровъ предоставили солдатамъ свободу дѣйствій. Многіе ушли. Солдаты были по преимуществу уроженцы Европейской Россіи и Пріуралья. Но многіе, побывавъ въ городѣ, вернулись обратно.

— Съ совдепомъ служить не хотимъ, заявили они: тамъ все то же, что было у красныхъ.

Сходили въ городъ и нѣкоторые офицеры. Они интересовались, какая участь ожидаетъ ихъ.

— Каждый получитъ назначеніе по заслугамъ, былъ отвѣтъ.

Послѣ такого разъясненія желающихъ оставаться не оказалось.

Къ моменту принятія охраны чеховъ, въ поѣздѣ Верховнаго Правителя было достаточное количество вооруженія; и адмиралъ, если бы ему предоставлено было продвигаться впередъ, могъ бы вполнѣ положиться на свои силы. Но, согласившись на чешскую охрану, привыкшій къ благородству и вѣрности даннымъ обѣщаніямъ, адмиралъ отклонилъ предложеніе преданныхъ офицеровъ припрятать пулеметы и согласился на полное разоруженіе.

Изъ своего поѣзда адмиралъ перешелъ въ вагонъ второго класса подъ флагами: англійскимъ, американскимъ, японскимъ, французскимъ и чешскимъ.

Адмиралъ взялъ съ собою изъ поѣзда всего восемьдесятъ человѣкъ. Въ коридорахъ его вагона часто грѣлись солдаты его конвоя. Всегда простой и доступный, адмиралъ любилъ ихъ и былъ близокъ со своими конвойцами.

Поѣздъ, въ составѣ котораго находился вагонъ Верховнаго Правителя, благополучно прибылъ на ст. Иннокентьевскую, находящуюся у самаго Иркутска.

Въ Черемховѣ поѣздъ встрѣтила толпа, человѣкъ въ двѣсти-триста, причемъ большинство было не вооружено, но настроеніе толпы было явно враждебнымъ.

Никому изъ вагона не разрѣшено было выходить. О чемъ говорили чехи съ толпою, неизвѣстно, но только поѣздъ благополучно двинулся дальше.

По прибытіи на Иннокентьевскую, чехи не скрывали, что поѣздъ дальше не пойдетъ. Одинъ офицеръ въ штатскомъ пробрался въ городъ. Когда онъ возвращался обратно, поѣздъ былъ уже окруженъ „сѣрыми", какъ иногда называютъ эсеровъ. Никого не пропускали. Офицеръ, одѣтый подъ проводника, прошелъ въ поѣздъ и обратился къ чехамъ съ вопросомъ, когда тронутся дальше.

— Дальше не повеземъ. Разъ ушли изъ вагона, такъ лучше не возвращайтесь.

Объ этомъ сообщено было генералу Занкевичу, генералъ-квартирмейстеру при Верховномъ Главнокомандующемъ. Генералъ переговорилъ съ адмираломъ и, собравъ вещи, вышелъ съ ними изъ вагона, объяснивъ свой уходъ намѣреніемъ снестись съ генераломъ Жаненомъ.

Адмиралъ не разъ въ дорогѣ говорилъ, что у него есть предчувствіе предательства, но это предчувствіе не могло все же подавить въ немъ вѣру въ человѣческое благородство. Предательство, казалось ему, было бы слишкомъ низкимъ.

Когда помощникъ чешскаго коменданта вошелъ въ вагонъ и заявилъ, что адмиралъ выдается иркутскимъ властямъ, Верховный Правитель схватился руками за голову, и у него вырвался вопросъ:

— Значитъ, союзники меня предаютъ?

Но сейчасъ же онъ овладѣлъ собою.

Адмирала и Пепеляева повезли въ тюрьму въ первую очередь. Черезъ Ангару ихъ вели пѣшкомъ. На городской сторонѣ ожидали автомобили. Остальныхъ отправили въ тюрьму на слѣдующій день. Отправили всѣхъ, даже женщинъ.

На вокзалѣ не было ни толпы ни войскъ.

Рѣшеніе выдать не было вынуждено неожиданно создавшеюся обстановкою; оно было, очевидно, принято заранѣе.

Японцы, находившіеся на вокзалѣ, проявили большое любопытство къ происшедшему, но не принимали въ немъ никакого участія.

Насколько слабы были силы народно-революціонной арміи на вокзалѣ, показываетъ, между прочимъ, и то, что нѣсколькимъ офицерамъ удалось выбѣжать изъ вагона, пробраться въ сосѣдніе поѣзда и скрыться.

Минуты сомнѣнія.

Политическій Центръ торжествовалъ. Ему передано золото, онъ будетъ судить Верховнаго Правителя, населеніе довольно.

Когда я читалъ „манифестъ", грязную, бездоказательную ругань, сердце забилось было нервно и злобно, но лишь на моментъ.

Можно ли сердиться, имѣя дѣло съ такимъ врагомъ? Бутафорія, скрывающая убожество и рубище. „Манифестъ" —и стиль подпольныхъ, дурного тона, воззваній, напоминающихъ лай изъ подворотни.

Но подкралось все-таки сомнѣніе. Народъ ликуетъ. Можетъ быть, и вправду мы творили только зло, можетъ быть, мы дѣйствительно были неправы, когда заставляли народъ вести борьбу, быть можетъ, съ нашей стороны было преступно вести борьбу въ Иркутскѣ, не сдать власти Политическому Центру?

Въ самомъ дѣлѣ, мы не могли ликвидировать Семенова, Калмыкова, Розанова. При насъ происходили жестокія расправы съ возстававшими крестьянами, сжигались деревни, производились разстрѣлы безъ суда. Вѣдь все это правда. Мы допустили хозяйничанье въ странѣ чеховъ, которые не жалѣли русскаго добра. Можетъ быть, мы дѣйствительно измѣнили народу и измѣнили родинѣ?

Вотъ пришелъ Политическій Центръ, близкій рабочимъ и крестьянамъ, и всѣ беззаконія сразу прекратятся, иностранцы уйдутъ, прекратится ужасное кровопролитіе.

Зачѣмъ же мы такъ упорно сидѣли, почему не сдали власти, искусственно затягивали борьбу и даже радовались (зачѣмъ это скрывать?) появленію семеновцевъ и японцевъ.

А армія? Вѣдь она еще существуетъ. А офицерство, которое такъ много выстрадало, изъ котораго только ничтожная часть далека отъ народа, а громадное большинство вышло изъ него же, среди котораго такъ называемыхъ „царскихъ генераловъ" десятки, а революціонныхъ офицеровъ сотни. Что съ ними было бы?

Какое право имѣли мы, министры только по названію, а въ дѣйствительности только техники, помогавшіе арміи по гражданской части—какое право имѣли мы игнорировать Каппеля, Пепеляева, Войцѣховскаго, этихъ народныхъ вождей, не хотѣвшихъ сдаваться?

А ижевцы и воткинцы? А казаки-оренбуржцы, уральцы, сибиряки, составлявшіе всю третью армію? Какъ же можно было требовать отъ правительства, чтобы оно измѣнило этимъ убѣжденнымъ борцамъ противъ большевизма? Нѣтъ, во сто кратъ была бы позорнѣе измѣна этимъ войскамъ! Тяжесть отвѣтственности не на тѣхъ, кто защищалъ власть, а на тѣхъ, кто принесъ ей смерть, а арміи предательство.

Но, можетъ быть, армія заблуждалась, и были правы господа изъ Политическаго Центра, что незачѣмъ было воевать, что съ большевизмомъ могъ быть заключенъ миръ, и самая армія уже была бы не нужна?

Нѣтъ, этого не могло быть. Ошибались не мы и не армія. Большевики хуже Семенова, Розанова и даже Калмыкова, и Политическій Центръ обманываетъ народъ. Ликуютъ не свободные, а обманутые. Они пріобрѣли не миръ, а рабство. До сихъ поръ они воевали и защищались. Теперь они будутъ беззащитны. До сихъ поръ они были сыты и одѣты, теперь будутъ голодны и будутъ ходить въ рубищѣ. Они имѣли отдыхъ, теперь будутъ лишены и сна и радости, ихъ мысль будетъ убита горемъ, нуждою и непосильнымъ трудомъ рабовъ, закованныхъ въ кандалы.

Нѣтъ, прочь сомнѣніе! Мы были правы. Съ большевизмомъ не можетъ быть мира, при большевизмѣ не можетъ быть свободы. Народъ прокляпетъ не насъ, а тѣхъ, кто его предалъ большевикамъ.

Въ предчувствіи надвигающейся грозы бѣгутъ всѣ иностранцы, бѣгутъ чехи, все стремится прочь, подальше отъ большевизма, съ омерзѣніемъ, какое испытываютъ къ проказѣ, съ ужасомъ, который внушаетъ чума.

Чехи предсказывали, что однородное соціалистическое правительство—абсурдъ. Они лучше другихъ иностранцевъ знаютъ, что нужно Сибири, и, если есть иностранцы, которые надѣются, что черезъ Политическій Центръ лежитъ дорога къ истинной демократіи, они скоро убѣдятся въ противномъ.

Мы были правы, когда защищались, мы были во многомъ виновны, но не тогда, когда проявили твердость и не сдавались, а тогда, когда проявляли безволіе и недостаточно твердо нападали.

Такъ думалъ я, сидя въ гостепріимномъ убѣжищѣ, въ дни торжества иркутскихъ заговорщиковъ.

Глава XXVIII.

Уроки интервенціи.

Чехо-словацкое войско покинуло Сибирь, гдѣ оно въ теченіе двухъ лѣтъ дѣлало и свою и русскую „исторію". Эта исторія полна захватывающаго интереса и поучительности. Чехо-словацкія силы, организованныя, дисциплинированныя и культурныя, за всѣ два года занимали въ Сибири исключительное положеніе. Все время русское населеніе напряженно слѣдило за тѣмъ, что дѣлаютъ чехи, все время оно надѣялось, что чехи, которые положили начало освобожденію Сибири, помогутъ и закончить его. Къ чехамъ относились сначала,не какъ къ иностранцамъ, а какъ къ „братьямъ"-славянамъ.

Но конецъ оказался совершенно неожиданнымъ. Послѣ двухъ лѣтъ гражданской войны, началомъ которой страна обязана чешскому выступленію въ концѣ мая 1918 г., Сибирь вернулась даже не къ тому же, а къ гораздо худшему положенію, а чехи заявили себя типичными иностранцами, и ихъ политическіе представители вели сношенія съ правительствомъ международными „нотами".

Было бы, конечно, несправедливымъ переносить на чеховъ отвѣтственность за всѣ печальныя послѣдствія гражданской войны, за военныя неудачи, за ошибки политики. Но роль чеховъ во всѣхъ сибирскихъ событіяхъ была настолько важной по значенію, что они сами, уходя, сочли нужнымъ какъ бы оправдаться передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, опубликовать свое „обращеніе къ Сибири".

Чехи о самихъ себѣ.

Мы *поддерживали демократію и помогали бороться съ реакціей*—вотъ основной мотивъ чешскаго обращенія. Поддерживали Сибирскую Областную Думу въ борьбѣ противъ Сибирскаго Правительства. Поддерживали комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія и добились созданія уфимской Директоріи.

Оставили фронтъ, когда побѣдила омская реакція. Оставили желѣзную дорогу, когда стало невмочь переносить тѣ ужасы, которыми сопровождались карательныя экспедиціи правительственныхъ войскъ, усмирявшихъ крестьянскія возстанія.

Заявили всему міру о моральной невозможности оставаться въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ такое правительство, какъ въ Омскѣ, правительство насилія и крови.

Захватили въ свои руки транспортъ, такъ какъ русскіе не могли съ нимъ справиться.

Приняли подъ свою охрану золото и выдали его народной власти въ Иркутскѣ.

Охраняли адмирала Колчака и предали его народному суду, не только какъ реакціонера, но и *какъ врага чеховъ*, такъ какъ адмиралъ приказалъ Семенову не останавливаться передъ взрывомъ тоннелей, для того, чтобы задержать чешское отступленіе на Востокъ.

Все это написано въ чешскомъ обращеніи къ Сибири, обращеніи, составленномъ молодыми, еще мало искусными чешскими политиками, не умѣвшими скрыть невыгодной для нихъ правды и съ головой выдавшими всю чешскую *вину* передъ Россіей.

I. Чехи помогаютъ.

Самосохраненіе или борьба за славянство?

Въ концѣ мая чешскіе эшелоны раскинулись на пространствѣ великихъ русскихъ путей отъ Пензы до Владивостока. По *нѣмецкому* настоянію, большевики потребовали ихъ разоруженія. Требованіе это не лишено было основанія. Чехи были военноплѣнными, по большей части—перебѣжчиками. Русское правительство одѣло и снарядило ихъ, и русскія власти, какими бы онѣ ни были, вправѣ были оставить это вооруженіе себѣ.

Но чехо-словацкое войско должно было обезпечить себѣ безопасность слѣдованія, и кромѣ того, оно дѣйствовало по указаніямъ союзниковъ и покровителей, на помощь которымъ должно было отправиться.

„Нѣмцы не могутъ побѣдить", такъ говорили чехи передъ своимъ выступленіемъ въ Сибири. „У союзниковъ все разсчитано. Помощь Америки обезпечиваетъ побѣду. Русскіе погубили себя преждевременнымъ миромъ, а мы обезпечиваемъ будущую свою независимость вѣрностью союзникамъ".

Однако, положеніе чеховъ оказалось очень затруднительнымъ. Пробиться къ Тихому океану, совершивъ походъ въ шесть тысячъ

верстъ, при постоянномъ сопротивленіи хотя бы и слабыхъ красныхъ силъ и при разбросанности собственныхъ на огромномъ пространствѣ—этого чехи не могли бы сдѣлать, если бы не заключили союза съ русскими военными организаціями, созданными во всѣхъ сибирскихъ городахъ разными политическими партіями и группами.

Выступленіе чеховъ не было направлено ни въ сторону демократіи ни въ сторону реакціи; оно было предпринято въ силу инстинкта самосохраненія и совершенно *совмѣстно и при ближайшемъ участіи офицерскихъ организацій.*

Не будь послѣднихъ, ни одинъ чешскій эшелонъ не могъ бы сдвинуться съ мѣста, потому что его мѣсто вновь занималось бы красными, и каждая станція встрѣчала бы чеховъ огнемъ. Чехамъ пришлось бы собираться въ большія группы, выжидать подхода наиболѣе отставшихъ частей, рисковать, что въ это время сплотятся и красныя силы, и совершать длительный и тяжелый походъ.

Чешское выступленіе не заключало въ себѣ ничего героическаго. Оно было вынуждено.

Совмѣстная борьба чеховъ и русскаго офицерства кровью спаяла ихъ братскій союзъ. Ихъ *взаимныя* обязательства стали священными. Обѣ стороны понесли много тяжелыхъ утратъ, и тѣни звѣрски замученныхъ большевиками чеховъ и русскихъ требовали завершенія совмѣстно начатой борьбы.

Чехи-герои.

Когда путь во Владивостокъ былъ очищенъ, чехо-словацкіе эшелоны повернули на западъ.

Въ этотъ моментъ чехи проявили истинный героизмъ. Пробиться черезъ всю Сибирь къ открытому простору Тихаго океана и затѣмъ „возвращаться обратно за тысячи верстъ, чтобы закончить славно начатое дѣло—это былъ подвигъ". Такъ характеризовалъ я походъ чеховъ въ славянской газетѣ „Нашъ Путь" (Омскъ, 15 сентября).

Конечно, возвращеніе на западъ было продиктовано не одними только идеальными побужденіями: желаніемъ спасти Россію, сознаніемъ отвѣтственности передъ Сибирью, которая вовлечена была чешскимъ выступленіемъ въ преждевременную, еще недостаточно тогда назрѣвшую борьбу съ большевиками. У чехо-словацкой арміи было указаніе Парижа вернуться на западъ. Они должны были считаться съ указаніями союзныхъ державъ, отъ которыхъ зависѣло предоставленіе транспорта для переѣзда на родину. Союзники

же еще не оставляли мысли о возстановленіи русско-германскаго фронта.

Но, каковы бы ни были дѣловые разсчеты и внѣшнія обстоятельства, чехи, возвращавшіеся съ Дальняго Востока на Уралъ, представляли образецъ доблести и дисциплины и, казалось, достойны были того восхищенія, которое выпало на ихъ долю.

Поэтому Сибирское, а впослѣдствіи Россійское, Правительство относилось съ исключительнымъ вниманіемъ и предупредительностью къ чехамъ, постоянно подчеркивая признаніе ихъ заслугъ.

Въ особой граматѣ Временное Сибирское Правительство, 30 іюня 1918 г., въ первый же день по принятіи власти, „отмѣчаетъ крупныя заслуги чеховъ и словаковъ въ исторіи не только Сибири, но и всего славянства, и выражаетъ твердую увѣренность, что и предстоящія совмѣстныя дѣйствія чехо-словацкихъ и русскихъ войскъ будутъ сопровождаться такимъ же выдающимся успѣхомъ".

Этимъ словамъ не суждено было оправдаться. Сибирское Правительство допустило ошибку въ оцѣнкѣ значенія чехо-словацкихъ дѣйствій, которыя, въ ихъ конечномъ результатѣ, не дали ничего не только славянству, но и Сибири. Ошибка была и въ увѣренности относительно будущихъ „совмѣстныхъ дѣйствій"—они длились недолго.

Сибирскія власти допустили ошибку и въ другомъ отношеніи. Онѣ питали излишнюю увѣренность въ политическомъ нейтралитетѣ чеховъ. „Сибирское Правительство предоставитъ имъ выбрать отправку во Францію или продолженіе борьбы съ Германіей въ рядахъ русской арміи. Никакого вмѣшательства во внутреннюю жизнь страны допущено не будетъ, да они къ этому и не стремятся". Такъ говорилось въ извѣщеніи, подписанномъ видными членами сибирскаго отдѣла партіи соціалистовъ-революціонеровъ Марковымъ, Михайловымъ, Линдбергомъ и Сидоровымъ, которые въ то время правили въ Омскѣ отъ имени Сибирскаго Правительства.

Эти лица были, однако, одними изъ виновниковъ того, что чехи не только вмѣшались во внутреннюю жизнь страны, но и сыграли въ ней роковую роль.

Первое вмѣшательство въ политику.

Въ серединѣ августа Сибирское Правительство собрало въ Томскѣ Областную Думу. Ея составъ былъ чрезвычайно убогъ и односторененъ. Но ея политическія притязанія были непомѣрны. Областная Дума, избранная по самому несовершенному изъ мыслимыхъ избирательныхъ законовъ, претендовала ни больше ни

меньше, какъ на присвоеніе ей верховной государственной власти, съ тѣмъ, чтобы Сибирское Правительство обратилось въ исполнительный органъ Думы.

Усматривая въ нѣкоторыхъ шагахъ Сибирскаго Правительства, главнымъ образомъ, въ земельныхъ его законахъ, реакціонность, эсеровское большинство думы рѣшило начать походъ противъ Правительства, поставивъ своей задачей измѣненіе его состава. Въ то же время Дума стала проявлять явную недоброжелательность къ генералу Гришину-Алмазову, неосновательно заподозрѣнному въ посягательствѣ на диктатуру.

Дума нашла себѣ союзниковъ въ лицѣ чеховъ. Само собою разумѣется, что солдатская масса чеховъ и словаковъ меньше всего интересовалась политикою и, въ частности, Сибирскою Думою или Гришинымъ-Алмазовымъ. Нельзя смѣшивать чешскихъ политикановъ съ чешскимъ войскомъ. Докторъ Глоссъ или Рихтеръ, которые въ этотъ періодъ пріобрѣли извѣстность своею близостью къ предсѣдателю Думы Якушеву и проявили явное пристрастіе къ эсерамъ, нисколько не выражали мнѣній и настроеній чешскаго войска, но они являлись заправилами и опредѣляли направленіе дѣятельности войскъ.

Безумный шагъ Якушева и его приспѣшниковъ, втянувшихъ чеховъ въ русскую политическую жизнь, причинилъ непоправимыя бѣдствія молодой государственности. Вмѣсто свободнаго соревнованія политическихъ силъ, создалась острая борьба, вмѣсто закономѣрной эволюціи и послѣдовательнаго строительства — скачки и неожиданности.

Опираясь на чеховъ, сидя въ вагонѣ Рихтера, Якушевъ дирижировалъ въ Омскѣ заранѣе подготовленными политическими комбинаціями. Воспользовавшись отсутствіемъ Вологодскаго и Серебренникова, онъ выдвинулъ новую фигуру безупречнаго Новоселова, подставивъ послѣдняго подъ удары ожесточившихся правыхъ, натравилъ чеховъ на Михайлова и Граціанова, которыхъ чехи пытались арестовать, и, въ результатѣ, привелъ къ кровавой сентябрьской драмѣ, жестокому и безсмысленному убійству Новоселова.

Поддержка демократіи чехами сослужила печальную службу и для самой демократіи и для всего дѣла освобожденія Россіи отъ большевизма.

Чехи ускоряютъ появленіе Директоріи.

Возстаніе въ Сибири прошло подъ флагомъ автономіи. Областная Дума была носительницей идеи самоуправленія Сибири.

Казалось, и господствующая партія Думы и ея друзья-чехи должны были съ особою осторожностью отнестись къ возникшей въ самарскомъ комитетѣ членовъ Учредительнаго Собранія идеѣ созданія россійскаго правительства. Но, съ одной стороны—комитетъ учредиловцевъ, „комучъ", какъ его кратко называли, и съ другой—Сибирская Дума, родственные по партійному составу, вели однородную политику. Черезъ голову Сибирскаго Правительства у нихъ шли дѣятельныя сношенія заговорщиковъ.

Цѣлью этого эсеровскаго комплота было созданіе правительства, которое признало бы Учредительное Собраніе перваго созыва. Это и составило главный предметъ раздоровъ на Уфимскомъ Совѣщаніи. Немногочисленное, но вліятельное меньшинство настаивало, чтобы Директорія была свободна отъ какой-либо опеки со стороны Учредительнаго Собранія, чтобы ей предоставлена была возможность дѣйствовать совершенно независимо. Это же меньшинство стремилось къ тому, чтобы личный составъ Директоріи обезпечивалъ ея авторитетъ и внутреннюю прочность. Но чехи и тутъ взяли на себя неблагодарную роль.

Изъ донесеній представителей Сибирскаго Правительства въ Уфѣ видно, что на совѣщаніе было произведено сильное давленіе со стороны представителей чехо-войскъ. Послѣдніе заявили, что, если директорія не будетъ избрана, то *чешскія войска немедленно очистятъ фронтъ*.

Въ то время на Волгѣ начался рядъ крупныхъ неудачъ. Угроза чеховъ произвела такое сильное впечатлѣніе, что, по словамъ одного изъ участниковъ совѣщанія, ген. Иванова-Ринова, пришлось идти на всѣ уступки. Къ этому присоединились еще извѣстія о тѣхъ пошатнувшихъ престижъ Сибирскаго Правительства омскихъ инцидентахъ, которые разыгрывались въ это время при благосклонномъ участіи чеховъ, и которые, какъ уже сказано, явились послѣдствіемъ сговора томскихъ и самарскихъ эсеровъ. Это были событія, связанныя съ арестомъ министровъ Крутовскаго и Шатилова и убійствомъ Новоселова.

Чехи способствовали созданію нежизнеспособной Директоріи, которая, какъ все, искусственно выращенное, не могла просуществовать и двухъ мѣсяцевъ и не оставила послѣ себя ничего. Эта самая Директорія, будь она создана съ меньшею поспѣшностью и съ большею обдуманностью и независимостью, могла бы предупредить тяжелую катастрофу 1919 года. Но, являясь невыношеннымъ политическимъ плодомъ, она погибла такъ же быстро, какъ и возникла.

Откуда могла явиться у чеховъ такая самонадѣянная увѣренность, что они понимаютъ русскіе политическіе интересы и русскія политическія отношенія лучше самихъ русскихъ? Откуда проистекала та смѣлость настояній и угрозъ, которыми они воздѣйствовали на участниковъ совѣщанія, вынуждая искусственные и нежелательные компромиссы?

Достаточно было увидѣть чешскихъ политическихъ представителей въ Сибири, чтобы эта загадка легко разрѣшилась. Все это были люди, меньше всего пригодные для занятій политикой. Неожиданная роль дипломатовъ, выпавшая на долю, въ лучшемъ случаѣ, медиковъ и журналистовъ, а по большей части, людей еще болѣе далекихъ отъ политики, вскружила имъ головы, а заигрываніе и лесть со стороны эсеровъ побудили ихъ пуститься въ политическую игру, окончившуюся политической драмою.

Характернымъ примѣромъ безцеремонности этихъ чешскихъ политиковъ можетъ служить визитъ ко мнѣ того самаго Рихтера, который былъ ангеломъ-хранителемъ Якушева во время интригъ послѣдняго въ Омскѣ. Дѣло было въ ноябрѣ, когда Директорія никакъ не могла столковаться съ Сибирскимъ Правительствомъ относительно состава Совѣта министровъ. Рихтеръ взялъ карандашъ и приготовился составлять вмѣстѣ со мной списокъ лицъ, на которыхъ можно согласиться. Свидѣтелемъ этой колоритной сцены былъ бывшій министръ юстиціи Старынкевичъ.

За спиною чешскихъ политикановъ стояла ихъ простая и безхитростная солдатская масса. Когда до нея дошла вѣсть, что Германія капитулируетъ, никакія силы не могли уже заставить эту массу продолжать войну. Лозунгъ „домой“ сталъ самымъ популярнымъ среди чеховъ, и Директорія осталась безъ той опоры, на которую она разсчитывала.

11. Чехи отдыхаютъ.

Остывшая воинственность.

Въ чешскомъ обращеніи къ Сибири объясняется, что чешское войско оставило фронтъ, когда увидѣло, что въ тылу укрѣпляется реакція. Наивные чешскіе политики! Зачѣмъ скрывать всѣмъ извѣстную правду? Чехи начали оставлять фронтъ въ октябрѣ, вслѣдъ за созданіемъ Директоріи. Въ ноябрѣ, въ моментъ политическаго торжества Директоріи, ихъ оставалось на фронтѣ немного. 6-го ноября Авксентьевъ устроилъ банкетъ по случаю организаціи

Всероссійскаго Правительства, и генералъ Болдыревъ заявилъ на этомъ банкетѣ, что на фронтѣ „уже нѣтъ ни одного чеха“. Это было почти точно, такъ какъ въ это время участіе чеховъ въ военныхъ дѣйствіяхъ было ничтожно.

Такимъ образомъ, „реакціонный“, съ точки зрѣнія чеховъ, переворотъ 18 ноября, когда Директорію смѣнилъ адмиралъ Колчакъ, происходилъ уже послѣ рѣшенія объ очищеніи чехами фронта, очищеніи, произведенномъ не въ силу демократичности или реакціонности Омска, а вслѣдствіе нежеланія чеховъ воевать и деморализаціи ихъ первой дивизіи. Геройства хватило ненадолго. Къ этому времени относится самоубійство полковника Швецъ, не перенесшаго позора разложенія чешскихъ частей. Сознаніе общеславянскихъ задачъ, приверженность къ культурѣ, которую сокрушалъ большевизмъ—могло ли быть это понято рядовымъ чешскимъ солдатомъ? Шкурный вопросъ послѣ великой войны долго будетъ рѣшающимъ факторомъ политической жизни.

Никакой реальной пользы отъ соглашательства съ чешскими политиками никто не извлекъ, вредныя же послѣдствія ихъ неудачнаго вмѣшательства въ русскую жизнь ощущались все болѣе и болѣе.

Чехо-войско, рвавшееся къ мирной жизни, бѣжавшее отъ фронта, мечтавшее только о возвращеніи домой, съ дороги откровеннаго и честнаго поведенія было выведено на путь политическаго лицемѣрія. Чешскіе солдаты были удовлетворены своимъ положеніемъ и желали лишь одного—скорѣе уѣхать домой, а чешскіе политики изображали оскорбленное чувство и тѣмъ лишь обостряли враждебное къ чехамъ отношеніе со стороны русскихъ военныхъ сферъ, гдѣ оставленіе чехами фронта и безъ того внушило горькое разочарованіе и ощущеніе измѣны, подобное тому, какое господствовало въ Парижѣ послѣ оставленія русскими германскаго фронта.

Когда члены Омскаго Правительства выражали генералу Стефанеку, какъ министру Чехо-Словацкой республики, чувство признательности за помощь, оказанную чехами въ началѣ борьбы, онъ съ искреннимъ смущеніемъ отказывался принимать какіе-либо знаки благодарности. „Я привыкъ“, говорилъ онъ, „судить о заслугахъ только по окончаніи дѣла. Пока же ничего не сдѣлано, и никто не знаетъ, каковъ будетъ конецъ“. Генералъ Стефанекъ оказался правъ въ своемъ предчувствіи.

Генералъ Гайда.

Не всѣ чехи одинаково охотно покидали фронтъ. Честолюбивые молодые офицеры охотно остались бы въ рядахъ русскихъ

войскъ. Однако, чешскій національный комитетъ противился этому. Гайда былъ склоненъ продолжать борьбу.

Когда къ покойному чешскому министру Стефанеку, въ январѣ проѣзжавшему черезъ Омскъ, обратились съ просьбой разрѣшить Гайдѣ перейти на русскую службу, онъ сказалъ адмиралу Колчаку: „берите его, но я васъ предупреждаю, что вы въ немъ ошибетесь". Эту фразу передавали и въ иной формѣ: „Гайда будетъ либо вашимъ фельдмаршаломъ, либо измѣнникомъ".

Я былъ неравнодушенъ къ Гайдѣ еще съ перваго знакомства съ нимъ во Владивостокѣ. Энергія этого человѣка изумительна. Еще болѣе изумительно его политическое чутье. Онъ умѣлъ найти подходящій тонъ съ общественными кругами и пользовался поэтому широкою популярностью.

Заслуги Гайды велики, но его послѣдніе политическіе шаги прибавили еще больше раздраженія къ и безъ того недоброжелательному отношенію русскаго населенія къ чехамъ.

Гайда страдалъ необузданнымъ честолюбіемъ. Онъ упорно добивался, чтобы его сдѣлали начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ часто руководствовался не закономъ, а исключительно усмотрѣніемъ, игнорируя распоряженія министровъ. Онъ забывалъ, что *иностранецъ* не можетъ распоряжаться въ Россіи, не создавъ себѣ смертельныхъ враговъ.

Самочинное хозяйничанье Гайды и безграничность его карьерныхъ стремленій какъ будто олицетворяютъ иностранную интервенцію въ Россіи. Можетъ быть, въ этомъ хозяйничаньѣ и честолюбіи было много безкорыстнаго стремленія принести пользу, но этому не вѣрили. Въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ шагѣ усматривалось хищничество иностранца.

Я помню, въ Екатеринбургѣ, когда мнѣ понадобился автомобиль, Гайда приказалъ, за неимѣніемъ русскихъ машинъ, прислать въ мое распоряженіе чешскую. Мнѣ подали совершенно новенькій автомобиль. „Вотъ видите", сказалъ мнѣ сопровождавшій меня русскій офицеръ. Русскими считаются всѣ старыя, полубракованныя машины, а все новое припрятывается, „подъ видомъ чешскаго", и находится подъ чешскимъ замкомъ.

Гайда былъ сторонникомъ развитія военныхъ операцій въ сторону Вятки-Вологды, и это давало основаніе для предположенія, что онъ нисколько не интересовался русскими успѣхами, а стремился лишь къ тому, чтобы открыть чехамъ путь къ Бѣлому морю и явиться въ Чехію національнымъ героемъ, возвратившимъ странѣ 50,000 ея сыновъ. Согласно утвержденію лицъ, понима-

вшихъ такимъ образомъ поведеніе Гайды, всѣ чешскіе интендантскіе склады ломились отъ разнообразной военной добычи, предназначавшейся къ отправкѣ въ Чехію, вмѣсто русскаго фронта.

Никто не можетъ проникнуть въ тайну чужой души. Но, когда при отступленіи отъ Перми и Екатеринбурга выяснилось, что тамъ находились огромные запасы тѣхъ предметовъ снабженія, которыхъ недоставало фронту, слава Гайды поколебалась, а злорадство начало торжествовать.

Иностранцу никогда не будутъ вѣрить—объ этомъ говоритъ вся исторія Гайды.

По дорогѣ во Владивостокъ онъ останавливался въ центрахъ оппозиціи и, будучи еще русскимъ генераломъ, велъ переговоры о сверженіи правительства. Во Владивостокѣ онъ всталъ во главѣ подлинной черни, проявивъ авантюризмъ самаго низкаго свойства. Уѣхалъ Гайда, какъ развѣнчанный герой. Адмиралъ Колчакъ съ негодованіемъ говорилъ о томъ, что Гайда не забылъ захватить русскія деньги, которыя были ему даны, какъ генералу русской службы.

Повторяю, исторія Гайды—это исторія иностранной интервенціи, олицетворенной въ одномъ человѣкѣ: хорошее начало, добрыя побужденія, затѣмъ самоувѣренность, вмѣшательство въ чужія дѣла, предъявленіе требованій, игнорированіе хозяевъ, наконецъ, открытое выступленіе противъ власти и окончательный разрывъ. Въ итогѣ—убѣжденіе мало разбирающихся въ политикѣ, но поддающихся впечатлѣніямъ широкихъ круговъ русскаго населенія, что все дѣлалось не *для помощи Россіи*, а исключительно изъ-за *своекорыстныхъ интересовъ союзниковъ*.

Чехи въ тылу.

По соглашенію съ союзниками, чехи послѣ оставленія ими фронта расположились вдоль линіи желѣзной дороги, отъ Новониколаевска до Иркутска. Это былъ самый опасный участокъ, наиболѣе подвергавшійся нападеніямъ. Благодаря чешской охранѣ, движеніе по Томской дорогѣ стало довольно правильнымъ и безопаснымъ. Случаи нападеній продолжали, однако, имѣть мѣсто. Не разъ сжигались станціи, уводились насильно линейные служащіе, бывали и случаи спуска поѣздовъ подъ откосъ. Происходило это какъ потому, что чехи расположились, главнымъ образомъ, въ крупныхъ центрахъ, такъ и потому, что невдалекѣ отъ дороги сохранились очаги большевизма, образовавшіеся еще во время перваго

похода чеховъ, когда большевики бѣжали въ тайгу, захвативъ изъ городовъ оружіе и цѣнности.

Въ этотъ періодъ больше всего накапливалось озлобленіе противъ чеховъ.

Казалось, ихъ слѣдовало только благодарить. Но польза, которую приносили чехи, была мало понятна населенію. Оно видѣло, что чехи заняли въ большихъ городахъ лучшія помѣщенія, въ то время, какъ русскіе солдаты получали худшія —и болѣе тѣсныя и болѣе грязныя. Казармы чеховъ въ Иркутскѣ, гдѣ размѣщено было до 6-ти тысячъ чеховъ, могли вмѣстить въ три раза большее количество людей, и, такъ какъ нужда въ помѣщеніяхъ испытывалась очень острая, и для казармъ, и для бѣженцевъ, и подъ лазареты, то барскія квартиры иностранцевъ невольно рѣзали глаза.

Занимая желѣзнодорожную линію въ центрѣ Азіатской Россіи, чехи держали въ своихъ рукахъ транспортъ. Этимъ самымъ они пріобрѣли огромное вліяніе на всю экономическую жизнь. Соблазнъ спекуляціи былъ слишкомъ великъ, чтобы противъ него можно было устоять. Населеніе видѣло, что чехи провозятъ разные товары и торгуютъ ими. Подсчитывалось число вагоновъ, которые предоставлялись чехамъ для интендантскихъ грузовъ, и выяснялось, что добрая половина могла использоваться для частной торговли. Иностранная армія съ собственнымъ интендантствомъ, это „государство въ государствѣ“, рѣзала глаза простымъ людямъ.

Охрана желѣзной дороги была безплодна, поскольку оставались неразрушенными очаги большевизма въ Енисейской губерніи, гдѣ храбрые предводители повстанцевъ, Кравченко и Щетинкинъ, обладали и пушками и золотомъ. Если бы чехи уничтожили эти разрушительныя силы, они сдѣлали бы дальнѣйшую охрану дороги ненужною и тѣмъ заслужили бы спокойный отдыхъ и свободный отъѣздъ. Однако, никакой иниціативы въ этомъ направленіи не проявлялось. Пришлось послать спеціальныя русскія части, подъ командою генерала Розанова. Походъ этого генерала ознаменовался такими звѣрствами, что онъ наплодилъ большевиковъ гораздо больше, чѣмъ уничтожилъ. Въ военномъ отношеніи эта экспедиція была удачна только съ внѣшней стороны. Укрѣпленные большевиками пункты: Тасѣевское и Степно-Баджейское, были заняты, но, какъ выяснилось осенью, живая сила большевиковъ не была уничтожена, а была лишь разсѣяна. Уничтоженію предавалось, главнымъ образомъ, крестьянство, повинное лишь въ томъ, что оно ровно ничего не понимало въ происходившихъ событіяхъ и не знало, кому вѣрить.

Въ походѣ Розанова принимали участіе и чехи. Но, по докладамъ, которые представляла ставка Совѣту министровъ, ихъ военная помощь была очень слаба: они не выполняли ни одного отвѣтственнаго заданія, нарушая постоянно общій планъ дѣйствій. Благодаря невыполненію чехами ихъ обѣщаній, потерпѣлъ неудачу и планъ разбитія Щетинкина въ Минусинскомъ уѣздѣ. Въ рѣшительный моментъ чешскій отрядъ повернулъ обратно. Щадя людей, чешскія части держались пассивно, предпочитая идти по слѣдамъ русскихъ отрядовъ, но зато, при расправахъ съ населеніемъ, чехи дѣйствовали не хуже разнузданныхъ розановскихъ частей.

То, что можетъ быть прощено своимъ, не забудется иностранцамъ. Иркутскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ одной изъ своихъ прокламацій засвидѣтельствовалъ, что чехи проявили непростительную жестокость къ русскому населенію и участвовали въ преступныхъ насиліяхъ и грабежахъ. Объ этомъ же писалось и въ большевистскихъ газетахъ, появившихся въ Иркутскѣ послѣ переворота.

Чехо-словацкое войско стояло высоко въ моральномъ отношеніи лишь до тѣхъ поръ, пока оно находилось передъ лицомъ опасности, и готово было сломить всякое сопротивленіе, чтобы пробиться на родину, но послѣ того, какъ его политическіе представители увлеклись интригами, забывъ о великихъ славянскихъ задачахъ, и позволили уйти войску съ фронта, оно предалось азарту обогащенія и опустилось и въ моральномъ и въ военномъ отношеніяхъ.

Въ Чехо-Словацкую республику прибыло, должно быть, не много хорошихъ солдатъ. Но, надо отдать справедливость, чешскіе низы были много лучше чешскихъ верховъ. По отзывамъ всѣхъ бѣженцевъ, солдаты проявляли гораздо больше отзывчивости и гораздо меньше корыстолюбія, чѣмъ ихъ начальники, относившіеся къ русскимъ съ поразительною безсердечностью и назначавшіе громадныя ставки за провозъ изъ Сибири въ Забайкалье и Харбинъ.

Послѣдній лучъ надежды.

Чешскіе представители встрѣчали мало вниманія къ себѣ со стороны высшихъ омскихъ властей. Послѣ проявленія со стороны чеховъ склонности вмѣшиваться въ политическую жизнь русскихъ, послѣ того, какъ чехи укрывали членовъ Учредительнаго Собранія,

Чернова, Вольскаго и др., перешедшихъ, при ихъ содѣйствіи, къ большевикамъ—адмиралъ Колчакъ желалъ лишь одного: поскорѣе избавиться отъ „братьевъ," которые меньше всего выражали желаніе помогать Россіи.

Однако, политика, въ которой выражаются только непосредственныя чувства, рѣдко бываетъ удачна. Чехи представляли собою слишкомъ крупную силу, чтобы можно было не считаться съ ней. Она могла либо спасти положеніе, либо погубить его.

Чехи рвались на родину, а союзники медлили съ ихъ вывозомъ. Если нельзя было разсчитывать на содѣйствіе чеховъ въ интересахъ русскаго или, даже больше, славянскаго дѣла, потому что такіе идеальные мотивы были уже не ко времени, то ради собственныхъ интересовъ, соединенія съ Деникинымъ и свободнаго проѣзда на западъ *со всѣмъ имуществомъ* (боязнь потерять его въ это время уже играла большую роль) чехи могли бы выступить на фронтъ. И къ концу лѣта 1919 г. среди чехо-войскъ происходили по этому вопросу большія пререканія и волненія. Этотъ моментъ былъ упущенъ Омскимъ Правительствомъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ взяло вопросы взаимоотношеній съ чехами внутри страны на себя, что было неправильно по существу, такъ какъ пріучало чеховъ къ мысли о томъ, что они иностранцы. Управлявшій министерствомъ Сукинъ не пользовался любовью чеховъ, и дѣло улучшенія отношеній съ чехами не клеилось. Между тѣмъ, адмиралъ недостаточно ясно ощущалъ опасность положенія на фронтѣ и не давалъ указаній о необходимости добиться активной помощи чеховъ. Иначе смотрѣлъ на это дѣло генералъ Дитерихсъ.

Въ серединѣ августа произошли перемѣны въ составѣ Омскаго Правительства. Предполагавшійся уходъ Сукина не состоялся, но нѣкоторые вопросы, и въ томъ числѣ чешскій, были изъяты изъ его вѣдѣнія. Сношенія съ чехами были поручены Управленію дѣлами правительства, во главѣ котораго всталъ я. Мною было предложено привлечь для этихъ сношеній А. С. Бѣлоруссова-Бѣлецкаго, редактора „Русскихъ (потомъ „Отечественныхъ") Вѣдомостей", всѣми уважаемаго дѣятеля, и В. І. Язвицкаго, виднаго работника по славянскому вопросу. Бѣлоруссовъ выѣхалъ въ Иркутскъ навстрѣчу чешской делегаціи, только что прибывшей въ Сибирь, а Язвицкій организовалъ въ Омскѣ газету „Нашъ Путь", которую субсидировало Управленіе дѣлами. У Вологодскаго въ началѣ октября состоялся дружественный завтракъ, на которомъ присутствовали Павлу и Гайный, а отъ военныхъ—Дитерихсъ. Стали

намѣчаться пріемлемыя для обѣихъ сторонъ условія сотрудничества.

Чехи ставили вопросы практично. Они просили, чтобы ихъ сбереженія, внесенныя въ государственныя сберегательныя кассы сибирскими деньгами, выдавались романовскими, чтобы правительство приняло на свой счетъ всѣ перевозки чехо-войскъ, чтобы жалованіе (привлеченіе чеховъ въ армію предполагалось произвести на началахъ добровольческихъ) выдавалось золотомъ, чтобы чешскія части снабжались собственнымъ интендантствомъ, чтобы Деникинъ гарантировалъ свободный проѣздъ чеховъ на родину послѣ соединенія съ нимъ, чтобы чехамъ такъ же, какъ и карпаторуссамъ, разрѣшено было пріобрѣтать земли въ Сибири.

Правительство согласилось на всѣ условія и немедленно провело законъ о предоставленіи чехамъ права пріобрѣтать земли въ Сибири.

Но было уже поздно.

Тотъ самый Богданъ Павлу, который еще въ концѣ октября говорилъ по прямому проводу изъ Иркутска объ условіяхъ совмѣстнаго выступленія, въ ноябрѣ подписалъ меморандумъ о невозможности сотрудничества съ Россійскимъ Правительствомъ. За полмѣсяца не случилось никакихъ событій внутри страны, гражданская власть пріобрѣла больше значенія, политическій курсъ шелъ въ сторону общественности. Казалось, никакихъ основаній для рѣзкаго выступленія, но причины его ясны: во-первыхъ, выяснилось, что фронтъ разлагается, во-вторыхъ, изъ Парижа пришло извѣстіе, что союзники рѣшили вывезти чеховъ.

III. Чехи уѣзжаютъ.

Ноябрьскій меморандумъ.

Когда правительство прибыло въ Иркутскъ, его ожидалъ сюрпризъ: чешскій меморандумъ. Его главное содержаніе—обвинительный актъ по адресу реакціоннаго Омскаго Правительства, допускавшаго и чуть ли не покровительствовавшаго звѣрскимъ расправамъ съ населеніемъ и разстрѣламъ политическихъ противниковъ. Когда негодующіе члены правительства указывали чешскимъ дипломатамъ, что чехи сами принимали участіе въ этихъ возмутительныхъ поступкахъ, отвѣтъ былъ таковъ: „Это вѣрно, но именно потому, что наше войско деморализуется при соприкосновеніи съ вашимъ, мы и стремимся поскорѣе его увезти“.

Выходило такъ, что чешскіе дипломаты, считая правительство, все равно, погибшимъ, рѣшили всѣ удары возставшаго населенія отвести всецѣло на него, присоединивъ свои голоса къ хору нападавшихъ.

Это было, конечно, выгоднѣе. Мораль же нынче не въ модѣ.

Документъ былъ глубоко несправедливъ въ отношеніи центральной власти, которую компрометировали не только ея мѣстные агенты, но и союзники родственнаго происхожденія, и которая все время стремилась искоренить беззаконія. Но мало этого: даже формальная сторона представляла нѣчто неслыханное. Можно ли представить, чтобы въ Англіи, Франціи, Америкѣ иностранные представители, не сообщивъ правительству какой-либо протестъ, опубликовывали его въ этой же странѣ, какъ прокламацію? Бунтъ иностранцевъ противъ власти, въ обстановкѣ, и безъ того насыщенной грозою — это нѣчто такое, что могли сочинить только чешскіе политики, получившіе крещеніе въ обстановкѣ интервенціи и находившіеся подъ вліяніемъ столь же неопытныхъ и неглубокомысленныхъ эсеровъ.

Совѣтъ министровъ, при всемъ своемъ миролюбіи, былъ возмущенъ „братскимъ" поведеніемъ чеховъ. Адмиралъ Колчакъ былъ взбѣшенъ, и не безъ основаній.

Повидимому, на чеховъ воздѣйствовали иностранцы. Замѣстителю предсѣдателя Совѣта министровъ Третьякову было вручено, а затѣмъ опубликовано объясненіе къ меморандуму, смягчавшее рѣзкость перваго документа. Майоръ Кошекъ, одинъ изъ чешскихъ дипломатовъ, объяснилъ мнѣ, что меморандумъ былъ составленъ „для спасенія правительства", чтобы успокоить желѣзнодорожныхъ рабочихъ, предполагавшихъ забастовать. Это объясненіе не нуждается въ комментаріяхъ. И безъ того ясно, кого спасали и кого губили.

Эвакуація или бѣгство?

Въ то время, какъ въ Иркутскѣ происходило трогательное примиреніе Третьякова съ Гирсою, ознаменовавшееся даже новымъ актомъ добродушной щедрости правительства — отпускомъ чехо-войску, въ виду финансовыхъ его затрудненій, 15 милліоновъ рублей, оставшихся, повидимому, подаркомъ, вмѣсто займа, на западѣ происходило нѣчто ужасное, за что покраснѣетъ не только президентъ Массарикъ и вся честная Чехо-Словакія, но будутъ краснѣть и будущія чешскія поколѣнія.

По донесеніямъ ставки, эвакуація чехо-войскъ, начиная отъ Новониколаевска, приняла характеръ поспѣшнаго бѣгства, не считавшагося ни съ интересами арміи, ни съ интересами другихъ славянъ—поляковъ, сербовъ, ни съ движеніемъ бѣженцевъ и больныхъ. Чехи захватывали паровозы, гдѣ бы они ни были, для кого бы ни предназначались.

Отношеніе къ поѣзду Верховнаго Правителя казалось издѣвательствомъ. Благородный Каппель не даромъ вызвалъ ген. Сырового на дуэль. Каково бы ни было отношеніе къ адмиралу, какъ къ политическому дѣятелю, но, какъ Верховный Главнокомандующій, какъ высшій представитель власти, онъ могъ требовать отъ иностранцевъ, пользовавшихся гостепріимствомъ страны, предупредительнаго къ себѣ отношенія.

Но, повторяю, мораль и джентльменство теперь не въ модѣ. Человѣчество съ головокружительной быстротой идетъ назадъ и, выбрасывая знамена демократической революціи, отдаетъ себя во власть безудержной моральной и культурной реакціи.

Чешскіе политики, особенно послѣдній изъ оставшихся въ Иркутскѣ, д-ръ Благошъ, главный участникъ выдачи Колчака, поражавшій своею озлобленностью и притупленностью славянскихъ чувствъ, или увлекались идеей десятка эсеровскихъ вождей, не считаясь съ гибелью тысячъ людей, находившихся на фронтѣ, или просто выслуживались передъ большевиками, не считаясь со средствами.

Чешскіе солдаты, поощряемые направленіемъ политической дѣятельности своихъ представителей, утрачивали честь и стыдъ.

Чехи во время возстанія въ Иркутскѣ.

Поведеніе чеховъ въ Иркутскѣ во время возстанія достаточно извѣстно. Организаторы возстанія не скрывали своей увѣренности въ содѣйствіи благородныхъ чехо-словаковъ. „Чехи на нашей сторонѣ“, говорили они.

И это было вѣрно.

„Чехо-Словацкій Дневникъ“, оффиціозный органъ чеховъ въ Иркутскѣ, систематично вредилъ авторитету правительства, распространяя невыгодныя для него и неправильныя свѣдѣнія.

„Чехо-Словацкій Дневникъ“ лучше всего иллюстрируетъ безцеремонность и некорректность поведенія интервентовъ, которые силою обезпечиваютъ себѣ безнаказанное вмѣшательство въ жизнь страны.

Однако, одними писаніями дѣло не ограничивалось.

У повстанцевъ неожиданно оказывалось больше оружія, чѣмъ могло быть. Семеновскія части не могли продвигаться, вслѣдствіе противодѣйствія чеховъ. На пути къ ст. Иркутскъ чешскій броневикъ преградилъ дорогу Скипетрову. Можно съ увѣренностью сказать, что безъ содѣйствія чеховъ повстанцы не могли бы одержать верхъ. Рабочіе, сопротивлявшіеся семеновцамъ, обнаружили многочисленность и боевой опытъ, тайна которыхъ теперь раскрывается свидѣтельскими показаніями. Вокзалъ, входившій въ нейтральную зону, былъ недоступенъ семеновцамъ, на удаленіи которыхъ настояли чехи. Повстанцы же свободно тамъ хозяйничали, ибо выговоренный чехами нейтралитетъ желѣзнодорожной зоны былъ для революціонеровъ благопріятенъ, для правительства неблагопріятенъ.

Описаніе семеновской неудачи въ „Чехо-Словацкомъ Дневникѣ" носило характеръ торжества по случаю побѣды, причемъ давались неправильно преувеличенныя свѣдѣнія о числѣ убитыхъ и перебѣжчиковъ со стороны семеновскихъ войскъ.

Послѣ паденія Иркутска продолжалось то же самое и на востокѣ. Неожиданнымъ нападеніемъ чехи разоружили всѣ семеновскіе отряды между Байкаломъ и Мысовой. То же продѣлали они затѣмъ въ Верхнеудинскѣ, гдѣ только вмѣшательство японцевъ предупредило преждевременное образованіе совѣтской власти, которое окончательно погубило бы всѣ тѣ остатки армій, которые изъ сознательной ненависти къ большевизму не желали остаться въ его рукахъ.

Все это чехи продѣлывали на территоріи чужого государства, пользуясь его имуществомъ, оружіемъ, деньгами.

Выдача адмирала Колчака.

Обстоятельства выдачи адмирала извѣстны. Довѣрившись чехамъ, онъ отказался отъ своей охраны и приказалъ сопровождавшимъ его офицерамъ отдать оружіе. Подъ иностранными флагами онъ былъ довезенъ до Иркутска, гдѣ было достаточно силы для противодѣйствія попыткѣ задержать адмирала. Но никакого противодѣйствія и не нужно было, никакихъ покушеній и не было. Вопросъ о выдачѣ, по удостовѣренію всѣхъ иркутскихъ газетъ, былъ заранѣе предрѣшенъ чехомъ Благошемъ, и, когда адмиралъ прибылъ въ Иннокентьевскую, стало извѣстно: „дальше не повезутъ".

Значеніе флага, какъ символа національной чести, для чешскихъ политиковъ не представлялось особенно важнымъ. Имъ было безразлично и то, что этимъ поступкомъ порочилась честь не только чешскаго, но и прочихъ союзныхъ флаговъ. Зато хорошія отношенія чеховъ съ властью иркутскаго революціоннаго комитета окончательно упрочились. Проѣздъ сталъ безпрепятственнымъ.

Никто не называетъ этого поступка иначе, какъ предательствомъ, и имена тѣхъ, кто участвовалъ въ немъ прямо или косвенно, будутъ покрыты позоромъ.

Послѣдніе чешскіе эшелоны.

За немногими исключеніями, отъѣзжавшая чешская масса представляла самую грустную картину. Захвативъ русскіе вагоны, чехи безжалостно выкидывали изъ нихъ русскихъ людей, выдавали краснымъ тѣхъ самыхъ офицеровъ, которые ими же были втянуты въ гражданскую войну, отказывали въ услугахъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя заботились о поддержаніи добрыхъ отношеній съ чехами. Но зато тѣ, кто щедро платилъ, или дѣлился казеннымъ грузомъ, проѣзжалъ безпрепятственно. Исключенія были, но позорное торгашество, алчность и непростительная жестокость преобладали.

Во всемъ этомъ виноваты чешскіе верхи.

Ген. Сыровой, въ оправданіе того самочинства на желѣзной дорогѣ, которое воцарилось при эвакуаціи чеховъ, указывалъ, между прочимъ, на полную неспособность русскихъ справиться съ хаотическимъ состояніемъ движенія и на небрежность въ отношеніи служащихъ, выразившуюся въ неуплатѣ имъ жалованія за нѣсколько мѣсяцевъ. Эти обвиненія повторяли затѣмъ всѣ чешскія оффиціозныя заявленія. Никто, однако, не указалъ, что, благодаря чешскому хозяйничанью на дорогѣ, артельщики не могли развозить денегъ, что прервалось сообщеніе съ фронтомъ, были отняты всѣ транспортныя средства у русскихъ военныхъ частей, и что конецъ желѣзнодорожнаго хаоса, въ томъ его видѣ, какой приняло чешское отступленіе, былъ и концомъ всякой этики. Все было захвачено въ руки однихъ чеховъ и подчинено только ихъ интересамъ. Такое разрѣшеніе тяжелаго вопроса дѣлаетъ мало чести благородству и организаторскимъ способностямъ чеховъ, а распродажа привозимаго въ чешскихъ эшелонахъ имущества въ Харбинѣ достаточно ярко рисуетъ, какимъ интересамъ отдавалось предпочтеніе, когда отнимались паровозы отъ поѣздовъ съ ранеными, больными, женщинами и дѣтьми.

Итоги чешской интервенціи.

Заслуга чеховъ свелась къ тому, что своимъ поведеніемъ и „блестящими" результатами своего похода они заставили весь русскій людъ, отъ мала до велика и отъ неграмотнаго до философа, проникнуться національнымъ чувствомъ.

Сибирь не видѣла никакого вмѣшательства въ ея жизнь со стороны англичанъ, незамѣтно и скромно державшихся въ нѣсколькихъ городахъ, ни со стороны французовъ, которые были представлены только незначительнымъ числомъ офицеровъ, ни со стороны американцевъ и японцевъ, не проникавшихъ за Байкалъ. Чеховъ же видѣло населеніе огромной территоріи отъ Волги до Владивостока.

Всѣ союзники, при вводѣ своихъ войскъ въ Россію въ сентябрѣ 1918 г., декларировали, что они дѣлаютъ это исключительно *ради чеховъ*. Вся интервенція отъ начала до конца проходила подъ вывѣской чехо-словацкой. Съ чехами интервенція пришла, съ ними и кончилась.

Конечно, чехи не виновны въ томъ, что враги большевизма положились на нихъ и втянулись въ гражданскую войну. Но, какъ бы то ни было, выступленіе было совмѣстное, а отступленіе— только одной стороны. Вторая—все лучшее офицерство, всѣ искренніе противники большевиковъ, солдаты, еще съ Волги и Камы поднявшіеся противъ коммунизма, остались предательски брошенными на произволъ судьбы и даже сознательно выдавались для послѣдняго удара: „Добей его".

Итоги чешской интервенціи таковы.

Выступленіе противъ большевиковъ оказалось преждевременнымъ и безсистемнымъ.

Города занимались и отдавались безпорядочно, безжалостно. Масса интеллигентной молодежи, примыкавшей къ чехамъ въ Самарѣ, въ Казани, безсмысленно гибла отъ того, что чехамъ нужно было итти на востокъ, гдѣ находились ихъ главныя силы.

Сибирскій бѣлозеленый флагъ, пользовавшійся чешскимъ покровительствомъ, ими же растоптанъ. Сибирское Правительство, обнаружившее наибольшую жизненность и силу, погибло, благодаря вмѣшательству чеховъ во внутреннюю жизнь Сибири.

Слабость Директоріи проистекала отъ излишней поспѣшности ея избранія, подъ давленіемъ тѣхъ же чеховъ.

Роковая затяжка гражданской войны произошла изъ-за оставленія чехами фронта въ періодъ, когда силы красныхъ легко могли быть сломлены.

Развалъ тыла въ немалой степени обязанъ пассивности интервентовъ въ отношеніи къ внутреннимъ большевикамъ.

Крушеніе омской власти ускорилось и пріобрѣло характеръ политической катастрофы, благодаря содѣйствію чеховъ и безразличію прочихъ интервентовъ.

Катастрофа фронта стала непоправимой, благодаря захвату транспорта чехами и покровительству возстаніямъ въ тылу.

Россія разорена, но въ ней просыпается національное чувство, а съ нимъ и злоба противъ тѣхъ, кто безнаказанно хозяйничалъ въ странѣ. Немезида рано или поздно подыметъ свой мечъ.

Этого ли хотѣло Омское Правительство, стремившееся къ скорѣйшему сверженію большевизма, для воцаренія международнаго мира? Этого ли хотѣли чехи?

Глава XXIX.

Послѣ переворота.

(*Развязка иркутской драмы*).

Омское Правительство пало.

Какъ это лаконично, и какъ много въ этомъ трагическаго содержанія. Сколько надеждъ рухнуло, какъ много погибло упорныхъ, но безплодныхъ усилій.

Полуторагодовая работа не только пропала даромъ—она принесла столько вреда, что населеніе, которое, въ случаѣ побѣды, вознесло бы вождей движенія на высоту національной извѣстности и славы, нынѣ шлетъ имъ проклятія.

Почему?

Да потому, что оно справедливо спрашиваетъ: зачѣмъ загублено столько человѣческихъ жизней, зачѣмъ столько разрушеній, столько безполезныхъ тратъ?

Вникнуть въ смыслъ иркутской драмы съ полной отчетливостью, оцѣнить ея разнообразныя послѣдствія легче будетъ, спустя нѣкоторое время, въ исторической перспективѣ, но попытаться сдѣлать это—важно теперь, когда выводы, если не принесутъ практической пользы, то, по крайней мѣрѣ, могутъ облегчить пониманіе и предвидѣніе предстоящаго.

Историческія событія имѣютъ своихъ персонажей, и, подобно эпилогу въ романѣ, обзоръ событій долженъ завершиться указаніемъ судебъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ иркутской драмѣ та фигура, торжествомъ которой все кончилось, не принимала явнаго участія въ событіяхъ. Эта фигура—большевизмъ. Она какъ будто стояла въ сторонѣ. Дѣйствовали правительство, эсеры, чехи и многочисленные союзники, а, въ концѣ концовъ, большевизмъ, этотъ „нѣкто въ красномъ“, выступивъ на первое мѣсто, сказалъ: „мое!“—и все сразу стушевалось.

Безсиліе соціалистическаго блока.

5-го января Политическій Центръ объявилъ, что власть принадлежитъ ему, 21-го онъ сдалъ ее совѣту рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ. Всего семнадцать дней существованія, и изъ нихъ ни одного самостоятельнаго.

Уже въ періодъ вооруженной борьбы съ правительствомъ народно-революціонная армія достаточно ясно преобразовалась въ красную армію: начиналось съ разложенія регулярныхъ войскъ путемъ заманчиваго обѣщанія мира; затѣмъ происходило выступленіе, во время и послѣ котораго къ солдатамъ присоединялись рабочіе, военноплѣнные, красноармейцы, и къ нимъ переходила руководящая роль.

Если командующій народно-революціонной арміей, капитанъ Калашниковъ, въ первые три дня былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то на четвертый рядомъ съ нимъ уже сидѣлъ комиссаръ-солдатъ, безъ котораго никто не могъ быть принятъ командующимъ, и не могло состояться ни одно рѣшеніе.

Если въ первые дни солдаты по привычкѣ козыряли и становились въ строй, то въ послѣдующіе дни они растворились въ массѣ вооруженныхъ рабочихъ, которые быстро отучали ихъ отъ этихъ внѣшнихъ проявленій военной дисциплины.

Офицеры, вошедшіе въ составъ народно- революціонной арміи, по большей части, были втянуты въ нее массовымъ движеніемъ, передъ которымъ они чувствовали свое безсиліе. Эти офицеры чистосердечно сознавались, что они не смогутъ противостоять большевизаціи.

Переворотъ въ Красноярскѣ произошелъ подъ лозунгомъ поддержки фронта впредь до заключенія мира съ большевиками. Во главѣ гарнизона сталъ генералъ Зиневичъ. А кончилось тѣмъ, что большевики высмѣяли Колосова, предлагавшаго имъ переговоры о мирѣ, а генералъ Зиневичъ бѣжалъ, признавъ занятую имъ позицію ненадежной, не заслуживъ признанія большевиковъ и создавъ себѣ смертельныхъ враговъ среди бывшихъ соратниковъ.

Въ то время, какъ 5-го января Политическій Центръ разсылалъ своихъ комиссаровъ по правительственнымъ учрежденіямъ, рабочіе-коммунисты прислали свои телѣги къ зданію гостиницы „Модернъ" и увезли оружіе, разбросанное уходившими съ фронта солдатами. Это было практичнѣе. Они организовывали силу, въ то время, какъ эсеры ее теряли: призывные солдаты послѣ переворота считали свою службу оконченной и устремлялись домой.

Оставались, слѣдовательно, во-первыхъ, солдаты по призванію, жаждавшіе стать господами положенія, а, во-вторыхъ, вооруженные коммунисты. Не трудно было догадаться, къ кому перейдетъ власть.

Въ оффиціальныхъ своихъ выступленіяхъ Политическій Центръ пыжился, какъ лягушка, захотѣвшая стать воломъ. Такъ, напримѣръ, въ „манифестѣ Политическаго Центра" выражалась глубокая увѣренность, что послѣдовательная демократическая политика Центра будетъ обезпечена солидарною поддержкою трудовыхъ слоевъ деревни и города.

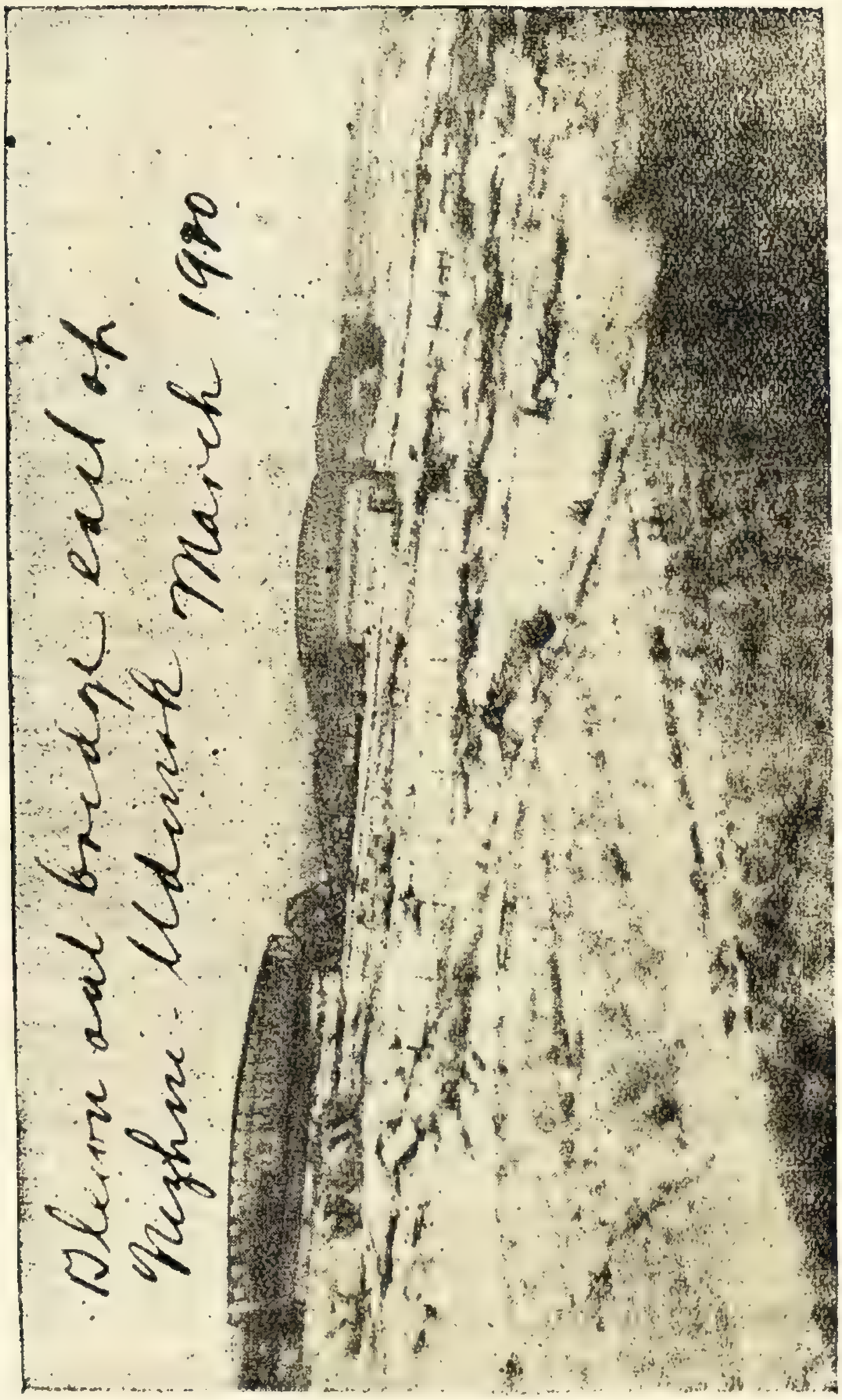
Насколько сильна и длительна должна была оказаться эта поддержка въ мечтахъ авторовъ манифеста, видно изъ того, что Политическій Центръ не только обѣщалъ гарантировать самоуправленіе областей, освобожденныхъ отъ реакціи и занятыхъ арміей Совѣта народныхъ комиссаровъ, но и „приступить къ немедленному осуществленію договорныхъ взаимоотношеній съ демократическими государственными образованіями, возникшими на Россійской территоріи" (п. 5 манифеста).

Такимъ образомъ, Политическій Центръ мечталъ о государственномъ суверенитетѣ, о независимости отъ совѣтской Россіи, о договорныхъ отношеніяхъ съ Эстоніей, Латвіей, Польшей и т. д.

Но это было только въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, приготовленныхъ заранѣе и проникнутыхъ дерзостью замысла. Болѣе откровенные эсеры еще до завершенія переворота сознавались, что они ставятъ себѣ цѣлью способствовать безболѣзненному переходу власти къ большевизму, чтобы, какъ прибавляли комментаторы, спасти себя, свали въ власть „колчаковцевъ".

Поэтому, въ первый же день воцаренія Политическаго Центра, въ чрезвычайномъ засѣданіи иркутской городской думы командующій арміей, капитанъ Калашниковъ, учитывая очередныя задачи момента, на первое мѣсто поставилъ „окончаніе гражданской войны, разбивающей демократію на два лагеря". Здѣсь уже незамѣтно было идеи раздѣльнаго существованія отъ совѣтской Россіи. Еще яснѣе сказалась готовность недавнихъ побѣдителей покориться совѣтской Россіи въ ихъ инструкціи лицамъ, командированнымъ для мирныхъ переговоровъ съ большевиками. Делегатамъ предписано было заключить миръ во что бы то ни стало, т. е. дано въ скрытомъ видѣ разрѣшеніе идти на полную капитуляцію.

Дѣло, впрочемъ, значительно упростилось, такъ какъ на фронтѣ съ посланцами мертворожденной власти разговаривать никто не сталъ, а въ Иркутскѣ совдепъ водворился раньше, чѣмъ могла бы произойти капитуляція на фронтѣ.



Взорванный мостъ у Нижнеудинска въ мартѣ 1920 года.

Подготовка этого естественнаго переворота происходила быстро. Во вторникъ 6-го января вышелъ въ Иркутскѣ № 1-й газеты „Рабочій и Крестьянинъ", органъ штаба рабочей дружины. Со слѣдующаго дня уже стала выходить „Сибирская Правда".

Въ передовой статьѣ, подписанной Шнейдеромъ, характернымъ языкомъ большевиковъ, языкомъ уличной митинговой демагогіи, поется отходная побѣжденнымъ реакціонерамъ, и возвѣщается близость міровой пролетарской борьбы:

„...Подъ ураганнымъ огнемъ красныхъ зашатались, затрещали, смялись и рухнули фронты насильниковъ, кольцомъ опоясывавшіе Россію бѣдняковъ и пролетаріевъ. Подъ напоромъ идущей съ запада лавины совѣтскихъ войскъ распался наскоро сшитый изъ спекулянтовъ, мародеровъ и разбойниковъ фронтъ верховнаго авантюриста Колчака. На три тысячи верстъ Сибирь очищена отъ кроваваго разгула черныхъ адмиральскихъ полчищъ"...

„...Въ кровавой схваткѣ труда и капитала, пролетаріата и буржуазіи куется новый міръ—міръ соціализма.

„...Въ Германіи, Австріи, Англіи, Франціи и Америкѣ встаютъ, поднимаются, строятся мощные ряды бойцовъ за пролетарскую революцію"...

„...Въ сплошной гулъ переходятъ отзвуки русской революціи, выше и выше вздымаются знамена міровой пролетарской борьбы".

Въ концѣ газеты помѣщено воззваніе коммунистовъ: „прокладывать дорогу къ завѣтной цѣли—всеміpному солнцу, коммунизму," и приглашеніе записываться въ партію. Тамъ же былъ помѣщенъ адресъ клуба коммунистической партіи—зданіе бывшаго губернскаго управленія государственной охраны. Адресъ этотъ наводитъ на грустныя размышленія по поводу „надежности" государственной охраны, организованной Яковлевымъ. Но, можетъ быть, это только случайное совпаденіе. Начиная съ 6-го января, въ Иркутскѣ стали устраиваться митинги. Наибольшимъ успѣхомъ повсюду пользовались ораторы-большевики.

Это было печальное предзнаменованіе для новой власти. Они высмѣивали притязательность эсеровъ, которые осмѣливались выступить противъ Колчака только послѣ того, какъ фронтъ палъ. Резолюціи требовали скорѣйшаго перехода власти въ руки совѣтовъ. Характерно, что на митингѣ въ театрѣ „Глобусъ" 10 января вынесено требованіе не только о скорѣйшей передачѣ власти совѣтамъ, но еще и требованіе отъ Политическаго Центра болѣе полной и правдивой информаціи (газета „Сибирская Правда," № 3, 14 января). Новую власть уже обвиняли въ стремленіи

скрывать отъ народа истину и даже извращать ее. Бѣдный Политическій Центръ! Его обвиняютъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ обвинялъ только что свергнутое правительство.

Согласно манифесту, вся полнота власти послѣ переворота должна была быть передана „Совѣту народнаго управленія" болѣе широкаго состава. Въ Совѣтъ народнаго управленія вошли всѣ 8 членовъ Политическаго Центра, кромѣ того, 6 представителей земскихъ самоуправленій, 3 представителя кооперацiи, 3—профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и 3—союза трудового крестьянства; всего двадцать три человѣка. Этотъ Совѣтъ народнаго управленія, полнота власти котораго выражалась въ правѣ законодательства и правѣ организаціи исполнительной власти и контроля надъ ея дѣйствіями, впервые долженъ былъ собраться 12 января.

По удостовѣренію иркутскихъ газетъ, члены Совѣта, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, Головковъ, Патушинскій, Алексѣевскій, Быховскій, Сидоровъ, собирались очень вяло. Уже двѣнадцатаго на первомъ засѣданіи Совѣта, такъ же ясно, какъ при возобновленіи работъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ Иркутскѣ, чувствовалось, что ораторовъ встрѣтилъ холодъ равнодушія и убѣжденіе въ ихъ безсиліи.

Газета „Дѣло", полуоффиціозъ Политическаго Центра, въ передовой 14 января печальнымъ тономъ говоритъ слѣдующее: „Если новая власть послѣ переворота не въ состояніи поддержать свой авторитетъ, не въ состояніи заставить тѣмъ или инымъ путемъ подчиниться установленному новою властью порядку, то дни такой власти сочтены". Въ той же передовой заключаются намеки на дѣйствія силъ, не считавшихся съ новой властью и быстро ее вытѣснявшихъ.

Политическій Центръ и Совѣтъ народнаго управленія искали тона, который сдѣлалъ бы ихъ „не хуже" большевиковъ. Первый, подражая народнымъ комиссарамъ, объявилъ въ своемъ манифестѣ „врагами народа" атамановъ Семенова и Калмыкова, генерала Розанова и адмирала Колчака. Второй, немедленно послѣ ареста адмирала, возстановилъ смертную казнь. Членъ Совѣта Гольдбергъ, всегда увлекавшійся собственнымъ краснорѣчіемъ, произнесъ вдохновенную рѣчь въ защиту смертной казни, указывая на необходимость для демократіи проявлять въ нѣкоторые моменты твердость и ссылаясь на развалъ временнаго россійскаго правительства, явившійся послѣдствіемъ его излишней гуманности. Вѣроятно, ораторъ забылъ, что правительство Львова и Керенскаго должно было расправиться съ большевиками, и что онъ, такимъ

образомъ, едва ли сознательно высказалъ смѣлое сожалѣніе, что Ленинъ и Троцкій не были разстрѣляны послѣ іюльскихъ событій въ Петроградѣ въ 1917 г. Ораторъ не подумалъ также о томъ, что своей рѣчью онъ оправдывалъ терроръ слѣва и справа. О рѣчи Гольдберга тѣмъ, кого онъ представлялъ, придется, вѣрно, вспомнить не разъ. Немного, всего трое изъ всего Совѣта, въ числѣ ихъ Патушинскій и Косьминскій, не измѣнили своей вѣрѣ, не увлеклись демагогіей и голосовали противъ смертной казни. Эсеровское большинство выявило свое политическое вырожденіе въ большевизмъ.

Несмотря на всѣ эти похвальныя съ большевистской точки зрѣнія дѣйствія, Политическій Центръ и Совѣтъ народнаго управленія должны были въ двадцатыхъ числахъ января сложить съ себя власть и передать ее совдепу.

Каковъ, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ существованія власти, принципіально отличающейся отъ совѣтской только тѣмъ, что народу совсѣмъ не понятно, а именно, различіемъ структуры органовъ управленія. Вмѣсто совѣтовъ—земства, вмѣсто центральнаго исполнительнаго комитета—сибирское народное собраніе. Разъ становиться на почву демагогіи, то лучше отвергать всякое участіе въ управленіи буржуазіи. Это народу гораздо понятнѣе. Только наивные политики могли разсчитывать, что эсеры способны конкурировать съ большевиками.

Эсеры—способные заговорщики. Они незамѣнимы въ подпольѣ. Ихъ стихія—подготовка переворота: нелегальныя собранія, конспиративныя квартиры, агитація, прокламаціи, тайныя типографіи. Но никакой способности къ организаціонной работѣ, никакой цѣльности плана, нежизнеспособность программы. Взять, напримѣръ, земельный законъ Учредительнаго Собранія и намѣреніе примѣнять его въ сибирскихъ условіяхъ, или предположеніе передачи полноты мѣстной власти земствамъ, которыя въ Сибири еще не научились стоять на ногахъ. При всемъ этомъ эсеры отличаются исключительною способностью къ словоизверженіямъ и, самое главное, такою же отчужденностью отъ народа, какой отличаются бюрократія и генералитетъ.

Эсеры, какъ кроты, взрываютъ почву, подготовляя ее для революціонной вспашки, но сѣять и пожинать имъ не суждено.

На какія силы эсеры могли разсчитывать? На собственную армію? Но это все равно, что строить домъ на ледяномъ фундаментѣ передъ началомъ весны. На земство? Но опытъ революціи 1917 года показалъ, что крестьянство вовсе не дорожитъ земства-

ми и принципами демократической избирательной системы. Всѣ земства исчезли съ лица земли послѣ октябрьской революціи безслѣдно и безболѣзненно: ихъ никто не защищалъ.

Остается думать, что эсеры, составлявшіе большинство въ Политическомъ Центрѣ, разсчитывали на чужую силу, на чеховъ. Послѣдніе ненавидѣли Колчака, Семенова, ожидали отъ нихъ постоянныхъ препятствій отъѣзду ихъ на востокъ, симпатизировали, помимо того, демократическимъ идеаламъ эсеровъ и, несомнѣнно, могли оказать большую помощь возстанію, даже не участвуя въ немъ активно, а лишь препятствуя правительству и его войскамъ защищаться, какъ это они дѣлали въ Иркутскѣ.

Разсчетъ на чеховъ какъ будто противорѣчитъ программѣ Политическаго Центра, провозгласившаго въ манифестѣ, что онъ не будетъ „допускать вмѣшательство иностранцевъ во внутреннюю жизнь страны". Но въ политикѣ лгутъ даже тѣ, кто объявляетъ правдивость и искренность основнымъ своимъ обязательствомъ. Большевики вели тайную дипломатію, несмотря на то, что поставили своей цѣлью упразднить ее, въ Версалѣ тайная дипломатія оказалась возможной въ стадіи подготовки, у эсеровъ тайный разсчетъ и явная дружба съ чехами позволяли послѣднимъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Сибири безъ опасенія вызвать протесты. Однако, разсчетъ на чеховъ явился результатомъ плохого учета дѣйствовавшихъ силъ. Политическій Центръ забылъ о томъ, что составляло главную заботу правительства: объ остаткахъ арміи, которые не могли сдаться большевикамъ и не могли простить предательства тыла. Въ томъ или другомъ видѣ эти силы должны были собраться и слиться для самозащиты.

Забыто было также, что съ Забайкалья начинается зона преобладающаго вліянія Японіи, которая понесла слишкомъ много жертвъ, чтобы остаться пассивной зрительницей политическихъ переворотовъ. Японія поддерживаетъ тотъ порядокъ, который не поставилъ бы ея войска и ея матеріальные интересы въ рискованное положеніе. Этимъ объясняется въ значительной степени, что переворотъ, задуманный и подготовленный на всей территоріи Дальняго Востока, удался только частично.

Такимъ образомъ, разсчетъ Политическаго Центра на его собственныя силы, на народную армію и поддержку населенія былъ преувеличенъ, а разсчетъ на чеховъ былъ неправиленъ, за упущеніемъ изъ учета дѣйствующихъ факторовъ, силъ, парализовавшихъ чешскую помощь.

Мирные переговоры эсеровъ съ большевиками.

За три дня до сдачи власти большевикамъ иркутскими эсерами, ихъ делегаты начали въ Томскѣ переговоры съ большевиками объ образованіи буфернаго государства въ Сибири на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) миръ съ Совѣтской Россіей; 2) борьба съ интервенціей; 3) отказъ отъ политическихъ блокировокъ съ цензовыми элементами.

Иркутскіе эсеры настаивали на созданіи буфернаго государства въ Восточной Сибири. Они уговаривали большевиковъ повѣрить искреннему стремленію сибирскихъ земствъ жить въ мирѣ съ совѣтской Россіей и описывали революціонныя заслуги сибирскихъ *земствъ*, которыя *всю свою работу въ 1919 году направили противъ правительства*. Членъ делегаціи Колосовъ разсказалъ, какъ свидѣтельствуютъ опубликованные протоколы переговоровъ („Новости Жизни", № 94 и сл.), что въ октябрѣ 1919 года въ Иркутскѣ состоялся нелегальный съѣздъ земствъ, на которомъ былъ поставленъ вопросъ „не только о необходимости сверженія правительства, но и о средствахъ къ достиженію этого". „Работа земствъ облегчалась ихъ легальнымъ существованіемъ",—такъ хвастался Колосовъ, не понимая, какой жестокій обвинительный матеріалъ давалъ онъ этимъ противъ земствъ, которыя, вмѣсто прямой своей задачи—заботы о народномъ образованіи, санитаріи, сообщеніяхъ, занимались подготовкой на народныя деньги государственнаго переворота, на который ихъ никто не уполномочилъ.

Дальше Колосовъ началъ стращать большевиковъ японцами. Японія, по его словамъ, жаждетъ продвиженія совѣтскихъ войскъ вглубь Сибири, потому что столкновеніе съ ними дастъ ей поводъ осуществить свои захватническія стремленія. Но Колосовъ пересолилъ и, стараясь окончательно убѣдить большевиковъ, что эсеры считаютъ ихъ своими друзьями и стремятся создать буферъ безъ всякихъ тайныхъ намѣреній, онъ заявилъ, что, если совѣтская Россія имѣетъ достаточно силъ для немедленнаго сокрушенія Японіи, то „тогда никакого буфернаго государства не нужно".

Американцы—друзья эсеровъ.

Глава мирной делегаціи, посланной иркутскими революціонерами къ большевикамъ, Ахматовъ, подтвердилъ, что, если бы про-

изошло столкновеніе совѣтскихъ войскъ съ японскими, то „Политическій Центръ сдѣлалъ бы все возможное для того, чтобы создать противъ Японіи, совмѣстно съ совѣтской Россіей, единый фронтъ“. Ахматовъ прибавилъ къ этому, что лѣтомъ 1919 года онъ велъ бесѣды съ отдѣльными представителями американской дипломатіи и вывелъ заключеніе, что „Америка готова допустить существованіе государства—буфера, со включеніемъ въ органъ власти въ немъ представителя коммунистическихъ силъ“ („Нов. Жизни“ № 93).

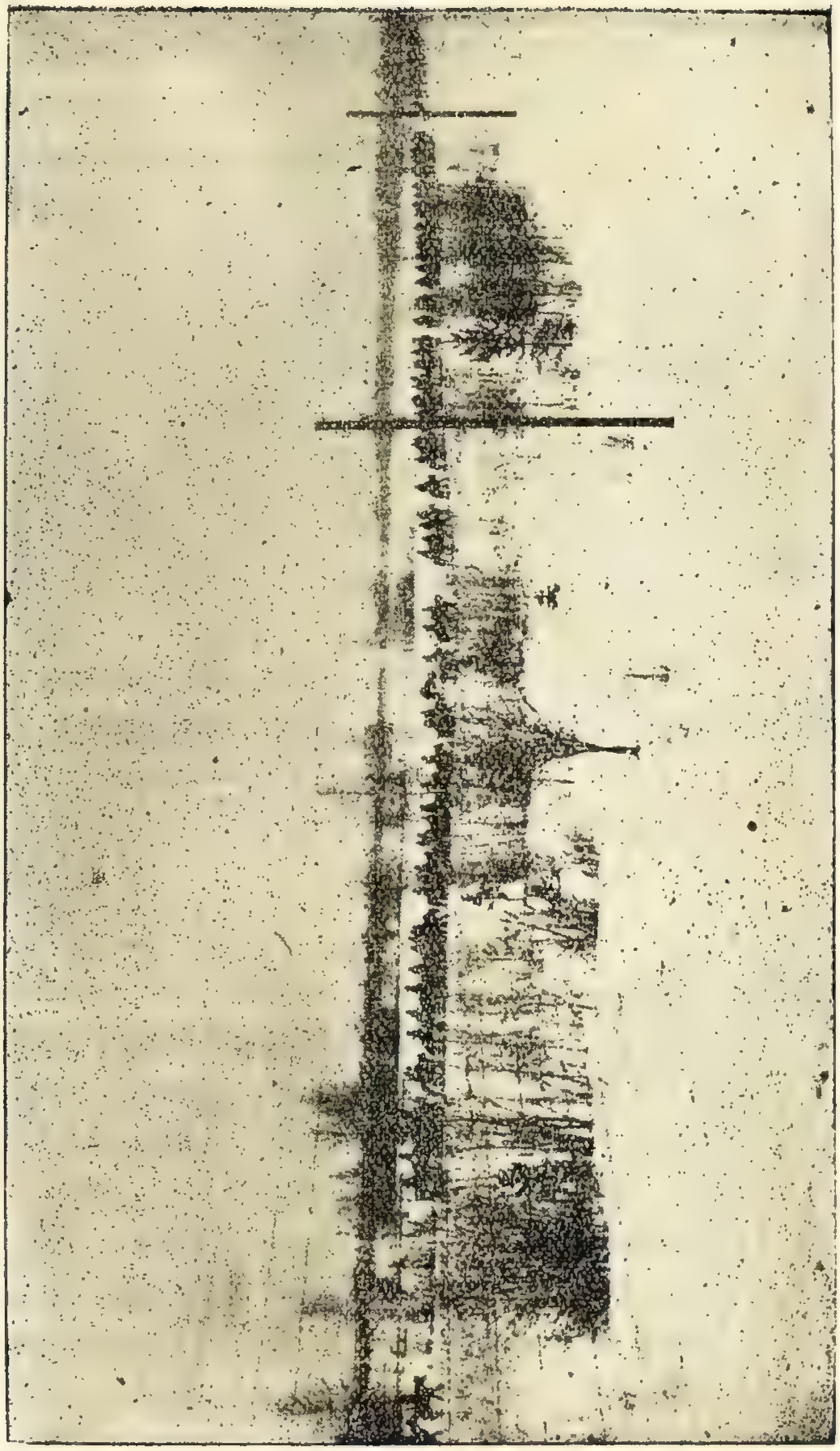
„Наиболѣе крупными представителями американской дипломатіи въ Сибири“, прибавилъ Колосовъ, „были три лица: генеральный консулъ Гаррисъ, проживавшій въ Омскѣ, опредѣленно поддерживавшій Колчака, посолъ Моррисъ, который постоянно находился во Владивостокѣ, стоя въ оппозиціи, но, послѣ поѣздки въ Омскъ, склонялся одно время на его сторону, третьимъ былъ генералъ Гревсъ, опредѣленный колчаковскій противникъ. На поддержку со стороны американцевъ разсчитывали повстанцы, участники возстанія генерала Гайды во Владивостокѣ, *имѣвшіе основаніе разсчитывать на помощь Америки*, въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства со стороны Японіи въ подавленіе возстанія“. „Представители *американской дипломатіи* неоднократно въ разныхъ случаяхъ при своихъ переговорахъ съ представителями сибирской демократіи высказывались въ томъ смыслѣ, что они находятъ, что только та власть въ Сибири будетъ прочной, въ созданіи которой объединятся всѣ лѣвые демократическіе элементы, въ особенности же соціалисты-революціонеры и большевики.“

Если какіе-то, повидимому, неотвѣтственные американскіе дипломаты дѣйствительно это говорили (а Колосовъ не изъ вруновъ), то подобный прогнозъ не дѣлаетъ имъ чести.

Событія очень быстро подтвердили то, что было испытано уже въ 1918 г., послѣ сверженія большевиковъ. *Соціалисты безъ помощи цензовыхъ элементовъ создать прочной власти не могутъ.* Они провалились въ 1918 году въ Омскѣ, и ихъ мѣсто заняло правительство Колчака, они провалились вновь въ 1920 году въ Иркутскѣ, и ихъ мѣсто заняли большевики.

Переговоры о буферѣ еще не кончились, какъ Политическій Центръ приказалъ долго жить.

Ошиблись эти дипломаты и въ другомъ отношеніи: *соглашеніе съ большевиками оказалось невозможнымъ даже для соціалистовъ-революціонеровъ.*



Ледяной походъ.

Ледяной походъ.

Въ то время, какъ происходило свержение правительства и укрѣпленіе большевиковъ, по снѣгамъ Сибири, несмотря на свирѣпые холода и отсутствіе какихъ бы то ни было базъ, двигались на востокъ остатки колчаковской арміи. Ихъ велъ славный вождь, герой волжскихъ походовъ—генералъ Каппель.

Куда шли эти войска, что ихъ ожидало? Они сами не знали. Имъ было ясно лишь одно, что кругомъ большевики, и что они *должны* уходить. Ихъ поддерживала надежда, что гдѣ-нибудь да найдутъ они не большевистскую власть; ихъ вела вѣра въ ихъ вождя и ненависть къ большевикамъ.

Послѣ паденія Омска остановить отступавшія войска и привести ихъ въ порядокъ не удалось. Отведенныя въ тылъ части первой арміи подымали возстанія подъ лозунгомъ „гражданскій миръ". Еще войска не успѣли подойти къ Новониколаевску, какъ онъ оказался уже большевистскимъ. Они пошли дальше по направленію къ Томску—тамъ оказалось то же. Рабочіе угольныхъ копей близъ Томска перерѣзали путь отступавшей арміи, ей пришлось пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ. Дальше повторялась та же исторія.

Штабъ главнокомандующаго остановился въ Ачинскѣ, между Томскомъ и Красноярскомъ. Здѣсь произошелъ, вѣроятно, не случайно, страшный взрывъ снарядовъ.

Красноярскъ, этотъ сибирскій Кронштадтъ, тоже выкинулъ красный флагъ.

Что дѣлать?

Арміи уже не было. Все разсыпалось, перемѣшалось. Войска шли съ огромными обозами. Транспортъ былъ цѣликомъ захваченъ чехами. Дѣти, женщины, больные—всѣ ѣхали вмѣстѣ съ воинскими частями. Сыпно-тифозныхъ привязывали къ лошадямъ и санямъ, чтобы они не выскочили.

Только единство настроенія спаивало всю эту безпорядочную массу людей въ одно цѣлое, но она утратила привычное руководство и должна была неизбѣжно разсыпаться.

Но грозная опасность помогла этой безпорядочной массѣ опять стать арміей.

Она находилась подъ Красноярскомъ. Въ тылу красные успѣли уже взять Ачинскъ. Съ юга подходили партизанскіе отряды Щетинкина. Красноярскій гарнизонъ велъ переговоры съ большевиками.

Брать Красноярскъ было невозможно—для этого было недостаточно патроновъ. Въ этихъ обстоятельствахъ генералъ Каппель отдалъ приказъ обойти Красноярскъ и идти впередъ, на востокъ. Приказъ этотъ выразилъ общее стремленіе. *Каппель приказалъ* идти. Значитъ, какой-то просвѣтъ впереди есть, и, не задумываясь надъ тѣмъ, куда, сколько тысячъ верстъ, съ какими средствами—тронулись впередъ.

Нѣсколько колоннъ съ юга и сѣвера, преодолѣвая сопротивленіе красныхъ, обошли Красноярскъ и вновь сошлись.

Съ этого момента движеніе принимаетъ планомѣрный характеръ. Приказъ начальства строго выполняется, его ждутъ, ему вѣрятъ.

Неожиданно для всѣхъ генералы приказываютъ идти на сѣверъ, по рѣкѣ Енисею. Этотъ путь былъ избранъ потому, что красные не могли предвидѣть подобнаго маневра, а, между тѣмъ, по берегамъ рѣкъ всегда располагаются деревни, а гладкая замерзшая рѣка представляетъ лучшій путь сообщенія. Воскресъ инстинктъ предковъ, расселявшихся по берегамъ рѣкъ, и ушкуйниковъ, уходившихъ за тысячи верстъ отъ родныхъ мѣстъ по воднымъ путямъ.

Шли по Енисею, потомъ пошли по рѣкѣ Кану и вышли опять къ магистрали, гдѣ соединились съ авангардомъ арміи, благополучно прошедшимъ черезъ Красноярскъ. Шли при тридцати-градусномъ морозѣ по льду, но быстрая рѣка Канъ еще плохо промерзла, во многихъ мѣстахъ ледъ не выдерживалъ тяжелаго груза, и изъ-подо льда выступала вода. Пришлось побросать сани съ лишнимъ грузомъ.

Вслѣдствіе недостатка пимовъ и тулуповъ, многіе отмораживали себѣ ноги, а нѣкоторые и вовсе замерзали. Обморозился и самъ генералъ Каппель, который съ 4-й уфимской дивизіей прокладывалъ дорогу по извилистой рѣкѣ, среди дикой и безлюдной мѣстности, личнымъ примѣромъ увлекая другихъ.

У Канска былъ бой. Дорога была опять очищена, и, по прежнему не зная, что ожидаетъ впереди, армія продолжала продвигаться.

Повстанцы не рѣшались вступать въ бой и уходили въ тайгу, освобождая путь. Голодная и оборванная армія не теряла присутствія духа. По безконечно длиннымъ сибирскимъ путямъ тянулся такой же длинный, какъ будто безконечный обозъ. По прежнему ѣхали жены, дѣти и больные тифомъ, которые переносили тяжелую болѣзнь на открытомъ воздухѣ какъ будто даже легче, чѣмъ въ госпиталяхъ. Морозъ умѣрялъ горячку.

Генералъ Каппель съ чинами своего штаба.

Только въ Нижнеудинскѣ, который былъ взятъ съ боя, армія получила суточный отдыхъ, первый отъ начала похода.

Генералъ Каппель съ отмороженными ногами продолжалъ ѣхать верхомъ на лошади. Онъ рисковалъ жизнью, для поддержанія духа солдатъ. Героемъ онъ остался до конца. 25 января онъ ослабѣвшей рукой подписалъ приказъ о передачѣ командованія генералу Войцѣховскому. Трупъ его былъ принятъ въ чешскій эшелонъ и перевезенъ въ Читу.

Глубоко въ душѣ каждаго каппелевца отозвалась смерть любимаго вождя. Любовь къ нему, вѣра въ него разсѣивали мракъ безнадежности. Теперь, когда Каппеля не стало, казалось, тучи сгустились, горизонтъ сталъ еще темнѣе, и лютая сибирская вьюга, залѣпляющая глаза, скрывающая отъ человѣческихъ глазъ внѣшній міръ, казалось, стала еще злѣе.

Но, связанные единствомъ настроеній, привыкшіе повиноваться, солдаты и офицеры выслушали приказъ новаго главнокомандующаго и опять тронулись въ путь. Вновь потянулся безконечный обозъ съ женщинами, дѣтьми и больными, и видъ этой двигающейся, не знающей отдыха, не поддающейся отчаянію лавины внушалъ даже на разстояніи трепетное ощущеніе богатой духовной силы историческаго народа, не знающаго границъ ни терпѣнію ни настойчивости.

Армія вскорѣ раздѣлилась на три группы, изъ которыхъ одна продолжала движеніе вдоль большого тракта, одна пошла нѣсколько южнѣе, и небольшая часть избрала направленіе на Верхоленскъ-Баргузинъ, съ разсчетомъ перейти черезъ Байкалъ въ сѣверной его части.

Главной группѣ пришлось выдержать бой подъ Зимой. Тутъ отличилась Воткинская дивизія; поддержали ее въ этомъ дѣлѣ чехи.

7 февраля 1920 года войска подошли къ Иркутску. Красные потребовали отъ нихъ сдачи оружія. Въ отвѣтъ на это рѣшено было взять Иркутскъ.

Храбрые революціонеры находились въ паническомъ состояніи. 7 февраля они убили адмирала Колчака и предсѣдателя Совѣта министровъ Пепеляева. Другихъ политическихъ арестантовъ вывезли изъ города, опасаясь ихъ освобожденія и возстановленія правительства.

Иркутскъ могъ бы быть взятъ, но восьмого февраля на имя генерала Войцѣховскаго чешскимъ командованіемъ была дана слѣдующая телефонограмма:

„Для того, чтобы не подвергнуть обстрѣлу ст. Иркутскъ съ находящимися на ней чехо-словацкими войсками при возможности боя изъ Глазкова въ г. Иркутскъ и въ цѣляхъ избѣжанія преслѣдованія со стороны Вашихъ солдатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ, которые населяютъ Глазково, что вызоветъ естественное прекращеніе работъ на станціи и тѣмъ задержитъ нашу эвакуацію, я, замѣщающій командующаго чехо-словацкими войсками генерала Сырового, рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не допускать занятія Глазкова Вашими войсками. Пригородъ Глазково, по моему настоянію, очищенъ отъ совѣтскихъ войскъ, который, въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, объявляю нейтральнымъ мѣстомъ. Прошу немедленнаго оповѣщенія объ этомъ постановленіи командующаго группой генерала Войцѣховскаго и всѣхъ начальниковъ его частей, въ цѣляхъ избѣжанія возможныхъ недоразумѣній. Подлинный подписали: начальникъ II-ой чехо-словацкой дивизіи полковникъ Крейчій. Начальникъ штаба подполковникъ Бируля. Ст. Иннокентьевская, 8/II 1920 года. № 57/а."

Послѣ этой телефонограммы оставалось только обойти Иркутскъ, воспользовавшись очищеніемъ предмѣстья Глазкова и свободнымъ путемъ къ Байкалу. Въ теченіе 11, 12 и 15 февраля войска перешли черезъ озеро при сильномъ вѣтрѣ по гладкому льду. Этотъ переходъ въ обѣтованную землю, Забайкалье, былъ нелегокъ. Лица людей потеряли обычныя формы. Много лошадей пало, не выдержавъ этого переѣзда.

Сѣверная группа, шедшая на Верхоленскъ, подверглась еще большимъ испытаніямъ. Она выдержала бой съ сильнымъ отрядомъ, высланнымъ для задержанія ея изъ Иркутска. Немногимъ изъ нея удалось достичь Байкала; въ числѣ этихъ немногихъ, кромѣ солдатъ, былъ образцовый отрядъ томской милиціи.

Геройскій походъ какъ будто окончился. Но отъ Байкала до Читы пришлось идти еще шестьсотъ верстъ, какъ и раньше, безъ средствъ, при страшномъ морозѣ, повсюду отбиваясь отъ партизанъ и поневолѣ обижая крестьянъ реквизиціей корма и лошадей.

Въ концѣ февраля каппелевцы стали прибывать въ Читу.

Большевики все тѣ же.

Слѣдомъ за каппелевцами шли регулярныя совѣтскія войска. Ихъ ждали съ нетерпѣніемъ. Людямъ, которымъ головокружительные успѣхи большевиковъ казались слѣдствіемъ не слабости тѣхъ, кого они разбили, а революціонной силы совѣтской

Ледяной походъ (второй снимокъ.)

власти, „настоящіе“ большевики представлялись въ ореолѣ величія, совсѣмъ другими, непохожими на мѣстныхъ.

И дѣйствительно: пришли *другіе* большевики. Пріѣхалъ Смирновъ, намѣстникъ московской власти; онъ сталъ единоличнымъ распорядителемъ Сибири. Пріѣхали комиссары съ властными нотками. Они были почище колчаковскихъ администраторовъ, даже военныхъ. Мѣры ихъ были крутыми, а обращеніе только одно: „молчать, слушаться, повиноваться.“

Большевики измѣнились. Но въ чемъ? Въ пріемахъ управленія, гдѣ свойственный имъ характеръ деспотизма сталъ проявляться ярче. Въ этой деспотичности оказалось больше стройности.

Но не этого ждали тѣ, которые радовались сверженію Омскаго Правительства и предательски подготовляли его. Тѣ иркутскіе демократы, которые предали большевикамъ всѣ эшелоны съ бѣженцами и обрекли на смерть тысячи беззащитныхъ людей, тѣ, по чьей винѣ лучшія части арміи должны были пройти двѣ тысячи верстъ мучительнаго пути къ неизвѣстности, бросая больныхъ и оставляя за собой трупы, разоряя крестьянъ, и безъ того обозленныхъ, обрекая страну на еще большія жестокости будущихъ столкновеній и расправъ—всѣ эти заслуженные дѣятели ждали, что придутъ большевики просвѣщенные, гуманные, которые протянутъ имъ руку дружбы, признаютъ свободы и предоставятъ возможность воспользоваться этою дружбою и свободою, чтобы подготовить новый переворотъ.

Но эти надежды быстро разсѣялись. Большевики измѣнили свою внѣшность, но не внутреннюю сущность. Сейчасъ же задавлена была печать, пущена въ ходъ чрезвычайка, всѣ насилія, которыя совершались агентами омской власти, померкли передъ чудовищностью новаго истребленія русской интеллигенціи и расы.

Большевики были тѣ же.

Письмо соціалистовъ-революціонеровъ.

Немного времени прошло послѣ воцаренія большевиковъ въ Сибири, какъ та самая партія, которая помогала торжеству большевиковъ, стала слезно жаловаться на нихъ. Я приведу посланіе соціалистовъ-революціонеровъ съ самыми небольшими сокращеніями.

„Дорогіе товарищи. Хотѣлось бы вамъ дать возможно болѣе полныя свѣдѣнія о состояніи партіи и совѣтской Россіи. Но для

этого пришлось бы писать громадный докладъ, что теперь невозможно. Постараемся дать все, что знаемъ, въ самомъ сжатомъ видѣ.

Вообще, о положеніи дѣлъ въ Россіи можно заранѣе предположить, что вами еще не изжиты иллюзіи относительно измѣненія позиціи большевиковъ, а это вызываетъ у васъ тягу и сильную тягу, по словамъ пріѣхавшихъ товарищей, къ соглашательству съ большевиками. Но, если бы возможно было вамъ попасть въ обстановку совѣтской Россіи, то для васъ не было бы такимъ заманчивымъ соглашательство съ большевиками, во что бы то ни стало. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности послать вамъ печатныхъ трудовъ самихъ коммунистовъ и различныхъ совѣтскихъ органовъ. Пока что, въ Иркутскѣ такихъ трудовъ чрезвычайно ограниченное количество, но всѣ свѣдѣнія, которыя вамъ сообщаются, заимствованы исключительно изъ источниковъ оффиціальныхъ.

1) Продовольствіе.

Однимъ изъ самыхъ жгучихъ является продовольственный вопросъ. Онъ отнимаетъ больше всего времени и заботъ у гражданъ совѣтской Россіи и у различныхъ организацій, ему посвящаютъ немало времени профессіональные союзы, различные рабочіе коллективы, онъ порой заслоняетъ собой все остальное. Сейчасъ въ Москвѣ выдается по $^3/_4$ (три четверти) фунта хлѣба на два дня. Знакомыхъ вы не узнаете: постарѣли, исхудали. Эта зима была невѣроятной. Если бы два года тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что человѣкъ можетъ прожить и не умереть, живя такъ, какъ прожили мы—никто бы не вѣрилъ. Горячей пищи почти не ѣли, питались почти исключительно въ сухомятку. Спали, не раздѣваясь всю зиму, въ шубахъ. Многіе деревянные дома въ Москвѣ сожжены на дрова, среди нѣкоторыхъ кварталовъ торчатъ однѣ трубы, какъ послѣ пожарища. Такъ въ Москвѣ, а въ провинціи, гдѣ процвѣтаетъ большее самодурство, еще хуже. Продовольственное дѣло все цѣликомъ находится въ рукахъ совѣтской власти. Продовольственными организаціями собрано за весь 19-ый годъ 100 милліоновъ пудовъ хлѣба. И если хлѣбъ все же былъ, то благодаря мѣшечникамъ. По словамъ Ленина, потребляющія губерніи получили черезъ продовольственные органы 20 съ десятыми милліоновъ пудовъ и столько же отъ мѣшечниковъ. Это въ то время, когда запрещена совершенно свободная торговля. Къ настоящему времени заготовлено, послѣ взятія Сибири, 150 милліоновъ 300 тысячъ пудовъ хлѣба (Рыковъ). Къ концу

весенней кампаніи ожидается, что будетъ заготовлено 200 милліоновъ пудовъ. Запасы были пополнены изъ Сибири. Лучшимъ выполненіемъ считалось 30% раскладки по губерніямъ. Характерна раскладка: напримѣръ, Пензенская губернія должна была поставить, согласно нарядовъ, 19 милліоновъ пудовъ, тогда какъ въ лучшіе годы избытокъ хлѣба въ губерніи едва превышалъ 4 милліона пуд., т. е. бумажныя предположенія раздувались, и выполненіе оставляло едва замѣтный слѣдъ въ потребленіи. Естественно, что вопросъ о снабженіи крестьянъ всѣмъ необходимымъ пріобрѣлъ первенствующее значеніе. Но и это остается лишь въ области пожеланій, ибо ни мануфактуры (нѣтъ хлопка), ни металла (напр., вмѣсто 80 мил. пуд. въ 18 г. изготовлено лишь 4 мил. пуд.) нѣтъ, а потому всѣ мечты о товарообмѣнѣ брошены, какъ несбыточныя. Само собой понятно, что повышенныя требованія, предъявленныя деревнѣ, карательные отряды, продовольственные, громадный недостатокъ сѣмянъ вызвали сокращеніе посѣвной площади. Въ Самарской губерніи, напр., 1/5 всей посѣвной площади не будетъ засѣяна изъ-за недостатка сѣмянъ. Еще болѣе удивляетъ безропотная передача крестьянами бывшихъ помѣщичьихъ владѣній совхозамъ (совѣтскія государственныя хозяйства). Причина понятна—крестьянство само не ищетъ увеличенія земельной площади. Нѣтъ ни живого ни мертваго инвентаря, не существуетъ и стремленія получить избытокъ хлѣба. Чтобы покончить съ продовольственнымъ вопросомъ, нужно указать на то, что мяса было самое незначительное количество, хватавшее едва для санаторій. Жировъ—никакихъ. Овощи—въ весьма незначительномъ количествѣ. О колоніальныхъ товарахъ и говорить не приходится.

2) Транспортъ.

Разстройство транспорта достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Вотъ цифры: больныхъ паровозовъ въ ноябрѣ 19 года—51%, въ январѣ—58%, въ февралѣ 1920 года—60%. Новыхъ паровозовъ совершенно не строится. Работающіе паровозы прошли каждый въ среднемъ черезъ четыре капитальныхъ ремонта, не считая средняго и текущаго, тогда какъ, по правиламъ, послѣ трехъ капитальныхъ ремонтовъ, паровозъ можетъ выполнять лишь роль маневроваго паровоза. Для поддержанія существующей нормы и для того, чтобы къ 1924 году наладить транспортъ, необходимо ремонтировать 8% паровозовъ; въ совѣтской Россіи выпускается всего лишь 2—1/2%. Ремонтъ сейчасъ идетъ по такъ называемой системѣ Ларина. Система состоитъ въ томъ, что главное

вниманіе обращается на текущій и средній ремонтъ, капитальный же почти не производится, а самое существенное то, что по системѣ Ларина починка производится такимъ образомъ, что одинъ паровозъ составляется изъ трехъ однотипныхъ. Такая чисто хищническая система, по отзывамъ самихъ большевиковъ, дастъ лишь возможность нѣсколько задержать паденіе провозоспособности дорогъ. Считается чуть не чудомъ, объ этомъ трубятъ на весь міръ, что удалось пріостановить неподачу подвижного состава на $15^0/_0$ (въ сентябрѣ 19 года $15^0/_0$ и въ февралѣ 20 года на $15^0/_0$) и увеличить грузоподъемность одного паровоза съ 9 тысячъ пудовъ на 11 тысячъ пудовъ (въ мирное время 40 тыс. пуд.). Нисколько не лучше обстоитъ дѣло и съ вагонами. Рельсы не мѣняются, не мѣняются даже шпалы. Пермская дорога производитъ ремонтъ шпалъ путемъ накладыванія на нихъ досчатыхъ накладокъ подъ рельсы. Разрушено громадное количество мостовъ. Плохо ремонтируется и самое полотно.

3) Топливо.

Запасы твердаго топлива въ 20 году сильно повысились, благодаря занятію Урала и Донецкаго бассейна, гдѣ запасы достигали 80 милліоновъ пуд. Шахты разрушены, рабочіе-шахтеры разбѣгаются. Такое положеніе вызвало усиленіе деревянныхъ заготовокъ, но и тутъ въ 19 году, вмѣсто предположенныхъ 14 милліоновъ кубовъ, заготовлено 5 милліоновъ кубовъ. Такое состояніе топлива вызываетъ остановку громаднаго количества предпріятій, какъ и невозможность заготовить и своевременно подать необходимое сырье. Значительно лучше обстоитъ дѣло съ жидкимъ топливомъ. Побѣда надъ Деникинымъ дала многое. Въ Майкопѣ имѣется запасъ нефти до 10 милл. пуд. Въ Баку нефти—колоссальное количество. Въ Баку, наканунѣ занятія, были переполнены нефтехранилища, но бѣда въ томъ, что вывезти нефть долгое время не удается, т. к. весь наличный Каспійскій флотъ уведенъ англичанами въ Персію. Теперь проектируется для вывозки нефти постройка новыхъ путей.

4) Количество рабочихъ (цифры предсѣдателя секціи металлистовъ).

Въ настоящее время насчитывается рабочихъ до 800.000 (промышленныхъ). До войны было около 4 съ половиной милліоновъ. Уменьшеніе въ 4 раза. Утечка рабочихъ объясняется тѣмъ, что около $15^0/_0$ служатъ въ красной арміи (цифра Троцкаго), масса ушло въ деревню, и значительное количество пошло на службу въ совѣтскія учрежденія. По даннымъ комиссара Милю-

тина—около 1 милліона рабочихъ, по даннымъ Рыкова—около 1.200 тысячъ. Въ Петроградѣ, напримѣръ, къ январю 18 года было до 300 тысячъ рабочихъ, къ 1-му августа того же года—около 90 тысячъ, причемъ наблюдается дальнѣйшее сокращеніе. Сормово, вмѣсто 32 тысячъ—только 8 тысячъ. Причемъ самъ по себѣ фактъ сокращенія количества индустріальныхъ рабочихъ, представляющій одно изъ наиболѣе ужасныхъ явленій, усугубляется тѣмъ, что идетъ колоссальное сокращеніе производительнаго труда, вызываемое, главнымъ образомъ, недостаточнымъ питаніемъ. Увеличились прогулы рабочихъ, вынужденныхъ мѣшечничать. Оплата рабочихъ производится по твердымъ тарифамъ. Это вынуждаетъ рабочихъ на фабрикахъ брать плату натурой и затѣмъ по бѣшенымъ цѣнамъ продавать товары на Сухаревкѣ, которую въ шутку называютъ „главрынкомъ.“

Такое положеніе вызываетъ недовольство рабочихъ, но система спеціальныхъ запугиваній, общій режимъ держатъ рабочихъ въ повиновеніи. Зато усиливается тяга въ деревню и кустарничество. Принимаются теперь самыя рѣшительныя мѣры. Проектируется введеніе Тейлоровской системы. Курсируютъ спеціальные поѣзда съ инструкторами-пропагандистами системы Тейлора; введена милитаризація труда, но, по словамъ Альперовича, многіе заводы не могутъ вести работы изъ-за отсутствія рабочихъ. Одновременно въ текстильной промышленности безработица настолько сильна (многія фабрики стоятъ изъ-за отсутствія сырья), что популяренъ лозунгъ: „текстильщиковъ на лѣто нужно отправить на полевыя работы.“

Среди рабочихъ пользуются успѣхомъ меньшевики. Въ Тулѣ, на выборахъ въ совѣты, меньшевики (а они единственная легальная партія) получили 25% (большевикамъ пришлось исправить положеніе посылкой усиленной делегаціи отъ красноармейцевъ, въ результатѣ получилось ихъ большинство). Нужно сказать, что большевики не стѣснялись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по разсчетамъ, было ихъ большинство, проводить выборы по мажоритарной системѣ, тогда какъ меньшевики вездѣ проводили пропорціональную систему. Также въ Харьковѣ. Въ Москвѣ, на выборахъ въ совѣтъ, меньшевики пользовались успѣхомъ, и, если имъ удалось провести очень незначительное число делегатовъ, то только благодаря режиму. Когда, напримѣръ, стало извѣстно, что рабочими Александровскаго узла выбранъ Мартовъ, то выборы рѣшили кассировать, а рабочихъ перевели на уменьшенный паекъ. И лишь благодаря личному письму Мартова на имя Ленина, гдѣ Мартовъ грозитъ

сдѣлать приведенный фактъ достояніемъ европейскаго рабочаго движенія—кассація отмѣнена, и рабочіе переведены на нормальное положеніе. Меньшевики получили подавляющее большинство и въ Харьковѣ. С.-р. не фигурируютъ, какъ соперничающіе съ меньшевиками, потому что переведены на нелегальное положеніе.

Теперь много кричатъ о затѣѣ Троцкаго—„трударміяхъ", но, по словамъ отвѣтственныхъ большевиковъ, „трударміи"—это лишь политическій ходъ, не больше. Производительность труда составляетъ одну сотую, максимально одну тридцатую часть нормальнаго труда.

Усиливается кустарничество. Число кустарей достигаетъ громаднаго количества. Къ нимъ относятся бережно. Лучше пусть кто-нибудь производитъ, чѣмъ никто.

5) Настроеніе деревни.

Крестьянство враждебно къ совѣтской власти. Среди крестьянъ популяренъ лозунгъ „долой коммунистовъ и коммунію". Во многихъ мѣстахъ совѣтской Россіи идутъ возстанія. Армія „зеленыхъ" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ за счетъ массовыхъ дезертировъ и вербуется путемъ притока крестьянъ изъ волостей послѣ усмиренія возстаній. Въ Тульской губерніи были случаи, когда при усмиреніи возстанія села сожжены до-тла.

Ообенно сильныя возстанія въ Тамбовской губ. Тамъ, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, больше года существуетъ отрядъ Антонова. Часты случаи разстрѣла крестьянъ. Въ Сибири имѣются также случаи возстаній крестьянъ. Алтайская губернія, особенно Бійскій уѣздъ, Минусинскій уѣздъ Енисейской губ. также ждутъ крестьянскихъ волненій.

Мы знаемъ все сообщаемое со словъ Федоровича и Коногова*), 4 дня тому назадъ вернувшихся изъ Москвы. Для окончательной характеристики положенія въ Россіи нужно добавить, что блокада продолжается, и что Россія, пока что, ничего изъ-за границы не получила. Во всероссійскомъ совнархозѣ (судя по статьямъ) почти предрѣшенъ вопросъ о предоставленіи иностранцамъ концессій. Пока мы отъ выводовъ воздержимся. Подчеркнемъ только одно: партія отказалась отъ вооруженной борьбы съ совѣтской властью.

6) Политическое положеніе.

---

*) Видные участники иркутскаго переворота.

С.-р. вездѣ, и въ Россіи и по Сибири, на нелегальномъ положеніи (исключеніе, пока что, одинъ Иркутскъ), сидятъ въ тюрьмахъ цѣлыя организаціи. Изъ центральнаго комитета сидятъ четверо: Донской, Е. Ратнеръ, Морозовъ и Бергъ; послѣдніе уже были довыбраны въ Ц. К. на 9-омъ совѣтѣ партіи. Теперь въ партіи ставится вопросъ о переработкѣ партійной программы, согласно измѣнившимся условіямъ.

Работать страшно трудно, такъ какъ часты случаи проваловъ. Уже въ февралѣ арестована нелегальная типографія Ц. К. Объясняется это значительнымъ числомъ провокацій, которыя находятъ объясненіе въ томъ, что до сихъ поръ часты случаи ухода нашихъ товарищей къ коммунистамъ.

Кратко:

Кооперація стала органомъ совѣтскимъ. Подчинена совѣтской власти во всемъ. Центросоюзъ, его правленіе—большевистское. Ломка идетъ по всей Россіи. Закупсбытъ слился съ Центросоюзомъ. О политикѣ большевиковъ по отношенію къ коопераціи вы узнаете изъ резолюціи—листовки Ц. К. Несмотря на то, что такъ много говорится о монополизаціи торговли и заготовкѣ всѣхъ продовольственныхъ продуктовъ, частный капиталъ процвѣтаетъ, принявъ нелегальныя, но вполнѣ ощутимыя формы. Въ Москвѣ Сухаревка охватываетъ районъ отъ Мясницкой до Самотека. Все это пространство заполнено моремъ народа: торгуютъ рѣшительно всѣмъ, сдѣлки совершаются милліонныя; запродажа партій товаровъ происходитъ вагонами; борьба съ Сухаревкой стала большимъ вопросомъ. Сухаревкѣ посвящаются спеціальныя статьи въ спеціальныхъ органахъ. В. Ц. К. заявляетъ, что всѣ товары, имѣвшіе хожденіе по Сухаревкѣ, попадаютъ туда изъ совѣтскихъ фабрикъ и складовъ, но важно, кромѣ того, то, что частная торговля растетъ и ширится. По словамъ Каменева (его докладъ въ московскомъ совдепѣ), въ Москвѣ 18.000 рабочихъ и красноармейскихъ лавокъ. Каменевъ приходитъ къ выводу, что бороться съ частной торговлей, въ томъ видѣ, какой она пріобрѣла въ Москвѣ, совѣтской власти не подъ силу. Съ одной стороны, закрытіе этимъ лавочекъ обрекаетъ рабочихъ на еще большую голодовку, а съ другой стороны—чтобы бороться съ лавочничествомъ, нужно довести кадръ милиціи до 40.000, причемъ нѣтъ никакой гарантіи, что не начнутъ открываться милицейскія лавочки.

Вотъ все, что въ общихъ чертахъ мы можемъ сообщить вамъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ Всесибирскій Краевой Комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

Меньшевики и большевики.

Не менѣе интересна декларація меньшевиковъ, оглашенная въ засѣданіи московскаго Совѣта рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ 6 марта 1920 года.

,,Товарищи. Мы, члены фракціи р. с. д. р. п., явились на это первое собраніе новоизбраннаго московскаго Совѣта немногочисленной группой. Среди полуторыхъ тысячъ членовъ этого Совѣта насъ насчитывается 4-5 десятковъ, и вліяніе, которое мы можемъ своимъ голосомъ оказывать на его рѣшенія, ничтожно.

Но совершенно иначе представляется положеніе дѣлъ тому, кто захочетъ взглянуть правдѣ въ лицо и отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительныхъ настроеніяхъ, чаяніяхъ и надеждахъ тѣхъ трудящихся массъ, отъ имени которыхъ хочетъ говорить московскій Совѣтъ.

Наша партія вступила въ избирательную борьбу, ослабленная тѣмъ режимомъ безправія и насилія, которому она подвергалась въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ. Лишенная печати, загнанная въ тиски нелегальнаго существованія, безъ свободы слова и организацій, безъ возможности сколько-нибудь тѣснаго и постояннаго общенія со своими собственными организаціями, осыпаемая ежедневно безчисленными клеветами, наша партія столкнулась на выборахъ лицомъ къ лицу съ партіей коммунистовъ, въ монопольномъ пользованіи которой находятся и печатный станокъ, и залъ для собраній, и средства передвиженія и связи, къ услугамъ которой вся мощь государственной власти, весь аппаратъ государственнаго управленія, всѣ матеріальныя средства государства.

Эту избирательную борьбу нашей партіи пришлось вести на почвѣ избирательной системы и выборной инструкціи, которыя не только не обезпечивали свободнаго выявленія воли трудящихся, но мало знаютъ себѣ равныхъ въ исторіи, въ смыслѣ подавленія и искаженія этой воли.

Не будемъ уже говорить о безчисленныхъ случаяхъ прямого насилія надъ волей избирателей, застращиванія, давленія и другихъ злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ ходѣ избирательной кампаніи. Но нельзя замолчать кричащее неравенство избирательнаго права для различныхъ категорій трудящихся. Неслыханныя привилегіи, предоставленныя находящимся въ рукахъ коммунистовъ верхушкамъ организацій, какъ, напр., московскому губ. совѣту профессіональныхъ союзовъ, сто тридцать участниковъ котораго послали сюда почти сотню (94) депутатовъ. Избиратель-

ная географія, произвольно кромсавшая избирателей, какъ это было видно, напримѣръ, съ совѣтскими служащими, 24-хъ часовые сроки для заявленія кандидатуръ, посильны въ современныхъ условіяхъ только той партіи, которая располагаетъ монополіей средствъ связи: сообщенія и передвиженія. Обязательное открытое голосованіе, сплошь и рядомъ въ присутствіи прямого начальства. И, наконецъ, почти открытое сліяніе оффиціальной избирательной организаціи съ организаціей коммунистической партіи. Кто рѣшится утверждать, что при этихъ условіяхъ результаты выборовъ могутъ сколько-нибудь точно отражать дѣйствительную волю и настроеніе трудящихся.

И вотъ, если въ этихъ условіяхъ наша фракція появляется здѣсь въ составѣ пяти десятковъ членовъ; если въ этихъ условіяхъ почти вездѣ, гдѣ только наша партія имѣла возможность выставить своихъ кандидатовъ, почти безъ исключенія, избиратели—будь то пролетаріи станка или пролетаріи прилавка и конторки—ей отдавали подавляющее большинство своихъ голосовъ, то мы имѣемъ право сказать: удѣльный вѣсъ нашъ въ этомъ залѣ далеко ниже удѣльнаго вѣса нашего въ трудящихся массахъ. И мы знаемъ, что въ нашемъ голосѣ будутъ звучать мысли и воля не только тѣхъ трудящихся, которые послали насъ сюда, но и всего пролетаріата, не утратившаго классоваго самосознанія."

Дальневосточная неурядица.

Мрачную картину представила собою большевистская Сибирь, но не блестящи оказались дѣла и на небольшевистскомъ Д. Востокѣ.

Послѣ паденія власти адмирала Колчака, Д. Востокъ, какъ это и предсказывалось, распался. Наканунѣ своего плѣненія, видя безвыходность создавшагося положенія и, несомнѣнно, въ припадкѣ отчаянія, адміралъ подписалъ слѣдующій указъ:

Указъ Верховнаго Правителя.

„5 января 1920 года. Г. Нижнеудинскъ.

Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ *верховной всероссійской* власти главнокомандующему вооруженными силами юга Россіи генералъ-лейтенанту *Деникину*, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей Россійской Восточной Окраинѣ оплота государственности, въ началахъ неразрывнаго единства со всей Россіей;

1) Предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа генералъ-лейтенанту атаману *Семенову* всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской Восточной Окраины, объединенной *Россійской* Верховной властью.

2) Поручаю генералъ-лейтенанту атаману *Семенову* образовать органы государственнаго управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти.

Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ.

Предсѣдатель Совѣта министровъ В. Пепеляевъ.

Директоръ канцеляріи Верховнаго Правителя, генералъ-майоръ Мартьяновъ."

Указъ этотъ остался на бумагѣ. Читинской власти не призналъ ни Владивостокъ, гдѣ свергнутъ былъ генералъ Розановъ, и воцарилось приморское земство, присвоивъ себѣ верховную власть, ни Благовѣщенскъ, который поспѣшилъ стать совѣтскимъ, ни генералъ Хорватъ, который, съ полнымъ основаніемъ, поспѣшилъ отказаться отъ признанія верховенства надъ общероссійской концессіей въ Китаѣ какой-либо мѣстной власти.

Д. Востокъ разсыпался.

Стали появляться юмористическія правительства, произошли потрясающія событія въ Николаевскѣ на Амурѣ, гдѣ какіе-то сверхъ-большевики, изувѣры, сожгли цѣлый городъ и перерѣзали все населеніе, но за цѣлый годъ не произошло ни одного отраднаго факта, который создалъ бы хоть какой-нибудь просвѣтъ.

Безплодны оказались всѣ попытки создать дальневосточный буферъ изъ областей, которыя не могутъ существовать собственными средствами. Тщетны оказались надежды и на союзниковъ. Даже японцы ушли, увидѣвъ, какія громадныя затраты имъ пришлось бы нести, и какъ ничтожны были бы выгоды отъ принятія на содержаніе нежизнеспособнаго буфернаго и буффонаднаго государства.

Никто не выигралъ отъ иркутской драмы: ни русскіе ни иностранцы.

Паденіе омской власти и интересы союзниковъ.

Обзоръ иркутскихъ событій долженъ былъ показать, что успѣхъ возстанія зависѣлъ въ значительной степени отъ того пассивнаго содѣйствія ему со стороны союзниковъ, которое они оказывали мятежникамъ, мѣшая рѣшительнымъ дѣйствіямъ прави-

тельственныхъ войскъ и покровительствуя захвату желѣзнодорожной полосы отрядами народно-революціонной арміи.

Чѣмъ руководствовались при этомъ союзники, сказать трудно. Предполагать, что всѣ они наивно вѣрили въ политическій вѣсъ и силу соціалистическаго блока, едва ли можно. Надо остановиться, прежде всего, на отрицательномъ моментѣ: они всѣ отказались отъ поддержки омскаго правительства и адмирала Колчака, которые не сумѣли предупредить катастрофы. Разсчитывать на возстановленіе фронта, оказывать поддержку въ формѣ снабженія, снова отодвигать моментъ, когда возстановятся нормальные экономическія сношенія съ Россіей—все это признано было невозможнымъ.

Это единство отрицательнаго отношенія къ правительству адмирала Колчака должно было привести тактически не только къ отказу въ дальнѣйшей его поддержкѣ, но и къ желанію скорѣйшей его ликвидаціи. Паденіе правительства могло упростить отношенія и ускорить созданіе новой болѣе благопріятной конъюнктуры.

Чехи могли разсчитывать, что условія ихъ эвакуаціи не только облегчатся, но и значительно улучшатся, такъ какъ новая власть, благодарная имъ за поддержку, не преминула бы оказать рядъ льготъ по вывозу имущества, кредитовать еще болѣе щедро, чѣмъ Омское Правительство, которое даже въ самое последнее время, въ декабрѣ, выдало чехо-войску, въ видѣ ссуды, 15 милліоновъ рублей. Самое же главное, послѣ переворота могъ быть ускоренъ выѣздъ, благодаря освобожденію транспортныхъ средствъ, въ связи съ воцареніемъ гражданскаго мира.

По пути чехи захватывали все, что могли. Такъ, напримѣръ, по распоряженію генерала Жанена, они захватили нѣсколько вагоновъ казеннаго масла, стоимостью около двадцати тысячъ рублей золотомъ.

Американцы—тѣ всегда обнаруживали больше симпатій къ лѣвымъ теченіямъ. Къ военнымъ дѣйствіямъ они проявляли мало интереса. Ихъ вниманіе привлекали, по преимуществу, экономическія перспективы и потребности культурной Россіи. Съ паденіемъ Россійскаго Правительства, они могли разсчитывать на скорѣйшее возсоединеніе всѣхъ частей Россіи и оздоровленіе экономической жизни. Америка не могла не замѣчать, къ тому же, растущей симпатіи и все большаго сближенія Россійскаго Правительства съ Японіей, единственною страной, которая могла оказать на востокѣ военную поддержку власти въ дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками. Америка должна была предпочесть единую Россію

и прекращеніе войны, когда для нея открылся бы широкій просторъ для торговой и предпринимательской работы.

Японія, недостаточно опредѣлившая свою политику въ Сибири, всегда интересовавшаяся преимущественно Дальнимъ Востокомъ, могла равнодушно отнестись къ паденію правительства, разсчитывая, что на Востокѣ образуется новая власть, надежно связанная съ Японіей, а, можетъ быть, она была захвачена врасплохъ слишкомъ рѣзкимъ измѣненіемъ положенія въ Сибири и борьбой различныхъ теченій и взглядовъ на сибирскій вопросъ въ самой Японіи.

Объ *Англіи* нельзя сказать то же, что объ Америкѣ. Здѣсь, въ Сибири, и на югѣ Россіи, у Деникина, она принимала наиболѣе видное участіе въ снабженіи армій и внимательно слѣдила за ходомъ военныхъ дѣйствій, но политическія вліянія въ самой Англіи толкали ея правительство на путь примиренія съ большевиками, и послѣ того, какъ выяснился размѣръ военныхъ неудачъ Колчака и Деникина, Англія неизбѣжно должна была утратить интересъ къ судьбѣ Омскаго Правительства.

Наиболѣе, казалось бы, заинтересованной въ судьбѣ Верховнаго Правителя и его правительства должна была бы быть *Франція*, „государственный тигръ" которой, Клемансо, не разъ бралъ на себя иниціативу въ выраженіи симпатій и обѣщаній адмиралу Колчаку. Но здѣсь, въ Сибири, политика французскихъ представителей слишкомъ тѣсно сплелась съ вопросами опеки надъ чехами, интересы, вліяніе и даже информація которыхъ черезъ полковника Бюксеншюца восходили къ генералу Жанену и предопредѣляли въ значительной степени рѣшеніе иностранныхъ комиссаровъ. Надо замѣтить, что и центральная французская власть, увлекшаяся идеей поддержки Румыніи, Чехо-Славіи и Польши, въ которыхъ она разсчитываетъ увидѣть санитарный поясъ и оплотъ съ востока, нѣсколько, повидимому, охладѣла къ русско-французскому союзу, который нынѣ, въ свѣтѣ Версальскаго договора взаимной обороны (Лиги націй) и при сложности русской внутренней проблемы, представляется отчасти излишнимъ, отчасти слишкомъ обременяющимъ и дорогимъ.

Такимъ образомъ, союзныя державы не могли быть сколько-нибудь серьезно заинтересованы въ поддержкѣ и даже внимательномъ отношеніи къ гибнущей власти. Наоборотъ, они могли легко поддаться тенденціи ликвидировать эту власть. При существованіи Россійскаго Правительства пришлось бы говорить съ больше-

виками через его голову, послѣ его паденія отношенія значительно упростились бы.

Таково, думается мнѣ, наиболѣе правдоподобное объясненіе поведенія союзниковъ въ Иркутскѣ. Но, если я нахожу мотивы для объясненія ихъ поведенія, то это не значитъ, что признаю его правильнымъ.

Я глубоко убѣжденъ въ наличности слишкомъ серьезныхъ экономическихъ и политическихъ интересовъ для самой тѣсной дружбы Чехо-Словацкой республики съ Россіей, но послѣ всего пережитаго въ Сибири русскій политическій дѣятель, который будетъ выступать съ защитой чеховъ, рискуетъ нажить себѣ столько же непріятностей, сколько ихъ пережилъ болгарофилъ Милюковъ послѣ второй балканской войны. Имѣть друзей въ лицѣ эсеровъ—это далеко еще не значитъ пріобрѣсти расположеніе русской демократіи. Чехи политически прогадали, ибо союзъ съ Россіей могъ бы обезпечить имъ путь къ морю, снабженіе сырьемъ и выгодный сбытъ фабрикатовъ.

Франція, которая тѣсно связала себя съ чешскимъ вопросомъ, тоже проиграла.

Не разъ приходилось слышать на фронтѣ, что, среди общей ненависти къ союзникамъ, которая нарождалась среди оборванныхъ солдатъ и офицеровъ, когда они наблюдали за иностранными зрителями гражданской войны, выдѣлялось особое озлобленіе противъ французовъ. Правильно или неправильно, русскій солдатъ считаетъ француза наиболѣе передъ нимъ обязаннымъ. Сознаніе, что русское наступленіе спасло Парижъ, глубоко вкоренилось въ память русскаго офицера, и онъ не можетъ теперь простить французамъ того насмѣшливаго и покровительственнаго тона, который какъ разсказываютъ, постоянно бросался въ глаза и на фронтѣ и въ тылу. Пусть это будетъ болѣзненная впечатлительность, дурные нервы, безпредметное раздраженіе, которое случайно направилось противъ французовъ, но они оставили въ памяти русскихъ людей два черныхъ факта, которые не забудутся: оставленіе Одессы и выдача адмирала Колчака.

Будущая иностранная политика Россіи, если бывшіе союзники не придутъ вновь на помощь, можетъ повернуться на совершенно иной путь.

Наиболѣе трудно опредѣлить послѣдствія иркутскихъ событій для Англіи и Америки. Для первой—это вопросъ силы и значенія большевизма въ ближайшіе годы. Предопредѣлить ихъ сейчасъ еще невозможно. Одно лишь можно сказать съ увѣренно-

стью, что сильная большевистская Россія была бы грозной опасностью для Англіи.

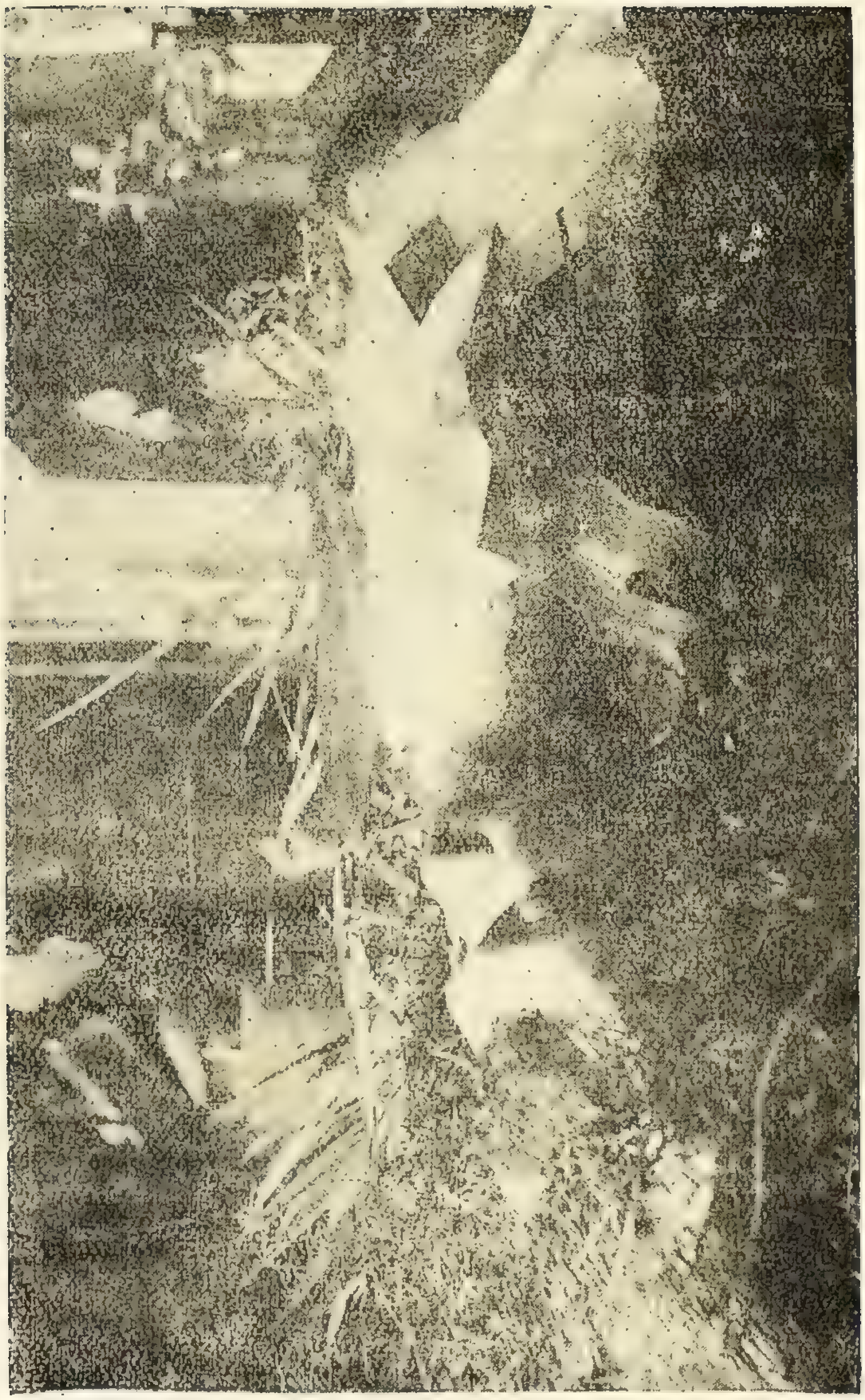
Что касается Соединенныхъ Штатовъ Америки, то они счастливо вышли изъ русскаго политическаго водоворота. Реакціонные элементы будутъ всегда отрицательно относиться къ заатлантической державѣ, но демократія неизбѣжно будетъ тянуться къ ней. Къ тому же, въ учетѣ взаимоотношеній Россіи и Америки нѣкоторые ложные шаги послѣдней на Д. Востокѣ не могутъ играть большой роли. Въ Сибири останется воспоминаніе объ американскихъ госпиталяхъ, о подаркахъ, пріютахъ для бѣженцевъ, и добрыя воспоминанія о добрыхъ американцахъ заставятъ надѣяться на помощь ихъ въ будущемъ.

Вопросъ о будущихъ взаимоотношеніяхъ съ Америкой нельзя, однако, освѣтить внѣ разсмотрѣнія ея конкуренціи съ другими державами, что пока несвоевременно.

Можно сказать только, что Америка не могла испытать какія-либо непосредственныя послѣдствія крушенія власти адмирала Колчака.

Иное дѣло—Японія. Совѣтскій комиссаръ, въ разговорѣ по прямому проводу съ Колосовымъ—разговорѣ, который былъ переданъ въ газетахъ, заявилъ, что совѣтская Россія не скрываетъ отъ себя неизбѣжности столкновенія съ японскимъ имперіализмомъ. Представитель фракціи с.-р. Гольдбергъ, на чрезвычайномъ засѣданіи иркутской городской думы 5 января 1920 года, по поводу побѣды Политическаго Центра предостерегающе заявилъ: „необходимо помнить объ японцахъ, подъ угрозой нашествія которыхъ мы находились еще такъ недавно. Нужно помнить, что едва ли телеграмма Семенова была его единоличной провокаціей: здѣсь шуллерскій ходъ не одного игрока, а двухъ партнеровъ" (газета „Дѣло" 11 января).

Японія сплотила противъ себя слишкомъ много враговъ. Мнѣ кажется, что въ ея интересахъ было помочь Омскому Правительству справиться съ большевизмомъ, не допуская его въ Сибирь вплоть до Байкала. Большевизмъ въ народномъ масштабѣ, по своей психологической природѣ, есть *массовый протестъ* противъ насилія или экономическаго гнета, и, несмотря на свою коммунистическую наружность, онъ будетъ принимать въ *разныхъ странахъ разныя формы*. На Востокѣ онъ можетъ вылиться въ возстаніе противъ иностранцевъ, и тогда интересы Японіи и Россіи потерпятъ ущербъ въ первую голову.



Генералъ Каппель въ гробу.

Политическія перспективы.

Послѣ всего сказаннаго становится болѣе ясно, насколько серьезны послѣдствія иркутской драмы. Побѣда Политическаго Центра — это промежуточный и малозначащій инцидентъ борьбы большевизма съ антибольшевизмомъ. Побѣдилъ большевизмъ, и эта побѣда нанесла тяжелый ударъ тѣмъ интересамъ, которые руководили силами адмирала Колчака и генерала Деникина.

Большевизмъ считается порожденіемъ германизма. Россійское правительство твердо держалось оріентаціи на союзниковъ. Оно оставалось преданнымъ тѣмъ обязательствамъ, которыя заключила старая Россія. Пораженіе, нанесенное адмиралу Колчаку и генералу Деникину, есть одновременно тяжелый ударъ союзнической оріентаціи.

Большевизмъ есть диктатура трудового населенія. Колчакъ и Деникинъ несли съ собой идею Учредительнаго Собранія. *Подъ этимъ лозунгомъ скрывалась надежда и желаніе видѣть Россію буржуазной республикой.* Монархическихъ замысловъ у вождей движенія не было, они составляли исключеніе и въ рядахъ второстепенныхъ агентовъ власти. Существеннымъ пробѣломъ программы Россійскаго Правительства была неясность его политической физіономіи въ его оффиціальной программѣ. Оно стремилось объединить все, что относилось враждебно къ большевизму. Но что положительнаго оно обѣщало? Ссылка на Учредительное Собраніе равносильна отказу отъ навязыванія народу своей программы. Но власть всегда должна имѣть опредѣленныя намѣренія, и въ Учредительное Собраніе она не можетъ явиться безъ всякаго проекта государственнаго устройства.

Съ побѣдой большевизма, покоящагося на основаніи деспотіи и террора и проводящаго въ жизнь хотя бы и именуемую диктатурой пролетаріата, но диктатуру болѣе послѣдовательную, чѣмъ это дѣлалъ адмиралъ Колчакъ, по личнымъ свойствамъ своимъ не умѣвшій быть тираномъ — *шансы монархизма подымаются.* Пріученное къ деспотіи и жаждущее крѣпкой власти, населеніе охотно пойдетъ за лозунгомъ возстановленія царизма, если оно не принесетъ съ собой реставраціи земельныхъ отношеній, а учтетъ, въ отличіе отъ Бурбоновъ, всѣ происшедшія соціальныя и политическія измѣненія.

Гражданская война съ большевиками, пока ее вели адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, не могла гарантировать крестьянамъ перехода къ нимъ помѣщичьихъ земель. Слишкомъ много

вокругъ власти Россійскаго Правительства накоплялось элементовъ стараго режима, слишкомъ робки и неопредѣленны были шаги правительства, направленные къ реализаціи его обѣщаній.

А, между тѣмъ, земельный вопросъ есть основной вопросъ всей русской революціи. Побѣда большевизма самымъ фактомъ затяжки разрѣшенія земельнаго вопроса укрѣпитъ создавшіяся уже отношенія, стирая прежнія границы права.

Каждый годъ фактическаго обладанія укрѣпляетъ сознаніе безповоротности происшедшаго. Возстановленіе прежнихъ владѣній становится все труднѣе, а тамъ, гдѣ психологія собственности чужда самому крестьянству—а есть районы, гдѣ она не чужда—тамъ земельный вопросъ разрѣшается, повидимому, самъ собою: исходную базу составитъ фактическое обладаніе, а не прежнія земельныя отношенія.

Въ одномъ только большевизмъ и его враги фактически сошлись, несмотря на глубокое идейное различіе. Это въ вопросѣ объ единой Россіи.

Какъ показали событія, Россію надо было возсоздавать по частямъ, но адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ не могли найти общаго языка съ тѣми, кто проявилъ склонность къ сепаратизму. Большевики, какъ интернаціоналисты, совершенно безучастно относящіеся къ идеѣ единой Россіи, фактически объединили ее и почти уже разрѣшили проблему возсозданія Россіи, направивъ ея развитіе въ новое русло. Но, если большевизмъ не переродится самъ, а будетъ свергаться, то вѣроятнѣе всего, что сверженіе его будетъ происходить постепенно, и возрожденіе Россіи составитъ длительный процессъ, обезпечивающій широкое самоуправленіе окраинамъ.

Обреченные побѣдители.

Могутъ ли большевики эволюціонировать? Разсчетъ на это послѣдовательное перерожденіе большевизма былъ однимъ изъ мотивовъ соглашательской политики въ Иркутскѣ.

Мнѣ пришлось бесѣдовать послѣ переворота съ замѣстителемъ комиссара Франціи, г. Могра. Онъ выражалъ твердую увѣренность, что большевики измѣнятся, и Россія будетъ подлинно демократической страной.

Я не соглашался съ нимъ. Даже допуская, что Москва можетъ придти къ выводу о необходимости измѣнить систему управленія, я не вѣрилъ, чтобы она могла фактически заставить своихъ аген-

Могила генерала Каппеля въ Читѣ.

товъ на мѣстахъ отказаться отъ террора и насилій. *Демократизмъ и большевизмъ несовмѣстимы.* Не вѣрилъ я и въ то, чтобы большевизмъ отказался отъ своей соціалистической экономики. Это было бы такъ же неправдоподобно, какъ сообщеніе о томъ, что больной горячкой отказался бредить.

„Пусть пройдетъ лѣтній сезонъ", говорилъ я, „и осенью 1920 года начнутся крестьянскія возстанія противъ большевиковъ."

Такъ и оказалось. Соглашательская политика повела къ смѣшенію разнородныхъ элементовъ. Россія какъ будто вся объединилась. Но это было противоестественно. Стоило жизни нѣсколько устояться, и большевизмъ отдѣлился отъ небольшевизма, какъ масло отъ уксуса въ стаканѣ. *Разнородное слиться не можетъ.*

Существуетъ только одинъ способъ покончить съ большевизмомъ—свергнуть его.

Но когда?

Два обстоятельства могутъ способствовать затяжкѣ въ ликвидаціи большевизма. Одно—распространеніе его на Европу. Это самое опасное, что можетъ ожидать современную культуру.

Другое обстоятельство--полное безсиліе и дезорганизація городской интеллигенціи и одновременно—анархичность крестьянства.

Устраненіе этихъ препятствій или укрѣпленіе ихъ зависитъ исключительно отъ политической честности и дальновидности международной политики въ отношеніи Россіи.

Картина неотвратимой гибели совѣтской власти — передъ каждымъ, кто хоть на минуту заглянетъ въ оффиціальные совѣтскіе отчеты.

Разрушенія хозяйства такъ велики, что идеологъ коммунизма, видный московскій комиссаръ Бухаринъ уже теоретически оправдываетъ упадокъ производительныхъ силъ, считая, что это лучшее средство для перехода къ новымъ формамъ жизни: „для организаціи хозяйства на новыхъ началахъ нужно сначала все дезорганизовать".

Организація на новыхъ началахъ производится черезъ безчисленные „центры" и „главки", вѣдающіе всѣми отраслями хозяйства. Это громоздкія учрежденія, затмевающія своею бюрократичностью и медлительностью всѣ самыя архаическія учрежденія стараго режима. Достаточно сказать, что въ омскомъ обл. продов. комитетѣ состоитъ 1.000 ч. служащихъ, въ харьковскомъ—3.000.

Большевистскіе дѣятели открыто заявляютъ, что „центры" и „главки" являются главными врагами совѣтскаго строя.

Но этой трудностью дѣло не ограничивается. Топлива нѣтъ, нѣтъ сырья; есть рабочіе, но они заняты самопродовольствованіемъ.

Недостаетъ инструментовъ и спеціалистовъ. Въ виду недостатка рабочихъ, нельзя найти исполнителей тяжелыхъ работъ—всѣ стремятся къ болѣе легкимъ.

На выксунскомъ заводѣ недостатокъ рабочихъ въ маѣ достигъ 64%, невыходъ на работу—48%.

Неудивительно, что производство упало. Красинъ въ Копенгагенѣ долженъ былъ признать сокращеніе выработки въ десять разъ. Но часто сокращеніе бываетъ больше.

Въ текстильномъ дѣлѣ работало въ 1916 г. 475 тыс. ч., въ 1917 г.—423 тыс. ч., въ 1920 г.—162 тыс. ч. Въ бумагопрядильныхъ заведеніяхъ въ 1919 г. работало 7% веретенъ, въ іюнѣ 1920 г. всего лишь 3,6%. Пряжи выработано въ январѣ 42.520 пуд., въ маѣ 15.500 пудовъ.

На ткацкихъ фабрикахъ въ 1920 г. работало лишь 7% станковъ. Если въ мирное время вырабатывалось около 120 милл. аршинъ суровья въ мѣсяцъ, то въ январѣ было изготовлено 10 милл. арш., а въ апрѣлѣ—лишь 3.550 т. арш. На льняныхъ фабрикахъ вырабатывалось въ 1913 г. по 250.000 п. пряжи и 20.000 п. нитокъ въ мѣсяцъ. Въ апрѣлѣ 1920 г. изготовлено 75.000 п. пряжи и 3.500 п. нитокъ. На фабрикахъ работаютъ женщины и дѣти. Въ 1913 г. мужчины составляли около 40% рабочихъ, теперь—менѣе 20%.

Выработка чугуна, составлявшая въ 1915 году 225 милл. п., упала въ 1919 г. до 25 милл. п. Сортового желѣза на Уралѣ производилось въ 1913 г. по 3.500 тыс. пуд. ежемѣсячно. Въ январѣ и февралѣ 1920 г. произведено по 90 тыс. п. Кровельнаго желѣза изготовлялось въ мѣсяцъ въ 1913 г. 1.230 тыс. п., теперь—150 тыс. п.

Запасы готовыхъ издѣлій на Уралѣ составляли въ началѣ 1917 г. около 6.800 т. п., а въ 1920 году—100 т. п., товарныхъ вагоновъ было изготовлено въ 1916 г. 14.648, а въ 1919 г.—1.537.

Маслобойные заводы за первую половину 1920 г. приготовили 500.065 п. раст. масла, противъ 10 мил. пуд. въ мирное время.

Запасы сахара на украинскихъ заводахъ весной составляли 4 мил. п. противъ 50 мил. п. до войны.

Совѣтскія газеты жалуются на недостатокъ бумаги. Ея вырабатывается около 230 тыс. п. въ мѣсяцъ—меньше, чѣмъ въ 1896 году. Приходится ввозить изъ-за границы черезъ Эстонію.

Въ спичечной промышленности число рабочихъ меньше, чѣмъ въ 1897 г., а производство—въ 70 разъ меньше производства 1893 года. Табачно-папиросное производство сократилось въ 7-8 разъ, махорочное—въ 4-5 разъ.

Недовольные рабочіе, бѣдствующіе интеллигенты, искусные крестьяне—всѣ обращаются къ домашнему кустарному производству всего необходимаго.

Кустарничество широко развито, и, разумѣется, не на капиталистическихъ началахъ.

Если такъ печально положеніе промышленности, то не лучше и состояніе сельскаго хозяйства.

Бухаринъ, въ своей книгѣ о состояніи хозяйства въ совѣтской Россіи, не отрицаетъ провала коммунизма въ деревнѣ. Крестьянство избрало *самый ужасный путь борьбы:* оно сократило производство до уровня своихъ потребительскихъ нуждъ.

Больше всего сократились трудоемкія культуры, связанныя съ большимъ приложеніемъ труда. Площадь посѣва льна въ 1919 г. составляла 40-50% мирнаго времени, въ 1920 г.—уже 30%. Вслѣдствіе отсутствія удобреній, сборъ волокна сократился въ большей степени, съ 50 милл. п. въ 1913 г. до 6 милл. п. въ 1919 г. Посѣвы хлопка занимали въ 1916 г. 630 тыс. дес., въ 1918 г. менѣе 80 тыс. дес. Площадь посѣва подсолнечника и конопли сократилась въ 1920 г. въ пять разъ. За первое полугодіе 1920 г. заводы, вырабатывающіе растительныя масла, изготовили 500 тыс. п. противъ 10 мил. п. въ прежнее время.

Посѣвы хлѣбовъ сократились болѣе, чѣмъ въ 2 раза. Особенно сокращеніе замѣтно на югѣ Россіи, гдѣ оно достигаетъ 80%.

Какъ ни сократилось производство, сбытъ сократился еще въ большей мѣрѣ, вслѣдствіе нежеланія населенія получать обезцѣненныя бумажки, разстройства транспорта и недостатка фабрикатовъ для товарообмѣна. Если въ 1913 г. на рынокъ поступило около 1.500 мил. пудовъ хлѣба, то въ 1919-20 г. г. не больше 200 милл. пуд. Хлопка, вмѣсто 12.800 тыс. пуд., было сдано 500 т. п. въ 1918 г.

Уклоненіе отъ сбыта заставило большевиковъ прибѣгнуть къ системѣ принудительной разверстки. Это привело къ кровавымъ столкновеніямъ въ деревнѣ, но не дало практическихъ результатовъ. Мясная разверстка на Украинѣ въ 1920 г. была исполнена лишь въ размѣрѣ 6, 7%. Коровье масло было разверстано въ количествѣ 3 милл. п. (противъ 5 милл. мирнаго времени). Поступило лишь 3% этого количества.

Петля голода все туже затягивается на шеѣ городского населенія.

Положеніе тѣмъ тягостнѣе, что 1920 г. оказался неурожайнымъ. Въ результатѣ сокращенія посѣвовъ окажутся голодными и крестьяне.

Площадь посѣвовъ въ 1920 году сократилась по всей Сибири на 60%, а въ наиболѣе хлѣбныхъ районахъ, на югѣ, на 80%. Каково же должно быть продовольственное положеніе, если, помимо сокращенія посѣвовъ, еще и недородъ достигъ въ Европейской Россіи 40%, т. е. высшей нормы недорода, какую знаетъ Россія со времени голоднаго 1891 г.

Какъ сможетъ прокормиться населеніе огромнаго государства, собравъ урожай *въ шесть-семь разъ меньше нормальнаго,* при отсутствіи запасовъ?

Положеніе тѣмъ хуже, что неурожай повсемѣстный. Онъ постигъ не только Европейскую Россію, но и Сибирь.

Телеграмма изъ Омска отъ 24 іюля сообщила: „Вѣсти объ урожаѣ въ Сибири печальныя. Посѣвы испорчены засухою и кобылкою".

Наступаетъ самый тяжелый моментъ въ жизни Россіи. Равнаго ему не знаетъ исторія.

Послѣ того, какъ за вторую половину 1919 г. совѣтская власть умудрилась выпустить 150 милліардовъ бумажныхъ денегъ, крестьянство перестало ихъ принимать. *Купить ничего, кромѣ пуговицъ и табака, нельзя.*

Теперь, когда деревня сама будетъ нуждаться въ продовольствіи, смертность городского населенія должна будетъ достигнуть невѣроятныхъ размѣровъ.

Мы еще не располагаемъ оффиціальными совѣтскими данными относительно раждаемости и смертности, но о нихъ можно составить представленіе по отчетамъ комиссаріата народнаго здравія за предыдущіе годы.

Годы	Число смертей.	Число рожденій (на тысячу жителей.)
1911	21,5	29,5
1918	43,5	15,0
1919	75,0	13,0

Эти цифры показываютъ, что въ 1911 г. приростъ населенія Россіи выражался въ 8 на 1.000 ч., въ 1919 г. наблюдалось, наоборотъ, уменьшеніе населенія на 62 человѣка на 1,000 человѣкъ.

Надо думать, что 1920 годъ дастъ еще болѣе страшныя цифры, быть можетъ, уменьшеніе до 100 человѣкъ на тысячу. При такомъ положеніи дѣлъ вся Россія, по крайней мѣрѣ, городская, скоро обратилась бы въ кладбище.

Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что большевизмъ долженъ погибнуть, но какія силы его сбросятъ? Главною силою является теперь въ совѣтской Россіи крестьянство, но оно можетъ замкнуться въ своей деревнѣ, обособившись отъ города, оказывая ему пассивное сопротивленіе. Существующее положеніе можетъ затянуться.

Другая сила—красная армія. Она можетъ взбунтоваться.

Возможно, что произойдетъ и то и другое. Но что будетъ дальше?

Крестьянство, накопившее значительныя средства, теперь, послѣ полнаго разстройства денежной системы и всѣхъ реквизицій, разорено.

Земледѣльческія орудія изношены, сѣменного матеріала нѣтъ, живой инвентарь угнанъ, или съѣденъ.

Промышленность разрушена, интеллигенція истреблена болѣе чѣмъ на половину.

Молодое поколѣніе деморализовано и пріучено къ наглой самоувѣренности и самодовольству невѣжества.

Большевизмъ падетъ, но кто и какъ побѣдитъ неизбѣжную анархію и ужасающую нищету?

Заключеніе.

„*(Народъ въ ужасѣ молчитъ).—Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!*
Народъ безмолвствуетъ."

(Пушкинъ„ Борисъ Годуновъ").

Два года изъ событій Великой Русской Революціи! Они пролетѣли такъ быстро, и тѣни погибшихъ ея дѣятелей уже забываются. Безжалостная судьба сбросила ихъ съ пьедестала власти. Имена ихъ развѣялъ вихрь новыхъ событій.

Пройдутъ года, и въ свое время какой-нибудь историкъ съ снисходительной улыбкой будетъ говорить о неудачной попыткѣ русской контръ-революціи 1918 — 1919 г. г., онъ сравнитъ Сибирь съ Вандеей и, можетъ быть, даже не вспомнитъ какого-то адмирала Колчака.

И стоитъ ли, дѣйствительно, этотъ періодъ вниманія? Есть ли въ немъ что-либо яркое? Можетъ быть, онъ только задержалъ ходъ русской революціи?

Длинной вереницей прошли передъ нами дѣятели этихъ двухъ лѣтъ. Какая разнообразная галлерея! Въ роковой послѣдовательности фактовъ смѣняютъ другъ друга—большевикъ Косыревъ какого-то добродушнаго народника, вялаго и безвольнаго комиссара временнаго Всероссійскаго Правительства. Косырева смѣняютъ одновременно бывшій военный администраторъ, полковникъ, потомъ генералъ, Ивановъ, и типичный дѣятель подполья, весь проникнутый соціалистическими идеалами, комиссаръ Сибирскаго Правительства, Павелъ Михайловъ.

Выступаетъ затѣмъ на сцену и само Сибирское Правительство, трезвое и умѣренное, съ дѣловыми тенденціями и демократической доступностью, простотой и непритязательностью. Но кругомъ кипятъ политическія страсти. Бывшіе союзники, генералъ Ивановъ и соціалистъ Павелъ Михайловъ, расходятся. Справа и слѣва происходитъ ожесточенная борьба за власть.

Возникаетъ множество правительствъ. Всѣ они дѣтски безпомощны и безсильны, но всѣ притязаютъ на суверенитетъ.

Сибирское Правительство, самое сильное изъ всѣхъ, истощаетъ всѣ свои силы въ невольной борьбѣ. Его смѣняетъ искусственная, безпочвенная Директорiя.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ, но какъ ярко вырисовывается за это время полная несостоятельность профессiональныхъ политиковъ соцiалистической демократiи, ихъ склонность къ демагогiи, непрактичность, рабская преданность партiи, неспособность отрѣшиться отъ подпольныхъ привычекъ заговорщиковъ и подняться до государственнаго кругозора и трезвой оцѣнки положенiя.

Среди нихъ разные люди: честолюбцы и скромные; любители развлеченiй и аскеты; зараженные манiей величiя и тихiе, покорные слуги партiи; но всѣ они—люди касты, съ кругозоромъ, замкнутымъ въ рамки программы и предписанiй центральнаго комитета.

Настала диктатура. Для характеристики этого перiода не найти фотографiй, изображающихъ дѣятелей гражданской власти, съѣзды крестьянъ, народныя собранiя. Есть только портреты генераловъ, снимки парадовъ, смотровъ, военныхъ банкетовъ и картинъ разрушенiй. Это былъ военный перiодъ. Онъ весь окрашенъ милитаризмомъ.

Скромно стушевались за блестящимъ генералитетомъ остатки демократическаго Сибирскаго Правительства. Обезличенные, скромные, они продолжали работать въ избранномъ раньше направленiи. Но безплодною и незамѣтною оставалась работа этихъ „разночинцевъ“: бывшихъ учителей, врачей, мировыхъ судей. Они оказались способными быть исполнителями, но не умѣли завоевать власть.

Умѣренная демократiя тоже не выдержала экзамена.

Но понять ея неудачи можно только тогда, когда вникнешь въ психологiю этого перiода. Онъ весь былъ проникнутъ отвлеченными идеями: „единой Россiи“ и „единоличной власти“. Эти идеи выставлялись, какъ самоцѣль, имъ приносились жертвоприношенiя, и въ увлеченiи ими было такъ же мало практичности и трезвости, какъ въ стремленiи лѣвыхъ партiй къ соцiализацiи земли и нацiонализацiи промышленности.

Адмиралъ Колчакъ былъ символомъ этой идеи, ея пламенемъ онъ горѣлъ и за нее погибъ.

Служенiе идеѣ „Единой, Великой Россiи“ было проникнуто какимъ-то религiознымъ мистицизмомъ. Отъ служащихъ, отъ населенiя требовали *жертвъ* во имя этой идеи—и оставляли ихъ полунищими. Лучшiе шли и служили нацiональной идеѣ, худшiе

уклонялись и обратились къ наживѣ. Въ этотъ періодъ вести за собой могъ *интересъ, а не идеалъ.*

„Всероссійское" заглушило „сибирское". Это было одной изъ главныхъ причинъ, почему восторжествовала военная и гражданская бюрократія. Царскіе генералы, дипломаты, чиновники приносили съ собой тѣнь прошлаго величія; казалось, съ ними приходило сіяніе національной мечты, и его яркимъ свѣтомъ они затмевали скромныхъ дѣятелей Сибири.

А въ дѣйствительности большинство изъ нихъ приносило съ собою неисправимыя привычки произвола и духъ реставраціи. Чуждый ему адмиралъ Колчакъ оказался невольнымъ виновникомъ его торжества. Этотъ духъ пришелъ вмѣстѣ съ идеей диктатуры во имя объединенія Россіи. Свѣтлая національная мечта облеклась въ рубище прошлаго.

И если бы министры Омскаго Правительства оказались даже болѣе подготовленными къ власти, то не наступилъ ли бы, все равно, тотъ же конецъ?

Народъ не понималъ отвлеченной цѣли гражданской войны, и тяжесть борьбы озлобляла его противъ чуждой ему по духу власти.

Гражданская война въ Сибири началась несвоевременно. Это первородный грѣхъ всего движенія. Случайность чешскаго выступленія вовлекла въ борьбу только интеллигенцію, и отказъ чеховъ участвовать въ этой борьбѣ до конца гибельно отразился на ходѣ освободительнаго движенія.

Но сколько другихъ причинъ вліяло на роковой исходъ событій!

Интервенція, все время подававшая надежды, приносила существенную поддержку, но такъ безсистемно и непланомѣрно, что всегда порождала излишнюю самонадѣянность командованія и переучетъ силъ. Разобщенность союзниковъ, поддержка ими различныхъ противоправительственныхъ силъ: одними—лѣвыхъ соціалистическихъ группъ, другими—атамановъ, которые превращались въ царьковъ, осложняла и безъ того трудную обстановку и подрывала престижъ власти. Непризнаніе правительства тѣмъ тяжелѣе отзывалось на положеніи власти, что о признаніи все время говорилось. Лучше бы этотъ вопросъ не былъ совсѣмъ поднятъ.

Непрекращавшаяся подпольная борьба со стороны эсеровъ, не скрывавшихъ своихъ намѣреній и отказавшихъ правительству не только въ сотрудничествѣ, но и въ лойяльности, разлагала тылъ и вызывала репрессіи.

Начало единоличной верховной власти вовсе не отрицаетъ ни отвѣтственнаго кабинета ни народнаго представительства. Омская

диктатура, благодаря личнымъ свойствамъ адмирала, могла бы легко приспособиться къ духу времени и настроеніямъ общества и населенія, но, вмѣсто этого, она пріобрѣла жестокій и суровый характеръ, сверху до низу проникнувшись духомъ недовѣрія и злобы.

Мѣстные военные сатрапы, своевольные атаманы, безчисленные коменданты, цензура, бездарные администраторы, милиція изъ жандармовъ—все это извратило природу омской власти.

Оскорбительныя порки, жестокія усмиренія, вымогательства оттолкнули населеніе отъ правительства адмирала Колчака.

Никто не приходилъ къ нему на помощь. Чиновники, казалось, превратились въ паралитиковъ. Никакой инициативы, творчества, даже распорядительности; какъ какіе-то манекены, они выполняли механически свою текущую канцелярскую работу.

Чѣмъ это объяснить?

Нищенское вознагражденіе за трудъ, отсутствіе поощреній, въ видѣ тѣхъ наградъ и повышеній, которыя существовали въ дореволюціонное время, неувѣренность въ положеніи и нежеланіе слишкомъ связываться съ временной властью—все это вліяло на психологію служилаго класса, порождая апатію и безразличіе въ однихъ, исканіе нелегальнаго источника дохода—въ другихъ. Низкая оплата труда, уравненіе низшихъ и высшихъ, у однихъ подрѣзала крылья, другихъ толкала на скользкій путь.

А общественность? Она занималась своими дѣлами и критиковала издали. Одни вели торговыя дѣла, другіе жили профессіональнымъ заработкомъ; время отъ времени они критиковали власть, но сами они не шли работать.

Но худшимъ врагомъ оказалась экономика. Вотъ врагъ, который добивалъ лежачаго. Щепетильное, идеалистическое правительство бережно хранило золотой запасъ. Адмиралъ Колчакъ, этотъ рыцарь общероссійской идеи, такъ же неуклонно берегъ россійское достояніе, какъ упорно и твердо держался за цѣлость россійской территоріи.

Это помѣшало укрѣпить сибирскій рубль. Злосчастныя обязательства катились въ пропасть. Экономическая жизнь разстроилась, Сибирь почувствовала кризисъ. Опять безтоварье, опять плохія деньги—крестьяне это сразу почувствовали, и это рѣшило судьбу правительства.

Вотъ каково было положеніе власти въ періодъ внѣшнихъ успѣховъ адмирала Колчака: высокіе идеалы и будничныя неудачи, великіе порывы и грязь обыденщины. Народъ не понималъ

идеаловъ и порывовъ, онъ чувствовалъ только неудачи и видѣлъ грязь. Катастрофа была подготовлена.

Нелегко было ликвидировать Омское Правительство. Оно имѣло подъ собой прочный фундаментъ, въ немъ было слишкомъ много здороваго. Агонія продолжалась довольно долго.

Колебалось счастье на фронтѣ, воскресали надежды. Правительство сознало весь вредъ своей нерѣшительности и уступчивости, оно намѣтило путь реформъ и твердо пошло по этому пути.

Но... оно уже ничего не могло сдѣлать. Третій періодъ былъ временемъ горькихъ разочарованій, безумныхъ авантюръ слѣва и предательства друзей.

Что же дала эта эпоха будущему?

Волнообразно движеніе революціонной стихіи. Большевизмъ снесъ Временное Правительство, Колчакъ и Деникинъ занесли мечъ надъ головой большевизма. Большевизмъ побѣдилъ.

Но волны контръ-революціи опять забушуютъ.

Было бы ошибкой видѣть въ этой борьбѣ простую смѣну соціалистическихъ и буржуазныхъ теченій. Омское Правительство отличалось отъ Временнаго Правительства кн. Львова и Керенскаго: оно было реальнѣе въ своихъ задачахъ и методахъ, но оно было по прежнему неопытно и слабовольно въ осуществленіи.

Побѣждавшій въ концѣ 1919 г. большевизмъ былъ не тѣмъ, который господствовалъ въ предыдущемъ году. Онъ сдалъ много позицій и подготовилъ возвращеніе къ капитализму. Строгая дисциплина въ предпріятіяхъ, управляющіе изъ прежнихъ владѣльцевъ, совѣтскія имѣнія изъ бывшихъ помѣщичьихъ земель съ завѣдывающими изъ помѣщиковъ, единоличное управленіе цѣлыми областями—вотъ новыя формы, въ которыхъ дореформенное прошлое нашло себѣ новое революціонное выраженіе.

Измѣнилась и контръ-революція. Ошибки Деникина и Колчака учтены.

Но самое главное измѣненіе въ томъ, что въ борьбу вступаетъ новая сила—народъ. Отъ него зависитъ опредѣлить содержаніе будущей русской исторіи.

Всѣ неудачи русской революціи объясняются, главнымъ образомъ, безучастнымъ отношеніемъ народа къ судьбѣ правительствъ и къ ихъ дѣятельности.

Временное Правительство издавало глубоко демократическія въ интеллигентскомъ смыслѣ постановленія. Какихъ только свободъ не привили они на Руси! Но всѣ эти свободы были нужны только городской интеллигенціи.

Народные комиссары стали издавать соціалистическіе декреты. Какое эффектное зрѣлище! Въ Россіи осуществляются соціалистическіе идеалы, она превращается въ „Дворецъ" коммуны. Но чьи это были идеалы! Русскаго народа? О нѣтъ! Только одной, еще болѣе безпочвенной и чуждой народу, лѣвой части интеллигенціи. И если свободы Временнаго Правительства разсѣивались, какъ легкій паръ, то совѣтскій соціализмъ обрушивался на русское крестьянство, какъ жестокій градъ, при громовыхъ раскатахъ и смертоносной молніи, передъ которыми трепещетъ все живое. Но что до этого комиссарамъ?

Русскій народъ пережилъ много испытаній, и въ русской исторіи можно прослѣдить, какъ сверху обрушивались на него насильственныя реформы для улучшенія его быта. Ему всегда что-нибудь навязывали, то изгоняя старовѣрство, то навязывая опричину, то заставляя украситься европейскимъ лоскомъ.

Теперь, въ дни Великой Русской Революціи, одни заставляли его наслаждаться соловьиною трелью демократическихъ свободъ, другіе—перестраивать свою жизнь на соціалистическій ладъ.

Всегда насиловали, всегда навязывали. Этотъ „несчастный неграмотный народъ" долженъ цѣнить благодѣянія. И въ то время, какъ народъ искалъ Бога, передъ нимъ высмѣивали доступную ему форму религіи, оскверняли святыни, заражали его душу сомнѣніемъ и невѣріемъ, разрушали устои его бытовой нравственности и... рекомендовали соціализмъ.

Народъ жилъ своими *обычаями*. Они выросли вмѣстѣ съ нимъ и были ему понятны и близки. Но они были непонятны русской интеллигенціи. Какъ можно жить варварскими обычаями, когда существуетъ римское право, вѣчно живое, неувядающее.

И, не подумавъ о томъ, что разрушеніе обычаевъ, игнорированіе ихъ вноситъ опустѣніе въ народную этику, что только обычаями старины, укоренившимися, освященными вѣками и дѣдовскими преданіями, держится укладъ жизни малокультурныхъ народовъ Востока—наносились удары вѣковымъ столбамъ народнаго правосознанія, пока они, подрубленные въ основаніи, не повалились на головы самихъ рубившихъ.

Народъ жилъ общиной. Много было отрицательнаго въ этой формѣ земельнаго коллективизма, связывавшаго хозяйственную инициативу, но она вросла въ жизнь. Пришелъ Столыпинъ, второй Петръ по широтѣ и смѣлости замысла. Его реформы были глубоко государственными. Но выполненіе? Почему оно опять

было такъ типично для преступно-самонадѣянной и гордо-самоувѣренной интеллигенціи? Хутора насаждались насильственно. Народъ гнали почти кнутомъ къ благамъ единоличнаго владѣнія землей.

И вотъ, какъ бичъ Божій, пришли большевики. Они — олицетвореніе всѣхъ смертныхъ грѣховъ исторической русской деспотіи и преступной самонадѣянности интеллигенціи. Съ такою холодною безсердечностью, съ такою утонченной жестокостью наслаждаться, какъ мучится русскій народъ въ приготовленныхъ для него тискахъ, и какъ разрушается для него на многіе годы возможность насладиться культурною жизнью—могутъ только не русскія души. И, дѣйствительно, коммунистическая революція творится по преимуществу интернаціональнымъ сбродомъ.

Но замыселъ былъ русскій, и смѣлость опыта надъ цѣлымъ народомъ—это тоже исконная руская смѣлость. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что во главѣ соціалистической революціи всталъ Ленинъ, а ревностными исполнителями его воли являются не только латыши, мадьяры, китайцы, евреи, но и царскіе жандармы.

Послѣдніе такъ хорошо знакомы съ пріемами, которые примѣняютъ большевики. Истребить сразу нѣсколько деревень непокорнаго крестьянства, перестрѣлять глупыхъ демократовъ, которые тоскуютъ по свободѣ, не понимая, что „власть должна быть грозной", заставить исполнить приказаніе, окруживъ шпіонажемъ и кровавою местью—вотъ что сближаетъ соціалиста-большевика съ жандармомъ деспотической имперіи.

И здѣсь историческое русское явленіе. Это великій грѣхъ русской интеллигенціи, конденсированный и грозный, какъ туча, которая накопила электричество для убійственнаго удара.

Интеллигенты, оторванные отъ народа, не понимающіе его души, всегда навязывающіе ему то, что самимъ больше нравится, пріучившіе его терпѣть насилія—вотъ кто виноватъ въ томъ, что теперь въ русскую революцію влились чуждыя русскому народу начала. Играя его именемъ, творятъ свое позорное и уродливое дѣло чужія руки.

Кто только не пользуется именемъ народа? Отъ него говорятъ и большевики и атаманы, его истинными представителями считаютъ себя всѣ соціалисты всѣхъ лагерей.

И всѣ они считаютъ себя вправѣ жить на счетъ этого народа, пользуясь достояніемъ, которое онъ накопилъ, выпуская ничего не стоящія бумажки и отбирая за нихъ у народа реальныя блага.

Съ лицемѣрнымъ ужасомъ говорятъ соціалистическіе правители о хищеніяхъ, творимыхъ не-соціалистами. Но въ дѣйствіяхъ

послѣднихъ проявляется хотя бы стыдъ. Послѣдніе, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ единолично и исподтишка, скрываясь отъ свѣта и гласности. А что дѣлаютъ, напримѣръ, соціалисты-революціонеры, открыто наполняющіе партійныя кассы народными деньгами и потомъ такъ же открыто, съ фарисейской гордостью, почерпающіе оттуда содержаніе на привольную жизнь въ заграничныхъ кафе! Но это дѣлается для *блага народа*—какъ же можно этимъ возмущаться...

Русская революція—мозговая болѣзнь. Она требуетъ перерожденія городской интеллигенціи. А такъ какъ послѣдняя упорно не хочетъ перереродиться, то революція ее истребляетъ.

Какъ вопіюще обнаружилась неспособность русскихъ интеллигентовъ, политиковъ и идеологовъ, найти примѣненіе своихъ силъ. Какъ за время революціи *непрактична* оказалась русская интеллигенція. И все потому, что она исторически воспитана была въ барствѣ. Она не желала „томиться" въ невѣжественной обстановкѣ провинціи и устремилась въ крупные города или за-границу. Работать надъ переустройствомъ мѣстной жизни было не въ ея характерѣ. И, когда голодъ погналъ ее изъ крупныхъ городовъ, а война—изъ-за границы, она направляется въ другіе города, притомъ покрупнѣе, переполняетъ ихъ, толчется безъ дѣла и смысла, но ни за что не пойдетъ въ деревню, гдѣ нужно опроститься, но гдѣ можно найти почетный трудъ врача, учителя, техника. Нѣтъ, это не только ниже нашего достоинства, это страшно. Да, мы боимся своего народа.

Вотъ великая трагедія русской интеллигенціи и революціонной демократіи. Нѣтъ разницы между соціалистами и не-соціалистами. Всѣ одинаковы.

Но прошло три года революціи, и послѣ омскаго періода начинается *великій переломъ*.

Начинается новая русская исторія. Народъ сознаvъ, наконецъ, что его интересы тѣсно связаны съ властью, онъ научился требовать, а тѣ, кто умѣлъ раньше только приказывать, понимаютъ уже, что они могутъ спасти государство и самихъ себя только въ томъ случаѣ, если будутъ работать для народа и вмѣстѣ съ нимъ.

Русскій народъ выходитъ изъ своего обычнаго состоянія безразличія, онъ выдвинетъ на арену политической жизни свои новыя силы, дастъ новыхъ здоровыхъ духомъ и богатыхъ практическимъ смысломъ людей и, взамѣнъ теоретическихъ выдуманныхъ программъ, поставитъ на очередь насущныя жизненныя за-

дачи, отвѣчающія его бытовому складу, привычкамъ и міровоззрѣнію.

Незачѣмъ скрывать отъ себя: еще не скоро возстановится русское государство. Творить не такъ легко, какъ разрушать.

Ощупью будетъ искать новая Россія формъ государственнаго устройства и управленія. Не всѣ научились, не всѣ поняли свои ошибки. Много еще предстоитъ тяжелыхъ столкновеній, борьбы за власть, разочарованій, ошибокъ.

Но поворотный моментъ наступилъ. Открываются перспективы возрожденія.

Сила новыхъ движеній и будущихъ русскихъ правительствъ будетъ измѣряться исключительно степенью близости ихъ къ народу, степенью участія самого народа въ отправленіи власти.

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что всѣ тѣ демократическія силы, которыя въ теченіе революціи такъ неудачно становились у власти, оказались къ ней неподготовленными. Неудивительно. Въ царскій періодъ къ управленію призывались лишь верхи. Даже земское и городское самоуправленія были въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ классовъ. Демократія *не могла* получить навыковъ къ дѣловой работѣ.

Народъ, тонувшій въ невѣжествѣ, совершенно чуждый политикѣ, тѣмъ болѣе не сможетъ проявить себя въ привычныхъ передовымъ странамъ формахъ парламентскаго режима.

Новая Россія во многомъ будетъ отступать отъ шаблоновъ демократическихъ формъ. Во главѣ многихъ отраслей управленія неизбѣжно встанутъ царскіе бюрократы и царскіе генералы, и въ этомъ не нужно усматривать опасности.

У власти должны встать тѣ, кто наиболѣе къ ней подготовленъ, а другіе должны учиться. Гарантія революціонныхъ завоеваній—въ проснувшейся сознательности населенія.

Достиженіемъ революціи слѣдуетъ считать не перемѣну политическихъ формъ, а измѣненіе въ соотношеніи дѣйствующихъ соціальныхъ силъ.

Великій сдвигъ произошелъ. Начинается новая эра русской исторіи.

Эпоха Колчака и Деникина была кризисомъ вѣковой болѣзни русскаго народа.

3 октября 1920 г.
Г. Харбинъ.

I.

Оглавленіе

второго тома.

ЧАСТЬ II.

Верховный Правитель.

Стр.

XI. Первые дни власти.-Отношеніе Сибири къ перевороту.-Протестъ эсеровъ.-Откликъ чеховъ.-Протестъ Семенова.-Отношеніе Дутова и Анненкова.-Ликвидація фронды.-Превращеніе земствъ въ революціонныя гнѣзда.-Нелады съ Востокомъ.-Процессъ Волкова, Красильникова и Катанаева.-Хищенія эсеровъ.-Сотрудники справа.-Омскъ и его общественность.-Новые люди.-Чрезвычайное Государственное Экономическое Совѣщаніе.-Совѣтъ министровъ.-Совѣтъ Верховнаго Правителя.-Нужна ли была политика.-Г.Г. Тельбергъ.-Бесѣда съ представителями печати.-Омскій блокъ. -Заявленіе блока.-Семеновскій инцидентъ.-Приказъ № 61. -Печальный симптомъ. 3

XII. Интервенція.-Грустные эпизоды начала.-Союзные дипломаты.-Американская иниціатива и цѣли интервенціи. -Декларація Великобритании и Франціи.-Переговоры во Владивостокѣ.-Мнѣніе Иванова-Ринова.- В. Э. Гревсъ. -Факторы союзнической политики.-Америка и Японія.-Бесѣда съ виднымъ дипломатомъ.-Союзники и Директорія.-Военные и гражданскіе послы.-Окончаніе міровой войны.-Права Россіи—обязательства союзниковъ.-Выступленіе Америки.-Россія будущаго.-Наше право. 43

XIII. Интервенція (продолженіе).-Реальная политика. -Представительство на конференціи.-Интервью Авксентьева. -Уходъ Ключникова. - Заданіе демократичности. - Японская оріентація.-Генералъ Жаненъ.-„Вспотѣвшіе".-Охрана желѣзныхъ дорогъ.-Возстановленіе транспорта.-Признаніе.-Принцевы острова.-Смыслъ союзнаго рѣшенія.-„По дорогѣ чести". 67

XIV. Успѣхи.-Возстаніе въ Омскѣ.-Держиморда Патріотовъ.-Адмиралъ боленъ.-Взятіе Перми.-Генералъ Пепе- 94

ляевъ.-Политическіе успѣхи.-Друзья.-Новогодняя декларація.-Исходъ эсеровъ.-При свѣтѣ зарева.-Реакція.-Внутренняя политика.-Сенатъ и юстиція.-Экономическая политика. -Финансы.-Обиженные.-Заботы о трудящихся.-Культурная работа.-Общественная поддержка.-Тріумфъ адмирала.-Печальный инцидентъ.-Крупныя побѣды.-Рѣшеніе союзниковъ. -Междусоюзный комитетъ.-Делегація омскаго блока.-Подчиненіе Семенова.

XV. За кулисами.-Милитаризація.-Послѣдствія.-Пассивный премьеръ.-Послѣ болѣзни.-Группа Михайлова.-Кабинетскій кризисъ.-„Слонъ" изъ мухи.-Характерные конфликты.-Разговоръ съ представителями блока.-Предложеніе Вологодскаго.-Военно-промышленный комитетъ.-Товарищъ предсѣдателя. -Блокъ.-Шумиловскій проситъ отставки.-Отложенная поѣздка. 137

XVI. Россійскій масштабъ.-Земельный вопросъ. -Судьба помѣщичьихъ земель.-Изъ дневника.-Финансы.-Безъ переодѣванія.-Учредительное Собраніе.-Членъ Совѣта министровъ.-Дѣла внутреннія.-Генералъ Степановъ.-В.Н. Пепеляевъ.-Обновленіе кабинета.-Опять о премьерѣ.-Новый кабинетъ.-Лебедевъ—военный министръ.-Законность и порядокъ.-Общественная поддержка.-Привѣтствія союзниковъ. -Америка на Д. Востокѣ.-Сообщеніе пяти державъ. 151

XVII. На Уралѣ.-Письмо одного начальника края. -Первыя впечатлѣнія.-Передъ съѣздомъ.-Съѣздъ.-Бесѣда съ Постниковымъ.-Визитъ Калашникова.-У Гайды.-„Уполснабъ".-Встрѣча съ генераломъ Джекомъ.-У Верховнаго. -Брошенная перчатка.-Маршрутъ.-Типы уральскихъ заводовъ.-Общее состояніе заводовъ лѣтомъ 1919 года.-Отступленіе отъ принципа.-Синдикатъ или регламентація.-Цѣны и будущее Урала.-По слѣдамъ иностранцевъ.-Рѣчь полковника Воорда.-Общія впечатлѣнія. 182

XVIII. Надежды и обѣщанія.-Омскій проектъ Государственнаго Совѣта.-Подводные камни.-Государственное Экономическое Совѣщаніе.-Особое мнѣніе.-Совѣщаніе въ заботахъ объ арміи.-Транспортъ.-Спекуляція.-Открытіе обновленнаго Совѣщанія.-Историческія параллели.-Экономика. -Политика.-Надежды.-Объединеніе власти.-Генералъ М. К. Дитерихсъ.-Заявленіе адмирала и обѣщанія союзниковъ. -Юбилей 1 іюля. 212

XIX. Рецепты спасенія.-Въ тридесятомъ государствѣ. -Печальныя новости.-Увольненіе генерала Хорвата.-Еще новость.-Свиданіе съ адмираломъ.-Делегація.-Пріѣздъ американскаго посла.-Планъ союзной помощи.-Результаты.-Всѣ 242

тѣ же.-Письмо съ фронта.-Подъемъ настроеній.-На Омскъ. -Настроеніе омской общественности.-Обновленіе кабинета. -Свиданіе съ Бѣлоруссовымъ.-Двѣ программы.

ЧАСТЬ III.

Катастрофа.

XX. Дружная работа.-О Совѣтѣ министровъ.-Работа Экономическаго Совѣщанія.-Чего не хватало.-Борьба за законность.-Нѣкоторые выводы.-Героическое средство.-Генералъ Головинъ. - Совмѣстное засѣданіе.-Результаты.-16 сентября. 277

XXI. Иронія судьбы.-Общее заблужденіе.-Сентябрьскія побѣды и предостереженія.-Дѣло о перебѣжчикѣ.-На фронтѣ.-У Деникина.-Предѣлы полномочій Деникина.-У Юденича.-Непосланная телеграмма.-Архангельское Правительство.-Всероссійскія имена.-Въ пользу диктатуры.-Парламентскія тенденціи.-Правительство и общество.-Г. А. Красновъ.-На пути къ парламенту.-Въ тылу безпокойно.-Адмиралъ и союзники.-Столкновенія съ американцами.-Покушеніе на русскій суверенитетъ.-Интервью о попыткахъ переворота. 302

XXII. Поѣздка въ Тобольскъ.-Около руля государственности.-Дорожныя впечатлѣнія.-Военный планъ.-По слѣдамъ красныхъ.-Впечатлѣнія на остановкахъ.-,,Освѣды". -Адмиралъ.-Практика усмиреній.-Наканунѣ возвращенія. -Опять въ Омскѣ. 343

XXIII. Послѣдняя ставка.-Атаманъ Анненковъ.-Надвигающіяся тучи.-Чехи или японцы.-Перемѣна оріентацій. -О признаніи.-Друзья.-С. Н. Третьяковъ.-Изъ общественныхъ настроеній.-Взбаламученное море.-На Востокѣ.-Выполненіе плана.-Денежный вопросъ.-На фронтѣ.-Эвакуація. -Послѣднія засѣданія въ Омскѣ.-Военный планъ.-Отъѣздъ. -Въ вагонахъ. 376

XXIV. Побѣждающій большевизмъ.-Красная армія. -Совѣтскій милитаризмъ.-Уставъ внутренней службы.-Красноармейскія привилегіи.-Централизмъ (совѣтская конституція).-Новая коммунистическая аристократія.-Спеціалисты. -Кооператоры.-Заботы о повышеніи производительности. -Коллегіальное управленіе.-Ставка на „середняка".-,,Внѣшнее" благообразіе.-Тайные разсчеты. 415

XXV. Въ Иркутскѣ.-Жалоба чеховъ.-Событія во Владивостокѣ.-Обращеніе Совѣта министровъ.-Интервью о за- 440

дачахъ власти.-Новый премьеръ.-Поѣздка въ Читу.-Верховное Совѣщаніе.-Обновленіе кабинета.-Однородное соціалистическое.-Интервью Третьякова.-Чешская оцѣнка иркутскихъ тенденцій.-Искусственная трибуна.-Событія на западѣ.-Освѣдомленіе адмирала.-Солидарный кабинетъ.

XXVI. Агонія власти.-Начало возстанія.-Совѣщаніе земцевъ.-Совѣтъ трехъ (троекторія).-Назначеніе Семенова главнокомандующимъ.-Министры-зрители.-Возстаніе въ Иркутскѣ.-Засиліе иностранцевъ.-Переговоры съ союзниками. Нейтралитетъ.-Выясненіе позиціи земцевъ.-Первое выступленіе въ городѣ.-Губернаторъ изъ каторжниковъ.-Правительство въ осадѣ.-Семеновцы пришли.-Переговоры о сдачѣ власти.-Жуткіе часы. 469

XXVII. Предательство.-Спѣшный отъѣздъ союзниковъ.-Изъ телеграммы Жанену.-Изъ письма Сыровому. -Торжество въ Иркутскѣ.-Какъ преданъ былъ адмиралъ Колчакъ.-Минуты сомнѣнія. 502

XXVIII. Уроки интервенціи.-Чехи о самихъ себѣ. -Самосохраненіе или борьба за славянство.-Чехи-герои.-Чехи и Сибирская Областная Дума.-Чехи ускоряютъ появленіе Директоріи.-Остывшая воинственность.-Генералъ Гайда. -Чехи въ тылу.-Послѣдній лучъ надежды.-Ноябрьскій меморандумъ.-Эвакуація или бѣгство.-Чехи во время возстанія въ Иркутскѣ.-Выдача адмирала.-Послѣдніе чешскіе эшелоны.-Итоги чешской интервенціи. 516

XXIX. Послѣ переворота.-Безсиліе соціалистическаго блока.-Мирные переговоры эсеровъ съ большевиками.-Американцы—друзья эсеровъ.-Ледяной походъ.-Большевики все тѣ же.-Письмо соціалистовъ-революціонеровъ.-Меньшевики и большевики.-Дальневосточная неурядица.-Паденіе омской власти и интересы союзниковъ.-Политическія перспективы. -Обреченные побѣдители. 536

Заключеніе.

Чему научилъ Омскъ.-Поворотный моментъ русской исторіи. 582

Перечень иллюстрацій.

ТОМЪ I.

1. Верховный Правитель адмиралъ А. В. Колчакъ.

Часть I.

страница
2. Манифестація въ честь большевиковъ во Владивостокѣ. . . . 19
3. Большевики торжествуютъ 23
4. Большевики ли они? 51
5. Военноплѣнные въ Сибири 61
6. Генералъ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ 65
7. Представители союзниковъ въ Омскѣ черезъ день послѣ сверженія большевиковъ (фот. Дивишъ, Харбинъ) 91
8. Братская могила 99
9. Предсѣдатель Совѣта министровъ П. В. Вологодскій 103
10. Министръ юстиціи Г. Б. Патушинскій 109
11. Министръ финансовъ И. А. Михайловъ 113
12. Министръ снабженія И. И. Серебренниковъ 117
13. Чешскій съѣздъ въ Омскѣ въ іюлѣ 1918 г. 129
14. Министръ народнаго просвѣщенія В. В. Сапожниковъ 137
15. Министръ труда Л. И. Шумиловскій 141
16. Министръ торговли и промышленности П. П. Гудковъ 145
17. Министръ земледѣлія Н. И. Петровъ 153
18. Министръ продовольствія Н. С. Зефировъ 157
19. Управляющій дѣлами правительства Г. К. Гинсъ 163
20. Управляющій министерствомъ путей сообщенія Г. М. Степаненко 167
21. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Граціановъ . . 171
22. Сибирское Правительство (группа) 175
23. Сибирская Областная Дума 187
24. Генералъ Гайда со штабомъ (фот. Дивишъ) 223
25. Е. Н. Брешко-Брешковская (тоже) 237
26. Уфимское Совѣщаніе 243
27. Генералъ Д. Л. Хорватъ (тоже) 249
28. Предсѣдатель Директоріи Н. Д. Авксентьевъ 257
29. Похороны жертвъ большевиковъ (фот. Дивишъ) 299
30. Адмиралъ Колчакъ (тоже) 313

ТОМЪ II.

Часть II.

31. Атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска Дутовъ (фот. Саковичъ, Харбинъ) 9
32. Атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Ивановъ-Риновъ (тоже) . 27
33. Атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска Семеновъ (тоже) . . 39
34. Канадцы въ Омскѣ (фот. Дивишъ) 55
35. Встрѣча французскаго посла Реньо (тоже) 73
36. Генералъ Муто и генералъ Розановъ (тоже) 81
37. Адмиралъ Колчакъ, генералъ Жаненъ, графъ де-Мартель, Б. И. Павлу на парадѣ въ Омскѣ (тоже) 91
38. Генералъ А. Н. Пепеляевъ (фот. Саковичъ) 101
39. Смотръ войскамъ въ Екатеринбургѣ во время пріѣзда адмирала Колчака (фот. Амер. Красн. Креста) 107
40. Крестьяне подносятъ хлѣбъ-соль Правителю (фот. Дивишъ) . . 115
41. Банкетъ съ участіемъ генерала Нокса, адмирала Танака и графа де-Мартеля (тоже) 129
42. Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Гаттенбергеръ 145
43. Смотръ казакамъ (фот. Дивишъ) 159
44. Адмиралъ Колчакъ вручаетъ знамя (тоже) 165
45. Золотой запасъ въ Омскѣ (тоже) 171
46. Группа иностранныхъ представителей, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ И. А. Михайловымъ и тов. министра Сукинымъ, при осмотрѣ золотого запаса 179
47. Комната Ипатьевскаго дома, гдѣ убита царская семья (фот. Амер. Кр. Креста) 193
48. Мѣсто послѣдняго упокоенія царской семьи (тоже) 207
49. Озеро Боровое въ Акмолинской области (фот. Дивишъ) . . . 227
50. Генералъ М. К. Дитерихсъ (фот. Саковичъ) 235
51. Сфинксъ-камень на Боровомъ озерѣ (фот. Дивишъ) 243
52. Видъ казачьей станицы въ Акмолинской области (тоже) . . . 259
53. Казачій кругъ въ Омскѣ осенью 1919 года 263
54. Взрывъ складовъ при отступленіи отъ Перми (фот. Америк. Кр. Креста) 267

Часть III.

55. Бѣженцы (фот. Дивишъ) 285
56. Всенародное молебствіе въ Омскѣ (тоже) 297
57. Генералъ Гревсъ и атаманъ Семеновъ (фот. Амер. Кр. Креста) 309
58. Американцы въ Забайкальѣ 333
59. Русскія войска во Владивостокѣ 337
60. Пристань въ Омскѣ 351
61. Сельско-хозяйственное училище въ Омскѣ 373
62. Генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ Гаррисъ . . . 381

63. Донской казакъ-офицеръ Карцевъ 405
64. Американскіе питомцы изъ бѣженскихъ дѣтей 421
65. Общій видъ сибирскихъ станцій въ декабрѣ 1919 года 433
66. Предсѣдатель Совѣта министровъ В. Н. Пепеляевъ 451
67. Генералъ Сыровой 505
68. Взорванный мостъ у Нижнеудинска въ мартѣ 1920 г. 539
69. Ледяной походъ 547
70. Генералъ Каппель съ чинами своего штаба 551
71. Ледяной походъ (второй снимокъ) 555
72. Ген. Каппель въ гробу 571
73. Могила ген. Каппеля въ Читѣ 575

Siberia, Allies and Kôltchak.
1918—1920.

SUMMARY.

INTRODUCTION-Admiral Koltchak, his early life, political ideals and the fate of his aims.

FIRST PART.

The Siberian Government.

Chap. I. BOLSHEVISM IN THE BEGINNING OF 1918.

Bolsheviks and Mensheviks.—Bolsheviks and Police —The Bolsheviks and Germany.—Bolsheviks catch the Russian intelligence unprepared.—The Bolshevik Commissaries.—The Tribunal of the People.—Soviet of Public Economy.—Relations with Peasantry.—No Church bells allowed.—Food supply campaigns.—„Landownership Decree". Results of Decree.—Bolshevism and the Siberian Peasants.—Old inhabitants and new settlers.—Bolshevism in towns.—Town Plebeans.—Decrees relative to inheritance and family life.—Socialism under the rod.—Campaigns against the Church.—The Peace of Brest.—Dostoewsky's „Devils".—The Bolsheviks as destroyers.—Great Britain and America await their turn.—Bolshevism and Communism (Psychology of the Russian Revolution).

Chap. II. ANTIBOLSHEVIKS AND THEIR SECRET ORGANIZATIONS.

How the Bolsheviks „stole" the Social Revolutionaries's program.—The Socialists in the Antibolshevik camp.—Enemies on all sides.—The detested wealthy peasants.—Frame of mind of the Siberian peasantry.—Enemies among workers.—Work in the Urals Metallurgical works.—The middle classes.—Centre of the Antibolshevik action.—Activity of the Social Revolutionaries and Cooperation.—Chances of the Bolsheviks

in the spring of 1918.—The Red Army.—Unexpected enemies.—Russian military forces.—The White-green flag.—Conditions of Success; Rapidity, Unanimity, Fidelity.

Chap. III. THE GOVERNMENT OF INDEPENDENT SIBERIA.

Siberian separatism.—Convocation of National representation.—Siberian Duma.—The public's attitude towards the Duma.—Siberian Provincial Council and its activity.—G. Potanin.—P. Derber.—January session of the Duma.—Election of the Siberian Government.—Results of the „Election".—Dissolution of the Duma by the Bolsheviks.—Declaration of the Siberian Duma.—The Siberian government moves to the Far East.—Political centers of the Russian Far East.—The Allies.—Ataman Semionoff.

Chap. IV. THE COMMISSARIAT OF THE SIBERIAN GOVERNMENT IN OMSK.

Declaration of the new Power.—Formation of central government offices.—Personal.—Duplicity of Commissariat's policy.—The idea of the Administrative Council.—Letter of the Omsk Social Revolutionaries' Committee.—Reasons for the dismissal of the Commissariat.—Its merits.—Coup d'etat or succession.

Chap. V. WOLOGODSKY AND HIS GOVERNMENT.

Policy of the Omsk government.—P. Wologodsky.—W. Kroutowsky.—G. Patoushinsky.—J. Mihailoff.—J. Serebrennikoff.—B. Shatilloff.—General characterization.—The first declarations.—The internal policy.—Proclamation of Siberian independence.—Question of convocation of Duma.—Protest against the convocation.—Struggle for power.—Government reigns but does not govern.—Economic policy.—The Siberian Army.

Chap. VI. PLURALITY OF INDEPENDENT GOVERNMENTS AND THE OMSK HEHEMONY.

Committee of the Constituent Assembly.—The first conference in Cheliabinsk.—The Urals government.—Friendship between Siberia and the Urals.—The western frontiers of independent Siberia.—Samara begins campaign.—A Social

Revolutionary Statesman.—Iakousheff mobilizes the Duma members.—Conflicts between Omsk and Samara governments.—Negotiations in connection with opening of Duma.—On the eve of the opening.—An immature Parliament.—Omsk government's declaration in the Duma.—The fundamental idea of the moment.—The menace from the East.—The close of the session. —The Question of a delegation to Cheliabinsk.—A law for appointment of new members to the Duma.—Residence of the Government.—The break up of the session

Chap. VII. THE UFA CONFERENCE.

At five o'clock tea.—An interview with Awksentieff.—The second conference iu Cheliabinsk.—Delegation from the Social Revolutionaries to Wologodsky.—The Administrative Council.—Some characteristics.—Pro domo sua.—Dismissal of Grishin - Almasoff.—Extension of Administrative Council's Authority.—The last night of Grishin's power.—Iwanoff-Rinoff's first steps.—Minister Patoushinsky's resignation.—Renewal of the Duma session.—Delegation to Ufa.—Seniors' Council in the Ufa conference.—Declarations of the various governments and political parties.—The piquant contradiction.—Wologodsky's mission to the East.—The secret instructions to Ufa.—A stop in Irkutsk.—Czechs heroes.—Decision of Massarik and of the Allies.—Czechs request organization of All-Russian Government.—Our meeting with Semionoff.—The Japanese.—Complications in the Far Eastern situation.—Duma „supports" the Siberian government.

Chap. VIII. THE UFA CONFERENCE. (CONTINUED.)

Development of the work in Ufa.—Wologodsky in Vladivostok.—A brief review of the activity of Derber's government in the Far East.—General Gaida.—Events in Omsk.—The attempts at a coup d'état with the aid of the Czechs. —An unfortunate victim.—A compromise Directory.—The twenty third of September.—Decision of the Siberian government's fate.—Iakausheff in Canossa.—General Horvat.—Completion of Wologodsky's mission in the Far East.

Chap. IX. THE DIRECTORY AND ITS EMBARRASSEMENTS.

N. Awksentieff.—General W. Boldireff.—W. Winogradoff.—W. Sensinoff.—The first steps of the new government.—

The call for officials.—The seat of the new government.—The Authority—a phantom.—Activity of the Administrative Council.—W. Sensinoff's diary.—Wologodsky's return.—Formation of the Council of Ministers.—For or against federalism (provincial independence)?—Siberian Government's conditions.—An invited guard.—The question of the ministerial portfolios.—A secret conference.—The Omsk Block.—Legend about Koltchak and Nox.—The compromise.—Documents of Samara.—An epitaph.—The last rulings.—The transfer of power.—The sitting of November the fifth.—A banquet.

Chap. X. OVERTHROW OF THE DIRECTORY.

Political program of the industrial class.—The fundamental idea the military dictatorship.—Defects of the Directory.—Program of the Council of ministers.—The abolition of the Siberian Duma.—The Judgement of Potanin.—Merits of the Directory.—The interview with Awksentieff.—Czechs promise aid „to the end".—Appeal to the U. S. A. — General Janin's beautiful promises.—The reality.—Decree of the Socialist Leader Chernoff.—An urgent telegram.—Sensinoff's presentiment.—November the eighteenth.—Wologodsky remains.—The construction of the authority.—Reasons for the overthrow.—Inevitability of the decision.—The fault of the Directory.—Documents of the coup d'ètat.—Koltchak undertakes to bear the „Cross of Power".

SECOND PART.

The Supreme Ruler.

Chap. XI. THE FIRST DAYS OF KOLTCHAK'S POWER.

Attitude of the Siberian public towards the overthrow.—The protest of the Social Revolutionaries.—The reaction of the Czechs.—Semionoff's protest.—Attitude of Atamans Dutoff and Annenkoff.—Pacification of the Fronda.—Zemstvos become revolutionary nests.—A disagreement with the East.—The lawsuit of Wolkoff, Krasilnikoff and Katanaeff.—Plundering of treasure by the Social Revolutionaries.—Collaborators of the Right Side.—Omsk and its public.—The now persons.—The extraordinary Economic Council.—The Council of Ministers.—The Council of the Supreme Ruler.—Were politics ne-

cessary?—G. Telberg.—The conversation of Admiral Koltchak with the representatives of the Press.—The Omsk Block.—The incident with Semionoff.—Decree № 61.—A sad symptom.

Chap. XII. INTERVENTION.

The unfortunate episodes of the beginning.—Allied diplomats.—The American initiative and the aims of the intervention.—Declarations of Great Britain and France.—Negotiations in Vladivostok.—Opinion of Ivanoff-Rinoff.—W. Graves.—Motives of the Allied policy.—U. S. A. and Japan.—Conversation with an experienced diplomat.—Military and Civil Ambassadors.—The end of the World War.--Merits of Russia and the obligations of the Allies.-The U. S. A. acts.—The future Russia and her rights.

Chap. XIII. INTERVENTION (CONTINUED).

A practical policy.—The question of Russian representation at the Peace Conference.—Awksentieff's interview.—The resignation of Minister Clutchnikoff.—Democratic aims.—Leaning toward Japan.—General Janin.—„Those who perspired". —The guarding of the Railway.—Reestablishment of transportation.—The acknowledgement? The Principo Islands.—Meaning of the Allied decision.—„On the Way of Honor."

Chap. XIV. SUCCESSES.

Uprising in Omsk.—Admiral Koltchak ill.—The Pierm victory.—General Pepeliaeff.—Political successes.—Friends.—New Year declaration.—The departure of the Social Revolutionaries.—The red political sky.—Reaction.—The internal policy.—Senate and Justice.—The economic policy.—Finances.—The offended ones.—Care for Labourers.—Work for Civilization.—Public support.—The Admiral's triumph.—A sad incident.—Great Victories.—Decision of the Omsk block.—Semionoff's subjection or Japan's game.

Chap. XV. BEHIND THE SCENES.

Militarization.—Conferences.—The passive Premier.—Mihailoff's group.—A Cabinet's crisis.—„A Mountain out of Mole Hill".—Typical conflicts.—Conversation with block representatives.—A proposal of Wologodsky.—War industry's committee.—Assistant of the Premier.—The Block.—Minister of Labor asks to resign.—A trip deferred.

Chap. XVI. ON AN ALL-RUSSIAN SCALE.

Agrarian legislation.—Destiny of the landownership.—From a diary.—Finances.—Without changing clothes.—The Constituent Assembly.—A Minister without a portfolio.—Internal affairs.—General Stepanoff.—W. Pepeliaeff.—A Ministerial crisis.—Again about the Premier.—The new Cabinet.—Lebedieff, War Minister.—Law and order.—Public support.—Compliments of the Allies.—The U. S. A. in the Far East.—Declaration of the Five Powers.

Chap. XVII. THE URALS AND ITS INDUSTRY IN THE SUMMER OF 1919.

A letter from a governor.—The first impressions.—On the eve of the industrial congress.—The Congress.—Conversation with former governor.—A visit of Kalashnikoff, future chief of the Revolutionary army—With Gaida.—Meeting with General Yeck.—With the Admiral.—A glove fling.—Itinerary.—Types of Ural works.—The general state of the works.—Retreat from the liberal principle.—Syndicates or state regulations.—Prices and the future of the Urals.—On the track of the foreigners.—Woord's harangue.—General impressions.—

Chap. XVIII. HOPES AND PROMISES.

A project of the State Council.—Impediments.—The Economic Council.—The particular opinion.—Needs of the army.-Transportation.—Speculation.—Opening of the renewed Council.—Some historical parallels.—Economy.—Policy.—Expectations.—Unification of the Authority.—General Diterichs.—Declaration of the Admiral and the Allied promises.—Jubilee of July the 1-st.

Chap. XIX. RECEIPTS FOR SALVATION.

In the country.—Sad news.—Resignation of General Horvat.—News again.—An audience with the Admiral.—Arrival of the American Ambassador.—Plan for Allied Assistance.—Results.—Always the same.—A letter from the front.—A rise of spirits.—Against Omsk.—The frame of mind of the Omsk public.—Renewing of the Cabinet.—Meeting with Belorussoff.—Two programs.

THIRD PART.

The Catastrophe.

Chap. XX. UNITED EFFORT.

About the Council of Ministers.—Work of the Economic Council.—What was needed?—Struggling for Justice.—Some deductions.— The lost remedy.—General Golovin.—The Joint Conference.—Results.—September the Sixteenth.

Chap. XXI. THE IRONY OF FATE.

A General Error.—September's victories and General Diterichs' warning.—The case of a deserter—At the front.—Denikin.—Limits of Denikin's authority.—Yudenitch.—A telegram which was never sent.—The Archangel government.—All-Russian names.—In favor of the dictatorship.—Constitutional tendencies.—Government and Public.—G. Krasnoff.—Toward Parliament.—Trouble in the rear.—The Admiral does not believe the Allies.—Collisions with the American Chiefs.—Attempt against Russian Sovereignity.—Interview about attempts at coup d'état.—

Chap. XXII. A TRIP WITH KOLTCHAK TO TOBOLSK.

On deck and in the Admiral's cabin.—Impressions.—A military plan.—Tobolsk.—At stopping places.—Bureaux of information.—The Admiral.—Practice of pacification.—On the eve of the return.—Again in Omsk.

Chap. XXIII. THE LAST STAKE.

Ataman Annenkoff.—Clouds approach.—Czechs of Japanese?—Agitation for Germany.—About acknowledgement.—Friends.—S. Tretiakoff.—Public excitement.—In the East.—Execution of political plan.—The money question.—Worse at the front.—Evacuation.—Last government meetings in Omsk.—New military plan.—Departure for Irkutsk.—In the ministerial train.

Chap. XXIV. VICTORIOUS BOLSHEVISM.

The Red Army.—Soviet militarism.—Martial law.—Red Soldiers' privileges.—Centralism (Soviet—Constitution).—New

communistic aristocracy.—Specialists.—Cooperative societies.—Care for productivity.—Collegiate administration.—Bolsheviks turn to well-to-do peasants.—External good-appearances of Bolshevism.—Secret calculations.

Chap. XXV. AT IRKUTSK.

Czechs' lamentations.—Vladivostok events.—Declaration of the government.—Interview to aims of the Authority.—Premier.—A trip to Chita.—The Supreme Conference.—Renewing of the Cabinet.—Project for a homogeneous Socialistic government.—An interview with Tretiakoff.—Czechs' attitude toward the Irkutsk Revolutionaries' aims.—An artificial tribune.—Events in the West.—Information for the Admiral.—Solidarity of Ministers.

Chap. XXVI. ADMIRAL KOLTCHAK'S FALL.

Beginning of the uprising.—Zemstvo conference.—The Council of Three.—Semionoff as Commander-in-Chief.—Ministers as spectators only.—The Irkutsk revolt.—All power in foreign hands.—Negotiations with the Allies about their neutrality.—Position of Zemstvo.—The first attempts in the city.—A convict governor besieged.—Semionoff's troops come.—Negotiatons for surrender.—Painful hours.—All finished.

Chap. XXVII. TREACHERY.

The hasty departure of the Allies.—A telegram to General Janin.—A letter to General Sirovoi.—A feast in Irkutsk.—How Admiral Koltchak was betrayed.—Moments of doubt.

Chap. XXVIII. THE RESULTS OF ALLIED INTERVENTION. (Czechs campaign in Siberia)

The Czechs about themselves.—Ideal motives or self defense?—The Czech heroes.—The Czechs meddling with Russian politics.—The Czechs' assistance in creating the Directory.—Martial spirit cooled.—General Gaida.—The Czechs as railway guards.—Last ray of hope.—The November memorandum.—Evacuation or flight?—The Czechs in the Irkutsk revolt.—Delivery of Admiral Koltchak.—The last Czech eshelons.—Result of Czech intervention.

Chap. XXIX. AFTER THE FALL.

The weakness of the Socialist block.—Negotiations with Bosheviks for Buffer State.—How the Social Revolutionaries understood America's policy.—Siberian winter campaign of Kappel troops. —Bolsheviks remain the same.—Disappointment of Social Revolutionaries.—Their letter from Soviet Russia.—Resolution of the Mensheviks.—The Far East in disarray.—The interests of the Allies.—Internal problems and tendencies.—The doomed victors.

CONCLUSION.

What did the Omsk history teach? A turning Point of the Russian History.

End.

Содержаніе перваго тома.

Предисловіе.

ЧАСТЬ I.

Сибирское Правительство.

Глава I. Большевизмъ въ началѣ 1918 года.
Глава II. Антибольшевизмъ и его подпольная работа.
Глава III. Сибирское Правительство.
Глава IV. Западно-Сибирскій Комиссаріатъ.
Глава V. Совѣтъ министровъ Сибирскаго Правительства.
Глава VI. Періодъ многовластія и гегемонія Омска.
Глава VII. На пути къ объединенію власти.
Глава VIII. Уфимское Совѣщаніе.
Глава IX. Директорія.
Глава X. Переворотъ 18 ноября.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Напечатано:	страница	строка	Слѣдуетъ читать:
перыхъ	17	10 снизу	первыхъ
Глава VIII	302	—	Глава XXI
избѣжать кандидатуръ	453	9 сверху	избѣжать обсужденія кандидатуръ

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Дѣйствующее водное право Туркестана и будущій водный законъ. С. П. Б., 1910 г. Стр. 75 съ 13 иллюстр. Изд. Перес. Упр.

Основныя начала проекта воднаго закона для Туркестана (съ приложеніемъ проекта въ редакціи междувѣдомственной комиссіи). С. П. Б. 1912 г. Стр. 75. Складъ изд. въ книжномъ юридическомъ магазинѣ „Право".

Особенности личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ-переселенцевъ. С. П. Б. 1912 г. Оттискъ изъ Журн. мин. юстиціи 1912 г. № 2.

Переселеніе и колонизація. Вып. I-й. СПБ., 1913 г. Вып. II-й, 1913 г.

Сельско-хозяйственное вѣдомство за 75 лѣтъ его дѣятельности. (Составилъ *Г. К. Гинсъ и П. А. Шафрановъ*). Изд. 1914 г.

Способы обезпеченія обязательствъ. ПТГ. 1917 г.

Старые русскіе цивилисты. ПТГ. 1917 г.

Узаконенія и распоряженія по продовольственному дѣлу за 1914-1917 г. г. (Систематическій сборникъ съ объяснительными очерками, комментаріями и указателями). Изд. министерства продовольствія.

Продовольственное законодательство (Организація народнаго хозяйства во время войны). Изданіе министерства продовольствія Временнаго Сибирскаго Правительства. Омскъ 1918 г.

Складъ изданія въ Харбинѣ.

Школьная секція Общества Возрожденія Россіи.

Коммерческое училище.